# УТРО,

## ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

## СБОРНИКЪ.

МОСКВА.
Въ типографіяхъ Бахметева, на малой Дмитровкѣ № 14,
Бочарова, Степанова и Миллера.
1866.

БИБЛІОТЕКА
Историко-литературн. и Юридическихъ
Высшихъ Женскихъ Курсовъ
Н. П. РАЕВА.
...кафъ X1
...лка 5
... 33
...в. 79
...дъ 910—11.
4° Per. 83 0 (1

# УТРО,

## ЛИТТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

## СБОРНИКЪ,

—

ИЗДАВАЕМЫЙ

М. Погодинымъ.

МОСКВА.
Въ типографіи Л. П. Степановой
на Малой Молчановкѣ N 4-й.
1866.

27193

Bayerische
Staatsbibliothek
München

FgT|77|4275

# ДѢТСТВО, ВОСПИТАНІЕ

и

# ПЕРВЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОПЫТЫ КАРАМЗИНА.

---

Николай Михайловичъ Карамзинъ, по его словамъ, въ автобіографической запискѣ для Митрополита Евгенія, родился въ 1766 году, Декабря 1-го числа, въ Симбирской губерніи.

Меньшой братъ его, Александръ Михайловичъ, утверждалъ, напротивъ, что онъ родился въ селѣ Михайловкѣ, Преображенское тожъ, нынѣшней Самарской, прежде Оренбургской губерніи, Бузулукскаго уѣзда, во время случайнаго пребыванія тамъ отца съ семействомъ, которое обыкновенно жило около Симбирска.

Наталья Ивановна Дмитріева разсказывала также, что отецъ ея, Иванъ Гавриловичъ, смѣялся надъ племянникомъ своимъ, Александромъ Михайловичемъ: братья твои родились между Башкирами, и бѣлы лицемъ, особенно Николай, и никто не похожъ на Башкира, а ты родился подъ Симбирскомъ, и черенъ какъ Азіатецъ.

Такъ свидѣтельствовала еще помѣщица Караулова, скончавшаяся недавно въ преклонныхъ лѣтахъ, сосѣдка и знакомая Карамзиныхъ, въ нынѣшней Самарской губерніи, по увѣренію г. Ивлентьева, который помѣстилъ свою замѣтку о рожденіи Карамзина въ Симбирскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ.

Есть другое мнѣніе и о годѣ рожденія, 1765, основанное на словахъ И. И. Дмитріева и показаніяхъ родственниковъ. Притомъ онъ самъ въ письмѣ изъ Женевы Декабря 1, 1789 года, говорилъ, что ему исполнилось тогда 24 года, изъ чего должно

было заключать, что онъ родился въ 1765 году. Это показаніе впрочемъ было имъ исправлено впослѣдствіи при новыхъ изданіяхъ. Соображенія въ пользу 1765 года читатели найдутъ въ приложеніяхъ къ этой статьѣ.

Родъ Симбирскихъ дворянъ Карамзиныхъ происходитъ отъ Татарскаго мурзы, по имени Кара-Мурза ([2]), который при царяхъ поступилъ на службу Москвы, принялъ св. крещеніе, и получилъ земли въ Нижегородской губерніи, подобно многимъ другимъ выходцамъ, сдѣлавшимся родоначальниками дворянскихъ Русскихъ фамилій ([3]).

Отецъ Карамзина Михаилъ Егоровичъ — человѣкъ очень добрый, простой, служилъ въ молодости, въ Оренбургѣ, при Неплюевѣ, въ легкомъ полевомъ баталіонѣ, уволенъ капитаномъ и пожалованъ былъ впослѣдствіи, на ровнѣ съ прочими офицерами, землею въ Оренбургской, нынѣ Самарской губерніи. Онъ устроилъ тамъ особую усадьбу, куда часто пріѣзжалъ изъ Симбирска хозяйничать и охотиться. Онъ женатъ былъ два раза. Отъ перваго брака родился Николай Михайловичъ, второй сынъ.

Крестнымъ отцемъ его былъ сосѣдъ, помѣщикъ Кудрявцевъ ([4]).

Мать его, изъ рода Пазухиныхъ, Екатерина Петровна, скончалась во время его младенчества. Воспоминаніе объ ней сохранилось въ слѣдующихъ стихахъ Карамзина:

Ахъ! я не зналъ тебя!... ты, давъ мнѣ жизнь, сокрылась!
Среди весеннихъ ясныхъ дней
Въ жилище мрака преселилась!
Я въ первый жизни часъ наказанъ былъ судьбой!
Не могъ тебя ласкать, ласкаемъ быть тобой!
Другіе на колѣняхъ
Любезныхъ матерей въ веселіи цвѣли,
А я въ печальныхъ тѣняхъ
Рѣкою слезы лилъ на мохъ сырой земли,
На мохъ твоей могилы!...
Но образъ твой священный, милый
Въ груди моей напечатлѣнъ,
И съ чувствомъ въ ней соединенъ!
*Твой тихій нравъ остался мнѣ въ наслѣдство* (*).

---

(*) Въ посланіи къ женщинамъ, 1793 г.

Извѣстіемъ о младенцѣ Карамзинѣ мы обязаны другу его, знаменитому нашему поэту, Ивану Ивановичу Дмитріеву:

«Въ 1770 году,» говоритъ онъ, «въ провинціальномъ городѣ Симбирскѣ, старшій братъ мой и я, десятилѣтній отрокъ, находились на свадебномъ пиру подъ руководствомъ нашего учителя г. Манженя. Въ толпѣ пирующихъ увидѣлъ я въ первый разъ пятилѣтняго мальчика въ шелковомъ перувьеневомъ камзольчикѣ съ рукавами, котораго русская нянюшка подводила за руку къ новобрачной и окружавшимъ ее барынямъ. Это былъ будущій нашъ Исторіографъ Карамзинъ. Отецъ его, Симбирскій помѣщикъ, отставной Капитанъ Михаилъ Егоровичъ, соединился тогда вторымъ бракомъ съ родною сестрою моего родителя, воспитанною по ея сиротству въ нашемъ семействѣ.»

«Въ отрочествѣ своемъ, Карамзинъ былъ обучаемъ Нѣмецкому языку тамошнимъ пятидесятилѣтнимъ врачемъ изъ Нѣмцевъ, котораго прозвище я позабылъ, но очень помню его привлекательную, не смотря на спинный горбъ, физіогномію; онъ говорилъ тихо; въ глазахъ и на устахъ его сіяла кротость и человѣколюбіе. Я узналъ и полюбилъ его, по случаю болѣзни младшаго моего брата, еще младенца, который отъ оспы на нѣсколько дней потерялъ зрѣніе. Добрый старикъ думалъ утѣшать его, привозя къ нему разные дѣтскіе гостинцы; но эти вещи лишь больше раздражали больнаго, потому что не могъ ихъ видѣть. Тогда онъ обратился къ другому средству: перевезъ къ намъ маленькой свой клавесинъ, и въ каждое посѣщеніе игралъ на немъ по одной штучкѣ передъ кроватью младенца, желая тѣмъ сколько нибудь развлекать его и успокоивать.»

Таковъ былъ тотъ добрый наставникъ, которому довелось имѣть первое нравственное вліяніе на своего воспитанника, будущаго славнаго писателя.

Богатая, разнообразная природа Волжская, вѣроятно, подѣйствовала очень рано на развитіе способностей даровитаго дитяти.

Въ стихотвореніи къ Волгѣ Карамзинъ говоритъ:

Дерзну ли я на слабой лирѣ
Тебя, о Волга! величать,
. . . . . . . . . . .

Гдѣ въ первый разъ открылъ я взоръ,
Небеснымъ свѣтомъ озарился,
И чувствомъ жизни насладился;
Гдѣ птичекъ нѣжныхъ громкій хоръ
Воспѣлъ рожденіе младенца;
Гдѣ я природу полюбилъ, —
Ей первенца души и сердца,
Слезу, улыбку посвятилъ,
И росъ въ веселіи невинномъ,
Какъ юный миртъ въ лѣсу пустынномъ.

Карамзинъ воспитывался въ деревнѣ. Повторимъ здѣсь слова Князя Вяземскаго о воспитаніи того времени, въ сочиненіи его о Фонъ Визинѣ: «Тогдашнее воспитаніе, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, имѣло и хорошую сторону: ребенокъ долѣе оставался на русскихъ рукахъ, былъ окруженъ русскою атмосферою, въ которой ранѣе знакомился съ языкомъ и обычаями русскими. Европейское воспитаніе, которое уже въ возмужаломъ возрастѣ довершало воспитаніе домашнее, исправляло предразсудки, просвѣщало умъ, но не искореняло первоначальныхъ впечатлѣній, которыя были преимущественно отечественныя.....» «Болѣе домосѣдства въ жизни родителей, болѣе приверженности къ исправленію частныхъ обязанностей и соблюденію обрядовъ Русскаго Православія, можетъ быть менѣе суетности, но въ семейственномъ кругу болѣе живаго участія въ дѣлахъ общественныхъ, и между тѣмъ, болѣе независимости въ нравахъ, способствовали тогда къ нѣкоторому практическому гражданскому воспитанію; оно имѣло свои недостатки, и весьма важные, но, какъ замѣчено выше, имѣло въ себѣ что то положительное, дѣйствовавшее въ народномъ смыслѣ.»

Очень рано началъ Карамзинъ читать, — и первыми книгами его были, кажется, романы, которые немедленно и оказали свое дѣйствіе, возбуждая воображеніе.

Описывая одинъ вечеръ, (въ Женевѣ), проведенный за городомъ подъ открытымъ небомъ, онъ говоритъ:

«Темнота сгущалась; вѣтеръ усиливался и шумѣлъ ужасно между деревами; облака неслись быстро, натекли на городъ, и

пошелъ дождь. Обративъ глаза на долину, вдругъ увидѣлъ я множество огней, которые въ темнотѣ представляли романическое зрѣлище. Мнѣ казалось, что я вижу тамъ замки благодѣтельныхъ Фей — и всѣ сказки, которыя воспаляли младенческое мое воображеніе, и дѣлали меня въ ребячествѣ маленькимъ Донъ-Кишотомъ, оживились въ моей помяти. Между прочими тогдашними подвигами моими вспомнилъ я одинъ вечеръ, сумрачный и бурный, въ который, ощутивъ вдохновеніе божественныхъ Фей, укрался я отъ своего, впрочемъ весьма бдительнаго, дядьки, забрался въ ту горницу, гдѣ хранились разныя оружія, покрытыя почтенною ржавчиною — схватилъ саблю, которая пришлась мнѣ по рукѣ, и заткнувъ ее за кушакъ тулупа своего, отправился на гумно искать приключеній, и противиться силѣ злыхъ волшебниковъ; но чувствуя въ себѣ на каждомъ шагу умноженіе страха, махнулъ саблею нѣсколько разъ по черному воздуху, и благополучно возвратился въ свою комнату, думая, что подвигъ мой былъ довольно важенъ. Лѣта младенчества! кто помышляетъ объ васъ безъ удовольствія? И чѣмъ старѣе мы становимся, тѣмъ пріятнѣе вы намъ кажетесь.»

Въ другомъ мѣстѣ онъ свидѣтельствуетъ о томъ же романическомъ расположеніи:

«Мнѣ было 8 или 9 лѣтъ отъ роду, когда я въ первый разъ читалъ Римскую (исторію), и воображая себя маленькимъ Сципіопомъ, высоко поднималъ голову. Съ того времени люблю его какъ своего героя. Аннибала я ненавидѣлъ въ счастливыя времена славы его, но въ рѣшительный день, передъ стѣнами Карѳагенскими, сердце мое едва ли не ему желало побѣды. Когда всѣ лавры на головѣ его увяли и засохли; когда онъ, укрываясь отъ злобы мстительныхъ Римлянъ, скитался изъ земли въ землю: тогда я былъ нѣжнымъ другомъ хотя несчастнаго, но великаго Аннибала, и врагомъ жестокихъ республиканцевъ.»

Чувствительность, соединенная съ человѣколюбіемъ, даръ благой природы — обнаружилась и развилась въ немъ очень рано, оставаясь отличительнымъ его свойствомъ на всю жизнь, до самой кончины.

«По сіе время,» говоритъ онъ, въ статейкѣ, напечатанной въ Московскомъ Журналѣ подъ заглавіемъ: Фролъ Силинъ «не могу я безъ сердечнаго содроганія вспомнить того страш-

наго года, который живетъ въ памяти у Низовыхъ жителей подъ именемъ голоднаго; того лѣта, въ которое отъ долговременной засухи пожелтѣвшія поля орошаемы были одними слезами горестныхъ поселянъ; той осени, въ которую вмѣсто обыкновенныхъ веселыхъ пѣсенъ раздавались въ селахъ стенанія и вопль отчаянныхъ, видящихъ пустоту въ гумнахъ и житницахъ своихъ; и той зимы, въ которую цѣлыя семейства, оставя домы свои, просили милостыни на дорогахъ, и не смотря на вьюги и морозы, цѣлые дни и ночи подъ открытымъ небомъ на снѣгу проводили. Щадя чувствительное сердце моего читателя, не хочу описывать ему ужасныхъ сценъ сего времени. Я жилъ тогда въ деревнѣ, близь Симбирска; былъ еще ребенкомъ, но умѣлъ уже чувствовать какъ большой человѣкъ, и страдалъ, видя страданія моихъ ближнихъ.»

Изъ числа книгъ, читанныхъ имъ въ дѣтствѣ, осталась у него въ памяти Книга Языкъ, переведенная Сергѣемъ Волчковымъ, по страшно тяжелому слогу.

Присоединимъ къ этимъ воспоминаніямъ черты, переданныя въ повѣсти» Рыцарь нашего времени,» о которой самъ Карамзинъ объяснился въ примѣчаніи къ IX—XIII главамъ: «сей романъ основанъ на воспоминаніяхъ молодости, которыми авторъ занимался во время душевной и тѣлесной болѣзни (*). Это говорилъ онъ и въ кругу своего семейства. Тоже свидѣтельствовалъ И. И. Дмитріевъ, который долженъ былъ знать это по всѣмъ отношеніямъ, и не сталъ бы утверждать безъ основанія. Впрочемъ, даже безъ этихъ показаній, нельзя не примѣтить на разсказѣ печати истины. Карамзинъ описываетъ свое дѣтство въ слѣдующихъ словахъ, совершенно согласныхъ съ вышеприведенными извѣстіями.

«Первая свѣтская книга, которую маленькій герой нашъ, читая и читая, наизустъ вытвердилъ, была Езоповы басни. Скоро отдали Леону ключъ отъ желтаго шкафа, въ которомъ хранилась библіотека покойной его матери, и гдѣ на двухъ полкахъ стояли романы, а на третьей нѣсколько духовныхъ книгъ: важная эпоха въ образованіи его ума и сердца! Даира, восточная повѣсть, Селимъ и Дамассина, Мирамондъ, исторіи Лорда N (6)

---

(*) см. Вѣстникъ Европы 1803 г. N 14.

все было прочтено въ одно лѣто, съ такимъ любопытствомъ, съ такимъ живымъ удовольствіемъ». . . . .

«Но чѣмъ же романы плѣняли его? Не ужели картина любви имѣла столько прелестей для восьми или девятилѣтняго мальчика, чтобы онъ могъ забывать веселыя игры своего возраста, и цѣлый день просиживать на одномъ мѣстѣ, впиваясь, такъ сказать, всѣмъ дѣтскимъ вниманіемъ своимъ въ нескладицу Мирамонда или Даиры? Нѣтъ, Леонъ занимался болѣе произшествіями, связію вещей и случаевъ, нежели чувствами любви романической.»

«Леону открылся новый свѣтъ въ романахъ; онъ увидѣлъ, какъ въ магическомъ фонарѣ, множество разнообразныхъ людей на сценѣ, множество чудныхъ дѣйствій, приключеній — игру судьбы, дотолѣ ему совсѣмъ неизвѣстную. . . (но тайное предчувствіе сердца говорило ему: ахъ! и ты нѣкогда будешь ея жертвою! и тебя схватитъ, унесетъ сей вихорь. . . куда?. . . куда? . . . .) Передъ глазами его безпрестанно поднимался новый занавѣсъ: ландшафтъ за ландшафтомъ, группа за группою являлись взору. Душа Леонова плавала въ книжномъ свѣтѣ, какъ Христофоръ Колумбъ на Атлантическомъ Океанѣ, для открытія. . . . сокрытаго. Сіе чтеніе не только не повредило его юной душѣ, но было еще весьма полезно для образованія въ немъ внутренняго чувства. Въ Даирѣ, Мирамондѣ, въ Селимѣ и Дамасинѣ, (знаетъ ли ихъ читатель?), однимъ словомъ, во всѣхъ романахъ желтаго шкафа герои и героини, не смотря на многочисленныя искушенія рока, остаются добродѣтельными, всѣ злодѣи описываются самыми черными красками, первые наконецъ торжествуютъ, послѣдніе, какъ прахъ изчезаютъ. Въ нѣжной Леоновой душѣ непримѣтнымъ образомъ, но буквами неизгладимыми, начерталось слѣдствіе: и такъ любезность и добродѣтель одно! и такъ зло безобразно и гнусно! и такъ добродѣтельный всегда побѣждаетъ, а злодѣй гибнетъ! Сколько такое чувство спасительно въ жизни, какою твердою опорою служитъ оно для доброй нравственности, нѣтъ нужды доказывать. Ахъ! Леонъ въ совершенныхъ лѣтахъ часто увидитъ противное, но сердце его не разстанется съ своею утѣшительною системою; вопреки самой очевидности, онъ скажетъ: «нѣтъ, нѣтъ! торжество порока есть обманъ и призракъ.»

«Съ какимъ живымъ удовольствіемъ маленькій нашъ герой, въ шесть или семь часовъ лѣтняго утра, поцѣловавъ руку у своего отца, спѣшилъ съ книгою на высокій берегъ Волги, въ орѣховые кусточки, подъ сѣнь древняго дуба! Тамъ въ бѣленькомъ своемъ камзольчикѣ бросаясь на зелень читалъ. .»

О чтеніи Карамзинъ засвидѣтельствовалъ послѣ самъ, что оно происходило точно такъ, какъ здѣсь описано.

«Иногда, оставляя книгу, смотрѣлъ онъ на синее пространство Волги, на бѣлые парусы судовъ и лодокъ, на станицы рыболововъ, которые изъ подъ облаковъ дерзко опускаются въ пѣну волнъ, и въ то же мгновеніе снова парятъ въ воздухѣ. Сія картина такъ сильно впечатлѣлась въ его юной душѣ, что онъ чрезъ 20 лѣтъ послѣ того, въ кипѣніи страстей, въ пламенной дѣятельности сердца, не могъ безъ особливаго радостнаго движенія видѣть большой рѣки, плывущихъ судовъ, летающихъ рыболововъ: Волга, родина и безпечная юность тотчасъ представлялись его воображенію, трогали душу, извлекали слезы (*). Кто не испыталъ нѣжной силы подобныхъ воспоминаній, тотъ не знаетъ весьма сладкаго чувства. Родина, Апрѣль жизни, первые цвѣтки весны душевной! какъ вы милы всякому, кто рожденъ съ любезною склонностію къ меланхоліи.»

«Леонъ на десятомъ году отъ рожденія могъ уже часа по два играть воображеніемъ и строить замки на воздухѣ. Опасности и героическая дружба были любимою его мечтою. Достойно замѣчанія то, что онъ въ опасностяхъ всегда воображалъ себя избавителемъ, а не избавленнымъ: знакъ гордаго, славолюбиваго сердца! Герой нашъ мысленно летѣлъ во мракѣ ночи на крикъ путешественника, умерщвляемаго разбойниками; или бралъ штурмомъ высокую башню, гдѣ страдалъ въ цѣпяхъ другъ его. Такое Дон-Кишотство воображенія заранѣе опредѣляло моральный характеръ Леоновой жизни.

«Сверхъ того, онъ любилъ грустить, не зная о чемъ. Бѣдный. . . Ранняя склонность къ меланхоліи не есть ли предчувствіе житейскихъ горестей! . . . Голубые глаза Леоновы сіяли сквозь какой-то флеръ, прозрачную завѣсу чувствительности. Печальное сиротство еще усилило это природное расположеніе къ грусти.

---

(*) Черта съ натуры.

Ахъ! самый лучшій родитель никогда не можетъ замѣнить матери, нѣжнѣйшаго существа на земномъ шарѣ! Одна женская любовь, всегда внимательная и ласковая, удовлетворяетъ сердцу во всѣхъ отношеніяхъ! . . .

«Въ одинъ жаркій день онъ, по своему обыкновенію, читалъ книгу подъ сѣнію древняго дуба; старикъ дядька сидѣлъ на травѣ въ десяти шагахъ отъ него. — Вдругъ нашла туча, и солнце закрылось черными парами. Дядька звалъ домой Леона; «погоди» отвѣчалъ онъ, не спуская глазъ съ книги. Блеснула молнія, загремѣлъ громъ, пошелъ дождикъ. Старикъ непремѣнно хотѣлъ идти домой. Леонъ завернулъ книгу въ платокъ, всталъ и посмотрѣлъ на бурное небо. Гроза усиливалась: онъ любовался блескомъ молніи, и шелъ тихо, безъ всякаго страха. Вдругъ изъ густаго лѣсу выбѣжалъ медвѣдь и прямо бросился на Леона. Дядька не могъ даже и закричать отъ ужаса. Двадцать шаговъ отдѣляютъ нашего маленькаго друга отъ неизбѣжной смерти: онъ задумался, и не видитъ опасности: еще секунда, двѣ — и несчастный будетъ жертвою яростнаго звѣря. Грянулъ страшный громъ. . . какого Леонъ никогда не слыхивалъ; казалось, что небо надъ нимъ обрушилось, и что молнія обвилась во кругъ головы его. Онъ закрылъ глаза, упалъ на колѣни и только могъ сказать «Господи»! Чрезъ полминуты взглянулъ — и видитъ предъ собою убитаго громомъ медвѣдя. Дядька на силу могъ образумиться и сказать ему, какимъ чудеснымъ образомъ Богъ спасъ его. Леонъ все еще стоялъ на колѣняхъ, дрожалъ отъ страха и дѣйствія электрической силы; наконецъ устремилъ глаза на небо, и не смотря на черныя густыя тучи, онъ видѣлъ, чувствовалъ тамъ присутствіе Бога Спасителя. Слезы его лились градомъ; онъ молился въ глубинѣ души своей, съ пламенною ревностію, необыкновенною въ младенцѣ; и молитва его была. . . благодарность! Леонъ не будетъ уже никогда атеистомъ, если прочитаетъ и Спинозу и Гоббеса и систему натуры. Читатель! вѣрь или не вѣрь: но этотъ случай не выдумка.»

Въ другой статьѣ «Деревня» (1792) Карамзинъ разсказываетъ это именно о себѣ: «Какъ мила природа въ деревенской одеждѣ своей: она воспоминаетъ мнѣ лѣта моего младенчества, лѣта протекшія въ тишинѣ сельской, на краю Европы, среди народовъ варварскихъ. Тамъ воспитывался духъ мой въ простотѣ естественной; великіе феномены были первымъ предметомъ его вниманія.

Ударъ грома, скатившійся надъ моей головою съ небеснаго свода, сообщилъ мнѣ первое понятіе о величествѣ міроправителя, и сей ударъ былъ основаніемъ моей Религіи.»

Въ семействѣ Карамзинъ разсказывалъ неоднажды, какъ ударъ грома спасъ его отъ медвѣдя въ первые годы его дѣтства, и разсказывалъ точно такъ, какъ описано въ исторіи Леона.

Вотъ какъ описываетъ Карамзинъ общество своего героя, которое, по свидѣтельству М. А. Дмитріева, сходно съ разсказомъ его дяди о тогдашнемъ Симбирскомъ обществѣ; слѣдовательно можно полагать, что оно описано Карамзинымъ также съ натуры.

«Капитанъ Радушинъ, отецъ Леоновъ, любилъ угощать добрыхъ пріятелей, чѣмъ Богъ послалъ. Сынъ всякій разъ съ великимъ удовольствіемъ бѣжалъ сказать ему: «батюшка! ѣдутъ гости!» а Капитанъ нашъ отвѣчалъ: добро пожаловать! надѣвалъ круглый парикъ свой, и шелъ къ нимъ на встрѣчу съ лицемъ веселымъ. Провинціалы наши не могли наговориться другъ съ другомъ; не знали, что за звѣрь политика и литтература, а разсуждали, спорили и шумѣли. Деревенское хозяйство, охота, извѣстныя тяжбы въ губерніи, анекдоты старины, служили богатою матеріею для разсказовъ и примѣчаній. . . . Ахъ! давно уже смерть и время бросили на васъ темный покровъ забвенія, витязи С . . . . скаго уѣзда, вѣрные друзья Капитана Радушина! Лебрюнъ и Лампи не сохранили для насъ вашего образа; но я не даромъ авторъ Леоновой исторіи: зеркало памяти моей ясно. Какъ теперь смотрю на тебя, заслуженный Маіоръ Ѳадей Громиловъ, въ черномъ большомъ парикѣ, зимою и лѣтомъ въ малиновомъ бархатномъ камзолѣ, съ кортикомъ на бедрѣ и въ желтыхъ татарскихъ сапогахъ; слышу, слышу, какъ ты, не привыкнувъ ходить на цыпкахъ въ комнатахъ знатныхъ господъ, стучишь ногами еще за двѣ горницы, и подаешь о себѣ вѣсть издали громкимъ своимъ голосомъ, которому нѣкогда рота ландмилиціи повиновалась, и который въ яркихъ звукахъ своихъ не рѣдко ужасалъ дурныхъ Воеводъ провинціи! Вижу и тебя, сѣдовласый Ротмистръ Буриловъ, прострѣленный на сквозь Башкирскою стрѣлою въ степяхъ Уфимскихъ; слабый ногами, но твердый душею; ходившій на клюкахъ, но сильно махавшій ими, когда надлежало тебѣ представить живо или ударъ твоего эскадрона или омерзѣніе свое къ безчестному дѣлу какого нибудь не-

достойнаго дворянина нашего уѣзда. Гляжу и на важную осанку твою, бывшій Воеводскій товарищъ Прямодушинъ, и на орлиный носъ твой, за который не могъ водить тебя Секретарь провинціи, ибо совѣсть умнѣе крючкотворства; вижу, какъ ты, разсказывая о Биронѣ и Тайной Канцеляріи, опираешься на длинную трость съ серебрянымъ набалдашникомъ которую подарилъ тебѣ Фельдмаршалъ Минихъ. . . вижу всѣхъ васъ, достойные матадоры провинціи, которыхъ бесѣда имѣла вліяніе на характеръ моего героя; и чтобы представить разительнѣе все благородство сердецъ вашихъ, сообщаю здѣсь условія, заключенныя вами между собою въ домѣ отца Леонова, и написанныя рукою Прямодушина.

### ДОГОВОРЪ БРАТСКАГО ОБЩЕСТВА.

«Мы нижеподписавшіеся клянемся честію благородныхъ людей «жить и умереть братьями, стоять другъ за друга горою во вся-«комъ случаѣ, не жалѣть ни трудовъ, ни денегъ, для услугъ «взаимныхъ, поступать всегда единодушно, наблюдать общую «пользу дворянства, вступаться за притѣсненныхъ и помнить «Русскую пословицу: тотъ дворянинъ, кто за многихъ одинъ; не «бояться ни знатныхъ, ни сильныхъ, а только Бога и Государя; «смѣло говорить правду Губернаторамъ и Воеводамъ, никогда не «быть ихъ прихлебателями, и не такать противъ совѣсти. А кто «изъ насъ не сдержитъ своей клятвы, тому будетъ стыдно, и того «выключить изъ братскаго общества.»

«Хотя тайная хроника говоритъ мнѣ на ухо, что сей дружескій союзъ нашихъ дворянъ, заключенъ былъ въ день Леонова рожденія, которое отецъ всегда праздновалъ съ великимъ усердіемъ и съ отмѣнною роскошью, (такъ, что посылалъ въ городъ даже за свѣжими лимонами); хотя читатель догадается, что въ такой веселой день, особливо къ вечеру, хозяинъ и гости не могли быть въ обыкновенномъ расположеніи ума и сердца; хотя

Въ восторгахъ Бахуса намъ море по колѣно,
И съ рюмкою въ рукѣ мы всѣ богатыри;

однакожъ Исторія, которая лжетъ только изъ году въ годъ (первое Апрѣля и еще 29-е Февраля), увѣряетъ; что они, проснувшись на другой день, снова утвердили его, и, (что не всегда дѣ-

лаютъ и великія Державы Европейскія), старались исполнять во всей точности.»

Дворянское общество существовало дѣйствительно, и составилось въ домѣ отца Карамзина. Члены затѣяли даже для себя особые мундиры.

«Одна смерть разрушила ихъ братскую связь,» продолжаетъ авторъ.... «Здѣсь хочется мнѣ заглянуть впередъ. Долго еще ждать времени; а можетъ быть тогда, въ богатствѣ случаевъ и забуду сію любезную черту. И такъ скажу.... Когда судьба нѣсколько времени игравъ Леономъ въ большомъ свѣтѣ, бросила его опять на родину (*), онъ нашелъ Маіора Громилова сидящаго надъ больнымъ Прямодушинымъ, который лежалъ въ параличѣ и не владѣлъ руками. (Всѣ прочіе друзья ихъ были уже на томъ свѣтѣ). Громиловъ кормилъ больнаго изъ рукъ своихъ, плакалъ горько и сказалъ Леону: тошно; тошно быть сиротою на старости!... Добрые люди! Пусть другіе называютъ васъ дикарями: Леонъ въ дѣтствѣ слушалъ съ удовольствіемъ вашу бесѣду словоохотную, отъ васъ заимствовалъ Русское дружелюбіе, отъ васъ набрался духу Русскаго и благородной дворянской гордости, которой онъ послѣ не находилъ даже и въ знатныхъ боярахъ (**) ибо спесь и высокомѣріе не замѣняютъ ее; ибо гордость дворянская есть чувство своего достоинства, которое удаляетъ человѣка отъ подлости и дѣлъ презрительныхъ: добрые старики! миръ вашему праху!»

Присоединю еще одну черту очень любопытную, о маленькомъ Леонѣ: «Славный маіоръ Ѳаддей Громиловъ, который зналъ людей не хуже Военнаго Устава, и Воеводскій товарищъ Прямодушинъ, котораго длинный орлиный носъ былъ неоспоримымъ знакомъ наблюдательнаго духа, часто говаривали капитану Радушину: «Сынъ твой родился въ сорочкѣ; что взглянешь, то полюбишь его!» Это доказываетъ между прочимъ, что старики наши, не зная Лафатера, имѣли уже понятіе о Физіогномикѣ, и считали дарованіе нравиться людямъ за великое благополучіе (горе человѣку, который не умѣетъ цѣнить его!)...

---

(*) Ясно, что Карамзинъ говоритъ это о себѣ.

(**) Эту мысль Карамзинъ повторяетъ часто отъ себя въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ.

Леонъ вкрадывался въ любовь какимъ то привѣтливымъ видомъ, какими-то умильными взорами, какимъ то мягкимъ звукомъ голоса, который пріятно отзывался въ сердцѣ.»

Я приписываю смѣло всѣ эти подробности, — чувствованія, мысли, происшествія, самому Карамзину. Такія черты не выдумываются. Всякій авторъ согласится со мною, что на нихъ лежитъ печать правды, которую поддѣлать нельзя. Послѣдующая жизнь Карамзина служитъ тому подтвержденіемъ; мы видимъ въ немъ именно тѣ свойства, которыхъ начало здѣсь замѣчено.

Наконецъ собственное его свидѣтельство о нѣкоторыхъ случаяхъ не оставляетъ уже никакого сомнѣнія въ біографическомъ значеніи этой повѣсти.

Самое лице графини, полюбившей мальчика, не есть выдумка, хотя, разумѣется, нѣкоторыя подробности сочинены для украшенія. Это была сосѣдка Карамзиныхъ, Пушкина. Мужъ ея давалъ также мальчику читать книги, и между прочими Ролленеву Исторію, въ переводѣ Тредьяковскаго.

Нѣсколько времени учился онъ въ пансіонѣ Г. Фовеля, который по просьбѣ тамошнихъ дворянъ былъ приглашенъ въ Симбирскъ чрезъ Александра Ивановича Теряева, служившаго въ Сенатѣ. Маленькій Карамзинъ былъ у него всегда первымъ ученикомъ.

Ко времени пребыванія въ Симбирскѣ относится воспоминаніе объ одномъ Симбирскомъ столѣтнемъ старикѣ, который въ ребячествѣ угощалъ его банею и зеленымъ чаемъ. Этотъ старикъ, Елисей Кашинцевъ, замѣчаетъ Карамзинъ, звонилъ въ колокола, когда Симбирскъ праздновалъ Полтавскую побѣду, и послѣ былъ гребцемъ на лодкѣ Петра Великаго, когда тотъ поплылъ въ Астрахань начинать Персидскую войну. Карамзинъ упоминаетъ объ немъ въ запискѣ писанной для Имп. Александра Павловича о городахъ, лежавшихъ на его пути. Карамзинъ очень обрадовался, найдя по какому-то случаю у живописца Орловскаго старинные часы съ вырѣзаннымъ именемъ Елисея Кашинцева.

Съ приближеніемъ юношескаго возраста, кажется по 14 году, какъ говорилъ мнѣ И. И. Дмитріевъ, Карамзинъ отправленъ былъ въ Москву, подъ покровительствомъ того же Теряева, и отданъ въ учебное заведеніе Г. Шадена, одного изъ лучшихъ

Профессоровъ Московскаго Университета, по свидѣтельству всѣхъ современниковъ (*).

Вѣроятно этотъ профессоръ имѣлъ на него сильное вліяніе, и я почитаю не лишнимъ привести о Шаденѣ свидѣтельство Фонъ Визина, который также у него учился: «сей ученый мужъ,» говоритъ Фонъ-Визинъ, «имѣетъ отмѣнное дарованіе преподавать лекціи и изъяснять такъ внятно (онъ учился у него Логикѣ), что успѣхи наши были очевидны.»

Почтенный нашъ практическій педагогъ, Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій, говорилъ мнѣ о Шаденѣ, какъ о человѣкѣ очень добромъ и Профессорѣ самомъ точномъ. Краснорѣчіе, любовь къ истинѣ, преданность религіи, раченье къ должности,—вотъ были отличительныя его качества, засвидѣтельствованныя и въ его эпитафіи.

И. Ѳ. Тимковскій свидѣтельствуетъ тоже (**).

Пансіонъ Шаденовъ помѣщался въ Нѣмецкой слободѣ.

Къ началу пребыванія тамъ Карамзина должно относится слѣдующее воспоминаніе въ письмахъ Русскаго путешественника;

«Смотря на памятникъ добродѣтельнаго мужа, (Геллерта), дружбою сооруженный, вспомнилъ я то счастливое время моего ребячества, когда Геллертовы басни составляли почти всю мою библіотеку; когда, читая его Инкле и Ярико, обливался я горькими слезами, читая Золотаго осла, смѣялся отъ всего сердца; когда Профессоръ, преподавая намъ, маленькимъ своимъ ученикамъ, мораль по Геллертовымъ лекціямъ, съ жаромъ говаривалъ: «Друзья мои, будьте таковыми, каковыми учитъ васъ быть Геллертъ и вы будете счастливы.»

Товарищами Карамзину въ пансіонѣ Шадена были два брата Бекетовы, Платонъ Петровичъ и Иванъ Петровичъ, которые впослѣдствіи сдѣлались извѣстными своею любовію — первый къ Исторіи и Словесности, второй къ Нумизматикѣ.

---

(*) Г. Старчевскій с. 19, основательно замѣчаетъ по словамъ Карамзина, (приведеннымъ ниже), о чтеніи имъ въ пансіонѣ англійскихъ донесеній во время Американской войны, (продолжавшейся отъ 1776 по 1780 г.) что время вступленія Карамзина къ Проф. Шадену заключается между этими предѣлами, вѣроятно въ 1779 или 1780, когда Карамзину было лѣтъ 14.

(**) См. статью его въ Москвитянинѣ, 1851, N 9 и 10: Памятникъ И. И. Шувалову.

Вотъ еще воспоминаніе изъ пансіонскаго времени, приведенное самимъ Карамзинымъ въ письмахъ Русскаго путешественника:

«Было время, когда я, почти не видавъ Англичанъ, восхищался ими, и воображалъ Англію самою пріятнѣйшею для сердца моего землею. Съ какимъ восторгомъ, будучи пансіонеромъ Профессора Шадена, читалъ я во время Американской войны донесенія торжествующихъ Британскихъ Адмираловъ! Роднеи, Гоу, не сходили у меня съ языка; я праздновалъ побѣды ихъ, и звалъ къ себѣ въ гости маленькихъ соучениковъ моихъ. Мнѣ казалось, что быть храбрымъ есть.... быть Англичаниномъ — великодушнымъ, тоже — чувствительнымъ, тоже. Романы, если не ошибаюсь, были главнымъ основаніемъ такого мнѣнія.»

Мы видимъ отсюда, что юноша былъ любознателенъ, воспріимчивъ, читалъ газеты и принималъ живое участіе въ событіяхъ, обнаруживая свою пылкую натуру.

Еще въ примѣчаніи къ одной статьѣ Вѣстника Европы Карамзинъ говоритъ:

«Я въ ребячествѣ своемъ читалъ въ газетахъ описаніе бѣдственной смерти Англійскаго маіора Андре и плакалъ. Это горестное впечатлѣніе возобновилось въ моемъ сердцѣ, когда я увидѣлъ монументъ его въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, сооруженный благодарнымъ королемъ и народомъ. Не многіе Англичане тужили болѣе меня о несчастномъ Андре (*).

«Я помню еще одно обстоятельство изъ тогдашнихъ вѣдомостей: меньшой братъ маіора Андре, узнавъ въ Ллойдовомъ кофейномъ домѣ о его несчастной смерти, упалъ безъ памяти, и въ ту же минуту умеръ (**).

Въ пансіонѣ, по словамъ А. И. Тургенева (***), было обращено особенное вниманіе на изученіе языковъ, и молодой Карамзинъ прилежно занялся ими, вскорѣ сдѣлалъ значительные успѣхи, и пріобрѣлъ еще большее расположеніе къ себѣ Шадена, который сталъ водить его съ собою къ знакомымъ иностранцамъ, чтобъ доставить ему случаи упражняться въ разговорахъ на Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ.

---

(*) Вѣстникъ Европы 1802, Янв. с. 48.
(**) Ib. с. 57.
(***) у Г. Старчевскаго, с. 16.

Замѣтивъ въ мальчикѣ необыкновенный даръ слова, съ которымъ онъ разсказывалъ самыя обыкновенныя вещи увлекательно, и обращалъ на себя общее вниманіе, Шаденъ, по мѣрѣ того какъ онъ становился старше, началъ давать ему читать хорошія книги, съ цѣлію образовать его вкусъ, и уже предвидѣлъ въ немъ литтератора.

Изъ пансіона, въ послѣднее время его тамъ пребыванія, ходилъ молодой Карамзинъ и въ разные классы Московскаго Университета, какъ о томъ упоминаетъ въ автобіографической запискѣ своей для Митрополита Евгенія. Профессоръ Маттеи былъ вмѣстѣ съ Шаденомъ его руководителемъ.

Въ Университетѣ прежде всего вѣроятно, онъ, познакомился съ Исторіей отечественной и общею и правилами Словесности. Въ запискѣ о Москвѣ онъ написалъ послѣ: «мы всѣ учились въ немъ, если не наукамъ, то Русской грамотѣ.»

Карамзинъ, вѣроятно, по совѣту Шадена думалъ ѣхать въ Лейпцигъ для слушанія лекцій въ тамошнемъ университетѣ, но не могъ по обстоятельствамъ исполнить этого желанія. Вотъ какъ онъ выражаетъ послѣ свое сожалѣніе о томъ въ письмѣ изъ Лейпцига.

«Здѣсь-то, милые друзья мои, желалъ я провести свою юность; сюда стремились мысли мои за нѣсколько лѣтъ предъ симъ (слѣд. изъ Шаденова пансіона); здѣсь хотѣлъ я собрать нужное для исканія той истины, о которой съ самыхъ младенческихъ лѣтъ тоскуетъ мое сердце! Но судьба не хотѣла исполнить моего желанія. Воображая, какъ бы я могъ провести тѣ лѣта, въ которыя, такъ сказать, образуется душа наша, и какъ я провелъ ихъ, чувствую горесть въ сердцѣ и слезы въ глазахъ. Нельзя возвратить прошедшаго!»

Въ пансіонѣ Шадена Карамзинъ оставался «до вступленія въ настоящую службу, около четырехъ лѣтъ.»

«По тогдашнему обыкновенію,» говоритъ И. И. Дмитріевъ, «въ гвардейскихъ полкахъ, онъ записанъ былъ, также какъ и я, малолѣтный, въ Преображенскій полкъ Подпрапорщикомъ.»

Въ Петербургъ пріѣхалъ онъ, вѣроятно въ началѣ 1783 года, по семнадцатому году отъ рода. Тогда началось и знакомство его съ Дмитріевымъ, о коемъ такъ разсказываетъ послѣдній:

«Однажды я, будучи еще и самъ сержантомъ, возвращаюсь съ прогулки; слуга мой, встрѣтя меня на крыльцѣ, сказываетъ мнѣ, что кто-то ждетъ меня, пріѣхавшій изъ Симбирска. Вхожу въ горницу, и вижу миловиднаго, румянаго юношу, который съ пріятною улыбкою вручаетъ мнѣ письмо отъ моего родителя.»

«Стоило только услышать имя Карамзина, какъ мы уже были въ объятіяхъ другъ друга. Стоило намъ сойтись три раза, какъ мы уже стали короткими знакомцами.»

Еще болѣе Карамзинъ сблизился и подружился въ Петербургѣ съ старшимъ братомъ Ивана Ивановича, Александромъ Ивановичемъ, о которомъ сохранилось нѣсколько воспоминаній въ письмахъ Русскаго путешественника и въ статьѣ: «Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона.» Мы приведемъ ихъ на своемъ мѣстѣ.

«Едва ли не съ годъ мы были неразлучны,» продолжаетъ Дмитріевъ, «склонность наша къ Словесности, можетъ быть, что-то сходное и въ нравственныхъ качествахъ, укрѣпляли нашу связь день отъ дня болѣе: мы давали взаимный отчетъ въ нашемъ чтеніи. Между тѣмъ я показывалъ ему иногда мелкіе мои переводы, которые были печатаны особо, и въ тогдашнихъ журналахъ; слѣдуя моему примѣру, онъ принялся и самъ за переводы. Первымъ опытомъ его былъ разговоръ Австрійской Маріи Терезіи съ нашей Императрицей Елисаветою въ Елисейскихъ поляхъ, переведенный имъ съ Нѣмецкаго языка.»

«Я совѣтывалъ ему показать его книгопродавцу Миллеру, который покупалъ и печаталъ переводы, платя за нихъ, по произвольной оцѣнкѣ и согласію переводчика, книгами изъ своей книжной лавки. Не могу безъ улыбки вспомнить, съ какимъ торжественнымъ видомъ добрый и милый юноша—Карамзинъ, вбѣжалъ ко мнѣ, держа въ обѣихъ рукахъ по два томика Фильдингова Томаса Іонеса, (Tom Jones), въ маленькомъ форматѣ съ картинками, перевода Харламова. Это было первымъ возмездіемъ за словесные труды его.»

Такъ пишетъ И. И. Дмитріевъ въ своихъ запискахъ, но первымъ печатнымъ трудомъ Карамзина былъ переводъ Геснеровой Идилліи: Деревянная нога, (1783).

Предлагаю начало этой піесы: читателю пріятно будетъ увидѣть первые опыты великаго писателя, первыя движенія его пера на поприщѣ Русскаго слова, которое послѣ было имъ такъ воздѣлано.

«На горѣ, съ коей текущей источникъ своими струями орошалъ близь лежащую долину, пасъ молодой пастухъ своихъ козъ. Эхо его свирели распространялось по всей лощинѣ, и производило пріятный шумъ. Тутъ увидѣлъ онъ стараго и сѣдинами украшеннаго человѣка, всходящаго на поверхность горы, который опираясь о свой посохъ, ибо одна его нога была деревянная, тихими шагами къ нему приближался, и сѣлъ возлѣ его на одномъ камнѣ. Молодой пастухъ смотрѣлъ на него съ удивленіемъ, и устремилъ взоръ свой на его поддѣланную ногу. Юноша, сказалъ ему съ усмѣшкой старикъ, ты конечно думаешь, что я безразсудно поступаю всходя на сію гору? Сіе путешествіе изъ долины дѣлаю я каждый годъ одинъ разъ. Нога, которую ты у меня видишь, приноситъ мнѣ болѣе чести, нежели иному двѣ цѣлыя; а по чему? ты долженъ оное узнать. Пусть оно почтительно, старичокъ, сказалъ пастухъ; но я объ закладъ бьюсь, что одно другаго лучше. Но ты, думаю, усталъ. Если хочешь, то я пойду и принесу тебѣ свѣжей воды изъ сей стремнины текущаго ручья.»

Лѣтъ 17, слѣдовательно въ 1783 году, Карамзинъ вздумалъ ѣхать въ армію. Въ посланіи своемъ къ женщинамъ (1793) онъ говоритъ:

О вы, для коихъ я хотѣлъ враговъ разить,

и въ примѣчаніи къ этому стиху свидѣтельствуетъ о сказанномъ намѣреніи.

Въ то время такое назначеніе зависѣло много отъ полковаго Секретаря, а Секретарь бралъ взятки, и отъ того назначеніе доставалось всегда только богатымъ офицерамъ. Онъ отказалъ Карамзину, не могшему располагать лишними деньгами. У него было всего на все сто рублей въ карманѣ, съ трудомъ сбереженныхъ. Неудача охладила въ Карамзинѣ воинской жаръ. (Благословимъ отказъ Секретаря). Къ тому жъ у него не было возможности сшить себѣ хорошій офицерской мундиръ. Отецъ его между тѣмъ скончался, и онъ, вышедъ вскорѣ въ отставку съ чиномъ Поручика, уѣхалъ на родину, вѣроятно, въ концѣ 1783 или началѣ 1784 года.

Въ Симбирскѣ «я видѣлся» говоритъ Дмитріевъ, пріѣхавшій видно туда по своимъ надобностямъ «и пробылъ съ нимъ короткое время. Я нашелъ его уже играющимъ ролю надежнаго

на себя свѣтскаго человѣка: рѣшительнымъ за вистовымъ столомъ, любезнымъ и занимательнымъ въ дамскомъ кругу и политикомъ передъ отцами семейства, которые, хотя и не привыкли слушать молодежь, по его слушали. Такая жизнь не охладила, однакожъ, въ немъ прежней охоты къ Словесности; при первомъ нашемъ свиданіи съ глазу на глазъ, онъ спрашиваетъ меня, занимаюсь ли по прежнему переводами? Я сказываю ему, что не давно перевелъ изъ книги: Картина смерти Г. Каррачіоли, разговоръ выходца съ того свѣта съ живымъ другомъ его. Онъ удивился странному моему выбору, и дружески совѣтывалъ мнѣ бросить эту работу, убѣждая тѣмъ, что по выбору перевода судятъ и о свойствахъ самаго переводчика, и что я выборомъ моимъ конечно не заслужу завиднаго о себѣ мнѣнія. А я, примолвилъ онъ, думаю переводить изъ Волтера съ Нѣмецкаго.— Что же такое? — Бѣлаго быка. — Какъ! эту дрянь! и еще подложную! вскричалъ я повторя его же заключеніе, и оба земляка сквитались.»

Къ этому пребыванію въ Симбирскѣ должно относиться слѣдующее воспоминаніе изъ писемъ къ И. И. Дмитріеву: «послѣднее твое дружеское письмо пріятно-меланхолическое, заставило меня слетать воображеніемъ на берегъ Волги, Симбирской вѣнецъ, гдѣ мы съ тобою геройски отражали сонъ, ночью читали Юнга, въ ожиданіи солнца. Да, мы были тогда молоды.»

«Разсѣянная свѣтская жизнь,» по словамъ Дмитріева, «не долго продолжалась. Землякъ же нашъ, Иванъ Петровичь Тургеневъ, уговорилъ молодаго Карамзина ѣхать съ нимъ въ Москву.»

Карамзинъ переѣхалъ въ Москву изъ Симбирска въ концѣ 1784 года, лѣтъ осьмнадцати отъ роду.

Тургеневъ ввелъ молодаго своего земляка въ общество Новикова, высшее въ настоящемъ значеніи этого слова, а не условномъ. «Здѣсь-то,» говоритъ Дмитріевъ, «началось образованіе Карамзина, не только авторское, но и нравственное. Въ домѣ Новикова онъ имѣлъ случай обращаться въ кругу людей степенныхъ, соединенныхъ дружбою и просвѣщеніемъ.»

Мы должны здѣсь познакомиться съ этимъ славнымъ радѣтелемъ отечественнаго просвѣщенія, въ царствованіе Императрицы Екатерины IIой. Всего лучше можемъ узнать сущность и цѣль Новиковскаго общества изъ словъ самаго Карамзина въ запискѣ, писанной имъ для правительства въ позднѣйшее время. Карамзинъ

писалъ ее, разумѣется, по своимъ собственнымъ наблюденіямъ и воспоминаніямъ: съ какой стороны ему дружеское общество было извѣстно.

«Новиковъ въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ сдѣлался извѣстенъ публикѣ своимъ отличнымъ авторскимъ дарованіемъ: безъ воспитанія, безъ ученія, писалъ остроумно, пріятно и съ цѣлію нравственною; издалъ многія полезныя творенія, напримѣръ: Древнюю Россійскую Вивліофику, Дѣтское чтеніе, разныя экономическія, учебныя книги. Императрица Екатерина II-я одобряла труды Новикова, и въ журналѣ его (Живописцѣ) напечатаны нѣкоторыя произведенія собственнаго пера ея. Около 1785 года онъ вошелъ въ связь по масонству съ Берлинскими теософами, и сдѣлался въ Москвѣ начальникомъ такъ называемыхъ Мартинистовъ, которые были (или суть) не что иное, какъ Христіанскіе мистики: толковали природу и человѣка, искали таинственнаго смысла въ Ветхомъ и Новомъ завѣтѣ, хвалились древними преданіями, унижали школьную мудрость, и проч.; но требовали истинныхъ Христіанскихъ добродѣтелей отъ учениковъ своихъ, не вмѣшивались въ политику и ставили въ законъ вѣрность къ Государю. Ихъ общество подъ именемъ масонства, распространилось не только въ двухъ столицахъ, но и въ губерніяхъ; открывались ложи; выходили книги масонскія, мистическія, наполненныя загадками. Въ то же время Новиковъ и друзья его на свое иждивеніе воспитывали бѣдныхъ молодыхъ людей, учили ихъ въ школахъ, въ Университетахъ; вообще употребляли не малыя суммы на благотворенія.»

Помощниками Новикова и вмѣстѣ старшими членами общества были: Семенъ Ивановичь Гамалея, о которомъ вспоминаетъ однажды Карамзинъ въ своихъ письмахъ, находя сходство въ его физіогноміи съ другомъ Лафатера, Пфеннигеромъ, Иванъ Петровичь Тургеневъ, о которомъ было говорено выше, Князья Трубецкіе, Юрій Никитичь и Николай Никитичь, родственники Хераскова, Иванъ Владимировичь Лопухинъ, Ѳедоръ Петровичь Ключаревъ и проч.

«Между тѣмъ,» продолжаетъ Дмитріевъ, «Карамзинъ знакомился и съ молодыми любословами, окончившими только учебный курсъ, Новиковъ употреблялъ ихъ для перевода книгъ съ разныхъ языковъ. Между ними по всей справедливости почитался отличнѣйшимъ Александръ Андреевичь Петровъ.»

«Петровъ знакомъ былъ съ древними и новыми языками при глубокомъ знаніи отечественнаго слова, одаренъ былъ необыкновеннымъ умомъ и способностію къ здравой критикѣ; но къ сожалѣнію ничего не писалъ для публики, и упражнялся только въ переводахъ, изъ коихъ извѣстны мнѣ первые два года Еженедѣльника, подъ названіемъ: Дѣтское чтеніе; Учитель, въ двухъ томахъ; и Багаутгета, такъ же родъ поэмы, писанной на Санскритскомъ языкѣ, и переведенной съ Англійскаго.» (*).

«Карамзинъ полюбилъ Петрова, хотя они были не во всемъ сходны между собою: одинъ пылокъ, откровененъ и безъ малѣйшей желчи; другой же угрюмъ, молчаливъ и подъ часъ насмѣшливъ; но оба питали равную страсть къ познаніямъ, къ изящному, имѣли одинакую силу въ умѣ, одинакую доброту въ сердцѣ, и это заставило ихъ прожить долгое время въ тѣсномъ согласіи подъ одною кровлею у Менщиковой башни, въ старинномъ каменномъ домѣ.»

Самъ Карамзинъ такъ описываетъ Петрова въ статьѣ, посвященной его памяти: Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона.

«Онъ не былъ ни богатъ, ни знатенъ — онъ былъ человѣкъ, благородный по душѣ своей, украшенный одними достоинствами, не чинами, не блескомъ роскоши, — и сіи достоинства таились подъ завѣсою скромности.»

«Такъ, за долгъ, за самый священный долгъ почитаю сказать всякому нѣжному сердцу, всякому, кто любитъ человѣчество, и кто умѣетъ цѣнить его, что въ нашемъ хладномъ сѣверномъ отечествѣ, гдѣ природа не весьма щедрою рукою разсыпаетъ благіе дары свои, родился и жилъ такой человѣкъ, котораго душа была бы украшеніемъ самой Греціи, отечества Сократовъ и Платоновъ, благословеннѣйшей страны подъ солнцемъ.»

«Въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ жизни нашей мы увидѣли и полюбили другъ друга. Я полюбилъ въ Агатонѣ мудраго юношу, котораго разумъ украшался лучшими знаніями человѣчества; котораго сердце образовано было нѣжною рукою Музъ и Грацій. Что онъ полюбилъ во мнѣ, не знаю — можетъ быть пламенное усердіе къ добру, непритворную любовь ко всему изящному, простое сердце, не со всѣмъ испорчен-

---

(*) Подробное свѣдѣніе объ его трудахъ, см. у Г. Галахова, Современникъ. 1853, № XI, с. 20.

ное воспитаніемъ, — искренность, нѣкоторую живость, нѣкоторый жаръ чувства. Я нашелъ въ немъ то, что съ самаго ребячества было пріятнѣйшею мечтою моего воображенія, человѣка, которому могъ я открывать всѣ милыя свои надежды, всѣ тайныя сомнѣнія; который могъ разсуждать и чувствовать со мною, показывать мнѣ мои заблужденія, и научать меня не повелительнымъ голосомъ учителя, но съ любезною кротостію снисходительнаго друга; однимъ словомъ, я нашелъ въ немъ сокровище, особливый даръ Неба, который не всякому смертному въ удѣлъ достается, и время нашего знакомства, нашего дружества, будетъ всегда важнѣйшимъ періодомъ жизни моей.»

Пробывъ въ Москвѣ можетъ быть около года, 1784, Карамзинъ по какимъ то] дѣламъ долженъ былъ съѣздить въ Симбирскъ. (5) Осталось нѣсколько писемъ Петрова къ Карамзину въ Симбирскъ, (первое отъ 5 Мая 1785 г.), которыхъ нельзя объяснить безъ этой поѣздки. Письма показываютъ не только ихъ знакомство, но уже дружбу, и частое упоминовеніе о масонскомъ праздникѣ Св. Іоанна доказываетъ о принадлежности Карамзина къ Новиковскому обществу.

Мы приведемъ ихъ почти сполна, потому что онѣ даютъ намъ понятіе объ ихъ отношеніяхъ между собою, объ ихъ занятіяхъ, о предметахъ, привлекавшихъ ихъ особенное вниманіе, — и наконецъ изображаютъ намъ человѣка, который вскорѣ возъимѣлъ на Карамзина рѣшительное вліяніе, его образъ мыслей, его тонъ, его слогъ.

Мы видимъ также изъ этихъ писемъ, согласно съ замѣткою Дмитріева, что литтературная дѣятельность занимала Карамзина наиболѣе, и что онъ тогда уже думалъ о переводѣ Шекспира; недовольный пустотою провинціальной жизни, онъ скучалъ въ Симбирскѣ, особенно сначала, и показывалъ врожденное въ немъ расположеніе къ меланхоліи.

Отъ 5-го Мая 1785 года, Петровъ пишетъ къ Карамзину: «сегодня по утру получилъ я письмо твое, котораго столь долго дожидалъ. Оно такъ меня обрадовало, что я весь день веселъ и всѣмъ доволенъ. Пріятнѣе же всего для меня то, что изъ словъ твоихъ кажется, будто ты скоро въ Москву возвратишься. Дай Боже, чтобъ это скорѣй случилось! Хотя ты чрезъ то не освободишься отъ слушанія вздору, ибо, я, преданнѣйшій твой слуга осмѣливаюсь ласкать себя надеждою, что могу замѣнить двухъ

или трехъ Симбирскихъ болтуновъ, изливающихъ и изсыпающихъ нынѣ въ твои уши порожденія пустотою наполненныхъ головъ своихъ; однако здѣсь конечно найдешь ты и больше лекарствъ отъ головныхъ болѣзней, пустословіемъ производимыхъ, больше лекарствъ отъ скуки и монашествующей меланхоліи. Между тѣмъ долженъ я тебѣ сказать, что со всѣмъ не понимаю, какъ можешь ты почитать свое состояніе столь мрачнымъ, какимъ ты его описываешь. Не погнѣвайся, я думаю, что ты самъ отчасти виноватъ въ тѣхъ непріятностяхъ, которыя терпишь, и хочешь безпрестанно скучать. Терпѣть иногда скуку есть жребій всякаго, отъ жены рожденнаго. Но также всякій человѣкъ имѣетъ способность разгонять скуку, и на трудномъ каменистомъ пути своемъ выискивать маленькія тропинки, по которымъ хотя три или четыре шага можетъ ступить спокойно. Я не знаю, чья бы доля въ сей способности была менѣе моей, однако и я по большой части терплю скуку по своей волѣ. Работа, ученье, плоды праздныхъ и веселыхъ часовъ какого нибудь Нѣмца, собственная фантазія, добрый пріятель, вотъ сколько противоскучій или противоядій скуки, мнѣ одному извѣстныхъ, и всѣ эти противослучія можно найти не выходя за ворота. Сколько жъ можно еще ихъ найти, захотѣвши искать? Это все очень хорошо, скажешь ты, но когда скука овладѣетъ мною, то я не могу приняться за работу, ученье нейдетъ въ голову, и самый Шекспиръ меня не прельщаетъ; собственная фантазія заводитъ меня только въ пустыя степи или въ дремучіе лѣса, а добраго пріятеля взять негдѣ. На это отвѣчаю, что къ работѣ и къ ученью всякій молодой человѣкъ не много только попринудить себя долженъ, послѣ чего и Шекспиръ и фантазія будутъ приносить удовольствіе; а добрымъ пріятелемъ можетъ быть всякій честный человѣкъ, у котораго есть уши, языкъ и общій человѣческій смыслъ, если только захочешь подладиться къ его тону. Хотя подлаживаться къ чужому тону и требуетъ упражненія, однако по этому то самому и служитъ оно противоядіемъ. Каково понравилось тебѣ мое нравоученіе? Постарайся употребить что нибудь изъ него въ свою пользу. Если ничто ужъ тебѣ пособить не можетъ, то мнѣ остается только сожалѣть о томъ и желать, чтобы, какъ можно скорѣе пришла та помощь, о коей воздыхаешь. Уповаю, что мы увидимся еще прежде Іоаннова дня, если Богу то будетъ угодно. Ты

описываешь мнѣ внѣшнее свое состоянiе, но я не выразумѣлъ, тогда ли только ты былъ въ немъ, когда письмо писалъ, или обыкновенно въ немъ бываешь. Въ первомъ случаѣ я хвалю тебя: ибо самъ какъ тебѣ извѣстно, препровождаю утро въ такомъ нарядѣ; въ другомъ же случаѣ напоминаю тебѣ:

Wozu die Aussenseite
Von einem Dinge? Wozu ein wilder Bart?
Mir däucht, ein weiser Mann trägt sich, wie andere Leute.

«Ты очень хорошо сдѣлаешь, если напишешь мнѣ еще письмо или два, но болѣе писать, желательно, чтобы не было ужъ тебѣ времени, и чтобъ по крайней мѣрѣ въ первыхъ числахъ Iюня мы не имѣли нужды писать другъ къ другу, чего желать, съ равнымъ моему усердiемъ, можешь развѣ только одинъ ты. Касательно до меня самаго, не имѣю ничего сказать. Я живу все по старому, сплю много, работаю мало, часто шатаюсь по улицамъ, заброжу иногда въ театръ, и не однажды въ день о тебѣ вспоминаю. Прости, увѣдомь меня поскорѣе, что ты сталъ спокойнѣе и довольнѣе, чему я весьма обрадуюсь».

Во второмъ письмѣ Петрова отъ 20 Мая еще яснѣе видно, что Карамзинъ рѣшительно хотѣлъ переводить Шекспира.

«За двѣ недѣли передъ симъ писалъ я къ тебѣ о твоей скукѣ, и теперь не почитаю за нужное повторять; чтожъ касается до праздности, то я никому въ свѣтѣ не повѣрю, чтобъ ты ничего не дѣлалъ. Хоть ты и секретничаешь, однако я воображаю, какъ по прiѣздѣ твоемъ всѣ Московскiе авторы и переводчики будутъ ходить повѣся головы; для того что бѣдные сiи люди будутъ тогда раза по четыре прiѣзжать и приходить къ директорамъ типографской компанiи и получать отъ нихъ непрiятный отвѣтъ, что книгъ не можно еще начать печатать, ибо обѣ типографiи заняты печатанiемъ Россiйскаго Шекспира».

«Охотно бы исполнилъ желанiе твое и помѣстилъ въ Дѣтскомъ чтенiи исторiю табака, но по многочисленнымъ и важнымъ причинамъ сiе невозможно, въ чемъ увѣряю тебя не ложнымъ словомъ честнаго журналиста. Еслижъ бы можно было, то я сталъ бы просить тебя о помощи, яко знатока и любителя этого символа мiрскихъ упражненiй и забавъ. Весьма мнѣ непрiятно, что ты долженъ отложить до Iюля возвращенiе свое въ Москву. Я ничего столько нежелалъ, какъ чтобъ увидѣть тебя прежде Iоаннова дня».

Помѣщаемъ третье письмо сполна, потому что оно знакомитъ насъ еще лучше съ Карамзинымъ 1785 года.

11-го Іюня. «Слава просвѣщенію нынѣшняго столѣтія, и дальніе края озарившему? Такъ восклицаю я при чтеніи твоихъ эпистолъ, (не смѣю назвать русскимъ именемъ столь ученыхъ писаній), о которыхъ всякій подумалъ бы, что онѣ получены изъ Англіи и Германіи. Чего нѣтъ въ нихъ касающагося до литературы? Все есть! Ты пишешь о переводахъ, о с о б с т в е н н ы х ъ с о ч и н е н і я х ъ о Ш е к с п и р ѣ, о трагическихъ характерахъ, о несправедливой Вольтеровой критикѣ, равно какъ о кофе и табакѣ. Первое письмо твое сильно поколебало мое мнѣніе о превосходствѣ надъ тобою въ учености, второе же крѣпкимъ ударомъ сшибло его съ ногъ: я спряталъ свой кусочекъ латыни въ карманъ, отошелъ въ уголъ, сложилъ руки на грудь, повѣсилъ голову и призналъ слабость мою предъ тобою, хотя ты по латыни и не учился.»

«Я не сомнѣваюсь, что подъ сочиненіемъ твоимъ о Соломонѣ кроется нѣчто со всѣмъ иное; но будучи не столько остроуменъ и проницателенъ, чтобы уразумѣть сіе подразумѣваемое, приму слова твои за простую исторію, и скажу тебѣ мое мнѣніе о твоей пьесѣ, какъ бы она въ самомъ дѣлѣ существовала. Судя по началу сего преизящнаго трактата, должно заключить, что если Соломонъ зналъ и говорилъ по нѣмецки, то говорилъ гораздо лучше, нежели ты пишешь. Будучи великій жени, ты столько превознесся надъ малостями, что въ трехъ строкахъ сдѣлалъ пять ошибокъ противъ нѣмецкаго языка. Пожалуй, употреби въ пользу сіе дружеское замѣчаніе, и лучше пиши все свое сочиненіе на русско-славянскомъ языкѣ, долго-сложно-протяжно-парящими словами. Для дополненія же твоего искусства писать такимъ слогомъ, совѣтую тебѣ читать сочиненія въ стихахъ и въ прозѣ Василія Третьяковскаго, коего въ любви ѣздѣ островъ, пользуюсь переводною, нынѣ, съ французскаго языка, и весьма ту читаю. Еслижъ непремѣнно хочешь писать на нѣмецкомъ языкѣ, то пиши кое-что такое, чего бы никто не читалъ; а съ формированною въ головѣ твоей пьесою о Соломонѣ не осмѣливайся показываться въ публику. Нѣтъ ничего хуже какъ начинать доказательство о чьемъ нибудь знаніи какого нибудь языка, съ ошибками противъ того языка».

«Для чего же авторъ доказывалъ это не на нѣмецкомъ языкѣ? Пожалуй, не огорчись нельстивыми выраженіями. По слогу писемъ твоихъ примѣчаю, что ты нынѣ въ гораздо спокойнѣйшемъ бываешь расположеніи, нежели былъ сначала по пріѣздѣ въ Симбирскъ. Сердечно этому радуюсь, и желаю, чтобъ спокойствіе твое никогда ничѣмъ не нарушалось, и также чтобъ не обратилось въ привычку жить въ Симбирскѣ, къ великому неудовольствію тѣхъ, которые здѣсь ожидаютъ нетерпѣливо увидѣться съ тобою поскорѣе. Касательно до себя скажу то, что я нынѣ со всѣмъ избаловался, такъ что и мышей ловить не гожусь. Лѣность и праздность столько мною овладѣли, что я почти ни за какую работу не принимаюсь, а потому и рѣдко бываю въ добромъ расположеніи. Это уже не новое, но давнишнее, скажешь ты. Правда! но мнѣ кажется, что прежде я никогда не чувствовалъ тягости, какую навьючиваетъ на насъ бездѣлье, по крайней мѣрѣ чувствовать началъ».

Карамзинъ возвратился въ Москву, вѣроятно, въ Іюнѣ, судя по послѣднему письму Петрова. Связь ихъ укрѣплялась болѣе и болѣе. Мы продолжаемъ здѣсь извѣстія объ ней изъ воспоминанія Карамзина:

«Свѣтъ былъ тогда чужимъ и мнѣ и ему: ему еще болѣе, нежели мнѣ; но мы любили книги, и не думали о свѣтѣ; имѣли немного, не многимъ были довольны, и не чувствовали недостатка. Прелести разума, прелести душевныя, казались намъ всего любезнѣе—ими плѣнялись мы, ими въ твореніяхъ великихъ умовъ наслаждались, и не рѣдко за Оссіаномъ, Шекспиромъ, Боннетомъ, просиживали половину зимнихъ ночей. Часто духъ нашъ на крыльяхъ воображенія облеталъ небесныя пространства, гдѣ Оріонъ и Сиріусъ въ златыхъ вѣнцахъ сіяютъ; тамъ искали мы нѣжныхъ друзей своему сердцу, и часто заря утренняя красила восточное небо, когда я разставался съ Агатономъ, и возвращался домой съ покойною душею, съ новыми знаніями или съ новыми идеями».

. . . . . . . . . . . пріятнѣйшее время,
Когда со мной живалъ подъ кровомъ тишины;
Когда намъ жизнь была не тягостное бремя,
Но радостный восторгъ; когда, удалены
Отъ шума, отъ заботъ, съ весельемъ мы встрѣчали
Аврору на лугахъ, и въ знойные часы
Въ прохладныхъ гротахъ отдыхали;

Когда вечернія красы
И пѣсни соловья вливали въ духъ нашъ сладость...
Ахъ! часто мракъ темнилъ надъ нами синій сводъ;
По мы, вкушая радость,
Внимали шуму горныхъ водъ,
И сонъ съ тобою забывали!
Не рѣдко огнь блисталъ, гремѣлъ надъ нами громъ:
Но мы сердечно ликовали
И улыбались предъ Отцомъ,
Который простиралъ къ намъ съ неба длань благую;
Въ восторгѣ пѣли мы гимнъ славы, пѣснь святую:
На крыльяхъ молніи къ нему летѣлъ нашъ духъ!..

Такъ описываетъ Карамзинъ это время въ своемъ стихотвореніи на разлуку съ П. (Петровымъ) (1792).

Въ письмахъ Русскаго путешественника находимъ мы нѣсколько воспоминаній объ ихъ занятіяхъ въ это время напримѣръ: «Въ церкви св. Андрея сооруженъ памятникъ», пишетъ Карамзинъ изъ Парижа, «Аббату Батте, наставнику авторовъ, котораго за два года (слѣд. въ 1786 г.) передъ симъ читалъ я съ любезнымъ Агатономъ, вникая въ истину его правилъ и разбирая красоты его примѣровъ».

Въ одномъ письмѣ изъ Курляндіи во время путешествія, онъ пишетъ: «я отказался отъ ужина, вышелъ на берегъ, и вспомнилъ одинъ Московскій вечеръ, въ который, гуляя съ Петровымъ подъ Андроньевымъ монастыремъ, съ отмѣннымъ удовольствіемъ смотрѣли мы на заходящее солнце. Думалъ ли я тогда, что ровно чрезъ годъ буду наслаждаться пріятностями вечера въ Курляндской корчмѣ!»

«Въ семъ искреннемъ сообщеніи душъ нашихъ,» продолжаетъ Карамзинъ, «пріобрѣлъ я и нѣкоторое эстетическое чувство, нужное для любителей литературы. Вѣрный вкусъ друга моего, отличавшій съ великою тонкостію посредственное отъ изящнаго, изящное отъ превосходнаго, выученное отъ природнаго, ложныя дарованія отъ истинныхъ), былъ для меня свѣтильникомъ въ искусствѣ и поэзіи. Восхищенный красотою цвѣтовъ, растущихъ на семъ полѣ, дерзалъ я иногда младенческими руками образовать нѣчто подобное онымъ, и не зрѣлыя свои мысли изливать на бумагу; — онъ былъ первымъ моимъ судьею, и хотя замѣ-

чалъ недостатки, однако же, по снисхожденію и нѣжности своей, ободрялъ меня въ сихъ упражненіяхъ.»

«Одинакіе вкусы могутъ быть при различныхъ свойствахъ души: Агатонъ и я любили одно, но любили различнымъ образомъ. Гдѣ онъ одобрялъ съ покойною улыбкою, тамъ я восхищался; огненной пылкости моей противо-полагалъ онъ холодную свою разсудительность; я былъ мечтатель, онъ дѣятельный философъ. Часто, въ меланхолическихъ припадкахъ, свѣтъ казался мнѣ противенъ, и часто слезы лились изъ глазъ моихъ; но онъ никогда не жаловался, никогда не вздыхалъ и не плакалъ; всегда утѣшалъ меня, но самъ никогда не требовалъ утѣшенія; я былъ чувствителенъ, какъ младенецъ; онъ былъ твердъ, какъ мужъ: но онъ любилъ мое младенчество также, какъ я любилъ его мужество.»

«Если когда нибудь осмѣлюсь я слабымъ перомъ своимъ начертать исторію моихъ мыслей, тогда опишу, можетъ быть, и нѣкоторыя изъ тѣхъ ночныхъ бесѣдъ, въ которыхъ развивались первыя мои метафизическія понятія. Печать молчанія хранитъ ихъ теперь въ груди моей.»

Кромѣ Петрова Карамзинъ былъ очень друженъ съ Алексѣемъ Михайловичемъ Кутузовымъ, о которомъ упоминаетъ нѣсколько разъ въ письмахъ Русскаго путешественника, называя его дражайшимъ пріятелемъ, добродушнымъ и любезнымъ человѣкомъ.

Кутузовъ уѣхалъ прежде Карамзина въ чужіе краи, и вотъ что писалъ ему однажды изъ Берлина: (привожу это мѣсто, чтобъ показать на предметы ихъ любимыхъ дружескихъ бесѣдъ) «я нашелъ въ звѣринцѣ длинную алею, состоящую изъ древнихъ сосенъ; мрачность и непремѣняющаяся зелень деревъ производятъ въ душѣ нѣкоторое священное благоговѣніе. Не забуду я одного утра, когда гуляя въ звѣринцѣ одинъ, и предавшись стремленію своего воображенія, которое, какъ извѣстно тебѣ, склонно къ пасмурнымъ представленіямъ, вступилъ я нечаянно въ сію алею. До того мѣста освѣщало меня лучезарное солнце; но вдругъ изчезъ весь свѣтъ. Я поднялъ глаза, и увидѣлъ передъ собою сей путь мрачности. Только вдали при выходѣ видѣнъ былъ свѣтъ. Я остановился и долго глядѣлъ. Наконецъ одна мысль пробудила меня... Не есть ли—думалъ я—не есть ли тьма сія изображеніе твоего состоянія, когда ты, разлучившись съ тѣломъ,

вступишь въ неизвѣстный тебѣ путь? Мысль сія такъ во мнѣ усилилась, что я уже представилъ себя облегченнаго отъ земнаго бремени, идущаго къ оному, вдали свѣтящемуся свѣту, и съ того времени всякій разъ, когда я бываю въ звѣринцѣ, захожу туда и часто поминаю тебя». Любезный меланхоликъ! прибавляетъ Карамзинъ къ этому отрывку изъ письма къ нему Кутузова: я самъ думалъ о тебѣ, вступая въ сію алею, и стоялъ, можетъ быть, точно на томъ мѣстѣ, гдѣ ты обо мнѣ думалъ. Можетъ быть, ты опять здѣсь стоять будешь, но я буду далеко, далеко отъ тебя!

Карамзинъ надѣялся увидѣть Кутузова въ Берлинѣ: «я такъ ясно представлялъ себѣ А.., идущаго ко мнѣ на встрѣчу съ трубкою и кричащаго: кого вижу? братъ Рамзей въ Берлинѣ? что руки мои протянулись обнять его.

Мы узнаемъ изъ этого мѣста, что Карамзина въ дружескомъ обществѣ, прозвали Рамзаемъ. (*)

Въ письмахъ Карамзина сохранилось воспоминаніе еще объ одномъ его знакомцѣ этого времени, Нѣмецкомъ авторѣ Ленцѣ, который нѣсколько времени жилъ съ нимъ въ одномъ домѣ. Глубокая меланхолія, говоритъ Карамзинъ, вслѣдствіе многихъ несчастій, свела его съ ума, но въ самомъ сумашествіи онъ удивлялъ насъ иногда своими піитическими идеями, и всего чаще трогалъ добродушіемъ и терпѣніемъ.

Судьба занесла Ленца въ Москву и его, какъ видно, пріютилъ у себя Новиковскій кружокъ. Петровъ и Карамзинъ знали Ленца въ послѣдніе годы его жизни, и вѣроятно чрезъ него въ особенности познакомились съ Шекспиромъ, отъ котораго онъ былъ въ восторгѣ.

Къ пріятелямъ Карамзина принадлежалъ еще кто-то, называемый имъ въ разныхъ статьяхъ Исидоромъ, который былъ вмѣстѣ другомъ Н. И. Плещеевой, и скончался въ 1791 году.

Въ кругу Дружескаго общества Карамзинъ прожилъ около четырехъ лѣтъ, отъ 19го до 23 года своей жизни.

---

(*) Г. Галаховъ входитъ въ изслѣдованіе о происхожденіи этого прозванія, даннаго Карамзину его друзьями, и предлагаетъ біографическое извѣстіе о Михаилѣ Рамзеѣ, Англійскомъ писателѣ 1686—1743. Мнѣ кажется, что Рамзай есть просто сокращеніе К а р а м з и н а.

Это былъ его университетскій курсъ; здѣсь довершилось, какъ говорится, его образованіе, получившее на первыхъ порахъ оттѣнокъ мистико-философской.

Въ чемъ же собственно состояли занятія молодаго Карамзина въ продолженіи этихъ четырехъ лѣтъ (1785—1788)?

Онъ учился, читалъ, вѣроятно сначала по указаніямъ своихъ наставниковъ и старшихъ товарищей, писалъ, — мы знаемъ о нѣкоторыхъ опытахъ его сочиненій, помѣщенныхъ въ Дѣтскомъ чтеніи, — очень много переводилъ.

Нѣмецкая литература занимала его въ особенности, благодаря хорошему знанію Нѣмецкаго языка, пріобрѣтенному еще дома, и потомъ въ пансіонѣ Профессора Шадена.

Изъ писемъ Русскаго путешественника мы видимъ, что онъ коротко зналъ тогда уже не только сочиненія первоклассныхъ писателей, подвизавшихъ на славномъ поприщѣ — Клопштока, Галлера, Гердера, Лессинга, Виланда, Лафатера, Гете, Шиллера, но былъ знакомъ и вообще съ литтературою,—съ сочиненіями Морица, Гарве, Платнера, Вейсе, Енгеля, Рамлера, Клейста, Маттизона и проч.

Любимѣйшими писателями между Нѣмцами были Гердеръ, Лафатеръ, Геснеръ.

Изъ Англичанъ выше всѣхъ ставилъ Карамзинъ Шекспира, котораго переводить мечталъ еще въ Симбирскѣ. Горячимъ сочувствіемъ его пользовался Стернъ, котораго онъ зналъ чуть ли не наизусть, Томсонъ, Адиссонъ.

Карамзинъ любилъ переводить мѣста изъ писателей, которые ему особенно нравились. Разбирая одинъ альбомъ въ Женевѣ онъ припоминаетъ:

«Между прочими (выписками) нашелъ я строфу изъ Адиссоновой оды, въ которой поэтъ благодаритъ Бога за всѣ дары, пріятые имъ отъ руки Его — за сердце, чувствительное и способное къ наслажденію — и за друга, вѣрнаго, любезнаго друга! Сія ода напечатана въ Англійскомъ Зрителѣ. Нѣкогда просидѣлъ я цѣлую зимнюю ночь за переводомъ ея, и въ самую ту минуту, когда написалъ послѣдніе два стиха:

И въ самой вѣчности не можно
Воспѣть всей Славы Твоея!

восходящее солнце освѣтило меня первыми лучами своими. Сіе утро было одно изъ лучшихъ въ моей жизни!».

Во Французской словесности, менѣе ему знакомой, первое мѣсто принадлежало Руссо, любимцу его сердца: Confessions, Элоиза, Емиль, приводили его въ восторгъ.

Особенное расположеніе чувствовалъ онъ къ Боннету, котораго Contemplations de la Nature намѣревался перевести.

Есть воспоминаніе въ письмахъ о Батте, которое привести мы имѣли уже случай.

Какое дѣйствіе производили эти писатели на Карамзина, мы увидимъ, когда онъ повстрѣчается съ ними лицемъ къ лицу, или посѣтитъ мѣста ихъ дѣятельности. Тамъ познакомимся мы еще лучше и съ собственнымъ его взглядомъ на вещи, пріобрѣтеннымъ въ продолженіи этого періода.

Карамзинъ начиналъ учиться по Гречески, о чемъ говоритъ въ письмѣ изъ Данцига: «Хотѣлось бы мнѣ видѣть и Профессора Тренделенбурга, чтобы поблагодарить его за Греческую грамматику, имъ сочиненную, которою я пользовался.» (с. 44).

Въ одномъ письмѣ къ Дмитріеву, посылая ему стихи, писанные Греческимъ размѣромъ онъ говоритъ, что разбиралъ тогда по складамъ Греческихъ поэтовъ. Въ письмахъ Русскаго путешественника есть одна цитата по Гречески. Мы видимъ что онъ понималъ и цѣнилъ простоту Гомера, говоря о достоинствѣ Нѣмецкихъ переводовъ. Въ письмахъ находятся также упоминовенія о Лукіанѣ, о Павзаніѣ, о Діогенѣ Лаэртіѣ. Вообще онъ имѣлъ вѣрное понятіе о древности, и часто употреблялъ сравненія, приводилъ сказанія, дѣлалъ замѣчанія заимствованныя изъ древняго міра.

Русская Исторія привлекала также его вниманіе, и онъ познакомился хорошо съ главными ея событіями, вѣроятно по Татищеву, Щербатову, Болтину, по изданіямъ Миллера и Новикова, и составилъ собственное объ ней мнѣніе. Онъ видѣлъ неудовлетворительное ея положеніе, и въ его живомъ воображеніи нарисовался тотчасъ ея желанный обликъ; онъ вѣрно думалъ уже о томъ, какъ бы возбудить ею вниманіе и любопытство соотечествениковъ.

Мы удостовѣримся въ этомъ, читая его письмо изъ Парижа о Русской Исторіи, по случаю встрѣчи съ Левекомъ, которое не могло быть имъ сочинено тогда; данныя записаны именно въ то время, которое мы описываемъ теперь.

Карамзинъ любилъ заниматься и стихотворствомъ. Съ Дмитріевымъ, первымъ своимъ литтературнымъ другомъ, онъ переписывался въ это время часто стихами, по большой части бѣлыми, а иногда и съ риѳмами. Мы передадимъ здѣсь нѣкоторыя его письма, вполнѣ и въ отрывкахъ, чтобъ показать его вмѣстѣ и съ домашней стороны, познакомить съ образомъ мыслей о разныхъ предметахъ, съ его тогдашнимъ слогомъ.

«Вы въ началѣ письма вашего именовали меня М. Г.; но именованіе друга мнѣ бы пріятнѣе было слышать изъ устъ твоихъ. Вы радуетесь, что я началъ пользоваться пріятною и спокойною жизнію, то вмѣсто моего на сіе отвѣта потрудитесь прочесть нѣсколько начальныхъ строкъ письма моего къ Александру Ивановичу».

«Дружба ваша ко мнѣ позволяетъ мнѣ надѣяться, что переписка наша продолжится, и подастъ мнѣ случай чаще увѣрять васъ въ моей къ вамъ преданности и моемъ къ вамъ почтеніи.

Отрывокъ изъ втораго письма (1787).»

Часто здѣсь въ юдоли мрачной
Слезы льются изъ очей;
Часто страждетъ и томится
Терпитъ много человѣкъ.

Наслаждаясь, унываемъ;
Веселяся слезы льемъ.
Что забава, то причина
Новая крушить себя.

Не ликуй ты при забавахъ,
Чтобъ не плакать послѣ ихъ;
Чѣмъ кто болѣе смѣется,
Тѣмъ вздыхаетъ чаще тотъ.

Ни къ чему не прилѣпляйся
Слишкомъ сильно на землѣ;
Ты здѣсь странникъ, не хозяинъ:
Все оставить долженъ ты.

Будь увѣренъ, что здѣсь счастье
Не живетъ между людей,
Чтò здѣсь счастьемъ называютъ,
То едина счастья тѣнь.

Въ письмѣ 1787 г. (вѣроятно въ сентябрѣ) Карамзинъ поздравляетъ Дмитріева съ днемъ его рожденія.

«Поздравляю тебя со вступленіемъ на 28-й годъ. Желаю,-чтобы будущее было лучше прошедшаго.»

Но что же скажемъ мы о времени прошедшемъ?
Какими радостьми, мой другъ, питались въ немъ?
Мы жили, жили мы—и болѣе не скажемъ,
И болѣе сказать не можемъ ничего.
Уже нашъ шаръ земной едва не четверть вѣка
Свершаетъ круглый путь, вкругъ солнца обходя,
Какъ я пришелъ въ сей міръ, иль по просту родился,
Но все, мой другъ, мнѣ все казалось время сномъ.
Бывали страшны сны, бывали и пріятны;
Но значатъ ли что сны? не суть ли только дымъ?

Въ одномъ письмѣ Карамзинъ такъ прославляетъ дружбу:

Счастье истинно хранится
Выше звѣздъ на небесахъ;
Здѣсь живя, ты не возможешь
Никогда найти его.

Есть здѣсь счастіе едино
Буде такъ сказать могу,
Коимъ въ мірѣ обладая
Лучшимъ обладаешь ты.
. . . . . . . . .

Буди ты благословенна
Дружба, даръ святый небесъ!
Буди жизни услажденьемъ
Ты моей здѣсь на землѣ.

Нѳ и дружбѣ окончаться
Время нѣкогда придетъ;
Сама дружба насъ заставитъ
Послѣ слезы проливать.

Время всѣмъ намъ разлучиться
Непремѣнно притечетъ;
Часъ настанетъ, другъ увянетъ,
Яко роза въ жаркій день.

Все исчезнетъ, что ни видишь,
Все погибнетъ на землѣ;
Самый міръ сей истребится,
Пепломъ будетъ въ нѣкій день.

Въ письмѣ отъ 18-го мая, 1788 г. Карамзинъ призываетъ Дмитріева къ стихотворству:

«Пой, братъ, пой! Пѣсни дѣло не худое: кто упражняется въ поэзіи, кто нашелъ въ ней вкусъ, тотъ рѣже другого будетъ въ жизни своей скучать, а скука есть злой червь, который точетъ цвѣтъ жизни нашей.»

Болѣзнь есть часть живущихъ въ мірѣ,
Страдаетъ тотъ, кто въ немъ живетъ.
Въ странѣ подлунной все томится;
Нигдѣ покоя въ мірѣ нѣтъ.

Но тѣмъ мы можемъ утѣшаться,
Что намъ не вѣкъ въ семъ мірѣ жить;
Что скоро, скоро мы престанемъ
Страдать, стенать и слезы лить.

Въ духовны сферы вознесемся,
Гдѣ нѣтъ болѣзни, смерти нѣтъ.
Тогда мой другъ, тогда узнаемъ,
Почто страдали столько лѣтъ.

Тогда, бывъ свѣтомъ озарены,
Падемъ, поклонимся Творцу,
И слезы радости проливши
Воскликнемъ къ нашему отцу:

Ты благъ, премудръ, могущъ чудесно!
Ты все во благо превратилъ,
Что намъ великимъ зломъ казалось,
Ты намъ къ блаженству сотворилъ.

«Я радъ, любезный другъ, что ты терпѣливо сносишь свою болѣзнь. Нетерпѣливый человѣкъ во всякомъ случаѣ увеличиваетъ свое горе и бываетъ близокъ къ отчаянію; но тотъ, кто въ скорби вооружается терпѣніемъ, бываетъ къ счастливой перемѣнѣ гораздо ближе нетерпѣливаго, и самое настоящее зло не такъ сильно чувствуетъ, отъ того, что не ропщетъ и не жалуется.»

Шутя съ Дмитріевымъ, по поводу намѣренія его принять участіе въ Шведской войнѣ, Карамзинъ пишетъ отъ 2 Іюля 1788 года: Можетъ быть потомки наши будутъ читать поэму, подъ заглавіемъ Шведская война, въ которой ты конечно будешь играть не послѣднюю роль ..... Если же ты и самъ вздумаешь воспѣть великіе подвиги свои и всего воинства нашего, то пожалуй п о й д а к т и л я м и и х о р е я м и, г р е ч е с к и м и г е к з а м е т р а м и, а н е я м б и ч е с к и м и ш е с т и с т о п н ы м и с т и х а м и, к о т о р ы е д л я г е р о и ч е с к и х ъ п о э м ъ н е у д о б н ы и в е с ь м а у т о м и т е л ь н ы. Будь нашимъ Гомеромъ, а не Вольтеромъ. Два дактиля и хорей, два дактиля и хорей, напримѣръ:

**Трубы въ походѣ гремѣли, крики по воздуху мчались.»**

Вотъ оно, вотъ начало Русскихъ гекзаметровъ» за двадцать лѣтъ до разсужденія Гнѣдича, Уварова, Капниста, за десять лѣтъ до опытовъ Мерзлякова — въ шуткѣ Карамзина, въ письмѣ къ другу, позабытой безъ сомнѣнія ими обоими, оставшейся для всѣхъ неизвѣстною! Такъ чуетъ геній.

О т ъ А в г у с т а 3, 1788 г о д а:... Что мнѣ писать къ тебѣ? Увѣдомлять ли тебя о новыхъ пѣсняхъ Московскихъ музъ? Но онѣ всѣ уныли и молчатъ. — Ахъ, любезный другъ! чада мира не рождаются во время войны? Философствовать ли? Но тамъ не любятъ читать философскихъ дисертацій, гдѣ летаютъ пули. Что же? Пожелаю тебѣ отъ всего сердца добраго здоровья и спокойствія; попрошу тебя, чтобы ты и впередъ помнилъ меня и писалъ ко мнѣ, (ибо вы можете писать о многомъ, что насъ интересовать будетъ), и потомъ скажу, что я всегда буду твоимъ другомъ.

О т ъ 17 Н о я б р я 1788 г. Карамзинъ написалъ къ Дмитріеву посланіе, которое долго читалось, и помѣщено даже въ образцовыхъ сочиненіяхъ, изд. Жуковскимъ, и обществомъ любителей отечественной словесности. Оно представляетъ также опытъ новаго размѣра, очень примѣчательный для того времени, когда у всѣхъ стихотворцевъ господствовалъ одинъ почти ямбъ.

Многіе Барды, лиру настроя,
Смѣло играютъ, поютъ;
Звуки ихъ лиры, гласы ихъ пѣсней,
Мчатся по рощамъ, шумятъ.

Многіе Барды, тоны возвыся,
Страшныя битвы поютъ;
Въ звукахъ ихъ пѣсней слышны удары,
Стонъ пораженныхъ и смерть.

Многіе Барды, тоны унизя,
Сельскую радость поютъ —
Нравы невинныхъ, кроткихъ пастушекъ,
Вздохи, утѣхи любви.

Многіе Барды, въ пьяномъ восторгѣ,
Намъ воспѣваютъ вино,
Всѣхъ призывая имъ утоляти
Скуку, заботы, печаль.

Всѣ ли ихъ пѣсни трогаютъ сердце,
Душу приводятъ въ восторгъ?
Всѣ ли *Гомеръ*, *Томсонъ*, *Клейстъ?*
Гдѣ *Анакреонъ* другой?

«Мало осталось Бардовъ великихъ.»—
Такъ воспѣвая, вздохнулъ;
Слезы изъ сердца тихо катятся;
Лира валится изъ рукъ.

Быстро зефиры, съ Невскихъ предѣловъ,
Быстро несутся ко мнѣ —
Вѣютъ — вливаютъ сладкія пѣсни,
Нѣжныя пѣсни въ мой слухъ....

Я восхищаюсь! — въ радости сердца
Громко взываю, пою:
Древніе Барды духъ свой вліяли
Въ новаго Барда *Невъ!*

«Такъ бѣдный Московскій стихотворецъ, учащійся нынѣ разбирать по складамъ греческихъ поэтовъ, осмѣливается греческимъ

стихотворенiемъ воспѣвать хвалу своему другу! Какъ радуюсь, есть ли подлинно я подалъ тебѣ поводъ спѣть такую хорошую пѣснь!(?) Высокая гармонiя да будетъ всегда душею пѣсней твоихъ.»

Въ Дѣтскомъ чтенiи помѣщено нѣсколько стихотворенiй Карамзина, напр. посланiе къ А. А. П. (разумѣется Ал. Ан. Петрову), жившему тогда въ деревнѣ.

Зефиръ прохладной вѣетъ,
И Флору оставляя,
Зефиръ со мной играетъ,
Меня утѣшить хочетъ;

Зефиръ напрасно мыслишь,
Меня развеселити;
Мнѣ плакать не давая
Ты въ сердце не проникнешь:
Моя же горесть въ сердцѣ.
Но если ты намѣренъ
Мнѣ службу сослужить,
Лети, Зефиръ прекрасный,
Къ тому, который любитъ
Меня любовью нѣжной;
Лети въ деревню къ другу;
Найди его подъ тѣнью
Лежащаго покойно,
Ввѣй въ слухъ его тихонько,
Что ты теперь услышишь.

Разставашися съ тобою.
Чего не думалъ сдѣлать!

Читая философовъ,
Я вздумалъ философомъ
Прослыть въ ученомъ свѣтѣ;
Схвативъ перо, бумагу,
Хотѣлъ писать я много
О томъ, какъ человѣку
Себя счастливымъ сдѣлать,
И мудрымъ быть въ сей жизни, и проч.

Самое примѣчательное стихотворенiе, написанное Карамзинымъ въ 1787 году, есть Поэзiя. Мы приведемъ изъ него нѣсколько стиховъ:

Едва былъ созданъ міръ огромный, велелѣпный,
Явился человѣкъ, прекраснѣйшая тварь,
Предметъ любви Творца, любовію рожденный,
Явился — весь сей міръ привѣтствуетъ его,
Въ восторгѣ и любви единою улыбкой.
Узрѣвъ соборъ красотъ, и чувствуя себя,
Сей гордый міра Царь почувствовалъ и Бога,
Причину бытія—толь живо ощутилъ
Величіе Творца, Его премудрость, благость,
Что сердце у него въ гимнъ нѣжный излилось,
Стремясь летѣть къ Отцу.... Поэзія святая!
Се ты въ устахъ его, въ источникѣ своемъ,
Въ высокой простотѣ—Поэзія святая.
Благословлю я рожденіе Твое!

Намъ остается говорить о печатныхъ литтературныхъ занятіяхъ Карамзина.

Кажется, что первымъ трудомъ, возложеннымъ на него отъ Дружескаго общества, было участіе въ переводѣ Штурмовыхъ размышленій.

Дмитріевъ говоритъ положительно, что имъ переведено изъ этого сочиненія два или три тома,—и нѣтъ никакого основанія отвергать такое свидѣтельство. Дружеское общество не могло оставить Карамзина безъ работы на такое долгое время, которое мы должны бы предполагать, если отстранить его, съ г. Галаховымъ, отъ участія въ переводѣ Штурма. Недостатки перевода легко объясняются неопытностію переводчика, для котораго это былъ второй только опытъ. Впрочемъ языкъ перевода не много хуже языка и въ слѣдующемъ за нимъ опытѣ. Приводимъ нѣсколько строкъ:

«Сохрани меня, святѣйшій Іисусе мой, отъ такого рода жизни, личиною добродѣтели прикрывающагося и влекущаго за собою извѣстнѣйшую смерть. Хотя бы и всѣ люди не вѣровали въ тебя и посрамляли заповѣди твои, однако я вѣровать въ тебя буду. Но не есть ли я дерзостный Петръ? Съ какою холодностію и любопытствомъ грѣюся я всегда у огня міра, забывая добродѣтели и обѣты свои! Доколѣ будетъ еще продолжаться сіе, дотолѣ буду я присвоивать себѣ только имя, а не существо благочестія.

Теперешнее взываніе мое къ тебѣ да не будетъ только взываніе къ тебѣ по имени, но да будетъ дѣйствительнымъ усерднымъ взываніемъ. Если будетъ сіе такъ, то ты Боже мой, услышишь меня охотно, и исполнишь всѣ прошенія мои.»

Сомнѣніе г. Галахова происходитъ отъ того, что онъ переводъ Штурмовъ относитъ къ позднѣйшему времени, послѣ Юлія Цезаря и Емиліи Галотти, по времени его печатанія (*), но печатаніе могло да и должно было кончиться долго спустя послѣ окончанія перевода.

Всякое сомненіе уничтожается теперь подлинными собственоручными корректурами Карамзина, съ подписью о печатаніи, за январь и февраль мѣсяцы, которыя доставилъ мнѣ по благосклонности своей Ѳ. Н. Глинка.

За Штурмомъ послѣдовало сочиненіе Галлера о происхожденіи зла, вѣроятно также по указанію общества. Оно было напечатано въ типографіи компаніи типографической, 1786 года. Одинъ выборъ этой книги показываетъ уже, въ сферѣ какихъ мыслей Карамзинъ въ то время находился.

Переводъ свой онъ посвятилъ старшему своему брату, Василію Михайловичу, при слѣдующемъ письмѣ:

Родство и дружба соединяютъ сердца наши союзомъ неразрывнымъ. Всегда почитаю я то время счастлявѣйшемъ временемъ жизни моей, когда имѣю случай излить предъ Вами ощущенія сердца моего; когда имѣю случай сказать Вамъ, что я Васъ люблю и почитаю. Да внушитъ же Вамъ приношеніе сіе оную истину, и да послужитъ новымъ для Васъ увѣреніемъ, что я во всю жизнь свою буду

Вашимъ покорнѣйшимъ братомъ и слугою
Николай Карамзинъ.

Предложимъ начало поэмы, изъ коей увидимъ, какъ еще труденъ былъ Карамзину языкъ, и какъ робко онъ слѣдовалъ по Ломоносовскому направленію:

«Нѣжный зефиръ побудилъ меня нѣкогда остановиться между древами на уединенныхъ холмахъ. Изъ подошвы возвышеній сихъ истекаетъ тихая рѣка, коея воды составляютъ множество

(*) Размышленія о дѣлахъ Божіихъ въ Царствѣ натуры и Провидѣнія, на каждый день года и бесѣды съ Богомъ, или размышленія въ утренніе и вечерніе часы. Въ 12 частяхъ. Переводъ съ нѣмецкаго. 1787—1789

совокупившихся источниковъ. Внизу открывалася мнѣ пространная страна, ограниченная обширностію своею, которой оно нигдѣ конца не обрѣтало, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ Юрасъ увѣнчиваетъ страну сію лазуревыми сѣнями. Пригорки покрываютъ зеленые лѣса, чрезъ кои съ плѣняющимъ блескомъ проницаетъ пламенный видъ полей. Тамъ извивается по разнымъ мѣстамъ блистающее сіяніе прозрачной Аары; здѣсь покоится глава Нихтланда въ мирѣ и безстрастіи на буграхъ своихъ, до коихъ высоты никто не достигалъ еще. Вездѣ, что токмо око объемлетъ, царствуетъ спокойствіе и изобиліе; подъ самымъ соломеннымъ кровомъ мхомъ оброспихъ хижинъ сельскихъ терпима здѣсь свобода, и трудъ всегда наслажденіемъ сопровождаемъ бываетъ. Земля покрыта тамъ множествомъ разновидныхъ овецъ: онѣ бляютъ и щиплютъ мураву; тучные же волы, возлежа на мягкомъ злакѣ, вкушаютъ сладость цвѣтущаго трилиственника. Быстрый и рѣзвый конь, никакими заботами неотягощенный, носится тамъ по полямъ, вновь зеленью покрывшимся, по коимъ онъ часто влачилъ орало. Колико увеселяетъ видъ лѣса сего! Въ багряномъ сіяніи являются тамо до половины обнаженныя буковыя древа, а здѣсь густая зелень соснъ осѣняетъ блѣдный мохъ. Въ мрачность зримыя сѣни, когда вѣяніе вѣтерка раздѣляетъ тѣсно соединенныя вѣтви древесъ, проницаетъ по часту лучь солнца, и распространяетъ по ней свѣтъ трепещущій; зеленая нощь разновидно совокупляется тутъ со златозорнымъ днемъ. Коль пріятна тишина древесъ! Коль пріятно между древами сими раздающееся эхо, когда соборъ счастливыхъ тварей, исполненныхъ спокойствія, въ беззаботномъ наслажденіи воспѣваютъ радостныя пѣсни. (*)

Здѣсь переводчикъ дѣлаетъ примѣчаніе:

«Подъ сими счастливыми тварями разумѣетъ Галлеръ Альпійскихъ пастуховъ. Все слышанное мною отъ путешествующихъ по Швейцаріи о родѣ жизни ихъ въ восхищеніи приводило меня. Размышленіе о сихъ счастливцахъ часто понуждало меня восклицать: О смертные, почто уклонилися вы отъ начальной невинности своей! почто гордитесь мнимымъ просвѣщеніемъ своимъ».

Примѣчательно, что эти самыя мысли выражены были Карамзинымъ во время путешествія его по Швейцаріи:

(*) Повторяемъ — этотъ языкъ недалекъ еще отъ перевода Штурмовыхъ размышленій.

«Ахъ милые друзья мои! для чего не родились мы въ тѣ времена, когда всѣ люди были пастухами и братьями! Я съ радостію отказался бы отъ многихъ удобностей жизни (которыми обязаны мы просвѣщенію дней нашихъ), чтобы возвратиться въ первобытное состояніе человѣка. Всѣми истинными удовольствіями — тѣми, въ которыхъ участвуетъ сердце, и которыя насъ подлинно счастливыми дѣлаютъ — наслаждались люди и тогда, и еще болѣе, нежели нынѣ — болѣе наслаждались они любовію (ибо тогда ничто не запрещало имъ говорить другъ другу: я люблю тебя, и дарамъ природы не предпочитались дары слѣпаго случая, не придающіе человѣку никакой существенной цѣны), — болѣе наслаждались дружбою, болѣе красотами природы. Теперь жилище и одежда наша покойнѣе: но покойнѣе ли сердце? Ахъ нѣтъ! тысячи заботъ, тысячи безпокойствъ, которыхъ не зналъ человѣкъ въ естественномъ своемъ состояніи, терзаютъ нынѣ внутренность нашу, и всякая пріятность въ жизни ведетъ за собою тьму непріятностей.» (с. 146 въ Смирд. изданіи).

При слѣдующемъ мѣстѣ въ поэмѣ Галлера: «Богъ не любитъ никакого принужденія; міръ со всѣми своими недостатками превосходнѣе царства ангеловъ, воли лишенныхъ». Карамзинъ дѣлаетъ примѣчаніе: «мысль, полное вниманіе заслуживающая — свободная воля токмо можетъ и паки возстановить падшаго, она есть драгоцѣннѣйшій даръ Творца, сообщенный имъ тварямъ избраннымъ».

Это примѣчаніе, какъ и слѣдующія, показываетъ начавшееся знакомство Карамзина съ ученіемъ масоновъ въ Дружескомъ обществѣ.

При словахъ Галлера: «извнѣ не втекаетъ никакое утѣшеніе, когда мы во внутренности мучимся. Наслажденіе бываетъ для насъ отвратительно, коль скоро лишается истинныхъ потребностей,» Карамзинъ замѣчаетъ отъ себя. «Истина неопровергаемая, и каждымъ человѣкомъ ощущаемая! Будешь окруженъ возлюбленными, будешь знатенъ, будешь богатъ, но все еще не будешь спокоенъ. Для чего? Для того, что ты лишенъ истинныхъ потребностей: всѣ сіи блага суть для тебя блага чуждыя».

При описаніи состоянія духа по смерти: «Духъ, удаленный уже отъ всего того, чѣмъ онъ доселѣ омрачался, зритъ себя въ такомъ мірѣ, въ которомъ нѣтъ ничего ему принадлежащаго . . . . Истина, коей силѣ полагаетъ препоны мятежъ міра, не обрѣтаетъ уже ничего, чтобы ощущеніе ея въ сей пустынѣ умолить могло; пожи-

рающій огнь ея проницаетъ внутренность натуры и въ глубочайшемъ мозгѣ ищетъ самомалѣйшихъ слѣдовъ зла;» Карамзинъ замѣчаетъ: «сочинитель, нѣкоторымъ образомъ темно, предлагаетъ здѣсь священную истину, такую истину, которую мы не найдемъ иногда и во множествѣ томовъ сочиненій нынѣшнихъ модныхъ теологовъ» (слѣд. ему извѣстныхъ).

Тогда же принялъ Карамзинъ дѣятельное участіе въ изданіи Дѣтскаго чтенія, журнала для дѣтей, задуманнаго Новиковымъ, и раздаваннаго имъ безденежно при Московскихъ вѣдомостяхъ, впродолженіи пяти лѣтъ съ 1785 по 1789 годъ включительно.

Дѣтское чтеніе, говоритъ о немъ самъ Карамзинъ, нравилось публикѣ новостію своего предмета и разнообразіемъ матеріи, не смотря на ученическій переводъ многихъ піесъ.

Объ участіи своемъ онъ засвидѣтельствовалъ въ запискѣ, которую мы упоминали часто, что первыми трудами его въ Словесности были переводы, напечатанные въ Дѣтскомъ чтеніи.

Въ разговорѣ съ нѣмецкимъ педагогомъ Вейсе онъ сказалъ, «что разныя піесы изъ его Друга дѣтей переведены на русскій языкъ и нѣкоторыя мною». Къ числу ихъ принадлежитъ сельская драма Аркадской памятникъ.

Дмитріевъ сообщаетъ, что для Дѣтскаго чтенія Карамзинъ перевелъ еще съ французскаго Les Veillées du chateau, г-жи Жанлисъ, и напечаталъ тамъ первую повѣсть, имъ сочиненную и первые опыты свои въ поэзіи.

Сочиненіе Жанлисъ переводчикъ назвалъ Деревенскими вечерами, и только перемѣнилъ имена дѣйствующихъ лицъ, равно какъ и мѣста ихъ пребыванія. Такъ говоритъ г. Галаховъ въ своемъ изслѣдованіи объ этомъ эпизодѣ литературной дѣятельности Карамзина, которымъ мы здѣсь и воспользуемся.

«Всѣхъ разсказовъ 15. Они занимаютъ шесть частей, отъ 9 до 14 включительно, составляющихъ цѣлый годъ изданія (1787) и половину 15 части, (1788).»

«Весьма замѣчателенъ Пустынникъ, по тѣмъ чертамъ сходства въ образѣ мыслей и даже въ обстоятельствахъ жизни, которое находимъ между имъ и самимъ Карамзинымъ.»

«Карамзину», продолжаетъ г. Галаховъ, «если не ошибаемся, принадлежитъ переводъ нѣсколькихъ статей изъ Боннетова сочиненія: Le Contemplations de la Nature. Это доказывается примѣчаніемъ къ переводу Введенія при первыхъ словахъ: «Возношуся къ Вѣчной причинѣ,» переводчикъ говоритъ въ выноскѣ слѣдующее:

«Raison éternelle на языкѣ Боннетовомъ не значитъ: «вѣчный разумъ,» какъ то перевелъ Нѣмецкій переводчикъ, Профессоръ Тиціусъ. Въ концѣ первой главы говоритъ Боннетъ: il est hors de l'univers une raison éternelle de son existence. Здѣсь Raison не можетъ значить «разумъ,» а великій философъ не употребляетъ одного слова въ столь разныхъ значеніяхъ.»

Тоже самое замѣчаніе повторено въ письмахъ Русскаго путешественника:

«Я сказалъ Боннету,»—пишетъ Карамзинъ — «что Тиціусъ, не смотря на свою ученость во многихъ мѣстахъ не понималъ его. Напримѣръ начало: Je m'eleve à la raison eternelle, перевелъ онъ: ich erhebe mich zu der ewigen Vernunft, грубая ошибка! Вмѣсто Vernunft надлежало бы сказать Ursache: подъ словомъ Raison разумѣетъ авторъ «причину» а не «разумъ.»

«Карамзину должно приписать переводъ. «Весны, Лѣта, Осени и Зимы, Томпсонова Гимна, заключающаго поэму «Времена года.»

Повѣстью собственнаго сочиненія, о которой сказано въ запискахъ Дмитріева, г. Галаховъ почитаетъ: «Евгеній и Юлія, Русская старинная повѣсть.»

«Если предположеніе наше справедливо, «говоритъ онъ,» то съ нея долженъ вести свое начало разрядъ чувствительныхъ повѣстей. Содержаніе ея очень просто; г-жа Л. удалилась изъ Москвы въ деревню, гдѣ жила въ совершенномъ уединеніи съ Юліей, дочерью умершей ея пріятельницы. Весну и лѣто проводили они въ наслажденіяхъ пріятностями природы.»

«Когда же наступала пасмурная осень и густымъ мракомъ все твореніе покрывала, или свирѣпая зима, отъ сѣвера несущаяся, потрясала міръ бурями своими: когда въ нѣжное Юліино сердце вкрадывалась томная меланхолія и тихими вздохами колебала грудь ея: тогда брались за книги, безсмертныя творенія истинныхъ философовъ, для пользы рода человѣческаго: тогда читали и перечитывали письма любезнаго Евгенія, учившагося въ чужихъ краяхъ. Иногда при чтеніи сихъ писемъ глаза Юліины наполнялись слезами пріятными любви и почтенія къ благоразумному и добросердечному юношѣ. Ахъ, когда онъ къ намъ пріѣдетъ? часто говаривала г-жа Л., какъ счастлива буду я, когда его увижу прижму къ своему сердцу, и тебя съ нимъ вмѣстѣ, Юлія.»

«Наконецъ онъ пріѣхалъ. Дружба его къ Юліи обратилась въ пламенную любовь. Онъ подарилъ ей множество книгъ французскихъ, италіанскихъ и нѣмецкихъ. Юлія прекрасно играла на клавесинѣ и пѣла. Особенно нравилась ей пѣснь Клопштока, къ которой музыку сочинилъ Глюкъ. Евгеній и Юлія часто гуляли при свѣтѣ луны, разсматривали звѣздное небо и дивились величеству Божію; внимая шуму водопада, разсуждали о безсмертіи. Сколько высокихъ, нѣжныхъ мыслей сообщали они другъ другу бывъ оживлены духомъ натуры.»

«Когда Евгенію минуло двадцать два года, а Юліи—двадцать одинъ, они открылись другъ другу во взаимной любви, г-жа Л. была въ восторгѣ.—Но увы! прочное счастіе рѣдко существуетъ въ свѣтѣ: Евгеній заболѣлъ горячкою и въ девятый день умеръ.»

«Одинъ молодой, чувствительный человѣкъ, проѣзжавшій чрезъ деревню г-жи Л., и слышавшій сію печальную повѣсть, посѣтилъ гробъ Евгеніевъ, и на бѣломъ камнѣ, лежавшемъ между цвѣтовъ на могилѣ, написалъ карандашемъ слѣдующую эпитафію, которая послѣ была вырѣзана на особливомъ мраморномъ камнѣ:

Сей райскій цвѣтъ не могъ въ семъ мірѣ распуститься—
Увялъ, изсохъ, опалъ—и въ рай былъ пренесенъ.»

Я совершенно согласенъ съ г. Галаховымъ: слогъ и тонъ этой повѣсти обличаютъ Карамзина.

«Наконецъ обратимъ вниманіе,» продолжаетъ г. Галаховъ «на «Прогулку» сочиненіе Карамзина, который самъ упоминаетъ о томъ въ одной изъ книжекъ Московскаго журнала. Оно можетъ служить примѣромъ размышленій, занимавшихъ въ то время автора, и вмѣстѣ показать, до какой уже степени образовался слогъ его. Въ концѣ прекраснаго весенняго дня съ «Томсономъ» въ рукѣ авторъ пошелъ за городъ прогуляться. Прійдя на берегъ рѣки, онъ увидѣлъ въ чистыхъ водахъ ея отраженіе солнца. Взирая на закатъ его авторъ размышлялъ такъ:»

«Великолѣпное свѣтило! сколько вѣковъ освѣщаешь ты міръ нашъ! сколько тысячелѣтій питаешь его животворными своими вліяніями! колико число мудрыхъ, вѣдавшихъ таинственныя твои дѣйствія, отъ начала міра, воспѣвали силу твою въ гимнахъ торжественныхъ! Индія и Аравія издревле были исполнены почита-

телей твоихъ: гдѣ же теперь всѣ сіи мудрецы? Но ты, постоянное свѣтило, не ослабѣваешь въ своемъ теченіи; свѣтя всегда съ равнымъ блескомъ, во всякомъ вѣкѣ находишь новыхъ почитателей, новыхъ воспѣвателей чудесныхъ силъ твоихъ. Бывъ свидѣтелемъ тысячи перемѣнъ на землѣ нашей, ты ни въ чемъ не перемѣнилося. Въ сей день, въ сей часъ, въ сію минуту, за пять или за шесть тысячъ лѣтъ предъ симъ, какой нибудь мудрецъ, котораго память загладилась уже въ лѣтописяхъ нашихъ, павъ на колѣни съ благоговѣніемъ восклицалъ къ тебѣ: солнце заходящее, величественный образъ величественнѣйшаго Творца своего! уже ты сокрываешься отъ насъ, окончивъ дневный путь свой; но завтра паки явишься ты на горизонтъ возвѣщать славу Творца его. (*) Тщетно ложные мудрецы стараются увѣрять, что ослабѣлъ жаръ твоего пламени! Не истощимъ источникъ, наполняющій тебя свѣтомъ: неистощимо и ты въ изліяніяхъ своихъ, и пребудешь дотолѣ неистощимо, доколѣ поставившій тебя на тверди не воззоветъ къ тебѣ: сокройся!»

«Когда сокрылось солнце, настала глубокая тишина, которая прерывалась только журчаніямъ рѣки и ручьевъ, стремящихся по зеленому лугу. Наконецъ всѣ предметы сокрылись въ сгустившихся тѣняхъ, и авторъ съ такими словами обращается къ тишинѣ уединенія:

«Священная тишина, ужасъ сердца порочнаго, стихія невинности, убѣжище мудрыхъ, святилище добродѣтели! да не трепещетъ сердце мое въ твоихъ объятіяхъ! или да будетъ трепетъ его величайшимъ восторгомъ радости! Буди благословенна тишина уединенія и въ то время, какъ все видимое твореніе погружается въ глубокомъ снѣ, возбуждай меня къ священнымъ размышленіямъ, къ ближайшему собесѣдованію съ сердцемъ моимъ, и утѣшай въ немъ всякое волненіе, производимое бурями общежитія. Да пробудятся всѣ духовныя силы мои, и да чувствую во глубинѣ души своей, что я существую!... И растекается сіе животворное чувство по всей внутренности моей. Ощущаю живо, что я живу, и есть нѣчто отдѣльное отъ прочаго, есть

(*) Это обращеніе къ солнцу, замѣчаетъ г. Галаховъ, с. 63, припомнилъ Карамзина, спустя четыре года, по случаю переведенной имъ статьи Гарве, о досугѣ. Моск Журнала, Ч. 6, с. 174.

совершенное цѣлое. Чувство существованія въ самомъ человѣкѣ на землѣ сей обитающее! Колико ты для меня драгоцѣнно! сколь восхитительно для меня думать, что вѣчно буду тобою наслаждаться.»

«Изъ сочиненія этого ясно видно, что авторъ его, читавшій Томсона, Юнга, Оссіана, Боннета, вносилъ ихъ мысли и чувства въ собственныя свои произведенія.»

По отъѣздѣ Карамзина Дѣтское чтеніе осиротѣло, писалъ къ нему Петровъ.

Въ отношеніи къ языку Шевыревъ удачно назвалъ Дѣтское чтеніе дѣтскою школою самаго Карамзина, гдѣ онъ первоначально вырабатывалъ свой слогъ. Въ отношеніи къ содержанію, справедливо замѣчаетъ Г. Галаховъ, что сочиненія Карамзина представляютъ много мѣстъ, отразившихъ въ себѣ мысли и чувства, которыя онъ въ Дѣтскомъ чтеніи передавалъ читателямъ, какъ переводчикъ.

Работая для Дѣтскаго чтенія Карамзинъ предпринималъ и другіе труды.—Въ средоточіи типографій, въ кругу переводчиковъ и сочинителей, среди разговоровъ о книгахъ и журналахъ, расположеніе его къ авторству утверждалось больше и больше.

Послѣ Галлеровой поэмы, въ 1787 году, издалъ онъ переводъ Шекспировой трагедіи Юлій Цезарь, (*) и въ предисловіи выразилъ вѣрное мнѣніе о великомъ англійскомъ трагикѣ, о которомъ тогда не только въ Россіи, но и вообще въ Европѣ господствовали очень смутныя понятія.

«При изданіи сего Шекспирова творенія почитаю почти за необходимость писать предисловіе. До сего времени еще ни одно изъ сочиненій знаменитаго сего автора не было переведено на языкъ нашъ; слѣдственно и ни одинъ изъ соотчичей моихъ, не читавшій Шекспира на другихъ языкахъ, не могъ имѣть достаточнаго о немъ понятія. Вообще сказать можно, что мы весьма не знакомы съ Англійскою литературою. Говорить о причинѣ сего почитаю здѣсь не кстати. Доволенъ буду, есть ли вниманіе читателей моихъ не отяготится и тѣмъ, что стану говорить собственно о Шекспирѣ и о его твореніяхъ.»

«Авторъ сей жилъ въ Англіи во времена Королевы Елисаветы, и былъ одинъ изъ тѣхъ великихъ духовъ, коими славятся вѣки. Сочиненія его суть сочиненія драмматическія. Время, сей могуще-

*) Юлій Цезарь, трагедія Виліама Шекспира. Москва. Въ Типографіи Компаніи Типографской, съ указнаго дозволенія. 1787. стран. 136.

ственный истребитель всего того, что подъ солнцемъ находится, не могло еще доселѣ затмить изящности и величія Шекспировыхъ твореній. Вся почти Англія согласна въ хвалѣ приписываемой мужу сему. Пусть спросятъ упражнявшагося въ чтеніи Англичанина: каковъ Шекспиръ? Безъ всякаго сомнѣнія будетъ онъ отвѣтствовать: Шекспиръ великъ! Шекспиръ неподражаемъ! Всѣ лучшіе Англійскіе писатели, послѣ Шекспира жившіе, съ великимъ тщаніемъ вникали въ красоты его произведеній. Мильтонъ, Юнгъ, Томсонъ и прочіе прославившіеся творцы, пользовались многими его мыслями, различно ихъ украшая. Не многіе изъ писателей столь глубоко проникли въ человѣческое естество, какъ Шекспиръ, не многіе столь хорошо знали всѣ тайнѣйшія человѣка пружины, сокровеннѣйшія его побужденія; отличительность каждой страсти, каждаго темперамента и каждаго рода жизни, какъ удивительный сей живописецъ. Всѣ великолѣпныя картины его непосредственно натурѣ подражаютъ; всѣ оттѣнки картинъ сихъ въ изумленіе приводятъ внимательнаго разсматривателя. Каждая степень людей, каждый возрастъ, каждая страсть, каждый характеръ говоритъ у него собственнымъ своимъ языкомъ. Для каждой мысли находитъ онъ образъ, для каждаго ощущенія выраженіе, для каждаго движенія души наилучшій оборотъ. Живописаніе его сильно, и краски его блистательны, когда хочетъ онъ явить сіяніе добродѣтели; кисть его весьма льстива, когда изображаетъ онъ кроткое волненіе нѣжнѣйшихъ страстей: но самая же сія кисть гигантскою представляется, когда описываетъ жестокое волнованіе души.»

«Но сей великій мужъ, подобно многимъ, не освобожденъ отъ колкихъ укоризнъ нѣкоторыхъ худыхъ критиковъ своихъ. Знаменитый софистъ, Волтеръ, силился доказать, что Шекспиръ былъ весьма средственный авторъ, исполненный многихъ и великихъ недостатковъ. Онъ говорилъ: Шекспиръ писалъ безъ правилъ; творенія его суть и трагедіи и комедіи вмѣстѣ, или траги-коми-лирико-пастушьи фарсы безъ плана, безъ связи въ сценахъ, безъ единствъ; непріятная смѣсь высокаго и низкаго, трогательнаго и смѣшнаго, истинной и ложной остроты, забавнаго и безсмысленнаго; онѣ исполнены такихъ мыслей, которыя достойны мудреца, и при томъ такого вздора, который только шута достоинъ; онѣ исполнены такихъ картинъ, которыя принесли бы честь самому Гомеру, и такихъ каррикатуръ, которыхъ

бы и самъ Скарронъ устыдился. — Излишнимъ почитаю теперь опровергать пространно мнѣнія сіи, уменьшеніе славы Шекспировой въ предметѣ имѣвшія. Скажу только, что всѣ тѣ, которые старались унизить достоинства его, не могли противъ воли своей не сказать, что въ немъ много и превосходнаго. Человѣкъ самолюбивъ; онъ страшится хвалить другихъ людей, дабы по мнѣнію его, самому симъ не унизиться. Волтеръ лучшими мѣстами въ трагедіяхъ своихъ обязанъ Шекспиру; но не взирая на сіе, сравнивалъ его съ шутомъ, и поставлялъ ниже Скаррона. Изъ сего бы можно было вывести весьма оскорбительное для памяти Волтеровой слѣдствіе; но я удерживаюсь отъ сего, вспомня, что человѣка сего нѣтъ уже въ мірѣ нашемъ.»

«Что Шекспиръ не держался правилъ театральныхъ, правда. Истинною причиною сему, думаю, было пылкое его воображеніе, не могшее покориться ни какимъ предписаніямъ. Духъ его парилъ яко орелъ, и не могъ паренія своего измѣрять тою мѣрою, которою измѣряютъ полетъ свой воробьи. Не хотѣлъ онъ соблюдать такъ называемыхъ единствъ, которыхъ нынѣшніе наши драмматическіе авторы такъ крѣпко придерживаются; не хотѣлъ онъ полагать тѣсныхъ предѣловъ воображенію своему: онъ смотрѣлъ только на натуру, не заботясь впрочемъ ни о чемъ. Извѣстно было ему, что мысль человѣческая мгновенно можетъ перелетать отъ Запада къ Востоку, отъ конца области Моголовой къ предѣламъ Англіи. Геній его, подобно генію натуры, обнималъ взоромъ своимъ и солнце и атомы. Съ равнымъ искусствомъ изображалъ онъ и героя и шута, умнаго и безумца-брута и башмашника.—Драммы его подобно не измѣримому театру натуры, исполнены многоразличія; все же вмѣстѣ составляетъ совершенное, цѣлое, не требующее исправленія отъ нынѣшнихъ театральныхъ писателей.»

«Трагедія, мною переведенная, есть одно изъ превосходныхъ его твореній. Нѣкоторые недовольны тѣмъ, что Шекспиръ, назвавъ трагедію сію Юліемъ Цезаремъ, послѣ смерти его продолжаетъ еще два дѣйствія; но неудовольствіе сіе окажется ложнымъ, есть ли съ основательностію будетъ все разсмотрѣно. Цезарь умерщвленъ въ началѣ третьяго дѣйствія, но духъ его живъ еще; онъ одушевляетъ Октавія и Антонія, гонитъ убійцъ Цезаревыхъ, и послѣ всѣхъ ихъ погубляетъ. Умерщвленіе Цезаря есть содержаніе трагедіи; на умерщвленіи семъ основаны всѣ дѣйствія.

«Характеры, въ сей трагедіи изображенные, заслуживаютъ вниманіе читателей. Характеръ Брутовъ есть наилучшій. Французскіе переводчики Шекспировыхъ твореній (*) говорятъ объ ономъ такъ: «Брутъ есть самый рѣдкій, самый важный и самый занимательный моральный характеръ. Антоній сказалъ о Брутѣ: вотъ мужъ! а Шекспиръ, изображавшій его намъ, сказать могъ: вотъ характеръ! ибо онъ есть дѣйствительно изящнѣйшій изъ всѣхъ характеровъ, когда либо въ драмматическихъ сочиненіяхъ изображенныхъ.»

«Что касается до перевода моего, то я наиболѣе старался перевести вѣрно, стараясь при томъ избѣжать и противныхъ нашему языку выраженій. Впрочемъ пусть разсуждаютъ о семъ могущіе разсуждать о семъ справедливо. Мыслей автора моего нигдѣ не перемѣнялъ я, почитая сіе для переводчика не позволеннымъ.»

«Есть ли чтеніе перевода доставитъ Россійскимъ любителямъ литтературы достаточное понятіе о Шекспирѣ; есть ли оно принесетъ имъ удовольствіе: то переводчикъ будетъ награжденъ за трудъ его.—Впрочемъ онъ приготовился и къ противному. Но одно не будетъ ли ему пріятнѣе другаго? Можетъ быть.

Октября 15, 1786.

Укажите мнѣ, многія ли изъ Европейскихъ критиковъ судили такъ вѣрно о Шекспирѣ въ это время?

Мы увидимъ въ письмахъ Русскаго путешественника еще нѣсколько отзывовъ о Шекспирѣ, гдѣ предложенныя выше мысли развиваются яснѣе и сильнѣе. Шекспира Карамзинъ зналъ коротко, и цитуетъ его стихи очень часто.

Восторженное сочувствіе къ Шекспиру выражено и въ стихотвореніи Поэзія, сочиненномъ въ томъ же году, котораго нѣтъ въ собраніи стихотвореній Карамзина, но оно безъ сомнѣнія, вѣрно предполагаетъ г. Галаховъ, принадлежитъ Карамзину, который говоритъ здѣсь о своихъ любимыхъ англійскихъ и нѣмецкихъ поэтахъ: Оссіанѣ, Шекспирѣ, Мильтонѣ, Юнгѣ, Томсонѣ, Геснерѣ, Клопштокѣ.

---

(*) Chakespeare, traduit de l'Anglais, dedié au Roi. Paris. 1776. T. 1. 11 gr. 8.

Шекспиръ, натуры другъ! кто лучше твоего
Позналъ сердца людей? Чья кисть съ такимъ искусствомъ
Живописала ихъ? Во глубинѣ души
Нашелъ ты ключь къ великимъ тайнамъ рока,
И свѣтомъ своего безсмертнаго ума
Какъ солнцемъ озарилъ пути ночные жизни?
Всѣ башни, коихъ верхъ скрывается отъ глазъ,
Въ туманѣ облаковъ огромные чертоги
И всякій гордый храмъ изчезнутъ, какъ мечта—
Въ теченіе вѣковъ и мѣста ихъ не сыщемъ»—
Но ты великій мужъ, пребудешь незабвенъ.

Предложимъ для образчика переводъ одного монолога Брутова: «Нѣтъ, никакой клятвы не надобно. — Если не возбуждаетъ насъ народная честь, глубокое чувство издыхающей вольности и пагубное положеніе временъ нашихъ; если сіи причины слабы, то разойдемся еще во время, и каждый ступай обратно на ложе свое; а возрастающее тиранство пусть дотолѣ свирѣпствуетъ, доколѣ не падетъ на всякаго жребій постыдной смерти. Но если сіи причины, какъ я въ томъ и увѣренъ, содержатъ въ себѣ столько огня, что бы воспламенить и самыхъ мягкосердыхъ и слабыя души женъ укрѣпить храбростію; то почто же намъ сограждане мои! давать другъ другу клятву, когда и одно благое дѣло наше можетъ ободрить насъ къ освобожденію отечества нашего? Почто намъ другое поручительство, кромѣ соединенныхъ Римлянъ, давшихъ слово и гнушающихся подлостію? Почто другая клятва, кромѣ взаимнаго искренняго обязательства исполнить или умереть? Пусть клянутся трусы и маловѣры, ветхіе остовы и такія терпѣливыя души, которыя благопріятствуютъ не справедливости; пусть клянутся такіе люди, коихъ худое дѣло подозрительными дѣлаетъ: но отъ насъ да будетъ то удалено чтобы правоту нашего предпріятія и стремительный огнь нашего духа безчестить мыслями, что дѣло наше, или наше предпріятіе имѣетъ нужду въ клятвѣ, когда каждая капля крови, которую носитъ Римлянинъ, и носитъ съ честію, срамною содѣлается, если нарушитъ онъ хотя малѣйшую часть своего обѣщанія, имъ единажды произнесеннаго.»

За Юліемъ Цезаремъ, въ слѣдующемъ году, послѣдовала Емилія Галотти, трагедія Лессинга, переведенная Карамзинымъ для славнаго русскаго актера того времени Померанцева. (Въ Университетской типографіи у Н. Новикова, 1788).

Вмѣсто предисловія Карамзинъ сказалъ нѣсколько словъ: «къ читателю», совершенно согласныхъ съ его характеромъ:

«Переводивъ сію трагедію для представленія на театрѣ, спѣшилъ я перевести ее поскорѣе, и отъ того не могъ перевести исправно. Послѣ замѣтилъ я, что было переведено дурно, и рѣшился переводъ мой выправить и напечатать, чтобъ нѣкоторымъ образомъ загладить проступокъ свой предъ тѣми людьми, которые, зная истинныя красоты драмы, любятъ Лессинговы творенія и сожалѣли, что переводчикъ Эмиліи Галотти не чувствовалъ многихъ красотъ сей трагедіи, а потому и не показалъ ихъ въ своемъ переводѣ. Вамъ и посвящаю переводъ мой вамъ, умѣющимъ цѣнить драматическія сочиненія, и никогда не сравнивающимъ Гишпанскихъ фарсовъ съ драммами Лессинга — вамъ видящимъ въ первыхъ однѣ острыя шутки, а въ послѣднихъ произведенія философа, проникшаго взоромъ своимъ въ глубины сердца человѣческаго. Москва, 1788 Января 13.

Карамзинъ высоко цѣнилъ эту трагедію Лессинга, и самъ подробно развилъ основанія своего мнѣнія въ разборѣ представленія на Московской сценѣ, которой онъ напечаталъ года черезъ три въ Московскомъ журналѣ.

Исчисляя литературные труды Карамзина, мы должны упомянуть, что онъ перевелъ еще одну Адиссонову оду, о которой говорено выше, одну пѣснь изъ Клопштоковой Мессіады, по свидѣтельству Дмитріева, и нѣсколько отрывковъ изъ любимыхъ писателей, напр. Гердера.

Наконецъ онъ хотѣлъ написать какой-то романъ, о которомъ упоминаетъ въ письмахъ Русскаго путешественника слѣдующими словами:

«Нѣкогда началъ было я писать романъ, и хотѣлъ въ воображеніи объѣздить точно тѣ земли, въ которыя теперь ѣду. Въ мысленномъ путешествіи, выѣхавъ изъ Россіи, остановился я ночевать въ корчмѣ: и въ дѣйствительномъ то же случилось. Но въ романѣ писалъ я, что вечеръ былъ самый ненастный; что дождь не оставилъ на мнѣ сухой нитки, и что въ корчмѣ надлежало мнѣ сушиться передъ каминомъ а на дѣлѣ вечеръ выдался самый тихій и ясный. Сей первый ночлегъ былъ несчастливъ для романа: боясь, чтобы ненастное время не продолжилось и не

обезпокоило меня въ моемъ путешествіи, сжегъ я его въ печи, въ благословенномъ своемъ жилищѣ на Чистыхъ прудахъ».

Однимъ словомъ не было предмета въ области наукъ и искусствъ, который не привлекалъ бы къ себѣ его вниманія, и не возбуждалъ его любопытства, его дѣятельности.

Но всего болѣе его занимали высшіе вопросы и задачи человѣческой жизни, составлявшіе вмѣстѣ цѣль исканія и того общества, которому принадлежалъ онъ. Что мы? Откуда мы? Куда мы? Для чего? Вотъ объ чемъ онъ безпрестанно думалъ, о чемъ бесѣдовалъ съ своими друзьями, по положительнымъ свидѣтельствамъ, (см. выше письма Петрова и Кутузова), на что искалъ отвѣтовъ въ сочиненіяхъ мыслителей всѣхъ временъ, и осмѣлился даже вступить въ переписку съ знаменитымъ Лафатеромъ, ободренный, вѣроятно отзывами его московскихъ знакомцевъ.

Первое письмо Карамзина было отъ 14 Августа. Лафатеръ отвѣчалъ ему 30 марта 1788 г. Вотъ его отвѣтъ:

Только сего дня, въ пятницу, ввечеру, 30-го Марта, получилъ я ваше письмо изъ Москвы отъ 14 Августа, 1787 г. и для того не хочу я откладывать отвѣта до другаго времени, хотя наступающая святая недѣля никакъ не позволяетъ писать пространно. Я желалъ бы, чтобы ваше любезное, отъ сердца писанное, искреннее письмо содержало въ себѣ нѣсколько особливыхъ вопросовъ, которые подали бы мнѣ матерію къ отвѣту, столь вами желанному. Охотно бы хотѣлъ вамъ сказать, что нибудь такое, чтобы письмецо мое сдѣлало для васъ полезнымъ и достойнымъ прочтенія. Но чтоже мнѣ теперь остается? Естьли бы вы меня увидѣли, то увидѣли бы совсѣмъ не такого человѣка, какого себѣ представляете. Я ни что иное, какъ бѣдный слабый смертный, который всякой день долженъ возглашать свое Господи помилуй. Однакожъ я всегда стараюсь быть радостнѣе, чтобы дѣлать другихъ радостнѣйшими—спокойнѣе, чтобы болѣе распространять спокойствія сильнѣйшимъ, чтобы разливать болѣе силы вокругъ себя.

О! естьли бы какимъ нибудь образомъ я могъ быть и вамъ полезенъ!—Никакого изъ моихъ сочиненій не буду вамъ особенно одобрять, кромѣ братскихъ писемъ къ юношамъ. Надѣюсь, что иныя письма скажутъ вамъ, то, что будетъ пріятно вашему сердцу истины жаждущему.

Пожалуйте, поклонитесь отъ меня Ленцу, и отдайте ему приложенное письмецо; и естьли увидите въ Москвѣ г. доктора

Френкеля, или пастора Брунера, то увѣряйте ихъ въ моей всегда одинаковой дружбѣ. Я есмь вашъ искренно преданный

Іоаннъ Каспаръ Лафатеръ.

Мы описали по возможности жизнь и занятія Карамзина въ Москвѣ отъ 1785 до 1788 года.

Дмитріевъ, проѣзжавшій черезъ Москву въ С.-Петербургъ, оставилъ намъ, къ счастію, въ своихъ запискахъ изображеніе очень вѣрное и даже живописное Карамзина въ эту эпоху его жизни. «Послѣ свиданія нашего въ Симбирскѣ, какую перемѣну я нашелъ въ миломъ моемъ пріятелѣ! Это былъ уже не тотъ юноша, который читалъ все безъ разбора, плѣнялся славою воина, мечталъ быть завоевателемъ чернобровой, пылкой Черкешенки: но благочестивый ученикъ мудрости съ пламеннымъ рвеніемъ къ усовершенствованію въ себѣ человѣка. Тотъ же веселый нравъ, та же любезность, но между тѣмъ главная мысль, первыя желанія его стремились къ высокой цѣли. Тогда я почувствовалъ передъ нимъ всю мою незначительность и удивлялся, за что онъ любитъ меня еще по прежнему».

«Я какъ теперь вижу скромное жилище молодыхъ словесниковъ: (*) оно раздѣлено было тремя перегородками; одна освящалась Іисусомъ на Крестѣ подъ покрываломъ крепа, а въ другой на столѣ покрытомъ зеленымъ сукномъ, стоялъ гипсовый бюстъ Шварца, умершаго не за долго передъ пріѣздомъ моимъ изъ Петербурга въ Москву.»

Въ слѣдующихъ стихахъ (изъ посланія къ Дмитріеву, 1793) изображено, я думаю, состояніе души Карамзина въ это время, его желанія и надежды.

И я, о другъ мой! наслаждался
Своею красною весной,
И я мечтами обольщался —
Любилъ съ горячностью людей,
Какъ нѣжныхъ братій и друзей;
Желалъ добра имъ всей душею;
Готовъ былъ кровію моею
Пожертвовать для счастія ихъ,
И въ самыхъ горестяхъ своихъ
Надеждой сладкой веселился

(*) Карамзинъ жилъ въ то время вмѣстѣ съ Петровымъ.

Не безполезно жить для нихъ —
Мой духъ сей мыслію гордился!
Источникъ радостей и благъ
Открыть въ чувствительныхъ душахъ;
Плѣнить ихъ истиной святою,
Ея нетлѣнной красотою;
Орудіемъ небеснымъ быть;
И въ памяти потомства жить,
Казалось мнѣ всего славнѣе,
Всего прекраснѣе, милѣе!
Я жребій свой благословлялъ,
Любуясь прелестью награды —
И тихій свѣтъ моей лампады
Съ звѣздою утра угасалъ.

Вотъ какое благодѣтельное вліяніе имѣла на Карамзина Москва, или то общество, въ которое, по счастливому соединенію обстоятельствъ, попалъ онъ. «Да! Новикову и его друзьямъ безъ всякаго мнѣнія, Россія обязана очень много пріуготовленіемъ Карамзина къ его достославному дѣйствію на литературномъ поприщѣ.

Впрочемъ, Карамзинъ не уклонялся и отъ свѣтскаго общества, въ Москвѣ, какъ и въ Симбирскѣ, что замѣтилъ Дмитріевъ говоря объ его любезности и веселости.

Самое близкое знакомство у него было съ семействомъ Плещеева, который былъ предсѣдателемъ какой-то палаты. Особенно друженъ онъ былъ съ его женою, молодою образованною женщиной, на сестрѣ которой онъ женился послѣ. Дмитріевъ замѣчаетъ въ своихъ запискахъ, что въ ея то семейномъ уединеніи развивались авторскіе таланты юнаго Карамзина. Она питала къ нему чувства нѣжнѣйшей матери. Говорили даже, что она помогла ему исполнить его пламенное желаніе путешествовать. Но это мнѣніе несправедливо, точно какъ и другое, весьма распространенное, о пособіи Новиковскаго общества. Карамзинъ запродалъ братьямъ доставшуюся ему долю изъ отцевскаго наслѣдства, и часть полученныхъ денегъ употребилъ на путешествіе.

Желаніе путешествовать зародилось въ немъ очень давно. Можетъ быть разсказы Ленца и Кутузова, вмѣстѣ съ прежними совѣтами Шадена заняться въ Лейпцигскомъ университетѣ, подали первую мысль, столько согласную съ его характеромъ. Ему хо-

тѣлось поискать отвѣтовъ на безпокоившіе его вопросы, увидѣть людей, которые оказали на него дѣйствіе своими сочиненіями, увидѣть памятники науки и искусства, которые произвела Европа, увидѣть жизнь просвѣщенныхъ ея народовъ, насладиться красотами природы. Къ тому же побуждало и безотчетное стремленіе отъ извѣстнаго къ неизвѣстному....

Въ одномъ изъ своихъ писемъ такъ разсуждалъ Карамзинъ о путешествіи; «Пріятно, весело, друзья мои, переѣзжать изъ одной земли въ другую, видѣть новые предметы, съ которыми кажется самая душа наша обновляется и чувствовать неоцѣненную свободу человѣка, по которой онъ подлинно можетъ назваться царемъ земнаго творенія. Всѣ прочія животныя, будучи привязаны къ нѣкоторымъ климатамъ не могутъ вытти изъ предѣловъ, начертанныхъ имъ натурою и умираютъ, гдѣ родятся; но человѣкъ, силою могущественной воли своей, шагаетъ изъ климата въ климатъ — ищетъ вездѣ наслажденій, и находитъ ихъ — вездѣ бываетъ любимымъ гостемъ природы, повсюду отверзающей для него новые источники удовольствія — вездѣ радуется бытіемъ своимъ, и благословляетъ свое человѣчество.»

«А мудрая связь общественности, по которой нахожу я во всякой землѣ всѣ возможныя удобности жизни, какъ будто бы нарочно для меня придуманныя; по которой жители всѣхъ странъ предлагаютъ мнѣ плоды своихъ трудовъ своей промышленности, и призываютъ меня участвовать въ своихъ забавахъ, въ своихъ весельяхъ....»

«Однимъ словомъ друзья мои, путешествіе питательно для духа и сердца нашего. Путешествуй гипохондрикъ, чтобы исцѣлиться отъ своей гипохондріи! Путешествуй мизантропъ, чтобы полюбить человѣчество! Путешествуй, кто только можетъ.»

Желаніе путешествовать зажгло его душу, а когда наконецъ наступило время исполненія, Карамзину стало грустно. Мы приведемъ его собственныя слова изъ перваго письма съ дороги, чтобъ представить состояніе его духа, и вообще познакомиться съ его настроеніемъ въ эту минуту.

«О сердце, сердце! кто знаетъ, чего ты хочешь? Сколько лѣтъ путешествіе было пріятнѣйшею мечтою моего воображенія? Не въ восторгѣ ли сказалъ я самому себѣ: наконецъ ты поѣдешь? Не въ радости ли просыпался всякое утро? Не съ удовольствіемъ ли засыпалъ, думая ты поѣдешь? Сколько времени не могъ ни

о семъ думать, ни чѣмъ заниматься, кромѣ путешествія? Не считалъ ли дней и часовъ? Но когда пришелъ желаемый день, я сталъ грустить, вообразивъ въ первый разъ живо, что мнѣ надлежало разстаться съ любезнѣйшими для меня людьми въ свѣтѣ, и со всѣмъ, что, такъ сказать, входило въ составъ нравственнаго бытія моего. На что ни смотрѣлъ на столъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ изливались на бумагу не зрѣлыя мысли и чувства мои — на окно, подъ которымъ сиживалъ я подгорюнившись въ припадкахъ своей меланхоліи, и гдѣ такъ часто заставало меня восходящее солнце — на готическій домъ, любезный предметъ глазъ моихъ въ часы ночные — однимъ словомъ, все, что попадалось мнѣ въ глаза, было для меня драгоцѣннымъ памятникомъ прошедшихъ лѣтъ моей жизни, не обильной дѣлами, но за то мыслями и чувствами обильной. Съ вещами бездушными прощался я какъ съ друзьями; и въ самое то время, какъ былъ размягченъ, разстроганъ, пришли люди мои, начали плакать и просить меня, чтобы я не забылъ ихъ и взялъ опять къ себѣ, когда возвращуся. Слезы заразительны, мои милые, а особливо въ такомъ случаѣ.

Но вы мнѣ всего любезнѣе, и съ вами надлежало разстаться. Сердце мое такъ много чувствовало, что я говорить забывалъ. Но что вамъ сказывать! — Минута, въ которую мы прощались, была такова, что тысячи пріятныхъ минутъ въ будущемъ едва ли мнѣ за нее заплатятъ.

Милый Петровъ провожалъ меня до заставы. Тамъ обнялись мы съ нимъ, и еще въ первый разъ видѣлъ я слезы его;—тамъ сѣлъ я въ кибитку, взглянулъ на Москву, гдѣ оставалось для меня столько любезнаго, и сказалъ: Прости! Колокольчикъ зазвенѣлъ, лошади помчались... и другъ вашъ осиротѣлъ въ мірѣ, осиротѣлъ въ душѣ своей!»

Это первое письмо съ дороги, изъ Твери, отъ 18 Мая, 1789 г. Карамзинъ оканчиваетъ такъ:

«Все прошедшее есть сонъ и тѣнь: ахъ! гдѣ часы, въ которые такъ хорошо бывало сердцу моему посреди васъ, милые? Если бы человѣку, самому благополучному, вдругъ открылось будущее, то замерло бы сердце его отъ ужаса, и языкъ его онѣмѣлъ бы въ самую ту минуту, въ которую онъ думалъ назвать себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ!...»

«Во всю дорогу не приходило мнѣ въ голову ни одной радостной мысли; а на послѣдней станціи къ Твери грусть моя такъ усилилась, что я въ деревенскомъ трактирѣ, стоя передъ каррикатурами Королевы Французской и Римскаго Императора, хотѣлъ бы, какъ говоритъ Шекспиръ, выплакать сердце свое. Тамъ то все оставленное мною мною явилось мнѣ въ такомъ трогательномъ видѣ.—Но полно, полно! Мнѣ опять становится чрезмѣрно грустно. Простите! Дай Богъ вамъ утѣшеній! Помните друга, но безъ всякаго горестнаго чувства!»

Остановимся на этомъ письмѣ, читатели! Не правда ли, что вы слышите въ немъ совершенно новый языкъ, сравнительно съ тѣмъ, который слышался въ предшествовавшихъ опытахъ Карамзина, сравнительно съ тѣмъ, который употреблялся современными ему писателями? Какая ясность, простота, какая легкость, плавность, живость, какое свободное теченіе рѣчи!

Да, это письмо составляетъ эпоху въ исторіи Русскаго слова. Съ него начинается наша настоящая литтература.

Гдѣ Карамзинъ научился этому языку? Гдѣ нашелъ его образцы?

Гдѣ—въ своемъ чувствѣ, въ своемъ сердцѣ, въ своемъ слухѣ, посредствомъ долгаго, неутомимаго прилежанія, посредствомъ настойчивой, ревностной работы, внимательнаго, глубокаго размышленія.

Въ продолженіи четырехъ почти лѣтъ въ Москвѣ, онъ безпрестанно учился и читалъ, какъ мы видѣли, переводилъ и писалъ, маралъ и переписывалъ—стремясь къ тому темному идеалу, который носилъ въ душѣ своей, и такимъ образомъ выработалъ свой слогъ. Всѣ ступени его восхожденія передъ нашими глазами: Деревянная нога, Штурмовы размышленія, Галлерова поэма, Деревенскіе вечера, Юлій Цезарь, Эмилія Галотти, переводы изъ Томсона, Гердера, Боннета. Стихотворные опыты въ письмахъ къ Дмитріеву, посланіе къ Петрову, переводъ Адиссоновой оды, Поэзія. Евгеній и Юлія, Прогулка, наконецъ письмо изъ Твери, которымъ начинается рядъ писемъ Русскаго путешественника.

«На вопросъ мой Г. Карамзину,» пишетъ молодой Казанскій литераторъ Каменевъ, посѣтившій Карамзина въ 1799 г., «гдѣ и какимъ образомъ усовершенствовалъ онъ себя въ Россійскомъ языкѣ, отвѣчалъ онъ мнѣ слѣдущее: Родившись въ деревнѣ, воспитывался я въ Симбирскѣ, ходилъ въ пансіонъ и читалъ много книгъ

русскихъ. Пріѣхавши въ Москву, учился въ домѣ профессора Шадена нѣмецкому и французскому языкамъ, началъ переводить, сочинять, и къ счастію, познакомился съ Петровымъ, (молодымъ человѣкомъ, котораго подъ именемъ Агатона оплакивалъ.) Онъ имѣлъ вкусъ моего свѣжѣе и чище; поправлялъ мои мараньи, показывалъ красоты авторовъ, и я началъ чувствовать силу и нѣжность выраженій. Вознамѣрясь выйти на сцену, я не могъ сыскать ни одного изъ русскихъ сочинителей, который бы былъ достоинъ подражанія, и отдавая всю справедливость краснорѣчію Ломоносова, не упустилъ я замѣтить штиль его.... вовсе не свойственный нынѣшнему вѣку, и старался писать чище и живѣе. Я имѣлъ въ головѣ нѣкоторыхъ иностранныхъ авторовъ; сначала подражалъ имъ, но послѣ писалъ уже своимъ, ни отъ кого не заимствованнымъ слогомъ. И это совѣтую всѣмъ подражающимъ мнѣ сочинителямъ, чтобъ не всегда и не вездѣ держаться оборотовъ моихъ, но выражать свои мысли такъ, какъ имъ кажется живѣе.»

«До изданія Московскаго журнала много бумаги мною перемарано, и не иначе можно хорошо писать, какъ писавши прежде худо и посредственно.»

Точно такое же объясненіе гораздо позднѣе далъ Карамзинъ и извѣстному нашему поэту-мыслителю, Ѳ. Н. Глинкѣ, который спросилъ его однажды въ Петербургѣ: «откуда взяли вы такой чудесный слогъ? Изъ камина, отвѣчалъ онъ. Какъ изъ камина? Вотъ какъ: я переводилъ одно и то же раза по два по три, и по прочтеніи бросалъ въ каминъ, пока наконецъ доходилъ до того, что оставался довольнымъ и пускалъ въ свѣтъ.»

А сколько лѣтъ было Карамзину, когда онъ, самъ не сознавая того, сдѣлался преобразователемъ Русскаго языка, основателемъ лучшаго слога, и начинателемъ новаго періода въ исторіи Словесности нашей?

Ему былъ только 23 годъ.

М. Погодинъ.

---

# НИГИЛИСТЪ.

## ПОЭМА.

### ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Когда я въ юности задорной
Страстями горе добывалъ,
Одной я страсти — стихотворной,
За недосугомъ, не знавалъ.
Теперь, какъ кончилась для свѣта
Тревожность прежняя моя,
Забила вдругъ въ груди поэта
Стихожурчащая струя;
Играя мечется наружу,
И въ искрахъ риѳмъ меня зоветъ
Погрѣть морозной жизни стужу,
Души разсѣять тяжкій гнетъ.
Явилась муза сердобольно,—
Въ бѣдѣ открылося добро, —
И вотъ мнѣ пишется невольно,
И стихъ ложится подъ перо. —

II.

Но въ поздній часъ тихосказаній
Я не ищу рукоплесканій;
Призывъ я скромный знаю свой,
И прежде я, въ дни ожиданій,
Лѣниво гнался за молвой.
Теперь — пустыя погремушки
Мнѣ не въ утѣху, не съ руки....
Но стану я писать стишки, —
Какъ вяжутъ ощупью старушки
Рукой дрожащею чулки,
Чтобъ не задуматься о старомъ,
Не стосковаться о быломъ,
О томъ, что выстрадалъ я даромъ,
И что терпѣлъ я по-дѣломъ.
Вотъ тайна старческой работы,
И, если попаду въ печать,
То это будетъ отъ заботы,
Чтобъ самому мнѣ не скучать.
И такъ я навяжу поэму,
Урокъ дамъ мыслямъ и рукамъ.
Какую жъ выберу я тему, —
Того, пока, незнаю самъ.

III.

Теперь, въ эпоху нигилизма,
Поэмы публикѣ смѣшны:
На нихъ печать анахронизма,
Клеймо поблекшей старины.
Міръ проситъ новыхъ элементовъ,
Ученой пищи для умовъ
Недоучившихся студентовъ,
И безбородыхъ мудрецовъ.
Былыя пѣсни надоѣли.

Теперь за новою судьбой,
Къ непостижимой тайной цѣли,
Насъ дѣти тащатъ за собой.
Тамъ ждетъ насъ общее равенство,
Тамъ насъ спасутъ отъ прежнихъ золъ
Людей грядущихъ совершенство,
Святой безсмыслицы глаголъ.

IV.

Во первыхъ Бога намъ не нужно!
Наука ясно говоритъ, —
Что постепенно и досужно
Сама природа все творитъ.
Но кто въ природѣ той развѣсилъ
Ряды безчисленныхъ свѣтилъ,
Кто жизни строй уравновѣсилъ,
Кто душу искрой освѣтилъ,
Кто далъ намъ радость и страданье,
Кто въ стѣны жизненной тюрьмы
Насъ заключилъ на испытанье, —
О томъ и знать не хочемъ мы.

V.

Потомъ не надо лицъ начальныхъ;
Не надо болѣе отъ нихъ
Сословныхъ узъ и жертвъ печальныхъ,
Не надо малыхъ и большихъ.
Карая властное нахальство,
Всеобщій уровень любя,
Мы, для порядка лишь, начальство
Пока возложимъ на себя.
Тогда рабовъ умолкнутъ стоны,
А, чтобъ собою управлять,
Себѣ напишемъ мы законы,

И станемъ ихъ неисполнять.
За тѣмъ, что по стремленью вѣка,
Какъ слышно намъ со всѣхъ сторонъ,
Одинъ лишь разумъ человѣка
Ему естественный законъ.

VI.

И вы, семейныя оковы!
Давно отбросить васъ пора
Всѣмъ принаскучили давно вы,
А все невидно въ васъ добра.
Изъ участи лукаво скрытной
Пора намъ женщинъ наконецъ
Пустить къ свободѣ самобытной,
На радость влюбчивыхъ сердецъ.
Мы тѣмъ порокъ обезоружимъ.
Во всемъ грядущая жена,
Съ своимъ, на время, взятымъ мужемъ,
Ровняться въ обществѣ должна....
Она ни въ чемъ не виновата,
Что недавали ей пока
Быть прокуроршею Сената,
Иль командиршею полка.

VII.

Покамѣсть сбудется все это,
Словесность подвигъ начала,
И скучный вѣсъ авторитета
Изъ хрестоматій изгнала.
Искусства правильныя формы,
Поэты скромной старины,
Которыхъ чтили до сихъ поръ мы,
Теперь насмѣшкамъ отданы,
Ихъ осуждаютъ на безвѣстность,

А для реальности живой
Уже явилася словесность
На мѣсто приторной былой.
Она не такъ высокопарна,
Но въ общей сущности она
Ужъ до того гуманитарна,
Что энергически-бездарна
И обличительно-скучна.

VIII.

За то для новыхъ поколѣній,
Въ чаду журнальной кутерьмы,
Мы признаемъ свободу мнѣній,
Но съ тѣмъ, чтобъ думали какъ мы.
Не то раздастся судъ крикливый,
И брань на все что не по насъ.
Однакожъ стой мой стихъ ретивый!
Пора начать мнѣ свой разсказъ.
Не то пускаясь въ многословье,
Всѣ бредни вздумавъ перечесть,
Забуду я свое условье,
Что бы себѣ не надоѣсть.
При томъ набрелъ я на идею,
За словомъ не пойду въ карманъ,
И начинаю, какъ умѣю,
Я свой риѳмованный романъ.

IX.

Есть въ Петербургѣ на Литейной
Многоэтажный, старый домъ,
Архитектуры не затѣйной.
Заботы не было о томъ....
Была забота о доходѣ,
О раздробленіи квартиръ.

И вопреки спѣсивой модѣ
Внизу допущенъ былъ трактиръ.
За тѣмъ по комнаткамъ отдѣльнымъ,
Дышалъ, какъ могъ, чиновный людъ.
И тѣ, что, по расчетамъ дѣльнымъ,
Проценты лучшіе даютъ,
Любви отъявленныя жрицы,
Сидѣльцы лавки угловой,
И, опасеніе столицы,
Студентовъ клиръ передовой.
Вотъ тутъ-то жилъ уединенно,
Не уважая ничего,
Въ себя замкнувшися надменно
Герой разсказа моего.

X.

Иванъ Бѣлинъ.... Его такъ звали....
И вы не разъ его встрѣчали,
Когда въ шинели вдоль Невы
Зимой бѣжалъ онъ.... но едва ли
Его могли замѣтить вы....
Онъ былъ неловокъ, необтесанъ,
Одѣтъ небрежно кое какъ,
Красивъ, курчавъ и не причесанъ,
И нанималъ себѣ чердакъ....
Онъ бѣденъ былъ.... ни въ чемъ не видѣлъ
Успѣха въ долѣ онъ своей,
И съ каждымъ днемъ жизнь ненавидѣлъ
Ожесточеннѣй и сильнѣй.
Бранилъ хозяина жестоко;
Условясь съ нимъ рублей за сто
Онъ задолжалъ ему три срока
И презиралъ его за то....
Онъ былъ студентъ. Пришла истома,
Взяла охота видѣть свѣтъ,
И онъ оставилъ безъ диплома
Свой философскій факультетъ.

Къ томужъ задѣтъ былъ приговоромъ,
И тутъ онъ счастья не имѣлъ:
Экзаменъ вздоръ, но съ этимъ вздоромъ
Ни какъ онъ сладить не съумѣлъ.
А впрочемъ было извиненье:
Онъ долженъ выводъ былъ свести,
Какое лучшее правленье
Должно Россіи припасти,
Пригодныль будутъ намъ палаты,
И какъ устроить половчѣй,
Чтобъ люди сдѣлались богаты,
Всѣхъ уничтоживъ богачей....
Считалъ себя въ числѣ онъ красныхъ,
И умъ его былъ какъ-то весь
Понятій вздорныхъ и прекрасныхъ
Не разработанная смѣсь.
Давать дешевые уроки
Съ досадой былъ онъ принужденъ,
Но были чувства въ немъ глубоки,
Какъ въ томъ онъ самъ былъ убѣжденъ.
Къ тому жъ писалъ онъ для журнала
Того, что собственность бранитъ,
Хоть при расчетѣ платитъ мало,
И деньгу бережно хранитъ.

XI.

Вникалъ онъ въ мудрость съ лексикономъ,
Не зная смысла въ языкахъ,
И плелся слѣдомъ за Прудономъ,
И милъ ему былъ Фейербахъ.
Читалъ онъ Бекля, Молешотта,
Особо Бюхнера любилъ,
И вѣкъ готовяся на что-то
Антропологію долбилъ.
Не безъ труда тутъ обходилось:

Онъ мало зналъ, и плохо вникъ
Въ то, что наглядно выводилось
Изъ недочитанныхъ имъ книгъ.
Къ тому же Русская правдивость
Ему шепнула разъ сама,
Что въ немъ природная кичливость
Не по плечу его ума.
Что онъ въ халатѣ и за чаемъ
Не прочь влачить свой праздный вѣкъ,
И что родился онъ лѣнтяемъ,
Какъ каждый Русскій человѣкъ.

XII.

Когдабъ не страхъ прослыть отсталымъ,
Не самолюбія бы страсть,
Онъ просто былъ бы добрымъ малымъ,
И могъ бы въ люди онъ попасть.
Но какъ же онъ, надежда міра,
Людей грядущихъ образецъ,
Въ постыдной бронѣ вицъ-мундира,
Пойдетъ на службу, какъ писецъ?
Гнушалось тѣмъ воображенье.
Не то могло ему польстить.
За нищету, за униженье
Ему хотѣлось отомстить.
Хотѣлъ гуманность онъ умножить,
Всѣ предразсудки уничтожить,
Всѣ превосходства истребить,
Хотѣлъ Россію онъ встревожить
И злобой родину любить.

## XIII.

При чемъ Россійскаго дворянства
Конечно онъ не забывалъ.
Въ немъ кромѣ глупости и чванства
Онъ ничего не признавалъ.
За то расчетами своими
Онъ земли вновь распредѣлялъ,
И всѣхъ имѣньями чужими
По равнымъ долямъ надѣлялъ....
Тѣмъ надлежало миноваться
У насъ неравенству всему,
И приходилося, признаться,
Оно не дорого ему....

## XIV.

Въ то время воздухомъ мышленья
Пахнуло съ Запада на насъ,
Народу былъ освобожденья
Провозглашенъ великій часъ,
Заговорило чѣмъ-то новымъ,
И юной Руси бойкій полкъ
Вдругъ объявилъ себя готовымъ
Себѣ реформъ присвоить долгъ,
О насъ заботиться сталъ тайно,
И помогая намъ въ нуждѣ
Сталъ завлекаться черезкрайно,
Какъ Русскимъ слѣдуетъ вездѣ.
Искалъ онъ мира, всѣхъ рассоря,
Страстямъ предписывалъ предѣлъ,
А на помогу славныхъ дѣлъ
Ему набатомъ изъ за-моря
Призывный колоколъ гудѣлъ.

*

## XV.

Когда сходилася бесѣда.
Сбирался юношей конгрессъ,
Бѣлинъ тутъ слылъ за людоѣда,
И получилъ не малый вѣсъ.
При тускломъ отблескѣ огарка,
Въ табачныхъ сизыхъ облакахъ,
Онъ говорилъ красно и жарко,
И міръ ворочалъ онъ въ рукахъ.
Расчетъ со всѣми былъ коротокъ,
Враговъ на плахѣ онъ губилъ,
Хотя душою такъ былъ кротокъ,
Что самъ бы мухи не убилъ.
За то рѣчами огневыми
Онъ до свирѣпости былъ смѣлъ,
Сверкалъ глазами голубыми,
И нѣжнымъ голосомъ гремѣлъ.
И оживлялись въ рѣчи шумной
Его прекрасныя черты
Какой-то радостью безумной,
Разгаромъ буйной красоты,
Восторгомъ свѣтелъ, гнѣвомъ чуденъ,
На гладіатора похожъ.
Какъ юность, былъ онъ безразсуденъ,
Какъ вдохновеніе хорошъ.

## XVI.

О вы, безвредные Барнавы,
Что мните, съ пылкостью дѣтей,
Переложить на наши нравы
Заботы чуждыхъ намъ страстей!

Не вамъ грядущее предвидѣть:
Румянымъ лицамъ не подъ стать
Такъ торопиться ненавидѣть,
Такъ торопиться презирать.
Къ чему вамъ тратить по пустому
Приволье радужной весны,
Не вамъ, а возрасту иному·
Заботы опытомъ даны,
Когда пришла пора кручины,
Когда всѣ раны глубоки,
И въ душу врѣзались морщины,
И не гдѣ скрыться отъ тоски.

## XVII.

Пока поникнувъ головою,
Такъ съ полугоремъ думалъ я,
Вдругъ пронеслася на до мною
Былая молодость моя.
Раздались пѣсни, шутки, клики,
И въ очертаніяхъ живыхъ
Мнѣ дружно улыбнулись лики
Моихъ товарищей былыхъ.
Друзья мои! скажите вы ли
Опять явилися ко мнѣ,
Все такъ же молоды, какъ были,
На память нашей старинѣ.
Здорово! бойкая ватага!
Пускай на мигъ проснутся вновь
Во мнѣ и сила и отвага,
И къ жизни пылкая любовь.
О дайте мнѣ въ судьбѣ печальной
Забывшись, съ прежней чистотой,
Любить любовью идеальной,
И вѣрить вѣрою святой.

И дайте мнѣ повѣрить снова,
Въ мои прискорбныя лѣта,
Что безкорыстіе не слово,
Что добродѣтель не мечта.

## XVIII.

Да, помню я. . въ былые годы
Заботы мало было намъ,
О томъ, чего хотятъ народы,
Стремясь къ грядущимъ временамъ.
Мы въ жизнь не углублялись строго,
И не рѣшали мы гурьбой,
Что намъ не нужно во все Бога,
Чтобъ замѣнить его собой.
Мы не знавали юной злобы,
Не разсуждали вкривь и вкось,
Что насъ послушавъ, хорошо-бы
Пустить Россію на авось.
Не знали жажды оскорбленій,
И не вмѣняли мы за честь
Не зрѣлость первыхъ убѣжденій
Чужому знанью предпочесть.

## XIX.

Такъ было встарь. . но этихъ правилъ
Бѣлинъ держаться не желалъ.
Себѣ въ примѣръ, себя онъ ставилъ,
И рѣчи буйныя прославилъ
На весь взволнованный кварталъ.
Исходъ тутъ былъ весьма печальный

О немъ тихонько, въ поздній часъ,
Переодѣвщійся квартальный
Уже развѣдывалъ не разъ.
О немъ и въ третьемъ отдѣленьѣ
Пошла секретная молва,
Что онъ опасное явленье,
Что онъ всѣмъ сходкамъ голова, —
Что намъ такихъ ненужно хватовъ,
И что за тѣмъ и потому,
На первый разъ хотя въ Саратовъ
Полезно съѣздить бы ему.

## XXX.

Однажды онъ проснувшись рано
Сидѣлъ за письменнымъ столомъ
И пресловутаго Ренана
Перебиралъ истертый томъ
Какъ вдругъ онъ вскрикнулъ. . . ужаснулась
Неустрашимость въ немъ слегка:
Дверь тихо, тихо. . разпахнулась,
И вѣтеръ дунулъ съ чердака. . .
Къ нему, развалина живая,
Шелъ старичекъ, какъ лунь сѣдой,
Безостановочно кивая
Дрожащей, вѣтхой головой.
Въ дверяхъ закашлялъ онъ вздохнувши,
Прочмокалъ: такъ. . вотъ здѣсь. . нашелъ,
И точно вѣкъ давно минувшій
На встрѣчу будущему шелъ. .
Бѣлинъ смотрѣлъ. . не шевелился,
Старикъ все молча оглянулъ,
И улыбаясь опустился
Безъ приглашенія на стулъ.
Вы мой жилецъ, сказалъ онъ внятно,

И я хотѣлъ вамъ заявить,
Что мнѣ особенно пріятно
Знакомство съ вами обновить.
Вы занимаетесь наукой....
Похвально это.... будетъ прокъ,
И служитъ лучшею порукой,
Что не по нраву вамъ порокъ.
Да вотъ, пришлося такъ при словѣ,
И я наукой дорожилъ,
Когда живалъ еще въ Тамбовѣ,
И съ вашимъ дѣдушкой служилъ.
Отецъ вашъ померъ. . . знаю. . знаю. .
Теперь вы круглый сирота..
Я ваше горе понимаю,
Но всѣ мы прахъ и суета!.
Служить вы вѣрно не хотите
Который годъ вамъ?
Двадцать пять. .
Ужъ двадцать пять. . охъ. . охъ скажите,
За откровенность не взыщите
За чѣмъ же время вамъ терять? —
Знать новомодныя все мысли?
И улыбнулся тутъ старикъ.
Охъ! другъ любезный. . поразмысли. .
А впрочемъ грѣхъ тутъ не великъ.
По мнѣ оно со всѣмъ не худо,
Чтобъ молодежъ себѣ могла
Полиберальничать, покуда
Сама до правды недошла.
Да хоть бы я.. какъ былъ моложе..
Въ нашъ вѣкъ извѣстный былъ Вольтеръ.
Вѣдь вольнодумничалъ я тоже,
А уже былъ Штабъ-Офицеръ..
Вотъ и у васъ свои Вольтеры,
Незнаю, какъ ихъ тамъ зовутъ,
А чай на новыя манеры
Все бредни старыя несутъ.
Да это дѣтскія мечтанья,
Очей душевныхъ полу-свѣтъ,

От недостатка воспитанья,
Да отъ неопытности лѣтъ.
Но это ничего не значитъ
Далеко вздоръ не заманитъ.
Жизнь хоть кого перепначитъ,
И хоть кого угомонитъ.

## XXI.

Позвольте, молвилъ благородно
И пріосанившись Бѣлинъ,
Здѣсь я живу, какъ мнѣ угодно,
Здѣсь мнѣ никто не господинъ,
Живу я въ правдѣ жизнью строгой.
За то правдива рѣчь моя,
За то иду своей дорогой,
За то себѣ я самъ судья.
И чувствую.... все шире, глаже
Передо мной ложится путь,
И я иду.... иду.... Куда же?
Спросилъ старикъ. — Куда нибудь!

## XXII.

Впередъ.... впередъ.... вотъ наше знамя
Вотъ наша цѣль.... вотъ гдѣ нашъ трудъ,
И бунтъ и мечь и кровь и пламя
Намъ помощь вѣрную дадутъ
Куда жъ впередъ? Того незнаемъ,
О томъ судьба должна рѣшить,
А нашъ призывъ надъ нашимъ краемъ
Суровый опытъ совершитъ.
Законы новые приспѣли.

Вольтеръ когда-то былъ вамъ милъ,
Но развѣ шелъ онъ къ вѣрной цѣли,
Когда кощунство онъ громилъ?
А между тѣмъ бросалъ онъ сѣмя,
Предубѣжденія косилъ,
И мысли юныя въ то время,
На старыхъ плечахъ выносилъ.
Конечно, правды жрецъ духовный
Вселялъ тогда не малый страхъ
Въ тогдашнихъ хилыхъ старичкахъ,
Но рабства стыдъ староусловный,
И цѣпи мерзости сословной,
Смѣясь растаптывалъ онъ въ прахъ.
Онъ всѣхъ обмановъ былъ уликой,
И самъ не вѣдая о томъ,
Сталъ революціи великой,
На вѣкъ прославленнымъ отцемъ.
Вотъ смыслъ Вольтеровской забавѣ,
И ей-то мы одолжены,
Что стали всѣ въ гражданскомъ правѣ
Передъ закономъ мы равны, —
Конецъ положенъ старымъ ранамъ.
Пора другое измѣнять,
Богатыхъ съ нищими пора намъ
И по достатку поровнять, —
Оно, я вѣрю, вамъ на диво,
Вамъ дикъ и страненъ мой разсказъ,
Да неужели справедливо
Чтобъ тысячи кормили васъ.
И въ общей слабости есть сила,
И въ невозможности есть цѣль.
Для всѣхъ, для насъ ровна могила,
Пускай сравнится колыбель.
Вотъ что насъ за сердце задѣло,
Вотъ что исполниться должно.
Когда и какъ, — не наше дѣло.
Мы здѣсь орудіе одно.

## XXIII.

Бѣлинъ умолкъ.... охъ, охъ какъ прытокъ,
Вздохнулъ старикъ.... ну... молодецъ!
Люблю я свѣжихъ силъ избытокъ,
Таковъ то былъ его отецъ.
Но я хотѣлъ сказать объ дѣльцѣ.
Хоть и не кстати, можетъ быть.
Вы о своемъ домовладѣльцѣ,
Со всѣмъ изволили забыть.
Вы мнѣ должны....
Да, знаю, точно....
Прервалъ ораторъ покраснѣвъ....
Да я не съ тѣмъ пришелъ нарочно
И вамъ напомнилъ не во гнѣвъ....
А такъ!... да!, любо быть героемъ,
Да вотъ голубчикъ.... гдѣ бѣда,
Ну какъ довольные застоемъ
Тебя попросятъ кой куда....
Чтожъ пропадетъ освободитель,
И скажутъ: бѣдный человѣкъ!
Знать.... виноватъ его родитель,
Что сына въ дѣтствѣ мало сѣкъ.
А ты ступай.... да пѣсни пойка
Туда.... подальше.... знаешь.... въ даль....
Гдѣ арестантская есть койка;
Для всѣхъ что разсуждаютъ бойко,
А жаль мнѣ васъ.... да право жаль....
И больно чтобъ за пылкость эту
Себя такъ малый загубилъ....
Я разскажу вамъ по секрету....
Я вашу бабушку любилъ....
Какъ! Вы?...
Ну, да! любилъ ... такъ что же,
Небось вамъ кажется смѣшно....
Что вотъ и я могъ быть моложе.

Охъ! это было ужъ давно.
Тогда еще о Бонапартѣ,
Нашъ и не слыхивалъ народъ.
Покойницѣ пошелъ бы въ Мартѣ,
Осьмидесятый уже годъ.
Что за красавица! Ну.... просто,
Была какъ Ангелъ хороша....
(Скажу хоть мнѣ подъ девяносто.)
И что за нравъ.... что за душа!...

## XXIV.

Зашевелилъ старикъ губами,
Но тороплившѣй, не внятнѣй,
Какъ будто гнался онъ словами,
За счастьемъ дальнихъ, дальнихъ дней.
Въ лицѣ улыбочка мелькнула,
Онъ что-то тихо вспоминалъ,
Потомъ прижался къ спинкѣ стула,
И какъ ребенокъ задремалъ. .
И грезилось ему въ туманѣ,
Что вновь онъ въ розовомъ лицемъ,
Что вновь онъ въ розовомъ кафтанѣ,
Что вновь онъ прежнимъ молодцемъ,
Сердецъ взволнованныхъ злодѣемъ,
Любезенъ, ловокъ и любимъ
Съ своимъ напудреннымъ тупеемъ,
Со взоромъ пламеннымъ своимъ.
Кипитъ любовь въ немъ огневая
Онъ млѣетъ въ сладостной тоскѣ..
А передъ нимъ.. ему внимая
На фижмахъ... съ розою въ рукѣ..

XXV.

Бѣлинъ смотрѣлъ нетерпѣливо
Въ немъ накипала сильно злость.
Онъ находилъ, что неучтиво
Къ нему явился странный гость.
Пришелъ, усѣлся, началъ бранью
И спитъ себѣ аристократъ.
Все сходитъ съ рукъ такому званью,
Будь только силенъ и богатъ.
Бѣлинъ не выдержалъ. Позвольте,
Воскликнулъ онъ.. Здѣсь дома я,
Вы объяснить-ка мнѣ извольте
Къ чему тутъ участь вамъ моя?
Я вашъ должникъ. Такъ чтожъ такое?
Пускай мнѣ счетъ вашъ принесутъ.
Не заплачу.... Ступайте въ судъ,
На то суды....

XXVI.

И на другое.
Сказалъ, встревоженный въ покоѣ,
Старикъ и вновь заохалъ тутъ.
Охъ! другъ сердечный, будетъ скверно,
На грѣхъ хотите вы напасть.
Вчера сказали мнѣ навѣрно,
Что вамъ готовится напасть.
Охъ! эти дѣтскія замашки.
Объ васъ ужъ пишутся бумажки.
Вчера поѣхалъ я въ нашъ клубъ,
Поѣлъ ухи, потѣшилъ чрево....
Такъ тутъ сидѣлъ сосѣдъ налѣво,

Чиновникъ важный ... и не глупъ.
Со мной онъ ласковъ въ разговорѣ.
Спросилъ, не мой ли вы жилецъ,
И расказалъ про ваше горе,
Какой васъ скоро ждетъ конецъ.
Потолковали мы немножко.
Потомъ поѣхалъ я домой.
Боялся.... дуло тамъ въ окошко,
Да и желудокъ плохъ ужъ мой.

## XXVII.

Когда забрызганный картечью
Бѣжитъ на приступъ батальонъ,
Бѣлинъ такъ началъ грозной рѣчью
И боевой тутъ принялъ тонъ.
Когда на штурмъ идутъ солдаты,
Они недумаютъ о томъ,
Что ждутъ ихъ пули и гранаты,
Что штыкъ ихъ сцѣпится съ штыкомъ.
На перевѣсъ схвативши ружья,
Смѣяся гибели въ глаза,
Побѣдоноснаго оружья
Они палящая гроза.
Кругомъ валятся трупъ за трупомъ;
Но все смѣлѣй они идутъ,
И по живымъ еще уступамъ
Влѣзаютъ съ крикомъ на редутъ.
Вотъ такъ и мы.. Взявъ знамя въ руки,
Солдаты мысли и науки,
На приступъ трудный мы бѣжимъ.
И полны свѣтлаго сознанья,
Мы небоимся истязанья,
Мы не собою дорожимъ. —
Ни кто изъ насъ теперь не сдастся

Нельзя же всѣхъ вамъ отразить,
И знамя правды намъ удастся
Надъ старымъ міромъ водрузить.

## XXVIII.

Старикъ пожалъ кряхтя плечами
Ему казалось ужь не въ мочь.
Охъ, братецъ, этими рѣчами
Другихъ, промолвилъ онъ, морочь!
То цѣли нѣтъ.. то вдругъ для цѣли
Дерись, ложись.. и умирай..
Мнѣ эти сказки надоѣли
Васъ тамъ кто хочетъ разбирай
И все такъ грозно.. и такъ круто..
Намъ правда тоже дорога..
Да здѣсь не вижу я редута
И передъ нами нѣтъ врага.
А впрочемъ.. мнѣ пора къ обѣдни..
Да вотъ.. коль хочешь въ толкъ возьми,
Писала внучка мнѣ намѣдни..
Уней мальчишка лѣтъ семи..
Вдова, богата.. съ ней двѣ дочки..
И обѣ рѣдкой красоты..
Живутъ въ деревнѣ близь Опочки
Такъ вотъ о чемъ подумай ты..
Имъ тамъ учитель.. братецъ, нуженъ..
Ступай въ учители.. повѣрь
Пока на штурмѣ не контуженъ,
И время есть еще теперь.
Въ довольствѣ будешь ты не маломъ
Жить припѣваючи.. дружокъ..
А я улажу съ Генераломъ,
И мы сочтемся за должекъ.
Охъ! время бросить вамъ столицу..
Не хочешь.. лучшаго ищи..

Прощай. .ой ломитъ поясницу.
За безпокойство не взыщи.

## XXIX.

Старикъ ушелъ. Бѣлинъ сердито
Его поклономъ проводилъ. .
Но послѣ страннаго визита
Онъ долго въ комнатѣ ходилъ.
Конечно онъ пылалъ восторгомъ,
И зналъ, что выдержитъ онъ бой,
Но непримѣтнымъ, первымъ торгомъ,
Онъ торговался ужъ съ собой.
Онъ долженъ прачкѣ и въ харчевнѣ,
Сидитъ онъ дома безъ гроша.
Что за житье. . а тамъ въ деревнѣ
Весною жизнь такъ хороша. .
Какой просторъ! какая нѣга!
Получше воздуха казармъ,
Куда помчитъ его телѣга
И съ ней услужливый жандармъ.
Конечно трусить тутъ не надо,
Для правды любо пострадать. .
Тутъ есть вѣнецъ, —въ вѣнцѣ награда,
Да, не по лучшель обождать? —
И пропагандой безпрерывной,
Успѣха изподволь достичъ,
А тамъ поднять ужъ кличь призывный,
Народный кличь, побѣдный кличь!

## XXX.

Всю ночь Бѣлинъ, въ тоскѣ безсонной,
Томился тяжко самъ не свой.
То крѣпнулъ волей непреклонной,
То колебался онъ душой..

Его бросало въ жаръ и холодъ.
На что рѣшиться онъ не зналъ..
Къ тому жъ не даромъ былъ онъ молодъ,
И сердцемъ все чего-то ждалъ.
Изъ за цвѣтистой лѣтней дали,
Въ его пылавшей головѣ,
Красавицъ образы мелькали,
И точно на ухо шептали..
Мы ждемъ тебя, и здѣсь насъ двѣ.
Ступай ты къ намъ, бери любую,
Блаженство сердца обнови,
Отбрось дѣйствительность сухую.
Ты здѣсь узнаешь жизнь иную,
Жизнь вдохновенную любви..
И долго слышались тѣ рѣчи,
И рисовалъ неясный бредъ
То боязливость первой встрѣчи,
То сладость будущихъ бесѣдъ.
Онѣ такъ нѣжны, и такъ—милы.
Бѣлинъ тутъ сталъ ослабѣвать,
И ужъ безъ воли и безъ силы
Онъ бросилъ жгучую кровать.

XXXI.

Едва день вешній занимался,
И дворникъ выступилъ на дворъ
Бѣлинъ къ хозяину стучался,
И заводилъ съ нимъ разговоръ.
Конечно онъ за одолженье
Сказать спасибо позабылъ.
Однако принялъ предложенье,
И благосклоненъ даже былъ.
Онъ старику повѣдалъ тайно,
Что для себя не думавъ жить
Онъ уѣзжаетъ не случайно,
А съ тѣмъ, чтобъ дѣлу послужить:
Въ провинціи должно начаться

Движенье общее—ему
За тѣмъ работа, можетъ статься,
Совсѣмъ прійдется по уму.
Себя не даромъ онъ готовилъ.
Онъ ужъ удачу обусловилъ.
Но все разсмотритъ онъ пока.
Старикъ ему не прекословилъ
И улыбнулся лишъ слегка.

## XXXII.

За то въ компаніи знакомой
Съ восторгомъ принятъ былъ Бѣлинъ.
Онъ ѣхалъ пользою влекомый
Для государственныхъ причинъ.
Онъ направлялъ свой путь въ пустыню,
Для пользы истинныхъ началъ,
И соціальную святыню,
(О сестрахъ тутъ онъ умолчалъ),
И соціальную святыню
Разпространять онъ обѣщалъ.
Онъ конкретируетъ всѣ шансы,
Утилитарный гдѣ прогрессъ,
Гдѣ взять войска, а гдѣ финансы,
И гдѣ предвидѣть перевѣсъ.
Всю ночь объ этомъ толковалось,
Рѣчамъ широкій былъ разливъ,
И все собранье дивовалось,
Куда Бѣлинъ краснорѣчивъ.
Какъ обнималъ все взоромъ быстрымъ,
Какъ могъ вопросы представлять:
Ему бы надо быть Министромъ,
Когдабъ Министровъ оставлять.

XXXIII.

И послѣ этой вечеринки,
Когда Бѣлинъ давно изчезъ,
Ему творилися поминки
Въ надеждѣ будущихъ чудесъ.
Что въ часъ послѣднихъ совѣщаній,
На память дружескихъ связей,
Онъ, по щедротѣ обѣщаній,
Въ пылу восторженныхъ прощаній,
Хотѣлъ исполнить для друзей.
И долго въ юномъ поколѣньѣ
Хранилось тайно убѣжденье,
Что надъ врагами одоленье
Онъ одержать одинъ бы могъ.
Что онъ земное провидѣнье,
Что онъ гражданскій полу-богъ.
Что для него прійти лишь стоитъ
Начать открытую борьбу,
И что навѣрно онъ устроитъ
Россіи новую судьбу.

XXXIV.

А между тѣмъ никто не вѣдалъ,
Куда дѣвался нашъ герой,
Гдѣ онъ равенство проповѣдалъ,
Гдѣ за прогрессъ стоялъ горой.
Ни кто не думалъ о погонѣ.
Уѣхалъ онъ и былъ таковъ,
Присѣвъ таинственно въ вагонѣ
По направленію за Псковъ.
Но въ часъ вечерняго поѣзда,
Когда блуждалъ онъ межъ каретъ,
Къ властямъ недальняго уѣзда

Секретный посланъ былъ пакетъ.
И сданъ Бѣлинъ въ надзоръ Губерній.
За тѣмъ квартальный Офицеръ
Вписалъ самъ въ рапортъ свой вечерній,
Что вотъ отъ принятыхъ мной мѣръ
И моего о томъ старанья,
Безъ привлеченія вниманья
Такой-то выбылъ изъ части.—
О чемъ я, въ силу предписанья,
Считаю долгомъ донести.—

Графъ В. Сологубъ.

# ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОСЪ.

Въ цѣлой исторіи человѣчества, отъ первыхъ ея страницъ до послѣднихъ, наблюдательный умъ откроетъ немного вопросовъ и событій, которыя бы представляли столь же многообъемлющее значеніе, какъ вопросъ о современномъ положеніи Турціи, и неразрывно связанный съ нимъ, такъ называемый, вопросъ восточный. Въ нынѣшніе дни онъ, безъ всякаго сомнѣнія, тревожитъ наиболѣе умы политиковъ всѣхъ образованныхъ государствъ Европы, и какъ ни стараются они казаться обращенными въ другія стороны, какъ ни силятся отвести глаза, и собственные и посторонніе, отъ дѣлъ на полуостровѣ Балканскомъ, но естественная сила вещей такъ велика, жизнь на немъ идетъ такъ быстро и независимо отъ воли, часто противъ воли этихъ умовъ, что всѣ старанія и усилія оказываются напрасными, — и зоркій глазъ политиковъ, на виду всѣхъ, сосредоточенъ постоянно, какъ рука, на больномъ мѣстѣ.

Такое сосредоточенное вниманіе къ положенію полуострова служитъ само собою, молчаливо, доказательствомъ огромной важности этаго вопроса для европейскихъ государствъ. Мы увидимъ эту важность на своемъ мѣстѣ и постараемся опредѣлить ее; здѣсь же скажемъ только одно, что она не выходитъ изъ области личныхъ расчетовъ, по крайней мѣрѣ для большей части государствъ, посвятившихъ чуть-ли не половину своихъ дипломати-

ческихъ и финансовыхъ силъ на преслѣдованіе этихъ расчетовъ. Но въ Балканскомъ вопросѣ есть и другая сторона, совершенно чуждая личныхъ расчетовъ отдѣльныхъ государствъ, сторона чисто-нравственная, способная поглотить самое напряженное вниманіе всякаго разсуждающаго политика. Къ сожалѣнію, въ исторіи, какъ извѣстно, нравственный принципъ не рѣдко подавляется побѣдой эгоистическихъ интересовъ. Въ наше время вопросъ восточный представляетъ нагляднѣйшее доказательство, что этотъ принципъ совершенно затертъ перекрещивающимися эгоистическими соображеніями Европейскихъ государствъ. Люди мало-мальски знакомые съ ходомъ дѣлъ на юго-востокѣ Европы не будутъ сомнѣваться, что неразрѣшеніе восточнаго вопроса держитъ богатую область въ непрерывномъ подчиненіи Турецкому варварству, лишающему ее и тѣни цивилизаціи, и осуждаетъ его народонаселеніе на вѣчное рабство азіятскому выходцу. А между тѣмъ, въ полной власти Европы рѣшить этотъ вопросъ, доставить народамъ Балканскаго полуострова государственное бытіе, которое-бы способствовало ихъ человѣческому развитію и усовершенствованію, и тѣмъ выполнить высоко-нравственную задачу.

За то народы Балканскаго полуострова прониклись уже сознаніемъ той истины, что освобожденіе отъ азіатскаго ига заключаетъ вмѣстѣ и побѣду правственнаго начала; оттого борьба съ Азіатскими варварами представляется имъ священною.

Образованная Европа, культура которой покоится на тѣхъ именно государственныхъ основаніяхъ, которыя на Балканскомъ полуостровѣ ниспровергнуты османскою расою и возстановить которыя исламъ вовсе не въ силахъ, не хочетъ принять на себя почина, чтобы поднять и въ Турціи государственныя основанія которыя одни ручаются за возможность развитія. И вотъ, поднимаются сами народы, обращенные въ рабовъ, лишавшіеся, въ слѣдствіе равнодушія Европы, въ теченіи четырехъ вѣковъ, всѣхъ средствъ къ усовершенствованію, поднимаются, чтобы сверженіемъ османскаго ига добыть государственныя основанія, принадлежавшія имъ до вторженія азіатской орды, при которыхъ они надѣются достигнуть одинаковой степени образованія съ остальными европейскими народами.

Можетъ-ли образованная Европа противиться такому стремленію Балканскихъ народовъ, не противорѣча самой себѣ?

Что восточный вопросъ долженъ быть рѣшенъ, въ этомъ не можетъ быть разумнаго сомнѣнія. Дѣло идетъ лишь о томъ, удобнѣе-ли предоставить разрѣшеніе его ходу событій, или справедливѣе способствовать ускоренію этаго разрѣшенія. До сихъ поръ дѣятельность европейской дипломатіи въ восточномъ вопросѣ подаетъ намъ мало надежды на послѣдній путь. Задача ея, кажется, состоитъ въ томъ, чтобы по возможности задержать то, что современемъ, силою вещей, исполнится само собою. Она не научилась еще создавать организмы, а только освящаетъ уже существующіе.

Едва-ли, впрочемъ, слѣдуетъ видѣть несчастье въ томъ, что устройство судьбы народовъ, исторгается изъ рукъ дипломатіи; скорѣе можно видѣть доброе предзнаменованіе для рѣшенія восточнаго вопроса въ томъ, что мы дожили до эпохи, когда логика событій стала служить дипломатамъ точкою опоры.

Во всякомъ случаѣ, разрѣшеніе восточнаго вопроса необходимо должно имѣть своимъ послѣдствіемъ прекращеніе воззрѣнія на народы европейской Турціи, какъ на предметъ эгоистическихъ интересовъ, или какъ на добычу отдѣльныхъ государствъ европейскихъ, и предоставленіе имъ права дѣйствовать самимъ за себя и для себя. Самые эгоистическіе интересы государствъ Европы въ состояніи удовлетвориться только съ устройствомъ народовъ Балканскихъ. Такимъ образомъ, и въ вопросѣ восточномъ, какъ и во всѣхъ великихъ вопросахъ исторіи, явственно выдается нравственный принципъ.

Это содержаніе восточнаго вопроса, будучи философскимъ и всемірно-историческимъ, ставитъ его въ рядъ любопытнѣйшихъ вопросовъ не только современности, но и вообще новѣйшей исторіи.

Не смотря, однако же, на такую важность его, не смотря на обиліе сужденій и споровъ о немъ, не смотря даже на то, что государственная жизнь Европы чуть не ежедневно сталкивается съ нимъ, свѣдѣнія о всѣхъ условіяхъ, входящихъ въ этотъ вопросъ, отличаются изумительною неточностью, часто неправильностью, а иногда и просто отсутствіемъ всякаго знанія.

Въ высшихъ сферахъ дипломатіи, нѣсколько десятковъ лѣтъ рѣшающей, въ замкнутыхъ на-глухо въ своихъ кабинетахъ,

судьбу милліоновъ народа, лишь въ послѣднее время, въ послѣдніе, можно сказать, дни, сталъ ослабѣвать этотъ убійственный недостатокъ; большинство же европейскаго образованнаго общества до сихъ поръ еще не отрѣшилось отъ него, хотя масса пишущихъ о дѣлахъ Балканскаго полуострова увеличивается быстро съ каждымъ годомъ, и число печатаемыхъ ими листовъ въ поученіе читающихъ доходитъ до громаднѣйшихъ размѣровъ. Но чѣмъ ближе стало подходить время къ рѣшенію вопроса, чѣмъ очевиднѣе выступилъ онъ на первое очередное мѣсто въ политическихъ переворотахъ Европы, тѣмъ болѣе стало общество нуждаться въ истинныхъ и подробныхъ свѣдѣніяхъ. Новѣйшая журналистика, по преимуществу славянская, для которой вопросъ Балканскій есть вопросъ жизни или смерти восьми милліоновъ народа, составляющаго исключительный предметъ ея заботливости, успѣла уже сообщить не мало важныхъ соображеній, освѣтившихъ новымъ свѣтомъ столь мрачное и перепутанное дѣло. До русской публики, за рѣдкими исключеніями спеціалистовъ, еще чуждающейся міра славянскаго, и, по старой привычкѣ, все еще продолжающей черпать извѣстія о немъ изъ мутнаго источника западной публицистической литературы, конечно, такія новыя соображенія еще не дошли; между тѣмъ, принять ихъ къ свѣдѣнію, сообразить и взвѣсить для нея, полагаемъ мы, необходимѣе, чѣмъ для всякой другой публики. И вѣковое самое близкое отношеніе къ восточному вопросу русскаго государства и нравственный принципъ самаго вопроса, при религіозномъ и племенномъ родствѣ нашего народа съ милліонами, связанными съ этимъ вопросомъ, — все это налагаетъ обязанность на общество ознакомиться съ нимъ и уяснить его, если только не рѣшится оно наложить на себя руки старымъ, холоднымъ своимъ безучастіемъ, и по прежнему не взвалитъ всего на одно правительство. Здѣсь заключеніе и цѣль настоящей статьи; послѣдняя казалась намъ вполнѣ умѣстною въ тѣ минуты, когда все говоритъ о приближеніи окончательнаго расчета. Какъ-бы ни было бездѣятельно наше отношеніе къ этому расчету, но судьба послѣдняго ни въ какомъ случаѣ не можетъ и не должна быть для насъ безразличною. Само собою разумѣется, что мнѣнія славянскихъ публицистовъ займутъ въ нашемъ изложеніи самое видное мѣсто.

Переходя къ самому вопросу, мы прежде всего разсмотримъ причины его породившія, т. е. утвержденіе на Балканскомъ полуостровѣ турецкаго господства, раскроемъ очевидную несостоятельность этого господства и неизбѣжность коренной перемѣны; за тѣмъ мы укажемъ на отношенія европейскихъ государствъ къ турецкой имперіи и на развитіе въ нихъ эгоистической политики, поддерживающей Турцію вопреки самымъ первымъ и основнымъ началамъ справедливости; наконецъ, мы взглянемъ на положеніе народовъ Балканскаго полуострова и на приготовленность ихъ къ самостоятельному рѣшенію вопроса.

## I.

Покореніе Балканскаго полуострова Турками и упроченіе на цѣлыхъ два съ половиною вѣка могущества имъ въ Европѣ принадлежитъ къ числу явленій, скорѣе случайныхъ, нежели обдуманныхъ предварительно и выполненныхъ по напередъ составленному плану. Оно тѣмъ болѣе должно считаться случайнымъ, что главная причина образованія Европейской Турціи лежитъ по преимуществу въ несогласіи, раздорахъ и враждѣ христіанскихъ народовъ или, правильнѣе и согласнѣе съ средневѣковою жизнью, христіанскихъ правительствъ. Государственное соперничество съ одной стороны, религіозная нетерпимость и неразборчивый въ средствахъ религіозный пропагандизмъ съ другой, — вотъ что сильнѣе всего облегчало турецкія завоеванія на европейскомъ материкѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Иванъ Кантакузенъ, лишавшійся цареградскаго престола и призвавшій на помощь, въ борьбѣ съ Палеологомъ, Амурата, не предполагалъ, что, по прошествіи не болѣе 20 лѣтъ, Туркамъ удастся овладѣть третьимъ городомъ въ имперіи Византійской, ключемъ къ Болгаріи и Сербіи, знаменитымъ Андріанополемъ (1360). Когда за пять лѣтъ предъ тѣмъ, Сулейманъ впервые поселилъ нѣсколько турецкихъ семействъ въ Галиполи, разрушенномъ отъ землетрясенія, Европа, конечно, и не воображала, что черезъ сто лѣтъ должна будетъ увидѣть Могомета II на престолѣ Св. Константина, что будетъ трепетать отъ янычаровъ, слушать глухой голосъ фанатическаго муэзина

съ Офенскихъ минаретовъ и что найдетъ себя вынужденною ополчаться за спасеніе отъ варварскаго ига средней и западной Европы.

Восточный вопросъ, такимъ образомъ, или вопросъ между христіанской цивилизаціей и магометанскимъ варварствомъ, занимаетъ Европу уже съ давняго времени; онъ сдѣлался предметомъ заботливости Европы съ того момента, какъ знамя пророковъ утвердилось на берегу Бѣлаго или Мраморнаго моря. Но нельзя не отличить въ этомъ вопросѣ двухъ эпохъ, въ которыя отношеніе европейскихъ державъ къ вопросу прямо противоположны. Дѣйствительно, въ первую эпоху восточнаго вопроса, Европа напрягала весь свой умъ и всѣ свои силы, чтобы ослабить и сокрушить турецкое господство; во вторую напротивъ, она мучитъ свою голову, тратитъ огромныя суммы, проливаетъ свою кровь, чтобы только поддержать, усилить и возродить Турцію на востокѣ. При всемъ, однакоже, различіи обѣихъ эпохъ, не трудно подмѣтить и родство между ними, которое состоитъ въ томъ, что христіанскія державы виновны, посредственно или непосредственно, въ томъ, что Турки усѣлись на востокѣ, укрѣпились, расширились, и господствуютъ до настоящихъ дней.

Османы никогда не составляли столь обширнаго племени, чтобы Европа, сокрушившая гораздо сильнѣйшіе народы, имѣла основаніе трепетать передъ ними. У Османовъ не было ни одного изъ тѣхъ условій, которымъ христіанскія государства обязаны своею прочностью и долгоденствіемъ: вмѣсто гражданской и государственной крѣпости, мы встрѣчаемъ у нихъ только фанатизмъ; но послѣдній не въ состояніи оставаться надолго твердымъ основаніемъ государства: онъ или охладѣваетъ, или разбивается о внѣшнія невзгоды и противодѣйствія.

Восточная Европа была приготовлена къ ожиданію Османовъ: раздробленная на три царства — греческое, болгарское и сербское, она какъ будто только и помышляла о томъ, какъ-бы въ непрерывныхъ междоусобныхъ войнахъ ослабить себя и погрязнуть въ собственной крови; не довольная этимъ и не терпѣвшая христіанскаго господства, ни греческаго, ни славянскаго, она пожертвовала своею свободой дикимъ сынамъ Алтая. Нѣкогда сильный Царьградъ, господинъ двухъ странъ свѣта, повелитель двухъ морей, защитникъ востока и запада, окружившій себя стѣнами

трехъ-сотъ монастырей, противъ турецкихъ янычаръ едва смогъ выставить пять тысячь воиновъ. Въ Болгаріи и Сербіи не было больше ни Симеона съ Самуиломъ, ни Душана. Шишманъ Болгарскій держался только милостью своею зятя, Мурата; при слабомъ Урашѣ V бояре сербскіе, управлявшіе отдѣльными областями, стрѣмились къ полной самостоятельности, и самый престолъ Сербскій осквернился смертоубійствомъ. Что началось при Марицѣ (1371), то окончилось на Косовомъ полѣ (1389): Сербія была выключена изъ числа государствъ христіанскихъ; палъ и Царьградъ, отрѣзанный совсѣхъ сторонъ (1453); черезъ десять лѣтъ пала и послѣдняя жертва на Балканскомъ полуостровѣ, несогласная Босна, пораженная измѣной своего воеводы.

Какъ смотрѣла Европа на уничтоженіе одной за другою державъ христіанскихъ и на смѣну креста на церквахъ полумѣсяцемъ?

Восточная Европа, Россія, была слишкомъ еще далека отъ интересовъ европейскихъ, слишкомъ нуждалась въ упроченіи собственнаго спасенія отъ не менѣе дикихъ враговъ, чтобы принять какое либо участіе въ дѣлахъ Балканскихъ. Европа западная въ ту пору, какъ росла сила турецкая, представляла несогласія больше, чѣмъ когда либо, и, наряду съ церковнымъ растройствомъ, была занята новыми государствеными порядками. Правительственное самовластіе круто подняло голову противъ феодальнаго боярства. Въ это именно время государи Англіи, Франціи, Португаліи, Кастильи и Арагоніи, подорвали преимущество и власть своихъ бояръ, чтобы спасти государство отъ раздробленія, устроить войско и пробудить просвѣщеніе.

Раздѣленныя силы извнѣ, и занятыя внутри, въ состояніи-бы былъ соединить противъ общаго непріятеля Папскій престолъ; но вражда къ восточной Церкви, порывы къ Уніи съ его стороны, твердость и непоколебимость въ вѣрѣ предковъ со стороны порабощенныхъ народовъ, парализировали это значеніе Папы. Церковное соединеніе съ преимуществами Рима, предлагавшееся Папами, какъ условіе помощи востоку, не могло быть принято послѣднимъ, а этимъ уничтожался и крестовый походъ, или ограничивался самыми ничтожными силами.

Такимъ образомъ, христіанская Европа не дѣйствовала сообща, согласно. Всѣ недостатки и ошибки, которыми держится Турція въ настоящее время, обнаруживались уже и тогда. Каждое госу-

дарство имѣло въ виду исключительно собственную выгоду, каждое хотѣло прежде всего обезпечить за собою добычу, и отбивало всякое соучастіе, какъ скоро замѣчало, что въ удѣлъ соперницы достанется большая доля. Уже тогда стала проявляться политика Европейскаго равновѣсія. И въ ту пору болѣе всего служилъ камнемъ преткновенія волшебный городъ на Босфорѣ, Царьградъ; и тогда не было недостатка въ фанатикахъ, готовыхъ утверждать, что лучше уступить его правовѣрному Осману, нежели православному Греку. Италія косо смотрѣла на Венецію, изъ боязни, чтобы послѣдняя не усилилась побѣдами надъ Турками. А когда Карлъ V, наслѣдникъ многочисленныхъ испанско-бургунскихъ земель, сдѣлался въ тому же императоромъ Римскимъ (1519), и когда братъ его получилъ корону св. Вячеслава и св. Стефана (1526), перепугалась Франція, перепугались и владѣтели нѣмецкіе, и охотнѣе бы уступили Турку, лишь-бы не досталось въ руки Габсбурговъ.

Этимъ несогласіемъ христіанской Европы, такою политикою государственнаго равновѣсія, умѣлъ искусно пользоваться хитрый Турокъ. Въ 1521 году, онъ съ торжествомъ вступилъ въ Бѣлградъ, пріобрѣтши въ немъ ключъ къ Славоніи, Бонату и Венгріи; раздоръ между королемъ и дворянствомъ въ послѣдней очистилъ ему путь, черезъ Могачъ и трупъ несчастнаго Людовика II, въ сердце Венгріи, и подъ первыя твердыни средней Европы (1526—1529). Никто не въ силахъ былъ удержать разливъ Турокъ и по Хорваціи и Далмаціи, послѣ того, какъ овладѣли они крѣпкимъ Яйцемъ (1528).

Подъ сильнымъ Сулейманомъ Турецкое государство достигло верха своей славы и могущество. Въ 1541 году, Венгрія объявлена Османскимъ санджакатомъ, и визирь избралъ столицею себѣ Офенъ. Король Фердинандъ, опасаясь за Вѣну, старался умилостивить Сулеймана дарами, и просилъ уступить ему Венгрію за годичный гарачъ. Но гордый султанъ надмѣнно отвѣчалъ, что о Венгріи не должно быть и помину, а Австрія можетъ расчитывать на миръ, подъ условіемъ годовой дани.

Такъ поплатилась Европа за свой раздоръ и за свою политику государственнаго равновѣсія; такъ испытали и государи, что значитъ, когда династическій интересъ не соединенъ съ выгодами народа.

Въ продолженіе двухъ вѣковъ росло турецкое могущество, доколѣ не достигло своей вершины. На этой высотѣ держалось оно нѣкоторое время, и потомъ начало падать, гнить, разлагаться. Турецкая имперія родилась силою оружія, силою оружія и держалась; но такая сила имѣла свое ручательство единственно въ воинственности и въ личныхъ свойствахъ султановъ, имѣла пищу въ храбрости и военной дисциплинѣ янычаровъ, опору въ несогласіи и эгоистической политикѣ христіанскихъ государствъ и народовъ.

Какъ только, со смертію великаго Сулеймана (1566), охладилась воинственность, и развилась чувственность и жизнь гаремная, какъ только ослабѣлъ двигатель фанатическихъ массъ, турецкая сила перестала быть грозою Европы. Но послѣдняя не могла, конечно, разомъ освободиться отъ страха турецкаго: все еще не довольно полагалась на свои силы, и, вмѣсто того, чтобы, пользуясь удобнымъ временемъ, отплатить Туркамъ, она проливала братскую кровь въ религіозныхъ войнахъ; мало того, стала заключать союзы съ врагомъ христіанства, какъ, напр., Франція. При такомъ сцѣпленіи, не удивительно, что Европа дожила и до вторичной осады Вѣны (1682).

Какъ у многихъ больныхъ, такъ и въ турецкой Имперіи, судорожныя движенія были еще и въ эту вторую эпоху иногда страшны; но здоровый глазъ видѣлъ, что въ огромномъ тѣлѣ загнѣздился уже червь, который мало-по-малу подтачиваетъ его. Причина болѣзни не могла оставаться тайной ни для кого, кто зналъ, на какихъ началахъ основывается здоровье каждаго государства, на какихъ основаніяхъ держится, развивается и совершенствуется каждая изъ нынѣшнихъ Европейскихъ державъ. И именно, этихъ-то началъ, такихъ то основаній нѣтъ и слѣда въ имперіи турецкой.

Основаніемъ нынѣшнихъ европейскихъ государствъ служитъ христіанская семья, опирающаяся на одноженство и на христіанскій бракъ. Только въ христіанскомъ бракѣ опредѣлены обязанности и права между мужемъ и женою, между родителями и дѣтьми, при немъ одномъ возможно истинное воспитаніе. Въ державахъ христіанскихъ церковь и школа принимаютъ дѣтей изъ объятій родителей, воспитываютъ, развиваютъ и облагораживаютъ ихъ, съ цѣлью приготовить изъ нихъ крѣпкихъ гражданъ добрыхъ отцевъ и честныхъ матерей семействъ.

Основаніе христіанскихъ государствъ, за тѣмъ, составляетъ евангельское равенство. Какъ по христіанскому ученію Богъ для всѣхъ людей равный отецъ и всѣ люди передъ нимъ равныя дѣти, такъ и въ христіанскихъ государствахъ всѣ граждане, безъ различія пола, одинаковы передъ закономъ государственнымъ, на всѣхъ лежатъ одинаковыя государственныя права и обязанности. Справедливо, что потребно было много вѣковъ, много борьбы прежде, чѣмъ начало равенства сдѣлалось основаніемъ государствъ христіанскихъ: прежде всего оказалось необходимымъ уничтожить личное неравенство, состоявшее въ рабствѣ одного и въ господствѣ другаго, а за тѣмъ и сословное. Тѣмъ не менѣе, начало равенства всегда лежало въ Христіанствѣ, и государства, принявшія христіанство, должны были естественнымъ развитіемъ сокрушить это личное и сословное неравенство, наслѣдованное отъ римскаго и германскаго язычества.

Равенство и свобода, вотъ, слѣдовательно, основы христіанскаго государственнаго права. Оно не смотритъ на лица, какъ на вещь, ни въ какомъ отношеніи, ни въ семейномъ, гдѣ мужъ, жена, родители и дѣти, имѣютъ свои права и обязанности, ни въ гражданскомъ, гдѣ всякій гражданинъ, безъ различія пола, рода и сословія, равенъ передъ закономъ, имѣетъ тѣ же права и тѣ же обязанности.

На томъ же началѣ евангельскаго равенства, по которому нѣтъ различія между Евреемъ, Грекомъ, Скиѳомъ и варваромъ, основывается и международное право въ государствахъ христіанскихъ; такъ какъ на основаніи равенства опредѣляются обязанности и права между двумя христіанскими державами, между двумя народами. И здѣсь было много борьбы, пока начало равенства не проникло изъ внутренняго государственнаго права во внѣшнее международное; да и доселѣ еще далеко не вполнѣ успѣло овладѣть оно взаимными отношеніями народовъ. Но какъ постепенно, мало по малу, уничтожилось неравенство личное и сословное, такъ, безъ сомнѣнія, прекратится и неравенство народное, которымъ гордятся нѣкоторые народы, какъ-бы опредѣленною имъ свыше привиллегіею.

Коротко: всестороннее равенство, всесторонняя свобода, на которыхъ основываются христіанскія государства, суть плодъ Евангелія, перенесенный въ жизнь государственную, какъ частную

такъ и общественную. Этимъ основаніямъ и обязаны христіанскія державы столькими чудесами во всѣхъ отрасляхъ знапія и искуства, благоустройства и просвѣщенія.

Взглянемъ теперь на основы царства Турецкаго.

Держась на коранѣ, Турецкое царство не имѣетъ и понятія о европейскомъ семействѣ. Единоженство и многоженство, которое освящается кораномъ, представляютъ два поля, которыя никогда не могутъ соединиться. У Турка жена не подруга съ одинаковыми правами и обязанностями, какъ у христіанина; она составляетъ для него вещь безъ души, орудіе и средство чувственности и разврата не только въ гаремѣ, но и въ самомъ раю. Среди вѣчнаго затворничества, въ грязи всякой распущенности, въ обществѣ всевозможныхъ сплетенъ, жена губитъ всякое чувство своего достоинства, губитъ материнское сердце и дитя ростетъ дико въ недостаткахъ своихъ родителей, научаясь тому, чего бы оно не должно знатъ, и не учась вовсе тому, что было бы для него полезно. Ежели и встрѣчается еще въ какомъ либо магометанинѣ или магометанкѣ особенно изъ народа Славянскаго, до нѣкоторой степени твердость отеческая, материнская, дѣтская, родительская и супружеская, то ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ приписывать ее корану. Она сбереглась, какъ искра подъ пепломъ, изъ эпохи христіанской, потому что обычаи не исчезаютъ такъ быстро, преимущественно подъ охраною семьи народной.

Ежели такъ мало или почти вовсе незаботится о воспитаніи дѣтей семейство, то тѣмъ менѣе еще имѣетъ его въ виду турецкая церковь и государство. Напротивъ, всякому высшему развитію ума, всякой заботливости о знаніяхъ, слѣдовательно всякому просвѣщенію противится то высшее начало магометанской педагогіи, что вся мудрость и все знаніе заключены въ коранѣ. Отсюда, вся наука магометанства не выходитъ изъ объема книги пророка, вся заботливость обращена лишь на то, чтобы научились правовѣрные молитвамъ и нѣкоторымъ религіознымъ обрядамъ. Да, коранъ не только не поддерживаетъ знанія и искуства, но противится имъ, и на всякое высшее стремленіе смотритъ мрачнымъ окомъ, боясь за собственную свою жизнь, которая передъ свѣтомъ ума не въ силахъ скрыть всей своей грязи и пустоты.

Присоедините еще къ этому религіозный фанатизмъ, воспитанный и распространенный коренною догмою, что всѣ, не признаю-

Bayerische Staatsbibliothek München

Магомета за пророка, суть псы, которыхъ должно или обрѣзать или погубить. Изъ этого можно уже понять, каково должно быть равенство въ державѣ, для которой коранъ служитъ и евангеліемъ и законникомъ. Въ имперіи турецкой, по этому началу, считается человѣкомъ только магометанинъ, всѣ же остальные жители не только не пользуются ни какими правами государственными, но и самая жизнь ихъ зависитъ отъ милости магометанина; тутъ не можетъ быть и рѣчи о правѣ на личность, на имущество, на честь, о равенствѣ передъ судомъ и закономъ; только магометанинъ есть лице, христіанинъ — вещь, который и жизнь свою обязанъ откупать харачемъ.

Тоже начало управляетъ въ Турціи и внѣшними отношеніями. Доколѣ была она на столько сильною, что не стѣснялась слѣдовать наукѣ корана относительно другихъ державъ, ее не связывали никакіе договоры и никакіе конгрессы. Всякое Христіанское государство было для нея гяурскимъ стадомъ, всецѣло зависящимъ отъ ея милосердія; до сихъ поръ даже, въ понятіяхъ Турковъ, сохранилось свидѣтельство международнаго турецкаго права, по которому султанъ, калифъ-пророкъ, есть господинъ цѣлаго міра, которому служатъ семь гяурскихъ королей.

Въ такомъ противорѣчіи стоятъ начала государствъ христіанскаго и магометанскаго. Ежели христіанскія державы, прочно основанныя на началахъ права и обязанности, равенства и свободы, справедливо могутъ назваться законными державами, что же сказать о Турціи, гдѣ большая часть подданныхъ лишена всякаго права? Не есть ли это держава положительнаго насилія и деспотизма? Если Христіанскія державы обязаны своимъ прогрессомъ началу евангельскому, то какое движеніе впередъ возможно въ Турецкой имперіи, основанной совершенно на противоположныхъ началахъ? Ежели Христіанство не только допускаетъ, но и возбуждаетъ науку и искусство, считая святою своею обязанностью развивать и просвѣщать подданныхъ своихъ безъ всякаго различія, какъ можетъ идти впередъ наука и искусство въ въ Турціи, когда имъ противится коранъ? Какъ станетъ заботиться онъ о просвѣщеніи большинства подданныхъ своихъ, которыхъ не признаетъ даже и за людей, не только за согражданъ?

Эти страшныя государственныя начала, на которыхъ основалось и возвысилось турецкое царство, обнаружились въ исторіи

самымъ губительнымъ образомъ, обнаружились въ развалинахъ многихъ областей, опустошенныхъ, а ни чуть не возстановленныхъ, обнаружились въ пятивѣковомъ мученическомъ страданіи христіанскихъ народовъ. Султанъ, эта «тѣнь божья на землѣ,» по ученію корана, стоитъ выше всякого закона; для него нѣтъ грѣха и въ убійствѣ собственнаго семейства; Магометъ II дозволилъ даже закономъ каждому наслѣднику престола, опоясанному мечемъ Омаровымъ, убивать своихъ братьевъ, чтобы тѣмъ обезпечить міру спокойствіе. Всѣ подданные суть рабы падишаха,— и послѣднимъ звѣномъ въ этой рабской цѣпи служатъ жесточайшіе паши, передъ которыми трепеталъ народъ: шелковая веревка была для нихъ не рѣдко падишаховымъ подаркомъ за услуги. Вслѣдствіе этого, первый чинъ, достоинство намѣстника султанова, во время Селима I, считался величайшимъ несчастіемъ. Отсюда, каждый правитель и не думалъ о благоденствіи ввѣреннаго ему народа, а заботился лишь о томъ, какимъ бы образомъ, посредствомъ лести, войти въ милость падишаха, какъ бы удержаться посредствомъ хотя бы гаремныхъ сплетень, погубить своихъ противниковъ и образовать вокругъ себя толпу покорныхъ и раболѣпныхъ льстецовъ. Мудрено ли, что при такомъ характерѣ, развилась въ турецкой имперіи та язва, при которой мѣста и чины служатъ предметомъ торга, и достигается все посредствомъ взятокъ и подкуповъ. Въ этомъ отношеніи превзошелъ всѣхъ Муратъ III, бравшій самъ плату отъ высшихъ своихъ сановниковъ, и распустившій въ государствѣ взяточничество до той степени, что прусскій король, Фридрихъ II, справедливо утверждалъ, что Турки за деньги продали бы и самого своего пророка. Этотъ грабежъ изъ центра не замедлилъ перейти тотчасъ же и въ самые отдаленные края, разразившись на бѣдномъ христіанскомъ народѣ, на райѣ, принужденной взятками откупать свою голову.

Состояніе райи, подъ гнетомъ пашей, кадій и агъ, райи безъ всякаго права, безъ суда и закона, вѣрно и наглядно изображается въ превосходной поэмѣ одного изъ лучшихъ хорватскихъ поэтовъ, Ивана Мажуранича: «Смерть Смаилъ-аги Ченгича.» Послѣдній посылаетъ своихъ сборщиковъ гарача на Гацкое поле (въ Герцеговинѣ), и «требутъ съ головы по желтому цекину, съ очага по откормленному барану, а на ночь, по обычаю, дѣвицу.» Но «гдѣ возметъ райя горачь, гдѣ золота, когда нѣтъ у нея крова, подъ которымъ бы преклонила она голову свою. Откуда взять

7

Bayerische Staatsbibliothek München

золота, когда райя не имѣетъ своей нивы и орошаетъ кровавымъ потомъ турецкую? Откуда взять барана, когда нѣтъ собственнаго стада, и приходится гонять чужое по стремнистымъ горамъ; когда нѣтъ одежды, нѣтъ и куска хлѣба!» Но не обращаетъ на все это вниманія ага; окаменѣло у него сердце, и при такомъ воплѣ райи:

«Глад, голота, господару!
Ах, причекај пет-шест данах,
Док ти грудјен харач испросимо!...
Хљеба, хљеба, господару,
Невидјіемо давно хљеба.» [1]

Ага грозитъ еще:

«Чекај, крете! докле с неба
Ноћ вечерае пане тиха,
Печене ћу мјеште хљеба!
Дотле мамци! јер су крсти боси,
Подкујте их.» [2]

Такой вопль несчастной райи, подобная звѣрская безжалостность господствующаго турка, отзываются уже нѣсколько вѣковъ на балканскомъ полуостровѣ:

Творац вишни птицам небо даде,
Тиха дупља и грудјіена гнездо,
Рибам воде и пучине морске,
Стан од стакла нех се по нем шире;
А звјерину ливаде и горе,
Хладне шписье и зелене луге—
Ядној раи недаде ни коре
Суха хљеба, да је сузам кваси.

---

[1]. Голодъ, нагота, господинъ!
Подожди хоть пять-шесть дней,
Пока вымолимъ мы для тебя требуемый гарачъ!
Хлѣба, хлѣба, господинъ,
Давно не видѣли мы куска хлѣба.

[2]. Подожди христіанинъ, пока не спадетъ съ неба тихая ночь; жаркое приготовлю я вмѣсто хлѣба. Ну же молодцы, такъ какъ босы христіане, подкуйте ихъ.

Bayerische Staatsbibliothek München

А што вему? Даде небо добро,
Које нешт све веħ Турчин побро.» [5]

Кто спокойнымъ и безпристрастнымъ умомъ обсудитъ основы и государственныя начала турецкой имперіи, тотъ не затруднится отвѣтомъ на вопросъ: въ состояніи ли она, при какомъ бы то ни было обновленіи, встать. въ разрядъ просвѣщенныхъ и въ истинномъ смыслѣ человѣколюбивыхъ государствъ? Въ состояніи, отвѣчаютъ европейскіе туркофилы; въ состояніи, говоритъ часть европейской дипломаціи, а кое-гдѣ и везирь съ пашею, образованные на западѣ.

И дѣйствительно, съ того момента, какъ турецкая имперія перестала расширять свою территорію, какъ внутренняя сила начала въ ней ослабѣвать, нашлись нѣкоторые султаны, пытавшіеся укрѣпить ее кое-какими обновленіями. Взглянемъ, въ чемъ состояли они и что принесли съ собою.

Извѣстно, что Турецкая имперія родилась, расширилась и сдѣлалась страшною для остальной Европы, благодаря воинственности и фанатизму янычаръ. Но послѣдніе, какъ только ограничился и съузился ихъ кругъ дѣятельности на военномъ полѣ, не замедлили вмѣшаться во внутреннюю политику имперіи. Лишь только возвышалась въ достоинствѣ какая либо непріятная имъ личность, какъ скоро выдавалось имъ неправильно жалованье, или не по волѣ имъ былъ падишахъ, или подкупалъ ихъ какой нибудь претендентъ, какъ тотчасъ же хватались они за оружіе, чтобы поколебать престолъ, устранить сановниковъ, жечь и грабить въ Цареградѣ. Вслѣдствіе этого, уже Османъ II (1622) употреблялъ усилія смѣнить этихъ преторіанцевъ новымъ войскомъ; но подобный переворотъ необходимо было произвести слегка и издалека. Рѣшено было, чтобы войско обзаводилось семействомъ и домами, и такимъ образомъ сближалось съ жизнію гражданскою. Въ отдаленныхъ предѣлахъ, признано было полезнымъ допустить кое-гдѣ въ войска и христіанъ, чтобы только обуздать своевольныхъ янычаръ. Въ эту пору, дозволило правительство

---

[5]. Вышній Творецъ далъ птицамъ небо, тихія дупла и удобныя гнѣзда; рыбамъ воду и пучины морскія, чтобы ширились они по нимъ; звѣрямъ ливады и горы, прохладныя пещеры и зеленые луга; а бѣдной райѣ? не далъ и корки сухаго хлѣба омочить слезами. Но что говорю я? Далъ прекрасное небо, да уже все захватилъ ненасытный Турокъ.

турецкое вступить въ войско и христіанскимъ албанцамъ; вошло въ договоръ съ греческими клефтами, отъ чего вся Греція, отъ Олимпа до акрокеравнскихъ горъ, была раздѣлена на военные округи, подчиненные туземнымъ начальникамъ, и каждому округу предоставлено полицейское самоуправленіе.

Однако же обновленія эти относительно янычаръ не сопровождались желаннымъ плодомъ: они все больше и больше составляли особую, одаренную многими привиллегіями касту. Правда, ослабленные семействомъ, они потеряли прежнюю храбрость на войнѣ, что скоро объявилось въ войнѣ съ русскими, за то тѣмъ съ большимъ насиліемъ обратились къ грабежу и убійствамъ, пока наконецъ, выродившись совершенно, не были уничтожены извѣстнымъ образомъ.

Правительство турецкое не противилось нѣкоторое время выселенію райи, которую считало гибильною для имперіи. Но съ тѣхъ поръ, какъ послѣ войны между 1683—99 годами, цѣлые десятки тысячь семействъ христіянскихъ перебрались черезъ Саву и Уну въ Хорвацію и Венгрію, правительство, опасаясь, чтобы не опустѣли его области въ конецъ, рѣшилось нѣкоторыми перемѣнами помочь христіанамъ. Разнообразныя дани были отмѣнены и сведены въ одну; константинопольскіе фанорiоты сдѣланы чиновниками и султанскими переводчиками въ посольствахъ, съ цѣлью имѣть ихъ посредниками между портою и христіанскими государствами, между райею и турками. Такое исключительное положеніе фанорiотовъ продолжалось до самаго греческаго возстанія (1821).

Но всѣ замѣчательныя реформы, касающіяся райи, относятся къ прошлому и настоящему столѣтіямъ. Въ прошломъ столѣтіи явились и въ Турціи либеральные люди, враги наслѣдственнаго калифата и магометанскаго духовенства. Эти турецкіе либералы, и атеисты смѣялись надъ основнымъ закономъ корана, надъ предписанными обрядами, надъ постановленіями о пищѣ и питьѣ, надъ символами ислама, и т. д. Къ этому разряду людей должно отнести и нынѣшнихъ нѣкоторыхъ сановниковъ турецкихъ, окончившихъ высшій курсъ наукъ въ Западной Европѣ, и невѣрующихъ ни во что, которые, по убѣжденію, ни магометане, ни христіане.

Подобнымъ либераломъ, въ половинѣ прошлаго вѣка, былъ и каирскій паша, Алибенъ-Абзаллахъ. Онъ предложилъ султану

Махмуду I, планъ для кореннаго преобразованія магометанства и обновленія имперіи. Въ силу этого плана, исламъ долженъ былъ уступить мѣсто естественному закону, и должны быть отняты власть и вліяніе у улемовъ. Но у султана не было ни силы, ни воли исполнить этотъ планъ; этого мало, улемы въ то же самое время предложили свой проэктъ, по которому вводилось аристократическое управленіе, гдѣ бы улемы занимали высшее мѣсто, а султанъ былъ бы только для почета. Болѣе всѣхъ заботился о реформахъ султанъ Селимъ III, пользовавшійся особенно совѣтами своего доктора, Лоренца, переписывавшійся съ Людовикомъ XVI, и пригласившій въ Константинополь множество Французовъ. Онъ прежде всего исправилъ крѣпости, возстановилъ флотъ, и, въ Азіи, вдали отъ янычаръ, рѣшился устроить европейское войско (1796—99). Задумалъ онъ произвести реформы и въ финансовомъ управленіи и раздавать пашалыки лишь на три года, чтобы подчинить ихъ зависимости сераля. Но всѣ усилія, всѣ реформы, разбились о фанатизмъ улемовъ, дервишей и правовѣрныхъ османовъ. Къ этому присоединился и переворотъ французскій, не могшій не отразиться и въ областяхъ Турецкой имперіи.

Въ наше время султаны также старались помочь райи, исправить правосудіе, ввести лучшее управленіе, ограничить произволъ пашей разными гатти-шерифами (привѣтными письмами), гатти-гумайюнами, (высокими письмами), гатти (письмами), крди (повелѣніями), ферманами (распоряженіями) и танзиматами (наставленіями). Между всѣми наиболѣе замѣчателенъ гатти-шерифъ Гюлгане (2 ноября, 1839). Посредствомъ его, всѣмъ подданнымъ безъ различія вѣры предоставляется ручательство въ жизни, чести и имуществѣ; опредѣляется способъ, какимъ должна правильно распредѣляться и собираться подать, производиться рекрутскій наборъ, и сколько продолжается военная служба. По смыслу этого гатти-шерифа, каждый подданный пользуется правомъ собственности на свое имущество, и управляетъ имъ по своему благоусмотрѣнію; никто не имѣетъ права оскорблять честь другаго; судъ долженъ судить справедливо по мусульманскимъ законамъ, изслѣдовавъ преступленіе и выслушавъ свидѣтелей. Относительно подати опредѣлено, что бы она распредѣлялась на каждаго подданнаго соотвѣтственно имуществу, и что бы болѣе положеннаго не искать; точно также, что бы было установ-

лено, сколько войска должно поставлять каждое мѣсто„ и что бы время службы военной ограничилось четырьмя или пятью годами. Спустя годъ послѣ гатти-шерифа, появился уголовный кодексъ въ 13 отдѣленіяхъ, гдѣ опредѣляются наказанія за государственную измѣну, за оскорбленіе чести, за насиліе, грабежъ, воровство и т. д. Эти постановленія, такъ гласитъ заключеніе, распространяются на всѣхъ подданныхъ имперіи; ихъ обязаны исполнять не только чиновники, но и всѣ сановники; въ противномъ случаѣ, всякій имѣетъ право жаловаться и требовать суда.

Какъ ни блистательны для Турціи всѣ эти распоряженія, но и онѣ остались лишь пустыми словами, безъ малѣйшаго значенія въ дѣйствительной жизни. Паша и судьи, по прежнему продолжали поступать произвольно, не смотря на то, что Порта, новымъ фирманомъ, 1853 г., сдѣлала ихъ отвѣтственными въ ихъ поступкахъ. Въ слѣдствіе стѣсненныхъ обстоятельствъ въ началѣ послѣдней войны, Турція составила совѣщаніе (1854), на которомъ присутствовали всѣ министры, высшіе сановники. патріархи и представители разныхъ вѣроисповѣданій. Здѣсь то прочитанъ былъ императорскій гатти, которымъ строго требовалось выполненіе гюлганскаго гаттишерифа, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ новыхъ распоряженій. Вмѣстѣ съ этимъ, Порта устроила совѣтъ изъ пяти или шести опытныхъ и справедливыхъ членовъ, обязанностью которыхъ было представить проэктъ, какъ бы правильнѣе устроить судопроизводство, улучшить благосостояніе подданныхъ, безъ различія вѣры, исправить финансы, и т. п.

Все это Порта обѣщала выполнить знаменитымъ гаттигумаюномъ, 18 февраля, 1856 года. Султанъ-Абдулъ-Меджидъ подтвердилъ имъ гаттишерифъ гюлганскій и законы танзимата, подтвердилъ льготы и права не мусульманскимъ подданнымъ, дарованныя его предмѣстниками; кромѣ того, пригласилъ всѣ не мусульманскія церковныя общины представить высокой Портѣ реформы, какихъ требуетъ современное просвѣщеніе; обѣщалъ уничтожить церковные налоги, которыми обременяли православный народъ, патріархъ и епископы. Христіанскимъ и остальнымъ не мусульманскимъ церковнымъ обществамъ обезпечивается полное самоуправленіе, допускается исправленіе старыхъ и постройка новыхъ церквей, школъ, больницъ и кладбищъ; всѣмъ вѣроисповѣданіямъ въ Турціи предоставляется свобода открытаго бого-

служенія. Каждый подданный, безъ различія народности, если удовлетворяетъ необходимымъ условіямъ, можетъ вступить въ государственную службу; ведется смѣшанный судъ съ присяжными отъ всякаго вѣроисповѣданія, въ которомъ будутъ судить публично и выслушивать свидѣтелей, безъ вниманія къ ихъ вѣроисповѣданію. Обѣщаются измѣненія и въ уголовномъ правѣ, которыя бы согласили права человѣчности съ правдою. Управленіе устроится такимъ образомъ, что всѣ подданные получатъ полнѣйшее ручательство за безопасность своей личности и своего имущества, всѣ подданные, безъ различія вѣры, будутъ поступать въ войско. Обѣщаны реформы и въ общинныхъ и областныхъ собраніяхъ. Иностранцамъ дозволяется пріобрѣтеніе недвижимаго имущества, на условіяхъ, одинаковыхъ съ подданными. Всѣ подданные, безъ различія званія и вѣроисповѣданія, будутъ платить подать. Правительство озаботится о заведеніи банковъ и другихъ подобныхъ учрежденій, а также откроетъ и капиталы для умноженія источниковъ матеріальнаго богатства въ Имперіи; постарается также объ улучшеніи дорогъ, для облегченія сообщенія, и устранитъ все, что препятствовало успѣхамъ торговли и земледѣлія.

Февральскій гатти-гумаюнъ составляетъ вѣнецъ турецкихъ реформъ въ послѣдніе два вѣка. Имъ установлены равенство, свобода и равноправность, церковная и политическая, въ Турецкой Имперіи. Всѣ подданные равны передъ закономъ, имѣютъ одинаковыя права и обязанности, — они свободные граждане свободной Турецкой имперіи. Чего, казалось бы, желать больше подданнымъ столь человѣколюбивой монархіи отъ милостиваго своего падишаха! И развѣ въ силу такихъ реформъ Турецкая имперія не вступила въ разрядъ гуманнѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ государствъ міра, и развѣ можетъ христіанская дипломатія требовать чего либо большаго отъ султана и его правительства И развѣ этими реформами не заслужила Турція права занять мѣсто въ ряду первостепенныхъ державъ европейскихъ, и получить голосъ, достойный ея огромнаго пространства въ трехъ странахъ свѣта?

Непремѣнно, — думала наибольшая часть европейской дипломатіи, въ 1856 году, покрайней мѣрѣ казалась такъ думающею. Увлеченная восторгомъ, что его величество, султанъ, удѣлилъ

столько милостей своимъ подданнымъ въ упомянутомъ гаттигумаюнѣ, она выразила торжественно свою ему благодарность въ трактатѣ парижскомъ, гдѣ, въ § 9, находимъ, между прочимъ, слѣдующее: его императорское величество, султанъ, въ своей непрестанной заботливости о счастіи своихъ подданныхъ издалъ фирманъ, который, улучшая ихъ состояніе, безъ различія вѣры и народности, подтверждаетъ его великодушныя намѣренія относительно христіанскихъ народовъ имперіи. Чтобы представить новое доказательство, въ этомъ отношеніи, своихъ намѣреній, онъ рѣшилъ сообщить фирманъ, проистекшій изъ его свободной воли, договаривающимся державамъ: договаривающіяся державы признаютъ великую важность этого сообщенія.

Къ этому дипломатическому возгласу не замедлило присоединиться ликованье европейской журналистики: спасена турецкая имперія, спасено европейское равновѣсіе, кричали въ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ газетахъ, и этотъ согласный крикъ дипломатіи и журналистики заглушилъ стонъ бѣдной райи. Но не въ силахъ былъ устранить онъ, или даже ослабить изумленія всѣхъ тѣхъ, кто знаетъ изъ исторіи, чѣмъ были Турки, и кто не потерялъ способности изъ воплей задавленнаго народа опредѣлять, чѣмъ остаются они и до сего дня; и въ удивленіи до ужаса, такіе люди не могли не задавать сами себѣ вопроса: какъ могла европейско-христіанская дипломатія, вмѣстѣ съ газетными своими драбантами, повѣрить, что турецкая имперія въ состояніи переродиться, пока коранъ заступаетъ мѣсто Евангелія; будто Турокъ мусульманинъ сдѣлается справедливымъ къ своему подданному, котораго не считаетъ онъ и за человѣка; будто въ состояніи смотрѣть онъ на него, какъ на равнаго себѣ, въ то время, когда религіозный его законъ требуетъ, чтобы онъ вынуждалъ его къ принятію ислама, или просто убилъ, — будто турецкая держава способна подняться на ту степень, до какой возвысились государства христіанскія, какъ основанныя на совершенно иныхъ началахъ вѣроисповѣдныхъ, семейныхъ и гражданскихъ.

Ежели европейская дипломатія хочетъ не на бумагѣ только, а на самомъ дѣлѣ, принять турецкую имперію въ число державъ христіанскихъ, то прежде всего слѣдовало-бы дать ей тѣ же самыя основы, на которыхъ развилась христіанская Европа-Турція,

должна бы была отстранить многоженство и гаремное воспитаніе, должна основать училища на томъ же самомъ началѣ свободы знанія, какое подняло на столь удивительную высоту образованность и просвѣщеніе европейскія, должна утвердить начала равенства и свободы, неразлучныя съ каждымъ отдѣльнымъ гражданиномъ. А это все равносильно тому, что европейская дипломатія должна-бы была изъ магометанской Турціи сдѣлать Турцію христіанскую. Въ противномъ случаѣ, усилія ея будутъ всегда напрасны, какъ это легко пойметъ всякій, кто припомнитъ сказаное объ основахъ, на которыхъ существуетъ турецкая имперія.

Европейская дипломатія въ новѣйшее время не только не укрѣпила и не преобразовала Турціи, и не улучшила состоянія райи, но еще принесла не малый вредъ и той и другой. Дѣйствительно, пока Турція сохраняла всецѣло свой магометанскій характеръ, была въ средѣ европейскихъ государствъ особнякомъ, дотолѣ каждый магометанинъ чувствовалъ себя дома, довольнымъ, потому что молился по корану, управлялъ и судилъ по корану; потому же корану служила ему и райя. Но съ той поры, какъ турецкое правительство начало прицѣплять къ азіатской своей одеждѣ блестки христіанской Европы, — а самая имперія стала сохнуть, европейскія реформы оскорбили религіозную совѣсть мусульманина. Съ тѣхъ поръ послѣдній сталъ безжалостнѣе къ райи, потому что ее считаетъ причиною оскорбленія корана; упорнѣе сдѣлался онъ и относительно падишаха, признавая его ренегатомъ, нетерпимѣе ко всѣмъ и самымъ ничтожнымъ перемѣнамъ, а потому и стремится подавить ихъ въ самомъ зародышѣ.

Отсюда, такъ какъ вся высшая власть, или правильнѣе вся власть находится въ рукахъ мусульманскихъ, — и провозглашенныя въ безчисленныхъ гатахъ и ферманахъ реформы остаются на бумагѣ. Сомнительно, чтобы такое преобразованіе Турціи относилось къ чести европейской дипломатіи. Но и это еще не все. Европейская дипломатія не только раздражила своими предложеніями правовѣрныхъ мусульманъ противъ правительства и райи, но передала Турціи не мало и своихъ недостатковъ, не научивши ничему доброму. Такъ, порта очень скоро переняла отъ запада административную централизацію, а съ нею новые виды податей и налоговъ. Первая подорвала и слабые слѣды общиннаго самоуправленія, хранившагося отъ лучшихъ прежнихъ временъ, открыла

дорогу въ отдаленныхъ областяхъ османскому чиновничеству, не знакомому ни съ ихъ потребностями, ни съ народнымъ языкомъ, которымъ, когда-то говорили туземные паши, визири, каймакамы и кадіи, и тѣмъ ввела въ администрацію чуждый языкъ турецкій. Въ слѣдствіе централизаціи умножились государственные расходы, что повлекло къ увеличенію налоговъ, прямыхъ и косвенныхъ, тѣмъ болѣе, что доходы, истрачиваемые на сераль, на постоянное и по европейски организованное войско, на усложнившуюся бюрократію, не наполняются болѣе, по старому обычаю, плѣномъ и гарачемъ и не усиливаются улучшенною торговлею, промышленностью и земледѣліемъ, какъ въ остальныхъ государствахъ европейскихъ.

Каковы же благодѣянія сообщила турецкой имперіи дипломатія и неестественныя реформы? Государственное безобразіе и уродливость, при которыхъ Турція ни чисто магометанская страна, ни христіанская, административную централизацію, не выносимые налоги, не коснувшись благосостоянія народнаго, недовольство между правовѣрными Турками и угнетенною и обобранною райею. Знакомъ же милостиваго и заботливаго сердца европейской дипломаціи и христіанскихъ державъ о несчастной райи служитъ объявленіе въ парижскомъ договорѣ, по которому торжественно отказываются они отъ права вмѣшиваться сообща или отдѣльно въ отношенія его величества султана къ своимъ подданнымъ или во внутреннюю администрацію его имперіи.

Этимъ объявленіемъ предоставили христіанскія государства своихъ единовѣрцевъ произволу Турка, райя не должна болѣе надѣяться на помощь отъ единовѣрныхъ европейскихъ государствъ. Такимъ образомъ, и здѣсь оправдались слова народной сербской пѣсни:

«Не бојте се крала ни једнога,
Крал на цара ударати не ће,
Нити може кралевство на царство;
Іер је тако од Бога постало.»

(Не бойтесь ни одного короля, король не пойдетъ войной на султана, да и не можетъ королевство воевать съ имперіей: такъ установлено самимъ Богомъ).

По какимъ соображеніямъ дошла европейская дипломатія до столь негуманной политики относительно балканскаго полуострова,

въ какомъ отношеніи очутились къ этой политикѣ христіанскіе обитатели послѣдняго, и отъ кого единственно можно надѣяться успѣшнаго разрѣшенія восточнаго вопроса, — все это мы постараемся изложить въ слѣдующихъ отдѣленіяхъ.

## II.

Первое европейское государство, которому пришлось ввести Турцію въ соприкосновеніе съ европейской дипломатіей, была Австрія; посредствующими органами служили ей для этого земли королевства Венгерскаго, собственная Венгрія и Хорвація съ Славоніей.

Говоря о быстромъ расширеніи господства турецкаго, въ первые два вѣка жизни Турокъ на материкѣ европейскомъ, мы сказали, какъ, во время султана Сулеймана, въ XVI столѣтіи, разлилось турецкое господство и по сю сторону Дуная и Савы, какъ въ составъ державы турецкой вошла Трансильванія, значительнѣйшая часть Венгріи и нѣкоторые края Далмаціи, Хорваціи и Славоніи. Изъ за твердынь офенскихъ, турецкое властолюбіе съ жадностью уже смотрѣло на ближайшія сосѣднія земли на западѣ, — и столица Австріи, Вѣна, съ трепетомъ ожидала надъ собою повторенія участи Константинополя. Въ виду такой грозы, въ 1527 году, добровольно избирается народомъ венгерскимъ и хорватскимъ австрійскій эрцгерцогъ, Фердинандъ, въ короли Венгріи, Хорваціи и Славоніи съ Далмаціей. Во главѣ побужденій къ этому соединенію лежала мысль ослабить и сокрушить Турцію. Эту мысль подтвердили и развили еще больше отъ имени Фердинанда его послы, явившіеся на соборъ цѣтинскій (въ Хорваціи), 1 іюня, 1527 года, для окончательнаго заключенія состоявшагося королевскаго избранія.

Съ тѣхъ поръ, въ теченіе цѣлыхъ 170 лѣтъ, Австрія вѣрно исполняла свою задачу, блистательно воспользовавшись венгерскими и славянскими силами для сохраненія собственнаго своего существованія. Вѣнцомъ побѣдъ ея надъ Турціей явился, наконецъ, миръ въ Карловцахъ, подтвержденный императоромъ Леопольдомъ, — 16 февраля 1699 года, миръ, который славила

не одна Австрія, а и остальная христіанская Европа. Этому миру на западѣ, въ дѣлахъ Турціи, впервые содѣйствовала и Россія, одержавшая нѣсколько побѣдъ на юго-востокѣ, какъ союзница австрійская. Миръ въ Карловцахъ убѣдилъ Европу, что уже прошли времена Сулеймана, что Турція не можетъ быть больше грозою Европы, что имперія османская видимо падаетъ въ пропасть съ прежней высоты своей, что страшные отряды янычаръ отбиты не только отъ стѣнъ вѣнскихъ, но и отъ Венгріи, Трансильваніи, Хорваціи и Славоніи. Договоръ въ Карловцахъ былъ первымъ главнымъ договоромъ, которымъ надменный Турокъ вынужденъ былъ дозволить стать съ собою рядомъ христіанскому правительству, какъ равному себѣ.

Ежели мы сообразимъ теперь, что союзъ Австріи съ королевствами венгерскимъ и хорватскимъ обязанъ принятому первою, и предложенному послѣдними условію дѣйствовать неуклонно, противъ господства турецкаго, что, съ другой стороны, наибольшая часть подданныхъ христіанъ Турціи связана съ народомъ сербо-хорватскимъ въ Австріи и одною исторіею, и однимъ языкомъ, и одною вѣрою христіанскою, одною надеждою и любовью къ своему племени и роду, то въ числѣ самыхъ обязательныхъ задачъ для австрійскаго правительства не можемъ не поставить и задачи сокрушенія магометанскаго господства, требуемой не однимъ уже нравственнымъ принципомъ, а и государственными договорами, въ силу которыхъ домъ габсбургскій упрочился на престолахъ венгерскомъ и хорватскомъ. Если, такимъ образомъ, нельзя безусловно исключать изъ внѣшней политики вопросовъ по вѣрѣ, если европейскія державы возвысились до настоящей высоты своей въ силу началъ христіанскихъ, если въ магометанствѣ нѣтъ и тѣни европейско-государственнаго порядка, то державѣ австрійской наименѣе прилично защищать надломанную Турцію противъ христіанъ, имѣвшихъ уже въ ту пору, когда еще и не снились османы, благоустроенныя государства на полуостровѣ балканскомъ, и готовыхъ возстановить ихъ снова, какъ только прекратятся внѣшнія препятствія.

И при всемъ этомъ, тотъ же миръ въ Карловцахъ положилъ начало крутому повороту, въ австрійской политикѣ. Съ каждымъ десятилѣтіемъ Австрія все очевиднѣе стала выражать свое сочувствіе Турціи, сдѣлавшись въ послѣднее время самою вѣрною ея

союзницею, готовою видѣть въ существованіи Турецкой имперіи залогъ собственнаго бытія.

Два соображенія, сколько можно судить по дѣйствіямъ Австріи, привели ее къ турко-фильской политикѣ: религіозное и государственное.

Не рѣдко приходится слышать изъ устъ австрійскихъ католиковъ мысли, что лучше и выгоднѣе имѣть на востокѣ господиномъ Турка, нежели православнаго христіанина, схизматика; Турокъ справедливѣе будетъ относиться къ католику, чѣмъ схизматикъ. Подобныя мысли ослѣпляютъ не мало австрійскихъ католиковъ, отъ души желающихъ продолженія мусульманскаго царства. Ихъ то результатомъ и слѣдуетъ прежде всего считать то раздвоеніе единоутробныхъ братьевъ, разъединеніе общей силы, которое задерживало побѣду христіанства и свободы на балканскомъ полуостровѣ. Что отвѣчать на эти фанатическо-безумныя мысли, раздѣляемыя иногда и государственными сановниками Австріи? Въ порывѣ негодованія, одинъ изъ хорватскихъ католическихъ писателей спрашиваетъ подобныхъ ревнителей Рима: «что родственнѣе и ближе между собою католичество и магометанство, или первое и православіе? Развѣ имѣетъ магометанство на столько же силы, какъ православіе, что бы устроить государство человѣколюбивое, просвѣщенное и справедливое? И въ чемъ выразилось турецкое правдолюбіе относительно католиковъ? Развѣ католическая церковь залѣчила уже раны, нанесенныя ей исламомъ? И развѣ католичество имѣетъ какое-либо ручательство въ государствѣ, гдѣ всѣмъ управляетъ произволъ и беззаконіе? Или католики забыли уже о кровавыхъ подвигахъ надъ единовѣрцами сирійскими и ливанскими, объ албанскихъ и боснійскихъ потурченкахъ, отнятыхъ насиліемъ у католичества? Или думаютъ они скорѣе примириться съ восточною церковью, если предадутъ ее произволу корана; или полагаютъ, что продолжатъ жизнь Турціи въ Европѣ, если упрочать вражду между христіанами той и другой церкви!» Съ своей стороны, мы считаемъ излишнимъ прибавлять что-нибудь къ заявленію католическаго писателя, какъ и вообще находимъ неумѣстнымъ останавливаться на такомъ уродствѣ христіанскихъ понятій, которыя были бы пригодны временамъ средневѣковаго варварства, когда христіанство было часто одною формою грубаго языческаго духа. Для насъ любопытнѣе и вѣрнѣе соображенія государственныя

Австріи, побудившія ее стать въ противодѣйствіе интересамъ христіанскихъ народовъ Турціи.

Туркофильская внѣшняя политика Габсбурговъ стоитъ въ нераздѣльной связи съ внутреннею ихъ политикою, централистическо-нѣмецкою. Взглядъ на послѣднюю освѣтитъ передъ нами и основанія первой.

Централистическая политика Австріи видитъ будущность последней въ Германіи, а не въ себѣ самой; для нея Австрія постоянно остается привѣскомъ, pars adnexa, великой Германіи; въ себѣ самой не признаетъ она залоговъ ни величія, ни силы. Отсюда, существенною задачею ея сдѣлалось ослабить славянство, на сколько возможно, какъ въ Австріи, такъ и внѣ ея, и черезъ это образовать изъ нея богатую добычу для нѣмецкаго элемента. Заправляющіе такою политикою государственные люди думаютъ: Турція до того извѣтшала, что никакимъ образомъ не въ силахъ повредить нашимъ стремленіямъ, тогда какъ неизбѣжно пришлось бы отказаться отъ многовѣковаго порыва на востокъ (Drang nach Osten) если бы на развалинахъ турецкихъ устроились Юго-Славяне, Румуны и Греки. Отсюда необходимость поддерживать Турцію покрайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не устроится великая Германія, готовая, подобно удаву, обвить собою ослабѣвшее славянство; отсюда слишкомъ полуторавѣковыя препятствія къ образованію на южныхъ границахъ Австріи христіанской державы, которая своимъ родствомъ и взаимною симпатіей съ южно-австрійскимъ славянскимъ населеніемъ, не только не замедлила бы поставить крѣпкую преграду ширящейся, германизаціи въ Австріи, но придала бы силу возстановить славянскій интересъ и тамъ, гдѣ давно подавленъ онъ потерею государственной самостоятельности Славянъ.

Такое государственное соображеніе Австріи, составляя основу ея внѣшней политики въ дѣлахъ балканскаго полуострова, прикрывается въ между правительственныхъ сношеніяхъ трактатами о законности консервативности: Австрія не смѣетъ, какъ государство законное и консервативное, поддерживать волненіе противъ законной власти, не должно помогать мятежникамъ, если не хочетъ подорвать собственной законной основы и сама стать въ ряды мятежниковъ.

Трудно, при здравомъ и не заражениомъ корыстными расчетами смыслѣ, признавать законность такой власти, которая единственно насиліемъ пріобрѣла господство, и никогда не отступала отъ тѣхъ отношеній съ своими подданными, какія существуютъ только между господиномъ и рабомъ, которая не только никогда не заботилась прежде, не заботится и теперь о духовномъ и матеріальномъ благосостояніи этихъ подданныхъ, но еще варварскою администраціей лишала и лишаетъ ихъ добытаго предками христіанскаго наслѣдства. Ежели узаконенъ османскій престолъ на полуостровѣ балканскомъ, ежели исключительно оружіе даетъ право законности, — тогда какъ слѣдуетъ смотрѣть на многіе престолы европейскіе? Въ такомъ случаѣ, Абдулъ-Азисъ имѣетъ право не только на Грецію, Болгарію, Боснію и Сербію, но и на Венгрію, Славонію, Трансильванію, на южную Русь и на остальныя области Магометовъ, Муратовъ и Сулеймановъ, пріобрѣтенныя оружіемъ. Противъ законности турецкаго оружія нѣтъ другаго средства, кромѣ законности христіанскаго оружія. Такое международное право, относительно имперіи турецкой, и руководило христіанскою Европой, вмѣстѣ и домомъ габсбургскимъ, нѣсколько вѣковъ, во время кровопролитныхъ и постоянныхъ войнъ. Законность можетъ основываться только на законѣ и правѣ: гдѣ нѣтъ ихъ, тамъ не можетъ быть и рѣчи о законности.

Понятно, на сколько будетъ справедливо называть и поднимающихся христіанъ въ Турціи мятежниками. Всякое возстаніе христіанскаго народа въ Турціи служитъ лишь очевиднымъ протестомъ противъ беззаконнаго господства надъ балканскимъ полуостровомъ. Турецкіе христіяне бьются не за какія-нибудь отвлеченныя теоріи западной Европы; они проливаютъ цѣлые вѣки кровь свою за христіанскую вѣру, которую отнимаетъ у нихъ Турокъ, за добытое кровавымъ потомъ имущество, разграбляемое Турками, за честь своей семьи, женъ и дочерей, которыхъ оскверняетъ тотъ-же Турокъ, за гробы своихъ предковъ, обезчещиваемые Туркомъ, словомъ, за всю ту святыню, охранять которую составляетъ долгъ каждаго народа, если только онъ хочетъ жить и идти впередъ, и за которую билась столько вѣковъ Европа съ тѣмъ-же самымъ непріятелемъ, и губила цвѣтъ германскаго, мадьярскаго и славянскаго народа подъ Вѣной, Офеномъ, Бѣлградомъ, Осѣкомъ и Сискомъ. Ежели Георгій Черный, вождь

возставшихъ, въ 1804 году, Сербовъ, и Милошъ Обреновичъ, котораго не перестали еще оплакивать христіане турецкіе, были мятежниками, если Лука Вукаловичъ, князь Даніилъ и воевода Черногорскій Мирко бунтовщики, тогда всѣ императоры Австріи, отъ Фердинанда до Леопольда II, Янъ Собѣсскій, Бранковичъ, Юрій Кастріотъ, а также и множество другихъ славныхъ борцевъ, были тоже бунтовщики, потому что и они воевали съ полумѣсяцемъ точно также «за святой крестъ и свободу золотую,» потому что и они бились за области, которыя фактически, по праву завоеванія, составляли части оттоманской имперіи. Кажется, одна логика и одно право должны имѣть значеніе для всѣхъ народовъ, какъ и для всѣхъ людей.

До мира въ Карловцахъ Австрія стояла впередъ Европы въ борьбѣ противъ Османовъ. Отразивши же отъ себя грозу, и она вступила на поле дипломатіи, слѣдуя примѣру Франціи, Англіи, Пруссіи и Голландіи, то въ качествѣ совѣтника, то посредника. Какъ ближайшая и въ свое время, могущественная держава, Австрія не разъ, въ послѣдующій за этимъ миромъ періодъ времени, позволяла себѣ выражать ново-установившуюся систему отношеній къ Турціи и христіанскимъ въ ней народамъ такими поступками, которые на всегда будутъ покрывать грязными пятнами и безъ того не свѣтлую ея исторію. Припомнимъ, на этотъ случай, два примѣра, изъ которыхъ одинъ болѣе или менѣе извѣстенъ интересующимся исторіею разнообразныхъ народностей вдвинутыхъ въ имперію австрійскую; другой досслѣ еще очень мало распространенъ въ исторической литературѣ, хотя и касается весьма близкаго къ намъ времени. Оба они даютъ вѣрный взглядъ на политику правительства австрійскаго въ судьбѣ христіанскаго народонаселенія на Балканѣ.

Въ концѣ XVII столѣтія, передъ самою войною, окончившеюся миромъ въ Карловцахъ, огромное количество Сербовъ, не имѣя больше силъ выносить турецкія неистовства, рѣшилось разстаться и переселиться въ предѣлы Австріи, изъ которыхъ было бы удобно наблюдать за ходомъ дѣлъ въ покинутомъ отечествѣ, принимать посильное участіе въ немъ, и, при измѣнившихся обстоятельствахъ, возвратиться туда снова. Правительство Габсбурговъ тѣмъ охотнѣе соглашалось на пріемъ, и тѣмъ дѣятельнѣе распредѣляло земли выселенцамъ, что основательно

матривало въ нихъ лучшую и надежнѣйшую крѣпость противъ дальнѣйшихъ вторженій Турокъ. Не было выражено и тѣни неудовольствія на всѣ тѣ условія, какія предлагались выселенцами: собственноручною подписью скрѣплялъ императоръ грамоты и договоры, — и Сербы, съ великими надеждами на будущее, размѣстились въ южныхъ частяхъ Венгріи, принявъ на себя роль передовыхъ защитниковъ монархіи. Но Австрія не привыкла соединять собственныхъ интересовъ съ выгодами тѣхъ, посредствомъ кого выигрываются ея интересы, — и, на первыхъ же порахъ, произошло безпримѣрное нарушеніе договора въ самомъ важнѣйшемъ условіи, обезпечивавшемъ и внутреннюю самостоятельность переселившагося народа, и его возможность законнаго участія въ дѣлахъ старыхъ соотчичей и братьевъ по роду и языку. Юрій Бранковичъ, избранный въ званіи деспота высшимъ управителемъ Сербовъ, утвержденный въ этомъ званіи императоромъ, какъ преступникъ, былъ схваченъ правительствомъ прежде, нежели вступилъ въ свою должность, посаженъ сначала въ одну, потомъ въ другую, наконецъ въ третью крѣпость, и кончилъ жизнь свою едва не въ оковахъ, промучившись беззаконно слишкомъ двадцать лѣтъ въ заключеніи австрійскомъ (+ 1711). Тщетны были неоднократныя депутаціи отъ Сербовъ, напрасно горячо и настоятельно вступался за безвиннаго деспота самъ Петръ Великій и его посолъ въ Вѣнѣ, — правительство габсбургское не стыдилось отвѣчать: nihil male fecit, sed ratio status sic requirit (ничего дурнаго не сдѣлалъ, но расчетъ государственный того требуетъ). Въ этомъ государственномъ соображеніи, хотя и молча, высказалась уже тогда вся эссенція политики австрійской по дѣламъ турецкимъ: я хочу, говорилось этимъ соображеніемъ, извлечь всю пользу изъ переселившагося народа для себя; но не потерплю, что бы онъ, ратуя за собственные интересы, какъ бы ни были они для него дороги, нравственны и законны, подкрѣплялъ волненіе по ту сторону Савы и Дуная, и подкапывалъ послѣднія опоры турецкаго царства, что было бы возможно при собственномъ деспотѣ, окруженномъ возбудительными воспоминаніями и преданіями. Удержанные насильно отъ обратнаго переселенія въ старую родину, австрійскіе Сербы очутились подъ нѣмецкимъ военнымъ начальствомъ, и стали проливать свою кровь, и слагать головы для исключительныхъ выгодъ новаго правительства.

Не менѣе характеристиченъ и вторый примѣръ; относится онъ къ Черному Георгію, съ именемъ котораго соединяется первый зачатокъ дѣйствительнаго высвобожденія значительной части христіанъ изъ подъ ига турецкаго и начало образованія нынѣшняго княжества Сербіи. Такая личность не могла нравиться Австріи; послѣдняя не могла не видѣть въ немъ того опаснаго бунтовщика, который способенъ поднять милліоны задавленнаго народа, и потрясти въ самыхъ основаніяхъ Турцію. Судьба противъ воли привела этого человѣка на почву австрійскую, гдѣ онъ искалъ спасенія отъ неминуемой смерти на родинѣ, въ несчастный поворотъ войны, при первомъ возстаніи Сербовъ, когда Россія, занятая войной съ Наполеономъ, должна была вывести войска свои съ Дуная. Это было въ 1813 году. Какъ же поступила Австрія и съ этимъ героемъ, вдохнувшимъ жизнь въ своихъ единоземцевъ, пролившимъ въ нихъ впервые надежду на возможность стряхнуть магометанское иго собственными силами, и такъ блистательно доказавшимъ основательность этой надежды? И онъ подвергся въ Австріи участи Бранковича; точно также и его засадили въ Петервардейнскую крѣпость, ограбивши предварительно дорогое оружіе, единственное тогда богатство Кара-Георгія; затѣмъ перевезли въ другую крѣпость, Грацъ, и, конечно, не затруднились бы продержать до самой смерти, если бы голосъ Александра I, по окончаніи войны съ Наполеономъ, не получилъ принадлежавшаго ему авторитета. По его настоянію былъ освобожденъ Кара-Георгій, и подъ его покровительствомъ нашелъ спокойную и обезпеченную жизнь въ Бессарабіи.

Въ то время, какъ Австрія перемѣняла роль антагониста Турціи на ея союзника и защитника, вступала все тверже и постояннѣе въ эту роль другая ближайше сосѣдняя къ Турціи держава, Россія. Она схватила мысль, что Провидѣніемъ опредѣлено ей защищать единовѣрную, частью и единокровную братію на востокѣ противъ турецкаго беззаконія и изувѣрства, что русскій народъ призванъ отмстить за Палеологовъ османской династіи. Явственное выраженіе такой мысли заключено съ Кайнарджійскомъ мирѣ (21 іюля, 1774), состоявшемся безъ малаго черезъ сто лѣтъ послѣ договора въ Карловцахъ. Различіе въ характерѣ обоихъ договоровъ знаменательно.

Первое и существенное различіе состоитъ въ томъ, что миръ Кайнарджійскій утвержденъ безъ всякаго посредства какой-либо

посторонней державы: Россія одна стояла противъ Порты, тогда какъ въ Карловцахъ вооружились противъ преобладанія и насилія турецкаго, вмѣстѣ съ Австріей, и другія европейскія государства. Съ этой поры Россія не упускала случая, при первой возможности, принимать участіе въ спорныхъ вопросахъ между Турціей и ея подданными христіанами, и обращать на выгоду послѣднихъ каждый переворотъ на востокѣ, такъ что миръ Адріанопольскій представляется лишь логическимъ послѣдствіемъ мира Бухарестскаго,—а этотъ мира Кайнарджійскаго. Во вторыхъ, миромъ въ Карловцахъ державы христіанскія заявили Европѣ, что имперія оттоманская падаетъ съ своей высоты, и предписали потомку Сулеймана границы, далѣе которыхъ господство его не можетъ быть терпимо; посредствомъ Кайнарджійскаго мира Россія объявила Европѣ, что она думаетъ переступить этотъ предѣлъ и положить конецъ владычеству, которое опредѣлили терпѣть европейскія правительства, и которое на милліоны христіанъ налагаетъ невыносимое ярмо, вызывавшее съ ихъ же стороны нѣкогда грозное оружіе.

Но, обращаясь къ очерку дѣйствій Россіи на полуостровѣ Балканскомъ, невольно чувствуешь потребность высказаться предварительно относительно слѣдующаго вопроса: какъ опредѣлить границу нравственности въ участіи правительствъ европейскихъ въ судьбѣ имперіи Турецкой?

Человѣкъ, проникнутый всецѣло идеями чистаго христіанства, воспитанный на началахъ безукоризненнаго гуманизма, при видѣ, съ одной стороны, ужаснаго рабства христіанъ, лишенныхъ первыхъ средствъ для человѣческаго развитія, съ другой — бездушнаго гнета азіатскаго фанатика, съ дѣтства пріучаемаго не отдѣлять этихъ христіанъ отъ массы низкихъ животныхъ,—конечно отвѣтилъ бы на нашъ вопросъ только однимъ образомъ: первый, кто успѣетъ изъ свободныхъ христіанъ, обязанъ подать руку помощи страждущимъ, и прекратить господство варвара, который въ состояніи измѣниться только перерожденіемъ въ самыхъ коренныхъ условіяхъ жизни религіозной, семейной и государственной. Такой человѣкъ не допустилъ бы и мысли о вознагражденіи: выполненіе высшей нравственной и христіанской обязанности, осуществленіе идеи истиннаго гуманизма, — вотъ гдѣ лучшая награда. И справедливо рѣшилъ бы онъ съ той возвышенной точки зрѣнія, на которой не видны грязные углы че-

ловѣческой жизни, подвигающейся шагъ за шагомъ, при страшной борьбѣ, съ продолжительными остановками, а иногда и съ обращеніемъ назадъ, по пути къ полнѣйшей и чистѣйшей нравственной идеѣ. Но въ томъ-то и дѣло, что это идея не только никогда не достижима въ полнотѣ и чистотѣ своей, но и разстояніе современности отъ нея крайне еще велико; и если спустится такой человѣкъ съ высоты своей поглубже въ современность, то и не замедлитъ подмѣтить то обиліе темныхъ угловъ, наполненныхъ личными страстями, самолюбіемъ и корыстолюбіемъ, при которомъ немыслимо выполненіе идеально-нравственной обязанности, безъ страшнаго ущерба тому, кто бы рѣшился на подобное выполненіе. Въ силу личныхъ страстей, преобладаніе которыхъ часто могущественнѣе въ отношеніяхъ между правительственныхъ, нежели среди частныхъ людей, всегда найдется сторона, которая изъ личныхъ интересовъ упорно будетъ отстаивать то положеніе вещей, какое ей наиболѣе выгодно, хотя бы эта выгода и опиралась на крови и бѣдствіяхъ милліоновъ, судьбу которыхъ другая сторона была бы готова улучшить съ христіанскимъ самоотверженіемъ.

Турецкая имперія стоитъ именно въ такомъ отношеніи къ различнымъ сторонамъ, представляемымъ разнообразными правительствами Европы. И ежели мы сопоставимъ другъ съ другомъ двоякое отношеніе, какимъ рѣзко опредѣлили себя эти правительства, одно съ холоднымъ и презрительнымъ егоизмомъ извлекающее матеріальныя выгоды изъ бѣдственнаго состоянія христіанскихъ подданныхъ Турціи, другое при утратѣ собственныхъ средствъ домогающееся облегчить участь несчастныхъ, нé требуя отъ нихъ ничего, и только извлекая для себя пользу на счетъ виновника несчастій, то, разумѣется, не затруднился отдать преимущество въ нравственномъ смыслѣ послѣднему, и тѣмъ огромнѣйшее, чѣмъ неприкосновеннѣе интересы страждущаго и облегчаемаго. Этимъ, полагаемъ мы, пока только и можетъ быть опредѣлена граница нравственности при участіи государствъ къ христіанамъ турецкимъ, или, что тоже, къ восточному вопросу. Какъ же относилось къ этой границѣ русское государство? Какія побужденія отражаются въ многолѣтнихъ сношеніяхъ его съ христіанскими подданными Турціи?

Намъ нѣтъ надобности пускаться въ настоящемъ случаѣ въ мелкія подробности этихъ сношеній; для насъ будетъ достаточно

указать лишь на главнѣйшіе моменты, которые сопровождались болѣе или менѣе явственными результатами въ жизни христіанъ турецкихъ.

Первое правительственное столкновеніе по дѣламъ юго-восточнымъ принадлежитъ еще времени царя Алексѣя Михаиловича. Правда, оно относится не прямо къ подданнымъ Турціи, но пропустить его нельзя, потому что въ немъ рѣзко отпечатлѣвается характеръ этого столкновенія. Въ 1668 году, въ Москву прибылъ сербскій митрополитъ, Сава, искать помощи и защиты въ Россіи противъ преслѣдованія католиками и кальвинистами православныхъ Сербовъ, довѣрчиво принявшихъ предложеніе Австріи, и переселившихся въ ея предѣлы изъ турецкихъ владѣній. Алексѣй Михайловичъ принялъ митрополита и сопровождавшихъ его Сербовъ очень милостиво, и сдѣлалъ все, что было для него возможно. Вслѣдъ за этимъ церковно-религіознымъ заступничествомъ встрѣтилась у тѣхъ же австрійскихъ Сербовъ нужда и въ политическомъ заступничествѣ Россіи. Это уже было при Петрѣ Великомъ. Австрійское правительство, нарушая договорныя грамоты, скрѣпленныя рукою императора, не только уничтожило деспотское званіе у Сербовъ, лишь подъ условіемъ отдѣльнаго внутренняго управленія, съ своимъ выборнымъ деспотомъ, и перебравшихся въ южную Венгрію изъ-за Дуная, но, какъ видѣли, и самого деспота держало въ заключеніи до самой его смерти, перевозя какъ преступника изъ одной крѣпости въ другую. Такое безправіе, со стороны Австріи, побудило сербскаго патріарха обратиться къ Петру Великому, который, съ свойственною ему горячностью ухватился за дѣло деспота. Въ бытность свою въ Вѣнѣ, въ концѣ XVII столѣтія, Петръ Великій успѣлъ лично увидѣться съ деспотомъ, узнать во всей подробности неправду правительства, и поручилъ своему уполномоченному, Возницыну, представить вѣнскому кабинету слѣдующія требованія: не стѣснять Сербовъ въ правахъ, только что дарованныхъ имъ императоромъ; освободить деспота, какъ вполнѣ невиннаго; не преслѣдовать вѣроисповѣданія Сербовъ и доставить имъ и патріарху ихъ свободное пребываніе въ Сремской землѣ, потому что на этихъ только, условіяхъ Сербы и промѣняли прежнюю свою за-дунайскую родину; въ противномъ случаѣ, заключалъ Возницынъ, для нихъ лучше будетъ возвратиться обратно въ повиновеніе Туркамъ. Ежели мы сообразимъ время, въ какое происходило это заступничество

Россіи, отношенія, въ какихъ находилась она тогда къ западной Европѣ вообще, то должны согласиться, что вмѣшательство въ дѣла Сербовъ опиралось единственно на христіанскомъ участіи къ несчастнымъ единовѣрцамъ. Самое понятіе о единоплеменности, ставшее въ позднѣйшее время на ряду съ единовѣріемъ, въ ту пору было не только ново для Россіи, но едва-ли и вовсе не чуждо. Не забудемъ, что и Возницынъ указываетъ не на Россію, въ случаѣ не исполненія договоровъ Австріею, а на Турцію.

Но уже при Петрѣ Великомъ начала входить въ жизнь русской политики и идея соплеменности съ христіанскими обитателями за Дунаемъ. Его перваго привѣтствовали западные Славяне, какъ государя славянскаго народа, и перваго познакомили съ политическою важностью этой идеи. Обстоятельства скоро открыли случай воспользоваться этою идеей и на практикѣ. Предпринимая походъ противъ Турціи, въ 1710 году, Петръ Великій впервые вошелъ въ сношеніе съ Черногорцами, представилъ имъ единство вѣры и происхожденія; и указалъ на пользу совокупнаго дѣйствія противъ общаго врага христіанства. Съ этого момента начинается непрерывный рядъ тѣсныхъ сношеній съ Черногоріей, придавшій послѣдней, вмѣстѣ съ силою матеріальною, и силы духовныя. Мы не станемъ говорить о восторгѣ, съ какимъ встрѣтили и выслушали посланныхъ Петромъ Великимъ воинственные жители Черногоріи, о ихъ патріархально-наивной радости, что, наконецъ, и среди Славянъ явился царь, который вспомнилъ о ихъ заслугахъ, и принялъ къ сердцу ихъ тягостную судьбу, но не можемъ умолчать объ упрекахъ, дѣлающихся Петру Великому по сіе время въ пристрастной публицистикѣ запада, будто онъ имѣлъ въ виду лишь собственный интересъ, — и бросилъ тотчасъ же Черногорцевъ, какъ скоро этотъ интересъ потерялъ значеніе. Въ подобныхъ упрекахъ заключенъ, конечно, намекъ на то, что Петръ Великій ни однимъ словомъ не упомянулъ въ договорѣ Прутскомъ о проливавшихъ за него кровь Черногорцахъ. Но обстоятельства, сопровождавшія этотъ договоръ, служатъ достаточнымъ оправданіемъ Русскаго царя, и если западъ хватается за всякій случай, чтобы набросить мрачную тѣнь на добросовѣстность русской политики въ дѣлахъ востока, не справляясь съ истиной, а подъ часъ и намѣренно закрывая или извращая ее, то Черногорцы поняли вполнѣ стѣсненное положеніе Петра Великаго подъ Прутомъ и невозможность, съ его стороны, оказать дѣйствительную

участіе въ ихъ судьбѣ, и до сихъ поръ продолжаютъ скорбѣть въ своихъ пѣсняхъ о несчастіи христіанскаго царя, противъ воли вынужденнаго заключитъ миръ. Сильно веселились Черногорцы, говоритъ одна пѣсня, при мысли, что будутъ воевать противъ Турка вмѣстѣ съ христіанскимъ царемъ:

Но веселѣ ово не траяло,
Н ако само мѣсецъ и полъ данахъ,
Него се е брзо обратило
На србальску жалость и несрећу,
Ербо худи гласи допадоше,
Да се Петре съ Турцым' умирно,
Не по вольи, него по невольи,
Што га бѣху Турци обколили
Близу Прута студене ріеке,
Тер му помочь доли не могаше,
Ни остало, што е войсцы нужно.
*Ове гласе када разумьше,*
*И владыка и сви спасолюбцы,*
*Уплака се мало и велико,*
*Свакъ жалляше христіанског' цара.*

(Но радость эта продолжалась не больше, какъ полтора мѣсяца, и скоро обратилась на сербскую жалость и несчастіе. Приспѣли худые слухи, что Петръ примирился съ Турками не по волѣ, по неволѣ, что Турки окружили его близъ Прута, студеной рѣки, и помощь не могла прити къ нему, равно и все другое, что необходимо войску. Когда убѣдились въ этихъ слухахъ владыка и всѣ Черногорцы, восплакалъ и великій и малый, всякъ жалѣлъ христіанскаго царя).

Не слѣдуетъ опускать изъ виду и того, что въ предложеніи Петра Великаго не было и тѣни намека на какое либо условіе въ пользу Черногорцевъ: онъ высказываетъ въ грамотѣ своей только одно желаніе — наказать магометанство за притѣсненія христіанскаго народа, и, зная о непрерывныхъ войнахъ Черногорцевъ съ Турками, раскрываетъ передъ ними лишь удобства дѣйствовать за одно. Но ежели нельзя было ничего сдѣлать дипломатическимъ и военнымъ путемъ для Черногоріи, за то тѣмъ съ большею любовію оказывалъ ей Петръ Великій матеріальнее пособіе, отправляя значительныя суммы денегъ для пострадав-

шихъ отъ нашествій турецкихъ и голода, а также для постройки церквей. Съ этимъ вмѣстѣ положено начало посылкѣ церковной утвари — сосудовъ, одеждъ, книгъ и т. п., въ чемъ былъ крайній недостатокъ у Черногорцевъ. Такое отношеніе продолжалось и во все послѣдующее время, хотя до императрицы Екатерины Великой совмѣстныхъ войнъ съ Турціей не было. Россія, въ полномъ смыслѣ слова, сдѣлалась источникомъ жизни Черногоріи: всякой ея недостатокъ матеріальный, запутанныя или опасныя обстоятельства въ политикѣ, сопровождались обыкновенно посылкою въ столицу Россіи депутаціи черногорской, не рѣдко пріѣздомъ самихъ владыкъ, изъ которыхъ одинъ, Василій, и скончался въ Петербургѣ (1765). Послѣдствіями такихъ депутацій и владычнихъ пріѣздовъ были всегда значительныя пожертвованія денежныя и готовность помочь совѣтомъ и заступничествомъ. Со времени Екатерины Великой связь установилась еще тѣснѣе, а при Павлѣ Петровичѣ, въ 1799 году, независимо отъ неопредѣленныхъ вспоможеній, рѣшено ежегодно выдавать Черногорцамъ по тысячѣ дукатовъ; при императорѣ Николаѣ сумма эта, въ 1837 году, увеличена была до девяти тысячь дукатовъ.

Но, скажутъ, эти пособія основаны всѣ на корыстныхъ расчетахъ, на видахъ способствовать этимъ путемъ собственнымъ интересамъ. Исторія предлагаетъ намъ и тутъ факты, всецѣло противорѣчащіе такимъ соображеніямъ. Укажу на нѣкоторые тѣмъ съ большимъ правомъ, что они убѣдительно свидѣтельствуютъ о несправедливости недавней клевѣты на русскую политику, провозглашенной однимъ изъ государственныхъ мужей цивилизованной Англіи.

Въ 1807 году; во время войны съ Наполеономъ, часть русскаго войска, отправленнаго въ адріатическое море подъ начальствомъ Сенявина, соединилось съ Черногорцами, овладѣвшими уже городомъ Каттаро, и вмѣстѣ съ ними защищало его отъ Французовъ. Кто понимаетъ значеніе для Черногоріи приморскаго пункта, особенно такаго, каковъ городъ Каттаро, тотъ пойметъ, конечно, и радость народа Черногорскаго, и готовность къ самымъ напряженнымъ усиліямъ, чтобы отстоять добытую гавань. И тѣмъ не менѣе, въ концѣ іюля, по слову императора Александра, Черногорцы очистили Каттаро въ пользу Французовъ. Черезъ шесть лѣтъ, когда возникла снова война съ Наполеономъ, Черногорцы опять овладѣли тѣмъ же городомъ уже безъ содѣйствія

Россіи. Подъ вліяніемъ владыки, Петра перваго, центральная коммисія, составившаяся для управленія Черногоріей и областью Каттаро, представила просьбу императору Александру принять и ту и другую подъ защиту и покровительство; и между тѣмъ отъ 20 мая, 1814 года, послѣдовало распоряженіе русскаго императора, сообщенное въ собственноручномъ его письмѣ на имя владыки, чтобы Черногорцы передали Каттаро Австрійцамъ. * И такъ, два раза Каттаро находился въ рукахъ Россіи; оставить этотъ городъ въ своемъ владѣніи, или, еще справедливѣе, уступить его Черногорцамъ не требовало большихъ усилій, особенно въ 1814 году,—и однакоже въ оба раза добровольно передается онъ сначала Франціи, а потомъ Австріи. Какъ-же послѣ этого смотрѣть на недавніе крики Англичанъ, по поводу послѣднихъ событій въ Черногоріи, будто Россія постоянно только и думаетъ о томъ, какъ-бы упрочить за Черногорцами Каттаро, и посредствомъ нихъ укрѣпить свою позицію въ великолѣпнѣйшей гавани адріатическаго моря. Мы вполнѣ увѣрены, что Англія никогда-бы не упустила столь благопріятнаго случая, и давно-бы уже изъ гавани каттарской ввела въ составъ подданныхъ эксплуатируемой ею Турціи и самыхъ Черногорцевъ, — а русское правительство оставило безъ всякаго отвѣта и письма владыки Петра, отъ 8 мая 1817 года, въ которомъ послѣдній умолялъ императора Александра прислать въ Черногорію кого либо изъ русскихъ сановниковъ, что бы занять въ ней мѣсто императорскаго представителя и управлять страною.

Такова корыстная политика русскаго правительства въ дѣлахъ Черногорцевъ. Отъ первой минуты сношенія съ ними до послѣднихъ текущихъ дней, мы встрѣчаемъ съ его стороны только пожертвованія въ пользу церквей, вспоможенія противъ бѣдности и заступничество на полѣ дипломатіи, во имя той же церкви и христіанской свободы, добытой Черногорцами четырехвѣковою войною съ полумѣсяцемъ. Едва ли и самый пристрастный политикъ откроетъ корыстные виды Россіи и въ изолированномъ, въ первыя минуты, протестѣ ея противъ несправедливыхъ и безчестныхъ условій ультиматума, по нуждѣ принятаго черногорскимъ княземъ Николаемъ. Пусть же западные кабинеты, съ хоромъ своихъ публицистовъ, перейдутъ отъ голой клеветы къ дѣйствительности, и раскроютъ передъ нами какіе либо факты корыстности русской въ замѣнъ бросающихся въ глаза услугъ и

(*) Прискорбное воспоминаніе. *Ред.*

пожертвованій, какими переполнены полуторастолѣтнія сношенія Россіи съ единовѣрными и соплеменными Черногорцами.

Ни сколько не менѣе выдаются услуги Русскаго правительства и въ возстановленіи княжества Сербскаго. Здѣсь онѣ еще виднѣе и рѣзче, потому что дѣло коснулось уничтоженія рабства христіанъ, упроченнаго многовѣковымъ господствомъ Турціи. Какъ ни станемъ мы возвышать усилія самихъ Сербовъ, какъ ни будемъ удивляться геройскимъ ихъ подвигамъ, самоотверженію и мужеству великихъ ихъ вождей, Кара-Георгія и Милоша, но и на минуту не можемъ усомниться, что, безъ содѣйствія Россіи, чуждаго и тѣни своекорыстія, уничтоженіе рабства составляло бы и до сихъ поръ pium desiderium и Сербовъ по-савско-дунайскихъ, какъ служитъ оно до настоящихъ минутъ причиною неумолкающихъ броженій народныхъ въ старой Сербіи, Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи. И здѣсь, въ дѣлѣ Сербовъ княжества, съ перваго момента возстанія ихъ до окончательнаго закрѣпленія независимости сербской, Россія точно также является въ одно и тоже время и щитомъ и оружіемъ въ пользу сербскаго народа. Годъ возстанія Сербовъ подъ Кара-Георгіемъ (1804) есть вмѣстѣ и годъ первой просьбы ихъ о заступничествѣ, обращенной къ императору русскому. Примѣръ силы такаго заступничества былъ слишкомъ свѣжъ и близокъ, чтобы нерасчитывать на нее и Сербамъ: не прошло еще и двухъ лѣтъ, какъ русское правительство вытребовало отъ Турціи гатти-шерифъ, которымъ доставлялась Валахіи и Молдавіи внутренняя самостоятельность, воспрещался доступъ туда Туркамъ, кромѣ торговцевъ, освобождался князь отъ подати, а султанъ лишалъ себя права смѣнять по произволу князей валахо-молдавскихъ, безъ вѣдома и согласія Россіи. По поводу первой просьбы началось и благодѣтельное для Сербовъ вмѣшательство Россіи. Невниманіе къ ея предложеніямъ и ходатайству, выраженнымъ по случаю отказа Турціей на прошеніе сербской депутаціи, прибывшей въ Константинополь по совѣту русскаго правительства, вскорѣ дало возможность Россіи заявить передъ цѣлымъ свѣтомъ и передъ Портою, что она не прочь поддерживать свое заступничество и на другомъ поприщѣ. Съ началомъ 1807 года началась война съ Турціей. Намъ нѣтъ надобности останавливаться на назидательныхъ эпизодахъ этой войны, когда отряды русскаго войска, подъ начальствомъ Исаева, Цукато и др., дѣйствовали вмѣстѣ съ Сербами на сербской почвѣ, когда своимъ мужествомъ

и дисциплиною спасали они неоднократно нестройныя толпы Сербовъ отъ неминуемой гибели, подъ напоромъ многочисленнѣйшаго непріятеля, и очищали отъ турецкихъ гарнизоновъ важныя для Сербовъ укрѣпленія. Насъ занимаетъ, въ настоящемъ случаѣ, общее направленіе политики, отразившееся въ дипломатическихъ сношеніяхъ и актахъ.

Утомленная и пораженная на всѣхъ пунктахъ,—Турція увидѣла себя, наконецъ, вынужденною заключить миръ, не смотря на происки Наполеона, съ громадною арміею вступавшаго въ предѣлы Россіи. Въ 1813 году утвержденъ миръ бухарестскій. Забыла-ли Россія Сербовъ? Осьмой пунктъ этого договора опредѣляетъ исключительно отношенія Сербовъ къ Турціи, подъ гарантіей Россіи. Независимо отъ общей амнистіи, Турція обязалась не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Сербовъ, ограничить ихъ подать, не посылать для ея сбора своихъ чиновниковъ; во всѣхъ распоряженіяхъ, касающихся этого предмета, дѣйствовать по предварительному соглашенію съ самымъ народомъ, наконецъ, обязалась доставить Сербамъ выгоды, какими пользовались жители нѣкоторыхъ островов архипелажскихъ.

Какъ ни неопредѣленны права, выговоренныя для Сербовъ трактатомъ Бухарестскимъ, какъ ни не точно выражаютъ они ихъ новыя отношенія къ портѣ, тѣмъ не менѣе, надобно имѣть слишкомъ мало исторической совѣстливости и слишкомъ много страстной враждебности къ Россіи, чтобы позволить себѣ обвинять ее въ оставленіи Сербовъ на произволъ судьбы. Бухарестскій трактатъ былъ заключенъ въ такое время, когда русское государство должно было спасать свое собственное существованіе, и было-бы верхомъ неблагоразумія новыми требованіями въ пользу Сербовъ отдалить заключеніе мира, и тѣмъ связать себѣ руки на югѣ, не принесши ни какой дѣйствительной имъ пользы. Между тѣмъ какъ состоявшійся въ такомъ смыслѣ трактатъ давалъ Россіи полное право, по удаленіи грозной опасности, снова возвысить свой голосъ и потребовать исполненія договора, ежелибы онъ не былъ исполненъ, объявивши наиболѣе выгодное для Сербовъ его толкованіе, если-бы Турція вздумала объяснять его въ исключительную свою пользу. Мы сейчасъ увидимъ, какъ, напротивъ, оказался важенъ этотъ трактатъ, и какъ послужилъ онъ могучимъ залогомъ полнаго освобожденія Сербовъ: въ Бухарестскій трактатъ, какъ въ самую удобренную почву, брошено

было здоровое зерно, изъ котораго не замедлило вырости крѣпкое дерево свободы сербской.

Съ другой стороны, стѣсненное положеніе Россіи доказало ясно, чего можно было ожидать и отъ болѣе выгодныхъ и опредѣленнѣйшихъ условій трактата. Чувствуя себя обезпеченною съ сѣвера, Турція, въ связи съ Франціей, не только не думала о выполненіи договора Бухарестскаго, но въ томъ-же году отрядила противъ Сербовъ огромную армію. Извѣстенъ несчастный результатъ войны этой для Сербовъ: къ 1814 году, они снова явились рабами Турковъ, начавшихъ по прежнему распоряжаться съ турецкимъ произволомъ и звѣрствомъ въ освобожденной-было Сербіи. Произошло новое возстаніе, во главѣ котораго сталъ Милошъ Обреновичъ. Первые успѣхи его обнаружились въ то время, какъ въ Вѣнѣ происходили совѣщанія европейскихъ государей. Не видя возможности устоять противъ силы турецкой, Сербы отправили уполномоченныхъ на конгрессъ просить содѣйствія. Кто выслушалъ здѣсь ихъ, и кто согласился содѣйствовать послѣ того, какъ посольство англійское съ жестокимъ высокомѣріемъ оттолкнуло ихъ? По приказанію императора Александра, заданъ былъ русскимъ посломъ въ Константинополѣ тотъ многозначительный вопросъ портѣ, который заставилъ ее измѣнить упорство относительно Сербовъ, сдѣлаться уступчивѣе къ ихъ требованіямъ, показавши въ то же время, что Россія не забыла осьмаго пункта Бухарестскаго договора, и готова при первомъ случаѣ настаивать на исполненіи его: что за война ведется въ Сербіи, вопреки мирному трактату? Въ какой степени важенъ былъ миръ въ Бухарестѣ для Сербовъ, какое обширное право доставлялъ онъ Россіи дѣйствовать во благо единовѣрцевъ, и какъ сами Сербы мало надѣялись на осуществленіе его въ полнотѣ, видно изъ слѣдующаго обстоятельства.

Въ 1820 году, диванъ турецкій, уклоняясь постоянно отъ точнаго, выполненія Бухарестскаго договора и между тѣмъ опасаясь оставить безъ вниманія просьбы Сербовъ, получившихъ въ Россіи такого могущественнаго ходатая, отправилъ въ Бѣлградъ Кіайя-пашу (государственнаго секретаря) съ цѣлью удовлетворить нѣкоторымъ желаніямъ Сербовъ и съ тѣмъ вмѣстѣ вытребовать отъ князя ихъ, Милоша, оффиціальное завѣреніе, что онъ не будетъ больше утруждать подишаха новыми просьбами. Милошъ отказался отъ подобнаго завѣренія, и, на вопросъ сул-

танскаго чиновника—чего же еще больше хотятъ Сербы отъ милостиваго падишаха, отвѣчалъ рѣзко; точнаго и всесторонняго выполненія Бухарестскаго трактата. Это первое напоминаніе Сербами о трактатѣ; до сихъ поръ они не смѣли и заикнуться о немъ. Какъ пораженъ былъ этимъ Кіайя-паша, всего нагляднѣе видно изъ крайняго его замѣшательства: онъ не нашелся сказать ни одного слова, повернулъ молча своего коня, и уже черезъ Австрію, помимо владѣній сербскихъ, добрался до Царьграда. Въ самомъ дѣлѣ, не легко было правовѣрнымъ разстаться съ мыслью, что княжество сербское не составляетъ больше ихъ собственности, какою могутъ они распоряжаться по своему азіатскому произволу,—и не удивительно, что, не взирая на грозу со стороны Россіи, Порта напрягала всѣ силы, какъ-бы отклонить это дѣло и медлительностью поправить его. Но русское правительство слѣдило зорко, и въ 1825 году, при императорѣ Николаѣ, потребовало отъ дивана высылки въ назначенное имъ мѣсто уполномоченныхъ для окончательнаго прекращенія недоразумѣній по Бухарестскому миру. Въ пятомъ пунктѣ Аккерманской конвенціи (1826) уже подробно и точно опредѣлены тѣ отношенія Сербовъ къ Турціи, которыя приравняли область первыхъ почти свободнымъ государствамъ. И понятна восторженная благодарность русскому императору, какою огласилась въ то время вся Сербская земля. Условія этой конвенціи вошли цѣликомъ и въ трактатъ Адріанопольскій съ строжайшимъ опредѣленіемъ немедленнаго ихъ выполненія. Едва прошло полгода, какъ появился, наконецъ и знаменитый гатти-шерифъ султанскій, 1830, которымъ приведены въ исполненіе эти условія. Но и на этомъ не остановилась помощь русская. Оставалось еще присоединить тѣ округи къ княжеству, которые были въ числѣ возставшихъ въ 1804 году противъ Турціи, и которые по миру Бухарестскому, по конвенціи Аккерманской и миру Адріанопольскому должны войти въ составъ княжества. Опредѣлить ихъ въ точности было не легко, по смѣшанности народонаселенія, а присоединить безъ сильной помощи еще труднѣе, потому что сосѣдніе паши давно уже управляли ими, какъ своею собственностью, и не рѣшились-бы никогда разстаться съ ними добровольно. Россія настояла на особой коммиссіи,—и русскіе чиновники исполнили свое дѣло блистательно, опредѣливши границы въ совершенную выгоду Сербовъ. Въ 1834 году округлилась оконча-

тельно территорія княжества, достигшаго всѣхъ условій для свободнаго и успѣшнаго развитія. Прекратила-ли этимъ Россія участіе свое въ Сербіи? Вспомнимъ уставъ сербскій (1838), которымъ ограничивалось своеволіе Милоша, и вводилось участіе народа въ администраціи, уставъ, защищавшійся Россіей противъ интригъ Англіи; вспомнимъ ноябрь и декабрь мѣсяцы 1858 года, когда таже Россія способствовала осуществленію законной и справедливой воли народа сербскаго, при удаленіи Александра Карагеоргіевича; не забудемъ и заступничества сначала единственно Россіи при недавней бомбардировкѣ Бѣлграда,—и мы должны согласиться, что отношенія Россіи запечатлѣны и въ дѣлахъ сербскаго княжества тою же готовностью и тѣмъ-же желаніемъ счастія народу сербскому, какія видѣли по отношенію къ Черной горѣ. И тутъ точно такъ же исторія этихъ отношеній полна доказательствами безкорыстія русскаго. Изъ многихъ фактовъ я напомню о двухъ, какъ Россіи оставила безъ вниманія покорнѣйшую просьбу Кара-Георія (1807) прислать въ Сербію способнаго губернатора, который бы управлялъ страною, и какъ въ послѣдующихъ войнахъ съ Турцій она не только не вызывала Сербовъ къ содѣйствію, къ чему всегда они были готовы, а, напротивъ, постоянно требовала отъ нихъ оставаться спокойными и безучастными.

Обозрѣвая всѣ дѣйствія Россіи въ Турціи, ея войны съ нею, и разнообразные договоры, мы усматриваемъ каждый разъ новый съ ея стороны шагъ къ улучшенію участи подданныхъ христіанскихъ. Не произошло ни одной войны, ни одного замѣчательнаго трактата не было заключено безъ того, чтобы судьба того или другаго народа христіанскаго въ Турціи, или всѣхъ ихъ вмѣстѣ, не обратила на себя вниманія русскаго правительства, и чтобы послѣднее не озаботилось, на сколько позволяло собственное его положеніе, при международныхъ столкновеніяхъ, обезпечить какимъ-либо новымъ условіемъ ограниченіе деспотическаго произвола.

Правда, Россія не могла забывать и себя. Миры Кайнарджійскій, Бухарестскій, Адріанопольскій расширили территорію русскую на счетъ прежнихъ владѣній турецкой имперіи; но на ряду и единовременно съ этимъ, мы встрѣчаемъ и прочныя начала высвобожденія христіанъ и закрѣпленія за ними той внутренней самостоятельности, въ которую твердо улеглись здоровыя сѣмена

и скорой независимости политической, и не только тѣхъ частей, которыхъ касалось дѣло, но, посредствомъ нихъ, и всего христіанскаго народонаселенія на балканскомъ полуостровѣ. Вспомнимъ о пріобрѣтеніи единственно через Россію самостоятельности Румунами, въ Валахіи и Молдавіи, Сербами, въ княжествѣ сербскомъ, Греками въ королевствѣ греческомъ; незабудемъ и независимости Черногорцевъ, которыхъ западная Европа давно бы уже втянула въ составъ имперіи турецкой, не смотря на геройскіе подвиги народа въ четырехвѣковой борьбѣ за народную свободу и христіанскую вѣру. Съ перваго столкновенія съ ними при Петрѣ Великомъ до послѣднихъ дней, Россія не перестаетъ настоятельно помогать имъ и средствами для жизни и войны и заступничествомъ въ дипломатіи.

Напрасно публицисты запада твердятъ о корыстолюбіи политики русской въ дѣлахъ христіанъ турецкихъ, напрасно и правительственные кабинеты, частью прямо, частью изъ подъ руки, волнуютъ умы устрашеніемъ завоеваніями Русскихъ на Балканѣ: время нейдетъ безъ пользы и въ этомъ отношеніи. Вниманіе къ дѣйствительному положенію Турціи, не замедлило раскрыть истинные результаты политики русской, и тѣмъ опредѣлило въ настоящемъ свѣтѣ ея характеръ. Вмѣсто завоеваній Русскихъ приходится видѣть и теперь завоеванія въ пользу христіанъ, вызванныя сочувствіемъ единства происхожденія, единства вѣры и языка—понятій, далекихъ отъ всякой корыстности и самовластія. Политика въ міровыхъ вопросахъ, между которыми безспорно займетъ далеко не послѣднее мѣсто и вопросъ восточный, не можетъ и, по здравому разсудку, не должна опредѣляться частными явленіями, поступками и словами отдѣльныхъ лицъ, случайно вызванныхъ на дѣятельность въ ней. Странно было-бы отрицать и со стороны нѣкоторыхъ уполномоченныхъ русскихъ возможность сужденій и выраженій, не вполнѣ соотвѣтствующихъ высокой задачѣ, къ которой призвана Россія, и которой такъ вѣрна остается она и до сихъ поръ; но несравненно страннѣе слышать и читать въ европейскихъ сочиненіяхъ ссылки на какія-либо частныя выраженія нѣкоторыхъ чиновниковъ русскихъ, въ доказательство коварности, эгоизма и корыстолюбія всей политики русской въ вопросѣ христіанъ турецкихъ. Подобныя доказательства разбиваются въ прахъ при малѣйшемъ прикосно-

веніи къ результатамъ политики болѣе-менѣе въ продолжительный періодъ. Результаты же эти вполнѣ оправдаютъ слова уполномоченнаго русскаго по дѣламъ сербскимъ, князя Долгорукаго, сказанныя имъ въ октябрѣ 1837 года Милошу: во всемъ, что ни сдѣлала Россія въ Сербіи, руководилась она единственно желаніемъ быть полезной народу одного съ нею происхожденія, языка и религіи, и совѣты, которые давала она князю, имѣли цѣлью лишь упрочить больше спокойное и счастливое существованіе странѣ, завоевавшей свободу такими геройскими усиліями.

Еще болѣе убѣдительнымъ оправданіемъ политики русской служитъ та симпатія, которая, не смотря на всѣ новѣйшія старанія запада ослабить и подавить ее, связываетъ христіанскіе народы Турціи съ Россіей. Несправедливо было-бы отрицать что агитація и интриги западныхъ державъ не успѣли и въ этомъ отношеніи сдѣлать своего дѣла, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени,—и среди молодаго поколѣнія Славянъ болгарскихъ и сербскихъ найдется не одинъ десятокъ людей, воспитанныхъ и образованныхъ вдали отъ родины, въ учебныхъ заведеніяхъ французскихъ и германскихъ, иногда на суммы католической пропаганды, которые съ юныхъ, такимъ образомъ, лѣтъ привыкаютъ смотрѣть на Россію глазами западныхъ политиковъ и говорить ихъ языкомъ. Но для насъ несравненно важнѣе масса народа, помнящая благодѣянія русскія, не отрывающаяся отъ почвы, политой кровью воиновъ русскихъ въ борьбѣ и за ея интересы, пользующаяся непрерывно и въ мирное время заботливостью Россіи о ея благосостояніи и вещественномъ, и умственномъ и религіозномъ. И напрасно западъ волнуется этой симпатіей, выражающейся въ каждомъ движеніи задунайскихъ Славянъ: возставать противъ нея, значило бы возставать противъ самой природы. Пускай переберутъ политики западные всѣ фазы восточнаго вопроса, и они должны убѣдиться, что изъ всѣхъ европейскихъ государствъ одна Россія была неизмѣнною защитницею христіанъ противъ дикой тиранніи турецкой, что при каждомъ случаѣ являлась она для нихъ щитомъ, незабывая и теперь, при вѣчномъ недовѣріи Европы, сказать въ ихъ пользу рѣшительное слово.

Но невыносимо западу сочувствіе турецкихъ подданныхъ къ Россіи; такое сочувствіе въ его глазахъ представляется вѣрнымъ

залогомъ расширенія территоріи русской за Дунаемъ, на развалинахъ Турціи. И съ давнихъ поръ Европа поставила себѣ задачею отбить Россію отъ востока, и, подъ видомъ равновѣсія европейскаго, во чтобы то ни стало, поддерживать Турцію. И чѣмъ больше улучшалась участь нѣкоторыхъ христіанъ турецкихъ, при содѣйствіи русскомъ, тѣмъ напряженнѣе обращались западныя державы къ своей задачѣ, усиливаясь подорвать и послѣднюю опору христіанскаго народонаселенія въ Турціи. За множествомъ дипломатическихъ придирокъ, интригъ и агитацій, послѣдовалъ, въ 1854 году, и военный союзъ Англіи, Франціи и Піемонта съ Портой, а съ нимъ и Крымская война; послѣдовала враждебная политика Австріи и пассивность Пруссіи относительно перваго пункта священнаго союза. Все направилось къ тому, чтобы вытѣснить Россію изъ той позиціи, на которой утвердилась она послѣдовательною столѣтнею политикою.

Парижскій трактатъ составляетъ послѣдній камень въ дипломатическомъ зданіи, возведенномъ Европою для Турціи. Въ 1856 году, великія христіанскія государства положили сокрушить все, добытое Россіей съ 1774 года и возвратиться къ 1699 году, съ тѣмъ лишь огромнымъ различіемъ, что въ Карловцахъ заявлена была слабость турецкой имперіи, а въ Парижѣ признано, что Турція, освобожденная отъ преобладанія и вліянія одного государства, введенная въ семейство европейское, стоитъ подъ защитой христіанской Европы, и что послѣдняя опираясь на правдолюбіе султана, отказывается отъ права вмѣшиваться въ его внутреннее управленіе.

Такъ задумала мудрая дипломатія 1856 года обезпечить европейское равновѣсіе, которому будто-бы грозила погибель отъ Россіи. Неужели она была убѣждена, что въ состояніи вдохнуть жизнь въ турецкій трупъ, если придвинетъ его къ европейскому международному праву, если въ формѣ гатти-гумаюна пропишетъ ему рецептъ, испещренный параграфами изъ государственнаго своего права? Трудно допустить искренность такого убѣжденія въ 1856 году, и тѣмъ труднѣе, чѣмъ очевиднѣе характеръ отношеній одной изъ могущественнѣйшихъ покровительницъ Турціи къ судьбѣ ся носитъ всѣ признаки исключительныхъ, политическихъ и коммерческихъ, расчетовъ.

Если для Австріи турецкая имперія есть средство недопускать усиленія сосѣдней Россіи и препятствовать образованію новаго

христіанско-славянскаго государства на развалинахъ Турціи, то для Англіи послѣдняя въ одно и тоже время есть и средство и цѣль.

Для характеристики англійской политики въ дѣлахъ Турціи считаемъ вполнѣ умѣстнымъ воспользоваться нѣсколькими выдержками изъ статьи французскаго публициста, Жирардэна: la question d'orient en 1840 et en 1862 (Revue des deux Mondes, 1862). Статья открывается разговоромъ бывшаго, въ 1840 году, французскаго посланника въ Лондонѣ, Гизо, съ Пальмерстономъ. Мысли послѣдняго представляютъ собою программу, выполненіе которой возложила на себя Англія, и въ основаніи которой, молча, заключены единственно личныя цѣли въ положительный вредъ народамъ христіанскимъ на Балканѣ.

На замѣчаніе Гизо, что не слѣдуетъ предаваться иллюзіямъ на счетъ Турціи, которая, если еще и не умерла, то во всякомъ случаѣ умираетъ, и не исцѣлится присоединеніемъ къ ней прежнихъ областей, Пальмерстонъ отвѣтилъ: «вы имѣете слишкомъ дурное мнѣніе о турецкой имперіи. Мертвое государство, тѣло безъ души, разлагающееся на свои составныя части, все это представленія, въ которыя не должно вѣрить. Ежели больное государство снова пріобрѣтетъ потерянную територію, получитъ черезъ это возможность извлекать изъ нея деньги и людей, чѣмъ достигнетъ опять порядка въ администраціи, то оно вылечено и возстановлено. Это именно относится къ Турціи. Гатти-шерифъ Решида-паши введенъ, — и благія послѣдствія уже обнаруживаются». Что можно сказать теперь черезъ 20 лѣтъ послѣ заявленія Пальмерстономъ такой вѣры въ гатти-шерифъ Решида? Сколько появилось новыхъ гатти-шерифовъ и гатти-гумаюновъ съ тѣхъ поръ, какъ Пальмерстонъ проповѣдывалъ возрожденіе Турціи. Но Англія понимаетъ дѣло въ настоящемъ свѣтѣ, говоритъ Жирардэнъ, и усиливается все таки поддержать Турцію, будучи увѣрена, что земледѣльческое, промышленное, политическое и финансовое возрожденіе востока отразится только вредомъ для ея господства морскаго, для промышленности и торговли. Взгляните на зависть, съ какою смотритъ Англія на Грецію!

Отношеніе къ востоку, такимъ образомъ, по англійскому и турецкому взглядамъ, которые взаимно дополняютъ другъ друга, должно быть слѣдующее: Турки утверждаютъ, что всякое броженіе

христіанскаго элемента вредитъ цѣлости Турціи; англичане доканчиваютъ: кто подрываетъ цѣлость Порты, тотъ приводитъ Европу въ опасныя столкновенія; отсюда, — не должно быть никакого движенія христіанъ. Слѣдуя такому принципу, Англія не умолкно, не щадя огромныхъ средствъ, является самымъ упорнымъ ходатаемъ во всѣхъ иногда беззаконнѣйшихъ дѣлахъ Турціи. Въ 1840 году, она выиграла процессъ противъ Египта; въ 1856 году, послѣ двухлѣтней войны, противъ Россіи; въ 1861 году, противъ Франціи, по замѣшательствамъ въ Сиріи. Въ 1856 году удалось ей ввести начало цѣлости Турціи въ трактатъ парижскій. Но, устроивши общую гарантію цѣлости державы, позаботилась-ли Англія гарантировать христіанскихъ подданныхъ противъ безусловно-насильственной администраціи магометанской. Въ 1862 году, турецкія пушки бомбардируютъ Бѣлградъ,—и въ то время, какъ Сербы протестуютъ, а Турція ссылается на цѣлость имперіи, лордъ Пальмерстонъ въ парламентѣ защищаетъ бомбардировку, указывая на Сербію, какъ на часть оттоманской имперіи. Замѣчательное явленіе: независимое существованіе Сербіи гарантировано Европой, и все-таки это ничего незначитъ въ сравненіи съ энергическимъ требованіемъ цѣлости турецкой имперіи.

Сравнивая положеніе Турціи въ двадцатилѣтній промежутокъ,— французскій публицистъ говоритъ, что въ 1840 году была еще Турція и турецкая администрація; въ 1862 году нѣтъ больше ни Турціи, ни турецкаго управленія. Нынѣшній востокъ есть англійскій, и владычество тамъ англійское. Едва-ли найдется хотя одинъ публицистъ на западѣ, продолжаетъ Жирардэнъ, который бы въ настоящее время не былъ убѣжденъ въ душѣ, что Турція существуетъ через ъ Англію и только для Англіи. По словамъ Мано, востокъ лишь по имени турецкій, въ сущности же англійскій: земледѣліе, мореплаваніе, финансы, торговля, управленіе—все въ рукахъ проконсуловъ великой Британіи.

Теперь станетъ и понятнымъ, почему турки ослабленные, упавшіе духомъ до времени опеки англійской, въ настоящую пору принимаютъ на себя тотъ же грозный видъ, какимъ страшили Европу въ XV—XVI столѣтіяхъ: передъ ними уяснилась тайна, что во всякомъ дѣлѣ, какъ-бы ни было оно беззаконно, они найдутъ вѣрную защиту въ сильной Англіи. Черногорцы уничтожили-бы Омера-пашу, сербы разбили бы, конечно, Турокъ. Греки

не упустили-бы случая отнять нѣкоторые острова Архипелага, если бы за побѣжденными Турками не стояли не побѣжденные Англичане. Понятно и то, что при подобномъ отношеніи Англіи къ Турціи, заботливость первой направлена не на улучшеніе быта христіанъ турецкихъ, съ чѣмъ неразлучно измѣненіе имперіи, а черезъ это и подрывъ коммерческимъ ея расчетамъ, но совершенно въ обратную сторону, на возвращеніе мусульманскаго гнета и тѣмъ христіанамъ, которые или содѣйствіемъ другой державы, или собственными своими усиліями достигли независимости. Политика Англіи въ бомбардировкѣ бѣлградской и въ послѣднемъ вопросѣ черногорскомъ слишкомъ ясно доказала стремленіе великой Британіи подвести Сербовъ княжество и Черногорцевъ снова въ составъ подданныхъ турецкихъ. Такимъ образомъ, политика Англіи въ дѣлахъ балканскаго полуострова основана далеко не на совѣстливой эксплуатаціи труда, пота, крови и жизни многочисленныхъ христіанъ, подъ формою турецкаго деспотизма назначенныхъ служить орудіемъ ея меркантильнымъ интересамъ. Изъ видовъ личныхъ выгодъ удалось ей, наконецъ, отстранить отъ прямаго участія въ судьбѣ несчастныхъ христіанъ и ту державу, которая въ теченіе полутораста лѣтъ постоянно относилась къ нимъ только съ участіемъ и дѣйствительною помощью.

Но есть еще одна великая держава, не отказывавшаяся отъ вліянія на ходъ турецкихъ дѣлъ. Держава эта—Франція. Распространяться, впрочемъ, много о ней нѣтъ надобности. Отношенія ея къ Турціи ограничивались постоянно посредствующими цѣлями, — возбужденіемъ Порты, какъ своей союзницы, противъ враговъ своихъ. Такъ дѣйствовала Франція въ XVI вѣкѣ, такъ дѣйствовала и дѣйствуетъ она и въ настоящемъ столѣтіи. Но, увлекшись мнимою опасностью со стороны Россіи, продолжая пугаться краткожизненнаго проэкта Екатерины Великой, Франція должна сознаться въ настоящее время въ обманѣ своемъ Англіей. Вмѣсто невозможнаго и давнымъ давно немыслимаго господства Россіи на почвѣ турецкой имперіи, она не можетъ не чувствовать страшной потери въ обладаніи вѣковою своею соперницей Средиземнымъ моремъ, столь для нея важнымъ, какъ ключемъ къ торговому тракту между Европой и Азіей. Для Франціи больше, чѣмъ для какой-либо иной державы запада, было бы выгодно существованіе независимаго христіанскаго государства на Балканѣ;

въ этомъ естественномъ переустройствѣ Турціи она всецѣло ... дится съ Россіей, но зависть и отчасти месть къ послѣдней затемнили въ ея глазахъ истинные интересы, столь согласные и съ идеею справедливости,—и парижскимъ трактатомъ она передала Турцію въ жесткія руки Англичанъ. Желаніе обратить ошибку въ свою пользу, усиліе воспользоваться отстраненіемъ Россіи для пріобрѣтенія себѣ симпатіи въ христіанахъ задунайскихъ, — для чего съ поразительною стойкостью дѣйствуетъ и католическая пропаганда,—не представляютъ въ будущемъ вѣрнаго успѣха. Симпатія народная пріобрѣтается не такъ скоро, а между тѣмъ положеніе дѣлъ въ Турціи таково, что было-бы крайне ошибочно ручаться за продолжительность въ ней прежнихъ порядковъ; и сама Франція, волею-неволею, должна будетъ принять участіе, конечно уже не въ пользу господства англійскаго, прежде, нежели обратитъ христіанское народонаселеніе Турціи на свою сторону.

И такъ, мы разсмотрѣли отношенія европейскихъ государствъ къ Турціи; увидѣли до какой степени разнообразны и противорѣчивы интересы ихъ, чтобы не возлагать большихъ надеждъ на дипломатическое разрѣшеніе восточнаго вопроса. Дипломатія привела лишь къ одному результату, къ закрѣпленію цѣлости Турціи и къ застрахованію абсолютизма магометанскаго надъ христіанствомъ, подъ гарантіей первенствующихъ державъ Европы. Съ 1856 года уже немыслимо завоеваніе Турціи какою-либо одною изъ этихъ державъ, безъ борьбы противъ цѣлой Европы; соединеніе же нѣсколькихъ державъ затруднено противорѣчіемъ личныхъ интересовъ. Уладить эти интересы, удовлетворить ими каждое государство не въ состояніи и раздѣлъ Турціи, проэкты котораго были нѣкоторое время въ ходу въ Европѣ, какъ единственное средство рѣшить вопросъ восточный. Дѣйствительно, стоитъ лишь бѣгло взглянуть на возможный способъ раздѣленія, чтобы понять сразу, какъ неизбѣженъ въ немъ зародышъ общей европейской войны.

Въ самомъ дѣлѣ, уже первый вопросъ объ участникахъ этого раздѣла не можетъ не подать повода къ разнообразнымъ и непремѣнно враждебнымъ столкновеніямъ. Должны-ли участвовать въ немъ всѣ европейскія государства, или только великія державы, и въ послѣднемъ случаѣ — должна-ли быть принята въ

составъ ихъ или исключена Италія? Еще болѣе затрудненія должно произойти при самомъ процессѣ дѣленія, потому что выгода одного непремѣнно будетъ соединена съ ущербомъ другаго. Присоедините къ этому симпатіи народа къ однимъ державамъ и антипатіи къ другимъ, стремленіе его выдти изъ раздробленности и сплотиться въ одну цѣльную массу, — и нельзя не согласиться, что раздѣлъ Турціи не только не влечетъ за собою рѣшенія восточнаго вопроса, но еще умножаетъ комбинаціи, и дѣлается неизбѣжно причиною всеобщей войны.

Но и продолженіе Турціи, какъ Турціи, съ ея противоположными и враждебными цивилизаціи и христіанству началами, становится годъ отъ году невозможнѣе, при расширяющемся быстро самосознаніи ея подданныхъ христіанскихъ, и при неудержимыхъ ихъ связяхъ нравственныхъ съ свободными ближайшими соплеменниками. Удержать не только на вѣки, но и на долго Турцію, при такихъ отношеніяхъ, не въ состояніи никакая сила на землѣ; и ежели европейская дипломатія, увлеченная противоположными и корыстными интересами, оказывается не способною рѣшить вопросъ о Турціи, то остается одно средство его рѣшенія — свободное самоустройство самихъ подданныхъ турецкихъ, средство тѣмъ болѣе законное и справедливое, что только при немъ возможно равносильное удовлетвореніе и эгоистическихъ расчетовъ отдѣльныхъ государствъ. Но міръ западный, особенно германскій, не перестающій мечтать о германскомъ преобладаніи на востокѣ, давно уже пустилъ въ европейскій оборотъ мысли о неспособности этихъ народовъ, о большихъ еще и опаснѣйшихъ компликаціяхъ политическихъ, въ случаѣ, если-бы имъ удалось достигнуть независимости отъ Турціи. Взглянемъ же на составъ народонаселенія европейской Турціи, и посмотримъ, каковы предлагаетъ оно ручательства въ способности или неспособности самоустройства политическаго.

## III.

Трудно вообразить себѣ большую перепутанность и невѣрность въ Западно-Европейской печати, какою поражаетъ она свѣдѣніями и извѣстіями объ отношеніяхъ народонаселенія турецкой имперіи. Этотъ недостатокъ точности и невѣрности невольно отражался и отражается до сихъ поръ и на характерѣ пониманія самаго вопроса восточнаго. А между тѣмъ, нельзя не сознаться, что и на западѣ есть произведенія о Турціи, предлагающія отношенія народонаселенія въ ней въ настоящемъ свѣтѣ, но такія произведенія остаются для политиковъ и публицистовъ излишнимъ балластомъ, и они продолжаютъ по прежнему опираться на данныхъ личной фантазіи, или отдаленныхъ слуховъ.

Принимая въ соображеніе новѣйшія изслѣдованія народонаселенія европейской Турціи, и именно западныя, какъ то: Буэ, Убичини, Редена и Лежана, мы можемъ смѣло возвести весь составъ его въ $15^1/_2$ милліоновъ. Но эта общая величина распадается весьма неравномѣрно по религіи и народности. На долю православныхъ христіанъ принадлежитъ 11,370,000, на долю католиковъ 260,000, евреевъ 70,000 и на долю магометанъ 3,800,000. По народности дробленіе еще большее:

| | |
|---|---|
| къ славянской народности относится . . | 7,200,000 |
| къ румунской . . . . . . . . . . . . . . | 4,000,000 |
| къ албанской . . . . . . . . . . . . . . | 1,500,000 |
| къ греческой. . . . . . . . . . . . . . | 1,000,000 |
| къ турецкой . . . . . . . . . . . . . . | 1,000,000 |
| къ армянской . . . . . . . . . . . . . . | 400,000 |
| къ еврейской . . . . . . . . . . . . . . | 70,000 |
| къ цыганской . . . . . . . . . . . . . | 150,000 |

Уже изъ этого общаго статистическаго взгляда видно, что только пять національностей, по численному своему составу, могутъ быть приняты въ соображеніе въ государственномъ составѣ: изъ этихъ

пяти національностей — Славяне, Румыны и Греки не представляютъ и тѣни сомнѣнія на счетъ своей способности къ цивилизаціи, что очевидно доказывается успѣхами ея, относительно въ короткое время, въ Греціи, Румыніи и Сербіи, и еще больше успѣхами Славянъ, Румуновъ и Грековъ внѣ областей Турецкихъ. Что касается до способности Арнаутовъ или Албанцевъ, покрайней мѣрѣ магометанскаго исповѣданія, то она сомнительна; относительно Турокъ сомнѣніе это оправдывается всѣмъ тѣмъ, что сдѣлано ими до сихъ поръ по истребленіи цивиллизаціи. Остановимся на нѣсколькихъ замѣчаніяхъ, касательно взаимныхъ отношеній поименованныхъ національностей.

Понятно, что Славяне, составляя цѣлую половину, а ежели отнять Румуновъ, которые не имѣютъ уже почти никакого отношенія къ Турціи, двѣ трети общаго народонаселенія европейской Турціи, уже по численной величинѣ своей, должны быть главнымъ факторомъ въ восточномъ вопросѣ. Мы не будемъ конечно представлять, по примѣру Западныхъ писателей, будто эти Славяне распадаются на цѣлую дюжину народностей; географическія названія: Герцоговинцы, Босняки, Черногорцы нимало не уничтожаютъ общей народности сербской; въ противномъ случаѣ, и Баденцевъ, Баварцевъ, Виртембергцевъ и другихъ придется считать за особыя національности. Среди Славянъ Турецкихъ встрѣчаются только двѣ вѣтви — Сербы и Болгары, связанные одною православною вѣрою.

Жилища Сербовъ и Болгаръ простираются непрерывно отъ Адріатическаго моря до Чернаго, отъ Дуная и Савы до моря Эгейскаго. Число ихъ восходитъ, какъ уже мы видѣли, до 8 милліоновъ; изъ нихъ на долю Болгаръ приходится до 5 мил. Судьба этихъ обоихъ поколѣній взаимно дополняется одна другою въ исторіи. Было время, когда въ составъ болгарскаго царства входила значительная часть Сербіи, и когда Болгарія готова была занять мѣсто разслабѣвшей имперіи византійской; въ 14 вѣкѣ, смѣнило Болгарію царство Сербское, простиравшееся почти по всей области болгарской, и точно также стремившейся овладѣть столицею распавшейся монархіи византійской. Эта блистательная пора Сербскаго царства живетъ еще доселѣ въ свѣжей памяти народа сербскаго и болгарскаго. Съ паденіемъ Сербіи начинается и рабство болгарское. Одинаковыя страданія подъ турецкимъ

игомъ скрѣпили еще болѣе ближайшія родственныя между всѣми поколѣніями славянскими связи Болгаръ и Сербовъ, и сдѣлали задачею жизни совокупное освобожденіе.

Останавливаться на Румунахъ считаемъ мы излишнимъ, потому что румунская національность почти уже устроилась, какъ государственная національность; и Румуны княжества имѣютъ уже очень мало отношенія къ Туркамъ. Внѣ же княжества живутъ Румуны лишь разсѣянно и притомъ въ самомъ ограниченномъ числѣ.

Преимущество Румуновъ надъ Сербами состоитъ именно въ томъ, что національность первыхъ образовала уже государство въ 4 мил. жителей, тогда какъ Сербы въ Босніи и Герцеговинѣ находятся еще всецѣло подъ игомъ турецкимъ.

При сравненіи Румуновъ и Сербовъ не рѣдко приходится слышать такіе отзывы, что въ Румыніи степень цивилизаціи гораздо выше, нежели въ Сербіи. Не станемъ отрицать, что въ княжествѣ румунскомъ, гдѣ французскій языкъ и французскій образъ жизни господствуютъ въ полной силѣ, встрѣчаемъ больше лоску, который обыкновенно принимаютъ за цивилизацію. Но было бы жестокою ошибкою утверждать вообще высшее образованіе у Румуновъ сравнительно съ Сербами; напротивъ слѣдуетъ сознаться, что Сербы имѣютъ значительное преимущество предъ Румунами, преимущество, которое, не смотря на народонаселеніе въ одинъ только милліонъ, доставляетъ Сербскому княжеству такую силу, какой напрасно стали бы искать въ Румыніи. Сербія, въ противуположность Румыніи, не знаетъ различія сословнаго и представляетъ всецѣло свободнымъ сельское населеніе; поземельная собственность распредѣлена въ ней равномѣрнѣе, нежели въ какомъ-нибудь другомъ государствѣ Европейскомъ. Въ то время какъ Сербія насчитываетъ до полутораста тысячь поземельныхъ владѣльцевъ, въ Румыніи вся земля составляетъ собственность восьми тысячь боярскихъ фамилій, которыя утопаютъ въ излишкахъ и роскоши на счетъ бѣдственнаго положенія крестьянскаго населенія. Впрочемъ, при современномъ стремленіи румунскаго правительства нельзя не надѣяться на скорое освобожденіе крестьянъ изъ крѣпостной зависимости и на доставленіе возможности и имъ дѣлаться поземельными собственниками. Соединеніе княжествъ должно особенно способствовать этому перевороту.

Вообще, Румынія, Сербія и преимущественно Греція, служатъ указателемъ того, что слѣдуетъ дѣлать на всемъ балканскомъ полуостровѣ, что бы возвратить снова европейскій востокъ цивилизаціи.

Нельзя обойти молчаніемъ и Арнаутовъ. Какъ бы ни была слаба способность ихъ къ развитію, но національность въ полтора милліона не можетъ не требовать къ себѣ вниманія, какъ скоро касается вопросъ устройства полуострова балканскаго. Крайне трудно, однакоже, составить ясное понятіе о народѣ и его отношеніяхъ, который не имѣетъ вовсе литературы. Уже самый языкъ, не представляющій сходства ни съ однимъ другимъ, служитъ не малымъ препятствіемъ изучить народъ. Филологи лишь въ послѣдніе годы пришли къ согласному утвержденію о принадлежности арнаутскаго языка къ фамиліи языковъ индоевропейскихъ. Сколько извѣстно, Арнауты имѣютъ самое живое чувство своей національности, и ежели кто хотя немного знакомъ съ ихъ языкомъ, уже можетъ смѣло расчитывать на ихъ защиту, не смотря на всю воинственную дикость Арнаутовъ. Извѣстно также, что Арнауты дѣлятся на многіе поколѣнія, кланы; изъ нихъ нѣкоторые, какъ Мириднты, Дукаджинъ и Дибри пользуются значительною самостоятельностію отъ Порты. Раздѣлены они и въ религіозномъ отношеніи. Часть ихъ исповѣдуетъ православную религію, часть католическую; большая часть принадлежитъ магометанству; но и тутъ нѣтъ единства, потому что одни составляютъ Шіитовъ, другіе Суннитовъ. Сѣверные Арнауты, называющіеся Гегами, преимущественно католики; Южные, подъ именемъ Тосковъ, исповѣдуютъ православіе. Религіозная вражда едва-ли гдѣ нибудь доходитъ до такихъ размѣровъ, какъ у Арнаутовъ. Католическій Гегъ ненавидитъ православнаго, Тоска больше, чѣмъ Магометанина, тогда какъ Шіиты и Сунниты находятся въ одинаковомъ отношеніи съ Персами и Турками. Такое религіозное различіе, естественно, не можетъ благопріятствовать упроченію національности арнаутской, при переворотѣ на полуостровѣ балканскомъ. Это отчасти замѣтно и теперь на Тоскахъ, которые легко, въ слѣдствіе религіознаго единства съ Греками, огречиваются. Что не видимъ того же явленія на сѣверѣ, гдѣ Геги не примыкаютъ къ національности сербской, причина заключается въ различіи религіи,—у Геговъ католической, у Сербовъ православной. Какъ

бы то ни было, ядро арнаутской національности находится въ магометанствѣ. Общее для всѣхъ Арнаутовъ, безъ различія въ религіи, состоитъ въ неукротимой жаждѣ къ войнѣ и въ изумительной храбрости; въ этомъ отношеніи на всемъ полуостровѣ Турціи, Арнауты одни могутъ быть сопоставлены съ Сербами, и именно съ Черногорцами.

Обратимся теперь къ небольшому, но въ высокой степени важному народу, которому на югѣ Балканскаго полуострова, при рѣшеніи восточнаго вопроса, должна принадлежать столь-же великая роль, какъ Сербамъ на сѣверѣ. Имѣемъ въ виду Грековъ. Число ихъ, внѣ королевства греческаго, невосходитъ выше одного милліона. Не смотря, однакоже, на эту численную малость, греческій элементъ на Балканѣ, въ силу возрастающаго значенія Греціи, способенъ къ широкому распространенію, что видно изъ замѣтныхъ успѣховъ огреченія и въ настоящее время.

Чтобы понять значеніе Грековъ въ дѣлахъ восточныхъ, стоитъ только обратить вниманіе на то, какъ могущественно дѣйствуетъ ихъ духовная жизнь на сосѣднія съ королевствомъ греческимъ провинціи. Журнальная ихъ литература сдѣлалась господствующею на огромномъ пространствѣ европейской Турціи; еще болѣе дѣлаетъ Грековъ могучимъ факторомъ въ восточныхъ дѣлахъ ихъ меркантильный духъ. Торгово политическій характеръ, проникающій столь сильно новѣйшую жизнь, ни у одного народа Турціи не преобладаетъ въ такой степени, какъ у Грековъ. Греческіе капиталы господствуютъ во всѣхъ провинціяхъ Турціи; греческое судоходство захватило всѣ турецкія воды и не страшится никакой конкурренціи; оно распространило торговую дѣятельность ихъ и далеко за границами Турціи.

Не смотря однако же на такое значеніе греческой національности, было бы смѣшно мечтать, подобно нѣкоторымъ писателямъ аѳинскимъ, объ огреченіи Болгаровъ, еще болѣе Сербовъ. Греки, во первыхъ, не должны забывать своей малочисленности, сравнительно съ Славянами; во вторыхъ, не должны черезъ мѣру возвышать и своихъ успѣховъ въ литературѣ. Княжество Сербское имѣетъ еще болѣе народныхъ школъ, нежели королевство Греческое; уже нѣсколько лѣтъ, грамотность сдѣлалась въ немъ необходимымъ условіемъ для каждаго поселянина; Сербская

журналистика стоитъ нисколько не ниже греческой и пользуется не меньшею распространенностію въ сосѣднихъ областяхъ Турціи. Не забудемъ, что одинъ городъ Новый Садъ (Нейзацъ) издаетъ 9 сербскихъ журналовъ и газетъ, въ Бѣлградѣ же выходитъ до пяти газетъ политическихъ. Относительно Болгаръ, Греки также обязаны, наконецъ, убѣдиться, что прошло уже то время, когда Болгаринъ гордился знаніемъ греческаго языка: Болгары достигли національнаго сознанія, и, вслѣдствіе корыстолюбія Фанаріотскихъ епископовъ, переходятъ уже къ другой крайности, къ презрѣнію всего, что отзывается греческимъ. Въ настоящее время, тѣмъ менѣе можно думать о грецизированіи Болгаръ, чѣмъ успѣшнѣе развивается литература сербская, и чѣмъ обширнѣе на нихъ ея вліяніе.

Но именно потому, что греческая и сербская національности, самыя могущественныя въ Турціи, необходимо должно быть между ними полное согласіе; только тогда возможно рѣшеніе восточнаго вопроса въ ихъ пользу. И съ удовольствіемъ можемъ мы замѣтить, что въ послѣдніе годы сербская и греческая печать неуклонно дѣйствуетъ въ этомъ смыслѣ.

Послѣдняя національность, самая малочисленная, есть османская, составляющая лишь 10% общаго народонаселенія въ европейской Турціи. При столь ничтожномъ количествѣ Османовъ, нельзя не подивиться, какимъ образомъ возможно вообще турецкое господство въ Европѣ. Но не слѣдуетъ забывать, что существенная опора Турціи всегда была въ Азіи, и что славянскіе и арнаутскіе магометане составляютъ сильную подмогу Османамъ и въ самой Европѣ. Желающій опредѣлить отношеніе между господствующими и побѣжденными въ Турціи, постоянно долженъ имѣть въ виду отношеніе между магометанами и христіанами, и тогда число господствующихъ возрастетъ слишкомъ въ три милліона. Всего явственнѣе это отношеніе въ Босніи. Здѣсь Османы живутъ разсѣянно и почти исключительно въ качествѣ султанскихъ чиновниковъ; національность, такимъ образомъ, въ Босніи одна, именно сербская, такъ какъ Сербы—магометане, называющіе себя Турками, не понимаютъ ничего по турецки, за исключеніемъ не многихъ обычныхъ привѣтствій. И тѣмъ не менѣе, земля черезъ господство магометанства получаетъ видъ страны турецкой. Магометане суть господа надъ

страною и надъ христіанскою райею, судьба которой, во многихъ отношеніяхъ, хуже, нежели рабовъ южной Америки. Въ Босніи, слѣдовательно, должно принимать въ соображеніе не Османовъ, а Магометанъ, составляющихъ цѣлую треть народонаселенія.

Не будемъ, въ свою очередь, думать, что магометанскіе Сербы въ Босніи питаютъ какую-либо симпатію къ Османамъ: Османы въ ихъ глазахъ чужеземцы, которыхъ они глубоко презираютъ. Магометанскій Сербъ съ гордостію называетъ себя Турчинъ (настоящій Турокъ), тогда какъ Османа презрительно— Туркуша. Извѣстно, какъ не рѣдко сербскіе ренегаты возставали противъ Порты, и какъ неоднократно выгоняли визирей Османовъ и замѣщали ихъ своими туземцами.

Понятно, какъ разомъ должна лишиться Турція послѣдней у себя подпоры, какъ скоро славянскіе и арнаутскіе магометане дойдутъ до сознанія своей національности. Сербскіе магометане, повидимому, предчувствуютъ это, и съ необыкновенною заботливостію хранятъ грамоты, выданныя ихъ предкамъ сербскими и хорватскими королями, въ надеждѣ, что ими можно будетъ воспользоваться, при возвращеніи христіанскаго господства.

Но что рѣшительнѣе всего указываетъ на скорѣйшее ниспроверженіе османскаго владычества, это обнаруживающаяся съ каждымъ годомъ все большая и большая солидарность между всѣми христіанскими національностями Турціи. Общею связью служитъ православная церковь, устроивающая и освѣщающая солидарность интересовъ среди Сербовъ, Болгаръ, Грековъ и Румуновъ. Православная церковь считаетъ въ Европейской Турціи 11,370,000 душъ.

Обзоромъ народонаселенія балканскаго мы можемъ считать поконченною нашу задачу. Дѣиствительно, мы видѣли несостоятельность монархіи турецкой въ самымъ коренныхъ началахъ, на которыхъ зиждется эта монархія, и которыя всецѣло противоположны и враждебны понятіямъ и условіямъ жизни каждаго христіанина; видѣли, что европейская дипломатія, подъ вліяніемъ эгоистическихъ интересовъ, не только не сдѣлала ничего противъ неестественной и губительной въ христіанствѣ державы, а напротивъ сдѣлала все, чтобы скрѣпить и продолжить ея существованіе; наконецъ разсмотрѣли и составъ народонаселенія

имперіи турецкой. Здѣсь мы не могли не подмѣтить въ наибольшей массѣ и способности къ цивилизаціи, доказываемой всего нагляднѣе историческою судьбою народовъ, и приготовленности къ ней, благодаря быстрому и успѣшному развитію тѣхъ частей народовъ этихъ, которые добились сомостоятельности; не могло скрыться отъ насъ и расширеніе среди нихъ сознанія своей національности и укрѣпляющаяся все больше и больше солидарность интересовъ между тѣми народами Балкана, историческое право которыхъ на политическую самобытность освящено пятью вѣками турецкаго господства, доказавшаго своимъ безправіемъ, беззаконностью, азіатскимъ звѣрствомъ, только способность истреблять цивилизацію и христіанство, а не воздвигать ихъ и не способствовать имъ.

При такомъ отношеніи, въ новѣйшее время, правительства турецкаго къ подданнымъ своимъ, при невозможности, доказанной многочисленными опытами, дѣйствительныхъ реформъ въ немъ, возможно-ли думать о продолжительномъ существованіи Турціи? Да, но сила Европы велика, скажутъ намъ, и ежели интересы ея опираются на существованіи Турціи; то и при единодушномъ дѣйствіи христіанъ балканскихъ, едва-ли слѣдуетъ надѣяться на успѣхъ. Дѣйствительно, интересъ нѣкоторыхъ государствъ, какъ видѣли мы, весьма великъ: Англія, съ потерею огромнаго количества милліоновъ фунтовъ стерлинговъ ежегодно, должна будетъ отказаться отъ преобладанія на Средиземномъ морѣ, лишиться и ключа къ торговому пути между Азіей и Европой; положеніе Австріи еще стѣснительнѣе:—образованіе христіанскаго государтва за Савой и Дунаемъ, въ составъ котораго войдетъ огромная величина Славянъ, связанныхъ съ южно-австрійскими Славянами единствомъ вѣры, еще больше языка и старой исторической судьбы, естественно, заставитъ отбросить мечту о германизаціи востока, да не можетъ не потревожить и обычнаго ея безцеремоннаго обращенія съ народами славянскими и у себя дома, что принудитъ разлетѣться и другую мечту—о великой Германіи, подъ водительствомъ австрійской имперіи. Но совершенно въ иныхъ отношеніяхъ къ балканскому перевороту стоятъ двѣ великія державы. О Россіи нечего и говорить; политика ея, какъ старались доказать мы, постоянно клонилась къ тому, чтобы способствовать высвобожденію христіанъ и независимымъ устрой-

ствомъ ихъ замѣнять господство турецкое. Такъ явились Валахія съ Молдавіей, такъ образовалось и Сербское княжество. Нисколько не менѣе согласуются и виды Франціи съ новымъ христіанскимъ и независимымъ государствомъ за Дунаемъ; уже одно отстраненіе Англіи отъ владычества надъ Средиземнымъ моремъ и отъ абсолютной опеки надъ Балканскимъ полуостровомъ должно побудить ее скорѣе желать подобнаго переворота.

Вотъ почему, при малѣйшемъ вмѣшательствѣ одного изъ Европейскихъ государствъ во внутреннія замѣшательства турецкой имперіи, неизбѣженъ, кажется намъ, двойственный союзъ—французско-русскій, съ одной стороны, и англо-австрійско-турецкій, съ другой. Въ такомъ случаѣ, борьба съ балканскаго полуострова переносится опять на цѣлую Европу, и участь перваго снова будетъ зависѣть отъ исхода ея въ послѣдней. Перевѣсъ перваго союза необходимымъ образомъ повлечетъ за собою рѣшеніе восточнаго вопроса въ пользу христіанскихъ народовъ Турціи; побѣда послѣдняго, конечно, оставитъ Порту въ прежнемъ положеніи. Но это положеніе не есть рѣшеніе, а только отсрочка и, разумѣется, тѣмъ на кратчайшій срокъ, чѣмъ сильнѣе будутъ возбуждены умы христіанъ турецкихъ заступничествомъ двухъ державъ европейскихъ. Впрочемъ, при подобномъ отношеніи правительства къ Турціи, едва-ли можно ожидать вмѣшательства съ ихъ стороны, по крайней мѣрѣ, непосредственнаго. Конечно, не постановленія международнаго права о невмѣшательствѣ удержатъ правительство, а опасность риска въ войнѣ обще-европейской. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ, рѣшеніе восточнаго вопроса можетъ быть одно—самостоятельность христіанъ балканскихъ. При невмѣшательствѣ рѣшеніе ускорится, при вмѣшательствѣ, въ случаѣ перевѣса англо-австрійско-турецкаго, оно только замедлится.

Въ этомъ способѣ рѣшенія, единственно возможномъ, и заключается побѣда нравственнаго принципа надъ личными интересами отдѣльныхъ правительствъ. Тотъ же парижскій трактатъ, который составился подъ вліяніемъ личныхъ интересовъ, быть можетъ, невольно сдѣлался виновникомъ органическаго, слѣдовательно справедливаго рѣшенія восточнаго вопроса. Гарантировавши цѣлость имперіи турецкой, такимъ образомъ, отстранивши всякую попытку къ завоеванію ея какимъ либо отдѣльнымъ государствомъ, отклонивши и раздѣленіе имперіи, этотъ трактатъ, при

несостоятельности Турціи самой по себѣ, снялъ путы съ народа, и молча, не хотя, доставилъ ему средства устроить самому судьбу свою. И острое чутье народное давно уже рѣшило, кого должна бояться Порта; таже народная пѣсня, въ которой увѣряютъ Сербы Турковъ, что не слѣдуетъ страшиться Королей, продолжаетъ такъ:

Чувајте се раје сиротине;
Кад устане кука и мотика,
Бит ће Турком по Мећији мука
..........................
А Турака нигд е бити неће.

(Берегитесь райи несчастной; когда поднимется заступъ и лопата, настанетъ мученіе Туркамъ........ и нигдѣ не будетъ Турокъ).

*П. Лавровскій.*

---

*Примѣчаніе.* Статья эта написана года полтора сему назадъ. Въ этотъ промежутокъ времени въ европейской политикѣ успѣло уже произойти кое-что и такого новаго, какъ въ государствахъ сосѣднихъ съ Турціей, такъ и въ нѣкоторыхъ областяхъ, не вполнѣ еще отъ нея оторванныхъ, что могло-бы дать поводъ нѣсколько къ инымъ соображеніямъ, и относительно восточнаго вопроса, покрайней мѣрѣ въ отдѣльныхъ частяхъ его; тѣмъ не менѣе, принимая въ соображеніе неустановленность этой новизны, до извѣстной степени положительную шаткость, двусмысленность, непрочность ея, какъ напр., въ Австріи, мы рѣшились лучше остаться при прежнемъ, и отстраниться отъ неизбѣжныхъ, въ противномъ случаѣ, догадокъ, въ которыхъ пришлось бы ктомуже опираться на неопредѣленныхъ, часто фантастическихъ планахъ и предположеніяхъ.

# НАРОДНОСТЬ И НАЦІОНАЛЬНОСТЬ ВЪ ЛИТТЕРАТУРѢ.

Народъ — есть населеніе, живущее подъ однимъ владычествомъ, или принадлежащее къ одному государству; и потому онъ можетъ состоять изъ частей различнаго происхожденія и разныхъ вѣроисповѣданій: Такъ, напримѣръ, Австрія состоитъ не изъ однихъ Австрійцевъ, а большею частію изъ славянъ. Такъ, у насъ, составляютъ народъ не одни русскіе, хотя мы и говоримъ «Русской народъ,» разумѣя подъ этимъ преимущественно русскихъ. И хотя господствующая вѣра государства есть православная, греко-каѳолическая, но въ Россіи исповѣдуются и другіе, даже есть и язычники. Всѣ они принадлежатъ къ одному народу; но въ каждомъ есть своя народность.

Однако народность не есть еще національность. Нація—конечно основывается всегда на единствѣ племени; но это не одно условіе національности. Она состоитъ не только изъ людей одного происхожденія, но и однихъ нравовъ, одного склада ума, одного духа. Могутъ быть разные народности и составлять одну національность. — Такъ, на примѣръ, всѣ германцы составляютъ одну націю, не смотря на различіе политическихъ дѣленій и формъ правительства. Русскіе, Болгары, Черногорцы не принадлежатъ къ одному народу, и представляютъ одно племя, но не одну націю. Они различаются въ обычаяхъ, повѣрьяхъ, образѣ жизни, даже въ частномъ характерѣ: все это опредѣляется мѣстностію, климатомъ, образомъ правленія и историческою судьбою каждаго народа, хотя сквозь это различіе проявляется одинъ общій, основный характеръ племени, ему врожденный и неистребляемый временемъ. Недовольно одного племени и сходствующей

народности; нація имѣетъ характеристическія и оригинальны формы, отличающія ее отъ другихъ. Народность есть подраздѣленіе одноплеменности; а національность подраздѣленіе народностей: особый типъ общаго характера. Великая Россія и Малороссія принадлежатъ безспорно къ одному народу, но имѣютъ различныя черты національности. Есть и общая, и частная, національная физіономія. Это отражается и въ литтературѣ.

Перечитайте сербскія пѣсни, переведенныя Г. Бергомъ. Въ нихъ народность не наша, а другая; это народность сербовъ. Но по національности онѣ намъ родныя; онѣ намъ роднѣе всякаго романса, написаннаго даже кѣмъ-либо изъ лучшихъ нашихъ поэтовъ! Дѣло вотъ въ чемъ; національность заключается въ духѣ; а народность во внѣшней обстановкѣ. И потому для успѣха произведеній литтературы требуется, чтобы и народное проникалось національнымъ, безъ котораго оно будетъ мертвою и безмолвною декораціей.

Народное можетъ и истребиться; національный характеръ остается, пока существуетъ народъ. Такъ у насъ русскихъ, между людьми, припявшими, вмѣстѣ съ европейскимъ просвѣщеніемъ и европейскимъ образомъ жизни, народные русскіе обычаи всѣ исчезли; но характеръ національности остался тотъ же. Даже наши балы, обѣды, вечера, гулянья, праздники, сколько мы ни стараемся поддѣлаться подъ обычаи Европы, все-таки сохраняютъ свой собственный характеръ. Это и для насъ самихъ замѣтно; но спросите иностранца: онъ въ самомъ свѣтскомъ, въ самомъ великолѣпномъ балѣ, найдетъ нѣчто не по ихъ, а по нашему. Довольно упомянуть о томъ, что въ самомъ свѣтскомъ домѣ, въ семьѣ, живущей по европейски и почти забывшей о народныхъ русскихъ обычаяхъ, сохраняется однако то гостепріимство, которому такъ дивятся иностранцы. Это черта національная; это— духъ гостепріимства, а не совсѣмъ пустой наслѣдственный обычай хотя въ немъ и много участвуетъ наше тщеславіе. Желаніе выказать пышность, хотя бы и въ ущербъ вкуса, есть тоже черта національная, — «Себя показать и людей посмотрѣть»; «Хоть на часъ да вскачь»; «не красна изба углами, а красна пирогами:» этихъ пословицъ никогда не будетъ у иностранцевъ: онѣ не въ ихъ духѣ. — Само собою разумѣется, что это только черты частныя, взятыя изъ тысячи, только для примѣра. Но дѣло въ томъ, что эти черты и множество имъ подобныхъ сохра-

няются и въ образованномъ обществѣ, а не въ одномъ простомъ народѣ.

Слѣдовательно и въ литтературѣ народное и національное не одно и тоже; и напрасно у насъ ихъ смѣшиваютъ. Народное больше въ обычаяхъ, въ обстановкѣ; а національное въ духѣ, котораго не побѣждаетъ и самая перемѣна обычаевъ. Даровитый писатель, по инстинкту національности угадываетъ и старинные нравы, и обычаи, которые истребились. Мы видимъ этому примѣръ въ повѣсти Пушкина: Капитанская Дочка. Кто указалъ ему эту вѣрную картину исчезнувшаго быта? Кто научилъ его этой вѣрности красокъ, стертыхъ болѣе, чѣмъ полувѣковымъ временемъ; этой вѣрности языка того времени? Гдѣ почерпнулъ онъ ту истину картинъ, которая ручается сама за свое правдоподобіе, безъ всякихъ справокъ съ исторіей и другими письменными памятниками?—Все это произведено вѣрнымъ національнымъ чувствомъ! Съ однимъ наблюденіемъ наружныхъ обычаевъ, или съ наблюденіемъ современной намъ народности, его картина была бы фальшива. Главное достоинство въ ней то, что она національна: въ ней русской духъ; это живая Русь того времени.—Въ противоположности этой вѣрной картинѣ, гдѣ всякая черта есть поэтическая истина, можно упомянуть о трагедіи К. С. Аксакова, взятой изъ эпохи самозванцевъ. Въ ней дѣйствующіе лица говорятъ языкомъ тогдашнихъ грамотъ, какимъ они и тогда не говорили: ошибка, показывающая начитанность автора и совершенное отсутствіе живаго чувства національности.

Хорошо, если авторъ умѣетъ соединить и то и другое: и народность, и національность. Мы находимъ это отчасти въ Юріѣ Милославскомъ Загоскина, и вполнѣ въ повѣстяхъ Гоголя, гдѣ изображена Малороссія. Онѣ могутъ быть и порознь. Однакожь духъ національный можетъ сохраниться и въ такомъ произведеніи, въ которомъ изображаются не одни обычаи простаго народа. Въ этомъ отношеніи можно поставить въ примѣръ Записки Охотника Г. Тургенева, произведеніе дышущее живымъ духомъ русской національности. Онъ изображаетъ въ немъ не однихъ людей простаго народа!—Вспомните Аркадія Павловича Пѣночкина, (въ статьѣ «Бурмистръ»). Прочитайте портретъ Василія Николаевича Любозвонова, (въ статьѣ «Однодворецъ Овсянниковъ.»)—Оба эти лица, люди про-

*

свѣщенные и живущіе на европейской ладъ; а нельзя сказать, чтобъ они были характеры не русскіе. Въ тѣхъ же положеніяхъ и при подобной обстановкѣ иностранецъ былъ бы не то, а иное!— А какъ вѣренъ самому себѣ этотъ Однодворецъ Овсянниковъ! Какая вѣрная идиллія этотъ Бѣжинъ Лугъ!—Вотъ гдѣ національность, хотя и не вездѣ вмѣстѣ съ народностію!— Вотъ гдѣ можно сказать: «Здѣсь русской духъ! здѣсь Руссью пахнетъ!»

Но всего болѣе служитъ къ подтвержденію моей мысли, (той мысли, что національность заключается не въ одной народности,) это — Пушкина Евгеній Онѣгинъ. Въ немъ вовсе нѣтъ того, что мы привыкли нынѣ называть народностію. Но кто осмѣлится сказать, чтобъ это произведеніе не было вполнѣ національнымъ?—Попробуйте перевести его на иностранный языкъ: въ самомъ лучшемъ переводѣ оно потеряетъ половину своей свѣжести и того значенія, которое имѣетъ для насъ; чѣмъ мы восхищаемся, то будетъ для иностранца можетъ быть непонятнымъ!— Не только Татьяна, но и самъ Петербургскій франтъ, по нынѣшнему денди, самъ Онѣгинъ—совершенно русскіе!—Эта поэма Пушкина, вмѣстѣ съ Капитанскою дочкою, (скажу мимоходомъ,) суть, по моему мнѣнію, два лучшія и самыя національныя произведенія Пушкина, хотя въ Русланѣ и Людмилѣ и больше народнаго. Таково различіе между національностію и народностію.

Произведенія литтературы, изображающія хотя и народные обычаи, но безъ національнаго характера—будутъ всегда мертвыми. По этой причинѣ большая часть нашихъ писателей, сочиняющихъ повѣсти, не постигая, въ чемъ состоитъ національность, стараются изображать обычаи простаго народа и сцены изъ его русской жизни, полагая, что все дѣло въ наружной обстановкѣ. Но безъ національнаго инстинктивнаго чувства нельзя вѣрно угадать и этой обстановки! И потому всѣ ихъ картины выходятъ по большей части только грубымъ изображеніемъ народнаго быта. Недостатокъ вѣрнаго, инстинктивнаго, художественнаго чувства національности, стараются они вознаградить рѣзкостію; и потому всѣ ихъ народныя сцены выходятъ каррикатурами, какъ будто наша народность не можетъ существовать безъ каррикатуры! г. Тургеневъ вполнѣ доказалъ противное. У него нѣтъ ни одной каррикатуры; а языкъ вездѣ вѣренъ лицамъ

народнымъ, но вездѣ чистъ, правиленъ и благороденъ! Стало быть и простонародный языкъ можно облагородить, не измѣняя его вѣрности!

Но, на оборотъ, привить свою народность къ чужому національному произведенію — будетъ большое уродство!

Примѣромъ сего послѣдняго, (конечно примѣромъ грубой крайности), можетъ служить переводъ Иліады г. Ордынскаго. Если даже и согласиться съ переводчикомъ, что необразованные герои Гомеровы говорили, какъ мужики (что однако несправедливо): то все-таки они говорили, какъ мужики греческіе, а не русскіе! И потому обрусѣлый Гомеръ есть совершенная нелѣпость, непоказывающая въ переводчикѣ яснаго понятія ни о Гомерѣ, ни о поэзіи, ни о характерѣ русской національности, которая состоитъ не въ словахъ и не въ одной простонародной рѣчи!—Этой мужиковатости нѣтъ даже и въ простонародной нашей сказкѣ: Илья Муромецъ. И потому чрезвычайно странно и дико слышать, какъ говорятъ у г. Ордынскаго герои Гомеровы; «Добрый молодецъ! что ты пятишься?»—«Амазонки-супарни.»—«Краснощокая Ѳеопола Кисѣевна.»—«Лютаго воителя, крѣпкаго переполоху устроителя!» — И что за языкъ! Неужели это языкъ Гомера, который, какъ великій художникъ, употреблялъ даже разныя нарѣчія Греціи, для цѣли—плѣнить самый слухъ Грековъ!—А нарѣчіе г. Ордынскаго вовсе неплѣнительно для русскаго слуха!—Не хороша робость въ переводчикѣ; но ни куда негодится и самонадѣянная смѣлость! — Иліада Ордынскаго достойна стать наравнѣ съ Тилемахидой Тредьяковскаго!—Но главная ошибка заключается въ основномъ ложномъ понятіи переводчика, который, ревнуя русской народности, и понимая подъ нею одну грубую простонародность, забылъ о греческой національности, и предпринялъ сдѣлать Гомера Русскимъ, да еще русскимъ мужикомъ! — Гомеръ долженъ былъ остаться Гомеромъ и Грекомъ. Прививать къ нему русскую народность есть непростительная ошибка противъ греческой національности; а такую народность, какъ въ переводѣ г. Ордынскаго, состоящую только въ грубости словъ и выраженій—это значитъ наряжать Гомера въ тулупъ и въ лапти. Это—великое незнаніе дѣла, за которое принимаешься!—Поэта можетъ переводить только поэтъ! Въ поэтическомъ твореніи переводится не одинъ смыслъ,

не одни слова и выраженія; но духъ смысла, духъ словъ и выраженій: отъ нихъ зависитъ жизнь поэтическаго творенія.

Не говорю уже о томъ, что языкъ поэзіи долженъ быть всегда благороденъ, хотя бы изображалъ и мужиковъ. Соединить въ этомъ случаѣ истину съ красотою выраженія— это задача искуства. Я указалъ уже, касательно этаго, на книгу г. Тургенева. Прекрасный образецъ того же показалъ г. Аксаковъ, (И. С.) въ своей неконченой поэтической повѣсти: Бродяга.

Это произведеніе совсѣмъ не народное: оно не похоже на нашу народную поэзію, на наши пѣсни и сказки; народъ нашъ и читать его не станетъ. Но образованный читатель прочтетъ его съ наслажденіемъ, и увидитъ въ немъ Русь, какъ въ зеркалѣ: потому что оно вполнѣ національно. Оно проникнуто русскимъ духомъ; отъ него такъ и вѣетъ Русью.—Повторяю и повторяю: народность въ обычаяхъ, въ народной обстановкѣ; а національность въ духѣ. Гдѣ встрѣчается и то и другое вмѣстѣ, какъ въ Бродягѣ Г. Аксакова, тамъ есть и народность, но она подчинена національности и стоитъ на второмъ, а не на первомъ планѣ. Народность есть только одежда національности, безъ которой послѣдній можетъ и обойтись; а народность безъ нея— мертва. Вотъ что нужно для литтературы, которая имѣетъ притязаніе на оригинальность и долговѣчность; вотъ что можетъ удовлетворить и патріотическому чувству, если мы ищемъ его въ литтературѣ. А изображеніе однихъ простонародныхъ обычаевъ, или карикатуръ захолустья: это еще не національность. У насъ, людей образованныхъ, или людей свѣтскихъ, повторяю еще, народное все уже исчезло; но національное такъ и просвѣчиваетъ сквозь наше европейство!—Русскій дворянинъ, русскій баринъ, русской вельможа, все-таки отличаются отъ француза, нѣмца и англичанина, хотя и не слѣдуютъ уже народнымъ обычаямъ. Въ произведеніи Г. Аксакова характеръ—бродяги, старика Степаныча, судьи, подрядчика, молящейся Параши, и проч. еслибъ они были и въ другомъ положеніи, остался бы все тотъ же, хотя и въ другихъ формахъ.—Почему?—потому что это характеры національные.—Понятно ли это?—Для понимающихъ поэзію и искуство это ясно!—Короче: народность заключается въ однихъ обычаяхъ, нерѣдко грубыхъ и закоренѣлыхъ; а національность—всегда чиста: это живой

духъ, который переживаетъ и самые обычаи!—И потому неправы тѣ, которые видятъ національность въ одной простонародности.

Слово народъ относится болѣе къ политической формѣ его состава; а нація—къ его происхожденію и родовымъ качествамъ. Другими словами: народъ—означаетъ принадлежность населенія къ одному государству, къ одному политическому тѣлу; а нація—одноплеменность.

Евреи живутъ не такъ уже, какъ жили при Давидѣ и Соломонѣ а національность свою сохраняютъ при всѣхъ перемѣнахъ судьбы ихъ народа. Скажу болѣе: они уже не составляютъ отдѣльнаго народа; но все еще составляютъ націю.

Но подражаніе народной поэзіи всегда неудачно. На это есть очевидная причина. Поэты образованной литтературы всегда принадлежатъ къ классу людей образованныхъ, къ кругу людей, которыхъ понятія и рѣчь чище, выше и благороднѣе простонародныхъ. И потому эти подражанія суть всегда произведенія искуственныя, такъ сказать, произведенія искуснаго притворства. По этой причинѣ, какъ ни хороша, пѣсня Лермонтова о Купцѣ и Опричникѣ, но она не болѣе, какъ tour de force талантливаго поэта. Н. А. Львовъ написалъ нѣкогда начало повѣсти: Добрыня, которое дѣйствительно замѣчательно по оригинальности тона и по поэтическимъ замашкамъ, какъ-будто древней пѣсни, но и она носитъ на себѣ явный характеръ не истинной и свободной художественности, а искусной поддѣлки. Не говорю уже о Ильѣ Муромцѣ Карамзина, гдѣ кромѣ мѣры стиха, отчасти старинной и пѣсенной, ни въ тонѣ, ни въ языкѣ нѣтъ ничего и похожаго на національность. Такъ несвойственно человѣку, слѣдовательно и поэту, выступать изъ своей естественной сферы. Всѣ подражанія старинной поэзіи и поэзіи народной не могутъ быть никогда живымъ и естественнымъ отпрыскомъ вдохновенія, которое всегда противоположно подражательности.

Но и сама простонародная поэзія, въ своихъ подлинныхъ памятникахъ, можетъ служить намъ не болѣе, какъ предметомъ патріотической любознательности, а не образцомъ истинной поэзіи, которая, по своему свойству, выше, шире и благороднѣе этихъ первоначальныхъ произведеній народнаго младенчества.

Это нигдѣ такъ не очевидно, какъ у насъ, потому что нигдѣ такъ рѣзко, какъ у насъ, не отличается національность отъ на-

родности; ибо, при европейскомъ просвѣщенія одной части нашего народа, и при сохраненіи прежняго быта другого, у насъ народность равняется слову простонародность. Это-то можетъ быть, и вводитъ въ заблужденіе нашихъ писателей; по этому-то, можетъ быть, они и видятъ народное въ одномъ быту простонародномъ, а за тѣмъ въ немъ только признаютъ и національность.

Мы нынче дорого цѣнимъ народность, отыскиваемъ и уважаемъ народность. Это—стремленіе совершенно одностороннее, которое едва ли принесетъ зрѣлые плоды нашей литтературѣ; это—удовлетвореніе частному вкусу нѣкоторыхъ лицъ, оправдываемое ихъ патріотизмомъ, но не оправдываемое чистою идеею поэзіи, какъ свободнаго и высокаго искуства. Просвѣщенная и зрѣлая литтература должна стремиться къ національности, которая одна переживаетъ все; ибо она въ духѣ, а духъ переживаетъ тѣло: духъ животворитъ; плоть же не пользуетъ нимало.

Всѣ великіе писатели и поэты были не народные писатели, а національные. Сама изящная литтература народа просвѣщеннаго можетъ быть національною, но никогда не бываетъ народною; ибо народъ, даже грамотный и въ нѣкоторомъ смѣслѣ просвѣщенный, если и знаетъ нѣкоторыя имена даже нѣкоторыя произведенія своихъ геніальныхъ писателей, но литтература, созданная ими, никогда не бываетъ ему вполнѣ знакома, ибо, кромѣ грамотности, кромѣ нѣкоторыхъ понятій, пріобрѣтаемыхъ чтеніемъ, она требуетъ общей образованности всѣхъ силъ души, нѣкоторой высоты и независимости духа, того вкуса, который дается не одною природою, но и обстановкою, окружающей съ дѣтства, и наконецъ она требуетъ того гармоническаго сочетанія способностей, которое дается воспитаніемъ. И потому изящная литтература существуетъ только для избранныхъ, лучшихъ людей народа: для нихъ и долженъ трудиться національный поэтъ и просвѣщенный писатель.

*Мих. Дмитріевъ.*

7 Апр. 1853
с. Богородское.

# ПАМЯТИ П. А. ПЛЕТНЕВА.

Человѣкъ въ теченіи жизни своей обреченъ Провидѣніемъ на утраты, отъ которыхъ онъ болѣе или менѣе бѣднѣетъ. Но бываютъ и такія потери, послѣ которыхъ остается онъ совершенно нищимъ. Чувствительнѣйшими утратами въ жизни, разумѣется, тѣ сердечныя утраты, которыя отрываютъ отъ насъ людей близкихъ сердцу нашему, попутчиковъ и товарищей на пути земномъ, съ которыми шли мы рука объ руку, мысль съ мыслью, чувство съ чувствомъ. По настоящему, онѣ однѣ и могутъ быть признаваемы за утраты. Все прочее — лишенія болѣе или менѣе временныя и тяжкія, легче или труднѣе замѣняемыя; онѣ не посягаютъ на внутреннюю жизнь человѣка: только слегка увѣчиваютъ внѣшнюю жизнь. Съ помощію Божіею и добрыхъ людей, эти раны заживаютъ, или обживаешься съ ними. Къ прискорбію, и въ молодыхъ лѣтахъ, и въ лѣтахъ зрѣлости, мы не рѣдко испытываемъ сердечныя утраты. Оглядываемся, и съ грустью видимъ, что нѣтъ того, нѣтъ другаго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, рядомъ съ нами и кругомъ идутъ еще попутчики. Съ ними дѣлимъ горе свое, съ ними оплакиваемъ утраченнаго товарища. И въ этомъ обмѣнѣ скорби, есть свое утѣшеніе, есть своя унылая сладость. Прорвавшійся кругъ снова сдвигается, какъ будто новою силою, новою тѣснѣйшею скрѣпою. Есть порожнія мѣста въ дружеской артели: но артель еще есть. Есть, въ ней еще мѣсто и жизни, и общей дѣятельности, надеждамъ и радостямъ, и единодушному стремленію къ обѣтованной цѣли. Но когда заживешься на землѣ, когда зайдешь такъ далеко, что всѣ товарищи твои, кто ранѣе, кто позднѣе, отъ тебя отстали, когда чувствуешь, когда убѣдишься, что новыхъ уже не нажить, что пора пріобрѣтеній миновала, а настала пора окончательныхъ недочетовъ, и наконецъ разочтешься съ послѣднею утратою, тутъ и очутишься нищимъ, какъ сказано было выше.

Такъ теперь и со мною по кончинѣ П. А. Плетнева.

Пріятельскія наши съ нимъ сношенія начались давно. Я встрѣтился съ нимъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ, въ средѣ намъ равно сочувственной и близкой. Плетневъ былъ уже тогда пріятелемъ Жуковскаго и другомъ Пушкина, Дельвига, Баратынскаго. Эти связи его тотъ-же часъ породнили съ нимъ и меня. Независимо отъ взаимныхъ условій круговой поруки, которая соединяетъ людей одного кружка, принадлежащихъ такъ сказать одному исповѣданію, одной вѣрѣ, я скоро полюбилъ и оцѣнилъ въ немъ все, что было личною и самобытною собственностію его самаго. Чистое сердце, свѣтлый и спокойный умъ, безкорыстная, безпредѣльная, теплая преданность друзьямъ, нравъ кроткій, мягкій и уживчивый, добросовѣстное, не по расчетамъ, не въ виду житейскихъ выгодъ и въ чаяніи блестящихъ успѣховъ, но по призванію, но по святой любви, служеніе литтературѣ, изящный и вѣрный вкусъ, съ которымъ любили справляться и совѣтоваться Баратынскій и самъ Пушкинъ,—всѣ эти качества, всѣ эти счастливые дары природы, развитые и возлелѣянные жизнью стройною, и сосредоточенною въ однихъ мирныхъ занятіяхъ и наслажденіяхъ скромнаго и постояннаго труда, все это давало Плетневу особенное значеніе и почетное мѣсто въ обществѣ нашемъ. Рано пріобрѣлъ онъ это мѣсто, и удержалъ его за собою до конца долговременной жизни своей. Новыя явленія, новыя потребности жизни и перевороты въ литтературѣ не сдвинули его съ той ступени, на-которой онъ твердо и добросовѣстно сталъ однажды на всегда. Къ первоначальнымъ товарищамъ и единомышленникамъ его постепенно примыкали и новые пришельцы, отмѣченные печатью истиннаго дарованья. Въ числѣ ихъ достаточно упомянуть одно имя Гоголя.

По трудамъ своимъ, по свойству дарованія своего, и по своей натурѣ безстрастной, и обреченной такъ сказать на плавное, а не порывистое движеніе, онъ никогда не искалъ и не могъ искать быть любимцемъ большинства; не хотѣлъ и не могъ дѣйствовать на публику, то есть на толпу, самовластно и полномочно. Но тѣмъ болѣе дорожилъ свойствами и качествами его ограниченный кругъ избранныхъ, который могъ вполнѣ оцѣнить его. Имъ однимъ доступны были не блистательныя, не расточительныя, но благонадежныя и вѣрныя богатства ума и души его. Заслуги, оказанныя имъ отечественной литтературѣ не ки-

даются въ глаза съ перваго раза. Но они отыщутся и по достоинству оцѣнятся при позднѣйшей разработкѣ и приведеніи въ порядокъ и ясность дѣйствій и явленій современной ему литературной эпохи. Въ общей человѣческой жизни, на всѣхъ ея поприщахъ, встрѣчаются не передовые, а такъ сказать *пассивные* дѣятели, мало замѣтные для проходящихъ, но которыхъ вліяніе переживаетъ иногда шумныя и наступательныя дѣйствія болѣе отважныхъ подвижниковъ.

Съ Плетневымъ лишился я послѣдняго собесѣдника о *дѣлахъ минувшихъ лѣтъ*. Есть еще у меня кое-кто, съ кѣмъ могу перекликаться воспоминаніями послѣднихъ двухъ десятилѣтій. Но выше эти преданія пересѣкаются. Они теряются въ сумракѣ преданій временъ доисторическихъ. Говоря о томъ, что тогда занимало меня, и насъ тревожило, или радовало, что и кого любилъ я, чѣмъ и кѣмъ жила жизнь моя, уже не кому при случаѣ сказать: «а помните ли?» и прочее. Этотъ пробѣлъ, эта несбыточность, не своевременность подобнаго вопроса, грустны, невыразимо грустны. На подобный вопросъ, какъ онъ ни казался-бы простъ, отвѣта нѣтъ. Нѣтъ уже пайщика въ памяти моей. Никто не помнитъ того, что я помню, что мнѣ такъ памятно, что такъ еще присущно, живо и свѣжо старой памяти моей, пережившей, такъ сказать цѣлые вѣка, цѣлый міръ лицъ и былей, сроднившихся съ жизнью моей, вошедшихъ въ нее и въ мое минувшее принадлежностью нераздѣльною и не отъемлемою. Теперь помню одинъ. Теперь я одинъ съ глазу на глазъ съ памятью моею, и съ тою стороною прошедшаго, которая отсвѣчивается на мнѣ одномъ.

Монологи скучны въ драмѣ и въ дѣйствительности. Для оживленія дѣйствія и рѣчи нужно имѣть предъ собою соучастника, готоваго откликнуться на мысль нашу, на воспоминаніе наше. Теперь уже не кому давать мнѣ р е п л и к у (donner la replique, какъ говорится на французской сценѣ). Такъ, послѣ смерти Пушкина и Жуковскаго, перекликались мы съ Плетневымъ самъ-другъ и келейно. Оказывающіеся промежутки не отодвигали насъ одного отъ другаго, а напротивъ сплошнѣе насъ сближали. Жизнь шла впередъ. Чѣмъ братскій кругъ становится малолюднѣе, тѣмъ жизнь и память минувшаго становится дороже и обязательнѣе. Въ года усиленнаго движенія и преизбытка жизни, еще возможны случайныя ошибки и минутныя недоразумѣнія. Но въ старости и самыя разнорѣчія, если они и существовали бы,

а какъ и не быть имъ въ томъ или другомъ случаѣ, смягчаются и сглаживаются. А общія сочувствія и точки соприкосновенія съ каждымъ днемъ сильнѣе и глубже означаются. Въ старости ищешь не того, что особляетъ, а того что обобщаетъ. Предчувствуешь, что времени уже мало впереди. Ратовать некогда, да, сдается, и не для чего. Если въ чемъ и есть разнорѣчіе, то на добровольныхъ и честныхъ уступкахъ, какъ будто самъ собою заключается прочный и благоденственный миръ. Таково примирительное дѣйствіе лѣтъ и успокоившагося ума. Тѣмъ болѣе благотворно это дѣйствіе на почвѣ уже мирной и дружеской, и разработанной единодушными сочувствіями и усиліями.

Въ послѣдніе два-три года личныя и устныя бесѣды мои съ Плетневымъ были прекращены. Болѣзнь закинула его и меня далеко отъ родины и въ разныя стороны. Помню, что въ письмѣ къ нему жаловался я однажды на судьбу, которая не свела насъ, по крайней мѣрѣ въ одну больницу, и не положила бокъ о бокъ въ одну палату. Туда перенесли-бы мы свой домашній очагъ, свою Россію. Но въ это время мы часто переписывались другъ съ другомъ, рѣдко о томъ, что дѣлалось на чужбинѣ, у насъ подъ глазами, но болѣе о томъ. что доходило до насъ изъ Россіи и о Россіи. Собственно литтературная переписка наша была случайнымъ образомъ довольно оживлена. Я въ это время на досугѣ написалъ много стиховъ. Готовясь издать ихъ особою книжкою, посылалъ я ему рукописи мои на судъ и расправу. И по стихамъ нуженъ былъ мнѣ собесѣдникъ и духовникъ. Я никогда не довѣрялъ собственному родительскому чувству. Во время производства работы, я почти всегда доволенъ собою, и тѣмъ, что произвожу. На душѣ сладостно и тепло. Но вскорѣ послѣ жаръ творчества и чувство самодовольства остываютъ. Въ любимомъ новорожденномъ дѣтищѣ своемъ вижу, или подозрѣваю, одни недостатки его. Для окончательной провѣрки сознанія мнѣ нужна оцѣнка посторонняго лица, къ которому имѣю довѣріе. Плетневъ изъ Парижа возвращалъ мнѣ въ Венецію стихи мои съ своими замѣчаніями. Начиналась иногда тяжба съ своими обвиненіями съ одной стороны, и оправданьями и защитою со стороны подсудимаго. Но окончательно почти всегда пользовался я замѣчаніями его съ полнымъ сочувствіемъ къ критикѣ его и съ благодарностью. Между прочимъ написалъ посвятительное письмо къ

нему и къ Ѳ. И. Тютчеву. Оно назначается въ видѣ предисловія къ предполагаемому собранію новыхъ стихотвореній моихъ. * Сочетаніе двухъ приведенныхъ именъ не совершенно соотвѣтствуетъ хронологическому порядку. Тютчевъ не принадлежитъ къ первоначальной нашей старинѣ. Онъ позднѣе въ ней примкнулъ. Но онъ чувствомъ угадалъ ее, и во многихъ отношеніяхъ усвоилъ себѣ ея преданія. Мнѣ очень отрадно думать теперь, что я успѣлъ сообщить Плетневу это стихотвореніе, и еще вслухъ могъ выразить чувства мои къ нему. Онъ отвѣчалъ мнѣ на него милымъ и теплымъ письмомъ. Нынѣ, съ чувствомъ живѣйшей скорби, печатаю стихи мои, какъ приношеніе памяти его. Они подтвердятъ заднимъ числомъ все, здѣсь мною сказанное, объ отношеніяхъ моихъ къ нему. Вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлятъ они и мѣру утраты, которую понесъ я кончиною милаго, назабвеннаго Плетнева.

*К. Вяземскій.*

С.-Петербургъ Январь 1866 г.

## П. А. ПЛЕТНЕВУ И Ѳ. И. ТЮТЧЕВУ.

Вамъ двумъ, вамъ, спутникамъ той счастливой плеяды,
Которой нѣкогда и я принадлежалъ,
Вамъ, сохранившимъ вкусъ, сочувствія и взгляды,
Въ которыхъ нашъ кружокъ возросъ и возмужалъ,
Вамъ я безъ робости, но и не самохвально,
Довѣрчиво несу тетрадь моихъ стиховъ.
Что наблюдалъ мой умъ, что на сердцѣ печально,
Иль свѣтлымъ заревомъ цвѣтныхъ и бѣглыхъ сновъ,
Ложилось въ тайныя минуты вдохновенья,
О чемъ мнѣ плакалось, чему смѣялся я,
Порывы добрыхъ чувствъ, ошибки, заблужденья,
Невольные грѣхи земнаго бытія,
Мои пристрастія, но съ чувствомъ безкорыстнымъ,
Все что прочувствовать, продумать мнѣ пришлось,
Любовь къ добру, вражду къ продѣлкамъ ненавистнымъ,
Всю исповѣдь мою, всего меня насквозь,
Прочтете вы въ моей предательской тетради.
Осудите не разъ вы въ ней неточный стихъ,

---

* Нѣкоторыми изъ этихъ стихотвореній украшается нашъ сборникъ.

Самоуправство словъ, стопы иль риөмы ради,
Подъ часъ незвучный складъ иль прозу строфъ моихъ,
Но не щадя своихъ замѣтокъ и упрека,
Худое выбросивъ изъ малаго добра,
Вы будете искать въ поэтѣ человѣка,
И чувства выкупятъ погрѣшности пера.
Писалъ не для молвы, писалъ я на безлюдьи.
Читателей моихъ кругъ страшно порѣдѣлъ:
Жуковскій съ Пушкинымъ мои бывали судьи;
Я старыхъ потерялъ, а новыхъ не обрѣлъ.
Но вы остались мнѣ, въ васъ память ихъ живая,
Вы публика моя, вы мой Ареопагъ:
Въ васъ свято теплится еще любовь родная,
Которою свѣтлѣлъ домашній нашъ очагъ.
О прошломъ вспоминать еще могу я съ вами:
Въ насъ отголосокъ есть отъ порванной струны,
Мѣняться можемъ мы знакомыми рѣчами,
Преданьями родной намъ общей старины.
Я публику люблю въ театрѣ и на балахъ,
Но толками ея не слишкомъ дорожу.
Найдетъ ли бѣсъ стиховъ? не мыслю о журналахъ.
Похвалятъ? Очень радъ. Освищутъ? Не тужу.
Я бѣгать не любилъ съ толпой за многобожьемъ,
За мнѣньями въ чести и за людьми въ ходу.
И рабски имъ служить пружиной, иль подножьемъ,
И попугаемъ быть съ другими на ряду.
Мнѣ нравилась всегда не торная дорога.
Что мыслилъ — высказалъ, что чувствовалъ — пропѣлъ,
И въ осень уголокъ домашняго порога
Цвѣтами поздними я убралъ, какъ умѣлъ.
Когожъ когда не васъ, дней лучшихъ старожилы,
На скромный праздникъ мой мнѣ въ гости пригласить?
Другихъ любезныхъ намъ не вызвать изъ могилы:
Что время разнесло, того не воротить.
Доволенъ буду тѣмъ, когда своей хандрою
Я васъ разжалоблю, иль шуткой разсмѣшу.
Примите вы мой даръ съ радушной простотою,
Съ любовью, какъ и я его вамъ подношу.

Меранъ. $^{12}/_{24}$ Іюля 1864.

# ВЕНЕЦІЯ.

I.

Ни движенья нѣтъ, ни шуму,
Въ этомъ царствѣ тишины;
Поэтическую думу
Здѣсь лелѣятъ жизни сны.

Дни и ночи беззаботны,
И прозрачны ночь и день.
Все, какъ призракъ мимолетный,
Молча все скользитъ, какъ тѣнь.

Но въ роскошной нѣгѣ юга
Всюду чуешь скрытый гнѣвъ:
И сердито другъ на друга
Дуются орелъ и левъ.

Не дошло еще до драки:
Тишина передъ грозой;
Но по небу ходятъ мраки
Надъ напуганной землей.

II.

Пожаръ на небесахъ и на водѣ пожаръ.
Картина чудная! Весь рдѣя солнца шаръ,
Скатившись, запылалъ на рубежѣ заката.
Тѣснятся облака подъ жаркой лавой злата:
Съ землей прощаясь день, на пурпурномъ одрѣ,
Одѣлся пламенемъ, какъ фениксъ на кострѣ.

Палацца залились потокомъ искръ златыхъ,
И храмовъ куполы и кампанилы ихъ,
И мачты кораблей, и пестрые ихъ флаги,
И ты, крылатый левъ, когда-то царь отваги,
А нынѣ, утомясь по вѣковой борьбѣ,
Почившій гордымъ сномъ на каменномъ столбѣ.

Какъ моремъ огненнымъ мой саламандра-челнъ
Скользитъ по зареву воспламененныхъ волнъ.
Раздался колоколъ съ Санъ-Марко и съ Салуте:
Вечерній благовѣстъ въ дневной житейской смутѣ,
Смиренныя сердца къ молитвѣ преклоня,
Пѣснь лебединая сгарающаго дня!

III.

И я желалъ бы зрѣть Венецію свободной,
По жизнью собственной, ея преданьямъ сродной,
Въ величьѣ царственномъ и блескѣ старины:
Когда отважный левъ носился надъ морями,
Ихъ волны бороздилъ могучими крылами,
И былъ страшилищемъ запуганной Луны.

Въ тѣ памятные дни, которыхъ отблескъ славной
И отголосокъ живъ средь тишины державной
Дукальнаго дворца, объявшей хладный сонъ,
Торжественна была прекрасная царица,
Волнъ адріатики роскошная столица,
Сирена, къ коей шли народы на поклонъ.

Въ тѣ дни служили ей искусства и науки;
Жизнь благодатная сливалась въ краски, звуки,
Въ поэзію, любовь, блескъ славы и побѣдъ.
Ваянья, зодчества и живописи геній
Искалъ и находилъ въ ней пламень вдохновеній,
И закалилъ на ней свой вѣковѣчный слѣдъ.

Понынѣ все еще имъ дышетъ, имъ согрѣто.
Великій Тиціанъ, блестящій Тинторетто,
Повѣдали землѣ событія небесъ.
Всѣ роды зодчества слились здѣсь воедино:
И новый Амфіонъ, могучій Сансовино,
Въ столицѣ мраморной, воздвигнулъ міръ чудесъ.

Кто смѣлыхъ думъ труды, созданья, перечислитъ?
Здѣсь мраморъ говоритъ и чувствуетъ и мыслитъ.
Здѣсь трепетъ чудится и слышится въ мѣди.
Венеція прошла сквозь бури не старѣя.
Вся лѣтопись ея живая эпопея,
И много силъ еще въ уязвленной груди.

Владѣвшая мечомъ и на моряхъ трезубцемъ,
Не вѣрь друзьямъ своимъ, лукавымъ честолюбцамъ:
На перлъ твой зарится ихъ хищная рука;
Ты пригодишься имъ къ подножью ихъ престола.
Не дай стереть съ чела прекраснаго символа,
Который на тебѣ прославили вѣка.

Не лучше ль протерпѣть, мужаясь, злую долю,
Чѣмъ плѣнъ свой промѣнять на новую неволю?
Отрекшись отъ себя, себя ты не спасешь.
Теперь тоскуешь ты подъ путами насилья:
А тамъ ты льву сама его подрѣжешь крылья,
И въ дань ихъ чуждому тщеславью принесешь.

Свободѣ происки и сдѣлки ненавистны:
Ей лучше явный врагъ, чѣмъ другъ своекорыстный.
Отъ покровителей свободы ты не жди.
Въ опалѣ сохраняй хоть отблескъ славы личной:
Какъ знамя падшій вождь, свой лоскутъ багряничной
И ты сберечь умѣй на царственной груди.

Не покорилась ты ни нравами, ни духомъ:
Ты помнишь съ гордостью, что міръ былъ полонъ слухомъ
И мирныхъ дѣлъ твоихъ и боевыхъ трудовъ.
Въ минувшемъ ты найдешь грядущаго поруку.
Не унижай себя, и счастливому внуку
Ты чистымъ передай наслѣдіе отцовъ.

Возстань Венеція! возстань съ морскаго ложа!
Какъ древле, избери ты доблестнаго Дожа,
Съ собой вручи ему завѣтное кольцо:
Пусть новый Дандоло, маститый воевода,
Торжественно взойдетъ, подъ кликами народа,
На охраненное гигантами крыльцо.

Лучами прежними Санъ-Марко вновь заблещетъ;
Дремавшій левъ его крылами вострепещетъ,
На волю вырвется изъ роковыхъ сѣтей,
Онъ звучнымъ голосомъ свое окликнетъ море:
И Бучентору въ слѣдъ, свободно, на просторѣ,
Взыграютъ сонмы волнъ подъ стаей кораблей.

Не унывай, не льстись коварнымъ обольщеньемъ:
Твой левъ не мертвъ, а спитъ подъ вѣщимъ сновидѣньемъ,
Взойдетъ и для него дня новаго заря.
И я желалъ бы зрѣть Венецію свободной,
Но жизнью собственной, ея преданьямъ сродной,
А не вассалкою Туринскаго двора.

IV.

## ПОДРАЖАНІЕ НѢМЕЦКОМУ.

«Der alte Gondolier.»

У входа въ мраморныя сѣни
Великолѣпнаго дворца,
Тамъ, гдѣ спускаются ступени
Волной омытаго крыльца,
Лежитъ старикъ, на солнцѣ грѣя
Свою хладѣющую кровь;
Но въ тепломъ сердцѣ не старѣя
Еще есть память и любовь.

Онъ помнитъ старины преданья,
Онъ вѣренъ имъ, онъ любитъ ихъ:
Вся жизнь его—воспоминанья,
И отголосокъ дней былыхъ.
Спроси его, и на вопросы
Словоохотливый отвѣтъ
Дастъ гондольеръ сѣдоволосый,
И скажетъ: «Много, много лѣтъ,

»И по морямъ и по—лагунамъ,
Я рыскалъ, — смѣлый волкъ морской,
Смѣясь и вѣтрамъ и бурунамъ,
И зною дня, и тьмѣ ночной.
Но ужъ давно въ родныя воды
Не погружаю я весла,
И гондола во дни невзгоды
Вся мхомъ и ржею заросла.

»Хозяинъ дома, не внимая
Моленьямъ нашимъ и слезамъ,
Покинулъ сѣнь роднаго края,
Отплылъ самъ къ чуждымъ берегамъ.
Уѣхалъ онъ въ день Божьей кары,
Когда нашъ уязвленный левъ
Палъ подъ враждебные удары,
Послѣдній испуская ревъ.

»Когда республикѣ державной
Часъ грознаго конца пробилъ,
И Бонапартъ самоуправный
Цѣпь на свободу наложилъ,
Въ тѣ дни былъ баринъ бодръ и молодъ;
Но если живъ и нынѣ онъ,
То и его настигли холодъ
И дряхлость — общій всѣмъ законъ.

»Онъ не хотѣлъ быть гражданиномъ
Отчизны, попранной врагомъ,
И передъ чуждымъ властелиномъ
Склониться доблестнымъ челомъ.
Онъ говорилъ: путемъ позора
Пусть къ почестямъ другой идетъ,
Мнѣ память предковъ безъ укора
Въ изгнаньѣ будетъ мой почетъ.

»И много бѣдъ, стыда и горя,
Мы натерпѣлись въ эти дни.
Въ неистовствѣ другъ съ другомъ споря,
Врагъ и предатели свои

Наперерывъ насъ унижали,
Срывали съ древнихъ стѣнъ гербы,
Сіи семейныя скрижали
Величья, славы и борьбы.

»И Бучenторе нашъ народный,
Ковчегъ и славы колыбель,
Разбили, какъ сосудъ негодный,
И впредь ненужную скудель.
Они сожгли Златую книгу,
Истлѣлъ и пепелъ славныхъ дней,
И подвели къ чужому игу
Побѣдой вскормленныхъ коней.

»И тѣша алчность и гордыню, —
Безъ страха вспомнить не могу, —
Санъ-Марка предали святыню
На расхищеніе врагу.
Исторгли хищные злодѣи
Жизнь нашу, душу, плоть и кровь;
И унесли въ свой край трофеи,
Честь предковъ, внуковъ, и любовь.

»Я пережилъ всѣ эти бури;
И мнѣ остаткомъ прежнихъ благъ
Съ небесъ сіяетъ блескъ лазури:
Ея не могъ похитить врагъ.
Воспоминаньями богатый,
На все съ сочувствіемъ гляжу,
И опустѣвшія палаты,
Какъ вѣрный песъ, я сторожу.

»А добрый баринъ и по нынѣ,
Заочно благодѣтель мой,
Даетъ мнѣ щедрой благостыней
И хлѣбъ насущный и покой.
Такъ день за днемъ—и предъ глазами
Мнѣ снятся дальнія моря,
Борьбы съ ревущими волнами,
Когда надъ ними вѣтръ паря,

»Ихъ треплетъ, гонитъ, мечетъ, давитъ,
А кораблемъ своимъ морякъ
По рытвинамъ и безднамъ правитъ,
Сквозь бой стихій, грозу и мракъ.
Мнѣ снятся свѣтлыя видѣнья
Великолѣпной старины,
Когда рвались мы въ пылъ сраженья
Подъ знаменемъ родной страны.

»Когда нашъ Еммо въ блескѣ славы,
Съ своихъ побѣдныхъ кораблей,
Исламу задалъ пиръ кровавый
Средь разгорѣвшихся зыбей.
Луна смутясь затрепетала,
Тунисъ притихъ подъ лапой льва,
А дома встрѣча ожидала
И пѣснь и почесть торжества.

»Текутъ, кипятъ народа волны,
И въ ихъ главѣ нашъ дожъ Ренье....
Весь воздухъ вздрогнулъ, кликовъ полный:
Тѣ клики и теперь во мнѣ
Преданьемъ радость возбуждаютъ,
И молодѣю я душой,
И словно ангелы летаютъ
Надъ старческой моей главой.»

V.

## ЕРНЕСТИНѢ ѲЕДОРОВНѢ ТЮТЧЕВОЙ.

Каналами, въ позднихъ прогулкахъ,
Плыву ли подъ тѣнью ночной,
Брожу ли въ глухихъ закоулкахъ,
Вьющихся гибкой змѣей;
Смотрю ли на мрачныя зданья
Съ гербами угасшихъ родовъ,
На эти палацца молчанья,
На эти гробницы вѣковъ,—

Подъ древнею тяжестью сводовъ,
Гдѣ дремлетъ чуть брежжущій свѣтъ,
Смотрю ль на изгибъ переходовъ,
Гдѣ, кажется, выхода нѣтъ?
Поэзіей смутною полны
Весь городъ--живой арабескъ,
И воздухъ и мраки и волны,
И зыбкій чернильный ихъ блескъ.

Гляжу ли на лѣво, на право—
Мнѣ всюду подъ мракомъ ночнымъ
Мерещится дерзостный браво
Съ восточнымъ кинжаломъ своимъ.
То въ маскахъ, въ плащахъ, боязливо
Скользитъ молодая чета:
Чуть слышится шагъ торопливой,
Украдкой чуть шепчутъ уста.

То сбирро, наемникъ послушный,
Опричникъ судилища Трехъ,
Безжалостный и равнодушный,
Прохожаго схватитъ въ расплохъ;
И молча подъ сводъ потаенный
Добычу свою проведетъ,
И будто живой погребенный
Тамъ безъ вѣсти онъ пропадетъ.

И мостъ по дорогѣ въ Орфано,
Въ сей мрачный безъ дна Ахеронъ,
Мостъ грозный и поздно и рано,
Вновь слышитъ рыданья и стонъ.
Всѣ эти картины и сцены
Встаютъ и кипятъ предо мной:
Нѣмыя и воды и стѣны
Откликнулись рѣчью живой.

Въ ночной тишинѣ мыслью дремля,
Какъ сны, ихъ разсказы лови!
Кровавымъ преданьямъ внемля
И нѣжнымъ легендамъ любви.

Край здѣшній всѣмъ тайнамъ усвоенъ:
Тайникъ онъ для счастья и зла,
И городъ съ тѣмъ, будто, построенъ,
Чтобъ жизнь въ немъ таиться могла.

Любви объясненья и ласки,
Свиданья въ условленный день —
Ничто не боится огласки,
Всему есть молчанье и тѣнь;
Все въ помощь влюбленнымъ счастливцамъ:
Скромна и безгласна вода,
И гондолы темной ревнивцамъ
Не выдастъ лагуна слѣда.

Не выдастъ, уликой для свѣта,
Изъ пропасти мрачной, вода,
Ни жертвы нѣмаго стилета,
Ни жертвы нѣмаго суда.
Благой иль зловѣщею сѣнью
Прикрытые, ночи и дни,
Любви оробѣлой и мщенью
Даруютъ охрану въ тѣни.

Вотъ этой Венеціи просятъ
Тоской вдохновенные сны,
И чувство и мысль переносятъ
Въ волшебную жизнь старины;
Мнѣ нужны здѣсь маски, стилеты,
И страшная тайная власть,
И ночью и днемъ на извѣты
Открытая львиная пасть.

Мнѣ нужны здѣсь толки о Дожѣ,
Мнѣ нужно во мракѣ ночномъ,
Чтобъ браво стоялъ на сторожѣ,
И жертву слѣдилъ за столбомъ.
Регатты мнѣ празднество нужно:
Когда, по торжественнымъ днямъ,
Подъ веслами гондолы дружно
Несутся по синимъ зыбямъ.

Иль льются народные клики,
Привѣтствуя громкой хвалой
Помолвку надъ моремъ владыки
Съ невѣстой— царевной морской.
Предчувствуя радость и славу,
Сіяя въ алмазномъ вѣнцѣ,
Невѣста любовь и державу
Пріемлетъ въ завѣтномъ кольцѣ.

Не даромъ въ тотъ вѣкъ *гондольери*
Пѣвали въ ночи на изусть,
И мрачные сны Алигьери,
И Тасса любовную страсть,
И чудную быль Аріоста:
И рой черноокихъ головъ,
Изъ оконъ, съ террассы и съ моста,
Внимательно слушалъ пѣвцовъ.

Звукъ каждый и каждое слово
Сочувственны были сердцамъ,
И каждое сердце готово
И вѣрить и вторить мечтамъ.
Страхъ тайный, и вѣчно подъ тѣнью
Угроза незримой руки,
Давали и пылъ наслажденью
И нѣгу томленью тоски.

Поэзіи чудное царство!
Сливались въ немъ въ очеркъ живой
И Дантова ада мытарства
Съ ихъ пытками, мукой и тьмой;
И въ маревѣ разнообразномъ
Манили изъ лона воды,
Съ ихъ чарами, нѣгой, соблазномъ,
Армиды волшебной сады.

## VI.

## „ПО МОСТУ, МОСТУ."

Народная пѣсня.

Здѣсь нашу пѣсенку невольно
Припомнишь: »по мосту, мосту.«
Мостовъ раскинулось довольно
Въ длину и въ ширь и въ высоту.

На зло ногамъ, на зло колѣнямъ,
Куда, пожалуй, не иди,
Все лазишь по крутымъ ступенямъ,
А мостъ все видишь впереди.

Иной изъ нихъ глядитъ картинно:
Изящность въ немъ и легкость есть,
Но не легко въ прогулкѣ длинной
Лѣзть, а спустившись снова лѣзть.

Тутъ на ногахъ какъ будто гири,
Въ суставахъ чувствуешь свинецъ:
И каждый мостъ—мостъ dei sospiri
И мостъ одышки наконецъ.

## VII.

## АЛЕКСАНДРѢ ИЛЬИНИШНѢ КАРАМЗИНОЙ.

Въ углахъ, на темныхъ перекресткахъ,
Здѣсь видишь много образовъ:
На нихъ покровъ съ шитьемъ и въ блесткахъ,
Вѣнокъ и поясъ изъ цвѣтовъ.
И день и ночь горятъ лампады
Предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой,
Звѣзды надежды и отрады
Скорбящимъ тѣломъ и душой.

Здѣсь мать рыдающая проситъ
Больному сыну жизнь спасти;
Морякъ съ молитвой лепту вноситъ
Предъ страхомъ дальняго пути;
Дѣвица въ сумерки украдкой,
Плѣнясь томительнымъ огнемъ,
Здѣсь молится, и плачетъ сладко
О миломъ суженомъ своемъ.

Души и вѣры изліянья,
Слезъ и молитвы благодать!
Таятся свято въ васъ преданья,
Благочестивыхъ лѣтъ печать.
Вы невредимо уцѣлѣли
Среди житейскихъ бурь и битвъ,
Въ простыхъ сердцахъ не оскудѣли
Струи живительныхъ молитвъ.

И я встрѣчаю съ умиленьемъ
Обрядъ смиренной старины,
Не обезсиленной сомнѣньемъ,
Какъ мы, новѣйшихъ дней сыны.
И думой уношусь невольно
Къ стѣнамъ Кремля, гдѣ нашъ народъ
Тѣснится также богомольно
Въ часовнѣ Иверскихъ воротъ.

## VIII.

Тамъ, на земной границѣ,
Блестящей багряницей
Одѣлись облака.
Прозрачное зерцало
Лагуна зыбью алой
Подернулось слегка:
И замеръ день усталой,
Какъ путникъ сдалека.

Повѣялъ сумракъ свѣжій,
Рыбакъ раскинулъ мрежи
Въ водахъ объятыхъ сномъ:
Въ заботѣ рыболовной,
Среди лагуны ровной,
Разлившейся стекломъ,
Самъ неподвижный, словно,
Приросъ онъ съ челнокомъ.

Какъ ни проста картина, —
Ни чуткая холстина,
Подъ кистью мастерской,
Ни рѣчь, ни думъ свобода,
Не скажутъ, что природа
Шепнетъ душѣ родной,
Безъ словъ, безъ перевода,
На нашъ языкъ земной.

---

## ЗАМѢТКИ.

### I.

*L'esprit court les rues.*

Умъ и у насъ въ большомъ ходу;
Но такъ по улицамъ онъ рыщетъ,
Что будь нужда въ немъ — на бѣду
Нигдѣ никто его не сыщетъ.

### II.

Глашатый соціальныхъ бредней:
Онъ въ пошлыхъ выходкахъ своихъ
Совсѣмъ не изъ передовыхъ,
А забіяка — изъ передней.

III.

На нашей почвѣ урожайной
Все скоро зрѣетъ и ростетъ,
Все съ силою необычайной
Сторичный цвѣтъ и плодъ даетъ.

Кто-бы ни брякнулъ глупость съ дуру,
Небось, не пропадетъ она:
Въ широко-русскую натуру
Она заброситъ сѣмена.

Пойдетъ рости — и жатвой тучной
Ужь загустѣла полоса,
И сразу глупость громкозвучно
Подхватятъ хоромъ голоса.

IV.

Поэты стараго почета
Съ вершинъ своихъ сойти должны:
Намъ некогда, намъ не охота,
Честить кумиры старины.

Ихъ молодая наша школа
Похоронила навсегда;
Вотъ перечень изъ протокола
Ея верховнаго суда:

«Нѣтъ, Пушкинъ не поэтъ народный,
Народности въ Жуковскомъ нѣтъ;
Ихъ стихъ жеманный и холодный
Родной струею несогрѣтъ.

»Имъ нужно въ зыби идеальной
Искать къ прекрасному слѣда:
Природы ультра-натуральной
Имъ фотографія чужда.

»Они брезгливы, недотроги,
И чинно разбирая путь,
Боятся и запачкать ноги
И палецъ въ омутъ обмокнуть.

»Изъ захолостья сору, хламу,
И дряни съ задняго двора,
Они не сваливаютъ въ яму,
Какъ мы, лопаткою пера.

»Аристократы, бѣлоручки,
Имъ только чтобъ цвѣтки срывать,
Но жемчугъ средь навозной кучки
Чутьемъ пронюхать не подъ стать.

»Пожалуй, братьямъ сострадая
Они отъ скорби ихъ не прочь,
И духъ ихъ падшій ободряя,
Готовы немощи помочь.

»Они возвысить жизнь хотѣли,
Любовь къ прекрасному возжечь,
И силой слова къ высшей цѣли
Толпу безумную привлечь.

»Чтожъ? Все реторики туманы!
Но не видать, что-бъ кто изъ нихъ
Цѣдилъ и кровь и гной изъ раны
По каплямъ въ фельдшерскій свой стихъ.

»Чтобъ все, что низко, все что гнусно,
Что отвратительно другимъ,
Особенно имъ было вкусно
И чѣмъ-то лакомо-роднымъ;

»Чтобы развратомъ любовались,
Его возстановляя честь,
Чтобы въ грязи они купались,
Затѣмъ, что грязь въ природѣ есть.

»Великосвѣтскихъ нравовъ узы
Ихъ мысли и полетъ гнетутъ,
Съ подбитымъ глазомъ пьяной музы
Они въ кабакъ не заведутъ.

»Гдѣ-жъ ихъ народность? Стихъ кроили
Не на родномъ они станкѣ,
Да и по русски говорили
Не на ямщицкомъ языкѣ!»

V.

Есть прогрессистъ, и изъ числа горячихъ,
Которому наука не далась,
А съ ветошью другой онъ у носячихъ
Купилъ ее на рынкѣ ономнясь.

На свой аршинъ онъ человѣка мѣритъ,
Перекроилъ его себѣ подъ стать;
Онъ двойственной натурѣ въ насъ не вѣритъ,
И въ насъ души не хочетъ признавать.

Онъ говоритъ: натура не двояка,
Въ скотахъ и въ насъ способности однѣ:
И если безъ души живетъ собака,
Такъ по чему жъ душѣ быть и во мнѣ?

VI.

Я не умѣлъ постигнуть жизни смысла.
Ни ей, ни силамъ я своимъ не зналъ цѣны:
Дѣла и дни мои — разбросанныя числа,
Которыя въ итогъ не сведены.

Все смѣшано: приходъ, расходъ и смѣты:
Богатымъ ли рожденъ, иль бѣднымъ я — Богъ вѣсть!
Пожалуй, роскоши найдешь во мнѣ примѣты,
По нищеты примѣта также есть.

VII.

Мы дѣйствуемъ и мыслимъ съ ними розно,
Не потому, что намъ обидна ихъ вражда:
Бѣда не въ томъ, что пишутъ слишкомъ *грозно*,
А *грязно* пишутъ эти господа.

VIII.

Нашъ диллетанте Молешотъ,
Системъ новѣйшихъ верхолетъ,
Въ журналахъ въ чинѣ запѣвала,
Ужасно радъ и гордъ, узнавъ,
Что въ человѣческій составъ
Частичка входитъ и крахмала.
Душею онъ не дорожитъ,
Но за крахмалъ онъ свой стоитъ.
Учености — запасъ мой малый
И щеголять имъ не берусь,
Но пробѣгая вскользь журналы,
Въ которыхъ молодая Русь,
На все и всѣхъ поднявши розгу,
Насъ огрѣваетъ не шутя,
Чутьемъ догадывался я,
Что, можетъ статься, мало мозгу
Дано природой кой - кому:
Что часто на пустое мѣсто
Пошло картофельное тѣсто,
Иль дрянь подобная тому.
Но вмѣстѣ съ тѣмъ, — и вотъ что чудо —
Какъ ни вязка ихъ голова,
А мысли въ ней клеятся худо,
И расклеились всѣ слова.

*Князь Вяземскій.*

## ПИСЬМО БАТЮШКОВА КЪ К. А. КАРАМЗИНОЙ ОТЪ ИМЕНИ НЕИЗВѢСТНАГО.

Милостивая Государыня, Катерина Андреевна.

Не имѣя счастія быть извѣстнымъ ни Вамъ, ни почтенному супругу Вашему, но зная изъ опыта, что снисходительность есть свойство прекрасныхъ и великихъ душъ, смѣло прибѣгаю къ Вамъ съ усерднѣйшею просьбою. Тронутый глубоко, восхищенный чтеніемъ Исторіи Государства Россійскаго (*), я написалъ нѣсколько стиховъ къ безсмертному оной Творцу. Полагая, что самые посредственные стихи, прочитанные Вами, покажутся Ему прелестными, покорнѣйше прошу немедленно прочитать ихъ. Вмѣсто предисловія можете сказать:

La main ne peut atteindre au noble front des Dieux
Et depose á leurs pieds ses dons réligieux:
Tel son luxh n'atteint point le faite de Ta gloire,
Mais brule un grain d'eucens aux pieds de la Victoire.

Не подпишу своего имени обреченнаго забвенію, но покорнѣйше прошу вѣрить чувствамъ глубокаго почитанія и совершенной преданности, съ которыми пребуду Вамъ навсегда

*Неизвѣстный.*

Петербургъ.

Когда на играхъ Олимпійскихъ,
Въ надеждѣ радостныхъ похвалъ,
Отецъ Исторіи читалъ,
Какъ Грекъ разилъ вождей Азійскихъ,
И силы гордыхъ сокрушалъ,
Народъ, любитель громкой славы,
Забывъ ристанья и забавы,
Стоялъ, и весь вниманье былъ.

---

(*) Въ торжественномъ засѣданіи Академіи Россійской.

Но въ сей толпѣ многонародной,
Какъ старца слушалъ Ѳукидидъ,
Любимый отрокъ Аонидъ,
Надежда крови благородной!
Съ какою жаждой онъ внималъ
Отцевъ дѣянья знамениты,
И на горящія ланиты
Какія слезы проливалъ!

И я такъ плакалъ въ восхищеньѣ,
Когда скрижаль твою читалъ,
И геній твой благословлялъ
Въ глубокомъ, сладкомъ умиленьѣ.
Пускай талантъ не мой удѣлъ,
Но я для Музъ дышалъ не даромъ,
Любилъ прекрасное, и съ жаромъ
Твой геній чувствовать умѣлъ.

---

## ПИСЬМО БАТЮШКОВА КЪ КАРАМЗИНУ.

Неаполь. 24 Мая 1819.

Не знаю самъ, что могло быть причиною моего молчанія, почтеннѣйшій Николай Михайловичь. — Вѣрьте, что въ каждомъ городѣ Италіи я сбирался писать къ Вамъ, но полный мыслей и чувствъ не могъ написать ни одной строки.—То не имѣвъ случая отправить письма моего, я боялся, чтобы оно не состарѣлось въ моемъ письменномъ столикѣ, то имѣвъ вѣрный случай не имѣлъ времени. — Короче не писалъ къ Вамъ, будучи исполненъ Вами.— Ибо не думайте, Бога ради, чтобы видѣнное мною могло хотя не много изгладить изъ памяти моей друзей, оставленныхъ въ отечествѣ, и васъ, Катерину Андревну, которую я столь же люблю, сколько уважаю. — Ваше ласки и дружество глубоко запечатлѣны въ моемъ сердцѣ, которое здѣсь, на чужой сторонѣ, отдыхаетъ помышляя о Васъ. — Здѣсь я кажется живѣе чувствую цѣну Вашу, и тѣхъ сладкихъ минутъ, каторыя провелъ у Васъ.

въ Москвѣ и Петербургѣ. — Вы сами знаете опытомъ, что не въ чужихъ краяхъ дѣлаются связи, украшающія жизнь можетъ быть знаете и то, что не въ Италіи живутъ сердцемъ.—Я угадывалъ это покидая Россію и все имѣю драгоцѣннаго; и потому то мнѣ было такъ грустно съ Вами разставаться.—Никогда не забуду, съ какимъ искреннимъ, горячимъ чувствомъ Вы пожелали мнѣ счастливаго пути, и благословили на добро и благополучіе. — Ваше желаніе сбылось благополучно я пріѣхалъ сюда, не ограбленный, и довольно бодрый, послѣ утомительнаго путешествія въ зимнее время, самое непріятное въ Италіи, гдѣ нѣтъ ни убѣжищъ, ни каминовъ. — Первые дни въ Неаполѣ я провелъ со своими, и очутился одинокимъ только по отъѣздѣ Великаго Князя. — Четыре недѣли сряду посвятилъ на обозрѣніе окрестностей Неаполя, любопытныхъ во всѣхъ отношеніяхъ, единственныхъ, несравненныхъ. — Четыре раза былъ въ Помпеи, и два раза на Везувіѣ, два мѣста, которыя заслуживаютъ вниманіе самаго нелюбопытнаго человѣка.—Судьба конечно не безъ причины таила около двухъ тысячь лѣтъ, подъ золой Везувія, Помпею, и вдругъ, открыла ее: это живой коментарій на исторію и на поэтовъ Римскихъ. Каждый шагъ открываетъ вамъ что нибудь новое или повѣряетъ старое: я какъ невѣжда, но полный чувствъ, наслаждаюсь зрѣлищемъ сего кладбища цѣлаго города. — Помпеи не можно назвать развалинами, какъ обыкновенно называютъ остатки древности. — Здѣсь не видите слѣдовъ времени или разрушенія; основанія домовъ совершенно цѣлы; не достоетъ кровель. Вы ходите по улицамъ изъ одной въ другую, мимо рядовъ колоннъ, красивыхъ гробницъ, и стѣнъ, на коихъ живопись не утратила ни красоты, ни свѣжести. Форумъ, гдѣ множество храмовъ, два театра, огромный циркъ, уцѣлѣли почти совершенно. Везувій еще дымится надъ городомъ, и, кажется, грозитъ новою золою. Кругомъ виды живописные, море, и повсюду воспоминанія; здѣсь можно читать Плинія, Тацита и Виргилія, и ощупью повѣрять музу исторіи и поэзіи. — Но съ Везувія виды еще великолѣпнѣе. — Мы наслаждались ими недавно большимъ обществомъ Русскихъ: съ нами были Щербатовы, которые поручили Вамъ усердно кланяться.—Везувій нашъ безпрестанно измѣняется, какъ море, или какъ міръ политической. Онъ ужасенъ и плѣнителенъ.—Съ г. де Бре мы были въ Баіи; Графиня скажетъ Вамъ безъ сомнѣнія, что мы говорили о Васъ на мысѣ Мизенскомъ,

и пили какое-то вино за ваше здоровье, на томъ мѣстѣ гдѣ Римляне роскошничали, гдѣ Сенека писалъ, гдѣ жилъ Плиній и Цицеронъ философствовалъ. Гдѣ лучше было вспомнить Васъ, нашего историка?—Но прошу Васъ сказать Г. и Графинѣ де Бре, что я всегда съ новымъ удовольствіемъ брожу по тѣмъ тропинкамъ, по коимъ ходилъ съ ними въ первый разъ въ жизни. Я имъ обязанъ лучшими моими знакомствами въ Неаполѣ, гдѣ хорошое, пріятное общество столь же рѣдко, какъ худая погода и пасмурные дни. Всѣ жалуются на общество, но всѣ съ радостью посѣщаютъ нашъ городъ. — Англичанъ здѣсь тучи, я живу окруженъ ими и лазаронами. — Нынѣ, по пріѣздѣ императора Австрійскаго было очень шумно, и, говорятъ, весело. Здѣсь, говорятъ, климатъ лѣчитъ закоренѣлыя болѣзни; я до сихъ поръ не испыталъ этого на себѣ, и хвораю часто. Предвижу, что съ насмѣшкою прочитаете мою вѣчную жалобу на здоровье. Я, покрайней мѣрѣ, Вамъ, Катеринѣ Андреевнѣ, которой сто разъ цѣлую ручку, и всему семейству Вашему отъ искреннаго сердца желаю здравія, благоденствія и долгоденствія.—Усердно кланяюсь любезнымъ дѣтямъ Вашимъ и еще разъ прошу незабывать преданнѣйшаго Вамъ изъ людей,

*Константина Батюшкова.*

---

## ПИСЬМО КАРАМЗИНА

### къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

Пишу, не надѣясь, и даже не смѣя желать, чтобы Вы это читали. Кто дерзнетъ быть Вашимъ утѣшителемъ? или говорить Вамъ о своей печали? Мы любили Государя; но что наша скорбь передъ Вашею? Не имѣю силъ вообразить, что дѣлается въ Вашемъ сердцѣ, и что свыше человѣчества. Есть Богъ! это уже послѣднее для Васъ испытаніе и начало бытія неземнаго. Такъ думаю въ утѣшеніе самому себѣ. Сердце, столь ужасно сокрушенное, въ глубокой тьмѣ здѣшняго міра, уже не освѣщено ли какимъ нибудь таинственнымъ лучемъ Неба? Не питается ли чѣмъ нибудь сокровеннымъ, для насъ непонятнымъ? Достигаю до

Васъ только молитвою безмолвною: нѣтъ словъ, нѣтъ и мыслей. Чего просить отъ Бога для Васъ? Но молюся: однимъ чувствомъ любви, яснымъ для Того, Кто посылаетъ намъ страданія, чтобы очистить насъ, безъ сомнѣнія, для блаженства, которое, можетъ быть, уже извѣстнѣе Вамъ, нежели мнѣ. Никогда Вы не были для меня такъ велики и лучезарны, какъ нынѣ. Повергаюсь къ Вашимъ ногамъ съ слезами, смиреніемъ и все еще съ прежнею любовію. Гдѣ нибудь Васъ увижу, и вездѣ ближе къ Богу, Котораго судьбы не всегда будутъ для насъ неисповѣдимы. На вѣки Вашъ

*Н. Карамзинъ.*

С. Петербургъ.
4 Декабря 1825.

---

## ПИСЬМО В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ Е. А. КАРАМЗИНОЙ

### Изъ Эмса въ Ревель.

И нашъ Ангелъ на небесахъ! Такъ! Онъ былъ нашъ Ангелъ! Другъ, хранитель, наставникъ, примѣръ всего добраго, ободритель для всего прекраснаго!—Кто имѣлъ счастіе любить его, тому уже не чѣмъ замѣнить своей потери! Подобной души не встрѣтишь. Когда я его покидалъ, я чувствовалъ, что это навсегда. Я не смѣлъ съ нимъ проститься. Я счастливъ, что могъ поцѣловать его руку. Это было безмолвнымъ выраженіемъ всей моей благодарности за то, что былъ онъ для меня въ жизни. И кто могъ быть болѣе! Лучшее мое чувство, чистое и высокое, какъ религія, была моя къ нему привязанность. Смерть этого чувства ни ослабить, ни измѣнить не можетъ: она перемѣнила только его имя! Любовь къ милой его памяти будетъ такимъ же благотвореніемъ на остатокъ жизни, какимъ была любовь къ нему самому. Сердце благоговѣетъ передъ его смертію. Она такъ же возбуждаетъ и довѣренность къ Божеству и уваженіе къ жизни, какъ самая жизнь его.

Чтобы почувствовать съ благодарностію къ Провидѣнію, что есть другой, лучшій міръ, надобно только переселить въ него подобную душу. Какъ не повѣрить теперь безсмертію, и какъ не чтить той жизни, которая ведетъ къ этому безсмертію! Кто жилъ лучше? и кто послѣ себя оставилъ болѣе подпоръ для тѣхъ, которые должны вѣчно скорбѣть объ немъ? Въ горести объ немъ, въ мысли о томъ, что онъ былъ прежде, и что онъ теперь, заключены всѣ драгоцѣннѣйшія житейскія блага! Сколько вѣры, сколько поощренія къ добродѣтели, сколько стоитъ надеждъ въ воспоминаніи объ немъ для насъ дѣтей и друзей!—Первое что меня здѣсь встрѣтило, было извѣстіе о моей потерѣ; я былъ къ ней приготовленъ, но она поразила какъ неожиданность. Съ тѣхъ поръ два чувства наполняютъ душу: умилительная мысль объ немъ, о другѣ, благотворителѣ, ангелѣ, который хотя и невидимъ, но никогда, никогда не покинетъ меня въ жизни. Другая объ васъ, жестоко тревожащая сердце. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я въ Эмсѣ, а нѣтъ ни отъ кого писемъ. Я могъ бы найдти ихъ здѣсь по пріѣздѣ тотчасъ. Хожу на почту—напрасно! Никто не пишетъ. Никто не подумалъ сказать мнѣ слово объ васъ. Ради Бога заставьте кого нибудь написать, Тургенева или Вяземскаго. Неизвѣстность объ васъ мучитъ сердце. Какое несчастіе быть теперь далеко отъ Петербурга! Увижу ли васъ по моемъ возвращеніи? Я здѣсь останусь еще три недѣли! Но потерялъ надежду получить какое нибудь извѣстіе, а неизвѣстность становится для меня тоже болѣзнію. Не умѣю вообразить вашего положенія! и боюсь объ немъ думать. Но какъ вы теперь для меня драгоцѣнны! Одна надежда на вашу добродѣтельную твердость. Подкрѣпи васъ Богъ! Простите.

---

## ОТНОШЕНІЕ ГРАФА Д. Н. БЛУДОВА,

### къ Министру Императорскаго Двора,

### Князю П. М. Волхонскому.

*Милостивый Государь*

Князь Петръ Михайловичь!

М. Г. К. П. М. Исполняя Высочайшее повелѣніе, объявленное мнѣ въ отношеніи Вашей Свѣтлости, отъ 19-го сего Генваря, за № 256-мъ, поспѣшаю сообщить Вамъ, М. Г., что особаго рукописнаго сочиненія покойнаго исторіографа Н. М. Карамзина, подъ заглавіемъ мысли о Россіи, сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ. Но, можетъ быть, что иные такъ называютъ писанную имъ въ 1811 году для Великой Княгини, въ послѣдствіи Королевы Виртембергской, Екатерины Павловны, записку о древней и новой Россіи, въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ; или же другую, читанную имъ самимъ (уже въ 1819-мъ году,) Императору Александру, по случаю возникавшей въ то время мысли о присоединеніи части возвращенныхъ отъ Польши областей къ Царству Польскому. Первая, какъ я сказалъ выше, составлена Карамзинымъ по желанію Великой Княгини Екатерины Павловны, вручена имъ Ея Высочеству въ Твери въ 1811-мъ году, и, какъ должно полагать, Ею передана Императору. По крайней мѣрѣ она не была возвращена Карамзину, который, оправдывая довѣренность Великой Княгини, требовавшей отъ него глубочайшей тайны, не оставилъ даже у себя и копіи съ сей записки. По кончинѣ Императора Александра, онъ имѣлъ случай говорить о семъ съ благополучно царствующимъ нынѣ Государемъ, и просилъ Его Величество приказать отыскать его записку въ бумагахъ покойнаго Императора: но ее

не могли найти въ нихъ, ни тогда, ни въ послѣдствіи. Спустя потомъ нѣсколько лѣтъ, если не ошибаюсь въ 1834 или 1835 году, (вскорѣ послѣ смерти Графа Аракчеева,) вдругъ появилось нѣсколько экземпляровъ сей записки, и одинъ доставленъ мнѣ. По слогу и содержанію оной, я не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія, что сія записка есть точно та, о которой мнѣ часто разсказывалъ покойный исторіографъ. Другая, о присоединеніи нашихъ Западныхъ губерній къ Царству Польскому, оставалась въ рукахъ Карамзина; но онъ сохранялъ ее въ тайнѣ также, или еще болѣе, нежели первую, и только чрезъ мѣсяцъ послѣ кончины Императора Александра показалъ ее мнѣ, и еще двумъ или тремъ своимъ пріятелямъ, не дозволивъ намъ даже и въ то время списать ее. Теперь, однако же, есть копіи и сей послѣдней записки, не знаю совершенно ли вѣрныя.

Что касается духа, въ коихъ написаны какъ одна, такъ и другая, то на каждой страницѣ, можно сказать въ каждой строчкѣ оныхъ, мы находимъ выраженіе самыхъ лучшихъ, чистѣйшихъ намѣреній, самыхъ искреннихъ и живыхъ чувствъ, какъ истиннаго, благоразумнаго патріотизма, такъ и пламенной, благоговѣйной приверженности къ Престолу вообще, и въ особенности къ лицу Императора Александра. Но ни чувства, и личная привязанность къ Императору не препятствовали Карамзину, по любви къ истинѣ, первому, коренному свойству благородной души его, иногда судить строго, можетъ быть до нѣкоторой степени и не совсѣмъ справедливо, иныя дѣйствія правительства. Онъ какъ будто заранѣе объявилъ о томъ, избравъ эпиграфомъ своей первой записки (о древней и новой Россіи), стихъ изъ 138-го Псалма: Н ѣ с т ь  л ь с т и  в ъ  я з ы ц ѣ  м о е м ъ. Основная, общая мысль сего замѣчательнаго, особливо въ отношеніи историческомъ, произведенія есть та, что Россія, какъ Государство и Государство сильное, создана, и потомъ два раза спасена, успокоена и возвеличена Самодержавіемъ; что въ немъ не только надежный, прочный но и необходимый залогъ ея могущества и благоденствія, и что все противное правиламъ онаго можетъ имѣть вредныя, и при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ и гибельныя для нее послѣдствія. Съ сею главною мыслію и выводами изъ оной согласны всѣ разсужденія сочинителя, и тѣмъ объясняются отзывы его, какъ я сказалъ уже, иногда слишкомъ рѣз-

кіе, или и не вполнѣ основательные, о преобразованіяхъ Петра Великаго и о тѣхъ, коихъ Карамзинъ былъ свидѣтелемъ въ первые годы царствованія Александра. Впрочемъ, читая сію записку его, надобно не терять изъ вида, что она есть почти конфиденціальная, составлена для одной близкой къ Государю Особы, и что авторъ никогда никому другому ее не показывалъ.

Записка его о Польшѣ, составленная послѣ разговора о семъ съ Императоромъ Александромъ, въ продолженіи одной ночи, принадлежитъ къ самымъ лучшимъ патріотическимъ его дѣйствіямъ, и въ ней можетъ быть краснорѣчивѣйшія страницы изъ всѣхъ; вышедшихъ изъ подъ пера его. Иныя мѣста даже можно почти назвать пророчествами. Такъ напримѣръ онъ говоритъ Императору: «Государь! если Вы возстановите древнюю Польшу, то или «падетъ Россія, или Русскіе снова зальютъ Польшу кровью, и возмутъ Прагу штурмомъ.» Впрочемъ, Карамзинъ не являетъ себя въ этой запискѣ, и вообще никогда не былъ какимъ либо непримиримымъ врагомъ всего Польскаго. Вотъ слова его въ самомъ заключеніи записки: «Пусть существуетъ, благоденствуетъ, царство Польское подъ скипетромъ Александра, как ъ о н о е с т ь; но да существуетъ, да благоденствуетъ и Россія, какъ она есть, и какъ она оставлена Вамъ Екатериною».

*Вашей Свѣтлости и проч.*

*Графъ Д. Блудовъ.*

20 Генваря 1852 г. № 35.

# ПЕРЕПИСКА КАРАМЗИНА СЪ ГРАФОМЪ КАПОДИСТРІЕЙ.

## *I. письмо Карамзина къ графу Кападистріи.*

Примите, Графъ, мою искреннюю благодарность за честь, оказанную Министерствомъ иностранныхъ дѣлъ моему сочиненію. Если это не есть уже ободреніе для меня, (потому что, увы! я уже слишкомъ старъ), то покрайней мѣрѣ пріятная награда за труды и за усердіе, съ которымъ я старался сдѣлать нашу Исторію извѣстнѣе, а слѣдовательно полезнѣе.

Мое полуофиціальное письмо окончилось бы здѣсь, графъ, еслибы мнѣ было надобно выразить только признательность за благородный образъ дѣйствій Министерства въ отношеніи къ исторіографу, но чувство, которое вы въ особенности мнѣ внушили, требуетъ языка болѣе свободнаго, болѣе искренняго. Скромность недозволяла мнѣ поблагодарить васъ за прекрасную новость, сообщенную мнѣ Г. Малиновскимъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ; я умѣлъ остановить движеніе чувствительности и простоты, раздѣляемое моей женою. Вамъ это не должно быть не пріятно, Графъ. Отъ васъ, государственныхъ людей, требуется только справедливость; доброта, дружба, были бъ вмѣнены вамъ въ слабость при разсужденіи о наградахъ. Это опять Исторіи я обязанъ такими удивительными соображеніями! Я шучу, но я глубоко тронутъ вашею благосклонностію къ намъ, которая уже столько разъ высказывалась, и съ такою обязательностію. Я могъ бы прибавить къ этому еще многое, еслибы далъ волю своей болтливой откровенности; я былъ бы въ состояніи непощадить вашей скромности, но я пощажу ваше время. И такъ я оканчиваю письмо, говоря вамъ еще разъ, что Карамзины васъ очень любятъ; этимъ выражается все.

Петербургъ. Мартъ. 1818.

## *II. письмо Гр. Каподистріи къ Карамзину.*

Корфу $^{11}/_{23}$ Апрѣля 1819.

У меня нѣтъ словъ, любезный, многоуважаемый другъ, чтобы выразить вамъ удовольствіе, доставленное мнѣ письмомъ, которое вы написали мнѣ вмѣстѣ съ вашею супругою. Это драгоцѣнное письмо

нашло меня въ кругу моего семейства, и конечно увеличило счастіе, которое я ощущаю, пользуясь такимъ великимъ преимуществомъ. Всего пріятнѣе для меня получать доказательства добраго расположенія людей, похожихъ на Карамзиныхъ, и живущихъ въ такомъ отдаленіи, какъ вы въ настоящую минуту. Дружба, испытываемая такимъ образомъ, благонадежна. Внѣ семейныхъ привязанностей, лучшее въ мірѣ, это есть искренняя дружба. Такая дружба, какою удостоиваютъ меня Карамзины, болѣе чѣмъ искренняя: она сердечна; я дорожу ею, и прошу васъ сохранить мнѣ ее навсегда.

Мое здоровье, въ которомъ вы по своей добротѣ принимаете участіе, было въ самомъ дѣлѣ очень разстроено въ началѣ зимы. Путешествіе въ Италію, и въ особенности родной воздухъ, принесли мнѣ безконечно много пользы, и я можетъ быть уже совершенно выздоровѣлъ бы, еслибъ не мѣшала живость участія, какое я принимаю во всемъ касающемся лицъ, которыя удостоиваютъ меня своего довѣрія, и тѣ тревоги, которыя отъ него происходятъ. Вы можете потому легко судить о моемъ положеніи на родинѣ, послѣ одинадцатилѣтняго отсутствія, въ обстоятельствахъ, въ какихъ эта страна находится. Вмѣсто покровительства Великобританія поступаетъ съ нею такимъ образомъ, какому нѣтъ имени, какого вообразить нельзя отъявленному недоброжелательству. Исполнивъ, на сколько отъ меня будетъ зависѣть, обязанности сына и гражданина, я отплыву опять въ Италію. По дорогѣ я воспользуюсь въ продолженіи недѣль двухъ минеральными водами, чтобъ избавиться отъ той желчи, которая накопилась у меня здѣсь, а потомъ отправлюсь прямо къ вамъ въ Царское Село. Я буду радъ видѣть васъ въ добромъ здоровьѣ, съ вашимъ IX томомъ, и дитятей, которое имѣетъ явиться на свѣтъ. Я не смѣю писать объ этомъ Г-жѣ Карамзиной, чтобы не утомить ее своими каракулями. Къ тому же вы составляете съ нею такое прекрасное и такое полное единство, что было бы и трудно говорить съ вами порознь. Будьте здоровы, и вѣрьте искренности чувства, которыя питаю къ вамъ обоимъ.

Преданный вамъ *Каподистрія.*

### *III. письмо Гр. Каподистріи къ Карамзину.*

Женева, 1824, Декабря 24. (1825, Января 5).

Ваше любезное письмо, достопочтенный другъ, писано 8-го Ноября. Зачѣмъ оно не отъ 20-го! До сихъ поръ только изъ газетъ я узнаю объ ужасномъ днѣ 19-го Ноября. Какъ ни мало вообще довѣрія внушаютъ онѣ къ себѣ, однако дурныя ихъ извѣстія сжимаютъ сердце. Мое облегчается только размышленіемъ о Петербургскомъ бѣдствіи съ высшей точки зрѣнія. Бѣдствіе велико, безъ сомнѣнія, но еслибы оно постигло огромную столицу ночью, среди глубокаго сна, или въ такое время, когда важныя дѣла удерживали бы Императора вдали отъ нея, тогда что сталось бы съ нею? Эти два обстоятельства доказываютъ мнѣ, что десница Божія надъ вами, и что по Его святой волѣ катастрофа, которою канчается 1824-й годъ, равно какъ и та, которая увѣковѣчитъ послѣдній періодъ 1812 го года, послужатъ только къ тому, чтобъ явить во всемъ блескѣ могущественныя силы Россіи, и увеличить еще, если можно, славу Государя. Можетъ быть для великаго народа, сильнаго своею юностію и чистотою своихъ нравственныхъ началъ, такіе кризисы значатъ тоже, что для частнаго человѣка трудныя и несчастныя положенія, которымъ онъ часто бываетъ обязанъ самыми лучшими и самыми блистательными послѣдствіями на поприщѣ его жизни. Но въ сторону размышленія — я жду съ нетерпѣніемъ извѣстій отъ моихъ друзей, которые еще любятъ поддерживать сношеніе со мною. Я жду ихъ съ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ.

Возстановленіе вашего здоровья приноситъ мнѣ истинное удовольствіе. Ваши болѣзни—классическія, потому что все ваше не можетъ быть посредственно. Однако берегитесь новой болѣзни, и рѣшитесь лучше твердо и непоколебимо вытребовать у послѣдней привиллегію не только на здоровье, но и на долговѣчность.— Это не для васъ, а для вашихъ дѣтей, для вашей супруги, и для Россіи.

Знаки вашего участія находятъ въ чувствахъ моей признательности, и въ воспоминаніяхъ, которыя никогда не изгладятся изъ моей души, самый искренній отголосокъ. Когда живешь въ

свѣтѣ, и находишься подъ ежедневнымъ вліяніемъ человѣческихъ искушеній, то какъ ни старайся сосредоточиться, спускаться въ глубину совѣсти, а все видишь тамъ вещи только въ отраженіи внѣшняго міра. Но добровольное удаленіе и полнѣйшее уединеніе охраняютъ, кажется, отъ этой опасности. И подъ этой-то двойной охраной, чѣмъ больше я пересматриваю чувства свои, тѣмъ болѣе удостовѣряюсь, что заслуживаю ваше хорошее о себѣ мнѣніе. Ваша дружба идетъ далѣе. Она неостанавливаеся на прошедшемъ... Она любитъ читать въ будущемъ. Всякій разъ, однако, когда это касается меня, я позволяю себѣ читать тамъ только главу объ обязанностяхъ. А такъ какъ только я изучалъ ее всегда и вездѣ, тщательно и постоянно, то и смѣю надѣяться, что ея откровенія не застанутъ меня при закатѣ дней моихъ на ложной дорогѣ.

Что касается до происшествій въ странахъ, сосѣднихъ съ моею родиною, я ограничиваюсь наблюденіемъ событій, стараюсь понимать ихъ,—и оканчиваю всякій день благословляя Провиденіе за чудеса, совершаемыя имъ для спасенія народа, который старается изъ всѣхъ силъ сдѣлаться достойнымь его покровительства. Это зрѣлище не одно привлекаеть мое вниманіе: потому что въ нравственномъ порядкѣ все держится въ связи. Но когда внутренно убѣжденъ, что этотъ порядокъ, подобно порядку физическихъ явленій, имѣетъ свои законы, и слѣдовательно своего верховнаго законодателя, то повторяешь за вами *нынче болѣе, чѣмъ когда нибудь, что моя религія есть моя политика*. И остаешься въ мирѣ съ самимъ собою, и съ своими ближними! Этотъ внутренній миръ есть предвозвѣстникъ вѣчной жизни, составляя лучшую часть моего существованія, и я имъ счастливъ. Трудъ, который увеличиваетъ кругъ наслажденій, имѣетъ дла меня всегда новую привлекательность. И время, шествуя съ быстротою мысли, не дозволяетъ мнѣ смотрѣть на настоящее иначе, какъ глазами потомства. Впрочемъ, что я вижу въ немъ своими собственными глазами, и съ невыразимою радостію, это—дружбу, которая отыскиваетъ меня иногда въ моемъ уединеніи. Я цѣню ее тѣмъ болѣе, что оставляю свои старыя книги только для того, чтобы идти гулять, или въ свою очередь, искать на крыльяхъ вооб-

раженія тѣхъ людей, которые удостоиваютъ меня неизмѣнною благосклонностію. Это все равно, что я присутствую, и очень часто, въ вашемъ семейномъ кругу, и что я очень радъ занять въ немъ мѣсто нынѣ этими строками, и выразить вамъ мои благожеланія по случаю новаго года.

Еслибы это не было слишкомъ дерзко, я попросилъ-бы васъ повергнуть ихъ съ благоговѣйнымъ почтеніемъ и къ стопамъ ея Величества Императрицы Елизаветы Алексѣевны. Вы пишете что она удостоиваетъ меня своего воспоминанія. Это увѣреніе оправдываетъ мою смѣлость.

Кончу двумя словами о своемъ здоровьѣ. Эту зиму мнѣ было легче и свободнѣе, чѣмъ въ прошедшемъ году. Тѣло выноситъ, и кажется привыкаетъ къ моимъ строгостямъ. Сомнѣваюсь однако, чтобы можно было управлять имъ по своему желанію. Потому что тѣло—вещество, и силы его ослабѣваютъ.

Прощайте, прощайте. Передайте мое почтеніе вашей супругѣ и поклонъ всѣмъ *tutti quanti*. Скажите пожалуйста Дашкову, что я получилъ его послѣднее письмо, и не замедлю зосвидѣтельствовать ему мою благодарность. Весь вашъ *Каподистрія*.

### *IV. письмо Гр. Каподистріи къ Карамзину.*

Эмсъ. 23 Іюля, 4 Августа, 25.

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ! Д. Н. Блудовъ, который является къ вамъ въ Царское село, можетъ слишкомъ замѣнить длинное письмо отъ меня. — И такъ я скажу вамъ только немногое. Я счастливъ, что предпочелъ въ нынѣшнемъ году Эмсъ всякому другому лѣтнему путешествію. Здѣсь нашелъ я не одну пользу отъ минеральныхъ водъ. Дни, проведенные мною съ добрыми старыми знакомыми, сдѣлали мнѣ добро, которымъ я буду наслаждаться даже и въ своей кельѣ въ Женевѣ, куда теперь возвращаюсь. Давайте мнѣ, любезный Н. М. иногда знать о себѣ. Скажите, что вы здоровы, что Екатерина Андреевна и всѣ дѣти здоровы также—и что вы довольны, сколько человѣкъ можетъ быть доволенъ въ этомъ мірѣ. Жму вамъ руку, и цѣлую васъ отъ всего сердца. *Каподистрія*.

*V. отвѣтъ Карамзина графу Каподистрія.*

Бернъ $\frac{8\text{-го}}{20\text{-го}}$ Января, 26.

Свиданіе съ любезнымъ Б.....мъ было для меня пріятнѣе обыкновеннаго: онъ много разсказывалъ намъ объ васъ, и всѣ подробности о вашемъ здоровьѣ, о вашемъ наружномъ видѣ, (матеріальномъ выраженіи нематеріальнаго,) были для насъ удовлетворительны. Но къ сожалѣнію многіе вопросы о состояніи прекрасной души вашей, о занятіяхъ дѣятельнаго вашего ума, о вашемъ столь всегда вѣрномъ образѣ мыслей на счетъ происшествій нашего времени, остались безъ отвѣта. Слушая однако нашего общаго друга, который такъ живо передавалъ мнѣ свои разговоры съ вами, я иногда забывался: мнѣ казалось, что слышу васъ самихъ. Какъ было завидно для меня то счастіе, которымъ онъ насладился въ вашемъ обществѣ. Мои скопляющіеся годы, шаткость моего здоровья, печальныя обстоятельства, насъ разлучающія, и которымъ конца не вижу, все это заставляетъ меня думать, что прошедшее для меня уже не возвратится. Но въ утѣшеніе себѣ говорю: «хотя онъ и далеко, но онъ объ «насъ помнитъ; а мы безсмертны. Соединеніе душъ не прекра«щается съ жизнію матеріальною: пережившій сохраняетъ воспо«минаніе; отшедшій, быть можетъ, болѣе выигрываетъ, нежели «теряетъ. Земные путешественники слишкомъ разсѣяны: имъ нѣтъ «досуга заботиться о дружбѣ; не прежде,какъ бросивъ свой по«сохъ,мы можемъ предаться вполнѣ привязанностямъ своего серд«ца: тогда растерянное во времени будетъ отыскано въ вѣчности.» —Такіе разговоры съ самимъ собою занимаютъ меня теперь гораздо болѣе всѣхъ разговоровъ въ обществѣ: они сохраняютъ теплоту моей души, которая мнѣ еще нужна для моего милаго семейства, для моихъ друзей, для моей Исторіи, подвигающейся къ окончанію, (даръ отъ меня потомству, если оно его приметъ,если же нѣтъ, то нѣтъ). Такъ! я старѣюсь, не угасая (быть можетъ придетъ и то). О какъ я люблю еще моихъ товарищей путешествія! Какъ трогаетъ меня ихъ бѣдная участь! какъ вся душа моя полна жалости для столькихъ ближнихъ, для столькихъ народовъ!...

Мы на сихъ дняхъ переѣхали въ Петербургъ изъ Царскаго Села, гдѣ прожили болѣе двухъ мѣсяцевъ въ ненарушимомъ уединеніи: какъ далеко была отъ мени скука въ тѣ минуты, когда я не страдалъ физически! Сколько глубокихъ наслажденій находилъ я въ этомъ ежедневномъ досугѣ, въ кругу моего семейства, иногда одинъ совершенно. Работа, чтеніе, осеннія, не рѣдко ночныя прогулки, имѣли для меня прелесть неизъяснимую. Не слишкомъ боясь смерти, иногда смотря на нее съ какимъ-то радушіемъ, и любя повторять съ Ж. Ж. Руссо, *что засыпающій на рукахъ отца беззаботенъ о своемъ пробужденіи*, я допиваю по каплямъ сладкое бытіе земное; я радуюсь имъ по своему, непримѣтно для зависти. Подходя къ концу жизни, я благодарю Бога за все, что Онъ мнѣ даровалъ въ ней: можетъ быть ошибаюсь, но совѣсть моя спокойна; милое отечество ни въ чемъ не упрекнетъ меня; я всегда былъ готовъ служить ему, сохраняя достоинство своего характера, за который ему же обязанъ отвѣтствовать: и что же? я могъ описать однѣ только варварскія времена его Исторіи; меня не видали ни на полѣ сраженія, ни въ совѣтахъ государственныхъ; зная однако, что я не трусъ и не лѣнивецъ, говорю самому себѣ; «такъ было угодно Богу»; и не имѣя смѣшной авторской спеси, вхожу не стыдясь въ общество нашихъ Генераловъ и нашихъ Министровъ. . . . . Но довольно! я заговорился, и кажется слишкомъ много для одного минутнаго свиданія съ вами въ вашей Женевѣ. Краткость жизни требуетъ лаконизма; но что же дѣлать? И самая мысль, что мы такъ мало имѣемъ здѣсь времени для многословія, заставляетъ насъ иногда быть неумѣренно многословными съ нашими друзьями.

Перейду теперь къ историческому: воспоминаніе объ васъ живетъ въ Россіи. Государыня Елисавета Алексѣевна поручила мнѣ написать вамъ, что, она продолжаетъ по прежнему принимать въ васъ искреннее участіе: она такъ прямодушна! И Государь ни мало къ вамъ не перемѣнился; онъ знаетъ цѣну вашей души и вашихъ высокихъ дарованій. Удостоивъ насъ въ городѣ однажды Своимъ посѣщеніемъ, онъ много, много объ васъ говорилъ, и съ такимъ чувствомъ, которое меня порадовало. Я люблю его болѣе и болѣе, не помышляя ни о какихъ милос-

тяхъ, ни о какомъ влiянiи, то есть не тревожа себя ни мало тѣмъ, что никакого влiянiя не имѣю Богъ одинъ читаетъ въ глубинѣ сердца! . . . Говоритъ ли вамъ о нашемъ теперешнемъ мучительномъ безпокойствѣ, которое, надѣюсь, пройдетъ прежде, нежели вы получите письмо мое? Нашъ любезный, нашъ добрый Императоръ боленъ простудною лихорадкою въ Таганрогѣ: болѣзнь не опасная, но сердце дрожитъ за него. А Государыня Елисавета Алексѣевна въ письмѣ отъ 3 Ноября, которое я имѣлъ счастiе получить отъ нее увѣдомляетъ насъ, что чувствуетъ себя гораздо лучше: она очень огорчена смертiю Короля Баварскаго. ....

(*перев. Жуковскимъ*)

### *VI. письмо Гр. Каподистрiя къ Карамзину.*

Любезнѣйшiй и почтеннѣйшiй другъ!

Самъ Богъ далъ вамъ мысль написать ко мнѣ письмо отъ 23-го Ноября, и по его-же внушенiю вы рѣшились переслать письмо съ припискою отъ 30. Оно нашло меня здѣсь въ Бернѣ, куда я прiѣхалъ искать убѣжища въ лонѣ церкви. Здѣсь была совершена панихида въ память объ Императорѣ; смѣшивая свои слезы и молитвы съ слезами и молитвами тѣхъ Русскихъ, которыхъ разныя обстоятельства привели въ эту страну, я почувствовалъ нѣкоторое облегченiе въ невыразимой скорби, подавляющей мое сердце. Въ первую минуту, когда громовой ударъ, вылетѣвшiй изъ Таганрога, достигъ моей келiи, во мнѣ произошло какое-то оцѣпененiе, я почувствовалъ какую-то страшную пустоту вокругъ себя. Въ настоящую минуту въ головѣ носятся мысли самыя скорбныя, которыя отравили бы все мое существованiе, еслибы религiя и ваша дружба не пришли ко мнѣ на помощь. Моя любовь и преданность моя Императору не позволяли мнѣ сомнѣваться о продолженiи его благосклонности. Однако ничто не могло укрѣпить мою полную увѣренность въ справедливости, которою отличался этотъ великодушный Государь, какъ тѣ чувства, которыя въ послѣднiй разъ онъ выразилъ обо мнѣ вамъ. Убѣжденiе, что онъ перенесетъ въ дѣйствительный мiръ память обо мнѣ, ему не непрiятную, изливаетъ бальзамъ въ мои

жилы, и если что нибудь можетъ еще увеличить это утѣшеніе, такъ это мысль, что я обязанъ за него вамъ. Да, любезный Николай Михайловичъ, ваше свидѣтельство тоже, что свидѣтельство Исторіи. И конечно никто другой не можетъ отдать большой справедливости чистотѣ намѣреній и искреннему усердію, съ которыми я старался служить вашему благородному и великому отечеству и Императору Александру. Временемъ поглощаются и люди и вещи. Но что остается, что безсмертно, какъ Богъ, эта наша душа. Моя душа счастлива въ этомъ мірѣ надеждою Его увидѣть тамъ, гдѣ мы всѣ когда нибудь свидимся, съ тѣми чувствами благодарности, которыя привязываютъ ее къ Россіи, и тѣми молитвами, которыя она возноситъ, чтобы Божественное Провидѣніе благословило новаго Государя, его царствованіе и весь царскій домъ . . . . .

Я только что повергнулъ эти чувства къ стопамъ его Величества Государя Императора Николая Павловича, двухъ Императрицъ, и Великаго Князя Константина.

Если случай представится, не забудьте сказать обо мнѣ предъ Императрицей Елизаветой Алексѣевной. Первымъ движеніемъ моимъ въ горести было намѣреніе ѣхать на встрѣчу погребальнаго поѣзда. Я утѣшался мыслію, по отданіи послѣдняго долга моему благодѣтелю, получить дозволеніе оплакивать его у ногъ его августѣйшей супруги. Но соображенія, которымъ я долженъ былъ покориться, принудили меня ограничить свою поѣздку Берномъ и написать письмо Его Императорскому Величеству, которое поручилъ благосклонности графа Нессельроде.

Останавливаюсь здѣсь, чтобы поблагодарить васъ за всѣ подробности, которыя вы имѣли любезность сообщить мнѣ о своемъ семействѣ, я заслуживаю ихъ, потому что дорожу всѣмъ до васъ касающемся. Сохраните вашу дружбу ко мнѣ . . . . Передайте мое почтеніе М. Г. Екатеринѣ Андреевнѣ и примите увѣреніе въ моей ненарушимой привязанности.

Дружескіе поклоны Блудову, Дашкову и Жуковскому.

*Каподистрія.*

Monsieur le comte.

Agréez mes très sincères remercimens de l'honneur que le Ministère des affaires étrangères a bien voulu faire à mon ouvrage. Si ce n'est plus un encouragement pour moi (car. helas! je suis déjà trop vieux), c'est au moins une douce récompense de mes travaux et dû zèle que j'ai mis à rendre notre histoire plus connue et par conséquent plus utile.

Ma lettre demi-officielle finirait ici, Monsieur le comte, si je n'avais à exprimer que ma reconnaissance pour le noble procédé du Ministère par rapport à l'historiographe, mais le sentiment, que vous m'avez inspiré pour vous particulièrement, demande un langage plus franc, plus familier. J'ai été assez discret pour ne pas vous remercier de l'excellente nouvelle que Monsieur de Malinovsky m'a donnée au mois de Décembre, j'ai su arrêter ce mouvement de sensibilité et de naïveté, partagé par ma femme. Vous devez m'en savoir gré, Monsieur le comte. Vous autres hommes d'état, vous ne faites que ce qui est juste: bonté, amitié serait faiblesse pour vous, quand il s'agit de récompenses. C'est encore à l'histoire que je dois ces admirables combinaisons! tout en plaisantant je suis profondément touché de votre bienveillance pour nous, qui s'est prononcée tant de fois et d'une manière si obligeante. Je pourrais y ajouter bien des choses, si je me laissais aller à ma sincérité babillarde; je me sentirais capable de ne pas ménager votre modestie; mais je ménage votre temps. Je finis donc par vous dire encore une fois que les Karamzines vous aiment beaucoup: c'est tout dire.

S. Pétersbourg. Le — Mars 1818.

Corfou le $^{11}/_{23}$ avril 1819

Je n'ai pas d'expression, mon trés cher et très révéré ami, pour vous témoigner la satisfactiion que m'a procuré la lettre qne vous avez eu la bonté de m'écrire conjointement avec Madame votre épouse. Cette précieuse lettre est

venue me trouver au sein de ma famille., et elle a ajouté assurément au bonheur que j'éprouve en jouissant de cet immense avantage. Rien ne me fait plus de plaisir que de me savoir dans les bonnes grâces des personnes qui ressemblent aux Karamzines et qui se trouvent à la distance qui nous sépare actuellement. L'amitié qui est à cette épreuve est de la bonne espèce. Hors des affections domestiques il n'y a de bon dans le monde que l'amitié sincère. Celle dont les Karamzines m'honorent est plus que sincère: elle est cordiale. Je la chéris donc et je vous prie de me la conserver toute entière.—

—Ma santé. à laquelle il vous plait de vous intéresser, était en effet délabrée tout au commencement de l'hiver. Le voyage d'Italie et surtout l'air natal m'ont fait infiniment de bien, et je serais peut-être complétement rétabli, moins la vivacité de l'intérêt que je prends à tout ce qui concerne les personnes qui m'honorent de leur confiance et moins les tracasseries qui en sont la suite. En partant de là il vous sera facile de juger de ma position dans mon ays natal après une absence de années et dans les circonstances où mon pays se trouve. Au lieu d'être protégé par la Grande Bretagne il est venu...... d'une manière qui n'a pas de nom et que nul esprit malveillant ne saurait pas même concevoir. Après avoir rempli autant qu'il dépendra de moi les devoirs de fils et de citoyen, je vais m'embarquer encore nne fois pour l'Italie; je compte prendre en passant les eaux minérales pour une quinzaine de jours, à l'effet de me débarasser de toute la bile que j'ai fait ici, et puis je vous arrive droit à Czarskoé sèlo. — Je serai bien aise de vous voir en bonne santé ayant votre IX volume et le petit enfant qui arriverait au monde. Je n'ose pas en écrire à M-me de Karamzine pour ne pas la fatiguer de mon griffonage. D'ailleurs vous formez une si belle et si parfaite unité avec elle, qu'il est difficile de vous parler séparément. Portez vous bien, et croyez à la sincérité des sentiments que j'ai voués à tous les deux.

votre dévoué Capodistrias

Gènève le 24 Decembre / 24 Decembre 24/5

Très cher et très respectable ami.

Votre aimable lettre est du 8 Novembre. Pourquoi n'est elle pas du 20? jusqu'ici ce sont les gazettes seules qui me parlent de l'affreuse journée du 19. Quelque peu de confiance qu'elles inspirent en toute chose, pourtant lorsqu'elles donnent de mauvaises nouvelles, elles serrent le coeur. Le mien ne se soulage qu'en me portant à considérer d'en haut le désastre qui vient de frapper S.-Pétersbourg. Sans doute que ce désastre est grand, mais s'il eut surpris cette immense capitale au milieu de la nuit et du sommeil, ou dans une époque où de graves intérêts tiennent l'Empereur loin de son sein, que serait-elle devenue? Ces deux circonstances me montrent que la main de Dieu est sur vous et que sans Sa sainte direction la catastrophe par laquelle finit l'année 1824, comme celle qui rendra à jamais mémorable la dernière période de l'annéé 1812 ne servira qu'à placer encore dans un beau jour les forces puissantes de la Russie et à ajouter s'il se peut à la gloire de l'Empereur. Il en est peut être de ces crises majeures pour un grand peuple, fort de sa jeunesse et de la pureté de ses principes, comme des situations difficiles et malheureuses auxquelles l'homme doit souvent ses plus belles et ses plus honorables destinées dans la carrière de la vie. Quoiqū'il en soit de ces réflexions il me tarde de recevoir quelques mots de la part des amis qui aiment encore à entretenir des relations avec moi. Et je les attends avec impatience et inquiétude.

Le rétablissement de votre santé me fait un grand plaisir.-Vos maladies, mon cher Karamsin, sont classiques, parce que tout ce qui vient de vous ne peut pas être médiocre.— Gardez vous bien cependant d'en faire une nouvelle, et décidez vous plutôt, mais d'une volonté ferme et inébranlable de la dernière un brévet non seulement de santé, mais de longévité—ce n'est pas pour vous. Mais pour vos enfans, pour votre épouse et pour la Russie.

Les témoignages d'intérêt que vous voulez bien me donner, trouvent dans les sentimens de ma reconnaissance et dans des souvenirs qui ne s'effaceront jamais de mon âme le retour le plus sincère. Lorsqu'on est dans le monde et sous l'action journalière des séductions humaines on a beau se concentrer et descendre dans le fond de la conscience, qu'on risque toujours de n'y voir que par les reflets des choses du dehors. Mais une retraite volontaire et une solitude complète me semblent garantis de ce danger. Et c'est sous cette double sauve-garde que plus je passe en revue mes sentimens, et plus je crois mériter la bonne opinion que vous avez de moi. Votre amitié va plus loin encore. Elle ne s'arrête pas au passé.. Elle se plait à lire dans l'avenir. Toutes les fois cependant q'il s'agit de moi, je ne me permets d'y lire que le chapitre des devoirs,—Et puisque c'est le seul que j'ai étudié de tout temps et en tout lieu avec soin et persévérance j'ose espérer que ses révélations ne me surprendront pas dans le déclin de l'âge sur une fausse route.

Pour ce qui est des évènemens qui se passent dans les contrées qui avoisinent ma terre natale, je me borne à observer les faits, je tache de les comprendre;—et je finis tous les jours par bénir la Providence des miracles qu'Elle opère afin de sauver un peuple qui fait de nobles efforts pour se rendre digne de Sa protection.—Ce spetacle n'est pas le seul qui attire mon attention: car tout se tient dans l'ordre moral.—Mais lorsqu'on est intimement convaincu que cet ordre comme celui des phénomènes physiques a ses lois, et son suprême Législateur, on dit avec vous—*aujourd'hui plus que jamais ma réligion est ma politique.* Et on reste en paix avec soi-même et avec ses semblables. Aussi c'est cette paix intérieure et avant—garde de la vie éternelle qui fait tous les frais de mon existence, et j'en suis heureux. Le travail qui étend la sphère des jouissances a toujours de nouvaux attraits pour moi. Et le temps en marchant avec la célérité de la pensée ne me laisse voir le présent, qu'avec les yeux de la Postérité.... Au demeurant ce que j'y vois de mes

propres yeux et avec une joie inéxprimable, c'est l'amitié, qui vient quelquefois me chercher dans ma solitude. Je lui en sais grè d'autant plus, que, je ne quitte mes vieux livres que pour me promener ou pour aller chercher à mon tour sur les ailes de l'imagination les personnes qui m'honorent de leur invariable bienveillance.—C'est vous dire, mon cher Karamsin, que j'assiste aussi et très souveut à vos cercles de famille, et que je suis charmé aujourd'hui d'y prendre ma place par ces lignes et de vous exprimer mes voeux á l'occasion de la nouvelle année.

Si ce n'était pas trop oser, je vous prierais d'en porter l'hommage respectueux aux pieds de Sa Majesté l'Impératrice Elisabeth. Vous me dites qu'Elle daigne se rappeller de moi. Et cette assurance justifie les libertés que je prends.

Je finirai en vous disant un mot de ma santé. Elle est cet hiver moins fastidieuse et moins difficile qne l'année dernière. Elle me supporte et parait s'habituer á mes sévérités—Je doute cependant de pouvoir la façonner selon mon bon plaisir. Parceque le corps est matière et ses forces s'usent. Adieu, mille et mille fois. Présentez, mes respects. à M-me Karamsine, et mes amitiés à *tutti quanti*. Ayez la bonté de dire á M-eur Daschkoff quc j'ai reçu la dernière lettre qu'il a bien voulu m'écrire et que je ne manquerai pas de lui adresser directement tous mes remerciemens.

Tout à vous Capodistrias.

Ems le $\frac{23 \text{ Juillet}}{4 \text{ Août}}$ 25

Très cher et très respectable ami! Monsieur Bloudoff, qui vous arrive à Czarskoé sèlo, vaut bien une longue lettre de ma part. Ainsi il ne vous parlera que peu de choses.—Je suis heureux d'avoir préfèré cette annèe Ems à tout autre pélérinage d'été.-J'y ai trouvé plus que le remède des eaux minérales. Les jours que j'y ai passées, de bonnes et anciennes connaissances m'ont fait infiniment de bien, dont je jouirai encore dans ma cellule à Génève où je vais ren-

trer. Donnez-moi, mon cher Karamsin, qūelquefois de vos nouvelles. Dites moi, que votre santé est bonne que M-me Karamsin et toute sa famille sé portent très bien et que vous êtes autant que l'homme peut l'être dans ce bas monde—Je vous serre la main et je vous embrasse de tout mon coeur. Capodistrias

Berne le $^{8}/_{20}$ Janvier 26.

Très cher et très respectable ami.

C'est le bon Dieu qui vous a inspiré de m'écrire votre lettre du 23 Novembre, et c'est encore Lui pui vous a determiné à me la transmettre avec le postscriptum du 30. Elle m'a tronvé ici où je suis venu me réfugier dans le sein de l'Eglise. On y a célébré un service funèbre en mémoire de l'Empereur, et en mélant mes larmes et mes prières à celles des Russes que différentes circonstances réunissent dans ce pays, mon coeur s'est un peu soulagé de la douleur inexprimahle qui l'opprime. — Au premier moment où la foudre partie de Taganrog vint me frapper dans ma cellule, c'était de la stupeur qui lui fait un vide effrayant autour de moi. A cette heure ce sont des idées tristes qui empoisonneraient toute mon existence si ma religion et votre amitié n'étaient venues à mon secours. L'affection et le devouement que je portais á l'Empereur ne m'ont jamais permis de douter de la continuation de sa bienveillance. Néanmoins rien ue pouvait plus raffermir ma foi pleine et entière dans la justice qui caractérisait ce Prince magnanime, que les sentiments qu'il avait daigné vous exprimer en dernier lieu, á mon égard.—La certitude qu'il apporte dans le monde des réalités un souvenir de moi qui ne lui est pas désagréable met du baume daus mes veines et si quelque chose peut ajouter de plus á cette consolation, c'est de vous la devoir. Oui, mon cher Karamsin. Votre témoignage est comme celui de l'Histoire. Et certes que nulle autre ne saurait plus flatter la bonne opinion que j'aime

avoir des intentions pures et du zèle sincère, avec lequel j'ai taché de servir votre noble et grande Patrie et l'Empereur Alexandre. Le temps dévore les hommes et les choses. Mais ce qui reste, ce qui est éternel comme Dieu, c'est notre âme. Et la mienne est heurense ici bas, comme elle le sera j'espère là, où nous retrouverons tous un jour, des sentiments de gratitude qui l'attachent à la Russie, et des voeux qu'elle forme pour que la Divine Providence bénisse le nouveau souverain, son règne, et sa famille Impériale.. Je viens de mettre cet hommage aux pieds de Sa Majesté l'Empereur Nicolas, des deux Impératrices, et de Monseigneur le grand Duc Constantin.

Si l'occasion se présente, ne m'oubliez pas cependant auprès de l'Impératrice Elisabeth. Dans le prêmier mouvement de ma douleur, j'étais résolu d'aller à la rencontre du convoi de l'Empereur. Il m'était doux de penser, qu'après avoir rendu les derniers devoirs à mon Bienfaiteur, j'aurais pu solliciter la grace de le pleurer aux pieds de son auguste Epouse. Mais des considérations auxquelles jc dois me résigner m'ont forcé à limiter ma course jusqu'à Berne et à prendre la liberté d'écrire à Sa Majesté Impériale, la lettre que je recommande aujourd'hui aux soins obligeans de Mons. le comte de Nesselrode.

Je m'arrête ici, en vous remerciant de tous les détails que vous avez eu la complaisance de me donner de votre famille. Je les mérite, parce que tout ce qui vous touche m'est très cher. Continuez à me conserver votre bonne amitié.- Veuillez dire bien de choses de ma part, à Madame Karamsin, et agréez l'expression bien sincère de mon inviolable attachement.

Mille amitiés à Monsieur Bloudov, á M, Daschkoff, et à M. Joukovsky.

Capodistrias

## ТРИ ДНЯ НА ИТАЛЬЯНСКИХЪ ОЗЕРАХЪ.

Безусловная справедливость сужденія, конкретность приговора, какъ сказалъ бы нѣмецъ, есть птица, которой, вѣроятно, никому изъ людей не поймать. Когда, прежде нежели вы видѣли вещь, вамъ ее превозносятъ, изъ ста разъ девяносто девять вы вынуждены разочароваться. Правда, что возбужденное вниманіе проницательнѣе, а инстинктъ оппозиціи и критики тогда злѣе, какъ мордашка съ травли, но не написано же нигдѣ, что къ предмету, всѣми превознесенному, человѣкъ непремѣнно подступаетъ съ твердымъ намѣреніемъ осудить его отъ кровожаднаго наслажденія противорѣчіемъ. Отчего же нахваленное оказывается обыкновенно недостойнымъ высоты, на которую возведено оно, также какъ, на оборотъ, столько вещей ниже своей славы?

Что за причина? Всего больше, безъ сомнѣнія, привычка людей жить не своимъ умомъ: покойнѣе принять готовое мнѣніе, какъ, напримѣръ, хоть бы и готовую моду. Благо кто выдумываетъ моды, ну и прекрасно, другимъ и незачѣмъ ломать голову; сказалъ кто-нибудь что-нибудь о томъ или другомъ, всего легче повторить чужую мысль. Такъ создаются даже и славы, вполнѣ достойныя, совѣстливо разлагаемыя столь незначительнымъ числомъ единицъ человѣческихъ, что оно само не могло бы составить славу; тѣмъ же путемъ оставляется въ тѣни или осуждается еще болѣе достойнаго.

Я долженъ отнести себя къ числу людей самыхъ несчастныхъ: не потому нисколько, что недальновидное и равнодушное человѣчество даетъ мнѣ погибать въ прохладной тѣни неизвѣстности, и того менѣе потому, что я ни разу ничего не выигрывалъ въ ло-

тереяхъ, кромѣ бронзовыхъ шпилекъ, и что потерялъ всякую надежду возжечь пламя законной страсти въ купчихѣ съ милліономъ прилагательнаго, а именно вотъ по какой причинѣ: когда мнѣ что ни превозносили, книгу или лошадь, красоту женщины или прелесть музыки, словомъ, что бы то ни было, хвалимое неминуемо оказывалось не подъ ростъ возбужденному во мнѣ требованію отъ предмета. Послѣ многихъ горькихъ опытовъ этаго рода, т. е. несчетныхъ разочарованій, готовый часть вины въ нихъ принять на себя, признавъ за собою болѣзненную манію искать и желать хорошаго при ребяческой вѣрѣ въ абсолютъ, я положительно сдѣлалъ себѣ правиломъ не смотрѣть никогда ничего того, что вдругъ прославлено, покуда оно находится на зенитѣ своей славы. Книгу, о которой вдругъ прокричатъ, я не читаю до тѣхъ поръ, пока не замолчатъ о ней. Также поступаю я и относительно всего другаго, болѣе или менѣе, если не противится особенная необходимость. Эта система уменьшаетъ итогъ ежедневныхъ житейскихъ обмановъ. Но есть люди и вещи, которыхъ слава составлена до насъ. Мы родились съ тѣмъ, что Лудовикъ XIV былъ высочайшій изъ королей, что соборъ св. Петра есть восьмое чудо въ свѣтѣ, что достаточно взглянуть на Неаполитанскій заливъ, и можно умереть послѣ того. Между тѣмъ, начавъ жить, безпрестанно убѣждаешься, что покуда происходитъ исторія, она куется лживо, и, напримѣръ, другой Лудовикъ, не Бурбонъ, а Бонапарте, выдается тоже за великаго, а чуть настаетъ возможность проникнуть въ истину прошлой игры, оказывается совсѣмъ другое, противоположное, и изъ за лавровъ, которыми человѣчество на перебой вѣнчаетъ всякую удачу, вдругъ выступаютъ не только мелочи и дрязги, но ужасы, кровь, невѣроятныя преступленія. Естественно, что такой и подобные уроки не для всѣхъ проходятъ безслѣдно,—и отсюда скептическое отношеніе къ исторіи, которымъ какое-то странное въ иныхъ благодушіе такъ любитъ попрекать новѣйшее время. Схожее должно сбываться и внѣ области исторіи. Путешественники описывавшіе Европу, издавна приняли за правило смотрѣть на большинство достопримѣчательностей съ однажды опредѣленной точки зрѣнія, и такимъ образомъ составилась цѣпь рапсодій, героида

достопримѣчательностей, мало-по-малу дополнявшаяся, какъ быть можетъ *Иліада*. Эта героида затверживается нами съ дѣтства въ одно время съ глупѣйшими историческими учебниками. И вотъ, подъѣзжая къ Неаполитанскому заливу, непремѣнно готовишься обомлѣть, а выходишь на городской молъ недовольный, не потому чтобы не хорошъ былъ Неаполитанскій заливъ, а потому что, говоря о немъ, тысячи полуумныхъ выходили изъ себя. Соборъ Св. Петра, сколько на него ни смотрѣть, оказывается не чудомъ, а самою громадною претензіею произвести чудо, и восхищая нѣкоторыми своими деталями, другими нарушаетъ эстетическое впечатлѣніе, а цѣлаго не представляетъ ни подъ какимъ видомъ. Два-три такія приключенія, два-три подобныя разочарованія, и страшно укореняется недовѣрчивость. А въ девять мѣсяцевъ странствія по Европѣ обманешься не два и не три раза. Но всего обиднѣе рапсодіи мѣстностей. Иногда это просто отрава. Относительно Италіи, какъ имѣющей привиллегію живописнаго, всякій, въѣхавъ въ нее, до ;епъ безусловно запретить себѣ заглядывать въ живописныя ;тешествія. Я строго держался, и продолжаю держаться этаго пра ;ла, но куда же дѣвать то, что уже наполнилось въ памяти ;ть прежняго чтенія? Какъ отравилъ мнѣ Лаго Маджіоре Жанъ Поль, и не видавшій своего эдема—Излы беллы! Но хотя я в;рнулся съ Лаго Маджіоре далеко не въ томъ восторгѣ, на какой имѣлъ право разсчитывать, я, однако не умѣлъ ниразу равнодушно взглянуть на ту часть подробной карты сѣверной Италіи, гдѣ стелятся всѣ ея озера, такъ близкія отъ Милана, и такъ близкія между собою: эти голубые разводы среди твердой земли обольстительны, не представляя воображенію тѣ сомнительные шансы странствія, на которыя легко наводитъ мысль о морѣ. Къ тому же, какъ ни хорошъ городъ, лѣто тянетъ вонъ изъ города. Сколько ни провѣтривай свою рефлекцію по Корсо и въ публичномъ саду, сколько ни глазѣй на безподобныхъ миланскихъ гризетокъ и прелестныхъ синьйоръ, какъ ни дивуйся на мастерство какого-то портнаго каждый вечеръ показывать при газѣ новый коверъ изъ жилетовъ, галстуковъ, пальто и рубашекъ, и изобрѣтательность галантерейнаго магазина дѣлать также каждый вечеръ но-

вую гору изъ вѣеровъ, окунайся хоть по два раза въ день и въ политику и въ мраморный бассейнъ бань Діаны, хочется и чего то другаго: зелени, тишины, воды, всего, чего городъ можетъ дать относительно не много.

И вотъ въ первый день Іюля получивъ черезъ двадцать газетъ удостовѣреніе, что мой политическій гороскопъ оправдался, что Эмиль Оливье продался дьяволу, и будетъ министромъ: онъ сказалъ въ Турціи, чего не смѣлъ бы сказать въ Парижѣ, что французскія войска занимаютъ Римъ для удовлетворенія религіозной потребности французскаго народа,—что графъ Рехбергъ и графъ Бисмаркъ разстались, какъ два нѣжные голубя, и слѣдовательно крови въ нынѣшнемъ году еще будетъ пролито не мало,—что Англія и ея представитель *Times* продолжаетъ жевать вставною челюстію старца Пальмерстона, а нѣмецкіе либералы клевѣтать на Италію,—я въ десять часовъ утра, какъ былъ въ холщевой блузѣ, перекинулъ чрезъ одно плечо зрительную трубку, чрезъ другое сумку, въ которую запихнулъ карту и книгу,—послѣднюю про тотъ случай, ежели слишкомъ мало питательною окажется живописная непосредственность,—надѣлъ на опашъ куртку, которую не должно смѣшивать съ пиджекомъ, и пошелъ къ центральному амбаркадеру желѣзныхъ дорогъ. Мнѣ было пути версты три, но я не подумалъ даже воспользоваться за 25 сант. омнибусомъ: если вообще европейскіе города пріучаютъ ходить, Миланъ производитъ страсть къ ходьбѣ. Взявъ билетъ на желѣзную дорогу до Камерлаты, и другой на переѣздъ оттуда въ омнибусѣ до Комо, я въ одиннадцатомъ часу былъ на пути къ лаго ди Комо, воспѣтому еще Виргиліемъ: *Te, Lari maxime!* шептала мнѣ память. Виргилій считалъ Ларій самымъ большимъ италіянскимъ озеромъ, тогда какъ самое большое есть Лаго Маджіоре. Я подвигался къ мѣсту дѣйствія *Обрученныхъ*.

Начало дороги отъ Милана, конечно, не очаровало бы художника. Это плоскость, пересѣченная большими и малыми каналами, и вся воздѣланная, какъ въ Россіи не всякій огородъ на крестьянскомъ задворьѣ: не то пахатное поле, усаженное и виноградникомъ, тутовымъ деревомъ и другими плодоносными поро-

дами, не то фруктовый садъ, гдѣ между древеснымъ корнемъ земля засѣяна ячменемъ, пшеницей и маисомъ. Но эта настойчивость воспользоваться всякимъ клочкомъ земли, не даря ей ни-вершка, чрезвычайно говоритъ въ пользу мѣстнаго экономическаго направленія, и отвѣчаетъ тому характеру прилежанія Ломбардца, о которомъ свидѣтельствуетъ самый Миланъ. Со второй станціи, Монзы, стелется вправо, нѣсколько въ гору, богатая виллами равнина Бріанза. Ячмень и рожь вездѣ сжаты, или дожинаются, и, можно замѣтить, подъ самый корень. На маисѣ колосъ еще слабъ, а зелень во всей своей пышности, какъ и вся здѣсь зелень вообще, будто презирающая вліяніе солнечныхъ лучей и лѣтняго жара. Поѣздъ останавливается въ Камерлатѣ, минававъ нѣсколько станцій и вправо гребень монте Резегоне. Передъ глазами крутая гора съ башней отъ стараго кастелло Барáделло, которое понадобилось разорить Барбароссѣ, послѣ того какъ онъ посыпалъ солью пепелище Милана. Омнибусы готовы, чтобы вести пассажировъ въ Комо. Случайно я слѣзаю первый, и вѣроятно потому, что билетовъ въ Миланѣ и здѣсь продано соразмѣрно запросу, а не количеству мѣстъ, кондукторъ втискиваетъ въ нашу карету пятнадцать человѣкъ, и я оказываюсь затопленнымъ двумя кринолинами, между тѣмъ какъ съ двухъ сторонъ мнѣ щекочутъ лицо страусовыя перья двухъ гарибальдинокъ, посылающихъ въ меня очень недурныя благовонія, но страшно возвышающихъ мою температуру, и приводящихъ къ нулю роль любопытствующаго наблюдателя. Такъ о получасѣ отъ Камерлаты до Комо я знаю небольше, нежели голландская селедка о живописной сторонѣ рейса изъ своей родины до петербургской биржи. Въ первомъ часу мы въ Комо. Можно и сейчасъ отправляться на пароходѣ вдоль озера, или нужно ждать слѣдующаго рейса, въ шесть часовъ. Я предпочитаю второе, чтобы хоть оглянуть городъ.

Колыбель двухъ Плиніевъ, Вольты, и чуть ли не Пасты, по крайней мѣрѣ въ здѣшнемъ театрѣ начавшей свое славное поприще, Комо есть совершенно италіанскій городокъ съ слишкомъ 20,000 жителей, очевидно работящій и дѣятельный. Съ прошлаго мѣсяца онъ освѣщается газомъ, и имѣетъ двѣ газеты не

съ прошлаго мѣсяца, отражающія республиканизмъ Комасковъ, постоянно и издавна сбѣгающій на нихъ съ сосѣднихъ швейцарцевъ. Мраморный соборъ Комо, гдѣ Италія внутрь гостепріимно допустила въ сводахъ готику, которую въ окнахъ скруглила, есть лучшее архитектурное украшеніе города, и заслуживаетъ почетное мѣсто между италіянскими храмами. Въ немъ между прочимъ живопись Веронеза, Гвидо Рени, Бернардино Луини, Гауденціо Феррари. Входъ сторожатъ статуи Плиніевъ. Рядомъ съ соборомъ Бролетто, дума, зданіе изъ разноцвѣтнаго камня, которое относится еще къ XIII вѣку. Въ двухъ шагахъ и театръ, которому, напротивъ, только пятьдесятъ лѣтъ, а нѣсколько поодаль старая церковь Санъ-Феделе, и, почти ровесница ей, базилика Сантъ-Аббондіо: первой считаютъ безъ малаго тысячу лѣтъ. Если затѣмъ взглянуть на колосальную статую Вольты, больше, проѣздомъ, въ Комо видѣть нечего, и поневолѣ я воротился въ гостинницу, возлѣ пристани, куда извергъ насъ омнибусъ, къ книгѣ, захваченной въ Миланѣ; изъ самаго Комо вида на озеро никакого; оно только прокрадывается къ городу маленькимъ заливомъ, схваченнымъ отъ сѣвера двумя скалами, которыя и кончаютъ горизонтъ рейда, какъ ширмы.

Въ пять часовъ я на пароходѣ съ проектомъ доѣхать до Менаджіо, нѣсколько дальше середины озера, и еще съ вечера осмотрѣть виллу Карлотта, солитеръ озернаго ожерелья. Общество перваго класса, отличающагося тѣмъ, что для него палуба закрыта холщевымъ наметомъ, тогда какъ второй жарится на солнцѣ, — состоитъ между прочимъ изъ нѣсколькихъ Англичанъ, которые легко познаются по своему евангелію, неизбѣжному Мёррею въ красномъ переплетѣ. Въ числѣ островитянъ молодая особа по обыкновенію съ удивительно свѣжею карнаціей и такимъ профилемъ, что хоть лѣпи съ нея Гебу, а при ней родитель, положительно безобразный и съ рыжей бородой, и я въ сотый разъ спрашиваю себя, почему между Англичанками такъ много красавицъ, и почти всѣ Англичане дурны, тогда какъ въ неаполитанскомъ народѣ, наоборотъ, мущины сплошь и рядомъ Антиной, и что такъ восхищало Гёте, а встрѣтишь рѣдко и сносное женское лицо? Ни одна физіологія не трогаетъ этого любопытнаго

вопроса.—Какъ ни свѣжи и ни академически хороши Англичанки, отъ нихъ, особенно въ Италіи, вѣетъ холодомъ пейзажей Рюисдаля, когда видимъ сіи послѣдніе рядомъ въ Клодъ-Лорреномъ и Сальваторомъ Розой, а сверхъ того, на великолѣпныхъ миссъ и леди падаетъ невольно отраженіе предубѣжденія, возбуждаемаго подвижною ордою всюдусущихъ англійскихъ туристовъ, которые въ Италіи мозолятъ глаза. Знатоки утверждаютъ, что холодъ англійскихъ женщинъ есть не болѣе, какъ эмаль на золотѣ; тѣмъ не менѣе когда на нашъ пароходъ вступаютъ двѣ Итальянки, хоть далеко не одаренныя классическою красотою моей миссъ, надо видѣть, какъ онѣ ее уничтожаютъ теплотою, мягкостію и жизненностію своихъ фигуръ. Англичанка одѣта безукоризненно, Италіянокъ точно одѣвалъ живописецъ колористъ: какъ сидятъ на ихъ головахъ гарибальдинки, какія перышки, и какъ наколоны, а ничего лавочнаго, лишняго, рѣжущаго глаза! Италіянки оказываются знакомы съ Англичанкой, и начинается у нихъ разговоръ на французскомъ языкѣ, въ которомъ, къ моему искреннему удовольствію, пальма остается на сторонѣ Италіянокъ. Англичанка имѣетъ и невозможный выговоръ, и не блеститъ содержаніемъ рѣчей. И Неаполь, и Римъ, и Флоренція, и Генуя— все у нея только *très chaouli*, такъ что Италіянки, напротивъ пребойкія, начинаютъ конфузиться за нее, между тѣмъ какъ почтенный виновникъ ея дней самодовольно улыбается, и показываетъ огромные зубы,—тысячу разъ повторенная характеристика Джонъ Буля, но какъ быть, если къ давно извѣстному нечего прибавить новаго.

Пароходъ трогается, выходитъ изъ водной тѣснины, и по невозмутимой изумрудной поверхности, какъ лебедь, плыветъ въ середину панорамы почти безпрерывнаго роскошнаго сада, оживленнаго виллами, городками, мѣстечками. Берега такъ близки, что зрительная труба достаточно показываетъ подробность ихъ декорацій. Горы нерѣдко до верху покрыты растительностію, иногда деревьями, частью засѣяны. Лаго ди Комо есть привилегированное озеро всемірной вилледжіатуры, и нѣтъ ни одного соперника ему въ его родѣ по отношенію къ тому, что сдѣлало изъ него искусство. Прибрежье его до половины, можно сказать,

принадлежитъ не европейской природѣ, и какъ ни хороши иныя виллы, ни одна не идетъ вровень съ садовою частію общей картины. Только успѣешь окинуть первый же горизонтъ озера, кругомъ все лимонныя и апельсинныя деревья, виноградникъ, каштановыя рощи, кипарисъ, пиніи, и между ними алоэ кактусы, малиновые рододендроны и олеандры магноліи въ полномъ цвѣту, мирты, лавръ и фиги. Тутъ и тамъ вилла, городокъ, два-три домика, которые то стоятъ въ самой водѣ, то прилѣплены на горѣ, выше или ниже. Согласно подробной картѣ озера, упомянемъ главное попорядку, начиная съ лѣваго, западнаго берега.

Первая вилла, самая большая на всемъ озерѣ, есть вилла Раймонди, нѣкогда принадлежавшая роду Одескальки, изъ котораго, какъ извѣстно, вышелъ папа Иннокентій XI, Ломбардецъ по происхожденію. Настоящій ея владѣлецъ—извѣстный ломбардскій патріотъ, принимавшій участіе въ миланскомъ возстаніи, и подвергнувшійся изгнанію въ то время, какъ имѣніе его было секвестровано, а въ виллу назначенъ военный постой, который отдѣлалъ ее такъ, что послѣ поправитъ стоило не мало. Теперь мраморное крыльцо виллы Раймонди, окунающееся въ озеро спускомъ, опять увѣнчано кориноскимъ портикомъ, и весело стоитъ среди зеленой лощинки, по которой, ближе къ Комо, крадется бѣлый ручей въ изумрудный басейнъ. Это—Бреджіа, а лощина, Муджіо, ведетъ въ швейцарскій кантонъ Тичино, мимо сзади стоящаго паезо Черноббіа. У сѣвернаго края лощины, также вплоть къ водѣ, вилла д'Эсте, съ запертыми ставнями, гдѣ нѣкогда жила англійская королева Каролина, племянница Фридриха Великаго, урожденная принцесса Брауншвейгъ-Вольфенбюттельская, сестра герцога Карла Брауншвейгскаго, прусскаго генерала, котораго подъ Ауерштедтомъ пуля лишила зрѣнія, и мать первой супруги нынѣшняго бельгійскаго короля, Шарлотты. Какъ многіе, конечно, помнятъ, королева Каролина умерла съ горя изъ за скандальнаго процесса, сдѣланнаго ей передъ парламентомъ, и не доказавшаго противъ нея ничего. Слѣдуетъ поражающая богатствомъ южной растительности, и также необитаемая, вилла Пиццо, принадлежавшая послѣ покойному австрійскому Эрцгерцогу Райнеру, а теперь чья, не знаю. Десятью

террасами глядятъ тутъ на озеро тропики. Рядъ виллъ продолжается, на большемъ или меньшемъ разстояніи, и между ними являются мѣстечки: Мольтрозіо, за которымъ высокая гора Бисбино, а вскорѣ на берегу странная пирамида, воздвигнутая павіанскому врачу Франку по его завѣщанію,—Лаліо, Ардженьйо, у выхода долины Иктельви,—Сала съ островомъ Санъ-Джіованни, и сзади нихъ на сѣверовостокъ монте Леньйоне и монте Леньйончино,—Кампо,—Тремеззо, околодокъ котораго, Тремеззина, называется садомъ Ломбардіи, области, которая сама есть садъ,—вилла Карлотта,—Каденаббіо и Менаджіо. По правому, восточному, берегу озера первая есть вилла Трубецкой, т. е, князя Трубецкаго, женатаго на дочери Маріи Тальони, за нею деревенька Блевіо, и возлѣ нея рядомъ съ часовней домикъ извѣстной графини Бокарме. И ея исторіи иные, вѣроятно, не забыли. Она вмѣстѣ съ мужемъ была въ Брюсселѣ обвинена въ отравленіи родственника, съ цѣлью завладѣть его имѣніемъ; мужъ былъ приговоренъ къ смертной казни, графиня—освобождена судомъ, и, какъ говорятъ, доживаетъ здѣсь вѣкъ въ отшельническомъ уединеніи, не показываясь даже въ Блевіо. Слѣдующая вилла, необитаемая, до-сихъ поръ считается виллою графа Шувалова, которой пять-шесть лѣтъ тому назадъ поступилъ во Франціи въ монастырь босоногихъ. Слѣдуетъ вилла Пасты и городокъ Торно, осыпанный виллами; тутъ между прочимъ вилла Пливіана, теперь принадлежащая принчипессѣ Бельджіоіозо, прославившей себя патріотизмомъ въ исторіи освобожденія Италіи, а первое свое названіе получившая отъ ея основателя, графа Ангвиссолы, въ память того, что здѣсь естествоиспытатель Плиній дѣлалъ наблюденіе надъ ручьемъ, представляющимъ явленіе прилива и отлива,—три-четыре мѣстечка, за которыми высокая гора Гивако, вилла Мельзи и наконецъ Белладжіо. Изъ названныхъ виллъ есть болѣе или менѣе красивыя и затѣйливыя, но всѣ онѣ вмѣстѣ ничто-въ сравненіи съ ихъ растительною обстановкою, которая непривычный гласъ ласкаетъ до пресыщенія. Самое движеніе на пароходѣ по Лаго ди Комо въ спокойную погоду, какая случилась въ день моего плаванія, есть особеннаго рода нѣга: почти не слыхать и колеса, не видать обыкновенной борозды пѣны отъ

носа; между волшебныхъ береговъ несетъ точно волшебная сила. Кромѣ Торно, до половины озера пѣтъ пристаней,—и, чтобы спускать пассажировъ, пароходы останавливаются среди озера, подъѣзжаютъ барки, принимаютъ пассажировъ, и плаваніе туже минуту продолжается. Между тѣмъ по озерному зеркалу скользятъ маленькія лодочки и не наемныя, издали ни дать ни взять орѣховыя скорлупки, внутри обитыя пунцовымъ бархатомъ, и обыкновенно съ флагами, которыми вѣтеръ шалитъ, какъ страусовыми перушками на шляпахъ дамъ. Въ такой лодкѣ гребецъ, и противъ него два пассажира на крошечномъ диванѣ, плотно другъ къ другу прижавшіеся, и скорлупка летитъ стрѣлой; иногда пассажиры молодой человѣкъ въ цвѣтѣ лѣтъ и красавица въ бѣломъ бурнусѣ и воздушной соломенной шляпѣ, и тогда никакой философіи не умудриться не позавидовать счастливцамъ. Вообще два съ половиною часа плаванія по Лаго ди Комо, которыхъ всякое описаніе будетъ слабо, или должно сдѣлаться приторно, всего вѣрнѣе уподобить самому сладкому изъ сновъ, какіе знаютъ люди только въ лучшую пору жизни, въ лѣта первой молодости и полной свѣжести воображенія.

Когда мы подошли къ Менаджіо, былъ ужъ восьмой часъ въ исходѣ, и такъ какъ капитанъ парохода объяснилъ, что виллу Карлотту сего дня видѣть поздно, то вмѣсто того, чтобы сѣсть въ барку, подъѣхавшую къ намъ слѣва, и отправляться въ Менаджіо, я сѣлъ въ ту, которая подошла справа, и отправился въ Белладжіо. Лаго ди Комо состоитъ изъ двухъ озеръ: Лаго ди Лекко и собственно Лаго ди Комо; первое почти равно южному рукаву втораго, сливается съ этимъ рукавомъ, и вторая половина водной области образуетъ уже одинъ рукавъ, котораго самая сѣверная бухта отъ Колико до Ривы называется также Лаго ди Меццола, а остальная часть до Менаджіо—Лаго ди Комо. Вся длина Лаго ди Комо отъ Комо до сѣвернаго края—тринадцать географическихъ миль; въ ширину онъ нигдѣ не имѣетъ мили. Белладжіо лежитъ чуть-чуть южнѣе вершины угла соединенія Лаго ди Лекко съ Лаго ди Комо въ южномъ рукавѣ сего послѣдняго, и глядитъ на его западный берегъ. Выше, вторая половина всего озера не имѣетъ очарованій первой, также какъ и

все Лаго ди Лекко, и потому, чтобы не потерять два лишніе дня, я на первый разъ положилъ не видать ни Лаго ди Лекко, ни сѣверную часть Лаго ди Комо.

Барка, принявшая насъ съ парохода, подвозитъ къ Белладжіо прямо къ крыльцу гостинницы, имѣющему послѣднія ступени въ водѣ, какъ столько венеціянскихъ домовъ на канале Гранде:— въ этомъ есть своего рода удовольствіе, хотя совершенно необъяснимое. Отель сразу рекомендуетъ себя слишкомъ хорошо: бѣлые галстуки и швейцары въ галунахъ составляютъ для меня самый непріязненный симптомъ, особенно по милости *Zum blauen Stern* въ Прагѣ и *Pension Suisse* въ Болоньѣ. Удобства при такомъ придворномъ персоналѣ обыкновенно существуютъ не для большинства смертныхъ, а только для тѣхъ, которые расположены издерживать сто франковъ въ сутки. Но если не милы бѣлые галстуки, не менѣе тошно—разыскивать ночлеги и рыться въ гостинницахъ изъ-за нѣсколькихъ часовъ пребыванія, хотя есть мастера и на это, какъ барыни-мастерицы перерыть двадцать магазиновъ изъ-за аршина кисеи. А къ тому же изъ Сциллы можно попасть и въ Харибду. Мнѣ указываютъ выше чердака очень чистенькое стойло, величиною въ кубическую сажень, окно котораго виситъ надъ озеромъ; возлѣ столовой вижу большой столъ, весь покрытый газетами, а другая дверь ея ведетъ на балконъ, котораго подножье стоитъ въ Лаго ди Комо На столѣ, къ услугамъ путешественниковъ, *longue vue.* Видъ съ балкона сразу приковываетъ, и я тутъ же располагаюсь выпить кофею. Прислуга—Тедески, и, всякое предубѣжденіе въ сторону, куда не музыкально звучитъ языкъ Шиллера среди нарочито италіянской картины! Несмотря на бѣлые галстуки, кофей и хлѣбъ въ великолѣпной гостинницѣ прескверные, зато, хотятъ, чтобы при немъ туристъ употребилъ масло, да еще и медъ. Но тутъ же столько для глаза, что его удовольствіе мгновенно смиряетъ нервы вкуса. Солнце ужь сѣло. Ни малѣйшаго вѣтра. У моихъ ногъ густо изумрудное зеркало, въ рамѣ ихъ зеленыхъ горъ, кое гдѣ поднимающихся очень высоко. Противоположный берегъ, котораго подробности исчезаютъ уже отъ вечера и дали, выдаетъ вправо Менаджіо, влѣво Каденаббію, по бокамъ у меня дома Белладжіо и возлѣ

него слѣва кипарисы и лавры виллы Мелози. Вся прелесть вида здѣсь, впрочемъ, не въ декораціи, обставляющей воду, да какъ будто и вообще, но зрѣніе даетъ здѣсь сознаніе необъяснимой нѣги. Въ моей памяти совершенно живы майскіе вечера и ночи на Лунгарно,—вечеръ на берегу Лаго ди Комо въ Белладжіо оставляетъ ихъ назади, и тутъ горы не имѣютъ той вышины, что на сѣверной оконечности Лаго Маджіоре, которая при ихъ близости, напримѣръ въ Магадино, производитъ удушье глаза. Сладкимъ миромъ проникаешься весь. Вся природа кругомъ точно чуть слышно поетъ. Сумерки совсѣмъ надвигаются, и только ужь свѣтится полоса на озерѣ, въ столовой, съ патріархальностію маленькаго европейскаго городка и большаго русскаго города, зажжены спиртовыя лампы, вмѣсто газовыхъ;—нѣтъ ни какаго позыва хоть бы переложить ногу на ногу, и въ тѣ мгновенія, когда является сила подумать, думается одно: отчего бы такъ тутъ не сидѣть вѣчно? Больше бы въ это время ничего не хотѣлось. Сидишь, сидишь. Бѣлый галстукъ является спросить, что угодно кушать, и получаетъ въ отвѣтъ, что ничего, начинаютъ гасить спиртовыя лампы, оставляя изъ учтивости горѣть одну,—я все не могу разстаться съ балкономъ. Такъ протекаетъ слишкомъ два часа. Подходитъ господинъ, которой заводитъ со мною рѣчь пофранцузски. Онъ оказывается художникомъ, знающимъ всю Италію пятнадцать лѣтъ, и завязываются у насъ безконечныя рѣчи. Человѣкъ, хорошо и давно знакомый съ краемъ, подтверждаетъ почти всѣ мои заключенія о немъ. Какъ и я Ломбардіи онъ отдаетъ полное преимущество передъ другими областями полуострова по отношенію къ прогрессу; Миланъ, по его словамъ, со времени образованія королевства Италіи, выигралъ больше всѣхъ городовъ. Неаполь мой собесѣдникъ покинулъ не безъ скептицизма, также какъ и я. Когда мы разстаемся съ Французомъ на лѣстницѣ, уже второй часъ. Я бросаюсь на постель въ моемъ денникѣ, и никакъ не могу заснуть. Утверждаютъ, что всегда трудно заснуть на новомъ мѣстѣ,—по моему это такой же вздоръ какъ то, что встрѣча съ попомъ и просыпанная солонка обѣщаютъ несчастіе. Что не всякій заснетъ въ безпокойной постели, привыкнувъ къ хорошей, очень просто, но когда новый ночлегъ

не представляетъ никакихъ неудобствъ, нѣтъ никакого основанія для лишенія сна, въ одной перемѣнѣ ночлега. Такъ или иначе, я въ Белладжіо не могу заснуть, и, совершенно бы равнодушный къ тому въ другомъ случаѣ, здѣсь я очень недоволенъ: мнѣ предстоитъ путь, на который нужно свѣжее вниманіе, и который легко отравитъ усталость отъ безсонницы. Мое окно, какъ я сказалъ, выходитъ на озеро, по ночь совсѣмъ темна, за то она такъ тиха, такъ безусловно беззвучна, какъ не знаю я ночи ни въ деревни, ни въ степи. Только гдѣ-то, не близко, бьютъ четверти башенные часы. Какъ бы кажется не слышать хоть легкій прибой озера, но нѣтъ его ни малѣйшаго. У самаго отеля десятки барокъ стоятъ, какъ вкопанныя въ землю. Всѣ звуки до того спятъ, будто жизнь остановилась. Пламя свѣчки горитъ противъ открытаго окна также спокойно, какъ еслибъ не было открыто. Читается неохотно. Я бросаю книгу, и весь впиваюсь въ эту неиспытанную ни разу въ жизни тишину, имѣющую обворожительную прелесть, и гашу свѣчку. Мало по малу начинаетъ свѣтать.—Выступаютъ изъ темноты сначала вода, потомъ горы, наконецъ городки и виллы противоположнаго берега. Поодаль тонкая дымка испареній, но тишина все таже. По такимъ-то утрамъ, конечно, на Ларіѣ прямо изъ своей спальни ўживалъ Плиній. Очарованія Лаго ди Комо открытіе не новое; но тѣмъ больше не надивишься, какъ нынче изъ числа людей имѣющихъ средство дѣлать все,—имъ что ни придетъ въ голову, такъ еще немногіе проводятъ шесть мѣсяцевъ въ году на Лаго ди Комо: столько на немъ незанятыхъ виллъ и комнатъ въ отеляхъ! Никакому воображенію не представить себѣ виллужіатуры болѣе пріятную. И въ нѣсколькихъ часахъ Миланъ, откуда самый избалованный горожанинъ можетъ получать каждый день все, что ни потребуется головѣ и желудку. Римляне чрезвычайно любили Ларій, и, по истинѣ Неаполитанскій заливъ, Байя, Помпея, для лѣтняго пребыванія не должны были никогда выдерживать соперничество съ Лаго ди Комо: одна сравнительная бѣдность растительности въ южной Италіи уже представляетъ лишеніе. У Плинія было на Ларіѣ четыре дачи, и вѣчно тянуло его сюда изъ водоворота всемірной столицы. Какъ вздыхаетъ онъ по своемъ озерѣ въ

письмѣ къ земляку Канинію. «Что то ты теперь подѣлываешь? пишетъ онъ.—Учишься, охотишься, или удишь, или занимаешься всѣмъ по немножку? На нашемъ миломъ озерѣ все это доступно. Вода сгоняетъ въ изобиліи рыбы, вѣнецъ его гористыхъ возвышенностей—дичь, глубокая замкнутость его положенія—миръ для науки. Что бы ты нидѣлалъ, я радуюсь за тебя отъ души. Только не умѣю удержаться и отъ признанія, что щемитъ у меня сердце, отчего и мнѣ не суждено наслаждаться тѣмъ, что такъ страстно жажду—я,какъ больной прохладительнаго питья;ванны, свѣжаго источника! Неужели никогда насильно не разорву я эти стѣснительныя узы, если невозможно добровольное освобожденіе! Увы, я думаю, никогда! Къ прежнимъ дѣламъ все прибавляются новыя, а и старыхъ еще не кончишь. Такъ всякій день звено за звеномъ, ростетъ цѣпь необозримаго множества работъ, которая меня здѣсь приковала.» Не мудрено на Лаго ди Комо представить себѣ, какъ въ этотъ миръ тянуло мудреца изъ суетнаго и шумнаго римскаго міра, въ который закрутили его дѣла общественныя и отношенія литературныя.

Въ четыре часа совсѣмъ свѣтло. Солнца нѣтъ. Тишина прежняя. Хорошо бы теперь выкупаться, думалъ я, и спускаясь съ моей вышки найти живое существо, которое бы спросить, какъ это сдѣлать. Въ отелѣ все спитъ. На улицѣ мнѣ идетъ на встрѣчу человѣкъ, но какъ-будто чтобы дать мнѣ почувствовать, что рано еще и словомъ нарушать установленный покой, человѣкъ этотъ-глухонѣмой. Онъ дѣлаетъ мнѣ всевозможные знаки, которыхъ я не понимаю, и я возвращаюсь въ мой нумеръ, упрекая себя за дерзкій позывъ, прервать величавое безмолвіе природы. Картина озера яснѣй, хорошѣетъ, по немногу подрумяниваясь къ пробужденію. Вотъ начинаютъ въ воздухѣ перекликаться жаворонки, и поднимаютъ своимъ голосомъ птичекъ, которыя спали еще на деревьяхъ. Выѣзжаютъ лодки на озеро, и останавливаются удить. Нѣтъ-нѣтъ всплескъ весла. Просыпается и Белладжіо. Начинаетъ подниматься отель. Въ шесть часовъ я добываю не безъ труда стаканъ молока, и отправляюсь смотрѣть виллу Сербеллони, занимающую тотъ мысъ, у котораго сливаются два озера: Лекко и Комо. Ходъ къ ней изъ Беллад-

жіо по мощеной горкой лѣстницѣ, т. е. по мостовой, идущей въ гору, какъ многія въ Неаполѣ.

Вилла Сербеллони или Сербеллони Сорондрато принадлежала нѣкогда знаменитому роду Сорондрато; члены его назывались *conti della riva*, графами берега: съ своего грознаго кастелло, котораго остатки недалеко отсюда, немного вверхъ по правому берегу Лаго ди Комо, видны на горѣ надъ Вареннои, они въ ленномъ отношеніи къ Испаніи держали въ страхѣ весь берегъ озера. Сорондрато вымерли, имѣнія ихъ перешли къ Сербеллони. Нынѣшній владѣлецъ не живетъ на здѣшней виллѣ, и предпочитаетъ проводить лѣто на Лаго ди Маджіоре. Одинъ изъ прежнихъ, отецъ настоящаго, бывшій австрійскій фельдмаршалъ, напротивъ часто живалъ на Лаго ди Комо и оставилъ о себѣ кругомъ почти легендарныя воспоминанія. Во всю свою жизнь храбрый воинъ, подъ старость получилъ такой страхъ смерти, можетъ быть отъ ненасытной жажды еще и еще пожить на озерѣ, что входъ къ дому, гдѣ бы онъ ни жилъ, послѣдніе годы его жизни постоянно сторожили два страшные бульдога и двѣнадцать солдатъ. «А таки не отвернулся,» прибавилъ разскащикъ, сторожъ, показывавшій мнѣ виллу. Широкая дорога винтомъ ведетъ къ палаццу, которое стоитъ на полгорѣ: большое, неправильное, безобразное зданіе отъ временъ средневѣковаго феодализма, скорѣе похожее на тюрму, нежели на увеселительный замокъ, но имѣющее несомнѣнный романтическій характеръ. За то, если не красивъ полаццо Сербеллони, садовая часть виллы роскошна и содержится барски. Интересно, что вся нѣжная растительность, здѣсь собранная, существуетъ на искуственной почвѣ, какъ и по всему озеру тамъ, гдѣ полные тропическихъ произведеній сады устроены на горахъ. Насыпано на аршинъ земли, а подъ нею горный хрящъ: солнце, воздухъ и роса обязаны задѣлать остальное. При каждомъ поворотѣ входа отъ палацца къ верхушкѣ виллы, смѣняются удивительные пейзажи, а на самомъ верху глазъ обнимаетъ всѣ три озерные рукава. И тутъ одна изъ скалъ, Лаго ди Лекка, противолежащая двурогому корне ди Канзо, представляетъ замѣчательнѣйшую игру природы, совершенное подобіе маски Наполеона 1. Мнѣ невольно вспомнилось сказаніе о

древнемъ художникѣ, Динократѣ или Стасикратѣ, который предлагалъ Александру Македонскому изсѣчь его изображеніе изъ скалы Атосскаго мыса. Этотъ Буонаротти своего времени, по словамъ Плутарха, не любилъ изображать пріятное и любезное, а всегда стремился только къ гигантскому и громадному. Въ одинъ прекрасный день предсталъ онъ передъ великимъ завоевателемъ и повелъ такую рѣчь: «Государь, тебя изображаютъ на полотнѣ, изъ мѣди и мрамора: все это вещами, которыя можно продать, украсть, переплавитъ. Достойны ли онѣ твоего величія? Я, напротивъ, предположилъ себѣ на вѣчность поставить твое незыблемое и неподвижное изображеніе изъ непреходящаго и живаго, несокрушимаго матеріяла. Ѳракійскую гору Атосъ, тамъ, гдѣ она всего виднѣе и выше поднимается надъ моремъ, я превращу въ статую, которая, достойно Александра, коснется ногами моря, головою облаковъ, держа въ правой рукѣ богатонаселенный городъ, другою изъ жертвеннаго сосуда проливая въ морѣ неизсякаемый горный потокъ.» Не это ли грандіозное сказаніе было вѣчнымъ кошемаромъ бѣднаго Микель-Анджело, когда онъ дразнилъ Рафаеля его маленькими фигурками, и чертилъ планы Св. Петра, которымъ ему такъ хотѣлось пристыдить древность? Однако, питомецъ Аристотеля, на предложеніе ваятеля не соизволилъ, и просилъ его оставить въ покоѣ Атосъ: пусть, де стоитъ гора вѣчнымъ памятникомъ царской гордыни,—Ксерксъ хотѣлъ пробить ее. На Лаго ди Лекко природа, не спросивъ никого, показываетъ всему міру штуку во вкусѣ греческаго художника.

Послѣ виллы Сербеллони я предположилъ посмотрѣть двѣ ближайшія, не менѣе знаменитыя: виллы Джуліа и Мельзи, потомъ переѣхать на другой берегъ въ виллу Карлотта съ тѣмъ, что бы оттуда доплыть до Менаджіо, и здѣсь сѣсть въ дилижансъ для переѣзда въ Порлеццу, пристань на Лаго ди Лугано. И первыя виллы нужно объѣхать въ баркѣ, а такъ какъ въ отелѣ прибито авизо, чтобы и лодки брали изъ отеля, при обѣщаніи самой сходной цѣны, то я спросилъ счетъ, въ который бы включили и лодку, полагая время необходимое для объѣзда сказанныхъ пунктовъ самый бѣглый осмотръ виллъ, много-много

часа три. Счетъ былъ такаго рода: мой поднебесный ночлегъ 3 ф. кофей съ кусочкомъ хлѣба 2 ф., свѣчка 1 ф., прислуга или технически сервисъ 1 ф., стаканъ молока 1 ф., лодка 10 ф. Къ этому необходимы нѣкоторыя объясненія. Моя пріозерная комната, въ которой некуда бы поставить и столикъ, стоила бы въ Миланѣ 1 ф., кофе съ хлѣбомъ 70 или 80 сант., сервисъ также меньше, но правда, что въ Белладжіо мнѣ даже не вычистили платье и сапоги; стеариновыя свѣчи стоятъ здѣсь въ покупкѣ то же что въ Россіи, около 1 ф. фунтъ: я сжегъ приблизительно на 5 сант.

— Какъ же, говорю я хозяину,—такъ дорого лодка? По всему озеру такса франкъ въ часъ. Я не продержу вашъ экипажъ и три часа.

Онъ гнѣвно вычеркнулъ лодку изъ счета.

— Мнѣ очень досадно, прибавилъ я,—что я не могу доставить вамъ полное удовольствіе. Но вы по моей демократической блузѣ и италіанской курткѣ должны бы были догадаться, что я не Инглезе. Къ этому я прибавлю, что и съ лодочниками объясняюсь безъ толмача, стало быть не обезпокою даже вашего портье.

Мы раскланялись, онъ смотря—въ землю отъ злости, и такъ какъ я не имѣю возможности увѣковѣчить достопамятнаго амфитріона черезъ изсѣченіе его профиля въ одной изъ корне ди Канза, то я по крайней мѣрѣ затвердилъ его имя: Мельхиседеко Кандола. По моимъ разсчетамъ синьору Кандола не нужно будетъ въ качествѣ отельера прожить въ Белладжіо вѣкъ своего историческаго омонима, чтобы купить виллу Сербеллони, и пѣшкомъ переселиться въ рыцарское кастелло Сорондрато, и, легко можетъ статься, лѣтъ черезъ десять такой же бѣдный туристъ, какъ я, отправится на зарѣ осматривать размалеванное палаццо Сербеллони-Сорондрато Кандола. Отельеры извѣстныхъ европейскихъ пунктовъ имѣютъ наибольшіе шансы кончать дни на пепелищахъ рыцарства.

Первый же попавшійся лодочникъ, послѣ двухъ минутъ спора, подалъ барку на франкъ въ часъ, и я отправился. Тріумвиратъ виллъ ближайшихъ къ Белладжіо, Сербеллони, Джуліа, и Мельза

считается великолѣпнѣйшимъ послѣ виллы Карлотты. Въ двухъ послѣднихъ тоже интересны не зданія, болѣе или менѣе новыя, а сады или пожалуй и рощи. Въ каждомъ такое богатство южной и тропической растительности, а при виллѣ Джуліа и цвѣтовъ, какого не собрать съ лучшихъ оранжерей цѣлой Россіи; кромѣ того всѣ произведенія самыхъ счастливыхъ зонъ нашей планеты существуютъ здѣсь не въ видѣ рѣдкихъ экземплярчиковъ, а какъ дóма: вообразите, напримѣръ, рощи камелій или магнолій. Что за ароматъ даютъ магноліи на виллѣ Мельзи, не выразить никакими человѣческими силами. Тутъ рѣшительно вся растительность Индіи и Китая, Австраліи и Америки. Гигантскіе кактусы и узенькіе полосатые листья австралійской кортилины и латаніи окружаютъ широкіе стволы хлѣбнаго дерева и гранаты; оранжевыя лиліи, индѣйскія гвоздики и датуры, въ количествѣ русской крапивы, смѣшаны съ деревьями, не кустами, розъ, камелій и олеандровъ. Вилла Джуліа принадлежитъ королю Бельгійцевъ, который имѣетъ странное обыкновеніе, подъѣзжая къ своему помѣстью, оглашать озеро пушечнымъ выстрѣломъ. Нельзя придумать что нибудь болѣе *shoking* среди этого маленькаго рая. Вилла Мельзи имѣетъ и художественное собраніе, но въ Италіи копіи съ антиковъ были бы у мѣста только въ саду, а въ домѣ, да еще окруженномъ всѣми чудесами природы, остановить вниманіе неспособны. Наконецъ вѣнецъ всѣхъ виллъ, на лѣвомъ берегу озера, вилла Карлотта. Она обязана своимъ существованіемъ графу Соммарива, обогатившемуся военными подрядами во время италіянскихъ походовъ Наполеона Все что Соммарива нажилъ сверхъ своего большаго состоянія, все это онъ зарылъ на берегу Лаго ди Комо, и умеръ въ долгахъ, такъ что его наслѣдники продали виллу принцу Альбрехту прусскому, который отдалъ ее въ приданое дочери своей Шарлоттѣ, когда она шла за наслѣднаго принца Мейнингенскаго. Оттуда нынѣшнее названіе виллы. По смерти принцессы вилла осталась собственностью ея мужа, и въ настоящее время стоитъ пустая, хотя мудрено повѣрить, чтобы владѣлецъ ея нашелъ себѣ подобный уголокъ на лѣто дома. Садъ и паркъ виллы есть соединеніе всѣхъ лучшихъ драгоцѣнностей, которыя только умѣетъ произво-

дить Лаго ди Комо, и представляетъ самые великолѣпные экземпляры самыхъ великолѣпныхъ растенiй. Тутъ липы, которыхъ цвѣтъ пахнетъ такъ, что голова кружится, и магнолiи выше липъ, съ цвѣтами, кубкамъ подобными, величиною съ порядочную дѣтскую голову.

— Можно сорвать одинъ цвѣтокъ? спрашиваю у сторожа.

— Не приказано.

— А понюхать?

— Сколько угодно.

Я подошелъ къ одному изъ этихъ безподобныхъ кубковъ, точно изъ слоновой кости выточенныхъ, и отскочилъ: весь полонъ пчелъ;—къ другому, къ третьему, къ десятому—то же. Пчелы знаютъ, гдѣ раки зимуютъ, и я напрасно побрезгалъ медомъ въ Белладжiо: на Лаго ди Комо долженъ быть медъ необыкновенный. Но понюхать магнолiю былъ съ моей стороны ребяческiй капризъ: достаточно воздуха на виллѣ Карлотта. Вилла эта имѣетъ также свой музей, но всѣ вмѣщаемые имъ грѣхи Кановы опять-таки хотѣлось бы видѣть на воздухѣ, и какъ мила была бы среди зелени его извѣстная группа цѣлующихся *Амура и Психеи,* которая подъ фризомъ Торвальдсена стоитъ, съ позволенiя сказать, будто оплеванная. Изъ новыхъ ваятелей Торвальдсенъ приближается къ древнимъ, какъ ни одинъ еще: не заносясь въ вѣчно-недостижимую высь, какъ Микель-Анджело, онъ достигаетъ гораздо-большаго, и рѣшительно не поймешь, какимъ образомъ наравнѣ съ нимъ дѣлались заказы Кановѣ, и теперь еще продолжаютъ ставить рядомъ ихъ работы. Шиллеръ и Парни, Пушкинъ и Туманскiй, могли бы стоять рядомъ развѣ въ какой нибудь плохой книжной лавкѣ. Мнѣ какъ-то не попадалось хорошей бiографiи Кановы, но я не могу представить его иначе, какъ удивительно ловкимъ человѣкомъ, какой долженъ быть у насъ, напримѣръ, г. М. Работа Торвальдсена, служащая фризомъ мраморной залы палацца виллы Карлотта, и пользующаяся всемiрной славой, назначалась Наполеономъ для дворца римскаго короля, и, сверхъ задатка отъ императора въ 200.000 ф., Соммарива заплатилъ за нее 700.000 ф. Такъ, но только такъ, можно жить серiозному искусству! Не сторубле-

вами медалями поднять его.—Фризъ представляетъ *Тріумфъ Александра Македонскаго,* и покрываетъ пространство развѣ немного меньше полутороста футовъ, исполненный совершенно въ стилѣ античныхъ работъ этаго рода. Въ виллѣ Мельзи, забылъ я сказать, есть интересные бюсты, между прочимъ императора Александра I, Елизы Бачіокки и основателя виллы, Мельзи Ериле, дука ди Лоди. Въ особой же комнатѣ, посвященной памяти Наполеона, прекрасный портретъ молодаго Бонапарте, съ проэктомъ Италіянской республики въ рукѣ; противъ него портретъ того же Мельзи въ одинаковомъ мундирѣ съ Наполеономъ, и на пуговицахъ буквами *R. J.* Испанскій грандъ, со стороны рода Ериле, которому онъ наслѣдовалъ, Ломбардецъ по происхожденію, нѣкогда камергеръ Маріи Терезіи, Мельзи на портретѣ соединяетъ въ себѣ всѣ три характера. Какъ извѣстно, онъ былъ возведенъ Наполеономъ въ званіе вицепрезидента Италіянской республики, и вѣроятно одинъ съ своими друзьями зналъ, что завоеватель собирается сдѣлать изъ нея монархію, которой президентомъ былъ бы властелинъ Франціи.

Ежели три виллы, ближайшія къ Белладжіо, и противолежащая ему вилла Карлотта, и суть самыя роскошныя на Лаго ди Комо, ими, конечно, исчерпывается все богатство озерныхъ береговъ, но что бы видѣть больше, нужно бы было расположиться тутъ на нѣсколько дней. Я же въ одиннадцатомъ часу уже былъ въ Меладжіо, ничѣмъ не замѣчательномъ мѣстечкѣ, съ мола котораго только взглянулъ къ сѣверу на темножелтую скалу Сассо Рачіо, черезъ которую, въ 1799 году, по узкой тропинкѣ, перешелъ русскій отрядъ, подъ начальствомъ генерала Бельгарда, а въ 11 ѣхалъ въ дилижансѣ въ Порлеццу, что́ на Лаго ди Лугано. Ѣзда въ европейскихъ дилижансахъ—для Русскаго пытка: семь верстъ въ часъ по ровной дорогѣ, четыре, много пять, по гористой. Это то что́ у насъ называютъ везти кислое молоко. Три часа мучилъ веттуринъ, и еслибъ я не усталъ отъ безсонной ночи, я бы его бросилъ, и пошелъ пѣшкомъ. Дорога, которой первая половина идетъ въ гору винтомъ, доставляетъ безподобные виды на Лаго ди Комо, особенно отъ проточнаго паезе Кроче. Всѣ возвышенности, часто до вѣнца, здѣсь обработаны и засѣяны, точно также какъ на

плоскихъ пространствахъ Ломбардіи. Эта картина невольно напоминаетъ русскіе разговоры о трудностяхъ землевоздѣлыванія. Кому бы у насъ пришло вь голову, что можно пахать и сажать на крутой скалѣ? И въ сотый разъ во время переѣздовъ по Европѣ туристъ задаетъ себѣ вопросъ, какимъ бы образомъ усилить прививку къ Россіи европейской изобрѣтательности и европейскаго прилежанія, которыхъ столь блистательные обращики, относительно сельскаго хозяйства, мы уже и имѣемъ въ нашихъ южныхъ губерніяхъ, гдѣ нѣмецкій колонистъ, среди голой степи, разводитъ лѣса́, и все имъ воздѣланное кажется не принадлежащимъ къ одной планетѣ съ полями хохловъ? Скажите Европѣ, сколько милліардовъ десятинъ лежатъ у насъ дѣвственны, и подъ неполярными широтами,—Европа не повѣритъ.—Вторая половина дороги отъ Меладжіо, идущая спускомъ, мало-по-малу смягчаетъ гористый пейзажъ, проходитъ чудесными лощинками и красивыми рощами, оставляетъ влѣво игрушечное Лаго дель Піано, и подводитъ къ Порлеццѣ, которая пріютилась между скалъ на самомъ берегу Лаго ди Лугано. Тутъ декорація не та, что на Лаго ди Комо: все дикая, самобытная природа. Но въ этой дичи нѣтъ ничего суроваго, и, напротивъ, нѣсколько пресыщенный цивилизованными картинами царя озеръ, глазъ на Лаго ди Лугано отдыхаетъ, какъ въ деревнѣ, послѣ пребыванія на затѣйливой дачѣ. Въ три часа маленькій пароходъ везетъ насъ въ Лугано. Пассажировъ, по случаю воскресенья, почти никого. Капитанъ, Швейцарецъ, узнавъ, что я Русскій, объясняетъ, что изъ кантона Тичино нѣсколько человѣкъ живетъ въ Россіи Онъ объясняется на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ. Черезъ часъ съ небольшимъ и Лугано Въ этотъ день почтоваго сообщенія съ Лаго Маджіоре ужь нѣтъ, и потому мнѣ суждено ночевать въ Лугано.

Лугано—Швейцарія, и поочередно съ Локарно и Белинозной Лугано есть резиденція управленія кантона Тичино. Городокъ съ виду также совершенно италіянскій, какъ Комо: открытыя на стежъ лавки и мастерскія, портики. Языкъ италіянскій, хотя еще болѣе ломаный, чѣмъ въ Комо. Но не безъ удовольствія видишь городъ, въ которомъ нѣтъ солдатъ. Достигнетъ ли когда-нибудь міръ идеальнаго міра Руссо, и дозволено ли себѣ обѣ-

щать, что хоть чрезъ пятьсотъ лѣтъ въ Европѣ не будетъ солдатъ, потому что всѣ будутъ солдаты, т. е. въ случаѣ надобности во всякое время готовы защищать свои права и интересы—слившіеся съ правами и интересами правительствъ, которыя нынче должны содержать солдатъ?

Мой дебютъ въ Лугано неудаченъ. Въ первой попавшейся гостинницѣ даютъ такую распаренную телятину, и такую распаренную же фасоль, что не порадовался бы этой дряни и въ глуши любой степи сибирской. Гдѣ только вкусъ у этихъ людей, всякую, и самую скромную, затѣю въ сторону? За-то прекрасный предлогъ отдѣлаться отъ гостинницы: отъ нея не видать озера, а ночевать на италіянскомъ озерѣ, такъ ужъ по крайней мѣрѣ видѣть озеро изъ окна — *minimum* комфорта прогулки по озерамъ.

— Есть здѣсь гостинница съ видомъ на озеро? спрашиваю слугу, который чрезвычайно недоволенъ, что я остановился на телятинѣ и фасоли, и непрѣменно хочетъ, чтобы я съѣлъ еще что нибудь.

— Есть, отвѣчаетъ онъ сквозь зубы.

— Гдѣ?

— На томъ концѣ города.

Весь городъ имѣетъ едва шесть тысячь жителей, и такъ какъ онъ выстроенъ не въ одну линію, то съ одного конца отправляться искать другой—перспектива не такъ ужасная, какъ пуститься въ Колхиду. Черезъ десять минутъ ходьбы я вижу вывѣску *Hôtel du Parc* на домѣ, въ который можно три раза спрятать паллацо Бельгійскаго короля на Лаго ди Комо. Портмоне начинаетъ ныть, а брови стягиваются, тѣмъ болѣе, что въ воротахъ отеля стоитъ портьйе, одѣтый почти какъ португальскій.... на выходахъ Ватикана, но нѣтъ другаго открытаго ночлега на берегу. *Hôtel du Parc* потому имѣетъ такое грандіозное помѣщеніе, что наслѣдовалъ въ немъ монастырю, упраздненному. Не тянись католическіе монастыри такъ нахально за земнымъ царствомъ, не будь они такъ падки на стяжаніе, и не мѣшайся во всѣ житейскія скверны, многіе, безъ сомнѣнія, и теперь бы преблагополучно существовали, однако, сколько ни

говори это въ Италіи монахамъ, они за своей братіей не признаютъ ни какой вины, и за все клянутъ ненасытность свѣтскихъ властителей. Правда, хороша бываетъ и свѣтская сила, но нигдѣ и въ періодѣ своихъ сатурналій не достигаетъ она того деспотизма, которымъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, и непремѣнно подъ видомъ благочестія, умѣетъ отличиться католицизмъ. Этотъ деспотизмъ ярко свѣтится черезъ всю исторію, какъ волчьи глаза среди темной ночи, и только диву даешься на апологетовъ, тратящихъ краснорѣчіе въ защиту католицизма отъ его политическихъ, и вообще не духовно спекулятивныхъ притязаній.

Въ бывшей обители во имя Санты-Маріи делли Анджіоли, отъ которой, рядомъ съ гостинницей, сохранилась довольно убогая церковь, мнѣ даютъ, не смотря на мою блузу, славную комнатку. Я вхожу въ нее съ мысленнымъ вопросомъ: почему Швейцарцы народъ, такъ какъ народъ предполагаетъ прежде всего языкъ, а у Швейцарцевъ нѣтъ своего языка, и они употребляютъ чужіе: французскій, нѣмецкій, итальянскій, дѣлая изъ всѣхъ Богъ знаетъ что. Гляжу въ окно: съ вершины маленькой скалы фонтана, на набережной озера, мнѣ показываетъ кулакъ Вильгельмъ Телль. Виноватъ! шепчу я, и совершенно разслабленный жаромъ послѣ ночи безъ сна, ложусь на постель. Мои глаза, какъ въ стору, упираются въ видъ, обрамливаемый окномъ: озеро, и вправо зеленая гора Санъ-Сальвадоре. Натуральная стора лучше мануфактурныхъ. Но спать днемъ я не умѣю, и потому скоро отправляюсь, самъ не зная куда и зачѣмъ. Внутренность отеля поражаетъ еще болѣе наружности. Передъ попадающимися гарсонами невозможно не сторониться: все дипломатическіе *attachés*, и въ *Hotel du Paris* только бы кажется жить коронованнымъ лицамъ съ ихъ свитами. Дворы, портики, фонтаны... Въ каждомъ этажѣ непремѣнно хоть одна торговля сигарками,—естественная вещь на границѣ Италіи, такъ какъ въ Швейцаріи ввозъ табака безпошлинный. И вдругъ между тонкими гаванскими сигарками петербургскіе папиросы въ 45 к. сотня! доказательство, что люди способны курить въ Европѣ! Здѣсь эти папиросы продаются 8 ф. сотня.

Въ сороковыхъ годахъ главный штабъ Мадзини, откуда онъ

своими статьями активировалъ итальянскую революцію, и управлялъ юною Италіею, Лугано имѣетъ и нѣкоторыя достопримѣчательности, ведущія свое начало отъ временъ болѣе отдаленныхъ. Въ монастырской церкви у алтаря фрески Бернарадино Луини; другая церковь, Санъ-Лорензо, исполнена по рисунку Браманте, и представляетъ нѣсколько интересныхъ скульптурныхъ украшеній. Къ городу прилегаютъ и богатыя виллы, но послѣ Лаго ди Комо по этой части становишься не вдругъ любопытенъ. Наконецъ путешественники модники, и *comme de raison* Англичане, имѣютъ обычай изъ Лугано исполнять восхожденіе на двѣ прилежащія высокія горы: Санъ-Сальвадоре и Бре. Не зная ничего тошнѣе подобной эпитеміи, пѣшкомъ ли, верхомъ ли, я лишилъ себя удовольствія видѣть еще новые виды, открывающіеся съ обѣихъ названныхъ горъ, которыя сами по себѣ не представляютъ любознательности ничего особеннаго. На маковкѣ Санъ-Сальвадоре стоитъ часовня, видная съ озера, и, какъ показываетъ путеводитель по Лугано, въ ней схоронены Италіянка Луиджіа Този и польскій *conte* Онопріе *Radoschi*. Миръ вашему праху, хотя вы и надѣлали вашимъ погребеніемъ больше хлопотъ, нежели Виртембергскій король, сказалъ я про себя, и отправился окунуться въ изумрудную влагу Лаго ди Лугано. Не знаю, есть ли въ такомъ купаньѣ что-нибудь особенное для здоровья, но могу сказать, что наслажденіе безусловное.

Въ девять часовъ, согласно прибитой въ отелѣ сотнею экземпляровъ афишки, назначенъ музыкальный квартетъ. Отель-цѣлый кварталъ: гдѣ же будетъ музыка? Отыскиваю столовую залу, и только отворяю въ нее дверь, боюсь, какъ бы меня въ моей блузѣ не выпроводили. Зала не меньше четверти Михайловскаго манежа, разумѣется съ колоннами, громадными зеркалами и торжественно накрытыми столами, а кельнеръ, который стоитъ у своего бюро, во сто разъ больше похожъ на перваго министра, нежели самъ графъ Бисмаркъ. Онъ однако, съ снисходительностію смотритъ на меня, и такъ какъ онъ Нѣмецъ, хоть и полиглотъ, а я заговариваю съ нимъ понѣмецки, то не мудрено, что онъ принимаетъ меня за нѣмецкаго гезеля, совершающаго обычный туръ по Европѣ. Результатъ отличный. Кельнеръ-министръ,

который, я увѣренъ, обыгралъ бы любаго дипломата, давъ впередъ ферезь и слона, со мной говоритъ просто, какъ съ лицомъ ничтожнымъ. Музыки не будетъ, оттого что воскресенье. Когда въ прошлое воскресенье заиграла музыка, всѣ проживающіе въ отелѣ Англичане надулись, собрались въ нумеръ одного изъ нихъ, и весь вечеръ подъ фортепіано пѣли церковные гимны. Министръ не могъ пренебречь этой демонстраціей. Съ англійской оппозиціей отелю приходится считаться хочешь не хочешь. Англичанъ обыкновенно живетъ въ Лугано столько, что *Hôtel du Parc* на свой счетъ выстроилъ возлѣ своего казино англійскую церковь, и содержитъ на свой счетъ англійскаго пастора.

— И отдуваются же они у васъ за это?

Кельнеръ только улыбнулся.

Газеты въ отелѣ большею частію англійскія, но я напустилъ на себя смѣлость не читать ихъ, и, немного посидѣвъ надъ озеромъ, подъ необыкновенно душистыми липами, отправился спать. Лаго ди Лугано вмѣстѣ съ темнотою не представило великолѣпной беззвучности Лаго ди Комо. Кромѣ того здѣсь отель, и слѣдовательно мое помѣщеніе, были отдѣлены отъ озера улицей. Хоть опять на новомъ мѣстѣ, я заснулъ какъ не надо лучше, и всю ночь, когда просыпался, слышалъ громъ и дождикъ, и видѣлъ молнію. Въ шесть часовъ, однако, погода была прекрасная. Я сходилъ взять мѣсто въ дилижансъ до Луино, на Лаго ди Комо, выкупался, и отправился въ столовую—манежъ. Тамъ ужь были два Англичанина и пасторъ. Пасторъ и одинъ изъ Англичанъ ушли, оставшійся принялся завтракать. Передъ нимъ поставили: кофей, сахаръ, молоко, хлѣбъ, масло, медъ, жареную (?!) форель, лимонъ, уксусъ, масло, перецъ, горчицу. Онъ принялся за дѣло такъ: положилъ въ чашку кусковъ десять сахару, налилъ по ровну кофея и молока, и наболталъ меду, взялъ кусокъ форели, пожалъ лимону, посыпалъ перцу, помазалъ горчицей, потомъ на все положилъ кусокъ масла, взялъ въ ротъ, и прихлебнулъ изъ чашки; съ полнымъ ртомъ принялся онъ читать книгу, а послѣ перваго глотка произвелъ тоже съ форелью, только еще подлилъ уксусу и прованскаго масла. Не говоря ужь о томъ, какое преступленіе жарить форель, а здѣсь еще надо сказать: су-

шить, потому что чугунная печка и каменный уголь только сушатъ,—что должно быть вмѣсто нервовъ вкуса у человѣка, который способенъ глотать такую дикую смѣсь, какъ мой Англичанинъ въ Лугано? Оригинальничаніе за границей должно быть обѣтомъ, который накладываютъ на себя островитяне. Иначе ихъ въ Европѣ себѣ объяснить невозможно. Оригинальнаго, въ должномъ значеніи слова, въ нихъ ничего нѣтъ: оно проявлется только подъ видомъ непремѣнно не похожаго на то, что дѣлаютъ не-Англичане. Замѣтимъ, для очистки совѣсти, что великолѣпный *Hôtel du Parc*, хотя и не дешевъ, много милостивѣе отеля Мельхиседеко Кандолы въ Белладжіо. Что же дѣлаютъ съ подобными знаменитыми отелями издатели гидовъ? А вотъ что: на дняхъ Нѣмецъ Бедекеръ прислалъ въ *Hotel du Paris* 50 экземпляровъ своего гида, при требованіи того, по чемъ они продаются. Послали деньги безпрекословно. Понимается, разхвалены до небесъ и отель и мѣстоположеніе его на озерѣ.

Въ девять часовъ я сидѣлъ на имперіалѣ швейцарскаго дилижанса, и ползъ къ Луино. Какъ швейцарскія гостинницы, и швейцарскіе дилижансы въ славѣ повсюду: правда, они очень элегантны, кондукторъ въ синемъ сюртукѣ съ краснымъ воротникомъ и многими галунами, а постильйонъ туловищемъ совершенный уланъ, между тѣмъ какъ по головѣ и ногамъ алпійскій пастухъ съ вышитой подушки, но подвигаются эти нарядныя машины въ Швейцаріи не скорѣе, нежели менѣе щегольскія въ Италіи. Пейзажи отъ Лугано до Луино представляютъ очень малыя варіаціи на общую тему горныхъ переваловъ сѣверной части Италіи. Обработаны повсюду мѣста самыя неприступныя.

— Что это, никакъ рожь? спрашиваю кондуктора.

— Рожь.

— Чтожъ изъ нея дѣлаютъ?

— Хлѣбъ... для лошадей.

— Другіе и сами ѣдятъ, вмѣшивается постильйонъ.

— Ну какъ же? Небось, чтобъ разпухнуть, замѣчаетъ кондукторъ:—человѣку ее ѣсть нельзя.

Отъ Лугано дорога сейчасъ поднимается въ гору, сначала вдоль озера, на которое видъ прелестный, потомъ сварачиваетъ

вправо, мимо другаго игрушечнаго озера, Лаго ди Муззано, потомъ за мѣстечкомъ Аньйо подходитъ къ вершинѣ западнаго загиба Лаго ди Лугано, гдѣ ближайшій берегъ принимаетъ совершенно рѣчной характеръ, опять отходитъ, на нѣсколько минутъ касается отдѣльной бухты Лаго ди Лугано, соединенной съ симъ послѣднимъ посредствомъ канала, и вступаетъ въ мѣстечко Понте Треза, названному по мосту черезъ Трезу, который здѣсь соединяетъ Швейцарію съ Италіей, или кантонъ Тичино съ Ломбардіей. Сама Треза, вдоль которой, не переѣзжая моста, дилижансъ поворачиваетъ направо,—очарованіе: она течетъ точно пролитая изъ стакана; каждый камушекъ виденъ на днѣ.

— И во какіе угри! показываетъ мнѣ кондукторъ свой жирный локоть.

Берега Трезы ревниво стерегутъ гиганты каштаны; горы кругомъ нѣсколько ниже прежняго; опять не хочется смигнуть съ окрестнаго кругозора. Но вотъ и остановка: паезе Форказетто, и вслѣдъ за нимъ италіанская таможня. Паспортовъ не спрашиваютъ, какъ и въ Швейцаріи, но осмотръ производится до мелочности строгій: внутренность экипажа только-что не выворачиваютъ на изнанку.

— На границѣ Италіянскаго королевства отъ Церковной области, говорю я кондуктору, кондукторъ внесъ по полуфранка съ пассажира, приподняли для формы вальтрапъ на имперіалѣ, да и благословили насъ.

— Здѣсь и Боже сохрани!

Не мудрено, что тамъ италіянскій чиновникъ заражается продажностію римской іерархіи. Мнѣ съ таможней вѣдаться не о чемъ, такъ я отправляюсь смотрѣть, какъ живетъ финансовая стража. Заглядѣньє. Хорошо живетъ прусская гвардія, а далеко.

Отъ таможни меньше получаса и Луино. Заранѣе показывается Лаго Маджіоре съ очертаніями, которыми онъ какъ бы хочетъ отдѣлить себя отъ Лаго ди Комо. «Вотъ старшина между италіянскими озерами,» говоритъ противолежащій берегъ, не показывая своихъ деталей и сквозь зрительную трубу. И воздухъ надъ озеромъ опять того прозрачнаго бирюзоволазуреваго цвѣта, котораго не даютъ другія озера.

Въ Луино, родинѣ Бернардино Луини, и гдѣ изливается въ Лаго Маджіоре хрустальная Трезе, только время позавтракать и подбѣгаетъ пароходъ, идущій отъ сѣверной оконечности озера, возвѣщая о себѣ звонкомъ. Въ одинъ мигъ спущенъ на пристань мостъ, свалены и навалены товары, сошли и взошли пассажиры. Ни толкотни, ни суеты, ни шуму. Удивительно развиваетъ человѣка свобода. Даже дѣти здѣсь совсѣмъ другія. Войдетъ иногда ребенокъ лѣтъ двѣнадцати въ кафэ, въ ресторанъ, спроситъ что нужно, съѣстъ, выпьетъ, и уйдетъ чинъ чиномъ. А какъ свобода и развиваемое ею сознаніе необходимой сдержанности въ общественныхъ отношеніяхъ облегчаютъ всякую администрацію. Жалкіе рутинёры утверждаютъ, что народы слѣдуетъ воспитывать для свободы, и давать ее имъ потомъ, какъ награду за хорошо пройденный курсъ воспитанія. Истинно, для такого взгляда надо видѣть не дальше своего носа, или быть зложелателемъ рода человѣческаго. Свобода воспитываетъ. Дайте ее, и не безпокойтесь ни о чемъ: все сдѣлается безъ васъ. Свобода торговли воспитываетъ народную промышленность, свобода слова— общественную мысль. Всѣ покровительственныя методы только разслабляютъ общественные нервы.

Чуть мы выѣзжаемъ на середину Лаго Маджіоре, оно принимаетъ посадку морскаго залива, въ родѣ Неаполитанскаго, и поскорѣе показываетъ намъ на западѣ снѣгомъ покрытые верхи Симплона. Правда, снѣга лѣтомъ не увидишь ни съ Лаго ди Комо, ни съ Лаго ди Лугано. Но въ то же время западъ задвигается довольно грозными тучами, и вспоминая изъ *Вильгельма Телля*: «*da brach der Töhn los aus des Gotthard's Schlünden*,» я рѣшаю сократить мое путешествіе, которое намѣревался продлить съ Лаго Маджіоре черезъ Палланзу на Лаго д'Орта.—На Лаго Маджіоре больше и пароходъ, шумитъ колесо, взрѣзывая изумрудное зеркало, и бросая за собою полосу алмазныхъ брызговъ. А случай доставляетъ новое наблюденіе надъ отношеніями національныхъ типовъ. На пароходѣ, конечно, не мало Италіянцевъ, и особнякомъ группа Нѣмцевъ, по акценту съ сѣвера Германіи. У Нѣмцевъ все рѣзкіе углы: въ костюмѣ, въ прическѣ, въ чертахъ лица, въ манерѣ носить шляпу; Италіянцы—съ ногъ до

головы мягкая линія живописи; на Италіянцахъ разноцвѣтные лѣтніе костюмы прелесть, на Нѣмцахъ—отвращеніе; я разумѣю сочетаніе цвѣтовъ. Всѣ нѣмецкія фигуры точно топоромъ вырублены, италіянскія выточены по рисунку художника. Оставимъ рѣчь о другихъ народахъ, —Нѣмцы должны ненавидѣть Италіянцевъ, какъ эписьèры джентльменовъ.

Послѣ нѣсколькихъ остановокъ показывается Палланза, и мы объѣзжаемъ одинъ за другимъ Борромейскіе острава: Санъ-Джіованни, безподобный Изола-Мадре, котораго садовая часть идетъ вровень съ лучшими виллами Лаго ди Комо, Изола-Беллу, гдѣ та же часть изувѣчена Французскимъ рококо, деи Пескатори и крошечный безыменный, на которомъ всего двѣ плакучія ивы. Смотря потому куда поворачиваетъ пароходъ, Симплонъ съ своимъ зловѣщимъ снѣгомъ смотритъ на насъ то отсюда, то оттуда, горы съ востока между тѣмъ все становятся меньше, еще нѣсколько остановокъ, вотъ наконецъ на горѣ, по нашу правую руку, колоссальный санъ Карло Борромео и сама Арона, предѣлъ нашего плаванія. Отъ Ароны два съ половиною часа—и я въ Миланѣ. Не знаю, что въ это время происходитъ за монте Моттероно, на Лаго д'Орта, но въ Миланѣ чудесная погода, и можетъ быть я напрасно не пожертвовалъ еще однимъ днемъ.

Во всякомъ случаѣ прогулка моя по озерамъ оставитъ во мнѣ, конечно, воспоминанія на всю мою жизнь. Кажется, прожить полгода, на Лаго ди Комо, въ Тремеззо, Белладжіо или Варенѣ, и отъ времени до времени странствовать по всѣмъ италіянскимъ озерамъ, на нихъ то въ пароходѣ, то на лодкѣ, между ними то пѣшкомъ, то верхомъ,—надо помолодѣть двадцатью годами. Тутъ былъ бы рядъ самыхъ чистыхъ и самыхъ здоровыхъ наслажденій. Чего стоятъ одни форели и лососи на всѣхъ этихъ озерахъ, на Лаго ди Лугано напримѣръ, помѣсь форели и лососины, *truite saumonnée* форель, большая и розовая, которую варваръ Инглезе ѣлъ жареную съ горчицей, перцемъ и медомъ. Всѣмъ моимъ соотечественникамъ, изъ коихъ я не встрѣтилъ на италіянскихъ озерахъ ни единаго, я непремѣнно совѣтую бросить модные европейскіе пункты, если кому не нужны именно тѣ или другія воды. Напримѣръ въ модѣ Интерлакенъ, и я читаю въ тамошнемъ

справочномъ листкѣ цѣлую ектенію именитыхъ иностранцевъ со всѣхъ концовъ земли, (въ числѣ коихъ одинъ петербургскій господинъ съ такой квалификаціей: *Sonctionnaire de St. Peterbourg,* однако фамилія его не Курдюковъ). Здѣсь нѣтъ этого бича, и можно, если позволитъ погода, прожить шесть мѣсяцевъ безъ сюртука. Горькому труженику отдохнуть лѣто на Лаго ди Комо безъ нужды, безъ думы о завтрашнемъ днѣ, было бы величайшее наслажденіе. У меня до сихъ поръ передъ глазами носятся Индія, Гавана, Астралія, а то вдругъ, откуда ни возьмись, эхо безмолвной ночи въ Белладжіо.

Миланъ встрѣтилъ меня, по обыкновенію, уже начинавшимся вечернимъ *far-niente.* На площади театра Ла Скала играла музыка, и что бы вы думали? *Ты не повѣришь*, *какъ ты мила*, разумѣется съ италіянскими фіоритурами. Я нехотя опустился на стулъ передъ кафе Академіи, отвергъ цвѣтокъ, который протянула мнѣ красавица цвѣточница Аделина, и машинально протянулъ руку за *Débats.* Изъ нихъ узналъ я, что по генеалогіи г. Вейса, автора *premiers-aris* почтенной французской газеты, французскій солдатъ Бернадоттъ есть потомокъ Густава Адольфа. «И вотъ какъ пишется исторія!» сказалъ бы при этомъ случаѣ Стернъ.

*С. Колошинъ.*

## ТЬМА.

*изъ Бейрона.*

Я видѣлъ сонъ, но это былъ вовсе не сонъ.
Свѣтлое солнце изчезло,—и звѣзды
Темнѣя блуждали въ вѣчномъ пространствѣ,
Безъ вѣрныхъ путей для движенья. Земля, остывши какъ ледъ,
Мрачна и черна висѣла въ сферѣ безлунной.
Утро пришло и ушло,—пришло, безъ дня за собою.
Люди забыли страсти свои въ ужасѣ общемъ,
При этой страшной бѣдѣ,—и всѣхъ сердца
Охолодѣли въ своекорыстной молитвѣ о свѣтѣ.
Стали всѣ жить при огняхъ:—и троны
Съ дворцами вѣнчанныхъ царей, и хижины бѣдныхъ,

И всѣ помѣщенья живущихъ
Сожглись на лучину.—Города погорѣли.
И люди сбирались вокругъ дотлѣвавшихъ домовъ,
Чтобъ хоть разъ взглянуть другъ на друга въ лицо.
Счастливы были, кто жилъ при отверстьяхъ
Вулкановъ, при ихъ факелахъ горныхъ.
При страхѣ у всѣхъ одна оставалась надежда:
Зажглися лѣса; но съ часу на часъ они
Истреблялись,—и съ трескомъ ихъ пни
Догорѣли до тла—и все потемнѣло.
При—изчезающемъ свѣтѣ, лица людей
Являли видъ не земной, когда, при вспышкахъ,
Огонь отражался на нихъ. Иные лежали,
Закрывши руками глаза и рыдая, другіе сидѣли,
Поджавщи щеки руками и—улыбались.
Иные метались туда и сюда, подтопляя
Щепами свои могильныя кучи—и взоры бросали
Съ безумной тревогой, на тусклое небо,
Саванъ отжившаго міра,—и снова потомъ,
Съ проклятіями, повергаясь во прахъ,
Скрежетали зубами и выли.—Хищныя птицы
Съ крикомъ и въ перепугѣ слетались къ землѣ,
Повѣся бездвижныя крылья. Свирѣпые звѣри
Пришли, какъ ручные, трепеща.—И змѣи ползли,
И свивались между толпами людей,
Шипя, но не жаля; ихъ убивали и ѣли.
И вражда, на минуту замолкшая,
Вспыхнула снова. Кровью платили за пищу,
И каждый, сидя молча, отдѣльно,
Глоталъ наѣдаясь въ потьмахъ.—Не стало любви.—
По всей землѣ одна была мысль: это смерть
Неизбѣжно безславная,—а глада томленье
У всѣхъ пожирало утробы. Люди мерли,
Ихъ кости валялись безъ погребенія, а тѣла
Истощенныя истощенными пожирались.
Даже собаки рвали хозяевъ, всѣ, кромѣ одной;

Она и трупу осталась вѣрна, сберегая его
Отъ птицъ, отъ звѣрей, отъ голодныхъ людей, и лая,
Пока голодъ ее не свалилъ,—и медленно смерть
Не сжала ей рта.—Пищи себѣ она неискала,
Но жалостно и безпрестанно стоная,
Вдругъ взвизгнула, и, руку лижа
Безотвѣтную лаской—издохла.
Люди отъ голода гибли толпами, но двое,
Въ одной многолюдной столицѣ, всѣхъ пережили,—
И это были враги. Они, съ двухъ сторонъ
Сложили куренья на мѣсто, гдѣ былъ алтарь,
И гдѣ навалено было много священныхъ вѣщей,
Не для священнаго дѣла. Отъ страха трясясь,
Они наскребли скелетами рукъ охладѣвшихъ
Не много пепла съ золой—и слабымъ дыханьемъ
Раздули въ немъ жизнь, и когда томное пламя,
Какъ будто въ насмѣшку поразгорѣлось,
Они подняли взоры, и, вглядѣвшись другъ другу
Въ, искаженныя лица, вскрикнули вдругъ—и мертвые пали.
Да! они умерли оба при вглядѣ на страшный свой образъ,
Незная, ктожь былъ изъ нихъ, у кого на челѣ
Написано голодомъ: врагъ!—Міръ опустѣлъ,
Населенный и мощный онъ сдѣлался глыбой
Безъ годовыхъ временъ, безъ травы, безъ деревъ, безъ людей и
безъ жизни.
Сталъ глыбою смерти,—хаосомъ изъ глины окрѣпшей.
Рѣки, озера и океанъ лежали недвижно,
И ничто не могло возмутить ихъ глубинъ молчаливыхъ;
Корабли безъ пловцевъ стояли въ моряхъ, согнивая;
И мачты ихъ по частямъ разпадались, и, мало помалу,
Они погружались въ бездну безслѣдно.
Умерли волны. Приливъ и отливъ улеглись въ ихъ могилахъ;
Луна ихъ владычица прежде скончалась.
И вѣтры умолкли въ застоѣ воздушномъ,
И тучи пропали. Тьма не имѣла въ нихъ нужды.
*Она одна была во вселенной.*

21 Апрѣля, 1862 С. М.

# СТАРОЕ ВРЕМЯ

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ЛОМБАРДСКИХЪ ХРОНИКЪ И ПРЕДАНІЙ.

## I.

## КАРА ИЗМѢНЫ.

—

I.

Какъ теперь, и въ старину Ландирàго было крошечное мѣстечко между Миланомъ и Павіей, вдвое ближе отъ послѣдней нежели отъ перваго. Среди тучныхъ пастбищъ лѣпилось тутъ десятка два-три скромныхъ домиковъ, и нѣсколько подаль высилась островерхая колокольня съ двумя небольшими колоколами.

Было утро втораго воскресенья въ сентябрѣ 1499 года. Колокола уже два раза прозвонили къ обѣднѣ, и обыватели мѣстечка тянулись къ церкви. Молодежь, стоя на паперти, глазѣла на входившихъ женщинъ, и калякала между собою на ихъ счетъ, причемъ, конечно, обходилось не безъ злословія, къ которому особенно подстрекалъ добродушныхъ поселянъ удалецъ, отъ нихъ отличавшійся съ перваго взгляда, какъ участвовавшій съ дружиной мессера Лодовика Сфорзы въ изгнаніи изъ Новары герцога Орлеанскаго. На удальцѣ были ломцы конницы герцога Миланскаго, на которыя деревенскіе молодцы глядѣли съ завистью, къ великому удовольствію ихъ обладателя.

Но вотъ, видя, что ему принадлежитъ все вниманіе окружающихъ, онъ вдругъ перемѣнилъ разговоръ, объявивъ, что имѣетъ сообщить важныя извѣстія изъ Милана.

— Вы тутъ, вѣдь, ничего не знаете, началъ онъ.

— Что такое? Что такое?

— Вотъ я вамъ что̀ скажу: теперь никому рта не замажешь. Герцогъ....

— Ну!

— Бѣжалъ.

— Куда? куда?

— Въ Алеманію.

— Враки!

— Враки? Нутка, повтори мнѣ кто-нибудь что враки! Попробуй, повтори! Я вамъ сказываю, герцогъ удралъ изъ Милана въ Ко̀мо и чуть-чуть не попалъ въ лапы Французовъ. Тривульзіо послалъ за нимъ въ погоню, да ничего не взялъ. А теперь, пока мы тутъ точимъ лясы, артиллерія мессера Джіанъ-Джіа̀комо, расположена въ Кассино, и не нынче, завтра вступитъ въ Миланъ. Все это мнѣ сказывалъ пріятель оттуда, который по порученію герцога прибылъ сюда вчера слѣдить за Французами: что́ и какъ, и какія они будутъ производить движенія. И обо всемъ велѣно дать знать Сфорзѣ въ Спрукъ: онъ тамъ у своей родни, у императора. Ну да что́ тутъ: сказывалъ Карлинъ Менгино.

— А насъ покуда, замѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ, — оставилъ, дай Богъ ему здоровья, на съѣденіе голоднымъ да распутнымъ Французамъ. Избавятъ они насъ отъ хлопотъ и виноградъ сбирать и пшеницу.

— Не вздумалъ же, перебилъ другой — отписать къ императору и вызвать на помощь Нѣмцевъ: управились бы съ этими ворами, и прогнали бы ихъ во Францію.

— Куда ты уменъ, Пандино! остановилъ его бывшій воинъ.— Ты думаешь, ландскнехты слаще? Я тебѣ вотъ что́ скажу, лучше еслибы мы подумали, какъ бы управиться самимъ, — никого изъ нихъ мы не хуже. Съумѣли мы протурить и короля Карла, и герцога Орлеанскаго, который теперь возвращается еще гордѣе, потому что зовутъ его видишь, Лудовикомъ XII, и протурили бы мы его и теперь, кабы не измѣнники, кабы и изъ нашихъ тотъ-другой, кто изъ почести, кто изъ за золота, не былъ за-одно съ врагомъ. Я тебѣ говорю, не разлакомь Французовъ синьйоръ Лодовико Сфорза, тѣмъ что вызвалъ онъ ихъ въ Италію, натянуть жилу неаполитанскому королю, не пришла бы имъ и нынче охота пожаловать къ намъ на кормленіе. Но покаялся мессеръ Лодовико Сфорза, — поплатится и Тривульзіо, потому кто что

хочешь говори, насъ на кривой не объѣдешь: мститъ онъ, видишь ты, герцогу за обиды, за то, что отнялъ тотъ у него все имѣніе,—кто идетъ противъ своей стороны, все равно измѣнникъ.

— Такъ! такъ! Правда! подхватила толпа.

Въ это мгновеніе подходилъ, съ своимъ семействомъ, мессеръ Джіованни Піетро деи Рицци, богатый собственникъ; всѣ стоявшіе на паперти приподняли шляпы съ выраженіемъ уваженія и примолкли.

Позади семьи Рицци шла красивая и нарядная поселянка Изабетта, дочь гастальда (*) Джіованни Піетро.

— Вотъ такъ красавица! воскликнулъ кто-то.

— Что твоя вешняя клубника.

— Ого! И новый уборъ на головѣ: должно быть гостинецъ студента.

— Станетъ Изабетта смотрѣть на сорванца студента!

— Небось, нравятся скромницѣ синьйоры. Повѣрь, она бы рада, кабы ее заправду полюбилъ студентъ. Чего бы лучше для дочери гастальда? У синьйора Бескапе́, сказываютъ, не мало добра.

Разсыпались послѣдніе звуки колокола, молодежь смолкла и вошла въ церковь.

Съ часъ, быть можетъ, шла служба; двое юношей, верхомъ на веселыхъ коняхъ, остановились на площадкѣ передъ церковью.

— Ни души, обратился одинъ къ другому.

— Всѣ въ церкви, отвѣчалъ послѣдній.—Подождемъ—здѣсь, или проѣдемъ къ мессеру Джіованъ Петро?

— Подождемъ немного.

Между тѣмъ народъ сталъ выходить изъ церкви. Молодежь опять остановилась на паперти. Арипрандо, нашъ удалецъ, опять былъ въ срединѣ кружка, расположившагося противъ двухъ всадниковъ.

— Воля ваша, молодчикъ хоть-куда этотъ Бескапе́, сказалъ онъ, — и если онъ задумалъ дѣло не въ шутку, одѣнетъ онъ нашу Изабетту какъ синьйору, и будетъ славная пара.

— А товарища его ты знаешь? спросилъ Пандино.

— Знать не знаю, и должно быть, одного стада овца. Стойте, стойте! Выходитъ мессеръ Джіанъ-Піетро. Посмотримъ на обхожденіе молодыхъ синьйоровъ.

Бескапе́ и его товарищъ тронули шпорами своихъ коней, которые слегка запрыгали, и потихоньку поѣхали на встрѣчу къ Рицци. Поровнявшись съ самимъ Джіованъ-Піетро, они слѣзли

(*) Гастальдъ-ключникъ.

съ лошадей, которыхъ принялъ слуга перваго, и обмѣнялись привѣтствіями. Джіанъ-Піетро обратился къ Бескапе́:

— Что новаго у васъ въ Павіи?

— Спросите лучше про Миланъ, мессере, откуда я сегодня утромъ. Лодовико Сфорза ушелъ и живъ, самъ не знаетъ какъ; Джіанъ-Джіакомо въ Миланѣ, и будто и не выѣзжалъ никогда. Посмотрѣли бы вы на разбойника! Что за политика! Что за пріемы! Купить насъ хочетъ. Вообразите, вступилъ онъ вчера черезъ Порта Тичинезе; народъ, только прозналъ, падкій на новое, бросился ему навстрѣчу въ простотѣ сердечной. Тривульзіо благодаритъ, улыбается, жметъ руки встрѣчному и поперечному, и всѣмъ обѣщаетъ моря, горы и правду. Отправился прежде всего въ соборъ, палъ на колѣни, громко благодаря Бога, что попустилъ Онъ ему воротиться на родину; потомъ вышелъ изъ храма, опять сѣлъ на коня,—поѣхалъ къ Сантъ-Антоніо въ домъ мессера Франческо Тривульзіо, и тамъ завтракалъ на конѣ съ роднею и пріятелями. Теперь ждутъ въ городъ это золото—Французовъ!

— Джіаннантоніо, не долго они тамъ напируютъ, серьозно замѣтилъ Рицци.

— Дай-то Богъ, перебилъ студентъ, и отошелъ отъ собесѣдника къ дамамъ, между прочимъ съ тѣмъ, чтобы хоть глазами поговорить съ Изабеттой, которая сдѣлавшись цвѣта граната, не знала какъ спрятаться между домочадцами Рицци.

— Сговариваются, сорвалось у Арипрандо:—видѣли, какъ работаютъ глаза?

— Оставь ты ихъ въ покоѣ, остановилъ его Пандино.—Есть намъ о чемъ думать поважнѣе. Слышалъ ты, какъ пропѣлъ священникъ объ этихъ проклятыхъ Французахъ, что у насъ на носу?

— Я подержу за него. Не дожить намъ до Мартынова дня, перемѣнятъ они квартиры, какъ перемѣню ее я.

— Коли прогостятъ и весь сборъ винограда, пусть себѣ живутъ и больше: мнѣ тогда все равно.

— Ни-ни, не тронутъ они ни одной кисточки, Богомъ клянусь! съ силою сказалъ Арипрандо.

— А коли привалятъ сюда отрядами, что съ тебя взять тогда?

— Вилами, вертелами, мушкетами, что гдѣ найдется, а зададимъ острастку. Я про себя положилъ, и по-моему, собраться намъ хоть полсотнѣ, да и велѣть такъ сказать гасконской сволочи. Я это дѣло знаю, и только бы за мной другіе....

— На меня считай, перебилъ Пандино.

— И на меня, прибавилъ другой.

— На всѣхъ! На всѣхъ! подхватили хоромъ.

— Такъ и за дѣло, друзья, заключилъ Арипрандо, — да не терять времени. Прежде всего надо выбрать начальника, чтобы дѣла шли складно, а потомъ собрать оружіе. У меня четыре мускета...

— Знаю и я, гдѣ подцѣпить пару, добавилъ Пандипо.

— Дастъ еще и мессеръ Деи Рицци, замѣтили въ толпѣ.

— Слушайте, продолжалъ опять Арипрандо:—косы, вертела, кинжалы, ножи, шпаги, всякое желѣзо теперь надо наточить, а начальнику слѣдуетъ заняться эволюціями, потому на этотъ народъ, привычный къ бою, не пойдешь, какъ на рынокъ. Эдакъ они насъ всѣхъ перерѣжутъ,—кому охота? Давайте же выбирать начальника.

— Кого жь лучше тебя? выразилъ первый, Пандино. — Ты это дѣло знаешь; ты и будь начальникъ, не такъ ли?

— Да, да! подтвердили справа и слѣва : — да здравствуетъ Арипрандо!

Арипрандо снялъ шляпу, и торжественно, какъ будто принимая управленіе городомъ или начальство надъ войскомъ, произнесъ:

— Клянусь вамъ, друзья и товарищи, исполнить мой долгъ. Какой бы Французъ ни занесъ ногу въ Лардираго или на нашу землю, смерть ему безъ помилованія!

— Браво! смерть, смерть Французамъ! дружно подхватили всѣ.

Сговорились о сходкѣ на другой день, и о добычѣ оружія, и каждый изъ присутствующихъ обѣщался вербовать въ новую дружину, назначенную охранять неприкосновенность родимаго гнѣзда, и наносить гибель ненавистному Французу, чуть бы такой заблудился до Лардираго.

Къ полудню всѣ разошлись. Было время и обѣдать.

## II.

Джіаннантоніо Бескапé и товарищъ его Агостино Карпанелло, оба студенты павіанскаго студіо, (какъ въ то время назывались университеты Италіи) были, какъ всегда, радушно приняты въ домѣ мессера Джіанъ-Піетро деи Рицци. Они были званы хозяиномъ провести у него дни сбора винограда, и Бескапé съ восторгомъ принялъ приглашеніе, до безумія влюбившись въ красавицу Изабетту, дочь гастальда Рицци.

Джіаннантоніо принадлежалъ къ одному изъ извѣстныхъ миланскихъ родовъ, когда-то называвшемуся Безгликапетри, изъ чего съ теченіемъ времени вышло Бескапé. Его готовили съ дѣтства къ службѣ придворной, а въ Павію онъ былъ отданъ для обуче-

нія литературѣ и особенно юриспруденціи, которую слушалъ у славнаго Фаціо Кордано. Однажды, выѣхавъ за городъ верхомъ, онъ подъ Лардираго встрѣтилъ Изабетту, и она съ перваго же раза плѣнила его молодое сердце. Граціозное выраженіе дѣвушки, нѣжные пріемы и мягкое нарѣчіе, совершенно отличное отъ рѣзкаго павіанскаго, все восхищало его въ ней, и нѣсколько разъ встрѣтившись съ ней невзначай, а потомъ узнавъ, что она живетъ въ домѣ Рицци, Бескапе положилъ познакомиться съ Джіованъ-Піетро, что для него было не трудно. Рицци имѣлъ не мало друзей въ Павіи, и черезъ одного изъ нихъ и было устроено, что молодой человѣкъ получилъ приглашеніе въ Лардираго. Агостину Карпанелло, въ домѣ родственниковъ котораго познакомился съ Рицци, Бескапе повѣрилъ свою страсть. Но если подстерегли ее и поселяне, для Рицци и отца Изабетты она оставалась тайною.

Весь этотъ день Джіаннантоніо дѣлалъ видъ, что не обращалъ вниманія на красавицу, обѣщая себѣ уловить удобный случай объясниться съ ней наединѣ. И только онъ замѣтилъ, что она скрылась въ чащѣ сада, онъ прокрался въ садъ и отыскалъ ее.

Изабетта не слыхала, какъ подошелъ молодой человѣкъ, и когда онъ тихо назвалъ ее по имени, она вся вспыхнула, и въ испугѣ, и въ смущеніи.

— Что вамъ угодно? спросила она дрожащимъ голосомъ.

— Изабетта.... могъ только проговорить юноша.

— Подите, шептала она,—что вамъ отъ меня надо? Я знаю, вы можетъ быть хотите сказать мнѣ что-нибудь такое, чего я не должна слышать. Подите, ради Бога, а то я пропала.

— Послушайте, Изабетта, настаивалъ студентъ;—вы угадали мою мысль. За что же вы хотите, чтобы я навѣкъ потерялъ миръ, который вы у меня отняли?

— Что я вамъ? Что я для васъ могу сдѣлать? Я бѣдная дѣвушка, синьйоръ Джіаннантоніо, вы....

— Изабетта, скажите мнѣ, что вы не отвергаете мою любовь, и я клянусь вамъ священнымъ прахомъ моей матери, что я не посмотрю ни на какія преграды между нами, и что вы будете моей и передъ Богомъ и передъ людьми.

Изабетта не отвѣчала, все болѣе смущенная. Невольно подняла она глаза къ небу, и, увидѣвъ красноватое облако, облитое послѣдними лучами вечерняго солнца, судорожно сжала руку юноши, и дрожащимъ голосомъ произнесла:

— Что я вамъ теперь ни скажу, Джіаннантоніо, все будетъ не къ добру. Поглядите на это облако. Оно значитъ кровь. А я родилась подъ дурною планетой.

Джіаннантоніо нашелся не вдругъ, но, помолчавъ, отвѣтилъ:

— Какъ знать? Это облако можетъ знаменуетъ несчастіе нашей Ломбардіи. А вы.... вѣрьте въ будущее, заклинаю васъ. Послушайте:...

Между тѣмъ какъ Изабетта уставила на Джіоннантоніо вопросительный взглядъ, полный любопытства, онъ разстегнулся, и, подавая ей медальонъ, продолжалъ:

— Это моя мать; она теперь тамъ, — онъ поднялъ глаза къ небу—она святая. Никто меня такъ не любилъ какъ она, и никого я такъ не любилъ. Возьмите же вы ея образъ. Вы отдадите мнѣ его только въ тотъ день, когда я выведу васъ изъ церкви, передъ алтаремъ назвавъ васъ моей подругой навсегда.

Дѣвушка, еще больше смущенная, колебалась взять медальонъ. Онъ умолялъ ее.

— Возьмите же, Изабетта: для меня это будетъ знакомъ, что вы не отпираетесь отъ моей любви и началомъ моего блаженства.

Вся дрожа, Изабетта взяла медальонъ, поднесла его къ губамъ и спрятала. Потомъ ей вдругъ показалось, что она поступила слишкомъ смѣло, при первомъ же разговорѣ съ юношей, принявъ подарокъ, и ей вздумалось поправить дѣло.

— Я всегда боготворила мою мать не меньше, нежели вы вашу, и ея образъ тоже не разстается со мной. Вы мнѣ принесли жертву: примите же и мою, синьоръ Джіаннантоніо.

Она сняла съ шеи ленточку, вынула изъ-за платья глухой амулетъ тончайшаго золотаго издѣлія, и положила его въ руку студента, вся разгорѣвшись отъ стыда.

Джіаннантоніо не понималъ, откуда дочь гастальда могла имѣть такую дорогую вещь. Онъ подавилъ пружину, и увидѣлъ мастерской портретъ красивой молодой женщины, очевидно особы знатнаго рода, которой черты напоминали выраженіе Изабетты. Взглянувъ же на изнанку крышки, онъ произнесъ:

— T r e s  v u l t u s!... Это ваша мать?

И Бескапе уставилъ въ Изабетту жадно вопрошающій взглядъ.

— Да, Джіаннантоніо, только отвѣчала она.

— Такъ вы—пріемышъ Джіузеппе? Я угадалъ, что вы должны принадлежать къ благородному роду. Весь этотъ портретъ, его украшенія, показываютъ, что иначе быть не можетъ.

— Не знаю, Джіаннатоніо, ничего не знаю. Я слыхала, что моя мать скончалась тотчасъ послѣ моего рожденія, а послѣ скоро умеръ и отецъ, а кто они были, какъ ихъ звали, мнѣ не говорили никогда. Я выучилась звать отцомъ Джіузеппе, который меня точно любитъ; всѣ меня считаютъ дочерью гастальда, и такъ зовутъ. Хорошо, что вы теперь все знаете, и пока еще

можете взять назадъ ваше слово, которое, если вамъ угодно, я вамъ возвращаю, чтобы вы не могли упрекнуть Изабетту, что скрыла она отъ васъ правду про себя, чтобъ когда-нибудь въ городѣ вамъ не было стыдно.

— Что вы, Изабетта? Ваша откровенность больше меня привязываетъ. Теперь я знаю.... отъ кого вы происходите.

— Вы знаете, Джіаннантоніо? Скажите мнѣ, ради всего святого!

— Узнаете, Изабетта, но когда вамъ можно будетъ съ вашимъ настоящимъ именемъ предстать предъ свѣтомъ, а въ эту минуту я не знаю, слѣдуетъ ли вамъ хвалиться имъ, или лучше не знать его никогда.

— А вы тогда....

— Я? я буду всегда тотъ же, и если не суждено, чтобъ вамъ было возвращено имя вашего отца, я женюсь на васъ, какъ если бы вы были точно дочь гастальда, какъ я и началъ любить васъ.

Бескапе взялъ руку Изабетты и съ жаромъ поцѣловалъ. Она вздрогнула, никогда не испытавъ ничего подобнаго, и хотѣла отдернуть руку, которую молодой человѣкъ держалъ въ своей; онъ кротко удержалъ ее и прибавилъ:

— Съ этой минуты, Изабетта, вамъ извѣстны мои чувства, и въ чистотѣ ихъ я васъ прошу не сомнѣваться.... Но пора мнѣ васъ оставить: кто бы не замѣтилъ!

И, какъ бы побѣждая въ себѣ болѣе страстное изъявленіе чувства, Бескапе быстро всталъ, и скорыми шагами вышелъ изъ сада. Дѣвушка нѣсколько мгновеній себя не помнила.

Джіаннантоніо отыскалъ Джіузеппе гастальда, и имѣлъ съ нимъ длинный разговоръ. Должно быть, и этимъ свиданіемъ онъ остался доволенъ, потому что почти вся ночь прошла для него въ мечтахъ болѣе свѣтлыхъ, нежели мрачныхъ. Онъ заснулъ лишь къ утру, съ улыбкой на губахъ.

## III.

Въ покоѣ, обитомъ богатымъ штофомъ, нетерпѣливымъ шагомъ прохаживался человѣкъ лѣтъ шестидесяти, почти малаго роста, яркаго цвѣта лица, рѣшительнаго вида и характера, который особенно выражался въ бровяхъ и нѣсколько несоразмѣрномъ орлиномъ носѣ. Иногда онъ подносилъ къ глазамъ листъ бумаги, весь исчерченный и покрытый какъ бы на скоро набросаннымъ стратегическимъ планомъ.

То былъ Джіанъ-Джіакомо Тривульзіо, изъ злобы на Лодовика Сфорзу, прозваннаго Мавромъ, принявшій начальство надъ фран-

цузскими войсками, посланными въ Миланъ Лудовикомъ XII для изгнанія Мавра, и теперь генералъ-капитанъ короля Франціи и генералиссимусъ надъ его полками въ Италіи.

Тривульзіо, какъ видно было, ждалъ кого-то.

И вотъ пажъ доложилъ о синьйорахъ Висконти и Паллавичино, которые тотчасъ и были введены.

Генералъ-капитанъ поклонился имъ слегка, не отводя глазъ отъ бумаги.

Видя, что Миланъ принимаетъ его хорошо, однако желая взять и кастелло, который держался въ оборонительномъ положеніи, занятый во имя бѣжавшаго Сфорзы, Тривульзіо снялъ свой лагерь въ Кассино и 8-го сентября перенесъ его подъ самый Миланъ, а на другой день ввелъ войска въ городъ, поставивъ артиллерію такъ, чтобы можно было, еслибы понадобилось, обстрѣливать кастелло, по направленію къ которому съ разныхъ сторому размѣстилъ и остальное свое войско. Но ежели Тривульзіо не мало надѣялся на твердообученныя дружины и на расположеніе народа, онъ, какъ опытный полководецъ, и не менѣе опытный человѣкъ, понималъ, что его Гасконцамъ грозитъ неминуемая опасность, если они будутъ оттѣснены отъ кастелла, тѣмъ больше, что въ такомъ случаѣ не мудрено повернуться противъ него и жителямъ, уже раздраженнымъ неистовствами Французовъ, безъ которыхъ не проходило часу. И потому онъ положилъ овладѣть кастелломъ, безъ выстрѣла, обманомъ и подкупомъ. Съ такою цѣлью онъ и пожелалъ посовѣтоваться съ мессеромъ Франческо Бернардино Висконти и мессеромъ Антоніо Маріа Паллавичино, знатными миланскими кавалерами.

Онъ изложилъ имъ свою мысль.

— Я думаю, началъ Висконти, что кастелланъ Порта Джіовіа согласится капитулировать, какъ вамъ будетъ угодно, мессеръ Джіанъ Джіакомо.

— Онъ натуры нѣмецкой, въ родѣ графа Гайяццо Сансеверино, прибавилъ Паллавичино. — Не будь отецъ Андреа далла Кіеза, Сансеверино вамъ бы руками сдалъ своего друга Сфорзу, повѣрьте мнѣ. Таковъ же и тотъ мессеръ Бернардино да Корте. Дайте его глазамъ разгорѣться на золото Лудовика XII, онъ сдастъ вамъ кастелло безъ большихъ церемоній.

— А кто ему передастъ наши предложенія? спросилъ Тривульзіо.

— Объ этомъ подумаемъ мы, отвѣчали почти въ одинъ голосъ оба кавалера. — Что жь предлагать ему? дополнилъ Висконти.

— Вы велите сказать ему, что именемъ короля Франціи, я обѣ-

щаю ему почетныя награды, ему и его сыновьямъ. Дарую жизнь ему и всѣмъ, кто будетъ въ кастелло, и сверхъ того двѣсти-пятьдесятъ лиръ золотомъ.

— Прекрасно, замѣтилъ Паллавичино, эта грязная душа не попятится отъ такой благодати, закладываю мою голову мессеръ Джіанъ-Джіакомо, не пройдетъ недѣли, кастелло Порта-Джіовіа будетъ въ вашихъ рукахъ.

Тривульзіо обнялъ Палалавичино и Висконти, и провожая ихъ сказалъ:

— Тогда будетъ чѣмъ подѣлиться всѣмъ троимъ. Расплатившись съ измѣнникомъ, подѣлимъ все попріятельски. Мессеръ Франческо Бернардино, мессеръ Антоніо Марія, уговоръ дороже денегъ.

Гости вышли.

Тѣмъ же вечеромъ, оба кавалера, взявши пароль, пробрались черезъ цѣпи Гасконцевъ, и на арбалетный выстрѣлъ отъ кастелла пошли вдоль него. Наконецъ, подъ защитою темноты и еще болѣе кущи столѣтнихъ дубовъ, они остановились противъ слабѣйшаго фаса кастелло, не вдалекѣ отъ церкви Санта-Марія дель кастелло, изъ которой падала полоска свѣта.

Кавалеры молчали. Вдругъ изъ ближайшей улицы Санъ-Николо вышелъ человѣкъ, оглядывавшійся безпрестанно: онъ быстро прокрался подъ дубы.

Прежде чѣмъ онъ могъ замѣтить стоявшихъ тутъ, двѣ желѣзныя руки схватили его за обѣ руки, и въ темнотѣ передъ нимъ блеснулъ кинжалъ.

— Помилусердуйте! шопотомъ произнесъ незнакомецъ. «Что вамъ отъ меня надо?»

— Прежде всего,—заговорилъ также тихо Висконти,—подай сюда депеши, которыя ты несешь въ кастелло.

И, обыскавъ его, Висконти нашелъ нѣсколько писемъ.

— Потомъ, продолжалъ Франческо Бернардино,—если хочешь быть живъ, и сверхъ того получить награжденіе, говори лозунгъ, по которому тебя должны были впустить въ кастелло.

— Клянусь вамъ всѣми святыми! отвѣчалъ шпіонъ, — все, все скажу, мессеры, только дайте духъ перевести.

— Говори, перебилъ Паллавичино, что тебѣ платитъ Сфорза?

— Дукатъ въ мѣсяцъ, пробормоталъ шпіонъ.

— Скряга! замѣтилъ Висконти.—Хочешь за два служить королю Франціи?

— Съ радостію, мессере, отвѣчалъ смѣлѣе незнакомецъ, — вотъ вамъ лозунгъ кастелло: Беатриче и Бенедетта, сказать

два раза, и два раза ударитъ въ ладоши. Съ такими синьорами долго думать нечего.

— Чѣмъ ты поручишься за свою вѣрность? спросилъ Паллавичино, отпуская ему руки.

— Жизнію, моей жизнію, жизнію Терезы, жены Карлина Менгино.

— Гдѣ твоя семья? продолжалъ Паллавичино.

— Въ Лардираго, подъ Павіей: вотъ глядите.

Шпіонъ вытащилъ изъ-за пояса клочокъ бумаги и подалъ его Висконти.

— Чорта прочтешь въ этой темнотѣ! воскликнулъ Висконти.

— Ничего, ничего, перебилъ Паллавичино.—Слушай же. Ты снесешь вотъ это письмо въ кастелло и отдашь его кастеллану, мессеру Бернардино да Корте; это — Филиппину даль Фіеско, третье—Кристофору да Калабріо. Ежели завтра утромъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, мы получимъ отвѣтъ, тебѣ десять дукатовъ. Ежели нѣтъ, жена твоя, до сумерекъ, будетъ повѣшена.

Шпіонъ нырнулъ въ воздухѣ изъ-подъ рукъ Паллавичино, поклонился обоимъ почти до земли, и легкій, какъ серна пустыни, въ три прыжка очутился подъ подъемнымъ мостомъ кастелла. Онъ два раза ударилъ въ ладоши, потомъ тихо, однако такъ, что могъ разслышать часовой, произнесъ:

— Беатриче и Бенедетта!

Спустилась длинная веревочная лѣстница, по которой тотчасъ же поднялся шпіонъ.

На другое утро Карлинъ Менгино рано былъ подъ старыми дубами. Онъ ждалъ съ добрый часъ, когда подошли два кавалера.

— Беатриче, произнесъ шпіонъ.

— И Бенедетта, отвѣчали кавалеры, и оба по два раза ударили въ ладоши.

Менгино подалъ имъ три письма. Они поспѣшно пробѣжали ихъ, и Паллавичино бросилъ ему кошелекъ.

— Спросишь мессера Франческо Бернардино Висконти, — и получишь остальныя.

И два кавалера исчезли.

Въ то же самое утро, Джіанъ-Джіакомо Тривульзіо, имѣя съ одной стороны мессера Франческо Бернардино Висконти, съ другой мессера Антоніо Марія Паллавичино, и сопровождаемый довольно многочисленнымъ отрядомъ съ бѣлымъ знаменемъ впереди, торжественно подъѣхалъ къ подъемному мосту кастелла. Мостъ мгновенно былъ опущенъ, а на встрѣчу вышелъ кастелланъ Бернардино да Корте, и поднесъ Тривульзіо ключи отъ крѣпости.

Генералъ-капитанъ короля Французовъ занялъ кастелло, поз-

воливъ всѣмъ, въ немъ находившимся, итти, куда кто хочетъ. Одинъ старикъ, совсѣмъ немощный, пожелалъ, чтобы его перенесли въ домъ его пріятеля. Тривульзіо и это приказалъ исполнить. И за тѣмъ драгоцѣнности, камни, золото, ткани, все, что нашлось въ кастелло, наградивъ предателя кастеллана, подѣлили между собой генералъ-капитанъ, Висконти и Паллавичино.

## IV.

Въ восторгѣ отъ счастливаго исхода своихъ плановъ, Тривульзіо рѣшилъ тотчасъ же послать извѣстіе Лудовику XII. Не откладывая, онъ написалъ къ королю, и звалъ его прибыть лично въ Ломбардію, пожать плоды его побѣдъ. Изготовивъ депешу онъ не нашелъ повѣрить ее никому лучше, какъ Карлину Менгино. Ему былъ данъ приказъ ѣхать день и ночь и вручить депешу самому королю, который обѣщалъ Джіанъ-Джіакомо, наградить Менгино по-своему.

Едва былъ отправленъ Менгино, Джіанъ-Джіакомо доложили, что проситъ предстать передъ него какой-то молодой человѣкъ. Тривульзіо, не перестававшій повторять, что онъ во всякое время готовъ чинить правду для всякаго, и увѣренный, что дѣло идетъ объ одномъ изъ тѣхъ неистовствъ французскихъ солдатъ, на которыя безпрестанно приносились жалобы, велѣлъ звать незнакомца.

Вошелъ юноша лѣтъ съ небольшимъ двадцати, бѣлокурый, съ нѣжнымъ выраженіемъ лица, на которомъ едва пробивались усы и борода. Его черный бархатный пурпуанъ стягивалъ кожаный поясъ, застегнутый матовой золотой пряжкой; все остальное было на немъ шелковое, яркое, свѣжее, въ рукахъ онъ держалъ беретъ съ бѣлымъ перомъ цапли. Нарядъ, какъ и лицо, свидѣтельствовалъ, что вошедшій принадлежитъ не къ простому роду. Однакожь, онъ, поклонившись, скромно остановился у порога.

— Подойдите поближе, молодой человѣкъ, сказалъ Тривульзіо,—какъ васъ зовутъ?

— Джіаннантоніо Бескапе, эччеленца, сынъ Виталіяно.

— И онъ опять поклонился.

— Мы съ вашимъ отцомъ пріятели. Что вы мнѣ о немъ скажете новаго?

— Онъ живъ и здоровъ, эччеленца, но не знаетъ, что я теперь стою передъ вами.

— И еслибъ зналъ, не поблагодарилъ бы; знаю. Знаю, онъ не нашего полка. Но у всякаго свое мнѣніе. А вы что хотите отъ меня?

— Прежде всего, эччеленца, благоволите меня выслушать я буду кратокъ. А потомъ окажите справедливость.

— Противъ кого? спросилъ, улыбаясь, Тривульзіо.

— Противъ васъ, эччеленца.

— Если такъ, имѣете величайшее право на мое вниманіе. Говорите.

— Я изучалъ Пандекты въ Павіи. По праздникамъ, любилъ я ѣздить верхомъ по окрестностямъ и въ одинъ прекрасный день очутился въ крошечномъ мѣстечкѣ, которое называется Лардираго....

Тривульзіо провелъ рукою по лбу, какъ будто, чтобы согнать налетѣвшее облако. Студентъ между прочимъ продолжалъ:

— Тутъ судьба послала мнѣ на встрѣчу молодую дѣвушку, прекрасную какъ ангелъ, и граціозную какъ французская дама, хотя и одѣтую не по городски, и, какъ говорили, дочь гастальда. Я видѣлъ ее нѣсколько разъ, и плѣнился ею до того, что, найдя случай переговорить съ ней, поклялся ей вѣрностію на всю жизнь. Въ обмѣнъ за залогъ моего постоянства, который я вручилъ ей, она дала мнѣ медальйонъ съ портретомъ женщины, которую она называетъ своей матерью. Бѣдняжка никогда не знала ея имени, и отроду не слыхала объ отцѣ. Но, чего она не знала, и до сихъ поръ не знаетъ, то открылъ я, и вывели меня, эччеленца, на слѣдъ истины, вотъ эти два слова:

И открывъ амулетъ, Бескапе подалъ его Тривульзіо.

— Tres vultus, прочелъ Джіанъ-Джіакомо и, помолчавъ, прибавилъ:—мой....

— Видите, я угадалъ, эччеленца, у васъ въ гербѣ три лица (*), а посредствомъ этого ключа я открылъ, что это портретъ графини Изабетты дель Сепріо.

Джіанъ-Джіакомо взялъ амулетъ изъ руки юноши, и, напряженно глядя на портретъ, заплакалъ какъ ребенокъ. Наконецъ, онъ прервалъ молчаніе.

— Говорите, говорите.

— Графиня Изабетта, оставленная вами, эччеленца, когда вы были удалены въ изгнаніе, незадолго передъ тѣмъ, какъ сдѣлаться матерью, чтобы убѣжать отъ злословія, скрылась въ Лардираго, откуда писала вамъ о своемъ положеніи, и гдѣ родилась дѣвочка, которую она отдала на попеченіе Джіузеппе, гастальду мессера Джіанъ-Піетро деи Рицци. Передъ кончиной, графиня просила его держать ея дочь, какъ бы свою, и сказала, что еслибы ей или ему когда въ жизни случилась какая нужда, обраща-

---

(*) Tre volti.

лись бы они къ вамъ, какъ отцу. Всего три дня послѣ родовъ прожила несчастная мать, за нѣсколько часовъ передъ смертью надѣла дѣвочкѣ на шею этотъ амулетъ съ изображенiемъ, которое сдѣлалъ Леонардо-да-Винчи, и угасла спокойно.

Тривульзiо старался осилить свои чувства, но нетвердымъ голосомъ спросилъ:

— А дочь?

— Выросла и красавица, какъ я имѣлъ честь доложить вамъ эччеленца, и, какъ дочь гастальда, невѣста Джiаннантонiо Бескапе, который стоитъ передъ вами.

Тривульзiо вскочилъ съ кресла, схватилъ юношу за голову, и нѣсколько разъ поцѣловалъ его въ лобъ.

— Сынъ мой! Сынъ мой! восклицалъ онъ.—Благослови тебя Господь! Отчего же нѣтъ съ тобой моей дочери? Отчего ты ее не привезъ съ собой?

— Комужь бы пришло въ голову, отвѣчалъ тронутый молодой человѣкъ, что Джiанъ-Джiакомо Тривульзiо, храбрый, знаменитый полководецъ, среди своихъ побѣдъ вспомнитъ объ Изабеттѣ. бѣдной дѣвочкѣ, которая выросла въ безвѣстности?

— О, я самъ возьму ее оттуда, я возвращу ей имя ея отца! съ жаромъ перебилъ Тривульзiо.

— По моему, осмѣлился замѣтить Бескапе,—надо подождать открывать ей его. Позвольте мнѣ приготовить ее къ такому счастiю, и я тогда представлю вамъ ее свободною отъ всякихъ обязательствъ. Я понимаю, что дочь Тривульзiо, должна расчитывать на союзъ блистательный, а я не болѣе какъ патрицiй безъ всякаго другаго титула.

Джiанъ-Джiакомо быстро подошелъ къ столу, сѣлъ, написалъ что-то на пергаментѣ, приложилъ свою печать и подалъ пергаментъ юношѣ, который бѣгло прочелъ:

« Именемъ Лудовика XII, короля Францiи и Iерусалима и Сицилiи, и герцога Орлеана, Бретаньи и Милана, я, Джiанъ-Джiакомо Тривульзiо, генералиссимусъ французской армiи, и во имя короля губернаторъ Милана, въ силу власти мнѣ данной. жалую миссеру Джiаннантонiо Бескапе, родомъ Миланцу, званiе адъютанта, съ военными почестями».

Бескапе возвратилъ пергаментъ Тривульзiо.

— Эччеленца, я не могу принять ничего отъ врага моего отечества: Лудовикъ XII не законный герцогъ Милана.

— Я забылъ, что вы изъ Бескапе, молодой человѣкъ. Опытъ покажетъ вамъ, въ какое положенiе вашъ законный герцогъ привелъ ваше отечество, которое и мое тоже. Начата противъ похитителя власти вендетта несчастнаго Джiанъ Галеаццо, который

умеръ въ кастеллѣ Павіи, единому Богу извѣстно, какъ и я вамъ ручаюсь, что она будетъ исполнена до конца. Съ лѣтами, мессеръ Джіанпантоніо, будете умнѣе. Но, если ваше знамя и не наше знамя, пусть оттого не страдаетъ дружба. Дайте мнѣ вашу руку.

Бескапе протянулъ правую руку, которую Тривульзіо крѣпко пожалъ.

— Когда мы увидимся? спросилъ послѣдній.

— Завтра, генералъ, увидите меня съ Изабеттой.

Юноша поклонился и вышелъ.

Откуда же узналъ Бескапе тайну рожденія Изабетты и отношеній Тривульзіо къ ея матери? Отъ гастальда деи Рицци. Назвавъ по медальйону Тривульзіо, какъ отца ея питомицы, молодой человѣкъ тѣмъ подалъ поводъ добродушному Джіузеппе думать, что знаетъ всю исторію Тривульзіо съ графиней дель Сепріо, и подробности уже самъ собой выболталъ старикъ.

## V.

Между тѣмъ въ Лардираго, на церковной площадкѣ, каждый день сбирались до пятидесяти молодцовъ, и, подъ распоряженіемъ Арипрандо, изощрялись въ военныхъ пріемахъ, производя аттаки, пріучаясь заряжать мускеты, и стрѣлять въ цѣль, и работать косами, кинжалами, шпагами, пиками и всякимъ оружіемъ, какое только могли добыть, чтобы быть готовыми достойно встрѣтить Французовъ.

Въ то утро, когда Бескапе былъ въ Миланѣ, Арипрандо, объявилъ своему отряду, что необходимо, по важнѣйшему дѣлу, держать военный совѣтъ, и тутъ же разсказалъ о переметчикѣ Карлино Менгино и горькихъ планахъ его измѣны, т. е. совершенномъ овладѣніи Миланомъ Французами.

— Убить его! первый закричалъ Пандино, — только занесетъ ногу сюда.

— Убить! убить! подтвердили въ одинъ голосъ всѣ.

— Мало, перебилъ Арипрандо;—вы думаете, онъ теперь покажется сюда? Что жь толку отъ вашего приговора? Что разнесетъ его по свѣту вѣтеръ. Нѣтъ, надо, чтобъ осталась навсегда память его измѣны. Я предлагаю срыть его домъ.

— До послѣдней щепки! подхватили голоса.

— А семья? спросилъ кто-то.

— И семьѣ измѣнника смерть! отвѣчалъ Арипрандо.—Смерть. смерть! дружно поддержали всѣ.

И съ крикомъ бросились къ домишку Менгино.

Этотъ домишко состоялъ изъ одной горницы въ нижнемъ жильѣ и двухъ крошечныхъ въ верхнемъ. Онъ стоялъ позади богатаго дома Джіанъ Піетро деи Рицци. Въ немъ жила теперь старуха мать Карлино, больная и въ постели, и жена его Тереза. Къ нимъ любила ходить Изабетта, и она была у нихъ, когда къ дому подступила наша ватага. Найдя нижнюю дверь запертою, сподвижники Арипрандо тотчасъ взломили ее, такъ что Тереза и два ея мальчугана только успѣли вскрикнуть. Изабетта, не потерявшая присутствія духа, хоть и не понимала въ чемъ дѣло, бросилась къ выходу и явилась передъ толпой.

— Что вы тутъ дѣлаете, Арипрандо? спросила она въ недоумѣніи.

— Карлинъ Менгино, отвѣчалъ Арипрандо,—обезчестилъ насъ измѣной. Онъ передался Французамъ. Мы не успокоимся, пока камень на камнѣ останется въ домѣ предателя. Но васъ мы просимъ выйти. Мы хотимъ, чтобы бездѣльникъ, если воротится, видѣлъ, что мы зачли ему его предательство.

— И чтобы нашелъ только тѣло своей жены, которую онъ убилъ своимъ гнуснымъ дѣломъ.

— Да! да! поддерживали голоса.

Подошедшая передъ тѣмъ Тереза, услышавъ это, повалилась на землю.

— Арипрандо, сказала Изабетта,—вы были храбрымъ воиномъ; неужели же вы всѣ мои земляки, которые, я думала, собрались вокругъ васъ для добраго дѣла, неужели вы поднимете руки на несчастныхъ, ни въ чемъ не виноватыхъ? Что они вамъ сдѣлали? Чѣмъ провинились?

— Измѣнничье сѣмя! перебилъ Пандино.

— Помилосердуйте, продолжала Изабетта.—Вы видите, несчастная женщина безъ памяти! Матерьми вашими, женами, дѣтьми вашими заклинаю васъ, оставьте несчастную!

— Правда, замѣтилъ Арипрандо, — Изабетта говоритъ дѣло. Намъ до нея нѣтъ дѣла. Пусть же онѣ выходятъ съ вами и успокоятся. Но, чтобы Менгино не нашелъ въ Ларднраго и кровли укрыться, долой его гнѣздо!

Изабетта помогла приподняться Терезѣ, взяла ее подъ руку и увела съ собой. Дѣти уцѣпились за подолъ матери, и всѣ они направились къ дому деи Рицци.

Между тѣмъ притащили лѣстницу, влѣзли на крышу домишка Менгино, сорвали трубу, разбили черепицы, и перекладины; другіе ломали внутренность жилья. Вдругъ пролѣзшіе черезъ крышу въ верхнія горницы, остановились передъ ужаснымъ зрѣлищемъ. На бѣдной постели лежала мертвая старуха, съ сложенными ру-

ками, казалось, какъ бы, въ послѣднее свое мгновеніе, просившая помощи. Это была мать Менгино, и до того едва живая, но, вѣроятно, умершая отъ испуга, разслыша въ угрозѣ изъ рѣчей толпы.

Грустная картина ошеломила ея зрителей. Злоба мигомъ остыла, и всѣ молча разбрелись. Однакожь домишка отнынѣ былъ точно необитаемъ, Не оставили на мѣстѣ ничего кромѣ четырехъ стѣнъ и кровати мертвой старухи. Но каковъ же былъ ужасъ бѣдной Изабетты, когда, проводя Терезу съ дѣтьми, она воротилась къ дому Менгино взглянуть на старуху, съ тѣмъ, чтобы, сообразить, какъ ее перетащить отсюда!

## VI.

На другое утро, ярко и весело горѣла общественная пекарня (*) Лардипраго. Кумушки сновали взадъ и впередъ съ корзинами, покрытыми бѣлыми настольницами, подъ которыми сидѣли хлѣбы всѣхъ сортовъ и видовъ. Другія толкались передъ печкой, сажая или вынимая пухлыя булки, и, воздухъ этой тѣснинки, украшеніями которой были лопаты, ситы, ящики, скалки и тому подобная утварь, сильно возбуждалъ аппетитъ, какъ всегда запахъ горячаго хлѣба. Не мало женщинъ съ корзинами ждали на дворѣ своей очереди, и, покуда, рѣчь между ними шла, конечно, и о вчерашнихъ событіяхъ. Въ это время подошла и Изабетта съ своими любимыми брузаденнями, т. е. пирожками съ виноградомъ. Ей тотчасъ дали просторъ, потому что ее всѣ любили, и только что благословляли за спасеніе Терезы. Хозяйка печи, мимо очереди, посадила въ печь ея печенье. Изабетта поневолѣ вмѣшалась въ кучку возившихся у печки, и всѣ принялись благодарить ее за вчерашнее, къ немалому ея смущенію.

Вотъ пришелъ и Джіузеппе съ хлѣбами для семьи своего господина, но, увидѣвъ, что ему ждать еще долго, онъ поставилъ корзины, и пошелъ по другимъ дѣламъ.

Вдругъ, никто не видалъ откуда, у самаго входа въ пекарню явился солдатъ, котораго по его цвѣтамъ и вооруженію всѣ присутствующіе признали за одного изъ Французовъ, пришедшихъ въ Ломбардію съ полками Лудовика XII, подъ начальствомъ Три-

(*) До сихъ поръ во многихъ селеніяхъ Ломбардіи хлѣбъ печется не дома, а въ общественной пекарнѣ, содержимой однимъ изъ жителей, которому, разумѣется, за это платится.

вульзіо. Никто не хотѣлъ обратить на него особеннаго вниманія, и всѣ имѣли тотъ предлогъ, что были заняты своимъ дѣломъ.

Французъ принялся бормотать что-то по своему, изъ чего ни одна изъ женщинъ не понимала ни слова; но, казалось, онъ велъ рѣчь о красотѣ Изабетты. Изабетта, видя, что онъ все наступаетъ на нее, начала смущаться и, подойдя къ вошедшей женѣ Карлино Менгано, говоритъ:

— Боюсь я этого француза, Тереза. Наслышались мы про нихъ чудесъ. Видѣли вы, съ какой онъ стороны пришелъ?

— Нѣтъ, не видала. Но будьте покойны, Изабетта. Если онъ чуть чуть что затѣетъ, я ему не дамъ васъ и волосомъ тронуть, пока не позовемъ на помощь.

Французъ еще подошелъ и сказалъ нѣсколько словъ Изабеттѣ. Она его опять не поняла, и отвѣтила ему знаками, что она его и не понимаетъ и боится. Вдругъ онъ протянулъ руку и потрепалъ Изабетту по щекѣ; она рѣзко его оттолкнула и прикрикнула на него. Но солдатъ становился все нахальнѣе. Онъ схватилъ Изабетту обѣими руками и поцѣловалъ ее въ лобъ, какъ она ни отбивалась, и хотя Тереза, подскочившая сзади, ухватилась ему за шиворотъ. На отмашъ, не оборачиваясь, ударилъ онъ Терезу кулакомъ въ грудь, и она упала на землю. Изабетта крикнула на помощь, и, схвативъ сито, ударила имъ француза по головѣ, но у него только зазвенѣло въ ушахъ и онъ пуще озлобился. Онъ вытащилъ шпагу, бросился на Изабетту и ранилъ ее въ руку, которою она отмахивалась. Брызнула кровь, Изабетта устала и совсѣмъ растерялась, и наступило рѣшительное мгновеніе. Но между тѣмъ Тереза съ другою женщиною, бросившись къ выходу пекарни, во всю силу кричали:

— Помогите, помогите!

Старикъ Джіузеппе, который возвращался въ пекарню, прибавилъ шагу, и, войдя, въ ту минуту, какъ французъ покушался на послѣднее неистовство, гастальдо вытянулъ его сзади по головѣ своей палкой, и за первымъ ударомъ съ быстротою, не по лѣтамъ Джіузеппе, посыпались другіе. Но солдатъ обернулся и ткнулъ свою шпагу въ плечо старика.

Въ это время послышался звонъ колокола, — хозяйка пекарни бросилась къ колоколамъ, и вмѣстѣ съ ризничимъ, ударила въ набатъ.

Изабетта, у которой кровь лила ручьемъ, хотѣла броситься изъ пекарни, чтобы хоть живой уйдти отъ француза, но онъ, успѣвши докончить Джіузеппе, который лежалъ на землѣ безъ движенія, повалилъ и ее, хвативъ ее концомъ шпаги въ бокъ.

Однако уже бѣжалъ къ пекарнѣ Арипрандо съ своимъ отря-

домъ, услышавши крики Терезы, такъ что когда французъ занесъ ногу вонъ изъ пекарни, онъ очутился передъ кучкой вооруженной молодежи. Видя, что онъ пропалъ, бездѣльникъ поблѣднѣлъ и, даже не пытаясь обороняться, далъ выхватить у себя изъ руки шпагу. Пандино бросился на него, и, сдавивъ ему руки, сгоряча требовалъ у него отчета. Французъ разсыпался въ проклятіяхъ на своемъ нарѣчіи.

Арипрандо обратился къ предстоящимъ и сказалъ:

— И судить нечего! Свяжите его хорошенько веревками, которыя мы ему развяжемъ къ празднику.

Потомъ, взглянувъ на простертыхъ на землѣ Джіузеппе и Изабетту, онъ оборотился къ французу, дико посмотрѣлъ на него, съ размаху ударилъ его кулакомъ по лицу, и поклялся страшнѣйшей вендеттой. Послѣднее онъ сказалъ по-гасконски, такъ что солдатъ его совершенно понялъ.

Тереза, воротившись отъ колокола съ другими женщинами, подняла съ ними Изабетту, плававшую въ крови, и тѣ унесли ее домой; Джіузеппе отнесли въ домъ общественнаго управленія.

На другой день, пріѣхавшій изъ Милана Бескапе, поровнявшись съ церковью, съ ужасомъ увидѣлъ, что она обтянута трауромъ, и прочелъ надъ входомъ надпись: «Миръ душѣ Дзіузеппе Каччіалупо, убитаго Французомъ». Студентъ уже хотѣлъ пуститься къ дому Деи Рицци, какъ стало подходить погребальное шествіе. Впереди ризничій несъ крестъ; за нимъ слѣдовало духовное братство въ своемъ нарядѣ, но безъ псалмопѣнія, а безмолвное; потомъ несли гробъ, за которымъ шли приходскій и четыре другіе священника въ черномъ облаченіи; шествіе замыкалъ убійца, въ цѣпяхъ, и болѣе мертвый, нежели живой, подгоняемый пиками и толчками ватаги Арипрандо. Сзади всѣхъ послѣднимъ шелъ Карпанелло. Увидѣвъ его, Бескапе молча пожалъ ему руку, тотъ молча прошелъ со всѣми въ церковь, и Джіаннантоніо, какъ будто чуя большую бѣду, во весь духъ пустился къ дому мессера Деи-Рицци.

Тѣло Джіузеппе внесли въ церковь, въ которую вступила и вся процессія, не исключая и убійцы. Покуда происходила служба, французъ долженъ былъ стоять на колѣняхъ. Наконецъ къ нему подошелъ священникъ.

— Помогите ему, донъ Гальдино, сказалъ Арипрандо, — умереть не такой собакой, какъ онъ жилъ.

Потомъ, обратившись къ солдату, сказалъ ему на его языкѣ:

— Приготовься умереть.

Французъ плакалъ и всячески выражалъ свое отчаяніе.

— Твои слезы, продолжалъ Арипрандо, — не стоятъ слезъ

нашего селенія о злѣ, которое ты ему сдѣлалъ, и жизни этого честнаго человѣка, а можетъ быть и ангела Лордираго.

Священникъ, раздѣлявшій чувства и изступленіе прихожанъ, не нашелъ въ себѣ силы христіанскаго милосердія, и не обронилъ ни слова прощенія, ни слова мира, и не оказывалъ ни малѣйшаго противодѣйствія смертному приговору надъ Французомъ. Осужденный впалъ въ столь тупую безнадежность, что и не слушалъ священника, который склонялъ его къ покаянію. Ариприндо терялъ терпѣніе. Наконецъ священникъ окропилъ солдата, и отошелъ въ сторону.

Тогда Пандино потащилъ Француза вонъ изъ церкви.

Паперть и церковная площадь были усыпаны народомъ. Набѣжало не мало изъ сосѣднихъ селеній: женщины, мущины, дѣти, старики и молодые, всходили равно озлобленные, всѣ проклинали имя Французовъ.

Солдата повели по направленію къ пекарнѣ, противъ которой была поставлена висѣлица. Ариприндо положилъ его повѣсить, говоря, что сабля и мускетъ—орудіе смерти почетной, и что отъ нихъ умираютъ храбрые на войнѣ. Пандино, всегда подтверждавшій рѣшенія своего начальника, и на этотъ разъ согласился съ нимъ, и принялъ на себя исполненіе приговора.

Изступленная толпа долго еще ругалась и надъ трупомъ солдата. Не многіе молча смотрѣли на страшное зрѣлище, но и никто не могъ оторваться отъ него скоро.

— А все-таки, замѣтила одна добрая старушка, бредя съ кучкой домой въ свое селеніе, — надо бы ему дать умереть по-христіански. Грѣхъ одинъ, что они тутъ дѣлали у висѣлицы!

— Молчи, перебилъ ее суровой старикъ, — эдакій праздникъ надо бы задать всѣмъ этимъ собакамъ, которые тутъ гложутъ насъ до кости, да еще мерзости творятъ надъ женщинами. Наше милосердіе, наше терпѣніе, ослиное терпѣніе, насъ и вовсе погубятъ, я всегда говорю!

## VII.

Въ то самое время, какъ происходили похороны Джіузеппе, мессеръ Джіанъ Піетро Деи-Рицци вошелъ въ горницу, гдѣ лежала раненая Изабетта. Онъ держалъ въ рукахъ свертокъ бумагъ, съ сломанными печатями. Джіанъ-Піетро тихо спросилъ Терезу, жену Менгино, которая не отходила отъ Изабетты:

— Ну что?

— Какъ будто есть надежда, также отвѣчала Тереза. — Кажется, лучше.

— Мессеръ Джіанъ Піетро. подхватила Изабетта, подслушавшая разговоръ,—спасибо за ваши заботы.

Тогда Деи Рицци знакомъ показалъ Терезѣ, чтобъ она ихъ оставила наединѣ, и Тереза вышла.

— Изабетта, началъ онъ, подсѣвъ къ ней,— вы оплакиваете отца, котораго у васъ злодѣйски убили, а я пришелъ возвратить вамъ другаго, настоящаго вашего отца.

— Мессере, отвѣчала дѣвушка, — я всегда просила Бога, чтобы Онъ дозволилъ мнѣ узнать тайну моего рожденія. Вы хотите мнѣ открыть ее, — да наградитъ васъ Богъ!

— Въ этихъ бумагахъ, которыя остались послѣ бѣднаго Джіузеппе, разсказана вся исторія.

— Такъ отецъ мой....

— Вы дочь Джанъ Джіакомо Тривульзіо, генералъ капитана Лудовика XII, и Изабетты, графини дель Сепріо.

Изабетта, вмѣсто того чтобы изъявить радость, грустно опустила голову на грудь и молчала.

— Вы не радуетесь, спросилъ Деи Рицци, —что происходите отъ такаго знатнаго рода?

— Охотно бы осталась я дочерью бѣднаго гастальда, отвѣчала больная.

— Изабетта, какъ бы ни было. Тривульзіо есть храбрѣйшій изъ полководцевъ христіанскаго міра.

— Худо для него и худо для меня, потому что тѣмъ больше будетъ несчастіе для нашей родины, противъ которой онъ продалъ себя королю Франціи. За это Богъ наказываетъ его и меня. Я чувствую, мессере, что мнѣ жить не долго.

— Полноте, Изабетта, успокойтесь.

— Мессеръ Джіанъ Піетро, имѣетъ ли право найдти свою дочь тотъ, кто у стольких отцовъ отнимаетъ дѣтей? О, если бы Господь помиловалъ хоть мою бѣдную душу!

Водворилось молчаніе, которое прервала Изабетта.

— Мессеръ Джіанъ Піетро, сказала она, я прошу васъ объ одной милости, о послѣдней: мнѣ, право, жить не долго.

— Говорите, говорите, но оставьте страшныя предчувствія.

— Я прошу у васъ прощенія, что до сихъ поръ, хотя и любили вы меня, какъ отецъ, не открыла я вамъ всего моего сердца, не сказала, что я.... что я любила до безумія молодаго человѣка, съ которымъ мы обмѣнялись клятвой, и котораго вы знаете и уважаете.

— Кто же такой?

— Джіаннантоніо Бескапе.

Мессеръ Деи Рицци пристально взглянулъ на Изабетту, удивленный. Она продолжала:

— Не говорите ему имени моего отца, если бы не удались ему его розыски объ этомъ въ Миланѣ. Онъ слишкомъ благороденъ, и не можетъ любить семейство человѣка, который дѣлаетъ несчастіе нашей родинѣ, а для меня будетъ утѣшеніемъ — умереть, зная, что онъ не пересталъ меня любить.

Едва она договорила, вошла Тереза.

— Мессеръ Джіанъ Піетро, доложила она,— мессеръ Джіаннантоніо, вернувшись изъ Милана, проситъ, чтобы вы позволили ему войдти; онъ говоритъ, что послѣ объяснитъ вамъ причину.

Деи Гицци кивнулъ головой въ знакъ согласія, и всталъ на встрѣчу студента, показывая на мѣсто, которое оставилъ.

— Садитесь, сказалъ онъ, — Изабетта ждетъ васъ.

Дѣвушка протянула молодому человѣку руку, которую тотъ пожалъ и поцѣловалъ. Потомъ, чтобы оправдать это уваженіе, онъ обратился къ Деи Рицци:

— Нѣсколько дней тому назадъ я надѣялся обладать этимъ ангеломъ, но не теперь, когда мнѣ совершенно ясно, къ какому знатному роду....

— Тривульзіо и Бескапе, перебилъ Деи Рицци,—тѣ и другіе — патриціи.

— Такъ вы знаете....

— Мессеръ Джіаннантоніо, опять прервалъ хозяинъ, — если союзъ этихъ двухъ именъ—до сихъ поръ желаніе вашего сердца, вамъ принадлежитъ наслѣдство старика Джіузеппе со всѣми этими бумагами. Тутъ доказательства правъ дочери Джіанъ Джіакомо; тутъ и актъ, имъ самимъ присланный, которымъ онъ признаетъ ее.

— Имени Тривульзіо сдѣлало бы теперь большую честь имя Бескапе, сказала Изабетта.

— Такъ эти бумаги мои! воскликнулъ въ восторгѣ юноша.— Отецъ ея далъ мнѣ свое согласіе.

Изабетта тоже просіяла въ отвѣтъ на радость Джіаннантоніо, и хотѣла что-то сказать, но силы ей измѣнили. Только тогда замѣтилъ Бескапе всю опасность ея положенія. Между тѣмъ пріѣхалъ изъ Павіи врачъ. Онъ засталъ Изабетту, дремавшею и осмотрѣвъ ее, объявилъ, что не надѣется спасти ее. Джіаннантоніо плакалъ, и умолялъ врача употребить всѣ свои познанія. Но болѣзнь дѣлала слишкомъ быстрые успѣхи, и къ вечеру врачъ рѣшилъ, что Изабетта не переживетъ завтрашняго дня. Она пожелала видѣть священника, и, принявъ тайны, совсѣмъ успокоилась. Тѣмъ больше было отчаяніе юноши.

Настала ночь. Къ разсвѣту Тереза, за день уставшая, задре-

мала; Бескапе же не смыкалъ глазъ и не отводилъ ихъ отъ больной. Изабетта не спала.

Наконецъ она собрала, что оставалось въ ней силы.

— Джіаннантоніо, сказала она,—мнѣ остается нѣсколько мгновеній. Богъ да благословитъ васъ! Молитесь за меня. Я чувствую: конецъ пришелъ.

— Изабетта, давясь слезами, отвѣчалъ Джіаннантоніо,—любовь моя! Ангелъ мой! Живи для меня, для твоего отца.... живи....

— Развѣ смерть насъ разлучитъ? шептала Изабетта. — Она насъ не разлучитъ; она насъ соединитъ скорѣе. Я вижу.... ему скажешь.... что Италія.... что предатель....

Дѣвушка продолжала шевелить губами, но уже ея не слышно было. Бескапе смотрѣлъ на нее растерянный. Онъ приложилъ руку къ ея головѣ, и почувствовалъ холодный потъ. Тогда онъ пропустилъ одну руку подъ голову, а другою подалъ ей распятіе, самъ плача и шепча молитвы. Вотъ легкое движеніе головой, и вылетѣлъ послѣдній вздохъ Изабетты, коснувшись щеки несчастнаго. Изабетта сомкнула уста въ кроткую улыбку, приподнявъ глаза къ небу.

Убѣдившись въ ея кончинѣ, растерзанный юноша такъ дико вскрикнулъ съ отчаянія, что проснулась Тереза, вскочила, подбѣжала къ Изабеттѣ, и, увидѣвъ, что она умерла, всплеснула руками.

— Господи, возьми ты и меня съ этимъ херувимомъ! Что я теперь одна на свѣтѣ!

Въ одно мгновеніе весь домъ былъ на ногахъ. Джіанъ Піетро насильно увелъ Бескапе въ другую комнату. Студентъ долгое время не слыхалъ, что происходитъ вокругъ него, но когда раздались голоса, просившіе усопшей вѣчнаго покоя, онъ бросился опять въ комнату Изабетты, и, остановившись противъ нея, торжественно произнесъ:

— Прахомъ ея клянусь въ вѣчной ненависти къ врагу моего отечества!

И, чтобы разорвать всякую связь съ Тривульзіо, онъ схватилъ бумаги, которые получилъ отъ Деи Рицци, и зажегъ ихъ.

— Пусть же предателю не останется никакого утѣшенія, обратился онъ къ хозяину; — угрызеніе совѣсти и отчаяніе, вотъ ему что!

Джіанъ Піетро опять старался удалить его, всячески успокоивая; но юноша не унимался, и на просьбу Деи Рицци пойдти отдохнуть, отвѣчалъ, ударяя себя въ грудь:

— Мессеръ Джіанъ Піетро, огонь, который жжетъ меня тутъ,

потухнетъ только въ часъ моей смерти, если не зальетъ его кровь нашихъ враговъ!

Онъ вышелъ въ садъ, разбитый присѣлъ на скамью и задремалъ. Въ этомъ положеніи засталъ его Карпанелло, но едва последній подошелъ къ Бескапе, онъ открылъ глаза.

— Аюжено, сказалъ онъ,—я другой человѣкъ! Вчера я былъ счастливый, влюбленный юноша: сегодня я человѣкъ пропащій, осужденный....

— На что?

— Не знать покоя до того мгновенія, пока на нашей землѣ будетъ хоть одинъ изъ этихъ проклятыхъ Французовъ; а ты знаешь, похоже ли, чтобы они собирались отсюда, и чтобы у нашихъ достало силы прогнать ихъ. У меня же всего двѣ руки, хотя ненависть моя къ нимъ стоитъ сотни.

— Правда, бѣдный другъ, дорого они тебѣ стоятъ. Но, будемъ надѣяться, придетъ и ихъ чередъ. И на этотъ разъ не далекъ онъ, если злоба развивается всюду, также скоро и дѣятельно, какъ въ Лардираго.

— Злоба эта умретъ безплодно, отвѣчалъ Бескапе, печально качая головой.

— Отчего безплодно? Эта молодежь не засидится дома съ руками за-поясъ; всѣ они, какъ только прознали о смерти Изабетты, поклялись отомстить ее подъ стѣнами самаго Милана, въ городѣ, и еслибы не было поздно, и въ кастеллѣ, что разбойникъ Бернардино да Корта продалъ Тривульзіо.

— И ты думаешь, что хватитъ у нихъ смѣлости? спросилъ Бескапе, съ дикимъ восторгомъ и подпираясь въ бокъ.

— Навѣрное, потому что....

Въ это мгновеніе подошли Арипрандо и Пандино. Джіаннантоніо, не дожидаясь, когда они заговорятъ, обратился къ нимъ:

— Скажите, вы пришли подъ этотъ кровъ запастись ненавистью и вендеттой. Вы пришли, глядя на мое отчаяніе, узнать, какимъ отчаяніемъ мы обязаны воздать угнетателямъ нашей родины? Если такъ, друзья, руку! Я всегда буду съ вами.

— А мы съ вами, отвѣчалъ Арипрандо, схватывая его руку.— Вы высокаго рода, вы учены обращаться съ перомъ и со шпагой, вы знаете Миланъ; вы и направите насъ лучше и поведете куда знаете, и когда вы намъ прикажете, мы бросимся напропалую, куда бы ни было.

— Насъ всѣхъ теперь пятьдесятъ человѣкъ, добавилъ Пандино,—всѣ пятьдесятъ, какъ одинъ; только бы работы. Тысячи Французовъ не испугаются.

— Если такъ, воскликнулъ Бескапе, я.... нѣтъ, не я, моя

ненависть, моя злоба, моя вендетта поведетъ васъ. Когда хотите въ походъ?

— Сегодня, отвѣчали въ одинъ голосъ Арипрандо и Пандино. — Мы затѣмъ и пришли, мессере, и нашли васъ такимъ, какимъ ожидали.

— Сегодня, проборморталъ Джіаннантоніо, пораженный печальнымъ соображеніемъ.

— Сегодня,—перебилъ Карпелляно.—невозможно; тю знаешь, Джіаннантоніо.

— Правда, Аюжено,—и Бескаце тяжело вздохнулъ, и опустилъ голову.

Арипрандо и Пандино поняли, что надо ему хоть день еще посвятить Изабеттѣ.

— Такъ завтра утромъ, сказалъ Бескапе.

— Такъ до завтра, мессеръ Джіаннонтоніо, Богъ да хранитъ васъ! сказалъ Арипрандо, и ушелъ вмѣстѣ съ Пандино.

— Тебѣ нельзя съ нами, Аюжено, обратился къ другу Бескапе:—у тебя мать, которая на тебя не нарадуется, и ждетъ тебя, а у меня нѣтъ даже и отца, который бы похвалилъ меня, еслибы я палъ за дѣло герцога Лодовико. Ты воротишься домой, въ то время, какъ меня не станетъ. Судьба распорядила насъ разно. Но въ это мгновеніе и послѣ всего, что было, я не жалуюсь и бѣгу на смерть съ такимъ же смиреніемъ, какъ еслибы шла рѣчь о томъ, чтобы соединиться съ моей Изабеттой: никто изъ тѣхъ, которые отправяться со мной въ Миланъ, навѣрное не воротятся, если только они не меньше меня одушевлены жаждой крови предателей и враговъ. Я тебя прошу объ одномъ Агостино, и ты мнѣ не откажешь.

— Говори; ты знаешь, твое желаніе для меня законъ.

— Когда ты услышишь, какъ погибли мы съ этими молодцами, отыщи Джіанъ Джіакомо Тривульзіо, генералъ-капитана французской арміи, и разскажи ему о моей смерти и о смерти Изабетты. Понялъ?

— До Изабетты ему какое дѣло?

— Онъ тебѣ скажетъ. Обѣщаешь?

— Не забудь неистовствъ французскаго солдата. Все ему разскажешь, Агостино. Дай же мнѣ руку.

— Даю тебѣ слово, что все будетъ исполнено по твоему.

— О, для тебя, Агостино, могутъ еще придти красные дни; ты стоишь быть счастливымъ?

Агостино Карпанелло въ тотъ же день уѣхалъ домой въ Ти–

чино, съ грустными мыслями и съ недобрыми предчувствіями на счетъ участи своего друга.

Между тѣмъ воротился къ Бескапе Арипрандо, объявить ему, отъ имени своей дружины, что всѣ просятъ его обождать выступленіемъ въ Миланъ до тѣхъ поръ, пока не схоронятъ Изабетту, которой и онъ, конечно, хочетъ, и всѣ хотятъ отдать послѣднюю честь. Юноша поблагодарилъ и согласился.

Изабетту схоронили на другой день. Все Лардираго шло за нею, и не мало слезъ лилось. Слѣдовалъ за гробомъ и весь отрядъ Арипрандо. Опуствъ Изабетту въ землю, всѣ разошлись по домамъ, и раньше обыкновеннаго водворилась въ мѣстечкѣ мертвая тишина, какъ будто предвѣстница бури.

## VIII.

И на завтра великолѣпно сіяло солнце и воздухъ былъ прозраченъ какъ весною. Воробьи весело чиликали. Какъ ни звали въ церковь колокола, богомольцевъ было мало: всѣ добрые хозяева спѣшили воспользоваться яснымъ днемъ для сбора винограда.

А охотники Арипрандо снаряжались каждый у себя, въ походъ съ Бескапе. Иные до того вѣрили въ святость своего дѣла, что разсчитывали, что отъ ихъ подвига начнется избавленіе отечества.

И уже почти всѣ были готовы, развѣ иной не успѣлъ затянуть за поясъ *милосердіе*, маленькій кинжалъ, которымъ вооружался непремѣнно всякій, какъ въ Лардираго вступило побольше полусотни конныхъ солдатъ. На груди они имѣли гербъ Франціи, а палаши, цвѣта и сбруя ихъ коней говорили, что они принадлежатъ къ войску Тривульзіо, генералиссимуса короля Лудовика. Въ это время выходили изъ церкви немногіе богомольцы, а въ томъ числѣ Джіанъ-Піетро Деи Рицци. Солдаты тотчасъ бросились на мирную кучку съ обнаженнымъ оружіемъ, смяли ее и кого поранили, кого убили. Крики съ обѣихъ сторонъ, топотъ, лошадей и звуки оружія, наконецъ набатъ, который поднялъ ризничій, неслисъ по селенію.

Арипрандо и Пандино первые прибѣжали на мѣсто происшествія и на-удалую бросились рубить вправо и влѣво. Но не совладѣть имъ было ни съ числомъ Французовъ, ни съ ихъ вооруженіемъ; однако убили, быть можетъ, до десяти враговъ. Подоспѣли другіе молодцы, и тоже не клали охулки на руку, но все-таки Французы не могли не имѣть верхъ, и новыя жертвы пали подъ ихъ ударами, хотя и отомщенныя. Явились на помощь обыватели, не удалившіеся въ виноградники, не исключая женщинъ; кто рабо-

талъ косой, кто серпомъ, но самые отчаянныя усилія поселянъ разбивались объ искусство опытныхъ бойцовъ, исправно снаряженныхъ. Еще бы отрядъ Арипрандо подоспѣлъ на мѣсто разомъ, тогда онъ бы управился, и развѣ бы ушелъ живой лишь тотъ-другой Французъ.

Бескапе, извѣщенный о происходящемъ противъ церкви, дико засмѣялся.

— Проклятые! воскликнулъ онъ.—Избавляютъ насъ отъ похода! Идемте же, обратился онъ къ четыремъ молодцамъ, явившимся за нимъ.

Какъ львы бросились новопришедшіе на Французовъ. Но вотъ начальникъ отряда замѣтилъ, что приближается подкрѣпленіе, и подалъ знакъ своимъ, чтобы они дружнѣе сомкнулись противъ Бескапе и четырехъ молодцовъ, съ нимъ пришедшихъ. Затѣмъ онъ что-то сказалъ двумъ солдатамъ, и двое изъ нихъ поскакали вдоль по Лардираго. Чрезъ нѣсколько мгновеній послышался выстрѣлъ изъ пистолета, потомъ другой въ противномъ направленіи, два посланца возвратились къ бою.

Французамъ между тѣмъ было труда не мало. Но вдругъ издали раздались стоны ужаса и закричали:

— Горимъ! горимъ!

Многіе изъ обывателей невольно оставили бой, и кинулись къ жильямъ: у кого былъ дома ребенокъ, у кого старуха мать. Бескапе и еще живые изъ его товарищей остались предоставленные на собственныя силы, и вскорѣ были такъ стѣснены со всѣхъ сторонъ, что мудрено стало и отбиваться. Вотъ одинъ изъ Фраацузовъ ринулся на Джіаннантоніо, отбилъ ударъ, который этотъ хотѣлъ нанести ему, другой схватилъ Бескапе за горло, третій ударилъ его по ногамъ: несчастный юноша повалился. Его и его четырехъ послѣднихъ товарищей связали по рукамъ и по ногамъ,. и отложили, покуда, окончательное рѣшеніе надъ ними.

Французы одержали верхъ, но когда они сосчитались, изъ шестидесяти не хватило двадцати четырехъ, которые были убиты.

— Теперь, сказалъ начальникъ,—надо докончить дѣло: разграбить и сжечь эту нору. О мертвыхъ подумаемъ послѣ.

Пять человѣкъ остались караулить плѣнныхъ, всѣ прочіе разошлись по домамъ Лардираго. Они ломали и сокрушали все, чего нельзя было или не стоило унести, и подожгли всюду, гдѣ еще не горѣло. Забравшись въ домъ Деи-Рицци, поживились богатой добычей. Потомъ они отправились по кладовымъ и погребамъ, гдѣ нашли виноградные запасы и бездну вина. Что не вдругъ откупоривалось, то пробивалось, и что не было выпито, то пролито— всего, быть можетъ, нѣсколько сотъ брентъ.

Пьяные французы вышли изъ погреба. Кто изъ жителей могъ, убѣжалъ изъ Лардираго, которое продолжало пылать. Когда французы очутились у пекарни, они увидѣли столбъ висѣлицы, на которой былъ преданъ позорной смерти ихъ землякъ. Снявъ трупъ, жители Лардираго оставили на висѣлицѣ одежду и оружіе повѣшеннаго. Французы сорвали то и другое, и вдохновленные злобой, рѣшили на той же висѣлицѣ казнить Бескапе и его четырехъ сверстниковъ. Они свалили тутъ всю добычу, награбленную по мѣстечку, притащили къ пекарнѣ пятерыхъ плѣнныхъ, и, послѣ ужаснѣйшихъ неистовствъ надъ ними, предали ихъ смерти. Бескапе не потерялся до послѣдняго мгновенія.

— Пируйте на послѣдкахъ, разбойники! говорилъ онъ уже на висѣлицѣ. — Не долго вамъ тѣшиться. Да здравствуетъ Ломбардія!

Не чьей больше было проливать крови, нечего было уже воровать или жечь. Французы сѣли на своихъ коней и, захвативъ тѣхъ, которые остались безъ всадниковъ, ушли въ Миланъ.

Слухъ о ихъ набѣгѣ разнесся по околодку, и въ тотъ же день о немъ узнали въ Павіи. Многіе захотѣли взглянуть на разоренное мѣстечко, и изъ первыхъ Агостино Карпанелло.

Прискакавъ на церковную площадку, онъ не вдругъ опомнился отъ ужаса. Цѣла была одна церковь, какъ стоявшая поодаль отъ мѣстечка: все остальное были развалины и дымящіеся уголья. Между тѣлами, Карпанелло узналъ и Деи Рицци и друзей его, которые гостили у Джіанъ-Піетро. Нѣсколько шаговъ дальше, противъ пекарни, увидѣлъ онъ на висѣлицѣ Бескапе. У Карпанелло помутилось въ глазахъ. Но онъ вспомнилъ обѣщаніе, которое далъ несчастному за три дня тому назадъ, и также скоро поскакалъ къ Милану, какъ скакалъ къ Лардираго.

## IX.

Опять въ своемъ богатомъ покоѣ нетерпѣливо прохаживался Джіанъ Джіакомо Тривульзіо.

— Отчего до сихъ поръ нѣтъ Бескапе? разсуждалъ онъ самъ съ собой.—И Изабетта не торопится въ объятія отца! Что значитъ все это? Или она не хочетъ разстаться съ гастальдомъ?

И старый воинъ былъ встревоженъ, какъ слабая женщина.

— И изъ Валтеллины нѣтъ извѣстій! продолжалъ Тривульзіо. Тяжелый день, черный день!

— Депеша, эччеленца, доложилъ пажъ, приподнимая занавѣсъ двери.

И онъ сорвалъ печати съ перваго пакета и прочелъ:

«Мессеръ генералъ-капитанъ,

«По вашему предложенію мы рѣшились прибыть въ Италію. Уже достигнувъ Верчелли, и принятые тамъ съ большими почестями, мы 23-го числа будемъ въ Наварѣ, гдѣ ожидаемъ вашихъ соображеній для отправленія нашего въ Вичевано, которое между тѣмъ вамъ жалуемъ вмѣстѣ съ титуломъ маркиза этой области, въ награду за пріобрѣтенныя вами для насъ кастелло и герцогство Миланское.

«Дано въ Верчелли, въ двадцать первый день сентября, тысяча четыреста девяносто девятаго года.

Лудовикъ.»

— Прекрасно! потирая себѣ руки, проговорилъ Тривульзіо.— Посмотримъ другое.

Другая депеша была отъ монсиньйора д' Обиньи, французскаго капитана, и содержала самыя благопріятныя вѣсти изъ Валтелины. Туда былъ отправленъ д' Обиньи, съ пятью тысячами гасконцевъ, двумя тяжелыми бомбардами и другими орудіями, для занятія и покоренія какъ этого округа, такъ Тирано, Лугано и другихъ прилежащихъ мѣстностей. Д' Обиньи писалъ, что дѣла у него идутъ хорошо, что вездѣ жители расположены въ пользу короля Франціи.

— Тоже добрыя вѣсти! прошепталъ Тривульзіо.

Остальныя письма онъ пробѣжалъ наскоро, какъ вдругъ опять показался пажъ:

— Что тебѣ? спросилъ генералъ-капитанъ.

— Молодой человѣкъ какой-то, изъ Лардираго, желаетъ видѣть нашу эччеленцу сейчасъ же.

— Зови! Зови! отвѣчалъ Тривульзіо, вполнѣ увѣренный, что это Бескапе.

Но вошелъ незнакомый.

— Кто вы такой? удивленный и раздосадованный, спросилъ Тривульзіо.

— Агостино Карпанелло, мрачнымъ голосомъ отвѣчалъ вошедшій.

— Говорите, что вамъ нужно и не теряйте словъ, потому что наши дѣла....

— Мессеръ Джіанноптоніо Бескапе.... перебилъ Карпанелло.

— А отчего его нѣтъ съ вами?

— Онъ убитъ....

— Убитъ? въ ужасѣ воскликнулъ Тривульзіо.

— Сегодня утромъ повѣшенъ Французами.

Тривульзіо упалъ въ кресло. Карпанелло продолжалъ:

— Третьяго дня онъ поручилъ мнѣ явиться къ вамъ, эччеленца, въ случаѣ его смерти: онъ какъ-будто предчувствовалъ свою судьбу,— и взялъ съ меня слово разсказать вамъ объ убійствѣ одной дѣвушки, совершенномъ въ тотъ день.

— Дѣвушки? И ее звали? допрашивалъ Тривульзіо, вскочивъ съ кресла, схвативъ Карпанелло за руку, и пристально глядя ему въ глаза.

— Изабетта, отвѣчалъ Карпанелла.

— Боже! —И Тривульзіо опять упалъ въ кресло.

Наступило молчаніе. Генералъ-капитанъ былъ уничтоженъ. Карпанелло не понималъ, какое такое значеніе могла имѣть для него смерть деревенской дѣвушки.

Тривульзіо пришелъ въ себя, поднялъ голову, и, старался казаться какъ можно спокойнѣе, произнесъ:

— Мессеръ Карпанелло, вы принесли мнѣ самое горестное извѣстіе. Не дивитесь же, что отецъ оплакиваетъ смерть дочери.

— Дочери!

— Но, вы видите, я успокоился. Разскажите же мнѣ подробно, что и какъ было съ этими несчастными. У меня достанетъ мужества выслушать все.

Карпанелло передалъ генералъ-капитану все происшествіе въ Лардираго, начиная съ прибытія Француза къ пекарнѣ. Тривульзіо нѣсколько разъ кусалъ губы до крови и ударялъ кулакомъ по столу. Молча проводилъ онъ друга Бескапе.

Но, оставшись одинъ, онъ опять предался отчаянію.

— И такъ, то думалъ онъ про себя, то громко говорилъ,—и такъ я самъ убилъ дочь руками святотатцевъ и разбойниковъ! Я показалъ имъ дорогу къ моему очагу для того, чтобы они обезчестили мою же кровь, и меня же сдѣлали несчастнымъ! Проклятіе надо мной! Протлятіе надъ ними?

Опять показался пажъ.

— Эччеленца!

— Что еще? сурово спросилъ Тривульзіо.

Пажъ положилъ на столъ ежедневные рапорты.

Первый содержалъ донесеніе гасконскаго офицера, что двое солдатъ, не смотря на строжайшія предупрежденія, отняли у обывателя хлѣбъ. Тривульзіо взялъ перо и написалъ: «Повѣсить.» Второе донесеніе была жалоба торговца, что солдатъ укралъ у него курицу, а капитанъ, къ которому онъ обращался, не даетъ

ему удовлетворенія. Тривульзіо написалъ къ капитану, чтобъ солдатъ былъ тотчасъ повѣшенъ. Слѣдовала жалоба миланскаго кавалера, что на Понте Ветро съ него снялъ плащъ гасконецъ, съ примѣтами гасконца. Тривульзіо послалъ къ капитану роты, къ которой принадлежалъ гасконецъ, приказъ повѣсить гасконца.

— Боже праведный! воскликнулъ генералъ-капитанъ.—Накажу же я этихъ злодѣевъ! Будутъ они знать меня. Посмотримъ, кончена ли эктенія ихъ неистовствъ.

И онъ принялся читать дальше. Первое же, что попалось ему подъ руку, была записка отъ его однофамильца и дальняго родственника Карла Тривульзіо, который именемъ обезчещеннаго рода, просилъ о строгомъ взысканіи съ нѣкоего Monsieur de Valgis: у входа въ домъ монсиньейора Бартоломео Веніано онъ поцѣловалъ дочь Карло Тривульзіо, и еще дальше простеръ свою дерзость, хотя и зналъ, что дѣвушка носитъ имя генералъ-капитана. Тривульзіо такъ ударилъ кулакомъ по столу, что пажъ просунулъ голову изъ-за занавѣса.

— О разбойники! проскрежеталъ онъ.—Берегитесь!

И ожесточенною отъ злобы рукою, онъ написалъ: «Повѣсить Monsieur de Valgis на Понте Ветро.» Онъ бросилъ перо.

— Такъ бы всѣхъ васъ слѣдовало за зло, которое вы мнѣ сдѣлали, проклятые французы! промолвилъ про себя генералъ-капитанъ.

На другой день, между тѣмъ какъ Тривульзіо скакалъ къ Наварѣ на встрѣчу Лудовику XII, всѣ его приговоры были въ точности исполнены.

### X.

Черезъ Вичивано, сопровождаемый Тривульзіо, Лудовикъ XII вступилъ въ Миланъ 6-го октября. Давъ герцогству Миланскому конституцію, первую италіанскую конституцію, онъ 3-го ноября выѣхалъ обратно во Францію, оставивъ Тривульзіо, маркиза Вичевано и маршала Франціи, губернаторомъ Милана и своимъ намѣстникомъ. Казалось, нельзя было сдѣлать больше, чтобы расположить Ломбардію къ иноземной власти. Уложеніе было дано независимое, край ввѣренъ — Ломбардцу. Но, отвлеченныя въ Романьйу и въ Неаполь, военныя силы Франціи—въ герцогствѣ Миланскомъ ослабѣли, и что изъ нихъ осталось въ распоряженіи Тривульзіо, того было слишкомъ мало, чтобы сдерживать сторонниковъ Сфорзы. Чернь Порта Тичинезе, всегда безумная, разбила конторы, гдѣ собирались подати. Тривульзіо поспѣшилъ на мѣсто, гдѣ и его попутало схватиться за шпагу. Кончилось тѣмъ, что онъ и его прислуга оставили на мѣстѣ нѣсколько мертвыхъ

тѣлъ. Дорого поплатился бы за это генералъ-капитанъ, если бы не явился во время мессеръ Франческо Бернардино Висконти, и именемъ сената не отмѣнилъ до времени сбора податей.

Сверхъ того ненависть къ Джіанъ-Джіакомо разжигали въ народѣ фра Джероламо Ландріано, генералъ умиліатовъ, Ліонардо Висконти и Алессандро Кривелли, настоятель Санъ Піетро аль Ольмо. Чувствуя себя, наконецъ, небезопаснымъ въ срединѣ города, Тривульзіо хотѣлъ переселиться въ кастелло Порта Джіовіо, но народъ не допустилъ, и когда генералъ-капитанъ обратился къ нему съ рѣчью, онъ едва спасся на своемъ дворѣ отъ непріязненныхъ покушеній. И стали звать его открыто не иначе какъ предателемъ, измѣнникомъ, возмутителемъ противъ законнаго государя, во истину трехличнымъ, какъ показывалъ его гербъ. Принялись заваливать улицы. Народъ готовился накинуться на Французовъ и возобновить сициліянскія вечерни.

Лодовико Сфорза, съ имперскими полками, пришелъ въ Комо, и 4-го февраля 1500 года вступилъ въ Миланъ черезъ Порто Нуова такъ неожиданно, что Тривульзіо едва успѣлъ спастись изъ города. Новые пришельцы начали отмщеніе съ того, что разграбили и сожгли дома Бернардино де Корте, пріятели кастеллана, и всѣхъ друзей Тривульзіо и ихъ сторонниковъ.

Тогда въ Ломбардію былъ отправленъ изъ Франціи еще отрядъ съ герцогомъ дё Ла Тремулль, и между тѣмъ какъ Мавръ стоялъ въ Наварѣ, окруженный непріятелемъ, французскій посолъ при швейцарскомъ союзѣ, Антуанъ Бриссэ, распорядился о подкупѣ нарочнаго, который везъ отъ Сфорзы предложеніе къ французамъ о мировой сдѣлкѣ, и былъ задержанъ, въ то время какъ посланный Союза везъ въ лагерь Сфорзы, приказаніе Швейцарцамъ не вступать въ бой, отправленное съ разсчетомъ на принятіе съ противной стороны мирныхъ предложеній. Тривульзіо, извѣщенный объ этомъ во-время, побилъ Сфорзу подъ Наварой. Мавръ предложилъ капитуляцію,—генералъ-капитанъ Лудовика XII отвѣчалъ, что не имѣетъ права принять ее. Сфорза одѣлся швейцарскимъ солдатомъ съ тѣмъ, чтобы уйдти вмѣстѣ съ швейцарцами, которые должны были воротиться по домамъ. Но кардиналъ де Роанъ потребовалъ, чтобы швейцарцы по два въ рядъ прошли черезъ французское войско, и по росту и цвѣту лица Мавръ былъ узнанъ, схваченъ и представленъ Тривульзіо. Лодовико Сфорза отправили плѣннымъ, во Францію, гдѣ онъ содержался сначала въ Берри, откуда хотѣлъ бѣжать, а потомъ въ Лошь; здѣсь онъ и умеръ въ 1508 году.

Но губернаторомъ Милана и намѣстникомъ Лудовика XII былъ поставленъ кардиналъ де Роанъ, и Тривульзіо опять увидѣлъ Лом-

бардію лишь когда въ третій разъ явился къ ней Лудовикъ XII, съ нимъ, Ла Паллиссъ и герцогомъ Бурбонскимъ, снарядившись противъ Венеціянцевъ, приревновавшихъ короля Франціи къ Милану. Подъ Аньяделло ломбардцы отбили венеціанцевъ, между тѣмъ какъ слава побѣды осталась за французами.

Судьба, однако, продолжала играть Ломбардіею. Послѣ недолгаго времени, одинъ изъ сыновъ Сфорзы, Максимиліанъ, двѣнадцать лѣтъ изгнанный изъ Милана, вступилъ въ него, и получилъ ключи города изъ рукъ Маттеуса Скейнера, прозваннаго кардиналомъ сіонскимъ, отъ имени его швейцарцевъ, которымъ дѣйствительно обязанъ пріобрѣтеніемъ Милана. Но Лудовику XII наслѣдовалъ Францискъ I, и пожелалъ возвратить Ломбардію французской коронѣ. И опять, послѣ страшной битвы подъ Мариньяно, герцогство Миланское было ввѣрено Тривульзіо, на долю котораго выпала и обязанность собрать съ Миланцевъ чрезвычайный налогъ въ уплату обѣщаннаго по мирному договору швейцарцевъ. Сызнова народъ возсталъ на него съ такимъ озлобленіемъ, что, хотя онъ остался жить въ Миланѣ, но губернаторомъ и намѣстникомъ былъ назначенъ Одетто де Фуа, владѣтель Лотрена, маршалъ Франціи, двоюродный братъ и братъ по оружію Гастона де Фуа, возведенный въ это званіе по вліянію графини Шатобріанъ, une très belle et honeste dame que le Roy aimoit et faisoit son mary cocu, по словамъ Брантома. Какъ частный человѣкъ, Тривульзіо жилъ не въ примѣръ пышнѣе де Фуа, и имѣлъ всѣ средства, въ сторонѣ отъ дѣлъ, составить себѣ довольно замѣтную партію. Это озлобляло Лотрена, и онъ далъ себѣ слово погубить его. Графиня Шатобріанъ взялась передать королю обвиненія противъ Джіанъ-Джіакомо. Ему вмѣнилось, что онъ сдѣлался однимъ изъ вождей гвельфовъ, что принялъ швейцарское гражданство, что, наконецъ, отправилъ племянника на службу Венеціянской республики. Провѣдавъ объ этихъ козняхъ, Тривульзіо, какъ ни былъ старъ, переправился черезъ Альпы, не глядя на суровую зиму, пріѣхалъ въ Париже и просилъ ауденціи у Франциска. Но онъ не получилъ ея, и, узнавъ, гдѣ долженъ проѣхать король, выждалъ его на дорогѣ, и обратился къ нему на улицѣ:

— Государь, благоволите, осчастливить мгновеніемъ вниманія человѣка, который былъ въ восьмнадцати сраженіяхъ на службѣ вашей и вашихъ предковъ.

Францискъ I былъ сильно удивленъ, но, узнавъ Тривульзіо, отвернулся, не отвѣтивъ ни слова. Такова была награда Тривульзіо за сорокъ лѣтъ службы Франціи!

Изъ Милана между тѣмъ старикъ получилъ извѣстіе, что гу-

бернаторъ, пользуясь его отсутствіемъ, посадилъ въ Вичевано въ тюрьму сыновей графа Мизанно, племянника Тривульзіо, что было послѣднимъ для него ударомъ. Онъ заболѣлъ, и отчаянно. Въ припадкѣ рыцарства Францискъ I прислалъ извиниться передъ нимъ; Тривульзіо отвѣчалъ, что тронутъ вниманіемъ короля, но что и ему уже не изцѣлить его: поздно. И онъ умеръ въ Буръ-де Шатръ близъ Монлери 4-го декабря 1518 года. Пышно отпѣли тѣло его во Франціи и привезли въ Миланъ, гдѣ оно было сперва погребено въ Сантъ Эстерджіо, а потомъ понесено въ Санъ-Наззаро Маджіоре, въ присутствіи герцога де Фуа, сената, многочисленнаго духовенства и всего народа, которому было приказано принять участіе въ отданіи ему послѣдняго долга. Передъ тѣломъ шли пятьсотъ нищихъ въ черномъ, съ факелами, потомъ герольды съ трубою Тривульзіо, потомъ шесть штандартовъ его капитанствъ, потомъ шесть коней, покрытыхъ до земли чернымъ бархатомъ, и на нихъ пажи со щитомъ, со шлемомъ, съ копьемъ, съ маршальскимъ жезломъ, со шпагой и со шпорами, потомъ осѣдланный конь безъ сѣдока; потомъ слѣдовалъ на носилкахъ, прицѣпленныхъ на двухъ коняхъ, гробъ, покрытый богатѣйшей золотой парчей, валили десятки тысячъ народа. Всякій бы сказалъ, что хоронятъ короля.

Прежде нежели поставили тѣло въ склепъ, знаменитый профессоръ элоквенціи Антоніо Тилезіо, изъ Казензы, сказалъ надъ нимъ великолѣпную рѣчь, по словамъ Лонгена, полную благороднаго краснорѣчія, умѣренности и правды. Но историкъ Верри говоритъ: «Тривульзіо былъ великій воинъ, великолѣпный сеньоръ и имѣлъ душу королевскую. Но честолюбіе его было болѣе направлено на то, чтобы побѣждать живыхъ враговъ и мстить имъ, нежели на то, чтобы снискать себѣ прочную славу въ потомствѣ. Онъ не боялся безпристрастнаго голоса исторіи. Жалокъ народъ, надъ которымъ господствуетъ честолюбецъ его не боящійся! Тривульзіо своимъ честолюбіемъ погубилъ отечество, изгналъ изъ него его природныхъ герцоговъ, и ввергъ его въ бѣдствія, отъ которыхъ оно страдало больше ста лѣтъ. Онъ не имѣетъ никакого права на нашу признательность!»

Родъ Тривульзіо не угасъ. Только, быть можетъ, кромѣ немногихъ родичей Джіанъ-Джіакомо, никто въ Миланѣ не хочетъ знать его могилу.

С. К—нъ.

# ПИСЬМА
# О ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГАХЪ.

Я давно помѣшался на мысли, что желѣзныя дороги, изъ собственныхъ матеріаловъ, мы можемъ строить государственнымъ кредитомъ, и что онѣ, построенныя даромъ, впродолженіи 25 — 50 лѣтъ окупятся сами собою; билеты, выданныя на ихъ постройку, постепенно уничтожатся, а Правительство получитъ огромную статью дохода для заплаты старыхъ долговъ. Въ продолженіи десяти лѣтъ мнѣ случилось написать нѣсколько писемъ и записокъ, изъ которыхъ нѣсколько теперь и печатаются, благодаря Высочайше дарованному праву.

## I.

## КЪ N. N.

(Писано въ 1856 г., но не дошло по назначенію.)

Настоящее время такъ грозно, мудрено и важно, что всѣ, принимающіе къ сердцу судьбы отечества, безъ различія чиновъ, званій, состояній и лѣтъ, должны обмѣниваться между собою мыслями, имѣя въ виду общее благо. Говори всякій не обинуясь, что знаетъ и какъ думаетъ: умъ хорошо, а два лучше: доброе сѣмя въ житницу, плохое на вѣтеръ! Точно такъ и дѣлай всякой, что можетъ: сидѣть склавши руки и жить спустя рукава—нынѣ есть уже гражданское преступленіе.

На этомъ основаніи я осмѣливаюсь отнять у В. ВП. нѣсколько минутъ послѣобѣденнаго времени, не смотря на свое личное съ вами незнакомство. Простите и выслушайте великодушно.

Я только что пріѣхалъ изъ Парижа. Случилось мнѣ тамъ зайдти на биржу....

Представьте себѣ, что всѣ грѣшники, заключенные въ аду отъ сотворенія міра до нашего времени, получили вдругъ позволеніе подышалъ полчаса чистымъ воздухомъ. Какой крикъ и гамъ поднимутъ они, сорвавшись съ цѣпей своихъ! Такой крикъ и гамъ

услышалъ я на биржѣ, переступивъ за дверь, и входя по лѣстницѣ въ верхнюю галлерею. Странные, пронзительные, дикіе вопли приносились ко мнѣ на всякую ступень, такъ что волосы начали у меня становиться дыбомъ.

Наконецъ взошелъ я на галлерею, взглянулъ изъ-за перилъ внизъ, откуда неслось дыханіе бурно....

Черная сплошная бездна зіяла передъ моими глазами. Волны поднимались, оборачивались, толкались, представляя какую-то клокочущую поверхность.

Вниманіе мое тотчасъ привлекла къ себѣ круглая обширная загородка на одномъ краю залы, около которой бѣсновались какія-то человѣческія фигуры.... Потъ катился съ нихъ градомъ, лица красныя горѣли, какъ огонь, всѣ члены — головы, руки, ноги, туловища, дергались съ неистовствомъ· Онѣ перекрикивались между собою изо всѣхъ силъ. Какіе-то разсыльные черти шмыгали отъ нихъ безпрестанно къ толпамъ, толпы приходили вдругъ въ движеніе и издавали глухіе звуки. Черти возвращались съ отвѣтами. Другіе оборачивали ушами во всѣ стороны и записывали что-то.

Я не выдержалъ четверти часа, и совершенно одурѣлый, опьянѣлый, поспѣшилъ скорѣе вонъ изъ безумнаго водоворота.

Грустное, прискорбное чувство обняло мою душу, когда я вышелъ на улицу: бѣдное человѣчество, подумалъ я, неужели здѣсь высшій градусъ твоего прогресса, неужели это желанные плоды твоей цивилизаціи, награда твоихъ тяжкихъ трудовъ и страданій!

Послѣ случилось мнѣ говорить съ степенными Французами, знающими коротко всѣ здѣшнія отношенія. Они объяснили мнѣ азартную игру, и увѣряли, пожимая плечами, что большая часть Парижскихъ оборотовъ въ настоящую минуту, займы, ссуды, сдѣлки, постройки, не имѣетъ почти никакого внутренняго достоинства (valeur intrinseque), не обезпечены соотвѣтственнымъ капиталомъ, а основываются на призракахъ, грезахъ, мечтаніяхъ, такъ что внезапный вѣтеръ можетъ разметать все зданіе, и всѣ страшно натянутыя струны легко вдругъ перелопаются; что большая часть людей, видѣнныхъ мною на биржѣ, и произведшихъ во мнѣ такое тяжелое впечатлѣніе, чувствуютъ сами ужасъ своего положенія, и потому мечутся какъ угорѣлые изъ угла въ уголъ, ухищряясь спастись какъ нибудь въ предстоящемъ, рано или поздно, кораблекрушеніи, изобрѣтаютъ всякій день новые проэкты,

затѣваютъ разныя предпріятія, на землѣ и подъ водою, въ Австраліи и Индіи, на перешейкѣ Суецскомъ и перешейкѣ Панамскомъ, рѣжутся не на животъ, а на смерть, готовые на все съ отчаянія; что богатство ихъ и нищета смѣняются ежедневно, производя одинъ дымъ, чадъ и фейерверкъ.

Пошелъ я въ другой разъ на биржу, настроенный этими разсужденіями. Тоже явленіе повторилось передо мною, что было и въ первый разъ,—но иная мысль пришла мнѣ въ голову, когда я посмотрѣлъ сверху внизъ на метавшихся тамъ людей: ну ежели эти алчные псы, эти голодные вороны, бросятся когда нибудь на нашу матушку Россію и налетятъ стаями на наши дѣвственныя поля, проникнутъ въ непочатыя наши горы, захватятъ наши заповѣдныя озера, разведутся на семи нашихъ моряхъ! Что они надѣлаютъ у насъ съ своимъ умомъ, блескомъ, любезностью, дерзостью, искусствомъ! Души наши возьмутъ они себѣ въ кабалу....

Воротясь въ Москву, я услышалъ о предоставленіи постройки нашихъ желѣзныхъ дорогъ Французской компаніи, и вспомнилъ о Парижской биржѣ.

Вскорѣ распространились у насъ слухи и объ основаніяхъ условій.

Я никогда не занимался политико экономическими науками, и не имѣю никакого ученаго понятія о дѣлахъ этого рода, но вотъ что говоритъ, кажется, простой здравый смыслъ:

Опекунскіе наши совѣты даютъ взаемъ деньги подъ залогъ имѣній, домовъ, вещей, по шести процентовъ въ годъ, на 36 лѣтъ, въ продолженіи которыхъ весь долгъ погашается, и имѣніе остается у владѣльца-займобрателя чистымъ.

Спрашивается: почему же не взять денегъ взаемъ у Опекунскихъ Совѣтовъ на этихъ условіяхъ, и не строить дорогъ самому Правительству? Издержекъ лишнихъ оно употребитъ только по одному проценту, (ибо пять обезпечиваетъ оно иностранцамъ). За этотъ одинъ процентъ оно получитъ дороги въ полное владѣніе черезъ 36, а не черезъ 85 лѣтъ, и вознаградитъ себя съ лихвою, пріобрѣтая даромъ почти огромную доходную статью.

Но въ Опекунскихъ Совѣтахъ не найдется столько денегъ.

Этого я не знаю, хоть и слышалъ часто, что Опекунскіе Совѣты затрудняются, что дѣлать съ избыткомъ своихъ капиталовъ.

Ну возьмите у нихъ половину, треть, четверть потребныхъ капиталовъ, одним словомъ, выстройте на этихъ основаніяхъ для

опыта одну какую нибудь дорогу, которая была бы подъ силу Опекунскимъ Совѣтамъ и Приказамъ общественнаго призрѣнія.

Да сами иностранцы, получающіе у себя дома по 2, по 3 и по 4 процента, съ своихъ капиталовъ, развѣ не могутъ намъ дать ихъ взаемъ на условіяхъ Опекунскихъ Совѣтовъ?

Представляется мнѣ еще другой способъ: В. ВП. проститъ меня, найдя можетъ быть въ моихъ способахъ доказательства моего невѣжества. Я пишу къ вамъ все это только, опираясь на мысли, выраженныя въ моемъ вступленіи.

Такая-то дорога стоитъ, положимъ, сто милліоновъ. Почему же нельзя для этого новаго дѣла *внѣ* обыкновенныхъ текущихъ оборотовъ, удовлетворяемыхъ насущною монетою и ассигнаціями, напечатать новыхъ ассигнацій, подъ заглавіемъ: ассигнаціи, билеты желѣзной дороги?

Точно какъ настоящія наши ассигнаціи обезпечиваются золотомъ, лежащимъ въ подвалахъ, точно такъ новыя желѣзныя ассигнаціи будутъ обезпечиваться дорогою, на нихъ выстроенною, которая всегда можетъ быть продана, своимъ и чужимъ, и слѣдовательно погасить свой долгъ, уничтожить свои ассигнаціи. Обезпеченіе ея будетъ еще крѣпче, потому что цѣна дороги будетъ равна, копейка въ копейку, количеству выпущенныхъ ассигнацій, а теперешнихъ ассигнацій бываетъ вездѣ въ шестеро болѣе металическаго запаса.

Желѣзныя ассигнаціи будутъ выкупаться ежегодно по мѣрѣ выручки, и выкупятся безъ всякихъ процентовъ, скорѣе двадцати лѣтъ.

Кажется все просто, ясно, легко! Чтоже здѣсь *не такъ?*

Наконецъ третій способъ: иностранцамъ позволяется выпустить акцій на первый случай на 75 милліоновъ. Почему же намъ самимъ не выкустить этихъ акцій? Неужели Правительство наше имѣетъ меньше довѣренности, чѣмъ это иностранное общество? Но вѣдь оно же обезпечиваетъ обществу порученіе пяти процентовъ, слѣдовательно довѣренность акціонеровъ одинаково основывается на немъ, въ томъ и другомъ случаѣ, будетъ ли продавать акціи общество или Правительство (*).

Да, на простой не ученый взглядъ кажется, что иностранцы построятъ дороги нашими руками, изъ нашихъ матеріаловъ, на

---

[*] Прибавляю теперь еще два слова: всѣ желѣзныя наши частныя дороги построены преимущественно не капиталами, а кредитомъ правительства, его гарантіей, безъ коей капиталы не тронулись бы съ мѣста.

нашихъ хлѣбахъ, и будутъ расплачиваться нашими ассигнаціями, не привезя намъ ни золота своего, ни серебра. Проценты же мы будемъ имъ платить золотомъ и серебромъ, которое и вытащится у насъ въ досталь, вслѣдъ за нашимъ торговымъ балансонъ, который по отчетамъ оказывался впрочемъ всегда въ нашу пользу! За то теоріи уяснятся намъ какъ нельзя лучше, и разыграемъ мы Крыловскаго огородника:

А Философъ
Безъ огурцовъ.

Возвращаюсь къ условіямъ: всѣ недоразумѣнія должны, говорятъ, разрѣшаться въ Парижѣ. Помилуйте — дѣло въ Россіи, а рѣшеніе его въ Парижѣ. Въ парижѣ, разумѣется, всегда будутъ правы Французы, или лучше жиды, которые всѣмъ заправляютъ, которымъ принадлежатъ теперь всѣ главные Европейскія газеты, и которые стараются скупить остальныя. Здѣсь явятся такіе Доны Пачифики съ дополненіемъ мистеровъ Причардовъ, и поднимутъ они такой шумъ и крикъ на притѣсненія, хотя бы никакихъ притѣсненій не было, что мы съ нашей робостію и подобострастіемъ предъ Европейскимъ мнѣніемъ, рады будемъ уступить свою собственную землю безвозвратно, лишь бы замолчали (*).

Далѣе—кто будетъ учитать ихъ приходы и расходы? Неужели не научилъ насъ осторожности двѣнадцатилѣтній опытъ съ Американцами, которые одни получаютъ выгоды съ Петербургской дороги, предоставляя намъ труды и убытки.

Повторяю—вѣроятно всѣ мои опасенія, соображенія и основанія, не значатъ ничего, но можетъ быть есть другія соображенія, опасенія, другія основанія, болѣе прочныя и твердыя! Странно, что до сихъ поръ Правительство не рѣшается безъ малѣйшей для себя опасности въ дѣлахъ этого рода воспользоваться самымъ дѣйствительнымъ средствомъ, то есть гласностью. Вспомнимъ, что Петру Великому въ разгаръ Шведской войны, указалъ способъ заготовить необходимую для него артиллерію пьяный кузнецъ. Огласивъ предложеніе Французскаго общества, Правительство получило бы можетъ быть указаніе такихъ средствъ, о которыхъ теперь никто не имѣетъ понятія. Ему осталось бы только выбирать самыя удобныя и благонадежныя. Все еще дѣйствуетъ у

(*) Не нужно, кажется, прибавлять здѣсь, какъ исполнились эти предсказанія.

насъ старая гибельная система рѣшать дѣла между немногихъ глазъ, а дѣла стали теперь такъ сложны и мудрены, что тысячи глазъ бываетъ недостаточно для обозрѣнія всѣхъ ихъ подробностей (*).

. . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . .

Старая система, прекрасная во время оно, принесшая великую пользу, отжила свой вѣкъ, и больше исполняться не можетъ, какъ всѣ человѣческія учрежденія, подчиненныя закону возрастовъ, дѣтства, юности, мужества, старости, за коею слѣдуетъ смерть (**).

. . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . .

Обратимся опять къ Петру Великому, какъ обращалась къ нему въ трудныхъ случаяхъ Екатерина. Вспомнивъ, что даже на линіи нынѣшней желѣзной дороги изъ Петербурга въ Москву Мельниковъ находилъ въ лѣсахъ, болотахъ и оврагахъ, его указательные колышки. Не представитъ ли намъ жизнь его какихъ нибудь примѣровъ и для разрѣшенія нашихъ недоумѣній въ дѣлѣ о построеніи желѣзныхъ дорогъ.

Мнѣ приходитъ на память построеніе Петербурга. Какъ поступалъ Петръ первый, основывая эту любимую свою столицу? Онъ призвалъ къ себѣ своихъ друзей, сотрудниковъ и помощниковъ, и сказалъ имъ: «Данилычъ! Князь Яковъ Ѳедоровичъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ! вотъ планы, вотъ фасады, выводите улицы, стройте дома въ запуски. Удружитъ мнѣ, кто скорѣе сдѣлаетъ свое дѣло». И не прошло двухъ-трехъ лѣтъ, какъ:

Юный градъ,
Полночныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ,
Вознесся пышно, горделиво.

. . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . .

Время не терпитъ, и такъ уже цѣлый годъ лежитъ на вашей совѣсти, между тѣмъ какъ намъ всякая минута дорога. Крымъ, говорятъ знатоки и очевидные свидѣтели, не стоитъ труда завоевать теперь съ пятью-десятью тысячь войска кому угодно, а Англійскіе корабли властвуютъ на Черномъ морѣ. Вся мѣстность

(*) Это все относится къ прошедшему: теперь мы имѣемъ всемилостивѣйше дарованную свободу выражать свои мнѣнія и замѣчанія о всѣхъ подобныхъ вопросахъ.

(**) Исключаемъ здѣсь нѣсколько мѣстъ изъ письма о затрудненіяхъ, которыхъ теперь не существуетъ.

изучена Французами и Англичанами такъ, какъ мы и вообразить не можемъ. Дороги же въ Крыму вотъ какія по самому вѣрному свидѣтельству: въ февралѣ мѣсяцѣ прошлаго года, одинъ мой знакомый, ѣхавшій изъ Перекопа въ Симферополь, насчиталъ на одной верстѣ осьмнадцать палыхъ лошадей, послѣ четырехъ уже погребальныхъ экспедицій. Сколько же ихъ пало на полутороста верстахъ? Повторяю: время страшное. Въ другомъ мѣстѣ я представилъ подробно свои соображенія о грозящихъ намъ опастностяхъ. Некогда разбирать старыя дѣла. Гори они огнемъ! Надо начинать новое дѣло, а оно начинается не такъ успѣшно, какъ нужно, и сѣдые Москвичи, покачивая головами, говорятъ: неужели мы ошиблись въ N. N., какъ въ M. M., въ S. S., и проч. Передаю вамъ вѣрно московскій говоръ, а отъ себя повторяю тоже, что сказалъ въ началѣ и срединѣ моего письма: время страшное, черныя тучи несутся на Россію, кромѣ тѣхъ, что ее дома облегаютъ, и дѣло дѣлать лучше какъ нибудь, — видно такова уже наша судьба,—нежели никакъ, нежели рыться въ старыхъ бумагахъ, которыя принадлежатъ не къ числу нашихъ будущихъ опасностей, а къ числу нашихъ настоящихъ смертельныхъ язвъ.

Декабря 2.
1856.

Новый слухъ въ Москвѣ: Наполеонъ не позволяетъ Французскому обществу браться за построеніе желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Что это значитъ?

Можетъ быть, это тоже дѣйствіе Запада, какъ и при Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ, когда Ливонскій орденъ остановилъ переселеніе въ Россію Нѣмецкихъ мастеровыхъ, чтобъ задерживать ея движеніе, считавшееся для Европы тогда уже опаснымъ.

Можетъ быть, съ другой стороны, это есть дѣйствіе Русскаго Бога, который не допускаетъ насъ отдаться, съ рукам и ногами, во власть иностранцевъ, и избавляетъ насъ отъ великихъ непріятностей, грозящихъ впереди.

Можетъ быть это есть только какая нибудь Французская демонстрація, которою, какъ спасительнымъ указаніемъ, — о если бы воспользовалось наше Правительство!

## II.

## ЗАПИСКА ДЛЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ А. М. ВЪ ДОРОГѢ.

Разсмѣйтесь, бросьте эту записку, но прочтите прежде и подарите ваше вниманіе: дѣло, можетъ быть, странное и смѣшное, но, воля ваша, оно у насъ сбыточное, и можетъ принести большую пользу:

Сдѣлайте маленькій опытъ построить какой-нибудь клочекъ желѣзной дороги на облигаціи. Вы улыбнулись—дочитывайте.

Ваши ассигнаціи представляются и обезпечиваются шестою долею металла.

Облигаціи желѣзной дороги будутъ представляться и обезпечиваться самою дорогою, изъ копейки въ копейку.

Объявите только, что онѣ будутъ приниматься вами, наравнѣ со всѣми кредитными знаками, и ходить какъ деньги. Ходятъ же частныя облигаціи, а за эти отвѣчаетъ само правительство: чего же крѣпче? Вы будете расплачиваться ими за работы, за матеріалы, за постройки.

Возьмите участокъ отъ Троицы до Ростова сто верстъ, на который понадобится не болѣе 5 м. Разысканія почти всѣ сдѣланы. Онъ будетъ готовъ въ два года. Выручкою вы будете вынимать постепенно употребленныя облигаціи изъ употребленія, и лѣтъ въ 25 вы ихъ вынете, а дорога останется у васъ въ барышахъ. Пять милліоновъ, ежегодно уменьшающихся, не произведутъ никакого потрясенія на мнимомъ нашемъ рынкѣ: это капля въ морѣ. Не захотите вы, чтобъ облигаціи ходили и до этого срока, вы всегда будете имѣть возможность вынуть ихъ, продавъ дорогу и т. п. Но опытъ то какой пріобрѣтется! И въ два только года! А потомъ вы опояшете всю Россію желѣзными дорогами, какъ обручами, по выраженію Пушкина. Sapere aude.

[Кажется въ Сентябрѣ, 1861.]

## III.

## КЪ М. М.

Я не знаю васъ, но общій голосъ выдаетъ васъ за честнаго, дѣятельнаго и благонамѣреннаго человѣка. Осмѣливаюсь предложить вамъ мысль, которая обѣщаетъ, кажется, великую пользу.

Одною изъ главныхъ причинъ, препятствующихъ развитію нашей промышленности, есть недостатокъ въ хорошихъ путяхъ сообщенія. Особенно нуждается въ нихъ югъ. Безъ нихъ Крыму не возвышаться, а развѣ унижаться приходитъ пора. Жители совершенно упали духомъ, узнавъ, что дорога изъ Өеодосіи отложена на неопредѣленное время, между тѣмъ какъ очень многое для этой дороги уже сдѣлано, и правительство взяло на свой счетъ издержки.

Въ газетахъ безпрестанно сообщаются новыя свѣдѣнія объ опасныхъ соперникахъ югу, въ Молдавіи, Валахіи, Венгріи.

Мысль моя состоитъ въ слѣдующемъ:

Пусть Правительство предложитъ жителямъ Өеодосіи, Екатеринославля и промежуточныхъ мѣстъ, основать общество на акціяхъ, чтобъ довести дорогу до Екатеринославля, и на недостающую сумму выпустить облигаціи, положимъ на первый случай, 5 м. р. с., кои должны ходить вездѣ наровнѣ со всѣми государственными бумагами.

Доходы съ дороги должны по разсчету дѣлиться между обществомъ, за его деньги, сколько положено имъ будетъ въ предпріятіе, и Правительствомъ, за выпущенныя имъ облигаціи.

Чѣмъ меньше соберется денегъ обществомъ, тѣмъ выгоднѣе Правительству, которое даромъ получитъ дорогу вскорѣ почти въ полное свое владѣніе.

Общество съ его взносомъ нужно только для того, чтобъ дать благовидный предлогъ къ выпуску облигацій, и не напугать нашихъ рутинеровъ, незванныхъ адептовъ такъ называемой науки, новыми обязательными билетами.

Благовидность этого предлога въ глазахъ толпы увеличивается значительностію приготовительныхъ работъ, оплаченныхъ уже Правительствомъ.

Облигаціи немедленно по окончаніи дороги, то есть чрезъ два

года, будутъ выниматься изъ употребленія, по мѣрѣ поступающихъ сборовъ, и такимъ образомъ вынутся по большей мѣрѣ лѣтъ въ двадцать, и дорога останется въ барышахъ.

Надо постараться, чтобъ дѣлу приданъ былъ характеръ, какъ можно болѣе простой и свободный.

Благонадежнымъ подрядчикамъ, кои безъ сомнѣнія извѣстны, выдавать плату можно и впередъ облигаціями, чтобъ какъ можно болѣе облегчить ихъ труды и обороты.

Тотъ же самый предлогъ можно употребить и для другаго участка, отъ Троицы до Переяславля, и напечатать также облигацій на 5 м. р. с., поруча веденіе дороги Ярославскому обществу, которое исполнило свои обязанности отлично добросовѣстно, и оканчиваетъ первый свой участокъ. Приготовительныя работы отчасти сдѣланы также.

Общество, принявшее на себя, по первоначальному уставу, построить дорогу до Ярославля, получивъ отъ Правительства значительную ссуду и другія облегченія, обязано оказать эту услугу Правительству. Оно употребитъ уже извѣстныхъ ему людей, и воспользуется своимъ опытомъ.

Сборъ за проѣздъ по этому второму участку также будетъ раздѣляться по разсчету между Правительствомъ за его облигаціи, и обществомъ, поколику оно раздастъ новыхъ акцій преимущественно между жителями Александрова, Переяславля, Ростова и пр.

Третій участокъ отъ Перми до Тагиля поручить на тѣхъ же основаніяхъ всего лучше Г. Р., представившему свой проэктъ объ Уральской дорогѣ. Уральскіе заводчики, Екатеринбургскіе, Пермскіе купцы, примутъ безъ сомнѣнія живое участіе въ этомъ выгодномъ для нихъ предпріятіи.

Всѣ нужныя вещи должны быть дѣланы дома, хотябъ онѣ и обошлись дороже. Стыдно намъ выписывать рейльсы изъ Англіи и Бельгіи. Для Ѳеодосійской дороги онѣ уже впрочемъ тамъ куплены и привезены. Для Ярославской должно заказать на заводахъ Шипова, Шепелева и Уварова во Владимірской губерніи. Давши имъ деньги впередъ, вы поможете вмѣстѣ имъ самимъ. Объ Уральской дорогѣ и говорить нечего.

Для деревянныхъ принадлежностей есть заведеніе новое столярное въ Екатеринославлѣ на первую дорогу, а для Ярославской въ Москвѣ.

Пятнадцать милліоновъ, разсыпанныхъ въ трехъ мѣстностяхъ,

въ Крыму, около Москвы и на Уралѣ, принесутъ большую пользу для всѣхъ дѣлъ, оживятъ промышленность, кромѣ значенія самыхъ дорогъ. Особенно ободрится Θеодосія, и начнется исполненіе любимой мысли Государя Императора.

Въ два года будетъ построено непремѣнно около трехъ-сотъ верстъ, пріобрѣтется драгоцѣнный опытъ, и получится доказательство, что можно повести дѣло на этихъ основаніяхъ и далѣе: отъ Екатеринославля до Харькова, отъ Переяславля до Ростова, и отъ Тагиля до Ирбита.

Правительство здѣсь ничѣмъ не рискуетъ, не принимаетъ на себя никакой тягости, и только пользуется своимъ положеніемъ, пріобрѣтаетъ себѣ даромъ въ будущемъ значительный доходъ, а въ настоящемъ содѣйствуетъ сильно общественному развитію. Облигаціи его будутъ представляться самими дорогами, имѣть въ нихъ самое вѣрное себѣ обезпеченіе, изъ копейки въ копейку. Рынковъ никакихъ онѣ не обременятъ, да и не покажутся на нихъ, а только увеличатъ собою число мѣстныхъ средствъ, помогутъ всѣмъ оборотамъ лучше и вѣрнѣе, чѣмъ частныя марки, къ коимъ прибѣгаютъ нынѣ многіе аптекари, откупщики, почтосодержатели, фабриканты и клубы. При пяти-стахъ, или болѣе, милліонахъ бумажныхъ знаковъ, пятнадцать милліоновъ облигацій, обезпечиваемыхъ сугубо, ничего не значатъ. Это капля въ морѣ. И если бы правительству, по какимъ бы то ни было причинамъ, сдѣлался неугоднымъ этотъ образъ дѣйствія, то ему ничего не будетъ стоить измѣнить его всегда по усмотрѣнію. Выстроенныя дороги могутъ быть проданы на чистыя деньги кому угодно изъ капиталистовъ Европейскихъ, и временныя облигаціи погашены до истеченія срока, такъ или иначе. Но смѣло сказать можно, что никакихъ измѣненій не нужно будетъ предпринимать, а продолжать дѣло на тѣхъ же основаніяхъ далѣе и далѣе, и покрыть всю Россію сѣтью желѣзныхъ дорогъ, безъ всякаго отягощенія казны.

Такъ дѣло можетъ быть дѣлано только въ Россіи, но мы не видимъ собственныхъ своихъ средствъ, и боимся употребить ихъ потому только, что нѣтъ имъ образцовъ на Западѣ.

Осмѣльтесь же на эту мѣру. Опытъ не подверженъ никакой опасности, вреда никакого быть не можетъ, и всегда найдутся въ нашихъ рукахъ средства для исправленія, еслибъ оно оказалось нужнымъ, а вы пріобрѣтете себѣ между тѣмъ почетное имя

въ лѣтописяхъ Русскаго общества, сдѣластесь орудіемъ его великаго развитія и преуспѣянія, выведете Правительство изъ затруднительнаго положенія, и исполните желаніе населеній.

Обдумайте эти строки на досугѣ, и рѣшите дѣло, — оно закипитъ. Но Бога ради, не совѣтуйтесь съ учеными....

Не лишнимъ считаю прибавить вамъ нѣсколько простыхъ словъ вообще о нашихъ денежныхъ дѣлахъ.

Финансовое положеніе наше, говорятъ, очень затруднительно: важнѣйшія предпріятія, фабрики и заводы, падаютъ. Главные капиталисты подвергаются опасности. Денегъ нѣтъ ни у кого, не только металлическихъ, коихъ никто и не спрашиваетъ, но и бумажныхъ. Отъ чего же происходитъ наша нужда? Мнѣ кажется, что она по большей части произведена нами самими, и отнюдь не составляетъ естественнаго слѣдствія обстоятелъствъ, и накликана искусственно: мы вынули изъ употребленія нѣсколько сотъ милліоновъ ассигнацій, замѣнивъ ихъ пятипроцентными билетами. Это почти мертвый капиталъ, потому что билеты по крупности своей не ходятъ свободно. Ссуды подъ залоги въ Опекунскихъ Совѣтахъ прекращены. Наконецъ вслѣдствіе колебаній крестьянскаго вопроса остановились продажи и покупки имѣній, а съ ними и всѣ прочія сдѣлки. Нѣсколько сотъ милліоновъ убыло изъ общаго оборота. Къ этому случайному стеченію неблагопріятныхъ обстоятельствъ отъ разныхъ причинъ присоединилось уничтоженіе или ослабленіе кяхтинской торговли съ зависящими отъ нея фабриками и разсылкою денегъ по всему Сибирскому пути; упадокъ желѣзныхъ заводовъ, благодаря облегченному привозу иностраннаго желѣза, за которое все-таки должно платить, хоть и дешевле, но золотомъ. Отъ чего сахарные заводы на югѣ ослабли, я не имѣю понятія.

Такимъ образомъ при уменьшеніи количества размѣнныхъ знаковъ, движеніе остальныхъ во многихъ отношеніяхъ затормозилось, а это движеніе служитъ условіемъ народнаго богатства еще болѣе, нежели количество капиталовъ. Если рубль оборотится въ теченіи года десять разъ, переходя изъ рукъ въ руки, то онъ замѣнитъ собою десять рублей. Слѣдовательно больше всего въ системѣ государственнаго хозяйства нужно стараться о содѣйствіи движенію капиталовъ. А если мы будемъ только что перевязывать жилы, то кровообращеніе совсѣмъ остановится, и мы, по горло въ водѣ, будемъ умирать отъ жажды. Мы должны отыскивать государ-

ственныя и народныя нужды, и удовлетворять ихъ какъ можно скорѣе, придумывать новыя производительныя предпріятія, чтобы деньги безпрестанно оборачивались изъ рукъ въ руки, отъ дѣла къ дѣлу, доставляя удобство, разливая вездѣ довольство.

Настоящее наше положеніе избавляетъ насъ отъ такой заботы: оно указываетъ намъ пальцемъ на нѣсколько такихъ нуждъ, самыхъ вопіющихъ, и на нѣсколько предпріятій, обѣщающихъ несомнѣнную выгоду.

Въ этомъ отношеніи правительство наше находится въ самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, коимъ завидовать должны всѣ европейскія государства, но оно боится собственныхъ своихъ выгодъ, и не смѣетъ ими пользоваться. Напуганные наукою, не ясно сознанною, подчиненные рутинѣ, не терпящей мыслей, мы отвергаемъ упрямо средства спасенія. Такъ отчаянный больной отталкиваетъ часто отъ себя спасительныя лѣкарства. Sapere aude, гласитъ завѣщаніе древности.

Вопіющія нужды, какъ выкупъ помѣщичьихъ земель и устройство желѣзныхъ дорогъ, а не прихоти, могутъ безъ малѣйшей опасности быть удовлетворены особенными облигаціями, кои должны ходить наравнѣ съ кредитными билетами, какъ деньги, и выниматься ежегодно изъ употребленія по мѣрѣ выручки. Мы обожглись на молокѣ и теперь слишкомъ много уже дуемъ на воду.

Количество размѣнныхъ знаковъ должно соотвѣтствовать въ строгости внутреннимъ нуждамъ, внутреннія нужды увеличились и распространились, а знаки мы сокращали и задерживали: ну вотъ и безденежье, и нужда, и затруднительныя обстоятельства: постройте дороги, выкупите земли, оснуйте механическіе и прочіе заводы, нужные для дорогъ, — и вы развяжете вездѣ руки, разольете вездѣ довольство, однимъ ударомъ поразите нѣсколько препятствій, поймаете не одного, а двухъ-трехъ зайцевъ.

Въ предложенномъ проэктѣ дѣлана уступка общему ученому мнѣнію, хоть въ этомъ отношеніи и ошибочному, принесена жертва наукѣ, хоть и не сказавшей у насъ собственнаго слова, а переводящей неудачно иностранныя правила, какъ комедіи и водевили, на русскіе нравы, отстраненъ соблазнъ рутинеровъ выпускомъ непосредственныхъ облигацій.

Обратимъ къ нимъ еще одно слово. Они твердятъ, что наша дороговизна происходитъ отъ излишняго количества ассигнацій, а

отъ чего же происходитъ дороговизна европейская? Отъ излишняго количества золота?

Сдѣланъ теперь заемъ, для размѣна ассигнацій на золото, но вѣдь никто у насъ этого золота не спрашивалъ. Точно такъ и впредь не будутъ его спрашивать русскіе люди, а спросятъ жиды, и переведутъ все это заемное золото въ свои сундуки, а мы останемся опять ни при чемъ (*).

Грустно видѣть это совершенное непониманіе русской жизни, русскаго склада ума, русскихъ желаній и обстоятельствъ.

22 апрѣля.
1862.

## III.

## ПИСЬМО КЪ КОБДЕНУ.

Имѣвъ честь, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, познакомиться съ Вами въ Нижнемъ Новѣгородѣ, на ярмаркѣ, я рѣшаюсь обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою, которая касается впрочемъ не частныхъ интересовъ, а общихъ. Финансовыя отношенія Россіи, какъ вы, вѣроятно, имѣли случаи удостовѣриться, совершенно отличаются въ ихъ совокупности, отъ подобныхъ отношеній въ западныхъ европейскихъ государствахъ, а наши финансовые люди не осмѣливаются судить объ нихъ иначе, какъ по западнымъ теоріямъ, списаннымъ съ тамошней жизни. Въ Нижнемъ, гдѣ количество торговыхъ оборотовъ простирается болѣе милліарда франковъ ежегодно, ни одинъ русскій купецъ не спроситъ у другаго ни одного серебрянаго рубля, и очень доволенъ, если можетъ получить ассигнацію. Впродолженіи послѣдняго несчастнаго размѣна, ни одинъ русскій человѣкъ не вымѣнялъ также для себя ни одного полуимперіала, развѣ что нужно было кому для путешествія или для отсылки за границу. У насъ никому еще не приходитъ въ голову, что ассигнація есть заемное письмо, по которому должно получить золото или серебро. Никто объ этомъ не думалъ и не думаетъ: кредитъ Правительства внутри государства есть безусловный и безграничный. (Впрочемъ и иностранцы

(*) Оправдались ли на дѣлѣ эти слова?

дають намъ капиталы для построенія дорогъ, только подъ условіемъ гарантіи правительства, котораго отвлеченный кредитъ играетъ опять-таки и здѣсь главную роль). Еслибъ правительство выпустило древнія куньи мордки, съ императорскимъ гербомъ, то онѣ сдѣлались бы для насъ тотчасъ дороже золота. И вотъ этимъ-то кредитомъ, пока онъ не ослабѣлъ, не преобразился, правительство и должно бъ было воспользоваться, чтобъ опоясать, оковать всю Россію желѣзными дорогами, какъ обручами, напечатавъ особыя ассигнаціи, которыя ходили бы наравнѣ съ прочими кредитными знаками, и вынимались бы послѣдовательно изъ употребленія по мѣрѣ ежегодныхъ сборовъ на дорогахъ. Такимъ образомъ желѣзныя ассигнаціи были бы уничтожены впродолженіи лѣтъ 30 или 40, а дороги слѣлались бы доходною собственностію государства, содѣйствовавъ безконечно развитію благосостоянія. Всѣ нужные матеріалы для желѣзныхъ дорогъ мы имѣемъ въ обиліи: желѣзо, мѣдь, дерево, камень, руки. Учрежденіе заводовъ, сюда относящихся, для ихъ обработки, подняла бы нашу промышленность, и содѣйствовало бы умноженію оборотовъ, движенію денегъ, которое замѣняетъ часто ихъ количество. Такъ поступить нельзя нигдѣ, а у насъ можно, и можно только теперь. Чѣмъ позднѣе, тѣмъ это будетъ труднѣе, ибо успѣхи цивилизаціи произведутъ и у насъ тѣ же явленія, какія господствуютъ на западѣ, и наши внуки будутъ смотрѣть на бумажныя деньги иначе. Надо ковать желѣзо пока горячо. Во всякомъ случаѣ 10—20 милл. желѣзныхъ ассигнацій въ годъ, кои гарантированы правительствомъ и обезпечены самими дорогами, вынимается ежегодно изъ употребленія, не могутъ произвести никакой чувствительной перемѣны на денежномъ рынкѣ. Не говорю уже о томъ, что лишнихъ 10—20 милл. при обращающихся 600 м. или болѣе, не значитъ почти ничего,—а желѣзныя дороги между тѣмъ выстроены! Еще болѣе, я увѣренъ, что подобная операція будетъ содѣйствовать къ возвышенію курса, а не къ пониженію.

Желѣзныя дороги, бывъ выстроены, могутъ быть праздны, заложены, уступлены, какъ заблагоразсудится правительству, и оно получитъ новое средство уплачивать свои старые долги.

Объ чемъ же я намѣренъ просить васъ? Объ томъ, чтобы вы, если раздѣляете и одобряете изложенныя мысли, развили ихъ подробнѣе, съ свойственною вамъ силою и убѣдительностію, подвели подъ нихъ прочныя основанія, подкрѣпили вашими сообра-

женіями. Ваше имя, ваша слава, вашъ авторитетъ, заставили бы нашихъ финансистовъ обратить на нихъ вниманіе, котораго большею частію не удостоиваются домашнія мнѣнія, по слову Св. Писанія.

Вы сдѣлали много добра вашему отечеству, принесли много пользы Англіи: помогите и Россіи, если не дѣломъ, то словомъ, которое бываетъ иногда сильнѣе дѣла,—а устройство желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, важное и для Европы по многимъ отношеніямъ, можетъ со временемъ подвинуть и вашу собственную мысль о свободной торговлѣ.

1864. Въ Августѣ.

Кобденъ отвѣчалъ:

Въ отвѣтъ на письмо ваше относительно желѣзныхъ дорогъ, я долженъ сказать, что хотя я съ удовольствіемъ увидалъ бы распространеніе этого сильнаго проводника цивилизаціи въ вашей великой Имперіи, но я не въ состояніи способствовать къ осуществленію вашихъ плановъ. Я не капиталистъ, а это такое дѣло, которое можетъ быть совершено только капиталомъ. Позвольте мнѣ прибавить, что я сомнѣваюсь, чтобы ваша мысль объ обращеніи бумажныхъ знаковъ въ Россіи могла побудить иностранцевъ ввѣрить свои капиталы этой странѣ. Вамъ потребна реформа вашей фискальной системы. Биржа должна исполнить свое законное назначеніе, увеличивать доходъ своей страны, и не имѣетъ въ виду другихъ какихъ-либо цѣлей «протекціи,» другими словами—она не должна препятствовать чужестранной торговлѣ ради выгоды нѣсколькихъ монополистовъ. — Тщетно ожидать прилива въ большихъ размѣрахъ чужихъ капиталовъ, до тѣхъ поръ, пока ваши законы не разрѣшатъ свободнаго привоза иностранныхъ товаровъ. Весь вашъ В. Кобденъ (*).

---

(*) Sir! In reply to your letter upon the subject of railways in Russia, I beg to say that while I should see with satisfaction the extension of this great civilizing element throughout your great Empire, I am not in a position tq contribute towards the realization of your plans. I am not a capitalist, and this is a work, which can only be achieved by capital. Let me add that I doubt whether your views respecting a paper currency in Russia would be calculated to induce foreigners to invest their capitals in that country. — What you require is a reform in your fiscal system. The custom-house should be applied to its only legitimate purpose of raising revenue for the state and not perverted to purposes of «Protection», in other words to the prevention of foreign trade for the benefit of a few monopolist. It is useless to expect the influence of foreign capital on a large scale, so long as your laws prevent the free importation of foreign commodities. J remain truly your's Cobden.

## V.

## КЪ КОБДЕНУ.

### Письмо II.

Воротясь въ Москву, я спѣщу выразить вамъ мою искреннюю благодарность за вашъ отвѣтъ, полученный мною въ Лондонѣ предъ самымъ отъѣздомъ. Смѣю докучать вамъ еще: вѣрно я выразился не ясно на чужомъ языкѣ, потому что въ отвѣтѣ вашемъ нѣтъ ничего относящагося къ сущности моего вопроса. Вы пишете, что иностранные капиталисты не дадутъ намъ денегъ на желѣзныя дороги, до измѣненія нашихъ торговыхъ законовъ. но въ проэктѣ, вамъ сообщенномъ, именно высказывается та мысль, что намъ не нужно иностранныхъ капиталовъ, а что должны мы строить желѣзныя дороги изъ своихъ матеріаловъ, посредствомъ особыхъ временныхъ ассигнацій. Эти ассигнаціи, при неограниченномъ и безусловномъ довѣріи народа къ правительству, будутъ ходить между нами какъ золото, и потомъ постепенно выниматься изъ употребленія по мѣрѣ ежегодной выручки доходовъ съ дорогъ. Я спрашивалъ, и спрашиваю теперь вашего мнѣнія, произведетъ ли такой выпускъ бумажныхъ знаковъ милліоновъ по 10 — 2» въ годъ, обезпечиваемыхъ и дорогою и правительствомъ, и постепенно уничтоженныхъ,—произведетъ ли чувствительную перемѣну въ общихъ государственныхъ оборотахъ, при существованіи 600 милл. другихъ ассигнацій? Если не произведетъ, если не долженъ произвести, какъ мнѣ и многимъ въ Россіи кажется, то вопросъ рѣшенъ, т. е. дороги могутъ быть выстроены у насъ безъ всякихъ расходовъ со стороны казны, однимъ ея кредитомъ, и сдѣлаться новымъ источникомъ ея доходовъ, вмѣстѣ содѣйствуя могущественно народному благоденствію.

Если бы даже правительство и сомнѣвалось вдругъ рѣшиться на всю большую операцію, то по крайней мѣрѣ опытъ двухъ или трехълѣтній ни въ какомъ случаѣ, думаемъ мы, не можетъ причинить никакого вреда, а дороги между тѣмъ выстроятся.

И такъ вотъ объ чемъ я просилъ васъ и прошу сказать ваше мнѣніе: признаете ли вы, въ данныхъ условіяхъ Россіи, въ нашихъ обстоятельствахъ, возможность такого образа дѣйствій, или нѣтъ,—въ томъ и другомъ случаѣ по какимъ причинамъ?

Простите мою докучливость. Построеніе желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, такимъ образомъ, важно для всей Европы, и приблизитъ,

какъ я сказалъ въ первомъ письмѣ, осуществленіе вашей любимой мысли о свободной торговлѣ, которую вы выражаете преимущественно и въ отвѣтѣ своемъ на первое мое письмо. Провозъ по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ, выстроеннымъ даромъ, будетъ вдвое дешевле, чѣмъ на нынѣшнихъ дорогахъ, построенныхъ за деньги, слѣдов. всѣ произведенія понизятся въ цѣнѣ у насъ, а за нами и у насъ, т. е. естественныя произведенія, которыми Россія преимущественно должна производить торговлю, и въ которыхъ Европа имѣетъ крайнюю нужду: хлѣбъ, сало, шерсть, лѣсъ, кожа, желѣзо, дерево, ленъ, пенька и проч.

Прошу васъ убѣдительно: вникните въ сущность моего вопроса, помогите намъ вашею опытностію въ разсужденіяхъ о дѣлахъ этого рода, и будьте увѣрены въ чувствахъ нашей признательности, признательности поколѣній.

## VI.

## ПИСЬМО КЪ ПРУДОНУ.

Увѣренный въ вашемъ безпристрастіи по прочтеніи вашей брошюры о Польшѣ, столько, сколько всегда я былъ увѣренъ въ вашей горячей любви къ человѣчеству, хотя и не соглашался съ нѣкоторыми вашими выводами, о коихъ, впрочемъ, имѣлъ я понятіе, признаюсь, поверхностное, я рѣшаюсь обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою о вопросѣ общемъ, и просить вашего содѣйствія литературнаго, нравственнаго.

Скорое построеніе желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, необходимое для нея по многимъ отношеніямъ, важно и для Европы, открывая ей новый міръ, для нея совершенно незнакомый; Европа страдаетъ отъ избытка народонаселенія, а у насъ пустыя пространства для двойнаго количества ея жителей, или еще болѣе. Въ Европѣ люди умираютъ съ голода, а мы не знаемъ что дѣлать съ нашимъ хлѣбомъ, и урожайный годъ считается во многихъ мѣстахъ величайшимъ несчастіемъ. А Кавказъ, Сибирь, Амурская область, Крымъ, Оренбургъ! Представьте себѣ, что Европа соединится съ отдаленною Сибирью, посредствомъ дороги отъ Перми чрезъ Уральскія горы; со всею среднею Азіею посредствомъ дороги между Каспійскимъ и Аральскими морями (разстояніе менѣе 20 миль); съ Персіей и Каспійскимъ моремъ, посредствомъ дороги между Поти и Баку чрезъ Тифлисъ, съ Бѣлымъ моремъ и Архангельскомъ—проч. и проч. Какое обшир-

ное поле откроется для Европейской торговли, промышленности. колонизаціи, для Европейскихъ ученыхъ, художниковъ, техниковъ! Цѣны на главныя естественныя произведенія, нужныя для удовлетворенія первыхъ нуждъ, коими мы по преимуществу богаты, тотчасъ понизятся, на хлѣбъ, сало, шерсть, мясо, лѣсъ, желѣзо, и проч. и проч.

Но Русское правительство не находитъ собственныхъ средствъ приступить къ быстрому построенію дорогъ. Частныхъ капиталовъ нѣтъ. Наши финансисты, воспитанные на западныхъ теоріяхъ, списанныхъ съ явленій западной жизни, никакъ не могутъ освободиться изъ-подъ ихъ ига, и, твердя о наукѣ, отвергаютъ упорно національныя предположенія, не смѣютъ рѣшиться ни на что новое.

(Здѣсь слѣдуетъ изложеніе вышеприведенное въ письмахъ къ Кобдену).

Объ чемъ же я намѣренъ просить Васъ? Объ томъ, чтобъ Вы, если раздѣляете и одобряете изложенныя мысли, развили ихъ подробнѣе, подкрѣпивъ ихъ своими соображеніями съ свойственною вамъ силою и убѣжденіемъ. Я просилъ о томъ же г. Кобдена, но онъ не понялъ моего вопроса, вѣроятно вслѣдствіе неясности моихъ выраженій, и я пишу къ нему теперь вторично. Подкрѣпленный авторитетомъ избранныхъ спеціалистовъ, предлагаемый проэктъ получитъ болѣе силы въ глазахъ нашихъ государственныхъ людей, по слову св. Писанія и по латинской пословицѣ: major e longinquo reverentia.

Примите же его къ сердцу, вникните внимательно, я съ нетерпѣніемъ буду ждать Вашего отвѣта, который можетъ принести великую пользу Россіи, Европѣ, человѣчеству, можетъ получить великое значеніе въ будущемъ.

### VII. Отрывокъ изъ письма къ N. N.

....Пишу къ вамъ не какъ къ высокому Гранду, а какъ къ соотечественнику, который преданъ отечеству и желаетъ ему отъ души добра....

Одинъ человѣкъ, будь онъ семи пядей во лбу, въ наше время не можетъ сдѣлать никакого дѣла. Найдти сотрудниковъ, помощниковъ, умѣть присмотрѣть за ними, умѣть спрашивать и выслушивать — вотъ главное. Это доказали у насъ Петръ и Екатерина. Петръ выслушалъ и принялъ совѣтъ отъ пьянаго кузнеца, откуда взять мѣди для пушекъ, а Екатерина сколько слугъ нашла себѣ, вступая въ разговоры со всякимъ встрѣчнымъ? Напомню и басню Дмитріева или Лафонтена о двухъ пастухахъ. Одинъ изъ кожи лезъ, метаясь изъ угла въ уголъ, безъ всякой пользы для

своего стада. Другой лежалъ спокойно подъ деревомъ, играя на свирѣли,—ничего, кажется, не дѣлалъ, а стадо было у него цѣло и благополучно. Отчего это, спросилъ его несчастный труженикъ, ты лежишь, а дѣла у тебя лучше, чѣмъ у меня, работающаго изъ всѣхъ силъ? Я выбралъ добрыхъ псовъ, отвѣчалъ ему товарищъ.

Это вступленіе, а вотъ въ чемъ дѣло:

Я помѣшанъ на мысли, что Государь нашъ можетъ теперь выстроить тысячъ пять верстъ желѣзныхъ дорогъ, не истрачивясь на постройку, а обогащаясь ею,—и тѣмъ присоединить къ великому дѣлу освобожденія крестьянъ другое великое дѣло, для Россіи въ настоящихъ обстоятельствахъ необходимое: устройство дорогъ. Наши финансисты не смѣютъ высунуть носа изъ подъ западныхъ теорій, и никакъ не могутъ понять, что у насъ другая жизнь, другой характеръ и другія обстоятельства. Они мѣшаютъ больше всѣхъ успѣшному ходу этого дѣла. Такимъ образомъ мысли о построеніи желѣзныхъ дорогъ посредствомъ особыхъ временныхъ ассигнацій, (раздѣляемой многими Русскими людьми), никакъ не осуществиться, сколько бы мы ни звонили объ ней, и я составилъ себѣ вотъ какой планъ: разослать ее къ иностраннымъ ученымъ и публицистамъ, и спросить ихъ мнѣнія.... Препровождаю къ вамъ копію съ моихъ посемъ.... Подъ эгидою иностранныхъ спеціалистовъ, при нашей недовѣрчивости къ самимъ себѣ, дѣло можетъ быть пойдетъ успѣшнѣе. Сдѣлайте изъ нихъ употребленіе какое разсудите.

. . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . .

### VIII. отрывокъ изъ другаго письма.

.... Что ни говорите, а денежные знаки намъ нужны, и на Нижегородской ярмаркѣ въ нынѣшнемъ 1864 году ходили даже фальшивыя ассигнаціи, завѣдомо, съ своимъ лажемъ. Пусть объяснятъ наши ученые такое безмысленное явленіе! Гдѣ оно можетъ быть, кромѣ у насъ. Не говорю уже, что по городамъ аптекари, содержатели почтъ, откупщики, продолжаютъ выдавать свои ассигнаціи....

А какъ рвутся работать землекопы, какъ рвутся столяры строить вагоны, а кузнецы отливать колеса и проч.

. . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . .

---

(Предчувствую, какая, буря поднимется на меня съ градомъ насмѣшекъ, при сей вѣрной окказіи, со стороны многихъ, и со стороны нѣкоторыхъ, — но, господа, я знаю вѣдь все, что вы напишете, и остаюсь при своемъ мнѣніи).

М. Погодинъ.

# МНѢНІЯ, ГОЛОСА И ЗАМѢЧАНІЯ ГЛАСНАГО

## ПО ДѢЛАМЪ ОБЩЕЙ ГОРОДСКОЙ МОСКОВСКОЙ ДУМЫ (*).

## 1863 — 1865.

## I.

## МНѢНІЕ.

ПРОЧИТАННОЕ ВЫБОРНЫМЪ, М. П. ВЪ ЧАСТНОМЪ СОБРАНІИ ОТДѢЛЕНІЯ ДВОРЯНЪ ПОТОМСТВЕННЫХЪ 1863 ГОДА ФЕВРАЛЯ 2.

Мм. Гг. Выслушавъ ваши совѣщанія въ прошедшую середу, имѣвъ случай, послѣ, какъ и прежде, говорить о выборахъ съ Московскими обывателями разныхъ сословій, и обдумавъ ихъ отзывы, я пришелъ къ нѣкоторымъ заключеніямъ, кои и имѣю честь предложить вамъ теперь на благоусмотрѣніе.

Случайно наше отдѣленіе домовладѣльцевъ находится въ самыхъ счастливыхъ отношеніяхъ къ выборамъ: между нами нѣтъ, кажется, ни одного человѣка, не только партіи, который бы домогался, искалъ или даже желалъ избранія, хотя разумѣется можно надѣяться, что безъ причины никто не откажется отъ принятія какой-либо должности, еслибъ палъ на него жребій. Мы, слѣдо-

(*) Многіе желали, чтобъ я собралъ всѣ свои заявленія въ Думѣ: Исполняю это желаніе,—и вмѣстѣ очищаю свой долгъ предъ обывателями, удостоившими меня чести избранія въ гласные. Владѣя домомъ въ Москвѣ около 50 лѣтъ, я не считалъ себя въ правѣ отказываться отъ возложенной обязанности, не смотря на свои совершенно инородныя занятія, которыя не оставляютъ мнѣ ни минуты свободной. Впродолженіи службы я слѣдовалъ внимательно за всѣми дѣйствіями Думы, по крайнему своему разумѣнію, и, теперь, предъ окончаніемъ служебнаго срока, представляю вмѣстѣ съ прежними отмѣтками и заключеніе, выведенное изъ трехлѣтнихъ почти наблюденій, о мѣрахъ нужныхъ или полезныхъ для успѣшнаго веденія дѣлъ. Не стою за дѣльность, и желаю только, чтобъ онѣ были приняты доказательствомъ моего усерднаго желанія служить по мѣрѣ силъ обществу.

вательно, можемъ сохранить полное безпристрастіе, и при выборахъ имѣть въ виду личныя достоинства, а не личныя выгоды. Для насъ рѣшительно все равно, кто нибылъ бы выбранъ, мѣщанинъ или цеховой, купецъ или дворянинъ, личный или потомственный, лишь бы онъ былъ способенъ, лишь бы онъ лучше могъ занимать свое мѣсто на пользу города.

А какъ относятся къ выборамъ прочія сословія?

Позвольте мнѣ передать вамъ разговоръ двухъ купцевъ, мною слышанный. Одинъ выговаривалъ другому, старику, извѣстному своимъ богатствомъ и степенностію, за чѣмъ тотъ не принимаетъ участія въ выборахъ. Старикъ отговаривался сперва недосугомъ, «а впрочемъ», прибавилъ онъ въ заключеніе, «и не хотѣлось мнѣ терять время даромъ: много выбиралъ я на своемъ вѣку, но никогда почти не выходило по нашему, а рѣшали мѣщане и цеховые. Такъ будетъ вѣрно и теперь: зачѣмъ же ходить на выборы попустому. Дворяне раздѣлятся непремѣнно сторонъ на пять или на шесть; купцы можетъ быть поменьше, на три или на четыре; разночинцы прибавятъ отъ себя бѣлыхъ шаровъ десятка по два или по три кандидатамъ дворянскимъ и купеческимъ; а у мѣщанъ и цеховыхъ будетъ одинъ нареченный: ему и навалятъ они по двѣсти шаровъ бѣлыхъ, а чужимъ по двѣсти черныхъ. Ну вотъ такимъ образомъ и порѣшится дѣло».

Кого же выбираютъ обыкновенно мѣщане и цеховые? спросилъ я собесѣдника:

«Того, кого укажутъ имъ ихъ довѣренныя лица, которыхъ они уважаютъ и слушаются».

На какихъ основаніяхъ?

«Этого, вообще, опредѣлить нельзя. Случалось иному кандидату имѣть дѣло съ значительными мѣщанами и цеховыми, оказывать имъ разныя одолженія, и заслужить ихъ признательность. Ловкій кандидатъ съумѣетъ угостить кстати кого нужно, дать то или другое обѣщаніе, и вообще привлечь на свою сторону».

Умный старикъ говорилъ по старымъ опытамъ. Времена перемѣнились, и вѣроятно теперь избиратели всѣхъ отдѣленій отнесутся къ выборамъ построже и поразумнѣе, но все таки, кажется, нужно намъ Мм. Гг., пользуясь своимъ положеніемъ, принять мѣры для разъясненія важности дѣла и пользы хорошаго, добросовѣстнаго выбора, не только для города вообще, но и для каждаго обывателя въ особенности.

Пусть председатель или кто-нибудь изъ членовъ по его порученію, предъ началомъ выборовъ, объяснитъ избирателямъ вкратцѣ: 1 неудовлетворительность прежнихъ выборовъ, 2 важность полученнаго нами теперь права, и 3 качества, необходимыя для Головы по новому положенію.

Вотъ нѣкоторыя набросанныя черты объ этихъ предметахъ.

1. О неудовлетворительности прежнихъ выборовъ. Можно указать на вышеприведенный разговоръ: выбирались люди, большею частію, богатые, бывшіе въ состояніи тратить много собственныхъ денегъ, и искавшіе не столько пользы городу, сколько чести себѣ. По этой причинѣ они были ревностными исполнителями желаній высшаго начальства, а не попечителями нуждъ городскихъ. Это были покорные расходчики генералъ-губернаторовъ и оберъ-полицмейстеровъ, а обыватели плати, да и только, не смѣя спрашивать, куда дѣваются ихъ денежки. Въ оправданіе Головъ можно сказать, что вся обстановка связывала имъ руки, и мѣшала ихъ свободному образу дѣйствій. Входить въ споръ съ властію было часто не только безполезно, но даже опасно. На самые выборы начальство считало себя обязаннымъ имѣть вліяніе.

2. О важности полученнаго нами теперь права, распространяться много не нужно: она очевидна. Мы имѣемъ почти полное самоуправленіе городское, можемъ сами, такъ сказать, вести свои счеты, придумывать нужное и отвергать лишнее, сами можемъ уменьшать и увеличивать, чего оборони Боже, свои повинности: слѣдовательно надо умѣть воспользоваться такими преимуществами, и кто можетъ тому содѣйствовать болѣе городскаго Головы!

3. Качества необходимыя для него суть:

Хозяйственность и распорядительность: надо знать цѣну всѣхъ вещей, чтобъ не заплатить лишняго ни въ какомъ подрядѣ, надо знать толкъ во всѣхъ матеріалахъ и подѣлкахъ, чтобъ не поставленъ былъ нигдѣ товаръ гнилой и негодный, и заказы исполнялись какъ нельзя лучше и т. п.

Дѣятельность. Градской Глава долженъ быть преданъ всецѣло своему дѣлу, и работать съ утра до вечера для города, оставя всѣ свои прочія занятія, осматривать, повѣрять, прицѣниваться, справляться, наблюдать. Валить черезъ пень колоду, махать рукою, по прежнимъ порядкамъ, не приходится. Надо входить съ толкомъ во всѣ подробности, отстаивать всякую копейку, и не упускать ни одной денежки, имѣя въ виду облегчить повинности, какъ то сдѣлалъ

покойный Шестовъ, добромъ будь помянутъ, а не увеличивать. А народное продовольствіе, а цѣны жизненныхъ потребностей, устройство городскаго банка, отношеніе къ больницамъ, забота о пособіяхъ бѣднымъ людямъ!

Градскому главѣ нужна стойкость, смѣлость, въ сознаніи своей справедливости спорить со властями, которымъ приходятъ иногда въ голову странныя фантазіи сломать одно, построить другое, купить, продать. Содержаніе пожарной команды, освѣщеніе города, снабженіе фуражемъ, это такіе вопросы, съ которыми соединены частныя выгоды, и касаться ихъ въ глаза часто сопряжено бываетъ съ разнообразными затрудненіями. Общее застрахованіе— казалось, чего бы лучше, дешевле, полезнѣе, а въ первомъ страховомъ отъ огня обществѣ засѣдали сильныя лица, они же и акціонеры, ну и лежи проэкты подъ краснымъ сукномъ.

Осмѣливаясь спорить, Голова долженъ имѣть и умѣнье вести споръ, отстоять свое мнѣніе, долженъ постараться о доказательствахъ, что полиція, по духу своего учрежденія, должна служить городу за его жалованье, а отнюдь не начальствовать.

Наконецъ ему нужна обходительность: съ людьми надо поступать полюдски,—качество, котораго до сихъ поръ, недоставало у насъ многимъ, и въ которомъ, по духу времени, настоитъ насущная потребность.

Исчисляю обязанности Головы по своимъ старымъ впечатлѣніямъ, незнакомый даже порядочно съ новымъ положеніемъ: вы, Мм. Гг., дополните мои бѣглыя замѣтки, а это, кажется, нужно, чтобъ привесть въ ясность дѣло избраціи, не подвергаясь случаю, не опасаясь сюрпризовъ.

Кто подойдетъ подъ эту составленную нами сообща идеальную мѣрку, тотъ и долженъ быть Головою, будетъ ли то мѣщанинъ или купецъ, дворянинъ или цеховой: намъ нужно не богатство, не знатность, не чиновность, а нужны способности, кого надѣлилъ ими Богъ.

Каждое изъ пяти отдѣленій, на которыя мы раздѣлены, знаетъ своихъ выборныхъ. Пусть оно и назоветъ у себя должностныя лица прямо, открыто, излагая свои основанія. Такой образъ избранія имѣетъ свою пользу: нельзя предлагать собранію никого безъ достаточныхъ причинъ. Съ другой стороны обижаться никому нѣтъ основанія: если я назову въ должность Головы то или другое лицо, то я отнюдь не говорю тѣмъ, что прочія лица считаю недостойными. Нѣтъ, я говорю только, что я не знаю

ихъ съ требуемой стороны. Другой назоветъ иное, ему извѣстное лицо, и я, услышавъ его основанія, могу отказаться отъ своего избранія, и предпочесть его.

Счетъ голосовъ покажетъ большинство, и желательно, чтобъ указанныя большинствомъ лица, сдѣлались общими кандидатами нашего сословія на окончательныхъ выборахъ.

Въ прошедшее совѣщаніе нѣкоторые члены заявили свое мнѣніе, чтобъ какъ можно менѣе было у насъ кандидатовъ; я совершенно съ ними согласенъ: иначе, разъединенные, мы, не принося никому пользы, будемъ только мѣшать другъ другу.

Тоже слѣдуетъ пожелать и прочимъ сословіямъ.

Но какъ сообщить имъ наши избранія, а равно узнать и отъ нихъ ихъ мнѣнія, вмѣстѣ съ основаніями? Нельзя ли устроить общее домашнее собраніе, подобное нашему настоящему частному?

Въ этомъ совѣщаніи должно обмѣняться добытыми заключеніями, познакомиться всѣмъ лично со всѣми кандидатами. Тогда можетъ быть мы уступимъ своихъ кандидатовъ купцамъ или мѣщанамъ, или они согласятся съ нами дѣйствовать за одно.

По крайней мѣрѣ мы должны, каждый въ кругу своего знакомства, стараться объ оглашеніи нашихъ мыслей, и объ узнаніи настоящаго желанія прочихъ сословій, чтобъ всѣ явились на выборъ, достаточно освѣдомленные, и всякими доказательствами вооруженные.

Общее торжественное собраніе выслушаетъ всѣ избранія съ именами избирателей (такіе-то предлагаютъ того-то), сравнитъ ихъ между собою себѣ на умѣ, и отдастъ предпочтеніе тѣмъ, кои покажутся ему, по долгу совѣсти и присяги, основательнѣе и благонадежнѣе, безъ всякаго различія сословій.

Мы жалуемся и ропщемъ иногда на неудачу различныхъ выборовъ: стыдно же намъ будетъ, если мы, въ числѣ 500 человѣкъ, не съумѣемъ выбрать одного человѣка для дѣла, всѣмъ намъ близкаго и нужнаго. Стыдно будетъ намъ, но не въ авантажѣ будетъ и тотъ, кто не справясь съ своими средствами, соотвѣтственно заявленнымъ требованіямъ и условіямъ, взвалитъ на себя ношу не подъ силу. Теперь наступаетъ пора иная, чѣмъ прежде. Обличители, званые и незваные, разберутъ управленіе по косточкамъ, доберутся пожалуй и до отцевъ и дѣтей, до дядей и тетокъ, и не радъ будетъ иной никакому преждевозсѣданію на сонмищахъ, и преждевозлежанію на трапезахъ.

Дай Богъ, чтобъ этого не случилось, и чтобъ пришлось намъ Москвичамъ спѣть первую пѣсенку не зардѣвшись.

## II.

*(Августа 7, 1863 г.).*

### О газовомъ освѣщенiи.

Первую пѣсенку зардѣвшись спѣть. Говоривъ и разсуждавъ много о предметахъ отвлеченныхъ, историческихъ, о предметахъ науки, я никогда не говорилъ и не разсуждалъ о предметахъ счетныхъ и хозяйственныхъ. Между тѣмъ назвавшись груздемъ, такъ полѣзай въ кузовъ; взялся за гужъ, не говори что не дюжъ. Избранный въ гласные, я долженъ подать свой голосъ о предложенныхъ вопросахъ.

Я буду говорить, ссылаясь только на здравый смыслъ. Знатоки, или, какъ называютъ ихъ нынче, спецiялисты, не должны взыскивать за мои ошибки или промахи, если какiе случатся, а исправить ихъ великодушно. Я буду говорить просто, ибо всѣ наши совѣщанiя должны отличаться простотою, подчиняясь хахарактеру большинства.

Намъ предлагаютъ теперь вопросъ: принять ли освѣщенiе фотогеномъ, которое будетъ стоить городу пятьюдесятью тысячами рублей сер. дороже?

Вмѣсто отвѣта, я думаю, слѣдуетъ прежде всего спросить: есть ли у насъ лишнихъ 50 тысячъ рублей серебромъ?

Если ихъ нѣтъ, то нечего толковать ни о какихъ лишнихъ расходахъ. По одежкѣ протягивай ножки!

Дѣлать городу займы, въ надеждѣ будущихъ благъ—это плохое хозяйство. Не увеличивать расходы, а уменьшать, вотъ первая задача новой Думы, чтобъ уменьшить повинности, по примѣру покойнаго Шестова, повинности, теперь значительно тягостныя.

Напрасно будутъ насъ пугать невѣжествомъ, варварствомъ и отсталостiю. Газовое освѣщенiе принадлежитъ къ числу общихъ мѣстъ петербургскаго журнальнаго обезьянства, которое хотѣло нагнать на русскiй людъ своего рода страхъ, (терроръ), въ чемъ на нѣсколько времени и успѣло.

Это желанiе газоваго освѣщенiя напоминаетъ уѣздныхъ прогрессистовъ, которые въ полномъ удовольствiи сообщаютъ извѣстiе въ газеты: и у насъ былъ спектакль, и у насъ былъ концертъ,

и у насъ были живыя картины. А пропадайте вы съ вашими живыми картинами! Онѣ надоѣли намъ и въ столицахъ.

Намъ нужна дѣятельная, вѣжливая, честная полиція, вотъ что намъ нужно, вотъ въ чемъ есть настоятельная, нетерпящая отлагательства потребность, намъ нужна дешевизна съѣстныхъ припасовъ, намъ нужны каменные мосты, а газоваго освѣщенія можно еще подождать до лучшихъ обстоятельствъ!

Поговоримъ же, впрочемъ, о газовомъ и вообще объ освѣщеніи города.

Парижъ, Лондонъ, живутъ ночью точно такъ, какъ днемъ. — ну для нихъ и нужно освѣщеніе долговременное, сильное, ровное и повсемѣстное.

Извольте проѣхаться въ Москвѣ въ 9 часовъ по всему Замоскворѣчью, по Сущеву, по Прѣснѣ и Лефортову, по Рогожской— вы не встрѣтите ни души. Спрашивается, зачѣмъ же освѣщать эти части города дольше 9 часовъ вечера?

Это напоминаетъ мнѣ обычай англійскаго нашего клуба сохранять освѣщеніе всего помѣщенія, 20 комнатъ, до тѣхъ поръ, пока остается хоть одинъ посѣтитель,—обычай стараго, безразсчетнаго, напыщеннаго барства, которое должно выводить намъ изъ своего хозяйства, кольми паче изъ общественнаго.

Въ самыхъ людныхъ частяхъ города, по Тверской, Никитской, по Арбату, послѣ 10 часа разъѣзжаются не дѣловые люди, не производительные обыватели, (тѣ давно уже спятъ), а тунеядцы, игроки, запоздалые гости, праздношатающіеся. Ну, если кто изъ подобныхъ господъ повредитъ себѣ немножко лобъ, то эта бѣда не велика, и для застрахованія его пути не слѣдуетъ затруднять ни г. Боаталя, ни г. Дидерихса съ компаніею, ни гг. Юнга и Бовеля съ обществомъ въ милліонъ футовъ стерлинговъ.

По моему мнѣнію, сначала не слѣдуетъ намъ ничего ломать, ничего разрушать, перемѣнять, безъ какой нибудь очевидной, осязательной необходимости, а оставлять всѣ старыя учрежденія и порядки, съ наблюденіемъ, чтобъ они были исполняемы вѣрно, честно и исправно.

Коммиссія говоритъ, что изъ употреблявшихся доселѣ способовъ уличнаго освѣщенія, фонари съ конопляннымъ масломъ составляли не освѣщеніе, а лишь безплодное уничтоженіе довольно цѣннаго матеріала.

Это правда, но надо разрѣшить прежде вопросъ, отчего это происходило: отъ качества матеріала, или отъ злоупотребленія?

Если масло не хорошаго качества, если къ нему подольютъ другой жидкости, если свѣтильню употребятъ негодную, зажгутъ поздно, да еще пьяными руками, погасятъ рано, то освѣщеніе, разумѣется, выйдетъ темноватое, а вы примите сперва мѣры противъ всѣхъ этихъ уклоненій, и вы получите освѣщеніе масломъ все-таки порядочное, сносное, каковое и было вездѣ въ Европѣ до газовъ, которымъ нѣтъ, кажется, и 25 лѣтъ.

Точно такъ и фотогенъ г. Боаталя, какъ я слышалъ, предъ домомъ оберъ-полицеймейстера горитъ аки солнце, а чуть подальше въ стороны, все тускнѣетъ, тускнѣетъ, и приравнивается къ нашему доброму старому конопляному маслицу. Вотъ объ чемъ надо позаботиться Думѣ, а съ безпечностію, которою пропиталась вся наша плоть, мы все-таки зги на улицахъ не увидимъ, хотя-бъ дума выдавала деньги по книгамъ за самый пламенный газъ.

Пусть кто нибудь изъ членовъ распорядительной Думы, или вообще гласныхъ, по распоряженію Головы, наблюдаетъ одну улицу, даже одинъ фонарь, въ продолженіи трехъ-четырехъ часовъ. Этотъ фонарь дастъ вѣрное исчисленіе на цѣлый городъ, во что должно обойдтись хорошее масляное освѣщеніе, до такого-то часа въ Бѣломъ городѣ, до такого-то въ Земляномъ.

Найденную сумму мы и объявимъ желающимъ освѣщать фотогеномъ, минеральнымъ масломъ, газомъ, и если явятся охотники — милости просимъ, но безъ лишней копейки, иначе останемся пока по старому, съ принятіемъ строгихъ мѣръ надзора.

Устроимъ мы понемногу наше хозяйство, избавимся отъ лишнихъ расходовъ, удовлетворимъ насущныя потребности, — о, тогда мы поклонимся и гг. Боаталю, Дидерихсу и Юнгу, чтобъ они занялися нашими иллюминаціями, и зажгли бенгальскій огонь даже на Зацѣпѣ.

Я сказалъ о лишнихъ расходахъ, и начну съ той огромной книги, которая намъ роздана въ прошедшемъ собраніи: «Денежные обороты города Москвы.» Она занимаетъ листовъ 50, и стоила вѣрно около тысячи. Помилуйте — чесо ради гибель сія бысть? Для кого же она напечатана? Кто прочтетъ ее изъ 175 гласныхъ? Да тутъ и я, привычный къ книгамъ всѣхъ форматовъ, переломлю свою остальную ногу. Какъ же вы хотите, чтобъ мой добрый сосѣдъ изъ мелочной лавочки или простонародной рукодѣльни разсматривалъ всѣ эти ряды чиселъ! Это рутина, форма,

старое заведеніе! Вотъ отъ этого старья, отъ проклятой писанины, намъ надо избавиться. Всѣ эти 50 листовъ я берусь умѣстить не только на пяти, но надѣюсь на одномъ, и такомъ одномъ, который всякой прочтетъ, обозритъ, пойметъ и получитъ матеріялъ для разсужденія. Полную такую табель съ графами надо имѣть въ канцеляріи для справокъ, для рапортовъ, а для нашего брата гласнаго нужнѣе и полезнѣе краткіе перечни, на которыхъ господа секретари, наши дьяки, и должны изощрять и показывать свои способности.

Точно такъ предложенія и отчеты коммиссіи напрасно, думаю, печатать особо и платить деньги. Почему не печатать ихъ даромъ въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ», болѣе или менѣе намъ принадлежащихъ? Онѣ получатъ чрезъ то занимательность, въ пользу себѣ и намъ. А съ тѣмъ вмѣстѣ будутъ распространяться въ народѣ и свѣдѣнія о городскихъ вопросахъ.

Перелистовавъ толстую книгу, я, незанимавшійся никогда подобными вопросами, увидѣлъ къ великому моему удивленію, что много городскихъ расходовъ идетъ вовсе не для города, а на предметы посторонніе.

Такъ напримѣръ, давать 50 т. р. на театръ съ итальянской оперою я считаю ни съ чѣмъ не сообразнымъ, тѣмъ болѣе, что большая часть платящихъ жителей въ театръ и не ходитъ.

Содержаніе пожарной команды должно бы, кажется получать пособіе хоть на половину отъ страховыхъ обществъ: даетъ же Дума пособіе клиникамъ и училищамъ и такъ далѣе.

Вслѣдствіе всего этого, въ званіи гласнаго, по присягѣ, долгомъ поставляю заявить свое мнѣніе таковое: распорядительная Дума прежде всего должна озаботиться разсмотрѣніемъ нашихъ расходовъ и доходовъ, опредѣленіемъ, съ дозволенія министра внутреннихъ дѣлъ, какіе изъ нихъ необходимы, и какіе должны быть сняты съ городскихъ плечъ, и представленіемъ смѣты на 1864 годъ на общее сужденіе. Тогда уже можемъ мы приступить къ рѣшенію частныхъ вопросовъ; тогда только мы увидимъ, освѣщаться ли намъ газомъ, или посидѣть еще въ потемкахъ.

## III.

(*Ноября 7*).

### Обязательное застрахованіе домовъ отъ огня.

Я выбранъ членомъ коммиссіи для разсмотрѣнія проектовъ.

Коммиссія 7 ноября предложила вопросъ о застрахованіи домовъ обывательскихъ: «должно ли взаимное страхованіе имуществъ по городамъ установлять какъ мѣру обязательную; или же участіе въ ономъ предоставить на волю каждаго изъ домовладѣльцевъ?»

Мое мнѣніе вотъ какое: стараться, чтобъ устроилось страхованіе не отъ какого либо общества, а отъ Думы, обязательное для всѣхъ, т. е. пусть Дума возьметъ опредѣленный процентъ съ оцѣнки, — и спи всякій обыватель спокойно: если домъ твой, чего оборони Боже, сгоритъ, то Дума завтра выдастъ тебѣ сполна, во что бы ты самъ съ нею оцѣнилъ его.

Такимъ образомъ, одно изъ самыхъ тяжелыхъ несчастій, угрожающихъ домовладѣльцамъ, исключится изъ списка общественныхъ бѣдствій, и одержится новая побѣда надъ стихіею, особенно для Россіи пагубною.

Но можно ли устроить это дѣло такъ? Кажется, можно. По крайней мѣрѣ, подумаемъ и попытаемся...

Какъ же приступить къ дѣлу?

Забрать справки, по чемъ берутъ страховыя общества съ своей оцѣнки.

Ихъ процентъ, разчитанный на тѣснѣйшій кругъ, разумѣется долженъ быть пониженъ значительно въ виду цѣлаго обширнаго города, подвергающаго себя страхованію. Можетъ быть, этотъ процентъ, эта подать, будетъ такъ мала, что всякій обыватель съ величайшимъ удовольствіемъ и благодарностію приметъ ее на себя, въ виду великой милости: получать полное вознагражденіе убытковъ, еслибы случилось когда имъ подвергнуться,

Собрать свѣдѣнія о количествѣ ежегодныхъ пожаровъ, впродолженіи десяти, двадцати лѣтъ, и даже пятидесяти, со времени нашествія Французовъ; на сколько горитъ домовъ въ Москвѣ ежегодно; эту сумму примѣрьте къ суммѣ стоимости города по его оцѣнкѣ, и вы найдете приблизительно, какой процентъ огнемъ сожигается.

Сравните этотъ процентъ съ процентомъ, взимаемымъ отъ страховыхъ обществъ. Вотъ и еще данное для повѣрки.

Я знаю, можно сдѣлать много возраженій, особенно тѣмъ людямъ, которые по своей натурѣ склоннѣе къ отрицанію, чѣмъ къ утвержденію, и еще тѣмъ, которые любятъ прохлаждаться въ statu quo, на лонѣ Авраамовомъ, для которыхъ всякая перемѣна, даже къ лучшему, безпокойна и тягостна. Я обращаюсь къ другимъ людямъ, поживѣе и подѣятельнѣе.

Говорятъ—трудно собрать свѣдѣнія о пожарахъ, о коихъ хозяевами представляются обыкновенно свѣдѣнія, большею частію невѣрныя.

Отвѣчаю: трудно для тѣхъ, кто не умѣетъ взяться за дѣло какъ слѣдуетъ, кто привыкъ къ офиціяльности, рутинѣ и формальной законности.

Возьмите адресы пожаровъ за три года изъ канцеляріи оберъ-полицеймейстера. Отправтесь на мѣста, распросите хозяевъ и ихъ сосѣдей, и въ два-три дня получите свѣдѣнія не совсѣмъ вѣрныя, но приблизительно вѣроятныя, и онѣ для васъ на первый случай достаточны.

А какая награда въ перспективѣ: застраховать отъ огня цѣлый городъ и успокоить 300 тысячь жителей! Есть изъ-за чего потрудиться и похлопотать.

Нѣкоторыя страховыя общества процвѣтаютъ, и получаютъ иногда по 20, по 30 процентовъ дивиденда, откладывая еще суммы въ запасъ. А Дума этихъ доходовъ имѣть въ виду не будетъ, слѣдовательно, процентъ ея налога на дома будетъ несравненно легче и сноснѣе.

## IV.

### Два слова объ адресъ-конторѣ.

Адресъ-контора есть учрежденіе въ высшей степени для городскихъ обывателей стѣснительное и обременительное, и для правительства безполезное. Какое назначеніе адресъ-конторы? Знать адреса и занятія рабочихъ? Это должна и можетъ знать гораздо лучше полиція. Собирать пошлину съ рабочихъ и доставлять доходъ городу? Полиція будетъ собирать этотъ доходъ гораздо легче и удобнѣе, прописывая у себя паспорты. А рабочимъ не нужно будетъ справляться и безпокоиться безпрестанно о срокахъ, платить штрафы за просрочку, подкупать чиновниковъ и проч. и проч. Для чего же существовать адресъ-конторѣ, съ 65 комнатами и 71 печкой? Тепленькое помѣщеніе!

## V.

*(Ноября 18).*

### О новыхъ источниковъ доходовъ.

По внимательномъ разсмотрѣніи доклада коммиссіи, нельзя не согласиться, что она исполнила свое дѣло отлично, приложивъ всевозможное стараніе, войдя во всѣ подробности, сколько то позволили время и обстоятельства. Она коснулась многихъ вопросовъ, о которыхъ прежде Дума и подумать не смѣла, предложила ходатайства совершенно законныя, и вмѣстѣ указала, хоть и очень бережно, даже нѣжно, на нѣкоторыя очевидныя злоупотребленія.

Правительство, предоставивъ намъ собственное разсужденіе о нашемъ хозяйствѣ, возлагаетъ вмѣстѣ на насъ и обязанность изыскать средства для удовлетворенія новыхъ нуждъ, соотвѣтственно развитію городской жизни вообще въ Европѣ,—а между тѣмъ слышатся общія жалобы на безденежье, на стѣсненіе всѣхъ оборотовъ, на застой въ торговлѣ и фабрикахъ, вслѣдствіе новаго устройства нашей жизни, и вслѣдствіе европейскихъ обстоятельствъ, какъ тутъ быть!

Постоянный житель Москвы съ своего рожденія, домовладѣлецъ и домохозяинъ почти съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, я рѣшаюсь представить нѣкоторыя свои мысли на разсужденіе. Отъ Думы будетъ зависѣть ихъ исправленіе, распространеніе, приложеніе, если не совершенное осужденіе. Я хочу только исполнить свой долгъ, какъ гласный, по крайнему своему разумѣнію.

Позволю себѣ представить простой примѣръ: всѣ изъ насъ помнятъ сообщеніе между Москвою и Петербургомъ до основанія желѣзной дороги. На проѣздъ требовалось отъ 3 до 4 сутокъ. Положимъ, чтобъ кто-нибудь избралъ себѣ тогда задачею сократить этотъ срокъ. Что для этого нужно было бы сдѣлать? Наблюсти, чтобъ вездѣ на станціяхъ были хорошія, добрыя лошади, чтобъ ямщики были всегда исправны, чтобъ на перепряжки не употреблялось ни минуты лишней; чтобъ наконецъ дорога была сколько возможно уравнена и углажена. Чего такимъ образомъ достичь было бы можно? Вмѣсто 3 или 4 дней уменьшить время до двухъ сутокъ съ половиною, или даже до двухъ, никакъ не менѣе. А паръ по желѣзнымъ колеямъ можетъ доставить васъ въ 20 или даже 15 часовъ изъ Москвы въ Петербургъ!

Сперанскій, предложивъ мысль о сохраненіи свѣчныхъ денегъ въ церквахъ, накопилъ множество милліоновъ, на которыя теперь строятся училища, содержатся воспитанники, награждаются чиновники, и проч.

Одинъ винный приставъ, на вопросъ мой, отчего нѣкоторые откупщики богатѣютъ, а другіе бѣднѣютъ, отвѣчалъ мнѣ: есть капли, которыя умѣютъ иные сберечь и накопить такъ, что изъ нихъ наполняются бочки, а другіе допускаютъ проливаться имъ на полъ. Вотъ одна изъ причинъ различія въ состояніяхъ.

Нельзя ли намъ въ городѣ поискать какихъ нибудь свѣчныхъ огарковъ, или найдти какую нибудь посудину для собиранія проливаемыхъ черезъ край капель?

Поговоримъ, впрочемъ, прежде о средствахъ, пообыкновеннѣе и простѣе.

Мнѣ кажется, въ городѣ есть много мѣстъ пустопорожнихъ, и мѣстъ, которыя городъ пріобрѣсти себѣ можетъ, и изъ которыхъ легко извлечь большія выгоды.

Никольская есть самая бойкая, доходная и дорогая улица. Чѣмъ же она занята у насъ? Треть ея занимаютъ бѣдныя книжныя лавки, помѣщенныя въ какихъ-то каменныхъ шалашахъ, составляющія безобразіе города, и приносящія доходу Заиконоспасскому монастырю едва ли много болѣе 100 руб. за нумеръ. Если капитализировать ихъ, то придется платить монастырю никакъ не болѣе 2 тысячъ руб. въ годъ, а домъ, здѣсь воздвигнутый, можетъ доставить городу многотысячный доходъ. Присоединю сюда и обширный домъ, занимаемый Заиконоспасскимъ училищемъ. Мѣсто ли училищу быть на рынкѣ? Помѣстите его, гдѣ угодно, въ Бѣломъ городѣ, а здѣшнее помѣщеніе будетъ давать вамъ доходу на 20% болѣе, чѣмъ употребите вы на постройку. Точно то же должно сказать о многихъ безобразныхъ постройкахъ монастырей Заиконоспасскаго, Греческаго, Богоявленскаго, Знаменскаго. Монастырямъ здѣсь не мѣсто. Не спасать свою душу могутъ здѣсь монахи, а развѣ приходить въ искушеніе, побѣждать которое безпрестанно нельзя требовать отъ современной человѣческой слабости. Всѣ эти монастыри должны остаться церквами, а монахи переведены быть въ другіе монастыри, болѣе удобные для достиженія ихъ небесной цѣли. Да и сколько ихъ живетъ теперь здѣсь? Едва-ли по 10 въ каждомъ изъ четырехъ названныхъ монастырей. Всѣ шалаши и амбары должны быть сломаны, доходы ихъ мона-

стырямъ и церквамъ выплачиваемы, и на мѣстѣ ихъ воздвигнуты новыя зданія, достойныя столицы, или на счетъ города, или частными лицами на выгодныхъ для города условіяхъ. Я увѣренъ, что не только въ Россіи найдутся охотники строить, но даже прискачутъ французскіе, англійскіе капиталисты, — укажи имъ только, объясни мѣстныя выгоды.

Кромѣ монастырскихъ владѣній, на Никольской помѣщена еще синодальная типографія со всѣми своими мастерскими и рабочими. Помилуйте, какъ можно занимать такое дорогое мѣсто, гдѣ всякая сажень драгоцѣнна, какою-бы то ни было фабрикою или амбаромъ? Помѣщеніе типографіи обойдется въ половину дешевле на всякой другой улицѣ, даже и не очень далекой, напримѣръ на огородахъ Златоустенскаго монастыря, гдѣ найдется мѣсто и для типографіи, и для училища, даже съ большимъ садомъ. На Никольской должно оставаться только памятникомъ новое среднее зданіе съ библіотекою и книжными лавками, воздвигнутое на мѣстѣ стараго печатнаго двора временъ царя Ивана Васильевича Грознаго, 1553 года. Вспомните, что вся эта мѣстность съ Никольской улицы на другую сторону оканчивается Китайскою стѣною, черезъ которую отовсюду можетъ быть удобно сдѣланъ проходъ или даже проѣздъ на театральную площадь. Ясно-ли, что здѣсь пахнетъ, можетъ быть, не одною сотнею тысячъ дохода? Не говорю уже о красотѣ города, объ удобствѣ проѣзда, объ облегченіи всякихъ сообщеній. Теперь вѣдь по Никольской часто проѣхать невозможно безъ опасности!

По старымъ понятіямъ, при прежнемъ ходѣ дѣлъ, такая мысль встрѣтитъ, разумѣется, множество возраженій: да какъ это можно, что скажетъ святѣйшій синодъ, понравится ли это митрополиту, не возстанутъ ли архимандриты, не заплачутъ ли монахи? Мнѣ кажется, что всѣ возраженія легко опровергнуть самимъ дѣломъ: монастыри или церкви будутъ получать вдвое доходу, дома для училища и типографіи выстроятся гораздо удобнѣе, десятка два монаховъ удалены будутъ отъ лишнихъ искушеній, и со всякаго другаго мѣста лучше приблизятся къ небу, нежели съ Никольской и Варварки, которыя между тѣмъ расширятся и украсятся, и городъ получитъ лишняго доходу тысячъ сто на полезное употребленіе. Жертва, Богу угодная со стороны духовнаго начальства, и полезное для общества распоряженіе со стороны свѣтскаго (*).

(*) Г. Пороховщиковъ исполнилъ эту мысль, пропущенную въ Думѣ

До сихъ поръ говорили мы о мѣстахъ, кои городъ могъ бы пріобрѣсть, но ему принадлежатъ ужь многія мѣста, коими онъ нисколько не пользуется: напримѣръ, пространство по Китайской стѣнѣ отъ Варварскихъ воротъ до Москвы рѣки. Сколько здѣсь можно было бы построить лавокъ! Да и на другой сторонѣ, отодвинувъ нѣсколько заднiй заборъ Воспитательнаго дома, которому легко уступить какую нибудь сажень въ улицу изъ пустыхъ своихъ, ничего не приносящихъ ему пространствъ. Вся внѣшняя сторона Китайской стѣны отъ Варварскихъ до Никольскихъ воротъ совершенно пустая. Да и внутри толкучiй рынокъ занимаетъ тѣсную улицу между Ильинскими и Никольскими воротами, а продолженiе той же улицы до Зарядья не занято ничѣмъ. Неужели нельзя эту безобразную азiятскую сумятицу со всѣми ея продѣлками, плутнями и даже преступленiями, раздѣлить на двое или на трое?

Я не знаю, кому принадлежатъ лабазы по всему берегу Москвырѣки, но увѣренъ, что здѣсь мѣсто не шалашамъ, а высокимъ зданiямъ, которымъ обезпечены значительные доходы.

Зарядье въ нѣкоторыхъ своихъ захолустьяхъ не должно быть терпимо ни въ какомъ благоустроенномъ городѣ. Это вмѣстилище всякой гадости. Если у города недостанетъ смѣлости скупить эти дома и лачуги, и сломать, какъ сломана Марсельская гавань, а потомъ перестроить по какому-нибудь плану гг. Миреса и Перейры, то по крайней мѣрѣ въ гигiеническомъ отношенiи надо обратить вниманiе на эту отчизну всякихъ мiазмовъ. Да не только на Зарядье, но и на многiя мѣста и дворы по Никольской, Ильинкѣ и Варваркѣ. Мнѣ случилось однажды обѣдать въ угольной комнатѣ Троицкаго трактира, и я взглянулъ въ окошко; что я увидѣлъ на дворѣ, прилежащемъ, а можетъ быть и принадлежащемъ, къ Богоявленскому монастырю? Такую картину, какую не встрѣтишь и въ жидовскомъ кварталѣ Рима или въ Альзасѣ стараго Лондона, описанномъ у Вальтеръ-Скотта въ «Приключенiяхъ Нижеля.» (*) Однажды случилось мнѣ также навѣстить уми-

---

безъ вниманiя: онъ договорился съ Пѣвческой конторою, и Новгородскимъ подворьемъ, сломалъ ихъ безобразныя полуразвалины, и воздвигнулъ огромное зданiе на Ильинкѣ, съ правомъ пользоваться имъ 30, кажется лѣтъ! Слѣдовательно предложенiе мое было сбыточное.

(*) Эти вертепы сломаны и вошли въ составъ зданiй г. Пороховщикова. Честь ему и благодарность!

равшаго художника-антикварія Тромонина въ домѣ близь Никольскихъ воротъ, осенью или весною, въ гололедицу: просто, жизнь подвергалась опасности, по двору, на лѣстницѣ и верхней галлереѣ. Но это мимоходомъ.

Я увѣренъ, что при тщательномъ обозрѣніи найдется въ Москвѣ много пространствъ, кои можно употребить съ пользою, не говоря уже о большихъ пространствахъ, впустѣ лежащихъ по оконечностямъ, напримѣръ, о Дѣвичьемъ полѣ, о Сокольническомъ полѣ, о пространствѣ между Донскимъ и Даниловымъ монастырями, около Симонова. Я обращу только вниманіе на пустынную и безплодную окружность Москвы. Это точно зловредная Campagna di Roma. Неужели нельзя этой земли употребить съ пользою? Я не могу повѣрить, чтобъ земля подъ Москвою верстъ на 30 кругомъ, съ достаточной шириною, не могла приносить ничего. Неужели наши ученые агрономы, профессоры будущей Петровской академіи, не могутъ подать никакого полезнаго совѣта?

Окрестныя поля, на кои впродолженіи многихъ лѣтъ свозились городскія нечистоты, должны представлять почву особеннаго тука, не гуано-чета, которую слѣдовало бы подвергнуть ученому, химическому анализу. По крайней мѣрѣ, Викторъ Гюго въ своихъ Miserables возбуждаетъ во мнѣ надежду найдти золотое дно въ окрестностяхъ Москвы.

Перехожу къ другимъ предметамъ. Одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ расходовъ, приводящихъ въ затрудненіе распорядительную думу, — это содержаніе тысячи городскихъ стражей изъ военныхъ чиновъ, которые признаны нужными для соблюденія порядка. Во первыхъ, я не увѣренъ, точно ли нужна тысяча человѣкъ, а не менѣе. Во вторыхъ,—и это главное,—я не понимаю, почему эту тысячу долженъ непремѣнно содержать городъ. Почему ей не оставаться по своимъ казармамъ при полкахъ на прежнемъ положеніи, и не откомандировываться ежедневно по частямъ, какъ откомандировываются караулы? Нѣкоторые по взаимномъ совѣщаніи вѣдомствъ могли бы помѣщаться и въ частныхъ домахъ. Городъ въ продолженіи многихъ лѣтъ содержитъ казармы, доставляетъ помѣщеніе, отопленіе и освѣщеніе 20-ти т. войска. Совершенно справедливо этому войску удѣлять свою 15-ю или 20-ю часть на городскую службу. Понадобится войско на войну, тогда мы, мирные обыватели, даже и его обязанность примемъ на себя, какъ уже и вызывались. По теперешнему плану, на

1000 человѣкъ мы должны припасать около 100 т., а по вышепредложенному плану содержаніе не будетъ стоить никому ничего лишняго.

Теперь обращусь я къ содержанію полиціи. Мы, всѣ обыватели, кланяемся полиціи обыкновенно и къ Новому году и къ Свѣтлому Воскресенію. Бываютъ поздравленія съ днемъ святаго Антонія, а иногда даже и съ днемъ св. Онуфрія. Можно собрать приблизительныя свѣдѣнія о количествѣ этихъ приношеній. Почему бы ихъ не опредѣлить, не узаконить? Жалованіе полиціи вѣрно бы удвоилось, безъ новаго отягощенія жителей и городской казны.

Можно, кажется, придумать для полиціи и нѣкоторыя другія доходныя статьи, напримѣръ: едва ли не половина московскихъ домовъ имѣетъ жильцовъ. Почему бы съ наемной получаемой платы не опредѣлить какого-нибудь маленькаго процента въ пользу полиціи за то, чтобъ она записывала уговоры или условія, и заботилась о вѣрномъ платежѣ, обезпечивала хозяину его доходъ, принимала его на свою отвѣтственность, имѣя къ тому всѣ средства—напоминать и понуждать самыми дѣйствительными мѣрами. Такимъ образомъ всѣ были бы въ барышахъ: хозяинъ былъ бы спокоенъ, увѣренный въ своемъ доходѣ за малую плату, удѣляемую имъ въ пользу полиціи; полиція, получая въ сложности значительный доходъ за такой трудъ, который относится и безъ того къ ея обязанности; жильцы, слыша часто memonto mori, пріучались бы къ точности и исправности. Притомъ, зная заранѣе условія хозяевъ и наемщиковъ, полиція избавилась бы отъ лишнихъ справокъ и розысканій, кои часто теперь предпринимать должна, и знакомилась бы короче съ своими обывателями, что ей нужно и полезно для многихъ случаевъ.

Можно бъ, кажется, назначить маленькій процентъ въ пользу полиціи и при различныхъ подрядахъ, условіяхъ съ мастеровыми.

. . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . .

Мнѣ кажется, еслибъ оберъ-полицеймейстеру устроить все содержаніе до 8 или 10 тыс., полицеймейстерамъ до 5, частнымъ приставамъ до 3, надзирателямъ до 2, помощникамъ до 1, то болѣе ничего желать было бы имъ нельзя, и вѣрно всегда нашлись бы хорошіе и способные люди, которые пошли бъ служить честно за такое жалованье. Чуть злоупотребленіе, доказанное въ Думѣ—въ отставку!

—

Во всѣхъ большихъ европейскихъ городахъ цѣна всѣхъ съѣстныхъ припасовъ увеличивается, и даже значительно, вслѣдствіе пошлины, взимаемой на заставахъ въ пользу города. У насъ этихъ пошлинъ (octroi), слава Богу не существуетъ, но почему бы не наложить ее на одно произведеніе, полуроскошное, наиболѣе употребляемое, а именно: на хлѣбное вино! Вина выпивается въ Москвѣ ежегодно отъ 2 до 3 милл. ведеръ. Вино продается теперь по 2 или по 3 рубля вмѣсто прежнихъ 8 или 9. Еслибъ прибавить по рублю или хоть по полтинѣ на ведро, въ пользу города, то дума получила бы милліонъ рублей, и мы могли бъ уменьшить поземельный сборъ, можетъ быть, на половину, къ великому облегченію всего народонаселенія московскаго, могли бъ выстроить въ первый же годъ новые три каменные моста, Дорогомиловскій, Краснохолмскій и Крымскій; могли бы огородить и засѣять всѣ московскія окрестности, и мало ли что можно сдѣлать изъ лишняго милліона! А кому этотъ наложенный рубль будетъ въ тягость? Пьяницы лишаются по нѣскольку капель изъ своихъ косушекъ, но это уменьшеніе послужитъ имъ въ прокъ, потому что въ этихъ-то лишнихъ капляхъ, можетъ быть, и заключалось именно опьяненіе. Изъ рубля на ведро приходится на косушку вѣроятно небольше копейки, или даже денежки; съ рублемъ надбавочнымъ мы будемъ платить за ведро все-таки вдвое меньше, чѣмъ платили прежде. А если окажется и нѣкоторое ограниченіе распространяющагося ужасно пьянства, то, кажется, истинное государственное хозяйство, согласное съ нравственностію, не было-бъ и отъ того въ убыткѣ.

Смѣю думать, что этотъ налогъ или пошлина есть самая разумная, законная и полезная, ибо падаетъ не на удовлетвореніе нужды, а на потворство прихоти или даже порока, и достигаетъ такимъ образомъ цѣли не только хозяйственной, но и нравственной.

Москва приняла бы разрѣшеніе величайшимъ для себя благодѣяніемъ, получила бъ средства впродолженіе перваго года удовлетворить всѣ свои вопіющія нужды, касательно полицейскаго благоустройства, облегченія податей для бѣднаго народонаселенія, для освѣщенія, вымощенія, и наконецъ для украшенія какъ внутреннихъ бульваровъ, такъ и окрестностей, а ущерба отъ этого налога не нанесется никому, кромѣ неумѣренныхъ винопійцъ, которые должны будутъ прибавлять по копейкѣ за стаканъ, или пожертвовать нѣсколькими его каплями, себѣ на здоровье!

## VI.

### КОЕ-ЧТО О ГОРОДСКОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ.

(ПО ПОВОДУ ПОСЛѢДНЯГО СОБРАНІЯ ВЪ ДУМѢ 16 ДЕКАБРЯ).

Московская городская Дума на эту пору находится въ особенныхъ, исключительныхъ обстоятельствахъ, вслѣдствіе недавняго преобразованія и поздняго вступленія на новую свою дорогу. На дворѣ уже святки, а она, при всемъ своемъ усердіи и дѣятельности, едва еще успѣла составить роспись приходовъ и расходовъ на слѣдующій 1864 годъ. Росписи этой, кромѣ обсужденія въ Думѣ, слѣдуетъ пройдти до новаго года вотъ еще сколько инстанцій: губернскій комитетъ, правленіе генералъ-губернатора, министерство внутреннихъ дѣлъ, государственный совѣтъ. Когда же тутъ гласнымъ обсуждать роспись въ собраніи общей Думы? На обсужденіе потребовалось бы по новости предмета не меньше мѣсяца! Это обсужденіе, между тѣтъ, есть главная, существенная, первая обязанность Думы, соотвѣтственно духу ея преобразованія,—и мы должны были пройдти ее, такъ сказать, мимо, или коснуться какъ-нибудь, мимоходомъ. Такъ печетъ русская печка! Объ ней-то, объ русской печкѣ, объ ея свойствахъ и причудахъ, надо бы думать намъ больше, чѣмъ объ англійскихъ и французскихъ каминахъ, въ которыхъ, и трубы не умѣютъ закрывать наши учители, несмотря на всѣ свои премудрости.

Собраніе общей Думы должно было, вмѣсто всякаго собственнаго разсужденія, принять на вѣру докладъ коммиссіи, исполнившей свое дѣло, впрочемъ, съ отличною тщательностію, добросовѣстностію и толкомъ,—и коснулось только ея заключеній.

Вотъ почему нѣкоторыя свои общія мысли я не могъ вчера пустить въ ходъ, и пускаю ихъ только теперь посредствомъ печати. Впрочемъ, дѣло отъ этого не потерпитъ ничего, ибо мысли мои не заключаютъ предложеній положительныхъ, способныхъ перейдти немедленно въ область дѣйствительности, а относятся собственно къ области возможности, болѣе или менѣе трудной или легкой, отдаленной или близкой. Это только предметы для размышленія и разсужденія, и, когда нибудь, для соображенія.

Не стою много даже и за ихъ вѣрность и дѣльность: можетъ-быть, иныя (лишь бы не всѣ) окажутся вовсе негодными, для другихъ понадобится исправленіе, дополненіе или сокращеніе. Съ меня довольно, если онѣ привлекутъ на себя вниманіе обывателей на нѣсколько времени и займутъ ихъ полезнымъ образомъ.

Начну со вчерашняго собранія. Въ междудѣйствіи для отдохновенія, многіе гласные вышли въ другую залу: кто началъ курить, а кто усѣлся за столомъ пить чай. Я прислушивался къ толкамъ, и услышалъ тамъ и самъ очень много дѣльныхъ и полезныхъ вещей: кто характеризовалъ мѣтко послѣднее преніе объ англійской и русской полиціи, кто доставлялъ любопытное свѣдѣніе о продаваемой на лоткахъ ветчинѣ и баранинѣ, кто толковалъ о постоялыхъ дворахъ, съ знаніемъ дѣла, и доказывалъ ясно необходимость раздѣлить трактирный акцизъ на болѣе прочныхъ основаніяхъ, опредѣливъ большее число разрядовъ.

— Да почему же вы не заявляете вашего мнѣнія тамъ, на общемъ совѣщаніи, спросилъ я одного почтеннаго гласнаго съ окладистою бородою.

— Опаско, батюшка! Говорить-то мы не горазды. Какъ бы не проговориться. Совѣстно!

Вотъ, слѣдовательно, задача для предсѣдателей: вызывать мнѣнія, показанія и свѣдѣнія, — чтобъ всякій несъ, не запинаясь, или хоть и запинаясь, свое дѣльное слово или помышленіе въ общій складъ. Съ міру по ниткѣ, голому рубашка. Одно мелкое, повидимому, замѣчаніе, можетъ иногда принести великую пользу, раскрыть глаза на предметъ и проч. Со временемъ можно назначить даже преміи для доброхотныхъ дателей за всякую полезную мысль. Тогда дѣло объяснится, когда со всѣхъ сторонъ и со всѣхъ точекъ, разными глазами осмотрится. И вотъ я напомню здѣсь мудрыя слова знаменитаго крестьянина временъ Петровыхъ, Ивана Тихоновича Посошкова:

«Правосудное установленіе самое есть дѣло высокое, и надлежитъ его такъ разсмотрительно состроити, чтобы оно ни отъ какого чина незыблемо было. И того ради безъ многосвѣтія и безъ вольнаго голоса ни коими дѣлы невозможно: *понеже Богъ никому во всякомъ дѣлѣ одному совершеннаго разумія не далъ, но раздѣлилъ въ малыя дробинки, комуждо по силѣ его: овому далъ много, овому жь менѣе.* Обаче нѣсть такого человѣка, ему же бы не далъ Богъ ничего; и *что далъ Богъ*

*знать малосмысленному*, *того не далъ знать многосмысленному*; и того ради и самому премудрому человѣку не надлежитъ гордиться и умомъ своимъ возноситься, и малосмысленныхъ ничтожить не надлежитъ, коихъ въ совѣтъ призывать надобно; понеже малосмысленными человѣки многащи Богъ вѣщаетъ, и того ради наипаче ничтожить ихъ душевредно есть; и того ради въ установленіи правосудія вельми пристойно изслѣдовать многонароднымъ совѣтомъ».

Совѣщательная Дума есть собраніе домашнее, семейное, такъ сказать, частное. Надо придавать ему какъ можно болѣе простоты и откровенности. Правило о всякомъ лыкѣ въ строку мы оставимъ въ архивѣ нашихъ канцелярій, а сами про себя признавать будемъ, что ошибка въ фальшъ не ставится. Мы всѣ хотимъ добра, и если кто иногда скажетъ что и не такъ, но съ добрымъ намѣреніемъ, то ошибка должна быть исправлена благодушно,— вотъ и все. Съ этой стороны я очень одобряю перенесеніе стола въ нашей залѣ съ возвышенія на полъ: на возвышеніи столъ, съ кресломъ предсѣдателя по срединѣ, и съ десятью креслами для старшинъ и ихъ товарищей, возбуждалъ какой-то страхъ, какъ я замѣчалъ часто въ моихъ сосѣдяхъ. Имъ казалось, что они сидятъ предъ какимъ-то чиновнымъ присутствіемъ, и они боялись разинуть ротъ, чтобъ начальникъ не подвергнулъ ихъ распеканціи. Наружность и внѣшность много значатъ.

---

Нужно сдѣлать толковый перечень (catalogue raisonné) всѣхъ занятій Думы, всѣхъ предметовъ ея дѣятельности, и такой же перечень доходовъ и расходовъ, по предметамъ или статьямъ, съ исключеніемъ канцелярскихъ терминовъ, для большинства непонятныхъ. Потомъ, на будущее время, обо всѣхъ предметахъ порознь должны быть назначены особыя разсужденія, съ чувствомъ, толкомъ и разстановкой.

---

## VII.

(*Января 27*).

...Въ управленіе П. А. Тучкова, Дума получила свое образованіе; покойный всѣми зависѣвшими отъ него средствами, ходатайствами, совѣтами, поддержками, уступками, старался содѣйствовать ея развитію, успѣху ея занятій. Мы должны засвидѣтельствовать нашу признательность опредѣленіемъ поставить его портретъ въ залѣ нашихъ совѣщаній...

## VIII.

### О Мясницкой улицѣ.

По прочтеніи доклада коммиссіи «о регулированіи (я сказалъ бы какъ нибудь иначе: исправленіи, выпрямленіи, расширеніи, и т. п.) Мясницкой улицы, равно какъ и доклада прочихъ коммиссій, нельзя не отдать полной справедливости ихъ тщательнымъ, добросовѣстнымъ изысканіямъ, основательнымъ, разумнымъ заключеніямъ; но мнѣ пришли въ голову нѣкоторыя дополнительныя замѣчанія, которыя я и хочу теперь передать собранію.

Не нужно мнѣ предупреждать васъ, мм. гг., что я человѣкъ книжный, и смотрю на вещи сквозь книги, — слѣдовательно, очень легко могу ошибаться; но согласившись принять на себя званіе гласнаго, чтобъ получить понятіе, какъ у насъ ведутся, или могутъ вестися общественныя дѣла, я считаю долгомъ слѣдить внимательно за ходомъ нашихъ занятій, и судить о нихъ по крайнему разумѣнію. Я не имѣю никакихъ притязаній на приложеніе ихъ прямо или тотчасъ къ дѣлу, а сообщаю только къ свѣдѣнію. Пусть дѣлается изъ нихъ употребленіе, какое угодно.

Изъ доклада первой коммиссіи видно, что главную помѣху Мясницкой улицѣ представляютъ два дома, одинъ принадлежащій министерству финансовъ, а другой г-жѣ Кусовниковой. Оба эти дома продаются.

Поговоримъ сперва о первомъ, за который министерство финансовъ проситъ съ города 100 т. р. Но какое же это министерство финансовъ? Французское, нѣмецкое, русское? Русское. Большинство московскихъ обывателей, которыхъ мы служимъ здѣсь представителями, вѣроятно никакъ не можетъ взять себѣ въ толкъ, чтобъ въ одномъ и томъ же государствѣ одно казенное вѣдомство продавало что нибудь другому за деньги, то есть, чтобъ правый и лѣвый карманы были неравны между собою. Такъ думаютъ, говорю, всѣ православные русскіе обыватели; а чиновники возразятъ мнѣ, разумѣется, множествомъ общихъ мѣстъ, которыя впрочемъ я всѣ напередъ знаю: министерское хозяйство и городовое хозяйство вещи совершенно разныя, каждое изъ нихъ имѣетъ свое назначеніе, свои права и обязанности, свои приходы и расходы, и смѣшивать ихъ никоимъ образомъ нельзя; иначе

произошелъ бы совершенный безпорядокъ. Да я и не хочу ихъ смѣшивать, а спрашиваю васъ: этотъ домъ въ продолженіе 50-ти лѣтъ не платилъ городу никакихъ податей, не исполнялъ никакихъ повинностей. Что же, въ этомъ отношеніи онъ считался *общимъ* казеннымъ достояніемъ, а теперь, когда онъ понадобился городу, онъ считается частнымъ, нисколько отъ города не зависящимъ! Есть ли здѣсь логика? Въ первомъ случаѣ онъ пользовался правами казенной собственности, а въ послѣднемъ хочетъ пользоваться правами частной собственности. Въ первомъ случаѣ онъ считалъ себя вправѣ ничего не давать, а въ послѣднемъ хочетъ взять все сполна. Не правда ли, что здѣсь смѣшиваются понятія, если не смѣшиваются вѣдомства? Одно другаго стоитъ. Скажу еще вотъ что: домъ этотъ не былъ нуженъ министерству финансовъ, для казенныхъ надобностей, а отдавался имъ въ наемъ откупу за дорогую цѣну. Департаментъ получилъ уже въ продолженіе 50-ти лѣтъ наемной за него платы, можетъ быть, втрое или впятеро больше того, чего онъ стоитъ. Слѣдовательно, не грѣхъ департаменту уступить намъ его на сломку безвозмездно. Еслибъ городъ впродолженіе всего этого времени получалъ за него поземельныя деньги, то ихъ достало бъ на покупку не только этого дома, но вмѣстѣ и дома г-жи Кусовниковой. Городъ не мѣшалъ министерству финансовъ пользоваться его доходами, несмотря на то, что домъ, по своему положенію, мѣшалъ всегда свободному сообщенію на самой бойкой улицѣ, подлѣ почты, особенно возя ежеминутно бочки съ виномъ или водою. Справедливость требуетъ, чтобъ министерство финансовъ, въ награжденіе города за его терпѣніе, пожертвовало этимъ домомъ по миновании надобности, для пользы и украшенія города всероссійскаго.

Слѣдуетъ все это прописать и просить министерство о благосклонномъ вниманіи.

Не мѣшаетъ въ скобкахъ прибавить, что городъ Москва доставлялъ министерству ежегодно по 5-ти милліоновъ и болѣе откупной суммы. Да и теперь доставляетъ не мало. Можно за все это сдѣлать для него пріятное.

Нѣкоторые возразили, что это несогласно съ узаконеніями.

Я отвѣчалъ, что наша Дума есть учрежденіе новое, и мы можемъ избрать себѣ новый образъ дѣйствій.

Новый, говорятъ, но согласный съ старыми законами.

И я не предлагаю ничего новаго противузаконнаго. Я предлагаю только просить покорно правительство, поставя ему на видъ всѣ вышесказанныя обстоятельства. Мы просимъ не для себя, а для того города, который считается государственною столицею.

Какимъ образомъ достичь своей цѣли?

По моему мнѣнію, градскому Главѣ, съ этою просьбою, присоединивъ къ ней всѣ прочія, напримѣръ изложенныя въ докладѣ коммиссіи о городскихъ приходахъ и расходахъ на 1864 годъ, ѣхать въ Петербургъ, и лично ходатайствовать у всѣхъ министровъ, чтобъ они смиловались и избавили городъ Москву отъ платежа за постройку арсенала, на устройство театра, на содержаніе новой тысячи городскихъ стражей изъ военныхъ чиновъ, и проч. и проч.

Письменными просьбами и отношеніями, изъ которыхъ иныя тянутся уже больше 20 лѣтъ, по нашимъ заведеннымъ порядкамъ, ничего не сдѣлаешь. Секретари будутъ отписываться другъ отъ друга, и дѣла о томъ, о семъ и о прочемъ, будутъ расти и увеличиваться до пирамидальныхъ размѣровъ, обременяя архивы (*).

Но возвратимся на Мясницкую улицу. Мы должны сказать еще два слова о домѣ г-жи Кусовниковой. Она цѣнитъ свой домъ во 100 т. р. Это слишкомъ дорого. Чтобъ лучше сторговаться съ нею, не угодно ли будетъ тотчасъ наложить на этотъ домъ городскую подать, именно со 100 т. р., во что сама хозяйка его цѣнитъ. Можетъ быть, на другой годъ разсудитъ она платить съ 80-ти, а на третій, пожалуй, и съ 50-ти. Тогда мы, поторговавшись купимъ домъ и сломаемъ.

## IX.

Касательно цѣны за уступаемую городскую землю обществу Рязанской желѣзной дороги, я думаю, что слѣдуетъ принять мнѣніе коммиссіи во всей силѣ. Это общество, доставляя выгоды иностраннымъ капиталистамъ, ссудившимъ его своими деньгами

(*) Дѣло о мясницкомъ домѣ рѣшено самымъ благодѣтельнымъ для города образомъ: Государю Императору угодно было пожаловать его подъ Музей русской промышленности, которымъ скоро обогатится и украсится Москва. Директоръ Музея обработалъ дѣло отлично.

на продолженіе дороги, доставляя выгоды иностраннымъ мастеровымъ за устройство всѣхъ принадлежностей, должно доставить и намъ нѣкоторую выгоду, т. е. заплатить за пріобрѣтенную землю столько же, сколько заплатила сама Николаевская желѣзная дорога.

Опредѣлять цѣну, соразмѣрно съ десятилѣтнею сложностію прежнихъ доходовъ, никакъ не слѣдуетъ. Эта земля не доставляла прежде никакого доходу, а иная, напримѣръ оврагъ около пушечнаго двора, требовала даже расходовъ, но теперь, когда здѣсь выстроены четыре средоточія желѣзныхъ дорогъ, земля здѣсь удесятерилась въ цѣнѣ, и чѣмъ далѣе, тѣмъ будетъ стоить дороже.

Другіе замѣчаютъ, какъ я услышалъ мимоходомъ въ сосѣдней комнатѣ, что общество, занявъ большое пространство, на излишнихъ его концахъ выручитъ со временемъ всю сумму.

Можно бы и даромъ уступить землю подъ желѣзную дорогу, которая доставляетъ свою несравненную пользу всякому городу. Я не сказалъ бы ничего противъ; но если мы взяли деньги съ казенной Николаевской дороги, то не имѣемъ уже права уступать даромъ никакому частному обществу. Цѣна земли подъ желѣзную дорогу входитъ вездѣ въ составъ ея стоимости, во всѣхъ европейскихъ государствахъ, и есть мѣста, гдѣ она составляетъ главную часть расходовъ.

## X.

### Записка, прочтенная въ одномъ изъ мартовскихъ засѣданій (19-го числа).

Прежде разсужденія о частныхъ вопросахъ, Общей Думѣ необходимо, по моему мнѣнію, получить ясное и вѣрное понятіе о настоящемъ своемъ положеніи, о количествѣ своихъ расходовъ и приходовъ по отдѣльнымъ статьямъ, о запасномъ капиталѣ, и проч. Можно ли, напримѣръ, разсуждать о ссудѣ за три процента, когда мы сами должны платить по пяти? Можно ли входить намъ въ новые долги, до тѣхъ поръ, пока не рѣшено дѣло о старыхъ? Для насъ, гласныхъ, необходимо имѣть, какъ я уже говорилъ, краткій перечень всего того, что входитъ въ кругъ занятій и дѣйствій, правъ и обязанностей Думы. Когда мы все это узнаемъ, разберемъ, обдумаемъ, обсудимъ, тогда мы уже

смѣло можемъ пойдти впередъ, по пути улучшеній, заведеній, исправленій.

Распорядительная Дума дѣйствуетъ отлично; Коммиссіи исполняютъ возложенныя на нихъ порученія добросовѣстно и разумно; доклады представляются ими мастерскіе; пренія происходятъ у насъ живыя и дѣльныя. Все прекрасно, но для обывателя это неощутительно; для обывателя отъ нашихъ разсужденій и преній ни тепло, ни холодно. Обыватель смотритъ на дѣло съ другой стороны, практической, житейской, вотъ съ какой: онъ платитъ подати больше, восьмою почти долею,—слѣдовательно, жить ему, судитъ онъ, подъ новою Думою во столько же разъ хуже.

А не получаетъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, за то какихъ нибудь новыхъ выгодъ, удобствъ, облегченій? Пока еще никакихъ, хотя прошло уже больше полугода со времени открытія новой Думы.

Мы разсуждаемъ обыкновенно по поводу возникающихъ по бумагамъ вопросовъ, а все еще не обращаемся лицомъ къ жизни, которая насъ не дожидается и предъявляетъ безпрестанно новыя требованія. Непремѣнно нужно всматриваться въ нее и выслушивать ея жалобы. Приведу вамъ нѣсколько подтвержденій этимъ словамъ изъ собственныхъ наблюденій, такъ сказать съ натуры, а не изъ сравненія съ Парижемъ и Лондономъ, что очень любопытно, но мало идетъ къ нашему дѣлу, ибо нашъ бытъ совсѣмъ иной, характеръ и вся обстановка.

Передаю вамъ свои наблюденія. Въ понедѣльникъ на первой недѣлѣ, отправился я изъ своего дома, на Дѣвичьемъ полѣ, на Садовую; на этомъ разстояніи я встрѣтилъ покрайней мѣрѣ около 20-ти городовыхъ солдатъ или хожалыхъ. Спрашивается, что они дѣлаютъ, и нужно ли ихъ здѣсь именно 20, а не менѣе? У насъ требуютъ около полутораста тысячъ на содержаніе тысячи человѣкъ этой прибавочной стражи. Но кто же провѣрилъ, что нужно именно такое количество? Высшимъ начальникамъ мудрено и даже невозможно входить въ такія подробности. Они основываются на показаніяхъ младшихъ и еще младшихъ, и такъ далѣе, а для младшихъ чѣмъ больше людей въ распоряженіи, тѣмъ лучше. Дай прокормить мнѣ казеннаго воробья, говоритъ Загоскинъ, такъ я съ нимъ пару лошадей своихъ прокормлю на получаемый фуражъ. Опредѣлить число нужныхъ сторожей могутъ всего лучше обыватели, въ совѣщаніи съ полиціей; напримѣръ приходило ль въ голову кому нибудь изъ полицейскихъ на-

чальниковъ по частямъ отобрать свѣдѣніе у этихъ сторожей, что они сдѣлали, напримѣръ, въ понедѣльникъ, во вторникъ, въ середу. Изъ совокупности такихъ показаній, въ концѣ недѣли тотчасъ можно было бы увидѣть и количество работы и количество нужныхъ для нея людей. Прибавимъ еще: на дняхъ, во время прогулки, я вступилъ въ разговоръ съ однимъ изъ такихъ солдатъ. Онъ сказалъ мнѣ, что новая тысяча получаетъ по десяти и болѣе рублей жалованья въ мѣсяцъ, а старые солдаты втрое и вчетверо менѣе: что за странное разнообразіе!

Въ Петербургѣ я встрѣтился съ княземъ У., у котораго большой домъ на П. «Что у васъ дѣлается, сказалъ онъ мнѣ, меня обокрали и опустошили кладовую. Больше всего мнѣ жаль старинныхъ, жалованныхъ табакерокъ. Теперь новые хлопоты: забрали въ часть всѣхъ людей, и больная моя жена должна объясняться безпрестанно съ полицейскими чиновниками.» Мнѣ кажется, не людей должно бы забрать въ часть, а прежде часть спросить, какимъ образомъ могла она допустить или проглядѣть опустошеніе кладовой на большой улицѣ, въ домѣ, наполненномъ множествомъ людей, да еще на подводахъ. Можетъ ли спать спокойно бѣдный обыватель въ какомъ нибудь переулкѣ или захолустьѣ, послѣ такой дерзкой выходки? Вообще, произойдетъ у насъ пропажа въ домѣ, дай знать полиціи, замучатъ тебя разспросами, такъ, что будешь радъ отказаться и отъ иску. Вотъ вамъ второе мое наблюденіе; а вотъ и третье.

Въ кабакахъ нашихъ содержатели берутъ въ закладъ все, что ни предлагается: платье, бѣлье, обувь, всякія вещи, разумѣется за безцѣнокъ. Никакія угрозы не производятъ дѣйствія. Вѣроятно, кабаки находятся подъ какимъ нибудь покровительствомъ, платя оброкъ, какъ прежде откупщики. Иначе не посмѣли бы они брать заклады такъ нагло.

Наконецъ четвертое, самое страшное для меня наблюденіе.

На прошлой недѣлѣ, противъ меня, на полѣ, загорѣлся, около полночи, пустой домъ, съ заколоченными ставнями и запертыми воротами: какъ же случился пожаръ? До сихъ поръ неизвѣстно. Вотъ теперь я не могу спать спокойно, имѣя множество бумагъ, драгоцѣнныхъ для меня, и можетъ быть, для общества. Для успокоенія обывателей такіе случаи должны разъясняться немедленно.

Я предложилъ на усмотрѣніе Думы свои наблюденія за послѣднюю недѣлю. Если я пороюсь въ своей памяти, то изъ исторіи

своего 45-ти лѣтняго домовладѣнія найду, разумѣется, много новыхъ данныхъ; напримѣръ, объ отношеніи обывателей къ прислугѣ, къ жильцамъ, къ ремесленникамъ, къ торговой полиціи, вообще къ полиціи. Всякій гласный и всякій обыватель имѣетъ такой же, безъ сомнѣнія, большой запасъ. Если мы соединимъ, съ толкомъ, всѣ наши свѣдѣнія, непремѣнно изъ нихъ выдетъ что нибудь путное. Во всѣхъ благоустроенныхъ европейскихъ государствахъ полиція есть служительница общества по преимуществу. Такъ ли у насъ? Если нѣтъ, то какое же отношеніе къ ней общества? Мы должны содержать полицію и выдавать ей полъ-милліона (шутка ли!) — это наши обязанности; а какія же наши права? Еслибы мы даже не имѣли никакихъ правъ, то все-таки мы могли бы, въ ея назиданіе, предъявить наши нужды и желанія на усмотрѣніе высшаго правительства, которое вѣрно намъ было бы за то благодарно, и приняло бы свои мѣры. Москва имѣетъ счастіе хвалиться большею частію своихъ полицейскихъ, особенно высшихъ начальниковъ; слѣдовательно, безпорядки или упущенія зависятъ не столько отъ людей, сколько отъ учрежденій. «Такъ заведено, такой обычай, такъ привыкли». Надо сообща вникнуть въ сущность всякой полицейской обязанности, соотвѣтственно настоящимъ требованіямъ, выслушать мнѣнія и показанія самихъ дѣйствующихъ лицъ, сообразить съ ними свои обывательскія наблюденія, и тогда, можетъ быть, удастся поставить полицію на настоящую, европейскую ногу.

—

Я сказалъ о полиціи, какъ нужнѣйшемъ предметѣ нашихъ совѣщаній, но есть много еще другихъ важныхъ предметовъ, о кокорыхъ, по моему мнѣнію необходимо общее искреннее, всестороннее разсужденіе и объясненіе. Мы жаловались на прежнюю Думу, и имѣли на то основаніе; но вотъ теперь мы сами составляемъ новую Думу, около 200 человѣкъ, выбранныхъ изъ 500, а 500 изъ 5,000: дѣла должны пойдти иначе!

Всѣ средства даны намъ, кажется, правительствомъ; на насъ лежитъ обязанность устроить городское хозяйство, городское благосостояніе наилучшимъ образомъ, уменьшать, а не увеличивать налоговъ. Безъ полнаго же разсужденія о всѣхъ главныхъ частяхъ управленія до такихъ результатовъ мы достичь никогда не можемъ. Разсужденію жь должно предшествовать ясное обозрѣ-

ніе: этого обозрѣнія я и прошу отъ имени гласныхъ, которые раздѣляютъ мое мнѣніе.

Одинъ римскій сенаторъ всякую рѣчь свою въ сенатѣ, до чего бы она ни касалась, заключалъ словами: «надо разрушить Карѳагенъ». Я буду заключать всякое свое предложеніе и разсужденіе словами: надо возвысить цѣну на вино въ Москвѣ. Большая часть безпорядковъ, о коихъ упомянулъ я выше, происходитъ большею частію отъ дешовки. Г. градскій голова отвѣчалъ мнѣ въ одномъ изъ засѣданій, что этимъ вопросомъ занимается финансовая коммиссія. Въ томъ то и бѣда, что у насъ, т. е. вообще въ русскомъ царствѣ, многія дѣла идутъ часто въ оттяжку по комитетамъ, коммиссіямъ и канцеляріямъ. Мы всѣ видимъ ежеминутно, что дешевкой развращается народъ, и имѣемъ полное право, а вмѣстѣ и обязанность, заявить правительству о потрясеніи городскаго благоустройства, составляющаго нашу цѣль. Нельзя не прибавить, что если правительство дастъ городу право брать по рублю съ ведра, то мы удовлетворимъ всѣ наши настоятельныя нужды, выстроимъ мосты, распространимъ и умножимъ больницы, училища и богадѣльни;—однимъ словомъ, приведемъ въ порядокъ всѣ наши дѣла.

## XI

Въ одно изъ засѣданій Московской Общей Думы было объявлено г. градскимъ главою объ учрежденіи особаго комитета при управленіи г. Московскаго военнаго генералъ-губернатора о преобразованіи полиціи. Въ этотъ комитетъ Общая Дума выбрала отъ себя двухъ депутатовъ въ исполненіе предписанія. Отдавая полную справедливость достоинствамъ двухъ избранныхъ лицъ, (выборъ отмѣнно счастливый и разумный), нельзя однакожъ не сознаться, что депутаты наши войдутъ въ комитетъ только съ своими личными взглядами, опытами и свѣдѣніями. Этого недостаточно. Если вѣрно пословица говоритъ, что умъ хорошо, а два лучше, то двѣсти умовъ кольми паче. По моему мнѣнію надо бы посвятить нѣсколько засѣданій Общей Думы на совѣщаніе о нуждахъ городскихъ въ отношеніи къ полиціи. Пусть, послѣ общихъ разсужденій, всѣ гласные, безъ всякихъ околичностей заявятъ свои наблюденія и замѣчанія, кому что случилось на своемъ вѣку испытать, относительно полиціи, которая у насъ

вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ получила такой характеръ, какого не имѣетъ нигдѣ въ Европѣ, и какого иностранцы и понять не могутъ. Принятый доселѣ порядокъ въ отобраніи голосовъ неудовлетворителенъ. Въ такихъ случаяхъ надо переспросить всѣхъ членовъ по очереди. Депутаты наши, выслушавъ всѣ разсужденія и заявленія, узнавъ множество случаевъ оригинальныхъ, явятся въ комитетъ, такъ сказать, вооруженные, вполнѣ знакомые съ желаніями обывателей. Точно такъ мы должны попросить ихъ, чтобъ и намъ сообщали они свѣдѣнія о занятіяхъ и трудахъ комитета, по ихъ усмотрѣнію, такъ чтобъ мы, въ случаѣ нужды, могли представить свои покорнѣйшія просьбы. Напомню, что говорилъ крестьянинъ Посошковъ вообще о сочиненіи Уложенія: «аще кто узритъ какую неправостную статью, то бы безъ всякаго сомнѣнія написалъ, что въ ней неправость, и ничего не опасаяся, подалъ бы ко исправленію тоя книги; *понеже всякъ рану свою въ себѣ лучше чуетъ, нежели во иномъ комъ*. И того ради надобно всякимъ людямъ (въ) своея бытности выстеречи, дондеже книга не совершится; а егда она совершится, то уже никто не можетъ помочи; того бо ради и дана свободность, дабы послѣди не жаловались на сочинителей тоя новосочиненныя книги. Того-то ради надлежитъ ю вольнымъ голосомъ освидѣтельствовать, дабы всякая статья ни отъ кого порочена не была, но всякъ бы себя выстерегъ, и чтобы впредъ никому спорить было, но въ вѣки вѣковъ было бы ненарушимо оно.»

Для примѣра разскажу, что случилось у меня въ домѣ именно въ день послѣдняго засѣданія въ Думѣ, и что я узналъ по возвращеніи оттуда.

Въ комнатахъ надъ кухнею нанимаютъ у меня какіе-то мастеровые. Днемъ мужъ работаетъ на сосѣднихъ фабрикахъ, а дома остаются однѣ женщины. Передъ вечеромъ приходитъ къ нимъ нынче какой-то пьяный и требуетъ помощи: «я, говоритъ, только что выпущенъ изъ острога.»—Если ты голоденъ, отвѣчаютъ женщины, то вотъ поѣшь хлѣба, а больше у насъ нѣтъ ничего.—«Нѣтъ, давайте денегъ! закричалъ онъ и началъ приступать къ одной женщинѣ ближе, другая сбѣжала тотчасъ внизъ позвать дворника. Дворникъ сбѣгалъ за солдатомъ, который и увелъ буяна въ часть. Все это очень хорошо, но вотъ что не хорошо: черезъ часъ пришелъ солдатъ спрашивать женщинъ

и дворника въ часть. Женщины подъ проливнымъ дождемъ, по непроходимой грязи Дѣвичьяго поля, (прошу кстати Думу обратить вниманіе на эту несчастную дикую мѣстность), должны были шлендать въ часть, оставя свою квартиру безъ надзора, точно такъ какъ и дворникъ, который долженъ былъ, покинувъ дворъ, ихъ сопровождать. Въ части всѣ они дожидалися около двухъ часовъ. Приходило ли въ голову какому нибудь частному приставу или надзирателю, что они, распоряжаясь такъ, поступаютъ и несправедливо и безчеловѣчно? Порядочныхъ женщинъ вести съ полицейскимъ солдатомъ по городу, и держать въ части, чуть ли не съ арестантами,—это ни на что не похоже! Но я увѣренъ, что ни частный приставъ, ни надзиратель, объ этомъ ничего не знали, а это происходило все само собою, по заведенному порядку. Вотъ на этотъ-то заведенный порядокъ должна наша Дума и наши депутаты въ комитетѣ обратить свое вниманіе. Кто васъ допрашивалъ наконецъ? спросилъ я одну женщину, позвавъ ее къ себѣ.—«Писарь,» отвѣчала она.—Объ чемъ? «Да какъ дѣло было.» А послѣ что?—«Послѣ насъ отпустили.» Разумѣется, бѣдняжки не смѣютъ и подумать, чтобъ пожаловаться, да и не сознаютъ своего права. Но мы-то, избранные гласные, должны о нихъ подумать, и выразить желаніе, чтобъ въ подобныхъ маловажныхъ случаяхъ полицейскій служитель, (тутъ не нужно ни надзирателя, ни поручика), сдѣлалъ дознаніе на мѣстѣ, и донесъ кому слѣдуетъ,—а безпокоить обывателей даромъ не должно.

Это мелочь,—но изъ этихъ мелочей составляется жизнь, и сохраняется спокойствіе. Пишучи это, я вспомнилъ, что жена покойнаго Большакова, нашего знаменитаго библіографа, нѣсколько лѣтъ назадъ умерла вслѣдствіе грубостей полиціи. Соберите изъ устъ нашихъ всѣ подобные случаи, приведите ихъ въ порядокъ, и сообщите комитету въ общихъ положеніяхъ.

А съ буяномъ что сдѣлано? Вѣрно онъ выпущенъ, какъ выпускается большая часть мошенниковъ, оставляемая по нѣскольку разъ *въ сильномъ подозрѣніи*. Вотъ наши капитальные вопросы, о которыхъ мы въ Думѣ еще не думаемъ, разбирая доклады коммиссій частныхъ, (см. выше), и заботясь болѣе всего о газовомъ освѣщеніи!

А кстати о квартальныхъ надзирателяхъ: хоть я выѣзжаю со двора рѣдко, но все таки прежде видалъ ихъ всегда по дорогѣ по нѣскольку. Въ нынѣшнемъ году я не видалъ на улицахъ, à la lettre,

ни единаго полицейскаго офицера. Того и гляди, что они сдѣлаются у насъ почетными sinecura-ми. Русскій человѣкъ способенъ облѣниваться на всякомъ мѣстѣ, дай ему только хорошее жалованье.

Что касается до солдатъ, то скажу рѣшительно, на основаніи моихъ наблюденій и разспросовъ, что новая тысяча не приноситъ желаемой пользы. Они прогуливаются по улицамъ, и то днемъ, а больше ничего. Хорошая сотня можетъ вѣрно замѣнить эту вялую, мертвенную тысячу. Вотъ настоящіе праздношатающіеся оффиціанты. Пусть по полицейскимъ вѣдомостямъ сравнятъ число кражъ, и всякихъ мошенничествъ, до нея, и при ней. Ихъ стало не меньше, а больше. Къ чему же служитъ она? А наши ученые преобразователи разсчитываютъ, что въ Англіи всякій полицейскій чиновникъ приходится на такое-то количество жителей, а во Франціи на такое-то. Надо проникнуть въ сущность дѣла по натурѣ....

## XII

Коммиссія требуетъ прибавить къ отпускаемой Думою суммѣ на Городскую больницу, 50-ти т. р., еще 30 т. Каковы суммы! Я съ своей стороны не вѣрю никакимъ ревизіямъ, какъ онѣ, по заведенному у насъ тому же порядку, производятся. Гораздо бы лучше и вѣрнѣе, еслибъ нашъ Голова откомандировалъ двухъ-трехъ смышленыхъ человѣкъ въ подвѣдомственныя больницы, лечь инкогнито больными. Тогда мы и узнаемъ, сколько разъ бываютъ лекаря въ больницѣ, какъ они обращаются съ больными, какъ отпускается лекарство, какая употребляется пища, какъ ведетъ себя прислуга, и проч. и проч. А теперь, теперь, безъ шутокъ скажу по совѣсти, что наши больницы, какъ и полиціи, какъ.... какъ... имѣютъ большею частію худую славу. И медицинская, и экономическая часть въ запущеніи, по тому капитальному пороку нашей натуры, которому всѣ мы приносимъ дань: лѣности, распущенности, отсутствію понятія о долгѣ (Pflichtsinn). Чуть занялъ лекарь мѣсто, получилъ практику, онъ и смотритъ на больницу, какъ на свою квартиру съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, а больные—

Мнѣ лекарь говорилъ: «нѣтъ, ни одинъ больной
Не скажетъ обо мнѣ, что недоволенъ мной!»
Конечно, думалъ я, никто того не скажетъ:
Смерть всякому языкъ привяжетъ.

Есть почтенныя исключенія, — имъ честь и слава! Больше всего прошу не думать, читатель, чтобъ я говорилъ здѣсь именно о Городской больницѣ, съ которой я связанъ даже дружескими узами. Нѣтъ, я говорю вообще о больницахъ.

## XIII

Въ засѣданіи прочтенъ еще былъ докладъ объ адресной конторѣ. Вотъ еще капитальный вопросъ города, какъ полиція, торговля рыночная, больницы,—а не какъ газовое освѣщеніе.

Докладъ, прекрасно составленный, какъ вообще всѣ наши доклады. Это цѣлыя диссертаціи, коими авторы какъ будто щеголяютъ другъ передъ другомъ.

«Коммиссія мнѣніемъ своимъ положила: Московскую Контору Адресовъ упразднить и затѣмъ прекратить выдачу адресныхъ билетовъ.»

По моему мнѣнію—вотъ самое полезное дѣйствіе изо всего года!

«а самые сборы съ платящихъ какой либо въ пользу города акцизъ производить въ Думѣ или управахъ сословныхъ при взносѣ акциза.»

Это прекрасное распоряженіе, коимъ облегчается и упрощается дѣло. Но второй его части я одобрить не могу.

«съ прочихъ же лицъ взимать сказанные сборы въ частяхъ города посредствомъ избранныхъ обществомъ коммисаровъ городской казны, собирающихъ оцѣночный съ недвижимыхъ имуществъ сборъ.»

Это значитъ, по просту, вырѣзать чирья, а болячки вставить. Затрудненія отъ адресныхъ сборовъ состояли преимущественно въ томъ, что на нихъ требовалось много времени отъ плательщиковъ. Это неудобство остается и теперь при отыскиваніи коммиссара, да и какъ будутъ управляться эти коммиссары при множествѣ разнородныхъ пріемовъ? По неволѣ будутъ они заставлять несчастныхъ дожидаться, какъ въ теперешней конторѣ адресовъ, и откладывать пріемъ не только на нѣсколько часовъ, но и болѣе, ну вотъ у рабочаго и пропалъ день-другой, то-есть рубль-другой изъ кармана вонъ.

По моему коммиссары лишній расходъ для города: всѣ эти сборы должно поручить полиціи съ извѣстнымъ вознагражденіемъ.

Коммиссія, возражая на такое мнѣніе, говоритъ «что лица, которымъ предполагается поручить сборы, то-есть квартальные

надзиратели, не представляютъ достаточной гарантіи къ исправному поступленію сбора, такъ какъ они не принадлежатъ къ городскому обществу, и перемѣщеніе ихъ совершается безъ вѣдома Думы, и оттого можетъ произойти запутанность въ счетахъ.»

Въ этомъ же смыслѣ прежнее управленіе г. Московскаго военнаго генералъ-губернатора находило, что ежели квартальные надзиратели будутъ взимать сборъ съ промышляющихъ личнымъ трудомъ по найму, то ничѣмъ не обезпечится исправность поступленія денегъ въ Думу, и эти деньги въ случаѣ растраты пропадаютъ» и проч.

Но квартальные надзиратели—первые, главные блюстители городскаго благоустройства, мы повѣряемъ имъ наше спокойствіе и нашу безопасность: какъ же мы не повѣримъ имъ семидесятикопеечнаго сбора, къ которому они же понуждать должны! Все это могло быть, предполагая старую нашу полицію, но мы должны предполагать теперь новую полицію, заботясь объ ея вознагражденіи, и этой новой вожделенной полиціи мы можемъ смѣло ввѣрить всякіе сборы. Повторяю—первый, утробный вопросъ для города устроить на новыхъ основаніяхъ полицію—съ рѣшеніемъ этого вопроса рѣшится и много другихъ!

Въ этихъ же предположеніяхъ слѣдовало бы оставить и раздѣленіе плательщиковъ на два класса: первый классъ долженъ бы платить по 3 р. и по 1 50 к., а второй по 90 и по 30 к. Раздѣленіе отмѣнено вслѣдствіе злоупотребленій полиціи, которыхъ на будущее время, по возрожденіи полиціи, мы допускать не должны.

Изъ преній по этимъ вопросамъ мы, гласные, узнали много новаго, напримѣръ о существованіи Бекетовскаго капитала на благотворительныя учрежденія въ городѣ.

Вотъ новое доказательство, какъ намъ, всѣмъ гласнымъ, прежде всѣхъ разсужденій, нужно бы было получить обстоятельное и ясное понятіе о настоящемъ состояніи городскаго хозяйства, объ его капиталахъ и долгахъ, объ его приходахъ и расходахъ, о чемъ я твердилъ нѣсколько разъ. Мнѣ отвѣчали всегда, что это такъ и иначе значится въ послѣднемъ докладѣ о смѣтѣ на 1864 г., но тамъ отыскать нужныя свѣдѣнія наша братья гласные не могутъ. Намъ надо все разжевать да въ ротъ положить, а отъ вашихъ ученыхъ трудовъ, господа, у насъ въ горлѣ першитъ.

Еще узнали мы, къ удивленію, что въ разныхъ больницахъ городскихъ кровать стоитъ очень различно! Отчего это происходитъ?

## XIV

Въ докладѣ Коммиссіи объ изданіи свѣдѣній о дѣятельности Московскаго городскаго управленія предлагаются на разсужденіе Общей Думы три мнѣнія: большинства членовъ коммиссіи, гг. гласныхъ Головкина и Каткова, и г. городскаго головы. Первое мнѣніе желаетъ газеты въ двухъ отдѣленіяхъ, оффиціальномъ и неоффиціальномъ, второе мнѣніе предлагаетъ одно только отдѣленіе, оффиціальное, а третье мнѣніе не хочетъ ни того, ни другаго.

Я съ своей стороны склоняюсь къ первому мнѣнію, большинства Коммиссіи, предполагая нѣкоторыя замѣчанія, кои въ заключеніе и сообщу, по слѣдующимъ основаніямъ.

Третье мнѣніе считаетъ изданіе особой газеты преждевременнымъ, потому что городское управленіе не успѣло еще освоиться съ предметами управленія, и что многіе вопросы только что возникаютъ.

Это положеніе, по моему мнѣнію, согласно съ мнѣніемъ большинства, и доказываетъ необходимость особой газеты, которая должна помогать поясненію, развитію и обработкѣ всѣхъ вопросовъ. Наши занятія, по новости, по трудности, идутъ медленно: газета должна содѣйствовать ихъ движенію, объясненію и развитію.

Точно также не могу я согласиться и съ мнѣніемъ гг. Головкина и Каткова, которое полагаетъ, что Дума должна имѣть только оффиціальный органъ съ своими протоколами, приговорами и прочими подобными свѣдѣніями. Такой оффиціальный органъ не принесетъ никакой особой пользы, ожидаемой отъ гласности, отъ независимаго обсужденія нашихъ дѣйствій, для котораго собственно мы и отворили свои двери. Да и на что такой органъ? Газеты съ оффиціальными однѣми извѣстіями никто и читать не будетъ; протоколы мы слышимъ и читаемъ въ Вѣдомостяхъ. Соединеніе оффиціальнаго характера съ неоффиціальнымъ не представляетъ никакого затрудненія: всѣ наши оффиціальныя изданія имѣютъ свой неоффиціальный отдѣлъ. И самъ парижскій Монитеръ не могъ уклониться отъ неоффиціальной части. Дума отвѣчаетъ за первую часть газеты, а за вторую отвѣчаетъ редакторъ, по условію. Находясь въ отношеніяхъ къ начальству Думы, онъ разумѣется будетъ соблюдать и осторожность, и умѣренность. Я

боюсь, на оборотъ, чтобъ неоффиціальная часть не слишкомъ подгонялась къ оффиціальной. Если же бы, паче чаянія, случилось что либо противное, то градской Голова, съ согласія Думы, имѣетъ всегда право остановить такой образъ дѣйствія, и поручить оффиціальную часть другому редактору.

Напрасно бояться двоякаго характера. Если возраженія выслушиваются въ нашихъ собраніяхъ, и заносятся въ протоколъ, то почему же не быть имъ и въ неоффиціальной части. Намъ надо вызывать всѣми средствами противныя мнѣнія; чѣмъ больше противныхъ мнѣній и возраженій, тѣмъ лучше: количество возраженій послужитъ доказательствомъ, что предметъ разсмотрѣнъ со всѣхъ сторонъ, а не съ двухъ или трехъ, и даже одной, или изъ-за угла, что любимъ вообще мы по всѣмъ вѣдомствамъ. Укажу на примѣръ разсужденій о бумагѣ въ англійскомъ парламентѣ.... цѣлая сессія была посвящена предпочтительно этому вопросу. Судьба министерства нѣсколько разъ отъ него зависѣла. Не говорю уже о полемикѣ газетъ и журналовъ. У насъ, на оборотъ, всякое противорѣчіе считается личнымъ оскорбленіемъ. Мы не привыкли предлагать свои мнѣнія, особенно когда насъ не спрашиваютъ. Сколько человѣкъ между нами говоритъ? Едва десятая доля! А будьте увѣрены, что не говорящіе понимаютъ городское дѣло и хозяйство гораздо лучше, чѣмъ мы говорящіе. Ихъ непремѣнно надо толкать и вызывать къ участію въ преніяхъ.

Мнѣ кажется, скажу здѣсь кстати, не худо было бы завести, чтобъ послѣ нашихъ разсужденій, въ промежуткахъ, всякой членъ, не желавшій почему бы то ни было высказывать свое мнѣніе, или какую либо мысль публично, передавалъ ее нашимъ секретарямъ, которые послѣ сообщали бы оныя градскому Головѣ, для надлежащаго по его усмотрѣнію употребленія.

Находя предложеніе и программу гг. Щепкина и Корсака, я позволяю себѣ сдѣлать только вотъ какой вопросъ: теперешнее печатаніе докладовъ останется ли въ своемъ видѣ? Такъ зачѣмъ же печатать ихъ вдвойнѣ: и въ газетѣ, и особо. Ужь лучше бы, цѣлесообразнѣе, все печатаніе Думы возложить на газету за сообщеніе ей матеріаловъ, т. е. доклады отдавать газетѣ, и газета однимъ наборомъ доставляла бы сперва доклады Думѣ для раздачи гласнымъ, а потомъ помѣщала ихъ у себя.

Далѣе—если газета пойдетъ успѣшно, то справедливо было

бы ей доставлять въ кассу Думы какую нибудь плату, самою ею по совѣсти назначенную съ экземпляра.

Назначенную цѣну въ 5 р. считаю слишкомъ высокою, и думаю, что подписчиковъ найдется немного—впрочемъ, это разсчетъ редакціи. Обязательной подписки для гласныхъ быть не должно.

Вотъ все, что я сказалъ въ пользу изданія новой газеты въ Москвѣ. Московскія Вѣдомости вооружились на меня за это. Онѣ оборотили мои слова, и присоединили нѣсколько софизмовъ, совершенно постороннихъ. Напримѣръ онѣ сказали: «еслибъ ораторъ дѣйствительно желалъ разъяснить вопросъ, то онъ напомнилъ бы слушателямъ, что въ Англіи «ничего подобнаго нѣтъ и быть не можетъ.» Читатели видятъ, что я указывалъ на Англію, какъ на страну, гдѣ общественные вопросы подвергаются долгому, всестороннему, многообразному обсужденію; чѣмъ болѣе у насъ будетъ органовъ обсужденія, говорилъ я, тѣмъ лучше; потому и особая газета городская можетъ быть полезна. Къ какой же стати было-бъ мнѣ говорить, что въ Англіи нѣтъ изданій съ двойственнымъ характеромъ? Московскія Вѣдомости заставляютъ меня сказать: «baculus in angulo, ergo pluit» (палка въ углу, слѣдовательно дождь идетъ). Точно также Московскія Вѣдомости приписываютъ мнѣ заключеніе о пользѣ защищаемыхъ мною мѣръ, на томъ основаніи, что есть члены молчащіе и невоздержные. Это совершенно произвольная, взведенная напраслина, о которой въ моихъ словахъ, съ точностію вышеприведенныхъ, и тѣни нѣтъ.

Мѣра клонится къ тому, говорятъ Московскія Вѣдомости, чтобъ на буксирѣ оффиціальныхъ актовъ проводить частныя мнѣнія. Да какая же разница была бы, позволяю себѣ спросить, если-бъ оффиціальные акты предоставлены были Московскимъ Вѣдомостямъ, кои проводятъ также свои мнѣнія?

Оставивъ все лишнее, я написалъ Московскимъ Вѣдомостямъ слѣдующій отвѣтъ: «я подалъ свой голосъ въ Думѣ за мнѣніе большинства Коммисіи объ основаніи особой городской газеты; Московскія Вѣдомости, во вчерашнемъ нумерѣ, возражаютъ на мой голосъ. Оставляя въ сторонѣ *лишнее*, я скажу здѣсь только то, что вовсе не думалъ о монополіи для предполагаемой газеты, напротивъ, я желалъ, какъ и желаю, ограничить всякую монополію. Всѣ газеты должны имѣть право печатать у себя оффиціальные документы Думы, и при нихъ могутъ онѣ проводить, разумѣется,

какія угодно свои мнѣнія. Напримѣръ, въ этомъ же нумерѣ Моск. Вѣдомостей помѣщенъ протоколъ Думы и предпослано ему осужденіе редакціи. Принужденія никому не должно быть никакого, и всякій можетъ читать документы думскіе, гдѣ захочетъ. Объ обязательной подпискѣ нѣтъ и рѣчи. Я указывалъ на англійскія пренія о пошлинѣ на бумагу, не въ отношеніи къ оффиціальнымъ и полуоффиціальнымъ изданіямъ, а въ примѣръ того, какъ много, долго и строго обсуживаются вопросы; за неимѣніемъ другихъ средствъ, мы должны желать болѣе печатныхъ органовъ, и содѣйствовать вызову мнѣній. Спеціальная газета предлагаетъ въ этомъ случаѣ лучшее пособіе. Вотъ и все.»

Кажется я отвѣчалъ скромно и мирно. Можно было бы на этомъ остановиться. Нѣтъ, Московскія Вѣдомости заключили изъ моего отвѣта, что я не зналъ, о чемъ въ этомъ засѣданіи шла рѣчь, «что мнѣ казалось, будто Дума рѣшаетъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли допустить у насъ гласность,» и проч. и проч., и съ великодушнымъ снисхожденіемъ замѣчаютъ: «какъ же требовать, чтобъ сидящіе въ Думѣ, разные почтенные обыватели Москвы, никогда не занимавшіеся подобными вопросами, понимали, о чемъ шла рѣчь, и сознательно подавали свой голосъ!» Нѣтъ, отвѣчаю теперь Московскимъ Вѣдомостямъ, мы всѣ очень ясно понимали дѣло, и по предложеніи вопросовъ г-мъ городскимъ Головою отвѣчали почти единогласно на первый вопросъ: «Должно ли начать изданіе газеты немедленно?»—Должно.—«Быть ли при оффиціальномъ отдѣлѣ другому неоффиціальному?»—Быть.—«Кому поручить изданіе?»—Гг. Щепкину и Корсаку.

Московскія Вѣдомости, печатая мой отвѣтъ, находятъ, что я только теперь являюсь противъ монополіи, и не желаю предоставленія Думою привилегіи одному частному лицу печатать ея документы. Да въ рѣчахъ-то своихъ что я говорилъ другое? Перечтите ихъ, перечтите протоколы Думы, корреспонденціи газетъ.

Замѣтимъ для Исторіи, что министръ внутреннихъ дѣлъ не разрѣшилъ тогда городу издавать газету, опредѣленную Общею Думою!

## XV

Нѣсколько разъ я имѣлъ случай выражать свое мнѣніе о необходимости обложить продажу вина какою-нибудь податью, которая могла-бъ сколько нибудь ограничить несчастную страсть, гро-

зящую сдѣлаться у насъ привычкою съ ея гибельными слѣдствіями. Мѣсяцевъ шесть тому назадъ,—(довольно длинное время! много вина выпито въ этомъ антрактѣ безданно и безпошлинно!), г. градской Голова сказалъ мнѣ, что этотъ вопросъ сдѣлался уже предметомъ разсужденій особой комиссіи. Теперь мы имѣемъ ея мнѣніе. Комиссія думаетъ, что слѣдуетъ обложить питейныя заведенія податью во 100, 75 и 50 р. Не могу не замѣтить, что эта подать очень мала: въ Москвѣ выпивается гораздо больше 2 милл. ведеръ, а комиссія предполагаетъ собрать съ небольшимъ 200 т., значитъ на ведро упадетъ меньше гривны, а на шкаликѣ гораздо меньше полушки, или вынется изъ него капля. Впрочемъ я очень радъ принять и это мнѣніе, по пословицѣ: съ лихой собаки хоть шерсти клокъ.

Обложить кабаки этою податью городъ имѣетъ полное право, по смыслу дѣйствующихъ законовъ, по статьѣ нашего положенія; слышится, что и разные губернскіе города приняли эту мѣру... Мы получаемъ съ трактировъ, лавочекъ всякихъ, — почему же виннымъ лавочкамъ имѣть привилегію? Мнѣ очень жаль, что онѣ слишкомъ годъ ею пользовались даромъ. Не знаю, кто въ этомъ виноватъ! но представляя правительству, что мы наконецъ спохватились, и хотимъ воспользоваться своимъ правомъ, отъ него полученнымъ, мы должны кажется заявить ему, что считаемъ необходимымъ для сохраненія нравственности народной въ городѣ, сильно поколебленной, возвысить значительно цѣну вина, покрайней мѣрѣ вдвое, хотя въ пользу государственнаго казначейства. Мы домовладѣльцы всѣхъ сословій можемъ единогласно засвидѣтельствовать, что фабричные, мастеровые, рабочіе, прислуга, спивается, какъ говорится, съ кругу. Я слыхалъ отъ откупщиковъ, что пьетъ больше карманъ, чѣмъ желудокъ. Слѣдовательно при возвышеніи цѣны на вино, казна получитъ тотъ же доходъ, но вина истратится вдвое меньше, а слѣдовательно и хлѣба, и пьянство уменьшится на половину.

Далѣе—комиссія предлагаетъ обложить одинакою почти податью ничтожные кабаки и огромные склады. Я считаю это несправедливымъ: это все равно, какъ еслибъ обложить одною податью мелкую овощную лавочку, торгующую на сто рублей въ мѣсяцъ, и обширный кяхтинскій амбаръ, имѣющій обороты милліонные.

Наконецъ я думаю, что испрашивая разрѣшенія на это распо-

ряженіе, которое, по приблизительнымъ разсчетамъ комиссіи, дастъ намъ тысячъ 200, мы должны указать, для сильнѣйшаго убѣжденія, куда хотимъ употребить эти 200 т. Я указалъ бы на постройку Дорогомиловскаго моста, и на доставленіе нѣкотораго пособія предполагаемой пятой гимназіи, чтобъ возбудить участіе въ министерствѣ просвѣщенія и склонить его на нашу сторону.

Если мы не укажемъ опредѣленнаго употребленія для этой суммы, то она уйдетъ у насъ между рукъ, а именно: правительство, разрѣшивъ намъ взимать подать, будетъ естественно слушать холоднѣе прочія наши просьбы—о сложеніи разныхъ долговъ, о содержаніи лишней полиціи; оно скажетъ: у васъ теперь много денегъ, вы можете изворачиваться сами, нельзя же сдѣлать для васъ то и другое, А когда мы отдѣлимъ новый доходъ на мостъ, то прочія наши ходатайства должны пойдти своимъ порядкомъ, и правительство не будетъ имѣть никакого лишняго повода намъ отказывать. На первый годъ мы построимъ Дорогомиловскій мостъ, потомъ Краснохолмскій, Крымскій, — а тамъ что Богъ дастъ, то и будетъ.

Кстати о складахъ—передамъ Думѣ мысль, сообщенную мнѣ случайно однимъ простымъ человѣкомъ. Вы разсудите сами: имѣть склады внутри города, часто по нѣскольку на одной улицѣ, на примѣръ Якиманкѣ въ высшей степени опасно—оборони Богъ отъ огня, который можетъ разлиться рѣкою. Склады, сказалъ онъ, должны бы помѣщаться на казенномъ винномъ дворѣ, который стоитъ пустой. И казна получила бы барышъ, и городъ былъ бы безопасенъ. А конторы свои содержатели складовъ могутъ имѣть, разумѣется, гдѣ угодно. Передаю мысль, мною мимоходомъ услышанную. Распорядительная Дума разсудитъ, что въ ней есть дѣльнаго.

## XVI

1) Касательно назначенія пенсіи діакону Горскому за 29 лѣтнюю службу его при Городской больницѣ, согласенъ съ мнѣніемъ коммиссіи о невозможности назначить пенсію, и съ опредѣленіемъ Общей Думы оказать единовременное пособіе, если г. Городской Голова удостовѣрится не оффиціальнымъ, а частнымъ образомъ объ усердной и дѣятельной службѣ отца діакона.

2) Касательно пособія учрежденному въ Москвѣ художественно-промышленному Музею.

Подобные музеи или общественныя собранія составляютъ въ наше время насущную необходимость столицъ. Это наглядныя академіи для народа. Нынѣшнимъ лѣтомъ я осматривалъ въ Лондонѣ Кенсингтонскій музей, на который указываютъ московскія отдѣленія мануфактурнаго и коммерческаго совѣтовъ. Я видѣлъ своими глазами, какъ разные ремесленники и промышленники останавливались предъ инструментами и моделями, разбирали ихъ и разсуждали объ нихъ. Въ Москвѣ, какъ средоточіи русской промышленности, подобное собраніе должно принести великую пользу. Не только 3 т. р., но 30 и 300 т. городъ долженъ бы былъ для него пожертвовать, — еслибъ были у него лишнія деньги. Пользуюсь симъ случаемъ, чтобъ повторить давнишнее мое мнѣніе, нѣсколько разъ заявленное, о необходимости для Общей Думы имѣть подробное обозрѣніе нашего городскаго хозяйства,—всѣхъ нашихъ капиталовъ, приходовъ и расходовъ, равно какъ ближайшихъ видовъ и предположеній.

Можетъ быть Распорядительная Дума предполагаетъ представить намъ гласнымъ такое обозрѣніе вмѣстѣ съ смѣтою на будущій 1865 годъ, тогда намъ будетъ удобнѣе разсуждать какъ о пособіи для музея, такъ и для учрежденія новой женской гимназіи, по прекрасному предложенію г. Гончарова, за Москвой рѣкой, и мужской, по предложенію г. Министра Финансовъ. Во всякомъ случаѣ пособіе музею должно быть возложено преимущественно на сословія купеческое, мѣщанское и цеховое, изъ ихъ капиталовъ, такъ какъ для ихъ собственно пользы музей учреждается.

Считаю долгомъ сообщить мысль, услышанную мною отъ одного почтеннаго обывателя, касательно музея.

Изъ доклада нашей коммиссіи видно, что часть суммы, сбираемой для музея, должна быть употреблена на сломку его дома, передней его стороны, стѣсняющаго Мясницкую улицу. Мысль, на которую я хочу обратить вниманіе Думы, состоитъ въ томъ, чтобъ у дома не отламывать передней его стороны, и оставить его неприкосновеннымъ, а для облегченія проѣзда по Мясницкой улицѣ, проложить другую улицу его дворомъ, для него почти ненужнымъ. Тогда нужно будетъ сломать только ворота и два флигеля съ заборомъ, стоящіе по Мясницкой, одинъ, при началѣ переулка, на углу; а другой между домомъ и почтамтомъ. Тогда домъ очутится на площади, и проѣздъ будетъ свободный съ двухъ

сторонъ. Площадь сдѣлается самою бойкою, и музей, построивъ лавки по краю задняго проѣзда, можетъ пріобрѣтать еще значительные выгоды. Мѣста у него останется достаточно.

Какъ лѣтописатель, прибавлю съ своей стороны, что домъ съ мѣстомъ нынѣшняго почтамта и Меньшиковой башней принадлежалъ князю Меньшикову, который отсюда и долженъ былъ ѣхать въ ссылку. Внутреннее расположеніе, я слышалъ, сохранилось. Безъ крайней нужды не слѣдуетъ намъ разрушать старыхъ примѣчательныхъ памятниковъ.

3) Касательно постройки Дорогомиловскаго моста, коммиссіей нашей разсчитано, что расходъ будетъ простираться до 21 тысячи въ годъ, впродолженіи 37 лѣтъ. Слѣдовало бы прибавить свѣдѣніе, чего нынѣ стоитъ ежегодное построеніе и разобраніе моста весною. Расходомъ собственно должно считать излишекъ этой суммы до предполагаемой 21 тысячи.

Полезно было бы кажется спросить г. Градскому Головѣ предварительное мнѣніе того инженера, который строитъ мостъ въ Колпинѣ, и о которомъ идетъ наилучшая слава. Мнѣ кажется— такія совѣщанія съ людьми знающими и честными лучше всякихъ казенныхъ и оффиціальныхъ сношеній.

4) Касательно взятія въ арендное содержаніе Святаго колодезя.

Изъ справки городскаго топографа, приводимой коммиссіей видно, что этотъ колодезь есть самъ себѣ хозяинъ, и вмѣстѣ святой, и что права на него Приказа Общественнаго призрѣнія весьма не тверды. Нельзя не замѣтить, что первая обязанность Приказа помогать нуждающимся, а утолять жажду кольми паче. Приказъ можетъ предоставить устройство колодезя городу, безъ всякой арендной платы, и городъ озаботится во первыхъ снабженіемъ всѣхъ заведеній водою, а потомъ и всѣхъ сосѣднихъ обывателей, — намъ же слѣдуетъ просить объ устройствѣ этого дѣла наше отдѣленіе водопроводовъ.

5) а) Объ устройствѣ въ Москвѣ уличныхъ выставокъ объявленій.

Коммиссія предлагаетъ сдѣлать оное предметомъ торговъ, и такимъ образомъ отстранить совершенно предлагателя.

Я считаю такое распоряженіе совершенно несправедливымъ, и предлагатель какой-бы то ни было полезной мысли, хоть она и не была изобрѣтеніемъ, имѣетъ полное право на соотвѣтственное вознагражденіе. Отстраняя предлагателей, мы запугаемъ новыя

мысли, а хорошія и полезныя мысли намъ очень нужны, и излишка въ нихъ мы не чувствуемъ. Мнѣ кажется, что если коммиссія считаетъ дѣло позволительнымъ, возможнымъ и полезнымъ, то и слѣдуетъ предоставить его предлагателю, только сокративъ срокъ, напримѣръ, на три года. Если предлагатель получитъ большіе барыши впродолженіи этого времени, тѣмъ лучше. За то впослѣдствіи Дума можетъ увеличить плату по усмотрѣнію.

b) О проэктѣ г. Старикова, какъ сберегать и сохранять имущества покойниковъ при отсутствіи наслѣдниковъ, я согласенъ съ мнѣніемъ коммиссіи, присоединяя слѣдующее: проэктъ г. Старикова предполагаетъ неудовлетворительную и несостоятельную полицію, и на томъ основанъ; но первою заботою Думы должно быть, какъ я имѣлъ случай говорить часто, устройство полиціи, а съ благоустроенною полиціей не только покойники, но и живые будутъ совершенно спокойны, касательно цѣлости своихъ имуществъ, которыя теперь часто подвергаются различнымъ опасностямъ.

Въ заключеніе, долгомъ поставляю предложить Общей Думѣ:

Поручить кому-либо изъ нашихъ чиновниковъ составленіе подробной записки о служебной дѣятельности покойныхъ нашихъ членовъ — Статскаго Совѣтника Головкина и мѣщанскаго старшины Голубинскаго, прочесть ихъ въ общемъ собраніи и хранить при дѣлахъ, въ знакъ нашего общаго вниманія и благодарности.

Касательно г. Голубинскаго просить г. Городскаго Главу, вмѣстѣ съ старшинами купеческаго и мѣщанскаго сословій, дабы они собрали свѣдѣнія о состояніи его семейства, и обсудили, не можемъ ли мы оказать ему какую-либо пользу.

Долгъ справедливости требуетъ, чтобъ всякія заслуги были уважены, и наша Дума должна подавать тому примѣръ.

## XVII.

Прочитавъ докладъ коммиссіи нельзя не согласиться съ ея основательными доказательствами: быстрое уменьшеніе торговыхъ свидѣтельствъ служитъ самымъ вѣрнымъ указаніемъ на стѣснительность постановленій, съ другой стороны мнѣніе купечества, имѣющаго въ этомъ дѣлѣ первый голосъ, можетъ совершенно успокоить правительство касательно справедливости и безопасности предлагаемыхъ мѣръ. Общая Дума вѣроятно присоединитъ,

свою просьбу о ходатайствѣ. Но, мм. гг., позвольте мнѣ обратить ваше вниманіе на слѣдующее обстоятельство: чего достигнемъ мы, если правительство уважитъ наше ходатайство! Того, что торговыхъ свидѣтельствъ опять выдаваемыхъ будетъ 3 т., а не 2. А всѣхъ мѣщанъ у насъ, какъ оказывается въ докладѣ 36 т. Страшное количество! Они всѣ находятся въ затрудненіяхъ, лишь 3 т. изъ нихъ занимаются торгомъ, одна часть занимается ремеслами, такая же находится въ услуженіи. Но сколько изъ этихъ 36 т. живетъ изо дня въ день, и ложатся спать съ одною надеждою: Богъ дастъ день, Богъ дастъ и пищу. Далѣе—сколько есть такихъ, для которыхъ главная квартира въ году—острогъ, гдѣ они десять разъ побывали и десять разъ выпускались оттуда, оставляемые въ подозрѣніи. Для такихъ разрѣшеніе торговать не только стекломъ, но и хрусталемъ, впрочемъ все еще неграненнымъ, не принесетъ большой пользы. А мы, домовладѣльцы, платимъ теперь за всѣхъ за нихъ, то есть за 36 т. чел. прежнюю подать, очень для насъ тяжелую, то есть четвертою частію больше обыкновенной нашей съ оцѣнки подати. Вотъ почему я думаю, что ходатайствуя объ облегченіи мѣщанскаго сословія, въ торговомъ и ремесленномъ отношеніи, мы имѣемъ здѣсь случай предложить на усмотрѣніе правительству надѣленіе ихъ землей. Извѣстно, что правительство имѣетъ много земли казенной въ западныхъ губерніяхъ, имѣетъ много земли помѣщичьей въ своемъ распоряженіи, что оно видитъ необходимость объ увеличеніи въ западныхъ губерніяхъ Русской народности, что оно предлагаетъ землю со всевозможными льготами для покупки всякому встрѣчному, предлагаетъ ее даже иностраннымъ колонистамъ. Давать деньги нужно для водворенія въ ссуду. Еслибъ предложить такую землю московскимъ мѣщанамъ, да и прочимъ, ибо количество ихъ вообще умножилось повсемѣстно, то вѣроятно изъ нашихъ 36 т. нашлись бы многіе охотники получить собственной уголъ, и успокоиться послѣ своихъ тревожныхъ трудовъ. Для водворенія кромѣ казенной ссуды могутъ употреблять отчасти ихъ собственные капиталы, которыхъ здѣшнее, напримѣръ, сословіе имѣетъ въ обиліи. Да для насъ, домовладѣльцевъ, пріятнѣе было бы пособить имъ однажды навсегда, нежели платить за нихъ ежегодно подати. Такимъ образомъ въ этомъ распоряженіи достиглось бы разомъ нѣсколько цѣлей: край западный получилъ бы приращеніе нужнаго для него Русскаго начала, мѣщане получили бы собственность,

обезпечивающую ихъ существованіе, а городъ, наша Москва, избавится отъ лишняго тяготящаго ее населенія, мы, домовладѣльцы, отъ несправедливой подати. Я говорилъ о западномъ краѣ, но у насъ есть еще Кавказской край, гдѣ для острожныхъ квартирантовъ представляется подходящая мѣстность. Есть еще у насъ Оренбургъ, Амурскій край. Заключаю: не угодно ли будетъ Думѣ, собрать предварительно нужныя свѣдѣнія отъ разныхъ комитетовъ статистики, подать правительству мысль о надѣленіи московскихъ мѣщанъ казенной землею по ихъ желанію, и объ освобожденіи насъ, домовладѣльцевъ, отъ платежа за нихъ подати.

Замѣчу одно выраженіе, употребленное въ дѣлахъ коммиссіи, которое нельзя оставить безъ возраженія съ нашей стороны: она говоритъ, что Дума прекратила даровую раздачу торговыхъ участковъ, въ которой находили себѣ поддержку по преимуществу бѣднѣйшія лица мѣщанскаго сословія. Нѣтъ, это не вѣрно: Дума прекратила даровую раздачу потому, что она была полезна не для бѣдныхъ мѣщанъ, а для богатыхъ. Еслибъ поддержка была для бѣдныхъ, то ни у кого бы изъ насъ не поворотился языкъ противъ такой поддержки. Не угодно ли поставить это на видъ коммиссіи.

## XVIII.

### О городскихъ стипендіяхъ въ женскихъ гимназіяхъ.

*4 мая, 1865 г.*

Дума отпускала 4 т. р. въ пособіе женскимъ гимназіямъ, изъ коихъ 1440 р. шли на содержаніе бѣдныхъ дѣвушекъ, назначаемыхъ Думою, полагая по 60 р. за каждую.

Нынѣ женскія гимназіи поступили въ вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи, въ коихъ «годичная плата за всѣ предметы ученія, положенные уставомъ женскихъ гимназій, кромѣ музыки и англійскаго языка, назначена въ 40 р. съ каждой воспитанницы.»

Наша коммиссія о пользахъ и нуждахъ городскихъ желаетъ «оставить городскія стипендіи въ прежнемъ размѣрѣ, то есть по 60 р. въ годъ, съ тѣмъ, чтобы воспитанницы отъ города числомъ 30, обучаемы были въ гимназіяхъ и необязательнымъ предметамъ, то есть музыкѣ и англійскому языку.»

Съ такимъ мнѣніемъ коммиссіи, я никакъ согласиться не могу: я думаю, что гораздо полезнѣе доставить намъ средства для

образованія 45 бѣднымъ дѣвушкамъ, безъ музыки и англійскаго языка, чѣмъ 30 съ англійскимъ языкомъ и музыкою.

Англійскій языкъ и музыка составляютъ роскошь образованія, а намъ надо лучше заботиться объ удовлетвореніи насущныхъ нуждъ. Чѣмъ большему количеству доставится средства удовлетворить эти нужды, тѣмъ лучше.

Да и мудрено, если не совсѣмъ невѣроятно, при 40 рублевой платѣ за всѣ предметы, много выучить музыкѣ и англійскому языку за 20 р. въ годъ. Сколько придется изъ этихъ 20 р. на долю музыкальнаго учителя, и много ли онъ можетъ заняться за эту ничтожную сумму съ каждою.

А изъ за какой нибудь мазурки или пѣсенки, которымъ выучатся 30 нашихъ бѣдныхъ воспитанницъ, грѣшно отказывать 15-ти и въ первыхъ началахъ грамотности (*).

Оказалось возможнымъ Думѣ удѣлить тысячи двѣ р. на первоначальное образованіе бѣдныхъ дѣвочекъ.

На 2 т. многаго въ городѣ сдѣлать нельзя: я думаю — всего лучше отнестись къ священникамъ въ Земляномъ городѣ, и разузнать, не могутъ ли нѣкоторые изъ нихъ принять на себя эту обязанность. 200 р. на бѣдный причетъ—порядочное подспорье, а учить грамотѣ, преподать первыя правила нравоученія, можетъ не только священникъ, но и дьяконъ и дьячекъ. На 2 т. мы можемъ такимъ образомъ устроить десять пристанищъ перваго образованія, а потомъ увидимъ, что изъ этого выйдетъ (**).

## XIX.

### По поводу толковъ о газовомъ освѣщеніи Москвы.

(*8 Декабря*).

....При всякихъ условіяхъ съ иностранными домами нужно намъ, по моему мнѣнію, вспоминать, зарубая у себя на лбу, объ

---

(*) По болѣзни я изложилъ это мнѣніе въ письмѣ на имя предсѣдателя, а въ газетахъ напечатано, что оно ничѣмъ не было доказано! Есть тутъ что доказывать!

(**) Это мнѣніе предлагалъ я въ коммиссіи, въ которой избранъ былъ членомъ, предъ отъѣздомъ моимъ за границу. Коммиссія въ мое отсутствіе освѣдомилась, что можетъ располагать 9-ю тысячами, и составила проэктъ училищъ, съ которымъ я, для одного опыта, и согласился.

условіяхъ, заключенныхъ нѣкогда Николаевской желѣзной дорогою съ американцами. На концѣ концовъ оказалось, что всѣ выгоды отъ движенія по желѣзной дорогѣ получила себѣ иностранная компанія; на нашу же долю достались расходы и убытки. По крайней мѣрѣ, американцы вели свое дѣло исправно и честно, и въ продолженіе десяти лѣтъ не случилось по ихъ винѣ никакого несчастія, за что имѣютъ полное право на нашу признательность.

Есть еще примѣръ посвѣжѣе для возбужденія нашей осторожности: парижское общество взялось построить намъ нѣсколько тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ, но не построило и половины, и мы не знали, какъ отъ него отдѣлаться.

Я ничего не имѣю противъ компаній, предлагающихъ намъ свои услуги, но помню твердо русскую пословицу: на то щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ; привыкшимъ смотрѣть на насъ какъ на карасей, иностранцамъ очень естественно желать выгодъ на нашъ счетъ, но пора также и намъ пробудиться отъ карасиной дремоты, позаботиться сколько нибудь о соблюденіи своихъ выгодъ.

Не семь разъ намъ надо смѣрить, а семнадцать, и потомъ уже разъ отрѣзать. Если мы ошибемся, то не на кого будетъ намъ сложить вину, какъ то мы любимъ дѣлать въ подобныхъ случаяхъ: дѣло находится въ нашихъ рукахъ, предоставлено правительствомъ въ полное наше распоряженіе; на насъ лежитъ, слѣдовательно, великая отвѣтственность, и передъ правительствомъ, и передъ нашими довѣрителями, и передъ Москвою, и передъ всею Россіею.

Будьте увѣрены, что вслѣдъ за Москвою, и Рязань, и Тула, и Калуга, и Тамбовъ, и Воронежъ, даже Чебоксары и Тетюши, захотятъ газоваго освѣщенія: всякій губернаторъ, всякій городничій, захочетъ отличиться устройствомъ газоваго освѣщенія, ибо гораздо легче подмахнуть свое имя подъ условіемъ, чѣмъ разобрать какую нибудь запутанную тяжбу, или завести какой нибудь сложный порядокъ, не дающій ни одной хорошей строки для годоваго отчета;—слава самая яркая и вмѣстѣ дешевая!

Наши условія сдѣлаются общимъ образцомъ.

Что же я читаю въ нашемъ собственномъ проектѣ договора? «Дума берется ходатайствовать о безпошлинномъ привозѣ всѣхъ

аппаратовъ и всѣхъ матеріяловъ, нужныхъ какъ для основанія завода, проведенія трубъ, такъ и для самаго освѣщенія.»

Москва есть средоточіе русской промышленности. Русская промышленность должна жить и питаться въ наше время преимущественно отъ такихъ огромныхъ предпріятій, какъ опоясаніе всей Россіи желѣзными дорогами, заведеніе пароходства по судоходнымъ рѣкамъ, газовое освѣщеніе. Газовое освѣщеніе, по докладу коммиссіи, потребуетъ отъ одной Москвы ежегодно 250 т. р. сер., что значитъ по нашему старому, православному счету, милліонъ рублей на ассигнаціи, или милліонъ франковъ.

Матеріялы для всѣхъ этихъ предпріятій мы имѣемъ въ обиліи— они одни и тѣ же: желѣзо, чугунъ, мѣдь, дерево, камень, каменный уголь.

Если по какой то необходимости, которой я въ государственномъ смыслѣ понять не могу, находятъ выгоднѣе привозить изъ за границы и платить за нихъ чистымъ золотомъ и серебромъ, между тѣмъ какъ свои произведенія лежатъ спокойно въ землѣ, многіе изъ своихъ мастеровыхъ сидятъ, склавши руки, а торговля спитъ мертвымъ сномъ за отсутствіемъ оборотовъ; если, говорю, находятъ выгоднѣе для насъ такое противуестественное теченіе торговыхъ дѣлъ, то содѣйствовать ему съ нашей стороны, просить объ его усиленіи, уничтожить послѣднія слабыя плотины для иностраннаго наводненія, и гдѣ же? въ Москвѣ, — значитъ поднять руку на самихъ себя, оправдывая старинное изреченіе, что неразумнымъ дѣтямъ не въ помощь отцовское богатство.

У насъ толковали очень много въ послѣднее время о возвышеніи курса, приносили ему въ жертву огромныя суммы, взятыя взаемъ, — да какъ же можетъ возвыситься курсъ, когда мы со всякимъ годомъ выписываемъ иностранныхъ товаровъ больше и больше, даже тѣ, которыхъ у себя много; когда мы останавливаемъ разными преградами и забоями домашнее *движеніе* денегъ, которое есть одно изъ главныхъ условій народнаго богатства. И рельсы, и локомотивы, и вагоны деревянные, и стекла, пожалуй и чай, и сахаръ, и желѣзо, и ячмень, и хмѣль, и солодъ, и цементъ—мы все хотимъ покупать за границею, —что же остается дѣлать дома? Торговать капустою, и то потому только, что щей иностранцы не любятъ, и капусты у себя не разводятъ.

Еслибъ Петръ I-й разсуждалъ такъ, какъ разсуждаютъ наши теперешніе прогрессисты, то у насъ до сихъ поръ не было бы

никакихъ фабрикъ, и мы находились бы въ полной зависимости отъ иностранцевъ. Для него дороже было дома ткать сукно, лить пушки, но онъ не испугался этой дороговизны, и успѣлъ въ короткое время своей жизни и построить крѣпости, и снарядить флотъ, и обмундировать войско, не имѣя денегъ. Да какъ же? Домашними средствами. Эти домашнія средства у насъ все еще продолжаются, но мы сами отвергнемъ ихъ, потому только, что ихъ нѣтъ за границею, и онѣ не помѣщены въ нѣмецкихъ и французскихъ системахъ. Но это мимоходомъ.

Коммиссія, равно какъ и компаніи иностранныя, основываютъ всѣ свои разчеты на цѣнѣ англійскаго каменнаго угля въ Москвѣ.

Каменный уголь добывается въ западной и сѣверной части Англіи, перевозится изъ копей къ берегу, грузится на корабли, переплываетъ нѣсколько морей, выгружается въ Петербургѣ, перевозится къ желѣзной дорогѣ, перетаскивается въ вагоны, привозится въ Москву. Сколько расходовъ падаетъ на его московскую цѣну!

Изъ своего каменнаго угля цѣна газа должна, разумѣется, уменьшиться вдвое или втрое, а съ нимъ и освѣщенія.

Коммиссія, выговорила, правда, уменьшеніе платы за фонарь, въ случаѣ открытія собственныхъ пріисковъ каменнаго угля, — но этотъ каменный уголь найденъ уже въ разныхъ мѣстностяхъ Тульской губерніи. Тамошнія залежи неблагонадежны, показываетъ инженеръ-полковникъ Романовскій, которому было поручено сверлить артезіанскій колодезь въ Подольскѣ. но охуждая тульскіе пріиски, онъ свидѣтельствуетъ, что въ Калужской губерніи открывается множество пріисковъ, которые просятся на разработку. Да и тульскіе, невыгодные для топлива, даютъ газъ лучше англійскаго угля, какъ я слышалъ отъ знатоковъ.

Надо бы сдѣлать пробу, чего можетъ стоить газъ изъ домашняго угля.

Въ Петербургѣ и Одессѣ, фонарь обходится 18 руб., потому, что туда привозится каменный уголь балластомъ, а въ Амстердамѣ фонарь стоитъ около 10 руб. Вотъ что значитъ собственное произведеніе. За что же намъ-то платить почти втрое?

Еслибъ было обезпечено потребленіе домашняго угля, вспоможено, то вѣрно вскорѣ образовалась бы у насъ компанія для добыванія, и внутренніе обороты увеличились бы въ соразмѣрности. А теперь чѣмъ можетъ возбуждаться промышленность?

Каменный уголь составляетъ нашу необходимость, какъ для желѣзныхъ дорогъ, такъ и для пароходства, для газоваго освѣщенія. Такъ ли, сякъ ли, мы найдемъ это топливо, безъ котораго намъ обойдтись нельзя, если мы не хотимъ дожить до совершеннаго истребленія нашихъ лѣсовъ.

Не надо терять изъ виду и вообще положенія нашихъ дѣлъ: русскіе землевладѣльцы, разстроенные теперь измѣненіемъ старыхъ порядковъ, необходимо должны приняться внимательнѣе за свои дѣла, за отысканіе источниковъ для новыхъ доходовъ, и можно быть увѣрену, что не пройдетъ и десяти лѣтъ, какъ мы начнемъ слышать безпрестанно о всякихъ открытіяхъ и предпріятіяхъ. Надо беречь большія дѣла для подростающихъ предпринимателей.

Въ этомъ смыслѣ для меня страшна всякая привилегія въ 30 лѣтъ: страшно надѣвать на себя хомутъ на такое долгое время, точно такъ, какъ страшно закабаливаться англичанамъ на 80 лѣтъ по Севастопольской дорогѣ. Прибавлю, что въ нашъ вѣкъ изобрѣтеній и открытій, слѣдующихъ одно за другимъ безостановочно, никакъ нельзя принимать на себя вообще обязанностей съ такимъ продолжительнымъ срокомъ, даже независимо отъ обстоятельствъ, въ коихъ мы находимся. Мы дѣлаемъ условіе на 30 лѣтъ впередъ, а обратимся за 30 лѣтъ назадъ: чего стоило бы тогда добываніе газа? Тридцатилѣтній срокъ къ настоящему времени относится такъ, какъ настоящее время къ 1894 году. Сколько денегъ переплатили бъ мы даромъ, еслибъ за 30 лѣтъ заключено было условіе по тогдашнимъ цѣнамъ?

Это опасеніе отстраняется примѣчаніемъ 3-мъ къ статьѣ 6-й: «Если газъ будетъ добываться не изъ каменнаго угля, привозимаго изъ за границы, а изъ каменнаго угля, добываемаго въ Россіи, или изъ другаго туземнаго или иностраннаго матеріяла, и вслѣдствіе того производство газа обойдется предпринимателямъ дешевле, то предприниматели обязаны сдѣлать сбавку, соотвѣтствующую удешевленію производства газа, какъ для городскаго, такъ и для частнаго потребленія, по взаимному соглашенію съ Городскою Думою.

Статья 15-я. «Предприниматели обязываются вводить по освѣщенію столицы всѣ усовершенствованія газоваго производства, которыя могли бы сократить городскіе расходы, и еслибы для добыванія газа признано было лучшимъ замѣнить каменный уголь

другимъ какимъ либо матеріяломъ, то, по удостовѣреніи и испытаніи онаго спеціалистами, должны употреблять сей послѣдній, хотя бы и потребовало въ заводѣ нѣкоторой передѣлки, и приступить къ устройству онаго по окончательномъ дознаніи и удостовѣреніи не позднѣе 12-ти мѣсяцевъ.

Нельзя не согласиться, что приведеніе въ исполненіе этихъ условій, равно какъ и условій, относящихся до контроля и штрафовъ, можетъ подать на дѣлѣ поводъ къ безконечнымъ спорамъ, проволочкамъ, тяжбамъ и неудовольствіямъ.

Удивительно, что могла найдтись компанія, которая приняла такія условія, вмѣстѣ съ обязанностію поставить три тысячи фонарей въ три года и согласіемъ на конфискацію въ случаѣ неустойки.

Компанія изъявила предварительное согласіе; но чѣмъ обезпечено это согласіе?

Что до меня, я считаю контрактъ для города и обывателей убыточнымъ, стѣснительнымъ и обременительнымъ, а для предпринимателей (предполагая ихъ степенность, честность и добросовѣстность)—неисполнимымъ. Увѣренъ, что въ немъ заключаются источники нескончаемыхъ распрей, отъ которыхъ оборони насъ Боже!

Освѣщеніе минеральнымъ масломъ изъ домашнихъ произведеній мнѣ кажется на первый случай гораздо предпочтительнѣе: оно не имѣетъ нужды въ затратѣ никакихъ капиталовъ, не требуетъ никакихъ трудныхъ работъ канализаціи, и не спрашиваетъ никакой привилегіи. Надо постараться только, чтобъ удешевить его какъ можно болѣе. Освѣщаясь минеральнымъ масломъ очень хорошо (*), мы будемъ имѣть время приготовиться исподволь и къ газу, если ужь признаемъ его необходимымъ для спасенія душъ нашихъ и освѣщеніе тѣлесъ. Мы будемъ имѣть время найдти свой каменный уголь и завести свои литейные заводы для трубъ и прочихъ аппаратовъ. Въ такомъ случаѣ, милости просимъ и иностранцевъ принять участіе въ этихъ предпріятіяхъ. Тогда мы готовы дать имъ и привилегію на основаніяхъ здѣшнихъ цѣнъ за наши матеріялы и за наши работы! Sapienti sat!

(*) Свѣтъ отъ фонаря съ конопляннымъ масломъ равняется тремъ свѣчамъ, по разчетамъ коммиссіи, а свѣтъ отъ фонаря съ минеральнымъ масломъ осьми, слѣдовательно Москва освѣтится лучше втрое,— на первый случай довольно и такого улучшенія.

P. S. Кто то замѣтилъ, какъ я услышалъ послѣ, что мои слова относятся къ чувству, а не къ дѣлу. Еслибъ я услышалъ это прежде, то спросилъ бы замѣтившаго: а золото и серебро, которымъ мы платимъ за иностранные товары, для насъ ненужные, къ чему относятся: къ чувству или къ дѣлу?

Одинъ сочленъ сказалъ, что мое мнѣніе осуждаетъ насъ оставаться въ потемкахъ. Я отвѣчалъ: если у насъ есть кремень, трутъ и огниво, а огня высѣчь мы не умѣемъ, то, разумѣется, мы должны оставаться въ потемкахъ, пока не выучимся высѣкать огня. Выписывать огонь изъ за границы, прибавлю здѣсь кстати, очень странно; а хлопотать, чтобъ даже и стеклянный колпакъ освобождался отъ пошлины, подъ которымъ огонь къ намъ повезется, еще страннѣе.

Другой сочленъ поставилъ на видъ убытки, которые городъ потерпитъ, если откажется ходатайствовать о безпошлинномъ ввозѣ матеріяловъ. Мы утѣшимся, сказалъ я, извѣстнымъ отвѣтомъ: все потеряно, кромѣ чести. Если въ этихъ словахъ есть что либо обидное, если изъ другихъ моихъ словъ можетъ быть выведено подобное слѣдствіе, то я готовъ взять ихъ назадъ и просить извиненія; я не думалъ, не хотѣлъ, и, кажется, не сказалъ ничего ни для кого оскорбительнаго.

Касательно размѣщенія фонарей при поверхностномъ обозрѣніи, мнѣ бросилась въ глаза излишняя роскошь: на Красной площади предполагается 26 ф., отъ Иверскихъ воротъ до Василія Блаженнаго, да около памятника 4 и около Лобнаго мѣста 4, что составитъ слишкомъ 36 ф.

Помилуйте—это пространство наиболѣе вечеромъ и ночью пустынное. Притомъ это пространство открытое, видно съ одного конца до другаго. Тутъ же гауптвахта и рядскіе сторожа. Здѣсь гораздо менѣе нуженъ большой свѣтъ, чѣмъ въ кривыхъ переулкахъ Конюшенной, или Молчановки. Точно тоже должно сказать о Кремлѣ, гдѣ есть нѣсколько гауптвахтъ и часовыхъ. Мы не привыкли останавливаться на подобныхъ мелкихъ предметахъ, но надо же когда нибудь начать всестороннее изученіе предмета, и обратить вниманіе на всѣ подробности.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о другихъ предложеніяхъ.

Предложеніе г. Шиловскаго мнѣ кажется выгоднымъ, потому что мы ни къ чему не обязываемся. Предложеніе г. Егорова

представляетъ въ свою пользу то, что принадлежитъ русскому человѣку, который съ своими скудными средствами, достигъ до примѣчательныхъ результатовъ. Такихъ людей надо ободрять, и помнить, что Петръ первый сотворилъ ободреніемъ Демидова, Сѣрикова, Севрукова и прочихъ основателей нашихъ промышленниковъ.

## XX.

### О сберегательныхъ кассахъ.

(*Сент. 4, 1864 г.*)

Хотятъ устроить сберегательную кассу при Думѣ.

Одна касса въ такомъ огромномъ городѣ, какъ Москва, не соотвѣтствуетъ цѣли: бѣдный человѣкъ нескоро и доберется до кассира, — а здѣсь главное: скорость, удобство, легкость. Мнѣ кажется, всего бы лучше учредить кассы по приходамъ, поруча ихъ церковнымъ старостамъ, подъ надзоромъ священниковъ. Дьяконы или дьячки могли бы вести приходныя и расходныя книги, за умѣренное вознагражденіе изъ процентовъ. Еженедѣльно суммы должны доставляться въ Думу, къ ея кассиру, и тамъ записываться. О подробностяхъ когда нибудь послѣ (*).

## XXI.

(*Мая 26, 1865 г.*)

Коммиссія предлагаетъ извощичій сборъ перенесть съ лошадей на экипажи. Не знаю, будетъ ли это полезно для города и удобно для извощиковъ. Вообще перемѣнять пріемы, къ которымъ люди привыкли, нужно съ большею осторожностію. Злоупотребленія съ тѣми и другими способами взиманія могутъ быть одинакія.

---

(*) Я задалъ молодому талантливому архитектору Далю сочинить домашнюю сберегательную кассу, то есть копилку, кружку, ящичекъ, который бы можно было имѣть всякому ремесленнику или работнику, слугѣ, при себѣ, и опускать туда сбереженіе, а отца его просилъ украсить ее пословицами. Онъ прислалъ мнѣ проэктъ, но я не могъ понять устройства его по рисунку, и ожидаю возвращенія сочинителя, чтобъ заказать жестяникамъ или глинянымъ заводчикамъ модель нашего грошеваго банка для собиранія копеекъ на черный день.

Всѣ наши вопросы сталкиваются болѣе или менѣе съ полиціей. Устроится хорошая полиція, всѣ дѣла пойдутъ лучше, и всѣ доходы городскіе сдѣлаются вѣрнѣе. Въ дѣлахъ этого рода надо прибѣгать за совѣтами къ самимъ участвующимъ лицамъ. По моему надо бы чрезъ полицію выбрать нѣсколько постепеннѣе и посмышленѣе извощиковъ и отобрать отъ нихъ свѣдѣнія объ ихъ промыслѣ, указать имъ настоящія злоупотребленія, сообщить придуманныя мѣры и спросить ихъ мнѣнія.

Объ этомъ промыслѣ надо бы подумать. Онъ находится большею частію въ рукахъ у дворниковъ, которые держатъ извощиковъ въ кабалѣ, и пользуются ихъ доходами, что имѣетъ вліяніе и на цѣны извоза.

При хозяйственномъ устройствѣ города, я думаю полезно было бы учредить нѣсколько постоялыхъ дворовъ, и поручить ихъ въ управленіе заслуженнымъ унтеръ-офицерамъ, подъ надзоромъ Думы. На этихъ постоялыхъ дворахъ извощики имѣли бы помѣщеніе и содержаніе какъ для себя, такъ и для лошадей по рыночнымъ цѣнамъ, съ легкими процентами. А теперь они платятъ обыкновенно чуть не въ полтора раза и за овесъ и за сѣно. Такой постоялый дворъ привлекъ бы себѣ тотчасъ охотниковъ, и принесъ бы выгоды и содержателю, и постояльцамъ, и городу. По образцу его можно было бы и распространить это учрежденіе.

Нельзя ли, напримѣръ, употребить съ этой цѣлью какой нибудь изъ домовъ, пріобрѣтенныхъ Думою отъ Министерства Финансовъ?

Дума заботится объ увеличеніи своихъ доходовъ, но ей должно заботиться и объ удобствахъ, объ улучшеніи быта различныхъ обывателей, чтобъ каждому жителю, въ кругу его дѣятельности, жить было удобнѣе и дешевле, чтобъ всѣмъ дышатъ было легче.

## XXII.

### Исправленіе казармъ.

*6 Іюля.*

Докладъ коммиссіи, откровенно сознаться, удивилъ меня сообщенными свѣдѣніями. Она требуетъ 80 тысячъ рублей на капитальныя работы въ нынѣшнемъ году въ казармахъ.

Откудаже мы ихъ возьмемъ, мм. гг.?

Содержаніе казармъ стоитъ намъ 150 тысячъ въ годъ. Тридцать три тысячи, положено на ремонтъ по годичной смѣтѣ. Ни копейки больше тратить не надо, а надо стараться о томъ, чтобъ эти 33 тысячи (по христіански сто) были употреблены со строгою вѣрностію.

Точно также мы должны отложить попеченіе о постройкѣ новаго кухоннаго корпуса въ Петровскихъ казармахъ. (39 т. р. на кухню)!

Наша обязанность, какъ гласныхъ, облеченныхъ довѣріемъ обывателей, стараться, елико возможно, объ уменьшеніи налоговъ. Это должны всѣ мы, гласные, зарубить у себя на лбу, о томъ и думать больше всего. Шестовъ, одинъ голова, съумѣлъ уменьшить налоги четвертою частію, и заслужилъ благодарность, до сихъ поръ повторяемую. А насъ почти двѣсти человѣкъ, и мы не придумаемъ никакого облегченія, а толкуемъ только о томъ, какъ бы взять больше съ извощиковъ, съ трактирщиковъ и прочихъ промышленниковъ, за что спасибо сказать намъ нельзя! Это правда, что теперешнія наши залы чище и красивѣе прежнихъ, которыя были похожи на хлѣва, да вѣдь изъ одной чистоты обывателямъ шубы не сшить.

А если мы будемъ поступать такъ же нерезонно, такъ податливо, то подати не будутъ уменьшаться, а развѣ увеличиваться.

Гласные вызвались платить по 10% съ оцѣнки, вмѣсто 8, предположенныхъ распорядительною Думою, въ нынѣшнемъ году, чтобы строить Дорогомиловскій мостъ. Но неужели же мы будемъ обязаны платить по 10% и въ слѣдующемъ году? Это будетъ слишкомъ тяжело для обывателей!

Напрашиваться на новые расходы намъ не слѣдуетъ, воздвигать новыя зданія кольми паче!

Если начальство казарменное будетъ требовать у насъ новыхъ построекъ, то мы требованія ихъ должны отсылать въ Петербургъ, представляя почтительнѣйше, что городъ вновь строить не имѣетъ возможности и силы, потому то и потому то, (секретари найдутъ причинъ, сколько угодно), и что о постройкахъ должно заботиться само военное начальство, тѣмъ болѣе, что мы и вообще ходатайствуемъ о снятіи съ насъ этой обязанности, отнюдь не принадлежащей разумно къ городскимъ обязанностямъ.

Мы содержимъ казармы, мы подкрѣпляемъ театръ, платимъ за постройку арсенала и тріумфальныхъ воротъ, мы строимъ

мостъ, даемъ деньги на больницы и училища, а не имѣемъ, даже своего угла. Графъ Шереметевъ откажетъ намъ въ квартирѣ, вотъ мы и пойдемъ со счетами подъ мышкою по улицамъ, искать себѣ пристанища. Такъ прежде казармъ намъ надо позаботиться о своемъ помѣщеніи. Это все и слѣдуетъ прописать въ объясненіи.

## XXIII.

### О палаткахъ предъ Ваганьковскимъ кладбищемъ. Нечистоты въ сосѣдствѣ.

*Письмо къ Старшинѣ потомственныхъ дворянъ.*

*Августа 22-го 1865.*

М. Г. С. Н. Отправляясь за границу по болѣзни, я не могу принимать участія въ засѣданіяхъ Думы, о чемъ васъ почтительнѣйше и извѣщаю.

Вмѣстѣ съ симъ почитаю долгомъ гласнаго довести до свѣдѣнія Общей Думы нѣкоторыя обстоятельства, въ послѣднее время случайно мною узнанныя, и относящіяся къ предмету нашихъ занятій.

Бывъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ, я увидѣлъ предъ святыми воротами множество палатокъ, въ нѣсколько рядовъ, гдѣ пекутся блины, грѣются самовары, и чутьли не продается вино. Ничего нельзя представить гаже этихъ помѣщеній. Омерзительное впечатлѣніе производятъ онѣ во всѣхъ порядочныхъ людяхъ, участвующихъ въ печальныхъ процессіяхъ. По вечерамъ происходятъ здѣсь даже неистовства, какъ я услышалъ на кладбищѣ.

Кладбища считаются священными мѣстами у всѣхъ образованныхъ и даже дикихъ народовъ, а въ какомъ видѣ находятся онѣ у насъ? Когда я выразилъ свое негодованіе предъ священнослужителями, они отвѣчали, что явленіе, столько меня возмутившее, зависитъ не отъ нихъ. Отъ кого же? спросилъ я. «Отъ Думы», получилъ я неожиданный отвѣтъ. «Дума отдаетъ городскую землю внаемъ этимъ промышленникамъ».

Имѣю честь предложить Думѣ отказаться отъ ничтожнаго дохода въ нѣсколько сотъ рублей, а можетъ и менѣе, и по истеченіи срока не отдавать болѣе городской земли подлѣ главнаго

кладбища Московскаго, подъ безобразныя гнѣздилища всякаго разврата.

На Ваганьковскомъ кладбищѣ представляется еще великое неудобство, чтобъ не сказать болѣе. Подлѣ него когда-то, кѣмъ-то, дозволено складывать городскія нечистоты, отъ чего при малѣйшемъ вѣтрѣ по кладбищу распространяется нестерпимая вонь. Я услышалъ, что дѣло объ этомъ производится теперь въ Думѣ, но что нѣтъ надежды на благопріятное рѣшеніе, потому что отходники сыплютъ деньгами, и вѣрно найдутся причины, по коимъ окажется нужнымъ позволить имъ вновь зараженіе здѣшняго воздуха. Я разумѣется опровергнулъ такія оскорбительныя опасенія, и увѣрилъ, что въ нашей канцеляріи не можетъ случиться подобнаго злоупотребленія, но считаю долгомъ заявить такія опасенія на всякой случай. Если бывшій оберполицмейстеръ Шульгинъ могъ положить основаніе устройству кладбища, то городская Дума кольми паче можетъ и должна принять на себя попеченіе о мѣстѣ нашего общаго упокоенія, и побудить къ тому духовное вѣдомство, между тѣмъ какъ послѣ Шульгина впродолженіи 50-ти почти лѣтъ не только ничего не сдѣлано, но и все сдѣланное пришло въ упадокъ, такъ что теперь по кладбищу пройтись даже гадко. Не молчать, а кричать должны мы, гласные, о томъ, чтобъ первое богатѣйшее московское кладбище (равно какъ и прочія) было содержимо въ лучшемъ порядкѣ.

## XXIV.

### ОБЪ АРТЕЗІАНСКОМЪ КОЛОДЦѢ.

*16 Ноября. 1865.*

Всякое дѣло мастера боится. Предложеніе Г. Бабина о снабженіи города Москвы водою посредствомъ Артезіанскаго колодца имѣетъ непосредственное отношеніе къ наукѣ. Учители ея, профессоры Щуровскій и Ауербахъ, по тщательномъ разсмотрѣніи предложенія и повѣркѣ извѣстными данными, одобрили его вполнѣ. Намъ, гласнымъ, остается только благодарить и Г. Инженера, и Гг. Профессоровъ за принятый ими трудъ, — и озаботиться о средствахъ привести въ исполненіе прекрасную и полезную мысль.

Сказать просто Распорядительной Думѣ, чтобъ она вынула изъ

ящика 20,30,50 тысячъ рублей и выдала ихъ на расходы, очень легко. Но, мм. гг., мы должны беречь городскую копейку, яко зѣницу ока, тѣмъ болѣе, что она идетъ изъ нашихъ же кармановъ, гдѣ, говорятъ, въ послѣднее время бываетъ часто очень просторно. Затратить городу 50 т. р. безъ полной увѣренности, хоть не на вѣтеръ, а въ землю, страховато. Ученые говорятъ, что вода должна быть, а можетъ быть ея не будетъ. Мнѣ кажется, что кромѣ города есть много вѣдомствъ, для которыхъ рытье земли можетъ быть очень полезно, и которыя, слѣдовательно могутъ принять участіе въ нашихъ расходахъ по этому дѣлу, а именно:

1. Университетъ. Для университета не только любопытно, но весьма важно узнать короче или глубже, ту землю, на которой онъ стоитъ, ея слои, ихъ величину, расположеніе, свойства. Употребляетъ университетъ большія суммы на содержаніе обсерваторіи, которая наблюдаетъ, что дѣлается на небѣ. Что дѣлается въ землѣ подъ нимъ—вопросъ для науки одинаково важный, для котораго университету можно принести малую жертву, и она окупится сторицею непремѣнными результатами, которые онъ можетъ представить въ гостинецъ всей ученой Европѣ. Мы, то есть городъ, можемъ получить пользу на пятый годъ, а для университета для науки, со втораго дня, можетъ быть, начнутся уже любопытныя явленія.

Второе вѣдомство, которое можетъ помочь намъ — это есть Академія Наукъ. По регламенту Петра I первая ея обязанность изслѣдовать Россію во всѣхъ отношеніяхъ, и она съ честію исполняетъ свои обязанности. Академикъ Гельмерсенъ издалъ геологическую карту всей Европейской Россіи. Академія содержитъ, напримѣръ, особаго академика для изслѣдованій геологическихъ на Кавказѣ: какъ же ей Москву-то не постараться узнать получше?

Третье вѣдомство—есть Петербургское Географическое общество. Оно имѣетъ особое отдѣленіе физической географіи. Снаряжая экспедиціи для Камчатки и Новой земли, и употребляя на нихъ огромныя суммы, не можетъ быть, чтобъ оно съ радостію не подало намъ руку помощи для Московскаго копанія.

Четвертое вѣдомство есть министерство внутреннихъ дѣлъ. Благосостояніе города во всѣхъ отношеніяхъ—продовольственномъ, гигіеническомъ, врачебномъ, полицейскомъ, составляетъ его прямую цѣль. Если на украшеніе Москвы отпускалось нѣкогда по

100 т. р. въ годъ, объ употребленіи которыхъ до сихъ поръ мы не можемъ, кажется, получить отчета, то назначеніе какой нибудь тысячи не можетъ быть для него обременительнымъ, оно же имѣетъ капиталъ, который просится кажется на употребленіе этого рода: сборъ съ свидѣтельствъ, выдаваемыхъ страховыми отъ огня обществами.

Пятое вѣдомство есть само Государственное Казначейство. Если Имп. Екатерина за сто почти лѣтъ предъ симъ неусомнилась ассигновать 2 милліона рублей на устройство Мытищенскихъ водопроводовъ, то неужели черезъ сто почти лѣтъ оно затруднится удѣлить тысячную долю этой суммы на подкрѣпленіе тѣхже Мытищенскихъ водопроводовъ.

Шестое вѣдомство — это всѣ страховыя отъ огня общества. Для нихъ вода дороже и нужнѣе чѣмъ для насъ хлѣбъ: онѣ должны непремѣнно принести свою лепту.

Седьмое вѣдомство — есть Горное, которое истратило уже большія суммы на рытье въ Подольскѣ, въ селѣ Троицкомъ и еще гдѣ-то. Дать тысячу-другую въ годъ для умноженіи уже добытыхъ ими свѣдѣній, для увеличенія своихъ опытовъ по этой части, это уже ничего для него, кажется, нестоитъ.

Петровская академія вѣрно съ удовольствіемъ принесетъ свою тысячу для столько важныхъ ей опытовъ.

И такъ, раздѣлить нужныхъ 50 т. на девять вѣдомствъ, и мы будемъ должны всѣ платить тысячи по полторы въ годъ, впродолженіе предполагаемыхъ четырехъ лѣтъ съ половиною.

Г. Архитекторъ предлагаетъ накинуть по 10 процентовъ на случай, если матеріалы вздорожаютъ. А можетъ быть матеріалы подешевѣютъ, такъ иной посовѣтовалъ бы съ такимъ же основаніемъ, скинуть по 10 процентовъ. И потому уже лучше останемся при назначенной смѣтѣ. Что касается до круглыхъ чиселъ, которыми насъ иногда подчуютъ, то я лучше люблю угловатыя, лишь бы онѣ были помельче.

Мнѣ кажется, что назначенную смѣту можно уменьшить еще значительно. Г. Бабинъ предлагаетъ на покупку машинъ и проч. 15 т., а на производство работъ 35. Нашъ острогъ наполненъ колодниками. Круглымъ числомъ сидитъ ихъ тамъ по тысячѣ человѣкъ, и всѣ они, большею частію, ничего не дѣлаютъ. Наши тюремные комитеты заботятся болѣе всего о томъ, чтобъ аре-

стантамъ было тепло, чтобъ они были обуты, одѣты хорошо, сыты. Добрыс люди кормятъ ихъ часто калачами, такъ что жизнь въ острогѣ бываетъ лучше, чѣмъ порядочнымъ людямъ дома. Все это прекрасно и похвально, но лучше всего, еслибъ арестанты были безпрестанно заняты. Праздность есть мать пороковъ. Мнѣ случалось видѣть въ моихъ путешествіяхъ нѣсколько остроговъ: грустно смотрѣть на это здоровое и праздное народонаселеніе! Арестанты нужны бываютъ для допросовъ: не вся же тысяча ежедневно допрашивается. Развѣ нельзя раздѣлить ихъ на сотни по очереди дѣлъ, и устроить такъ, чтобъ всякій день была готова нужная на очереди для допросовъ. Это будетъ благодѣтельною мѣрою и для частныхъ нашихъ домовъ. Пьянство насъ одолѣло: безпрестанно слышится о воровствахъ, грабежахъ и убійствахъ, несмотря на тысячу полицейскихъ солдатъ, которыхъ мы содержимъ, и которые не могутъ приносить пользы, несмотря на свою денную бдительность. Съ прислугою, съ мастеровыми, съ фабричными, сладу нѣтъ. Они проспятся на съѣзжей, а на другой день выпущенные опять за то же принимаются, а еслибъ они знали, что завтра попадутъ на копаніе артезіанскаго колодца, то немножко можетъ быть и поостереглись. Хорошо, еслибъ мѣсто артезіанскаго колодца было выбрано гдѣ нибудь между Петровскимъ паркомъ и Марьиной рощей, въ сосѣдствѣ съ острогомъ.

Такою работою, полезною въ нравственномъ отношеніи, мы сократили бы еще наши расходы, и всѣмъ вѣдомствамъ пришлось бы вносить по бездѣлицѣ.

А если Богъ дастъ намъ воду, о тогда мы беремся съ благодарностію выплатить, если не всю сумму, то половину большей части означенныхъ вѣдомствъ. Тогда намъ будетъ, изъ чего платить, а теперь употребить 50 т. р. на неизвѣстное, повторяю тяжело.

Заключаю: представить генералъ-губернатору мысль объ употребленіи арестантовъ и колодниковъ на работу, и отнестися ко всѣмъ означеннымъ вѣдомствамъ съ приглашеніемъ принять участіе.

(Замѣчательно и знаменательно, что гг. гласные единосѣдально хотя и молча рѣшили ни къ кому не обращаться съ предложеніемъ участія).

## XXIII.

## О бойняхъ.

*10 и 16 дек. 1865 г.*

Положеніе московскихъ боенъ, судя по докладу коммиссіи, ужасное. Это что-то дикое, варварское, даже не азіятское — только во внутренней Африкѣ можно развѣ встрѣтить подобное явленіе. Какъ же онѣ терпятся въ благоустроенномъ европейскомъ городѣ? Чего же смотритъ Полиція, которая стоитъ намъ сотни тысячъ въ годъ? Представленный докладъ слѣдуетъ, по моему мнѣнію, сообщить гг. Генераль-губернатору и Оберъ-Полицеймейстеру которые, разумѣется, примутъ тотчасъ зависящія отъ нихъ мѣры, чтобъ дѣло приняло сколько нибудь сносный видъ, и зло было уменьшено. Мы увѣрены въ готовности и благонамѣренности нынѣшняго нашего начальства, которое искренно желаетъ добра и чуждается всѣхъ мелкихъ разсчетовъ самолюбія. Ему вѣрно было неизвѣстно положеніе боенъ, потому что по преданію господствуетъ у насъ по всѣмъ вѣдомствамъ бумажное, кабинетное управленіе; получивъ докладъ, оно ужаснется не меньше нашего, тѣмъ болѣе, что по послѣднимъ распоряженіямъ Генералъ-Губернатора, примѣтна его попечительность о городской опрятности, столько важной во всѣхъ отношеніяхъ.

Коммиссія предлагаетъ выстроить свои, городскія бойни, въ числѣ пяти, которыя будутъ стоить около 200 т. р.

Принимать на себя городу такую обузу, (строить, заводить и содержать), при множествѣ другихъ дѣлъ, по моему не цѣлесообразно.

И что же? Мы построимъ и присвоимъ себѣ монополію? По какому же праву? Мы должны содѣйствовать всякой промышленности, а не поражать цѣлый промыслъ. Это мы сдѣлаемъ съ доброю цѣлью. Да развѣ есть монополія, которая бы не ограждалась подобными разсужденіями! Нѣтъ, нынѣ съ доброй цѣлію мы возьмемъ на себя бить скотъ, а завтра съ тою же доброю цѣлію примемся продавать мясо. Гдѣ же будетъ предѣлъ добрыхъ цѣлей? Нѣтъ, это не наше дѣло. Да мы можемъ остаться даже въ большомъ убыткѣ, безъ узаконенной монополіи. Громъ не грянетъ, русскій человѣкъ не перекрестится, говоритъ пословица: мы

построимъ стотысячныя бойни, а промышленники постр оятъ малыя, ухитрятся уменьшить расходы, будутъ бить скотъ дешевле, и переманятъ къ себѣ нашихъ пріятелей, которымъ всегда пріятнѣе имѣть дѣло съ своимъ братомъ, нежели съ обществомъ.

Что же дѣлать? По моему надо призвать въ Думу или коммиссію всѣхъ промышленниковъ этого рода, Московскихъ обывателей, объяснить имъ положеніе вопроса, доказать, что въ настоящемъ положеніи онъ оставаться не можетъ, предъявить наши требованія, показать наши планы, и убѣдить, чтобъ они принялись строить новыя бойни, сообща, или поодиначкѣ, или товариществами, на паяхъ, и объявить рѣшительно, что въ противномъ случаѣ городъ принужденъ будетъ строить самъ, а они лишатся своего дѣла. Не надо стѣснять ихъ никакими образцами, а изложить условія только въ общихъ чертахъ. Можно предложить имъ даже ссуду, подъ залогъ возводимыхъ ими зданій.

Намъ предлагаютъ построить бойни, въ 80 т. каждая: но нельзя ли на первый случай построить для образчика самую малую, смотря на которую и другіе принялись бы строить подобныя. Можно объявить на нее и конкурсъ. Цѣль была бы достигнута, городъ не затратилъ бы ничего (полпроцента съ подати и долой см. выше), и промышленники не имѣли бы права жаловаться. Мы должны вразумлять, помогать обывателямъ, какимъ бы кто промысломъ не занимался, а не стѣснять, не мѣшать, не вредить. Нельзя выразить здѣсь желаніе, чтобъ волки были сыты, а овцы (коровы и волы), были цѣлы, ибо на бойнѣ уцѣлѣть имъ нельзя, но по крайней мѣрѣ можно пожелать, чтобъ онѣ кончали жизнь безъ мукъ.

## XXV.

## ЗАМѢЧАНІЯ

### къ докладу финансовой коммиссіи о городской росписи на 1866 годъ.

*Декабря 20.*

О почтенныхъ, дѣльныхъ, полезныхъ трудахъ коммиссіи, я имѣлъ случай говорить нѣсколько разъ. Нынѣшній трудъ не уступаетъ прежнимъ въ разнообразныхъ своихъ достоинствахъ. Замѣчанія мои

относятся къ нѣкоторымъ частностямъ и недоразумѣніямъ, насколько, впрочемъ, случилось мнѣ, при другихъ моихъ занятіяхъ, ознакомиться съ докладомъ. Не придавая своимъ замѣчаніямъ никакой особенной цѣны, я вмѣстѣ съ симъ слагаю съ себя и отвѣтственность за нихъ. Насъ гласныхъ съ старшинами около 200: еслибы всѣ удѣлили на разсмотрѣніе по стольку же времени, порознь и вмѣстѣ, то можетъ быть и вышло бы что нибудь хорошее. Дѣло — новое. Будемъ дѣлать каждый по своему разумѣнію и по своимъ силамъ. Надо намъ привыкать и пріучать другъ друга къ подобнымъ занятіямъ. Вотъ почему я и печатаю свои бѣглыя замѣчанія въ родѣ корректуръ.

—

Коммиссія, исчисляя новыя сооруженія города говоритъ, что онѣ совершены или совершаются безъ всякаго увеличенія существующихъ налоговъ.

А увеличеніе прежняго такъ называемаго поземельнаго сбора тысячъ на 200 послѣ совершенной въ Москвѣ переоцѣнки имуществъ?

Прибавьте къ этому 100 тысячъ, снятыхъ правительствомъ изъ нашихъ обязательствъ. Вотъ что, съ новыми доходами, и помогло собственно приступить къ новымъ сооруженіямъ.

Сумма городскихъ капиталовъ увеличилась почти на 270 т. р.— Это увеличеніе происходитъ преимущественно вслѣдствіе взысканныхъ недоимокъ 123 т. — и разныхъ процентовъ. Здѣсь намъ хвалиться много еще нечѣмъ! А 78 т. оставшихся отъ доходовъ 1864 г. можно вмѣнить себѣ въ заслугу, если онѣ остались вслѣдствіе какихъ нибудь особыхъ распоряженій, о которыхъ и нужно поясненіе.

—

Соединеніе разныхъ городскихъ капиталовъ въ одинъ и обращеніе его въ выгодныя процентныя бумаги, о которыхъ ходатайствовала еще въ прошедшемъ году коммиссія, а за нею Дума, останавливается за не полученіемъ разрѣшенія. Нельзя не удивляться этому замедленію, такъ какъ оно не представляетъ, кажется, никакихъ затрудненій и сомнѣній, а между тѣмъ лишаетъ городъ значительнаго дохода.

—

Ходатайство о сложеніи съ города 157 т. остальнаго долга Гос. Заемному Банку, за постройку арсенала, театра, и проч.,

все еще продолжается, не смотря на то, что многія высшія инстанціи признавали и признаютъ ходатайство справедливымъ. Остановилось дѣло теперь, кажется, въ министерствѣ финансовъ.

—

Съ 1831 по 1858 г. отпускалось на украшеніе столицы по 100 т. Мы не знаемъ какъ эти деньги расходовались и просили о сообщеніи свѣдѣній, а теперь не знаемъ куда и подлинное дѣло запропастилось? Ужъ хоть бы концы въ воду!

—

На управленіе строительною частію, которое переходитъ къ городу изъ округа, назначается 20 т., а округу мы давали 12 т. съ небольшимъ. Слѣдовательно управленіе въ нашихъ рукахъ будетъ дороже: зачѣмъ же такъ? Не видать еще, входитъ ли въ составъ этихъ 20 тысячъ содержаніе прежняго стола строительнаго въ канцеляріи Думы. (5).

—

Содержаніе Думы увеличивается слишкомъ на 9 т. р., въ особенности вслѣдствіе новыхъ работъ по сбору казеннаго налога: нельзя ли возложить этихъ работъ на тѣхъ изъ прежнихъ чиновниковъ, у которыхъ по наблюденіямъ есть лишнее время? (6).

—

Увеличеніе окладовъ для полицейскихъ врачей справедливо и нужно, на что Дума выразила свое согласіе въ прошломъ году. Министерство внутреннихъ дѣлъ не утвердило по причинѣ вновь составляющихся штатовъ! Желудки однакожъ не дожидаются штатовъ, и пищи просятъ, отвергая гомеопатію.

—

По вопросу о квартирахъ для двухъ полицейскихъ врачей коммиссія докладываетъ, что «Распорядительная Дума не успѣла совершить, согласно предположенію Общей Думы, осмотръ полицейскихъ зданій,» и потому коммиссія «признаетъ справедливымъ повторить свою просьбу.... произвести необходимый осмотръ.... хоть въ 1866 году» и проч. А до осмотра-то гдѣ же помѣстятся эти чиновники: между небомъ и землею? И въ чемъ же состоитъ особенная трудность осмотрѣть два дома, Якиманской и Басманной части? По чему же не съ нихъ и начать было осмотръ? Странно читать въ оффиціальномъ докладѣ такія отговорки.

—

Очищеніе нечистотъ, которое обходится городу очень дорого (однихъ улицъ и площадей 15 т. р.), значительною частію, кажется, можно бъ было возложить на арестантовъ, какъ это прежде было въ обыкновеніи. Работать, работать надо заставить арестантовъ, хотя бы пересыпая изъ пустаго въ порожнее, если не найдется когда никакаго дѣла.

—

Коммиссія отдаетъ справедливость уменьшенію суммы на отопленіе Думы, но все-таки часто здѣсь бываетъ очень жарко, даже безъ жаркихъ преній, и не худо было бы завести термометры по заламъ, а для прочихъ зданій уменьшить, судя по этому опыту, количество отпускаемыхъ дровъ. Казенными дровами топить это способъ самый лучшій, говорилъ покойный Баронъ Брамбеусъ. Но пора вѣдь и честь знать? Тюремный комитетъ показываетъ, что у него осталось около $2\frac{1}{2}$ т. р. отъ полученной имъ суммы на отопленіе. Такъ почему же эту сумму не зачислить хоть въ число слѣдующей на 1866 г.? (10).

—

Инженеръ-технологъ для наблюденія за построеніемъ газоваго завода съ жалованьемъ по 2 т. р. въ годъ кажется ненужнымъ. Подрядчики должны для себя строить заводъ наилучшимъ, целесообразнѣйшимъ образомъ, зная, что при окончаніи они должны будутъ передѣлать все негодное, по требованію и условію Думы. Ему слѣдуетъ поручить другія дѣла, которыхъ у насъ много. (11).

—

На постройки требуется около 85 т., причемъ коммиссія выражаетъ свое предположеніе, что вѣрно будетъ нужно употребить до 100 т. р.—Рѣшительно понять нельзя, на какія же постройки потребуется такая огромная сумма, сто тысячъ рублей! Можно ли объ ней выражаться такъ глухо! Хоть бы назвать по имени эти постройки 1866 года, и вмѣстѣ указать, что построено на такую же сумму въ 1865 г.! Нельзя не удивляться такой безотчетности, хоть и свѣжо преданіе! (12).

—

На ремонтъ казармъ отпускалось ежегодно по 33 т. руб. Къ этой суммѣ, сверхъ смѣты, въ 1864 г. прибавлено 16 т.; въ 1865 г. 22 т. И между мѣмъ казармы всѣ приняты «въ самомъ разстроенномъ видѣ.» Кто же долженъ отвѣчать за этотъ самый разстроенный видъ? Теперь требуется на 1866 г. сверхъ 33 т.

еще 20 т., и того на одинъ ремонтъ 52 тысячи! Нужно бъ представить отчетъ хоть за 10 лѣтъ, по скольку отпускалось, по чьимъ требованіямъ, и на какое употребленіе, — да и провѣрить въ натурѣ все сдѣланное, или лучше сказать, не сдѣланное. Или: до Бога высоко, а до царя далеко! Авось все съ рукъ сойдетъ! Нѣтъ, не мѣшала бы по временамъ хоть маленькая острасточка!

—

Квартирныхъ денегъ выдается раненымъ штабъ-офицерамъ отъ города болѣе 50 т. р. Почему же именно одна Москва должна выдавать такую огромную сумму, — и на какомъ основаніи? Иные, слышно, и не живутъ въ Москвѣ, а только числятся живущими, чтобъ получать отъ Думы квартирныя деньги. Кажется — приличнѣе выдавать квартирныя деньги самому комитету о раненыхъ. Это расходъ законный, но не городской, а государственный.

—

Содержать городу арсеналъ, ордонансъ-гаусъ, также нѣтъ кажется, никакаго разумнаго основанія. (15).

—

Разсматривая отдѣленіе VI, я увидѣлъ, что городъ помогаетъ Университетской Клиникѣ, Румянцовскому музею, и проч. и вспомнилъ о возраженіяхъ, какія были сдѣланы моему предложенію отнестись въ разныя вѣдомства съ приглашеніемъ участвовать въ расходахъ на рытье артезіанскаго колодца. Одинъ членъ сказалъ: имѣемъ ли мы право относиться съ приглашеніемъ.... Ну, вотъ вы видите, что къ намъ другія вѣдомства относились не только за участіемъ, но даже за вспоможеніемъ; ясно, что и мы имѣемъ одинакое право относиться къ нимъ приглашеніями. Да нетолько Дума, но и частный человѣкъ имѣетъ это право, слишкомъ невинное. Другой членъ выразилъ мнѣ, что вѣдомства помогающія или участвующія захотятъ принять участіе и въ выгодахъ предпріятія. А мы что̀ получаемъ отъ исчисленныхъ заведеній, кромѣ общей пользы?

—

Учрежденіе статистическаго отдѣленія при Думѣ на деньги, которыя до сихъ поръ мы отпускали въ канцелярію Генералъ-Губернатора, вполнѣ основательно. — Здѣсь у насъ встрѣчаются безпрестанно вопросы, для которыхъ необходимы статистическія справки и показанія.

—

По VIII отдѣленію предполагается отпускать на мелочныя и непредвидѣнныя издержки въ 1866 г. тоже 25 тысячъ р., какъ и въ 1865 г. Но куда же употреблены эти 25 т. р. въ 1865 г., объ томъ ни слова. И какимъ образомъ издержки называются непредвидимыми, а объ нихъ предвидится, что не произойдетъ никакихъ измѣненій, сравнительно съ прошлымъ годомъ, и что слѣдуетъ опять издержать 25 т. р.! ! Это уже не только не непредвидимость, но стереотипность. (18).

—

На замощеніе расходуются огромныя суммы. Въ 1861 г. 94 т. въ 1862 г. 157, въ 1863 г. 71 т. и потомъ ежегодно по 60 т. р. Нужно бы указывать, какія пространства во все это время были послѣдовательно вымощены.

Я живу на Дѣвичьемъ полѣ, и вижу ежегодно, какъ мучатся печальные поѣзды къ Дѣвичьему монастырю, осенью, зимою, и весною. Иногда они вязнутъ въ снѣгу и тонутъ въ грязи, и ни въ рай, ни въ адъ попасть не могутъ. Параллельный переулокъ Савинской находится еще въ томъ видѣ, какъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Спрашивается: если такое видное и нужное мѣсто до сихъ поръ не замощено, то на какія мѣста употреблены по сту тысячъ почти въ 61 и 62 г., а въ 63 г. 150 т. Кажется, я знаю Москву, и не понимаю, какимъ мѣстностямъ могло уступить наше Дѣвичье поле, или, наша по старому, Царицынская улица.

—

Коммиссія совершенно справедливо замѣчаетъ, что при преобразованіи Думы, и умноженіи средствъ уже не нужно «подробное обозрѣніе городскаго хозяйства столицы» со стороны чиновниковъ, въ канцелярім Генералъ-Губернатора, которымъ выдавалось прежде 4 т. р.—Нѣтъ никакаго труда, не должно быть никакого и вознагражденія. Потому и временная коммиссія для веденія общественнаго управленія должна быть уничтожена, и мы сохранимъ еще 4 т. (20).

—

Съ какой стати городу выписывать журналовъ для ордонансъ-гауза на 75 р. Что разумѣть подъ посудою для казармъ на 3600 р.? На стекла 500 р.!

—

Съ особеннымъудовольствіемъ слѣдовалъ я по докладу до 34 страницы, находя вездѣ дѣльныя замѣчанія, полезныя указанія, разумныя

предположенія коммиссіи, какъ-будто меду черпалъ я изъ полной кадки,—но съ 35 страницы я началъ ощущать на языкѣ какую-то горечь, которая, наконецъ, на 37 страницѣ стала для меня истинною ложкою дегтю. Коммиссія утверждаетъ, что предлагаемый Распорядительною Думою осьмипроцентный размѣръ налога на недвижимыя имущества рѣшительно не достаточенъ, и заключаетъ о необходимости установить на будущій годъ девятипроцентный оцѣночный налогъ. Помилуйте! Всѣ высшія инстанціи, всѣ коммиссіи въ свѣтѣ и всѣ комитеты въ Петербургѣ, уменьшаютъ обыкновенно смѣты, понижаютъ количество расходовъ, представляемыхъ ими на разсужденіе, а наша коммиссія возвышаетъ ихъ и увеличиваетъ! Если Распорядительная Дума находитъ возможнымъ понизить сборъ на два процента, а ей это дѣло ближе къ сердцу, или къ рукамъ, потому что она должна удовлетворять всѣ требованія, и выдавать деньги, то коммиссіи-то что за радость говорить ей: нѣтъ, этого тебѣ мало, на тебѣ еще процентъ, то есть на тебѣ еще сто тысячъ на расходы—пусть обыватели приплатятъ! (22).

Приличнѣе было бы сказать: вы требуете осьми процентовъ; нельзя ли удовольствоваться шестью, ну, хоть семью?

Коммиссія говоритъ, что понадобится до 50 т. на учрежденіе мировыхъ судей. А я на это отвѣчаю, что такою же суммою должно уменьшиться содержаніе полиціи, ибо на мировыхъ судей ляжетъ часть обязанностей полиціи. Нельзя же содержать городу въ одинаковой степени и полицію и мировыя учрежденія, за исполненіе однѣхъ и тѣхъ же обязанностей.

Постройку боенъ еще можетъ быть случится предоставить частной предпріимчивости, — вотъ и еще 50 т.

Итого сто тысячъ предвидится сберечь, другими словами девятый процентъ!

А бойни если уже строить надо будетъ непремѣнно, то слѣдовало бъ ходатайствовать о позволеніи употребить на нихъ тѣ деньги, которыя теперь мы употребляемъ на поддержку театра. Хорошія бойни намъ нужнѣе театра, съ италіанскою оперою включительно.

Мы имѣемъ еще въ перспективѣ акцизъ съ вина!

Въ прошломъ году коммиссія требовала два процента, и назначила десять вмѣсто осьми, (противъ чего я также спорилъ),— оказался остатокъ.

Такіе остатки немудрено устроивать, да они не соотвѣтствуютъ

нашей первой обязанности: облегчать елико возможно тяжесть налоговъ. Соберите лишнее, ну оно и останется. Да на что ему оставаться, на что брать лишнее? Довлѣетъ дневи злоба его, а нынѣшніе дніе куда какъ злы! Коммиссія утѣшается, кажется, очень большими остатками, и любуется красотою баланса. Здѣсь нѣтъ ничего утѣшительнаго. Вотъ тѣ капиталы утѣшительны, которые составятся изъ бережливости и хозяйственности, которые извлекутся изъ новыхъ источниковъ! Сама коммиссія оказала въ этихъ отношеніяхъ большія услуги городу, что и засвидѣтельствовано мною выше, и мы ей очень, очень благодарны, но на девятый процентъ горько жалуемся, предпочитая ему рѣшеніе Распорядительной Думы!

(По внезапной болѣзни, я не могъ присутствовать въ засѣданіи Думы, гдѣ утверждалась смѣта. Послѣ я узналъ, что было принято мнѣніе Финансовой коммиссіи, и рѣшено платить по 9-ти процентовъ съ дохода, а не по 8, какъ считала достаточнымъ сама Распорядительная Дума. Для меня любопытно было узнать, велико ли было большинство, возложившее на себя руку, — и что же я получилъ въ отвѣтъ: ни одного голоса не было противъ, то есть ни одной ноги не поднялось, чтобъ встать. Единогласно, то есть единосѣдально, былъ принятъ девятый процентъ. Ну, вотъ и покажите мнѣ другое собраніе въ Европѣ, которое относилось бы съ такимъ самоотверженіемъ къ своимъ собственнымъ интересамъ, и такъ страдательно принимало на себя всякія тягости, какія бы кто ни наложилъ на него; такъ мало показывало бы желанія не соглашаться, спорить, протестовать. Для меня, какъ для историка, это знаменательное явленіе! Замѣчу только, что такую уступчивость, сознательную и безсознательную, надо беречь и щадить.)

## XXV.

### ВООБЩЕ О МОСКОВСКОЙ ДУМѢ.

Правительство, призвавъ насъ къ участію въ управленіи, возложило на насъ обязанность пещись о благосостояніи города. Жаловавшись на прежніе порядки, опущенія, и злоупотребленія, мы должны доказать преимущество новыхъ порядковъ, и стыдно было бы намъ, еслибъ мы, въ числѣ почти 200 человѣкъ, облеченныхъ довѣренностію обывателей, не съумѣли произвести зна-

чительныя улучшенія, и, главное, облегчить лежащее на насъ бремя податей. Вы жаловались, ну чтожъ вы сами для себя лучше сдѣлали? спросило бы насъ съ полнымъ правомъ правительство.

Теперь мы затруднимся, можетъ быть, отвѣчать рѣшительно на этотъ вопросъ, по новости дѣла, но должны покрайней мѣрѣ приготовить для нашихъ преемниковъ возможность достигнуть этой цѣли. Пусть каждый гласный скажетъ хоть что нибудь, по крайнему своему разумѣнію: Съ міра по ниткѣ, голому рубашка! Моя нитка—вотъ она:

Предложу сперва нѣсколько общихъ замѣчаній:

Дума, въ личномъ своемъ составѣ, самомъ разнообразномъ, дворянъ потомственныхъ, личныхъ, купцовъ, мѣщанъ и ремесленниковъ, представляла мнѣ, какъ наблюдателю, утѣшительное зрѣлище, — и всякій Русской человѣкъ долженъ находить въ этомъ зрѣлищѣ истинное удовольствіе: всѣ сословія составляли одно дружное общество, безъ малѣйшей сословной розни, ревности, или какого бы то ни было непріятнаго чувства, такъ что въ нашихъ собраніяхъ и не различишь князя или графа съ простымъ ремесленникомъ или лавочникомъ, что касается до взаимныхъ отношеній. Далѣе — дворянству предоставлялася полная свобода говорить и дѣйствовать; никто изъ другихъ сословій не показывалъ ни малѣйшаго расположенія ему поперечить. А дворянство въ свою очередь не обнаруживало ни малѣйшаго расположенія господствовать. Такое простое, искреннее обращеніе между собою, такое общее доброжелательство, безъ всякихъ притязаній или заднихъ мыслей, служитъ для меня доказательствомъ прекрасныхъ историческихъ и физіологическихъ основаній въ Русскомъ сердцѣ. Не только ссоры, не только крупнаго разговора, косыхъ взглядовъ, впродолженіи трехъ лѣтъ, я не замѣтилъ ни однажды. Козней или интригъ, стачекъ — никакихъ, точно такъ и намѣренія провести ту или другую мысль: — одинъ думаетъ такъ, другой иначе, но желанія поставить на своемъ не замѣчалъ я ни разу, начиная отъ Головы и до послѣдняго гласнаго. Кажется всякій говоритъ: я думаю такъ, а впрочемъ какъ угодно. Спорить не было видно охоты ни у кого.

Это прекрасная сторона собранія, а вотъ что дурно: живаго, сердечнаго участія въ дѣлѣ, какъ бы оно было свое, до сихъ поръ примѣчается мало. Всякой какъ будто думаетъ про себя: пусть

идетъ какъ идетъ, моя хата съ краю, ничего незнаю. Расходъ въ милліонъ, во сто тысячь, въ десять рублей, рѣшается одинаково. Придти въ засѣданіе гласный придетъ, особенно если ему дѣлать нечего, а если не случится, то такъ тому и быть. Предсѣдатель, кто бы онъ ни былъ, можетъ поворачивать дѣла, какъ хочетъ, и, при малѣйшемъ дипломатическомъ искусствѣ, управлять почти самовластно. Слѣдовательно, заключаю я, самоуправленіе не заключаетъ въ себѣ ничего для насъ слишкомъ пріятнаго, кто бы что ни говорилъ, по крайней мѣрѣ на эту пору. Придите княжить и владѣть нами: земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ—это слышится во всякомъ нашемъ общемъ дѣйствіи. Совѣтовательный голосъ, какъ въ старину, — вотъ дальше чего не идутъ наши притязанія, говоря вообще. Творчества, изобрѣтательности, зачина, не примѣчается вовсе. Лишь бы не задержать текущихъ дѣлъ, да не подпасть отвѣтственности, нареканію! Гласнымъ быть, никто, кажется, и не желаетъ, и радъ бы избавиться отъ этой обузы.

Собраніямъ нашимъ необходимо, покрайней мѣрѣ въ началѣ, пока общество непривыкло, сообщить болѣе простоты, чтобы не были онѣ похожи на засѣданія канцеляріи, составленной изъ чиновниковъ. А теперь длинный столъ, покрытый краснымъ сукномъ, за которымъ сидятъ чинно старшины, подъ предсѣдательствомъ князя, къ которому относятся иные гласные даже съ возглашеніемъ, совершенно неумѣстнымъ въ городской Думѣ: «ваше сіятельство», внушаетъ какой-то страхъ, и многіе нерѣшаются разинуть ротъ, не только предъявить свое мнѣніе, или поспорить.

Надо быть снисходительнѣе ко всѣмъ выраженіямъ, а не останавливать словами: это уже кончено, или: это не идетъ къ дѣлу! Должно помнить, что такія собранія у насъ только что заводятся. Если гдѣ, то именно у насъ должно быть правиломъ: не всякое лыко въ строку. У насъ часто клещами надо вырывать мнѣнія: такъ гдѣ же тутъ зажимать ротъ!

Въ промежуткахъ между двумя частными засѣданіями, около чайныхъ столовъ, я замѣчалъ, говорится часто гораздо болѣе дѣльнаго, покрайней мѣрѣ искренняго, чѣмъ около краснаго стола.

Нужно объявить, чтобы всѣ, имѣющіе какое нибудь мнѣніе, или желающіе сдѣлать какое нибудь замѣчаніе, обращались къ

секретарямъ, которые и доводили бы заявленія до свѣдѣній Думы въ первое слѣдующее засѣданіе.

Въ засѣданіяхъ непремѣнно должно предсѣдателю обращаться къ собранію съ вопросомъ: нѣтъ-ли чего у кого для объявленія Думѣ, или назначать особыя собранія для разсужденія объ общихъ внѣ текущихъ дѣлахъ.

—

Необходимо нужно, чтобъ въ Думу сообщались постоянно гласными извѣстія о происшествіяхъ въ городѣ: о пожарахъ, о кражахъ, о дѣйствіяхъ полиціи, добрыхъ и худыхъ, со всѣми характеристическими подробностями. Такія оглашенія будутъ очень полезны, относительно дѣйствующихъ лицъ. И полицейскій, и пожарный, и чиновникъ, поопасется иногда сдѣлать то или другое, когда онъ будетъ увѣренъ, что его дѣйствіе сдѣлается тотчасъ предметомъ общаго обсужденія. Самое лучшее и удобнѣйшее время, для такихъ сообщеній,—это предъ началомъ засѣданія. Полчаса, отъ 6½ до 7, или часъ—много добра произвести могутъ!

—

Теперь предложимъ нѣсколько частныхъ замѣчаній:

I. Общая Дума должна имѣть ясное и обстоятельное понятіе о составѣ Распорядительной Думы. Какія дѣла предоставлены каждому изъ ея членовъ, и что относится къ занятіямъ общимъ, рѣшается собраніемъ всѣхъ членовъ. Общая Дума должна знать предметы занятій каждаго стола и всѣхъ чиновниковъ канцеляріи. Теперь мы не имѣемъ объ этомъ никакого понятія, а съ перваго взгляда въ росписаніи кажется, что нѣкоторые должности могли бы быть соединены. Прежняя Дума со всѣми подвѣдомственными ей учрежденіями стоила городу до 50 тысячъ, по свѣдѣніямъ 1862 г., а нынѣшняя стоитъ болѣе 100 т., то есть вдвое болѣе. Спрашивается, какъ произошло такое увеличеніе, и вознаграждается ли оно соразмѣрнымъ улучшеніемъ нашихъ дѣлъ.

Г. Градской голова сдѣлалъ представленіе о назначеніи новыхъ 10 тысячъ р.: по нашей личной довѣренности къ нему, мы исполнили его желаніе, но мы не знаемъ, какіе чиновники получили вознагражденіе изъ этой суммы, и за что именно.

II. Годичныя смѣты наши расходовъ и доходовъ, обсуждались въ одно или два засѣданія, съ величайшею торопливостію, а такое важное дѣло неможетъ, и не должно рѣшаться на срокъ: оно тре-

буетъ зрѣлаго и всесторонняго разсмотрѣнія по всѣмъ частямъ и ихъ подробностямъ. Слѣдовательно въ началѣ года г. Городской Голова долженъ принимать мѣры, чтобъ смѣты были готовы, если не къ 1 Августа, какъ назначено и въ правилахъ, то покрайней мѣрѣ къ 1 Декабря, и потомъ подверглось бы сужденію впродолженіи хотя бы десяти собраній. Нынѣшняя смѣта на три миллиона порѣшена въ два-три часа! Мы платимъ по 10 процентовъ съ доходовъ, и должны еще приплачивать около двухъ процентовъ такъ названнаго казеннаго налога. Прибавьте еще нѣсколько необходимыхъ расходовъ, на полицію, на мостовыя, на дворниковъ и т. д. не управишься и 25-ю! Это налогъ очень тяжелой.

III. Отбираніе мнѣній посредствомъ сидѣнья и вставанья оказалось положительно не цѣлесообразнымъ. Доказательствомъ служитъ, что почти всѣ гласные желали въ 1864 г. платить по 8 процентовъ, съ доходовъ, а не по 10, но когда Голова объяснилъ, чтобъ несогласные платить по 10 встали, а согласные сидѣли, большинство и не двинулось съ мѣста. (А въ послѣдній разъ такъ не было ни единаго возраженія, см. выше). Такимъ образомъ, все зависитъ отъ предлагающаго вопросъ. Куда онъ хочетъ, туда и наклонитъ большинство! Мы любимъ сидѣть, и встать иному почтенному гласному кажется дѣйствіемъ, чуть ли не революціоннымъ. Сидѣть гораздо спокойнѣе и безопаснѣе, а лежать, говорятъ Китайцы, еще лучше!

IV. Для успѣшнаго и разумнаго разсужденія о предстоящихъ приходахъ и расходахъ, необходимо Думѣ знать о прошедшихъ, т. е. Распорядительная Дума должна сообщить Общей Думѣ обстоятельныя свѣдѣнія о дѣйствительномъ положеніи прихода и расхода, сравнительно съ прежнею смѣтою: какія предположенія оправдались съ успѣхомъ, какія были неудачны, что было причиною успѣха и неудачъ, гдѣ расходы были ниже смѣты, и гдѣ ее превысили, и почему; не открылись ли какіе новые виды и тому подобное. А то мы всякую смѣту встрѣчаемъ почти какъ новую, незная ничего о предшествовавшихъ.

V. Всегоже важнѣе и нужнѣе, какъ я имѣлъ честь заявить нѣсколько разъ для Общей Думы составляетъ имѣть вѣрное и ясное понятіе объ источникахъ городскихъ доходовъ и о существенныхъ нуждахъ города. Всѣ эти нужды и источники порознь должны быть изслѣдованы, обсуждены и опредѣлены. Для каждой статьи, изъ гласныхъ должно бы учредить по особой

коммиссіи, которая изслѣдовала бы ее во всѣхъ подробностяхъ, одинъ разъ на всегда. Разумѣется начать должно съ нуждъ, и опредѣлить по нимъ необходимое количество расходовъ. По количеству расходовъ надо опредѣлить и подать съ домовъ, имѣя въ виду прочія статьи городскихъ доходовъ. Одинъ изъ нужнѣйшихъ расходовъ, напримѣръ, составляетъ содержаніе полиціи. Одна эта статья потребуетъ нѣсколькихъ засѣданій.

На одно изъ моихъ прежнихъ заявленій я получилъ въ отвѣтъ, что при управленіи Ген-Губернатора учреждена особая коммиссія для преобразованія полиціи, куда мы и избрали двухъ членовъ. И вотъ прошелъ слишкомъ годъ, а до насъ не доходило и слуха о дѣйствіяхъ этой коммиссіи, и дѣло остается in statu quo. Между тѣмъ какъ оно касается болѣе всего до насъ обывателей. Притомъ коммиссія посмотритъ на это дѣло со стороны Правительства, а мы посмотримъ съ своей стороны, какъ паціенты, часто отчаянные. Прибавлено 1000 или 800 новыхъ стражей, но улучшилось ли чрезъ то полицейское управленіе? Надо отобрать голоса отъ всѣхъ гласныхъ до единаго. Мы видимъ на всѣхъ перекресткахъ и площадяхъ по нѣсколько солдатъ праздношатающихся: какую пользу они приносятъ? Днемъ большая ихъ часть не нужна, что можно сказать по первому взгляду. А есть ли такой бдительный надзоръ по ночамъ, я не знаю! Слышалъ только отъ разныхъ надзирателей, которыхъ я распрашивалъ, что количество ихъ можетъ быть значительно сокращено, а мы на содержаніе ихъ дали еще прибавочныхъ 600 т. р. Вотъ какія суммы! Не могутъ ли эти солдаты быть замѣнены другими лицами?—и мало ли вопросовъ возникнетъ при этомъ разсужденіи. Можетъ быть отыщутся средства улучшить положеніе полиціи, безъ ущерба городскихъ расходовъ, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить однажды.

Полиція нужна для сохраненія порядка въ городѣ, но она вмѣстѣ исполняетъ губернскія и государственныя обязанности, слѣд. содержаніе должно быть раздѣлено между государствомъ, земствомъ и городомъ.

Такъ точно и помѣщеніе войскъ: для города Москвы ихъ нужна едва ли 10 часть, эту часть мы и должны помѣщать и отапливать, а прочія обязано содержать военное министерство.

О городскомъ освѣщеніи было разсуждаемо достаточно, но на присмотръ за освѣщеніемъ мнѣ случалось слышать много жалобъ

и извѣстій, что къ минеральному маслу прибавляется вездѣ много скипидару. Самъ я видалъ, какъ тускло горятъ нѣкоторые фонари.

VI. Мы говорили о приходахъ и расходахъ относительно полиціи, но есть еще много вопросовъ, относящихся до городскаго благоустройства, которые должны быть обсужены Думою, и до которыхъ мы почти не касались.

Вопросъ о торговой полиціи. Главные припасы — мука, крупа, ржаная и пшеничная, сѣно, овесъ, дрова, нельзя покупать у насъ, по крайней мѣрѣ, по мелочи, не подвергаясь опасности обмана, обвѣса, разныхъ примѣсей. Общая Дума не знаетъ ничего о положеніи торговой полиціи, которая, кажется должна быть совершенно преобразована. Мѣры противъ дороговизны главныхъ припасовъ непремѣнно должны быть пріисканы. На что это похоже, что у насъ въ Москвѣ цѣна сѣна восходила однажды до рубля за пудъ!

Дѣла хозяевъ съ жильцами должны бысь устроены и подчинены яснымъ, опредѣленнымъ правиламъ.

Вопросъ объ общемъ обязательномъ страхованіи домовъ необходимо поднять и устроить это общеполезное дѣло.

О Пожарной командѣ. Два обгорѣлыя дома противъ пожарнаго Депо стоятъ очевиднымъ доказательствомъ незавиднаго положенія этой части, не смотря на то, что лошади отличные хоть для бѣгу, и хотя мѣдные орлы на киверахъ горятъ какъ жаръ. Много бочекъ на послѣднемъ пожарѣ прискакало, говорятъ, безъ воды. Пожарные служители перепивались во время самаго пожара, въ которомъ сгорѣло 28 домовъ, раздѣленныхъ большими промежутками, около Серпуховскихъ и Калужскихъ воротъ, между двумя съѣзжими домами, близь фонтана и не далеко отъ рѣки!

Положимъ, что много слуховъ бываетъ ложныхъ, и обвиненій несправедливыхъ, но непремѣнно о всякомъ случаѣ въ Думу должны сообщаться свѣдѣнія, и сдѣлаться предметомъ разговоровъ, которые всегда могутъ имѣть полезное вліяніе на управленіе.

Съ домашнею прислугою обывателямъ, говорятъ, просто нѣтъ житья, и теряется всякое терпѣніе. Нужно обуздать такое своеволіе и положить границы безпутству. Точно тоже, или еще болѣе, должно сказать о мастеровыхъ, на которыхъ плачутся хозяева. Бей мужика рублемъ, говоритъ пословица. Мнѣ кажется,

что пени за проступки по жалобамъ такого рода послужили бы значительною острасткою для виноватыхъ. Пени моглибъ быть обращаемы въ пользу полиціи; чѣмъ значительно улучшилось бы ея положеніе. (См. выше).

Съ другой стороны слѣдуетъ позаботиться крѣпче о помѣщеніи и содержаніи мастеровыхъ и работниковъ.

Больницы, получающія содержаніе отъ города, напримѣръ Городская и Чернорабочая, должны поступить въ вѣдомство Думы, касательно назначенія врачей и чиновниковъ, касательно надзора и проч. на правилахъ, болѣе опредѣленныхъ.

За училищами, содержащимися на счетъ города, Дума непремѣнно должна имѣть свое наблюденіе.

Наконецъ Думѣ необходимо имѣть полное и подробное свѣдѣніе обо всѣхъ благотворительныхъ врачебныхъ и учебныхъ учрежденій въ городѣ, объ ихъ содержаніи, капиталахъ, количествѣ призрѣваемыхъ, ваканціяхъ,—равно какъ и о состояніи обществъ, купеческаго, мѣщанскаго и цеховаго, съ ихъ капиталами, доходами и расходами.

—

Мнѣ кажется, что полезно было бы объявить на конкурсѣ задачами слѣдующія сочиненія отъ Думы:

О обязанностяхъ городскихъ вообще, что должно лежать на отвѣтственности города, исправляемо городомъ.

О городскихъ доходахъ; съ чего городъ можетъ получать доходы, на что можетъ налагать подати.

Обозрѣніе городскаго управленія въ этихъ отношеніяхъ со времени нашествія Французовъ.

Сравнительное обозрѣніе городскихъ хозяйствъ, въ главныхъ Европейскихъ городахъ.

—

Отцы и братья! Простите, еже что не дописалъ или переписалъ. Исправливаите Бога деля, а не кляните!

**М. Погодинъ.**

**Дек. 26. 1865.**

## ОТВѢТЪ НА НѢКОТОРЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

Многоуважаемый издатель сборника, набросавъ свои, какъ онъ говоритъ, бѣглыя, корректурныя замѣчанія по поводу доклада Финансовой коммиссіи о городской росписи на 1866 годъ, съ лестною для насъ довѣренностью, обратился къ намъ съ просьбою просмотрѣть его замѣчанія, и сдѣлать на нихъ свои замѣтки, поясненія и даже возраженія, если бы мы нашли въ нихъ что либо невѣрное. Съ полною готовностью исполняемъ здѣсь желаніе М. П. Погодина, и выскажемъ откровенно наше мнѣніе по нѣкоторымъ отдѣльнымъ замѣчаніямъ его.

Въ замѣчаніи 5-мъ сказано: что на управленіе строительною частью при Думѣ назначено 20,000 р., между тѣмъ какъ на содержаніе IV округа путей сообщенія отпускалось только 12,000 р. «Слѣдовательно, прибавляетъ авторъ, управленіе въ нашихъ рукахъ будетъ дороже: зачѣмъ же такъ»? Вопервыхъ: содержаніе прежняго строительнаго управленія при Округѣ обходилось не въ 12,000 р., а всегда дороже 15,000 р.; слѣдовательно новый расходъ на это дѣло долженъ быть только на 5000 р. болѣе прежняго. Вовторыхъ — еслибы новое строительное управленіе обошлось бы и еще дороже, то и тогда бы нечего было сѣтовать на это, потому что при завѣдываніи этою частью самою Думою конечно значительно сократятся расходы на разные постройки и ремонты городскихъ зданій, о чемъ упоминаетъ и Финансовая Коммиссія въ своемъ докладѣ. Съ передачею всѣхъ городскихъ зданій въ завѣдываніе Думы, «безъ сомнѣнія прекратится, говоритъ коммиссія, и прежній, крайне неудобный и невыгодный для города порядокъ расходовъ на строительныя работы». Увеличенія расходовъ производительныхъ бояться нечего. Въ отношеніи же строительныхъ работъ оно даже рѣшительно необходимо именно въ томъ интересѣ, чтобы впередъ не повторялось такое безъотчетное расходованіе городскихъ суммъ, о которыхъ самъ г. Погодинъ говоритъ въ своемъ 12-мъ замѣчаніи. Все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы на будущее время Распорядительная Дума, которая будетъ завѣдывать городскими постройками, съумѣла оправдать новый усиленный расходъ (*).

---

(*) Больше ничего и не желаю. Ред.

Въ замѣчаніи 6-мъ авторъ предполагаетъ возможнымъ работы по сбору казеннаго налога «возложить на тѣхъ изъ прежнихъ (Коммиссія, по просьбѣ Росп. Думы, нашла нужнымъ усилить бухгалтерію) чиновниковъ, у которыхъ по наблюденіямъ есть лишнее время». Не знаемъ у кого изъ чиновниковъ Росп. Думы и сколько есть лишняго времени, но замѣтимъ только, что напрасно почтенный гласный не обратилъ вниманія на стр. 8 доклада коммиссіи, гдѣ заявлена необходимость просить правительство: на основаніи Высочайше утвержденнаго 4 января 1863 года мнѣнія Госуд. Совѣта о казенномъ налогѣ, ст. II, отчислить въ пользу города до 3% общей суммы налога, назначавшихся прежде на усиленіе уѣзднаго казначейства. Это ходатайство на столько справедливо, что не можетъ быть и повода къ сомнѣнію, чтобы правительство неуважило его. А это даетъ до 5000 р., которые съ лихвою вознаградятъ предполагаемые расходы на усиленіе бухгалтеріи.

Въ замѣчаніи 10-мъ авторъ предполагаетъ возможнымъ не-только уменьшить отпускъ дровъ на отопленіе нѣкоторыхъ содержимыхъ на счетъ города зданій, но и зачислять остатки отъ суммы на содержаніе тюремныхъ зданій въ число суммъ, осигнуемыхъ на это въ слѣдующіе года. Дума можетъ уменьшать расходы на содержаніе своего помѣщенія, сколько ей угодно. Это — ея право и обязанность. Что касается до другихъ зданій, то авторъ, какъ видно, не знаетъ, что отпускъ имъ топлива производится на точномъ основаніи особыхъ узаконеній и назначать менѣе, чѣмъ сколько положено по закону Дума никакого права не имѣетъ. Одинъ же только опытъ не имѣетъ здѣсь никакой силы. Пропорціи дровъ назначаются по особымъ росписаніямъ, цѣны же на дрова мѣняются; онѣ бываютъ иногда выше, иногда ниже цѣнъ прошлаго года, когда составляется смѣта. А слѣдовательно бываютъ или передержки или сбереженія. Послѣднія остаются въ городской казнѣ. Но Тюремный Комитетъ находится въ исключительномъ положеніи. Развѣ автору замѣчаній неизвѣстно, что по прямому требованію устава Попеч. Общ. о тюрьмахъ всѣ остатки отъ ассигнованныхъ суммъ, невозвращаются въ городскую казну, а слѣдовательно и не могутъ быть заключены въ число ассигнованія слѣдующаго года. Остатки эти всѣ сполна, какъ бы они ни были велики, поступаютъ по закону въ экономическій капиталъ Комитета. Что же тутъ дѣлать Думѣ?

Ничего, какъ только просить и просить о сокращеніи преувеличенныхъ расходовъ Тюремнаго Комитета, что Городское Общество и дѣлаетъ съ самаго 1863 года, т. е. съ открытія новой Думы (*).

Въ замѣчаніи 11-мъ г. Погодинъ отвергаетъ необходимость въ расходованіи 2000 р. на содержаніе инженера-технолога потому будто бы, что сами «подрядчики (газоваго освѣщенія) должны для себя строить заводъ наилучшимъ, цѣлесообразнѣйшимъ образомъ, зная, что при окончаніи они должны будутъ передѣлать все негодное, по требованію и условію Думы». Мнѣніе это совершенно несправедливо. Должность инженера-технолога совершенно неизбѣжна. И какимъ бы плохимъ хозяиномъ была Дума, если бы отказалась отъ надзора за построеніемъ газоваго завода, прокладкою трубъ и пр.! Правда, построить заводъ прочно, хорошо и правильно — необходимо столько же для Думы, сколько и для самихъ предпринимателей. Но сколько найдется въ контрактѣ условій, соблюденіе которыхъ необходимо для одной только Думы, и пожалуй не только не нужно, но и не выгодно для газоваго общества? Надо же кому-нибудь присмотрѣть за этимъ! Чужая душа потемки, говоритъ пословица: мало ли какія соображенія, невыгодныя для города, могутъ быть вообще у подрядчиковъ; нельзя же допустить ихъ осуществленіе. Опять таки нуженъ и здѣсь постоянный надзоръ за работами. По окончаніи же работъ не только трудно было бы передѣлывать испорченное, но многаго испорченнаго или сдѣланнаго не поусловію и замѣтить нельзя. Г. Погодинъ подозрѣваетъ, будто инженеръ технологу на столько мало дѣла, что ему слѣдовало бы поручать другія работы по Думѣ. На это отвѣтимъ только одно: въ теченіе всѣхъ лѣтнихъ мѣсяцевъ и инженеръ-технологъ долженъ почти неотлучно находиться при работахъ, и при томъ въ разныхъ концахъ Москвы, а въ прошлое лѣто работы шли слишкомъ усиленно, и требовали большаго надзора. Теперь, зимой, одно только испытаніе газовыхъ трубъ каждой порознь, требуемое контрактомъ, займетъ чуть не цѣлый день. Можемъ утѣшить почтеннаго автора тѣмъ, что за множествомъ работъ къ нашему технологу назначенъ еще и помощникъ (**).

(*) А я только хотѣлъ обратить большее вниманіе на эту просьбу. Ред.

(**) Утѣшаюсь. Ред.

Замѣчаніе 12-е. Всѣ высказанныя здѣсь недоумѣнія и сомнѣнія автора на счетъ неизвѣстности совершаемыхъ ежегодно строительныхъ работъ, достаточно, кажется намъ могутъ объясниться изъ самого доклада Коммиссіи. Укажемъ хоть на то мѣсто, при разборѣ IV отдѣленія росписи, гдѣ Коммиссія говоритъ о крайне неудобномъ и невыгодномъ для города прежнемъ порядкѣ завѣдыванія строительною частью при IV Округѣ. Въ этой неизвѣстности и преувеличенности расходовъ на работы, о которой упоминаетъ авторъ и состояла все зло прежняго порядка. На него указываетъ и сама Коммиссія.

Въ замѣчаніи 15-мъ содержаніе Ордонансъ-Гауза названо «неимѣющимъ раціональнаго основанія.» Содержаніе это возложено на Думу основнымъ городскимъ «Положеніемъ 13 апр. 1823 года,» вмѣстѣ съ содержаніемъ нѣкоторыхъ квартирующихъ въ Москвѣ войскъ. Какъ же можетъ Дума отказаться отъ этой обязанности? Что касается до арсенала, то еще въ 1863 году сама Дума признала незаконною лежащую на ней до нынѣ обязанность содержать его, такъ какъ на это учрежденіе должны отпускаться особыя суммы изъ артеллерійскаго департамента. Въ то время Дума просила освободить ее отъ этого расхода, но просьба ея остается безъ отвѣта. Теперь она проситъ о томъ же во второй разъ. Что же еще она можетъ сдѣлать?

Въ замѣчаніи 18-мъ г. Погодинъ удивляется ежегодному назначенію 25,000 на экстренныя, непредвидимые расходы и не признаетъ такихъ расходовъ. Да въ какомъ же частномъ и общественномъ хозяйствѣ не бываетъ такихъ расходовъ, и какъ же не имѣть на покрытіе ихъ запасныхъ денегъ? Да, непредвидимые расходы должны всегда и вездѣ имѣться въ виду. И напрасно автору кажется это страннымъ противорѣчіемъ. Если же ему не нравится самая сумма, именно — 25,000 р., то прибавимъ, что размѣръ этотъ опредѣленъ самимъ закономъ. Далѣе, г. Погодинъ спрашиваетъ: куда употреблены 25,000 р. въ 1865 году? Отвѣтимъ такимъ же вопросомъ: можно ли въ половинѣ 1865 года, когда составлялась роспись, давать отчетъ въ израсходованіи денегъ за весь 1865 годъ? Вѣдь отчеты составляются всегда по истеченіи года, и съ росписью на 1866 годъ былъ дѣйствительно представленъ отчетъ за 1864 годъ, и коммиссія разсматривала всѣ предметы, на которые были истрачены деньги изъ ассигнованныхъ 25,000 р.; и нашла все въ

порядкѣ. Если же не оговорила этого отдѣльно, то потому только, что признала невозможнымъ вообще строго разбирать представленные ей счеты, по причинамъ, объясненымъ ею въ концѣ доклада на стр. 50 — 51, на которыя и обращаемъ здѣсь особенное вниманіе автора. Мало того, по предложенію коммиссіи и Дума нашла нужнымъ даже просить о предоставленіи ей права самой утверждать отчеты, представляемые до сихъ поръ въ Казенную Палату, и объ учрежденіи для этого особаго контроля при Общей Думѣ.

Въ замѣчаніи 20-мъ авторъ признаетъ, между прочимъ, необходимымъ уничтожить Временную Коммиссію для введенія общественнаго управленія въ Москвѣ. Она уже уничтожена и расходъ на ея содержаніе исключенъ изъ росписи.

Замѣчаніе 22. Съ особеннымъ ожесточеніемъ напалъ г. Погодинъ на Коммиссію за то, что она позволила себѣ увеличить предложенные Расп. Думою 8°/₀ оцѣночнаго налога до 9°/₀, и ссылается на примѣръ всевозможныхъ коммиссій и казенныхъ учрежденій, обыкновенно уменьшающихъ, а не увеличивающихъ представленныя имъ смѣты. Но это дѣйствительно возможно тамъ, гдѣ смѣты безъ нужны раздуваются, а не Городской Думѣ, гдѣ каждый расходъ вносится въ роспись на основаніи существующихъ положеній или общественныхъ приговоровъ. И могла ли коммиссія и за нею Общая Дума не увеличить на 1°/₀, сравнительно съ проектомъ Расп. Думы, когда эта послѣдняя не могла имѣть въ виду такихъ крупныхъ расходовъ, какъ содержаніе мировыхъ судей, открытіе женскихъ начальныхъ училищъ, устройство артезіанскаго колодца, боенъ и пр.? Г. Погодину представился легкимъ способъ извлеченія понадобившихся 100,000 р. изъ слѣдующихъ двухъ источниковъ! сокращенія на 50,000 р. содержанія полиціи, такъ какъ на мирныхъ судей ляжетъ часть обязанностей послѣдней, и представленіе постройки боенъ частной предпріимчивости—еще 50,000 р. Ни то ни другое не справедливо. Все содержаніе мировыхъ судей должно бы обойдтись до 80,000 р., и если на нихъ назначено только 50,000 р., то потому, что по вступленіи ихъ въ должность будутъ упразднены нѣкоторыя учрежденія, и въ томъ числѣ нѣкоторыя части полицейскаго управленія. Если же авторъ и затѣмъ признаетъ возможнымъ сократить содержаніе полиціи еще на 50,000 р., то мы рѣшительно не знаемъ—какія должности имѣетъ онъ въ виду, и полагаемъ, что если сокращеніе это и возможно, то

не на такую большую сумму, да и кромѣ того она не можетъ совершиться такъ скоро, какъ потребуются деньги на мировыхъ судей. Что касается до боенъ, то Общая Дума, какъ должно быть памятно г. Погодину, уже положила устроить на первый разъ одну бойню на счетъ города; слѣдовательно о постройкѣ ея частною предпріимчивостью не можетъ быть и рѣчи. Откуда же было взять эти деньги—100,000 р., понадобившіяся на покрытіе всѣхъ расходовъ 1866 г. «Коммиссія, говоритъ авторъ, кажется любуется красотою баланса.» Если и не любуется, она обязана непремѣнно имѣть его въ виду и съ нимъ соображаться. «Очень уже большихъ остатковъ,» будто бы исчисленныхъ Думою, совсѣмъ не оказалось, потому что исчисленный коммиссіей остатокъ въ 170,000 р. почти весь уйдетъ на удовлетвореніе исчисленныхъ выше новыхъ усиленныхъ расходовъ. Въ заключеніе прибавимъ, что налогъ не можетъ быть тягостенъ для обывателя, если только онъ назначается на производительные расходы. При этомъ всякій лишній рубль изъ кармана обывателя вернется въ него всегда съ лихвою двухъ и трехъ рублей. Наконецъ, всегда благоразумнѣе и справедливѣе уменьшать налоги постепенно, какъ сдѣлала нынѣ Дума относительно оцѣночнаго сбора, сбавивъ его съ 10% на 9%, нежели вдругъ большими долями, потому что въ послѣднемъ случаѣ пожалуй не пришлось бы увеличить ихъ. А куда какъ трудно было бы тогда для обывателей!

М. Щепкинъ.

Благодаря за отвѣты на замѣчанія, отвѣчаю: авторъ принимаетъ ихъ всѣ на счетъ Коммиссіи или Думы. Совсѣмъ нѣтъ—большая часть ихъ относится къ тѣмъ вѣдомствамъ, отъ коихъ зависитъ рѣшеніе по нашимъ ходатайствамъ. Что же касается до прочихъ, то желаю устами его медъ пить.

М. П.

# ПРОГРАММА.

Изъ предлагаемаго теперь публикѣ сборника, можетъ быть, образуется журналъ, буду ли издавать его самъ, или передамъ кому другому,—во всякомъ случаѣ, періодическій сборникъ или журналъ, литтературный и политическій, долженъ заявить свой образъ мыслей, свое направленіе, въ политическомъ, гражданскомъ, литтературномъ отношеніяхъ. Предлагаю, на первый случай, въ короткихъ словахъ, свое мнѣніе о вопросахъ, нынѣ занимающихъ общество наиболѣе. (О прочихъ—въ другое время). Впрочемъ вся моя печатная, слишкомъ сороколѣтняя дѣятельность, начиная съ 1821 года,—передъ читателями: она можетъ служить поясненіемъ и дополненіемъ положеній, выраженныхъ въ настоящей программѣ.

Начнемъ съ иностранной политики.

Друзей между Европейскими Государствами мы не имѣемъ, кажется, никого, да ихъ не имѣетъ, можетъ быть, и никто, оставаясь себѣ на умѣ, и держа всегда на случай камень за пазухою, но мы отличаемся отъ прочихъ Европейскихъ государствъ тѣмъ, что насъ всѣ онѣ согласно между собою внутренно ненавидятъ, чая грозу съ сѣвера по преданію, по чувству, по недоразумѣніямъ или доразумѣніямъ. Одинъ мой старый знакомый называлъ всѣхъ Европейцевъ Нѣмцами, слѣдуя древнимъ лѣтописямъ, и находилъ, что лучшіе изъ нихъ—Португальцы, по тому что живутъ отъ насъ всѣхъ дальше. Соглашаясь съ моимъ знакомымъ, я думаю, что связь съ западной Украиной Европейской, Романскаго племени, естественнѣе, чѣмъ съ средней, и восточной, разумѣется внѣ случайныхъ причинъ къ союзу или разрыву съ тою и другою.

Въ молодые и средніе годы свои я мечталъ и твердилъ много о Славянахъ,—и сочувствовали мнѣ многіе передовые люди, корифеи, въ племенахъ Славянскихъ, и, казалось намъ, много могло быть сдѣлано Россіей во время оно на пользу всѣхъ Славянскихъ племенъ; но время оно прошло, потому ли, посему ли, ничего не было дѣлано, или дѣлано мало, и то по большой части частными людьми; новыя поколѣнія въ Славянскихъ племенахъ думаютъ, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, не такъ, какъ думали старики, почти всѣ сошедшіе съ поприща,—приверженность къ Россіи, какая нибудь, остается только въ массахъ. По этимъ причинамъ, отлагая въ сторону всякія мечтанія, я думаю, что связь съ Славянскими племенами намъ должно ограничивать пока доставленіемъ Русскихъ книгъ въ публичныя библіотеки и пособій извѣстнымъ ученымъ для изданія какихъ либо важныхъ для Славянства трудовъ, историческихъ и филологическихъ.

Нашей политикѣ много работы предлежитъ въ Азіи.

Добрыня, дядя Святаго Владимира, увидя плѣнныхъ по Волгѣ въ сапогахъ, сказалъ своему племяннику: нѣтъ! намъ надо идти дальше, и искать лапотниковъ, а отъ этихъ поживиться нечего. Старикъ Ермоловъ любилъ твердить: Азія, Азія! А наше министерство иностранныхъ дѣлъ,—я говорю о прошедшемъ времени,— не сознавало этой важной задачи, устремляя вниманіе исключительно на кабинеты Тюильерійскій и Сенъ-Джемской, и заботясь о томъ, что скажутъ о нашихъ дѣйствіяхъ Англійскія и Французскія газеты. Русскій путешественникъ Чихачевъ искалъ себѣ, напримѣръ, охранныхъ листовъ для ученаго путешествія по Азіи у Лондонскихъ министровъ, получа отказъ дома. Но дѣйствія Графа Муравьева на Амурѣ, Генерала Игнатьева въ Китаѣ, учрежденіе Туркестанской области, подаютъ намъ надежду, что дѣла Азіатскія удостоятся впредь большаго вниманія отъ нашихъ дипломатовъ, и сдѣлаются предметомъ тщательнаго изученія. Жаль, что наши консулы и разные чиновники не доставляютъ публикѣ никакихъ свѣдѣній о мѣстахъ своего пребыванія.

Впрочемъ иностранная политика Россіи зависитъ отъ политики внутренней. Своя рубашка къ тѣлу ближе. Прежде чѣмъ крыть чужую крышу, надо, чтобъ своя не текла.

Держа это на умѣ, Россія во всѣхъ дѣлахъ Европейскихъ всегда имѣетъ право подать свой голосъ, и стать на сторону справедливости, хотя, нельзя не прибавить, что однѣми дипломатическими нотами сдѣлать нынѣ ничего уже нельзя; надо, чтобъ между строками виднѣлись штыки, надо чтобъ силою, дѣломъ, готово было всегда поддерживаться слово.

Эту силу, съ соотвѣтствующею ей копейкою, мы должны собирать и беречь на черный день, а можетъ быть и на свѣтлый приближающійся къ намъ быстро день рѣшенія восточнаго вопроса.

Мимо насъ онъ рѣшенъ быть не долженъ. Намъ принадлежитъ первый голосъ. Мы провинимся передъ Исторіею, если не будемъ готовы къ этому времени, какъ не были готовы во время Севастопольской высадки. Нельзя будетъ намъ ссылаться на нечаянность, на недостатокъ времени. Оправданій никакихъ не найдется. Вся исторія вела и шла сама къ этому дѣлу. Тѣнь отшедшаго Государя ожидаетъ успокоенія.

Si vis pacem, para bellum. Намъ необходимо, на случай войны, укрѣплять наши берега Балтійскаго, Чернаго и Бѣлаго морей, снабжать крѣпости запасами, организовать медицинскую, коммиссаріатскую и провіантскую часть, привесть въ порядокъ рекрутскіе наборы, устроить военное образованіе. Все это, говорятъ, дѣлается, и дѣлается, слава Богу, съ успѣхомъ, въ военномъ министерствѣ а но жаль, что публика мало извѣщается объ этихъ дѣлахъ, это очень желательно и нужно, хотя бы въ общихъ выраженіяхъ.

---

Послѣ военной необходимости вторая необходимость есть построеніе желѣзныхъ дорогъ. Вотъ чего у насъ не дѣлается; или дѣлается очень медленно, безъ соразмѣрности съ вопіющею нуждою. Желѣзныя дороги намъ надо строить во что бы то ни стало. Безъ желѣзныхъ дорогъ восточный вопросъ не можетъ быть рѣшенъ удовлетворительнымъ для насъ образомъ. (Не говорю уже о томъ, что желѣзныя дороги необходимы намъ и въ экономическомъ отношеніи, если мы не хотимъ погубить нашу южную торговлю и передать ее въ чужія руки).

Еслибъ у насъ были желѣзныя дороги, то Севостополь и до сихъ поръ красовался бы на берегахъ Чернаго моря. Съ страшными убыт-

ками построили мы Варшавскую дорогу, но она окупилась сторицею, ибо безъ этой дороги не раздѣлались бы мы съ Польскимъ возстаніемъ такъ скоро. Желѣзныя дороги строить намъ надо, во что бы то ни стало, своими руками, своими средствами, а не отдавая ихъ въ распоряженіе иностранцевъ. Опытъ съ Варшавскою дорогою стоилъ намъ уже довольно дорого, и насъ спасъ Русской Богъ отъ договора съ Англичанами. До сихъ поръ еще сжимается сердце отъ страха при мысли, что было бы съ нами, еслибъ условіе о Севастопольской дорогѣ состоялось? На 99 лѣтъ (сотый былъ намъ прощаемъ) пошлабъ Россія въ кабалу Англичанъ, — и послѣдствія не вообразимы! Все что нужно для желѣзныхъ дорогъ, мы имѣемъ въ изобиліи: желѣзо, мѣдь, камень, дерево, песокъ, руки, и сверхъ того мы имѣемъ полный, безусловный, неограниченный государственный кредитъ внутри Россіи. Этимъ кредитомъ въ пять лѣтъ мы моглибъ построить желѣзныхъ дорогъ 2—3 тысячи верстъ, даромъ, поднять отпускную торговлю, распространить мануфактурную промышленность, а черезъ пять лѣтъ вынимать изъ употребленія пущенныя на постройку желѣзныя ассигнаціи, или заемныя письма, если то сочтется нужнымъ. Курсъ внутренній останется неприкосновеннымъ, да и внѣшній непремѣнно возвысится при такой блистательной перспективѣ благосостоянія и богатства, къ которой со всякимъ годомъ по желѣзнымъ дорогамъ приближаться будемъ. Да что бы ни случилось, а дороги то будутъ готовы, вотъ что главное, отъ Орла д- Харькова и до Кіева, отъ Харькова чрезъ Екатеринославль до Ѳеодосіи и еще до Таганрога, отъ Кіева до Балты и Орла, отъ Пермно или Осы до Екатеринбурга и Ирбити. Съ дорогами мы сведемъ счеты какіе угодно, и оправдаемся предъ западною наукою, а пока мы отвѣчаемъ ей хоть русскою пословицею: семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ; при 700 милліоновъ лишніе 10—20 милліоновъ ассигнацій или билетовъ въ годъ ничего не значатъ, и не окажутъ никакого вліянія на систему, хороша ли она или дурна.

Впрочемъ мы употребимъ эти средства за отсутствіемъ другихъ, не имѣя никакого выбора. Построивъ 500 верстъ мы можемъ ихъ пожалуй, хоть продать, а на полученныя деньги строить другія 500 верстъ, еслибы оказалось почему нибудь неудобнымъ продолженіе работъ на желѣзныя ассигнаціи.

Суммы, выданныя впередъ заводчикамъ на основаніе механическихъ и прочихъ заводовъ, для рельсовъ (путинъ) для локомотивовъ, для вагоновъ, на постройки домовъ на станціяхъ и проч. приведутъ въ движеніе множество рукъ и капиталовъ.

Смѣю думать, что неудовлетворительное состояніе нашихъ финансовъ, будетъ исправляться безостановочно со всякою сотнею новыхъ желѣзныхъ верстъ.

Всякая минута для въ этомъ отношеніи дорога, ничѣмъ не замѣнима. Всѣ споры слѣдуетъ оставить, а строить, строить какъ нибудь, строить хоть въ долгъ, на всякія манеры, но строить!

---

Третья необходимость — завести добываніе каменнаго угля. Если Наполеонъ даетъ милліоны на дренажъ, то какія жертвы намъ могутъ быть тягостны для того, чтобы обезпечить нетолько наше движеніе по железнымъ, дорогамъ, но и плаваніе по рѣкамъ и морямъ на пароходахъ, остановить пагубное истребленіе лѣсовъ.

Послѣ железныхъ дорогъ съ каменнымъ углемъ важное средство для поправленія нашихъ финансовъ состоитъ въ бережливости, — впрочемъ о бережливости говорить здѣсь не мѣсто. Печать будетъ по немногу указывать на расходы, ненужные или безполезные, въ томъ или другомъ вѣдомствѣ. Здѣсь развѣ сказать, что всѣ настоящіе Русскіе люди желаютъ, чтобъ единицею счетною сдѣлался опять нашъ любезный ассигнаціонный рубль, равняющійся франку. (Введеніе такъ называемаго серебрянаго рубля было мѣрою очень вредною, по признанію большинства).

---

Касательно Польскаго вопроса, въ западныхъ губерніяхъ объ немъ и рѣчи быть не можетъ. Это страны чисто Русскія, и никакого другаго дѣйствующаго элемента терпѣть здѣсь недолжно. Землевладѣльцы здѣшніе, Русскаго происхожденія, должны возвращаться къ русскому православію, а прочіе, Польскаго происхожденія, продавать свои земли, и отправляться въ царство Польское. Послѣднія мѣры, за предложеніе которыхъ нельзя довольно возблагодарить Генералъ Губернаторовъ, Кіевскаго и Виленскаго, должны быть только ступенью къ Русскому землевладѣлію.

Что касается до Царства польскаго, мы желаемъ ему всѣхъ возможныхъ благъ, лишь только бъ онѣ не служили ко вреду Россіи. Это желаніе, правда, слишкомъ неопредѣленно, но въ слѣдующихъ книгахъ Утра оно будетъ развито подробно.

Второй вопросъ, занимающій нашу журналистику, и рѣшаемый ею почти единогласно, къ совершенному удовольствію всѣхъ Русскихъ людей, есть вопросъ о равноправности съ людьми Нѣмецкими въ Остзейскихъ губерніяхъ.

Я желалъ бы, чтобъ было сочтено, сколько земли, а попрежнему крестьянъ, въ губерніяхъ Русскихъ, принадлежитъ Нѣмцамъ, Нѣмцамъ Остзейскимъ, получившимъ эти земли, и получавшимъ прежде крестьянъ, въ приданое, въ жалованье за службу, и наконецъ покупкою. (Объ этихъ Нѣмцахъ, по большей части, должно съ признательностію сказать, что они сдѣлались совершенно Русскими, и мы не дѣлаемъ въ нихъ никакого различія съ коренными Русскими). Я увѣренъ, что такой земли окажется больше, чѣмъ занимаетъ вся Лифляндія или Эстляндія, или Курляндія. Спрашивается, какимъ же образомъ Русскій дворянинъ не можетъ пользоваться въ трехъ Остзейскихъ губерніяхъ тѣми же правами, какія имѣетъ Остзейскій дворянинъ во всѣхъ 50 Русскихъ губерніяхъ?

Точно также Нѣмецкіе купцы разсыпаны по всей Россіи, въ Петербургѣ и Москвѣ, Архангельскѣ и Одессѣ, Тифлисѣ и Кіевѣ, и пользуются вездѣ всѣми, или, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, большими преимуществами, чѣмъ Русскіе купцы. Негораздо ли ихъ больше у насъ, въ Россіи, чѣмъ во всѣхъ Остзейскихъ городахъ?

Говорить-ли о Нѣмецкихъ ремесленникахъ, которымъ никто изъ Русскихъ не только не мѣшаетъ, но всѣми силами помогаетъ и содѣйствуетъ. На что же похоже, что Русскій ремесленникъ, зайдя случайно въ Ригу или Ревель, долженъ подвергаться тамъ всѣмъ возможнымъ стѣсненіямъ.

О Русскомъ языкѣ для Русскихъ — самый вопросъ есть уже оскорбленіе. Civis sum Romanus, восклицаетъ апостолъ Павелъ передъ своими мучителями, а Русскій человѣкъ долженъ скрывать свое происхожденіе, и не иначе можетъ быть выслушанъ въ Ригѣ,

какъ заговоривъ по Нѣмецки. Помилуйте! развѣ можетъ быть терпимо подобное положеніе? Въ Россіи я долженъ говорить въ судѣ на иностранномъ языкѣ! Нѣтъ, это уже слишкомъ! А вотъ слѣдующее извѣстіе, напечатанное въ газетахъ, если оно только справедливо, не можетъ уже ни съ чѣмъ быть сравниваемо:

Государь пожаловалъ городу Ригѣ мѣсто, занимавшееся прежнею крѣпостью. Понадобилось занять изъ этого огромнаго пространства одинъ незначущій уголокъ подъ православной соборъ. Магистратъ, или я незнаю кто, запросилъ за этотъ уголокъ 50 тысячь рублей, которыхъ духовное начальство взнести было не въ состояніи, и должно было искать для себя другое худшее помѣщеніе. Неужели это правда? Чего-же смотрѣли.... какъ вытерпѣли.... Въ такомъ случаѣ, — да я уже и не знаю, что сказать въ такомъ случаѣ, равно какъ, вѣроятно, и всѣ мои читатели. Нѣтъ, это не правда!

Касательно землевладѣнія, крестьяне — Латыши и Эстонцы, разумѣется, уравняются въ своихъ правахъ на землю, съ крестьянами Русскими, Польскими, Грузинскими. Что они за обсѣвки въ полѣ за всѣ свои прошлыя страданія? Это великое преобразованіе, представляемое Россіею Европѣ, по милости царствующаго нынѣ Государя Императора, не можетъ не распространяться на Остзейскія губерніи. Я всегда былъ той мысли, что Остзейскіе помѣщики, по извѣстному своему благоразумію, сами придумаютъ наилучшія мѣры, для того, чтобъ волки были сыты также, какъ и овцы цѣлы, и если до сихъ поръ этого еще не послѣдовало, то вѣрно послѣдуетъ скоро.

Равноправность Русскихъ съ Нѣмцами въ Остзейскихъ губерніяхъ, и со Шведами въ Финляндіи, — вотъ общее убѣжденіе въ Россіи.

Кстати о Финляндіи: въ послѣднихъ газетахъ сообщается pendant къ извѣстію о 50 тысячахъ руб. сер. за мѣсто подъ православный соборъ въ Ригѣ. Вотъ этотъ куріозъ: Русскія газеты въ Выборгѣ или Гельзингфорсѣ стоятъ, говорятъ, дороже что въ Парижѣ и Лондонѣ! Вѣроятны ли эти вещи? О благодѣтельная свобода печати! Какія драгоцѣнныя свѣдѣнія доставляешь ты обществу, и правительству!

Изъ внутреннихъ дѣлъ, важнѣйшія относятся къ образованію, низшему и высшему, и къ народной нравственности, которую колеблетъ безпредѣльно-разпространяющееся пьянство.

Поговоримъ сперва объ образованіи.

Вопросъ о народномъ, образованіи тѣсно связанъ съ вопросомъ о Духовенствѣ, потому что Духовенство только можетъ быть проводникомъ и разспространителемъ образованія въ народѣ. До сихъ поръ это образованіе предоставлялось по большой части случайности.

Подъ образованіемъ я разумѣю не одно умѣнье читать и писать, что не приноситъ часто никакой пользы умѣющему, но и сообщеніе первыхъ понятій о Богѣ и природѣ, законѣ и правѣ, обязанностяхъ и должностяхъ. Священники должны быть у насъ первыми нравоучителями. Они должны быть обезпечены въ своихъ нуждахъ, и сами образованы лучше для исполненія своихъ обязанностей. До сихъ поръ они изнемогали подъ бременемъ школьной схоластики, смотрѣли на народъ, по большой части, съ высока, и почти презирали его, наконецъ—получали, отъ нужды, разныя недостойныя сана привычки. Устройство семинарій должно быть улучшено, о чемъ вообще прежніе Архіереи наши не довольно думали, считая семинаріи для себя дѣломъ второстепеннымъ, и занимаясь преимущественно текущими дѣлами о ставленикахъ, требахъ и проповѣдяхъ.

При приходахъ должны быть устроены современемъ училища, больницы и богодѣльни.

Перехожу къ свѣтскимъ училищамъ.

Въ городахъ уѣздныя училища и въ губерніяхъ гимназіи должны составлять особыя цѣлыя, и сообщать своимъ воспитанникамъ свѣдѣнія въ границахъ, имъ предназначенныхъ. Уѣздныя училища для мѣщанъ, ремесленниковъ, мелкихъ купцовъ и писарей. Гимназіи—для средняго сословія, для губернскихъ чиновниковъ, достаточныхъ купцовъ и менѣе богатыхъ дворянъ. Это гимназіи реальныя, а классическія гимназіи въ губернскихъ городахъ для желающихъ получить высшее образованіе, и изъ гимназіи перейти въ университетъ.

Не всѣ воспитанники переходятъ изъ уѣздныхъ училищъ въ гимназіи, равно какъ изъ гимназій въ университеты: все при-

готовляющее собственно къ университету не нужно тѣмъ, которые туда не пойдутъ, а напротивъ, имъ нужны свѣдѣнія житейскія и прикладныя. Нечего въ уѣздномъ училищѣ учить читать по латыни и гречески мальчика, который изъ училища перейдетъ въ лавку, такъ точно и въ гимназіи не нужно учить латинскому синтаксису воспитанника, который намѣренъ немедленно поступить на службу въ судъ или на конторѣ. Половинное гимназическое изученіе языка ему не послужитъ ни на что.

Каждая гимназія должна, слѣдовательно, по моему мнѣнію, раздѣляться на два отдѣленія, въ коихъ классическіе и реальные предметы должны идти параллельно. Воспитанники классическаго отдѣленія получатъ право идти въ университетъ, а воспитанники реальнаго отдѣленія—на всѣ четыре стороны.

Переходъ изъ отдѣленія въ отдѣленіе, по экзамену, разумѣется, не возбраняется.

Оставить въ губернскихъ городахъ однѣ классическія гимназіи ни съ чѣмъ не сообразно, потому что въ университеты до сихъ поръ поступаетъ изъ нихъ меньшинство, самое незначительное.

Распространившійся въ послѣднее время духъ во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, духовныхъ, гражданскихъ, военныхъ, женскихъ, высшихъ и низшихъ, проникающій въ нѣдра семействъ, внушаетъ справедливыя опасенія во всѣхъ порядочныхъ людяхъ, для которыхъ дорого благосостояніе отечества, нравственность народа. Причинъ, произведшихъ это явленіе, много. Главными можно назвать: недостатокъ въ постоянномъ мѣстномъ надзорѣ, частая перемѣна начальниковъ, и наконецъ недавняя литературная анархія, отголосокъ Европейской пропаганды.

Устроить учебныя наши заведенія на прочныхъ и лучшихъ началахъ необходимо, но прежде необходимо произвести строгую, подробную ихъ ревизію. Подъ ревизіею разумѣю я не кратковременное посѣщеніе министра, попечителя, или инспектора, для которыхъ приготовляются обыкновенно особыя лекціи или уроки, и сообщается всему благовидная наружность. Такія посѣщенія, кромѣ расходовъ казнѣ, приносили всегда больше вреда, чѣмъ пользы учебнымъ заведеніямъ. Нѣтъ, — надо во всякомъ большомъ заведеніи, напримѣръ гимназіи, не только университетѣ, остаться ревизору долго, вникнуть глубоко во всѣ потребности,

познакомиться коротко съ преподаваніемъ, узнать лично начальство, надзирателей и учителей, удостовѣриться въ ихъ образѣ мыслей, изслѣдовать ихъ занятія, методы, ученые пріемы, увидѣть достоинства и недостатки, и, на основаніи всестороннихъ наблюденій, подать нужные совѣты, завести порядокъ, учредить строгій надзоръ при пособіи гражданскаго, духовнаго начальства, или общества, гдѣ какъ удобнѣе и цѣлесообразнѣе окажется, подъ наблюденіемъ высшаго ученаго начальства, которое обязано слѣдить внимательно за всѣми заведеніями, учредивъ постоянныя сношенія съ собою, и опредѣливъ строгую періодическую провѣрку. Всѣ дѣйствующія лица должны быть глубоко убѣждены въ строгомъ, зоркомъ контролѣ, чтобъ не облѣниваться, не ослабѣвать, и не впадать въ эту несчастную апатію, которую мы видимъ теперь почти повсемѣстно. Жизнь, жизнь надо возбудить въ нашихъ училищахъ, давно уже оттуда улетѣвшую или изгнанную. Жизнь можно возбудить только жизнію, а не циркулярами.

Ненадежные дѣятели должны быть отстранены, а благонамѣренные выдвинуты впередъ, получая болѣе обширный кругъ дѣйствій. Когда всѣ дѣятели лично, коротко, сдѣлаются начальству извѣстными, тогда только можно будетъ распредѣлить ихъ по мѣстамъ съ пользою, а не на угадъ, какъ доселѣ бываетъ. Преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ, напримѣръ исторіи и словесности, должно быть ввѣрено людямъ испытаннымъ, вразумленнымъ.

Я говорилъ о внутреннемъ устройствѣ—внѣшнее нельзя упускать также изъ вида, но не то внѣшнее, что составляло до сихъ поръ главную заботу, то есть: гладкіе полы, крашенныя стѣны и чищенные замки. Должно устроить хорошее помѣщеніе, выгодное содержаніе, доставленіе возможной удобности для учителей и надзирателей, но безъ отягощенія государственнаго казначейства. Надо умѣть найдти для того средства мѣстныя, и онѣ вѣрно найдутся при помощи общества, которое непремѣнно должно позвать на помощь, чему оно будетъ даже радо, потому что воспитаніе составляетъ теперь главную его заботу, и родители не знаютъ, что дѣлать съ дѣтьми, при разстройствѣ учебныхъ заведеній. Только тогда, какъ всѣ дѣйствующія лица будутъ по возможности обезпечены, успокоены, ободрены, когда имъ будутъ открыты пути къ повышенію, можно уже требовать съ нихъ строгаго исполненія обязанностей, взыскивать, увольнять.

Нечего говорить, что всѣ учебныя пособія—библіотеки, кабинеты, собранія, должны быть приведены въ порядокъ, соотвѣтственно настоящему положенію наукъ, средства ими пользоваться облегчены, любознательность всѣми способами возбуждаема и ободряема, выборъ чтенія получалъ надлежащее умное руководство.

Университеты, какъ и гимназіи, упали значительно въ послѣднее время. Многоли примѣчательныхъ ученыхъ трудовъ вышло въ послѣдніе 10—20 лѣтъ? Причиною упадка должно полагать недостаточно спеціальное приготовленіе высшихъ лицъ, которымъ поручалось управленіе этою самою важною и мудреною частію въ системѣ государственнаго управленія, при всей ихъ благонамѣренности, дѣятельности, и прочихъ достоинствахъ. А къ этому надо присоединить и безпечный, расположенный къ лѣности народный характеръ, которому все еще нужно внѣшнее сильное побужденіе для успѣшной дѣятельности. Что не виноваты одни прежніе министры народнаго просвѣщенія, это ясно доказывается одинаково неудовлетворительнымъ положеніемъ нашихъ духовныхъ училищъ, о которыхъ говорено было выше, нашихъ военныхъ училищъ, которыя въ послѣднее время показали всю свою несостоятельность (нынѣ, говорятъ, исправляемую), нашихъ женскихъ институтовъ, частныхъ заведеній, и наконецъ плодами домашняго воспитанія въ высшемъ кругу, который не можетъ похвалиться успѣшнымъ приготовленіемъ своихъ дѣтей, предназначенныхъ занять первыя мѣста въ государствѣ. Исключенія, разумѣется, есть вездѣ, и онѣ въ разсчеты идти не должны. Слѣдовательно мы виноваты всѣ кругомъ, но кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.

---

Пьянство, обуявшее народъ, должно быть предметомъ внимательнаго и всестороннаго обсужденія. Откупная система подверглась справедливому осужденію, — но что сказать о новой системѣ, развращающей народъ несравненно въ высшей степени, подъ надзоромъ многихъ польскихъ чиновниковъ, съ господиномъ Огризко еще недавно во главѣ? Московская губернія, по удобству сообщенія и заработковъ, въ этомъ отношеніи представляетъ самое прискорбное зрѣлище. Послушайте московскихъ

хозяевъ, домовладѣльцевъ, фабрикантовъ; взгляните на наши рынки, и вы увидите породу людей, совершенно искаженную. Количество преступленій возрастаетъ, множество народу погибаетъ отъ опоя.

Увеличеніе пошлины съ кабаковъ и цѣны вина, особенно, въ городахъ, есть вопіющая государственная необходимость. Дохода казна получитъ столько же, а вина выпьется втрое меньше, слѣдовательно потребится втрое меньше хлѣба, и сохранится втрое больше здоровья и денегъ на другія нужды. Странно читать разсужденія какаго то комитета о пропинаціяхъ: лучше бъ ему подумать о пропинаціи, и вмѣсто пошлыхъ разсужденій о нравственныхъ болѣзняхъ и нравственныхъ лѣкарствахъ, подумать объ уменьшеніи числа кабаковъ, которые не принадлежатъ вѣдь къ числу нравственныхъ лекарствъ! Въ молитвѣ Господней заповѣдано людямъ молиться о не введеніи во искушеніе, а мы за три копейки, которыхъ достать не мудрено, предлагаемъ на всякомъ шагу угощеніе: ну люди и пьютъ, и получаютъ охоту, и закладываютъ съ себя сапоги, и пропиваются, а комитеты ожидаютъ нравственнаго усовершенствованія отъ своихъ пропинацій!

---

Я долженъ сказать нѣсколько о нынѣшнихъ различныхъ собраніяхъ.

Главный недостатокъ всѣхъ нашихъ собраній состоитъ, кажется въ излишкѣ: члены хватаются вдругъ за всѣ предметы, и потому не мудрено, что успѣхъ не соотвѣтствуетъ иногда многостороннимъ стремленіямъ.

Въ *дворянскихъ собраніяхъ* было бы, кажется, слишкомъ достаточно изобразить на первый разъ положеніе имѣній: пусть каждый дворянинъ-помѣщикъ представитъ по чистой совѣсти смѣту, что онъ получалъ съ имѣній прежде, и что онъ получаетъ теперь. Такія смѣты должны быть соображены сперва по уѣздамъ, а потомъ и по губерніи. Помѣщики должны показать на сколько уменьшеніе доходовъ мѣшаетъ ихъ хозяйству, и на сколько отъ разстроеннаго ихъ хозяйства можетъ потерпѣть государственное хозяйство.

Далѣе—помѣщики терпятъ весьма много вслѣдствіе платежа процентовъ въ опекунскій совѣтъ по займамъ, сдѣланнымъ со-

вершенно въ другихъ обстоятельствахъ, и съ совершенно иными расчетами. Имъ прежде всего казалось бы слѣдуетъ ходатайствовать о разсрочкахъ или какихъ нибудь облегченіяхъ.

Наконецъ новое хозяйство требуетъ новыхъ капиталовъ, которыхъ теперь нѣтъ—какъ пособить этому горю?

Если бы такимъ образомъ было доказано въ цифрахъ, что помѣщики потеряли слишкомъ много, то правительство, разумѣется, стало бы думать о томъ, какъ бы помочь этому горю, потому что улучшая бытъ крестьянъ, оно вѣрно не пожелаетъ чтобъ ухудшился бытъ дворянъ, а съ ними и общественный бытъ.

---

Въ *земскихъ собраніяхъ* слѣдовало бы, кажется, обратить первое вниманіе на количество податей, платившихся крестьянами прежде, и потребныхъ теперь.

Крестьяне должны платить меньше прежняго: всякій лишній расходъ для нихъ обременителенъ, и не послужитъ къ чести новаго порядка вещей. По доходамъ должны быть распредѣлены расходы—на судебную часть, на образованіе, на медицину и пр.

Почтовая повинность, отягощающая до сихъ земство, представляетъ странное явленіе. Кто хочетъ ѣхать, тотъ и плати, сколько слѣдуетъ, по рыночной цѣнѣ, что кажется очень естественно и законно, а приплачивать земству за мою поѣздку, есть узаконеніе непостижимое. Почтовая повинность нашла бы себѣ полезнѣйшее употребленіе на потребности медицинскія, педагогическія и проч.

---

О *судебной реформѣ* сказать ничего не могу, незнакомый основательно съ дѣломъ. Я помню только хорошо русскую пословицу не бойся суда, а бойся судьи. Какъ бы нихороши были законы, но все они непринесутъ большой пользы безъ хорошихъ исполнителей. Ихъ ищутъ и для сѣверозападнаго, и для югозападнаго края, и въ царство Польское, и въ должности мировыхъ судей, и въ должности членовъ управъ. Вотъ гдѣ и обнаруживается несостоятельность нашихъ университетовъ за послѣднее время. Они заботились, можетъ быть, о сообщеніи свѣдѣній, но не заботились о нравственномъ приготовленіи гражданъ, слѣдуя несчастной си-

стемѣ. Тетрадки Нѣмецкія сообщавшіяся профессорами, перезабылися, а въ сердцѣ то ничего и не осталось, если и осталось что въ головѣ. Но объ этомъ предметѣ я буду еще имѣть случай объясняться часто.

Освобожденіе печати отъ невѣроятныхъ уже теперь стѣсненій (несмотря не свѣжесть преданія) и разрѣшеніе предлагать, кому угодно, искреннія мнѣнія обо всѣхъ государственныхъ вопросахъ, считаю наивеличайшимъ благодѣяніемъ нынѣшняго царствованія, послѣ уничтоженія крѣпостнаго права, и увѣренъ, что это разрѣшеніе въ скоромъ времени принесетъ обильные плоды, на пользу и славу отечества. Найдутся люди, — святая Русь не клиномъ сошлась,—которые будутъ говорить дѣло о всякомъ дѣлѣ, будутъ подавать благіе совѣты, будутъ указывать вредъ и зло. У насъ вообще господствуетъ предразсудокъ, что людей нѣтъ. Въ 70 милліонахъ способнѣйшаго, толковитѣйшаго народа людей нѣтъ! У насъ люди есть, но хорошіе люди прячутся, а плохіе лезутъ наружу. Эти напрашиваются, а тѣхъ надо просить , — что начальники считаютъ для себя униженіемъ. Теперь открывается возможность всякому порядочному человѣку заявлять свое мнѣніе о всѣхъ важныхъ вопросахъ, съ какого бы то ни было мѣста. Надо только ободрять искренность, въ предѣлахъ, разумѣется, благоразумія и осторожности.

Объ обнаружившихся вслѣдствіе моды, неопытности и юности, не скажу неблагонамѣренности, злоупотребленіяхъ слова, отъ души скорблю, но вредъ, отъ нихъ происходящій, считаю ничтожнымъ, въ сравненіи съ пользою, которую непремѣнно приносить долженъ новый законъ о печати. Французское законоположеніе о предостереженіяхъ къ намъ едвали успѣшно перенесено быть можетъ. Не думаю, чтобъ текущая литтература изъ ложнаго стыда должна была оставлять предметы предостереженій безъ своего возраженія, потому только, что онѣ подвергаются рѣшеніямъ закона. Нѣтъ, она должна подавать свой голосъ, и присоединять свое осужденіе, или указывать смягчающія обстоятельства.

Пока довольно. Продолженіе впредь.

*М. Погодинъ.*

# БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Редакція «Утра» была намѣрена предложить своимъ читателямъ подробныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ примѣчательныхъ, вновь вышедшихъ книгахъ, но, за недостаткомъ мѣста, должна отложить это намѣреніе до второй книги, (если она будетъ), а теперь сообщаетъ только краткія извѣстія о слѣдующихъ журналахъ и книгахъ:

*Православное Обозрѣніе*, журналъ, издаваемый профессоромъ-священникомъ Сергіевскимъ. Въ каждой книгѣ этого журнала встрѣчается много важнаго и любопытнаго. Кто хочетъ слѣдить за событіями въ отечествѣ, относящимися къ религіозной жизни, тотъ найдетъ здѣсь всѣ данныя.

Издатель перевелъ еще прекрасную книгу Навиля: Вѣчная жизнь, и Размышленія Гизо о религіи, на кои указываемъ мы съ удовольствіемъ отцамъ и матерямъ семействъ.

Къ этому разряду книгъ принадлежитъ отличный переводъ сочиненія г-жи Неккеръ де-Соссюръ: Постепенное воспитаніе, или изученіе цѣлой жизни,—недавно въ Москвѣ вышедшій.

Сотрудникъ Правосл. Обозрѣнія, священникъ Преображенскій, издаетъ безостановочно «Памятники древней христіанской письменности, въ Русскомъ переводѣ.

Чтобъ противостать мутному потоку, у насъ разлившемуся, благонамѣренные люди должны стараться о распространеніи книгъ этого рода.

*Чтенія* въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ заключаютъ, по прежнему, богатѣйшіе матеріалы, а цѣна ихъ баснословно-дешевая: слишкомъ 200 печатныхъ листовъ продаются за 5 р. По обыкновеннымъ цѣнамъ они стоютъ по крайней мѣрѣ 20.

*Русскій Архивъ*, г. Бартенева, избралъ своимъ предметомъ преимущественно XVIII и XIX столѣтія. Изданіе также очень важное и любопытное.

Общество любителей Русской Словесности издало *Кирилло-Меѳодіевскій сборникъ*, составленный изъ трудовъ Горскаго, архіепископа Черниговскаго Филарета, Погодина, Гильфердинга, Григоровича, Казанскаго, Викторова, Буслаева, Безсонова, Арсеньева. Жизнь святыхъ первоучителей Славянскихъ получаетъ здѣсь значительное объясненіе.

---

Въ Парижѣ бывшій нашъ профессоръ Порошинъ издалъ на Французскомъ языкѣ примѣчательное собраніе своихъ разсужденій, разсѣянныхъ по разнымъ газетамъ и журналамъ: Nos questions Russes, Paris. 1865. Вотъ ихъ предметы: Разрѣшеніе кретьянскаго вопроса. О пролетаріатѣ. Сводъ. Національность спорная. Научный поединокъ въ Парижѣ. Границы Польши. Вещественныя средства Россіи. О пространствѣ Русской Имперіи. О товариществахъ. Освобожденіе Польскихъ крестьянъ. Эпилогъ.

Читатели могутъ судить по однимъ заглавіямъ, сколько найдутъ они питательной пищи въ трудахъ почтеннаго профессора, слишкомъ извѣстнаго Русскому ученому міру своими примѣчательными трудами.

Къ числу важныхъ матеріаловъ, изданныхъ въ Петербургѣ гг. Билярскимъ, Куникомъ и Ламанскимъ о Ломоносовѣ и разсужденій объ его ученой дѣятельности, Московскихъ профессоровъ: Щуровскаго, Любимова, Бодянскаго, Тихонравова, Соловьева и проч. присоединяется дѣльное сочиненіе, вышедшее въ Харьковѣ, профессора Н. А. Лавровскаго подъ заглавіемъ: о Ломоносовѣ по новымъ матеріаламъ.

Въ Петербургѣ вышелъ прекрасный переводъ отличнаго, безпристрастнаго сочиненія Шмита, преимущественно въ военномъ отношеніи: Исторія Польскаго возстанія въ 1831 году, сдѣланный г. Квитницкимъ. Эту книгу надо распространить вездѣ между Поляками.

Неутомимый Калязинскій священникъ, И. С. Бѣлюстинъ, которому принадлежитъ первая честь и благодарность за обращеніе вниманія на положеніе духовенства и состояніе учебныхъ его заведеній, трудится безпрестанно: сочиненіе его «О церковномъ богослуженіи» и «Божественная литургія» вышли третьимъ изданіемъ. Недавно напечаталъ онъ «Вечернія бесѣды съ крестьянами», которыми не худо бы запастись новымъ крестьянскимъ училищамъ.

—

Печатается собраніе сочиненій М. П. Погодина. До сихъ поръ приготовлены четыре тома: томы I и II. содержатъ древнюю Русскую Исторію, до Монгольскаго ига. Томъ III: Рѣчи. Томъ IV. Политическія письма и записки, писанныя во время Крымской войны.

# КЪ СВѢДѢНІЮ ВСѢХЪ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ.

Что больше присматриваешься къ европейской жизни, сравниваешь ее съ русскою, и прислушиваешься къ рѣчамъ въ разныхъ мѣстахъ Европы, то тверже и яснѣе убѣждаешься въ необходимости тѣснѣе связать Западную Европу съ Россіею, ближе породнить ихъ посредствомъ взаимнаго ознакомленія. Незнаніе ими другъ друга сокращаетъ для Европы поле дѣятельности во всѣхъ отношеніяхъ, а Россію лишаетъ множества рукъ и тьмы инниціативы, слѣдовательно обрѣзываетъ громадныя прибыли у обѣихъ сторонъ, отнимая у одной бездну добычи, въ другой оставляя мертвыми страшные капиталы, вещественные и невещественные. Нѣтъ отрасли европейской дѣятельности, въ которой совмѣстничество не было бы неизмѣримо больше, нежели въ соотвѣтственной отрасли въ Россіи, и нѣтъ въ Европѣ того класса производителей, который бы не нашелъ разсчета избытокъ своего контингента перенести въ среду менѣе цивилизованную, т. е. гдѣ бы менѣе бойка была производительность. Европейскій капиталистъ помѣщаетъ деньги отъ 3%, европейскій земледѣлецъ зачастую пашетъ круть въ 3—4 тысяч. ф. надъ поверхностію моря. Тотъ же капиталъ далъ бы въ Россіи легко 6%, а новей и пару на плоскостяхъ въ ней, большее нежели въ цѣлой Европѣ земли воздѣланной. Не ясно ли же, что одинаково полезно бы было европейскимъ капиталисту и земледѣльцу перенести свою дѣятельность въ Россію, а Россіи поднять ея пустопорожнія земли и пріобрѣсти капиталистовъ, которые бы не держали свои деньги въ сундукахъ, какъ дѣлаютъ многіе русскіе милліонеры? Не менѣе дѣйствителенъ и обильно выгоденъ былъ бы переливъ изъ Европы въ Россію и всякихъ другихъ производителей, къ какому бы разряду они ни принадлежали. Съ кѣмъ ни заговори въ Европѣ, и кому ни набросай правдивый очеркъ экономическихъ данныхъ и экономическаго положенія Россіи, всякій очень радъ тот-

часъ ѣхать въ Россію: купецъ, капиталистъ, ремесленникъ, художникъ. Но никто о ней ничего не знаетъ. Алжиръ, Египетъ, Турція, Америка, Австралія положительно съ практической стороны болѣе опопуляризованы въ европейскомъ обиходѣ, нежели Россія. Напримѣръ въ цѣлой Италіи нѣтъ банкира, который бы имѣлъ корреспондента въ Москвѣ, и ни одинъ коммиссіонеръ, отправляя изъ Италіи что-нибудь въ Москву, не знаетъ, ни когда придетъ вещь, ни на чье имя она будетъ передана въ Россію, изъ Франціи или Германіи, черезъ которыя она путается неизвѣстно зачѣмъ, и тотъ же домъ отправляетъ все прямо въ Африку, въ Константинополь, въ Америку, въ Австралію. Это должно Русскимъ показаться и обидно, но можетъ ли быть иначе? Иностранная литература до сихъ поръ почти безъ исключенія говоритъ о Россіи какъ о куріозѣ, и съ невѣжествомъ, котораго блистательнѣйшіе примѣры извѣстны Русскимъ, почему не зачѣмъ и указывать ихъ. Даже и тѣ немногіе Европейцы, которые путешествовали по Россіи и возвращаются изъ нея подъ наилучшими впечатлѣніями, доставляютъ о ней Европѣ свѣдѣнія, болѣе романическія или сказочныя: не зная никогда Русскаго языка, они, почти какъ бы въ Китаѣ или Персіи, схватываютъ лишь внѣшнія особенности жизни, иногда поясненныя имъ на мѣстѣ иностранцами же, а проникнуть въ глубь жизни, въ характеръ быта страны и его учрежденій не имѣютъ никакой возможности. Извѣстія о Россіи въ европейской журналистикѣ до того невѣрны и нелѣпы, по крайней мѣрѣ на девять-десятыхъ, что Русскому можетъ иногда придти въ голову, что онѣ сообщаются на смѣхъ. Если бо̀льшею частію не стоитъ возражать на подобныя данныя, то несомнѣнно, что въ немъ нѣтъ ничего возбуждающаго въ Европѣ желаніе сближенія съ Россіей. Причина опять самая простая: въ большинство европейскихъ журналовъ пишутъ изъ Россіи иностранцы же, какъ слишкомъ извѣстно, не торопящіеся и въ Россіи учиться Русскому языку, и, какъ безпрестанно видно изъ корреспонденцій, не знающіе ни началъ, характеризующихъ русское общество, основныхъ русскихъ учрежденій, и ежедневно затрудняющіеся понятно написать русское имя. А въ самое послѣднее время польскій вопросъ родилъ новыхъ спеціалистовъ въ европейской литературѣ: намѣренныхъ лжеобличителей Россіи и лжетолкователей ея

настоящаго и прошлаго, которые дружнымъ заговоромъ исключаютъ Россію изъ европейской цивилизаціи, отнимая у нея и мѣсто, ею уже завоеванное. Но и не присоединись противъ сближенія Россіи съ Европою послѣднее обстоятельство, или еслибъ оно и миновало, на европейскую журналистику въ видахъ содѣйствія этому сближенію всегда будетъ разсчетъ плохой: европейская журналистика, болѣе или менѣе, не принадлежитъ себѣ, и общечеловѣческіе и общеевропейскіе интересы существуютъ для нея, не какъ цѣли, а какъ средство для своекорыстныхъ, эгоистическихъ стремленій правительствъ, партій, шаекъ или компаній, которымъ принадлежитъ тотъ или другой журналъ. Не естественно ли, что подъ такимъ условіемъ вѣчно будетъ говориться не то, что истинно, а только то, что нужно? Всѣ европейскіе журналисты—маклера политическіе, коммерческіе или соціальные, что не мудрено было бы вывести категорически, но могло бы показаться слишкомъ многословно. Бо́льшаго же вниманія къ Россіи со стороны европейской журналистики нельзя ожидать до тѣхъ поръ, пока первую не познакомятъ съ Россіею насильно или пока Европейцы не станутъ учиться Русскому языку, на что по нынѣшній день не подается ни малѣйшихъ надеждъ. Европеецъ и вообще равнодушенъ къ иностраннымъ языкамъ, и сравнительно съ Русскимъ онъ въ нихъ невѣжа: въ цѣлой Европѣ нѣтъ ни при одной журнальной редакціи переводчиковъ съ трехъ языковъ. Переводчика съ русскаго нѣтъ ни при одномъ европейскомъ журналѣ. При такомъ положеніи дѣла, какія понятія о Россіи можетъ дать Европѣ ея литература, если не считать во что-нибудь данныя, почерпаемыя ею изъ всегда одностороннихъ откровеній русскихъ недовольныхъ, естественно обращаемыхъ исключительно на обличеніе слабыхъ сторонъ страны?

Россія знаетъ о Европѣ больше, нежели Европа знаетъ о Россіи, Россія изучаетъ Европу. Но обогащая себя свѣдѣніями о Европѣ количественно, Россія не имѣетъ достаточной возможности извлечь изъ нихъ соразмѣрную качественную выгоду. Русскія свѣдѣнія о Европѣ суть наиболѣе теоретическія, слишкомъ теоритеческія, и оттого столь часто примѣненіе ихъ къ русской жизни до сихъ поръ оказывается то безполезно, то положительно вредно. Въ иностранныхъ журналахъ и книгахъ всегда не мало пищи для русской

любознательности, но тѣ и другія пишутся безъ оглядки на Россію, не имѣютъ въ виду культуру, гражданственность, бытъ совершенно особаго рода, т. е. особаго корня. Россію тянетъ къ Европѣ и должно тянуть къ Европѣ, но вылупилась она не изъ такого же яйца, какъ Западъ. Оттого-то практическое вліяніе Европейской литературы на Россію, внѣ опредѣленныхъ вопросовъ той или другой науки, болѣе нежели сомнительно, или, еще вѣрнѣе, можетъ быть только условно.

Все сказанное приводитъ къ необходимости основанія органа, до сихъ поръ не существующаго въ Европѣ,—журнала, который служилъ бы посредникомъ между Европою и Россіею съ единственною задачею доставлять обѣимъ самыя вѣрныя и полныя обоюдныя свѣдѣнія. Изъ предыдущаго достаточно видно, что такой органъ создать могутъ только Русскіе, какъ болѣе знающіе о Европѣ, нежели она о Россіи, и слѣдовательно болѣе убѣжденные въ пользѣ, какую принесетъ Россіи сближеніе съ Европой, нежели догадывается до сихъ поръ сія послѣдняя о выгодахъ, которыя извлечетъ изъ этого она. И ни малѣйшая задняя мысль не должна бы была быть допущена въ подобный журналъ: всякая пропаганда въ пользу Россіи, самая умная, самая честная, самая благонамѣренная, только бы испортила дѣло. Нужно, чтобы журналъ былъ безпрерывною космополитическою справкою, совершенно безстрастною, въ которой Европеецъ и Русскій равно бы находили современную исторію съ такой точки, откуда бы одинаково освѣщалось все доступное свѣту и его достойное, и въ результатѣ, всякій бы видѣлъ, что ему выгоднѣе предпринять, куда и какъ направить свою жизнь, въ какую сторону броситься съ своими силами, способностями, талантами или деньгами, словомъ, гдѣ кому что искать. Чѣмъ полнѣе былъ бы отвѣтъ на этотъ вопросъ, равно важный для всякаго, тѣмъ ближе журналъ подходилъ бы къ своему идеалу, тѣмъ больше бы содѣйствовалъ сближенію Востока и Запада, и пріобрѣталъ бы вѣса тамъ и здѣсь. Это была бы самая дѣятельная пропаганда, пропаганда истины и фактовъ, которая естественно была бы обязана обнять всѣ сферы жизни: политику, общественность, науку, торговлю, промышленность и т. д. Такова идея желательнаго журнала.

Но подобное предпріятіе, разумѣется, могло бы достигнуть своей

цѣли единственно на Французскомъ языкѣ, какъ наиболѣе космополитическомъ: Французскій журналъ читали бы по всей Европѣ и по всей Россіи, конечно, возможно бо́льшее количество свѣдѣній оттуда и отсюда почерпая изъ первыхъ рукъ. Второе необходимое условіе существованія такого журнала—совершенная обезпеченность отъ внѣшнихъ случайностей и всякаго неблагопріятнаго контроля. Въ этихъ видахъ чрезвычайно удобною резиденціею дѣятельности могъ бы служить Миланъ, пользующійся всѣми правами предоставленной Италіи широкой свободы слова, притомъ же какъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ Европейскихъ центровъ, болѣе или менѣе одинаково отстоящій отъ всѣхъ Европейскихъ столицъ. По всѣмъ разсчетамъ вѣроятія предпріятіе не можетъ не вознаградить себя. Надо бы только, чтобы журналъ сразу сталъ на настоящую ногу, показалъ безусловную независимость взгляда, отсутствіе пристрастія къ національностямъ, партіямъ, школамъ, отрѣшеніе отъ всякой доктрины. Тогда онъ имѣлъ бы всѣ шансы быстраго успѣха. Это было бы что-то новое, чего какъ-будто ожидаетъ Европейское общество: можно сказать, оно все теперь мечется понапрасну, отыскивая въ современной журналистикѣ органъ, которому могло бы безбоязненно довѣриться. Польза же, которую бы подобное предпріятіе принесло Европѣ и Россіи, не исчислема въ короткихъ словахъ, но кажется должна предчувствоваться и недальновиднымъ соображеніемъ. Тотъ или тѣ, которые бы привели настоящую мысль въ исполненіе, воздвигли бы себѣ вѣковѣчный памятникъ въ исторіи цивилизаціи и сдѣлали бы для человѣчества больше, нежели до сихъ поръ всѣ гуманисты обоихъ полушарій.

Создать сказанный журналъ могутъ только частныя лица или частное лицо. Вмѣшивать въ дѣло правительство нечего и думать. Малѣйшее правительственное участіе въ предпріятіи мгновенно бы связало свободу дѣйствій и взгляда, которая въ видахъ успѣха журнала, должна быть безусловная: каждое правительство, какъ бы оно либерально ни было, имѣетъ тѣ или другія обязательныя консидераціи, которыя оно, при наилучшихъ намѣреніяхъ, по самому существу своему обойти невластно, а всякія внѣ самаго дѣла лежащія консидераціи тотчасъ бы бросили двусмысленный свѣтъ на любую идею.

*К.*

—

## ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Моя біографія Карамзина, подъ заглавіемъ: Н. М. Карамзинъ, по его сочиненіямъ, письмамъ и отзывамъ современниковъ, съ примѣчаніями и объясненіями, будетъ напечатана къ юбилейному дню. Обращаюсь здѣсь съ покорнѣйшею просьбой къ особамъ, имѣющимъ какіе-либо документы, относящіеся къ жизни нашего незабвеннаго исторіографа, сообщать ихъ мнѣ.

Въ 1830 годахъ, покойный Н. М. Ниротморцевъ, женатый на дочери старшаго брата Николая Михаиловича—Василія Михаиловича, доставилъ мнѣ собраніе писемъ къ нему Николая Михайловича. Сынъ его у меня приготовлялся къ поступленію въ университетъ. Не помню, чрезъ сколько времени, г. Ниротморцевъ спросилъ у меня обратно письма. Я думалъ, отвѣчалъ я ему, что вы отдали мнѣ ихъ въ вѣчное и потомственное владѣніе. Нѣтъ, сказалъ онъ, но мы раздѣлимся пополамъ. Половина моя поступила вмѣстѣ съ прочими подобными бумагами, въ императорскую публичную библіотеку, и напечатана въ Атенеѣ. Другая же половина, съ 80-хъ годовъ, возвращенная г Ниротморцеву, неизвѣстно гдѣ теперь, по его кончинѣ, находится. (Часть ея, малую, получилъ оть кого то профессоръ Тихонравовъ). Я списалъ себѣ ее всю, во время оно, но до сихъ поръ никакъ не могу отыскать между своими бумагами. Покорнѣйше прошу владѣльцевъ прислать эти письма для снятія копій. Вмѣстѣ съ симъ спрашиваю о портретахъ Карамзина. Ихъ извѣстно четыре: послѣдній, рисованный Варнекомъ и гравированный Уткинымъ. Третій долженъ принадлежать къ 1814 г., написанный Тропининымъ, находится у г-жи Селивановской. Второй, въ пудрѣ, въ маломъ форматѣ, есть у меня. Такой же я видалъ и въ большомъ форматѣ, не помню гдѣ. Первый, въ молодости, есть

у М. А. Дмитріева (у меня нѣтъ). По письмамъ я знаю, что посланъ былъ къ роднымъ въ Симбирскъ въ 90 годахъ, портретъ работы Домона. Вотъ этотъ желательно былобъ имѣть оттуда: не можетъ ли кто нибудь сообщить о немъ свѣдѣніе? Долженъ гдѣ нибудь находиться силуетъ друга Карамзина, А. А. Петрова. Должны быть письма Карамзина у наслѣдниковъ Плещеевыхъ...

—

Въ прошломъ году издалъ я вторую часть сочиненій знаменитаго Посошкова, заключающую: Зерцало суемудрія раскольнича. Вотъ ея оглавленіе:

Казалось бы эту книгу надо имѣть при всѣхъ церквахъ, около которыхъ живутъ раскольники: обличеніе, писанное крестьяниномъ, близкимъ современникомъ началу раскола! Ни тутъ-то было. Разошлось не болѣе ста экземпляровъ.

Между тѣмъ отыскано въ академіи еще нѣсколько записокъ Посошкова, а въ государственномъ архивѣ—свѣдѣній объ немъ. Онѣ должны бы составить третью часть! Я готовъ принять на себя ея изданіе.

—

Старанія Общества Любителей Русской Словесности отыскать подлинную рукопись *А. Ѳ. Мерзлякова* остались до сихъ поръ тщетными. Рукопись эта была въ рукахъ у меня въ 30-хъ годахъ, но чрезъ нѣсколько лѣтъ вдова покойнаго вытребовала ее для отправленія ко второму сыну, служившему въ Петербургѣ въ инженерахъ, который будто бы нашелъ средство ее напечатать. Я старался отговорить Любовь Васильевну Мерзлякову отъ ея намѣренія, потому что въ тогдашнихъ обстоятельствахъ литературы, нельзя было надѣяться, чтобы нашелся издатель. Она однакожъ настояла, и рукопись, по ея словамъ, была отправлена въ Петербургъ. Собраніе состояло изъ нѣсколькихъ тетрадей или связокъ, писанныхъ на простой синей и сѣрой бумагѣ, отчасти рукою самаго Алексѣя Ѳедоровича, отчасти имъ исправленныхъ.

Нынѣ Владиміръ Алексѣевичъ Мерзляковъ увѣдомилъ Общество, что рукописи отъ матери не получалъ, и что онѣ вѣроятно остались у старшаго его брата Семена. Но Семенъ Алексѣевичъ, жившій у г-на Куртнера, и умершій послѣ въ больницѣ, въ 40-хъ годахъ, не оставилъ послѣ себя, по справкамъ, никакихъ рукописей. Послѣ вдовы, въ домѣ ея также почти ничего не найдено. Общество вызываетъ тѣхъ, кому случайно могли попасться въ руки какъ нибудь рукописи Мерзлякова, доставить ихъ на имя предсѣдателя, за что выдано будетъ награжденія 150 руб. сер.

—

Многіе друзья, товарищи и ученики покойнаго академика и профессора Русской Словесности, С. П. Шевырева изъявили желаніе поставить ему на кладбищѣ надгробный памятникъ, учредить въ память о немъ въ Университетѣ ежегодную награду для студентовъ, хотя на нѣсколько лѣтъ, за лучшее сочиненіе по предмету Исторіи Русской Словесности, и озаботиться изданіемъ его сочиненій. Попеченіе о дальнѣйшемъ движеніи этого дѣла возложено на меня. Извѣстивъ знакомыхъ покойнаго объ этихъ намѣреніяхъ циркулярными письмами, я обращаюсь теперь къ многочисленнымъ ученикамъ его, студентамъ Московскаго Университета, разсѣяннымъ по всей Россіи, съ настоящимъ приглашеніемъ участвовать въ воздаціи должной чести ихъ наставнику.

Пожертвованія могутъ быть присылаемы въ Москву на мое имя: предсѣдателю Общества Любителей Русской Словесности.

Прочія русскія газеты благоволятъ перепечатать у себя это приглашеніе.

М. Погодинъ.

# МАЛЬЧИКЪ ВЪ ЛАПТЯХЪ И ВЪ НАГОЛЬНОМЪ ТУЛУПѢ.

Черты и картины изъ жизни великаго Ломоносова.

Дружно артель рыбаковъ боролася съ Сѣвернымъ моремъ—
Съ моремъ, гдѣ зимняго льда, неслись еще горы.—*Весна*,
Щурясь, глядѣла чуть-чуть сквозь тальникъ и принизистый
ельникъ.
Кое-гдѣ мурава прошибалась на тундрахъ.—Олени
Лѣсомъ бѣгучимъ, рогастымъ, носились по тундрамъ...

— — — —

Лòвитъ артель рыбаковъ и *моржей* и *тюленей*, дивуясь
Какъ, изъ ноздрей своихъ, *китъ*, мèчетъ высоко, на воздухъ,
Башнями влагу.—*Ночь*,—звѣзды, горящія жаромъ,
Въ мòрѣ холодномъ купаетъ.—При этомъ, на мшистомъ прилавкѣ,
Мальчикъ, въ лаптяхъ, и въ нагольномъ тулупѣ, думаетъ думу:
«Какъ это, Господи-Боже! Откуда взялося всё это?!
«Сòлнце идетъ и заходитъ!—Зòри, въ свой часъ, зажигаютъ
«Алыя свѣчи свои!—Въ мòрѣ лавины трещатъ
«И громадами къ берегу бьются; но *Перстъ*, погрозивъ имъ
мятежнымъ
«Вспять ихъ ведетъ, и велитъ почивать въ колыбели холодной—
«Чей-же *перстъ* то велитъ?! Кто это все такъ устроилъ?—
«Какъ-бы хотѣлъ я узнать о порядкахъ земныхъ и небесныхъ!
«Господи Боже! Не даромъ положилъ ты мнѣ въ дѣтское сердце

«Жажду *вѣдать* и *знать,* изслѣдить, изучить и, разумно,
«Опытнымъ глазомъ, глядѣть на людей и на чудный твой міръ поднебесный!»
Мальчикъ, въ лаптяхъ и въ нагольномъ тулупѣ, такъ у̀ моря думалъ.
И про себя говорилъ: «на *Москвѣ* есть колодезь, сказали,
Чудной какой-то воды... выпьешь и вдругъ предъ тобою
«Вскроется всё!—Небеса тайны повѣдаютъ; *книги*
«Прошлыхъ вѣковъ разогнутся;—а вѣдь все отъ воды той предивной.
«Воду-же дѣдушка ту̀ называлъ мнѣ—*наукой.*
«Чтожъ?—Была̀ не была!—побѣгу я туда за обозомъ!...

— — — —

—Былъ докладъ, на Москвѣ, отцу Ректору въ Академіи:
«Мальчикъ, въ лаптяхъ и въ нагольномъ тулупѣ, явился и проситъ,
«Проситъ и молится слезно принять его въ классы учащихся.
«Нищій не проситъ такъ хлѣба, какъ онъ проситъ науки и знанья».—
Принятъ!—Вошелъ онъ туда — мальчикъ въ лаптяхъ и въ тулупѣ.—
Вышелъ *оттуда* ужъ *мужъ* въ сапогахъ и въ почетномъ кафтанѣ!—

— — — —

—Гдѣ-то въ Прусской землѣ, рядовые сидѣли и пили;
Го̀воръ былъ о войнѣ съ Турками Русскихъ, при *Аннѣ.*
Вдругъ одинъ, между нихъ, выглянулъ истымъ пророкомъ:
Шапка слетѣла съ чела̀—и чело высоко̀ поднялося,
Дивнымъ огнемъ загорѣлись голубыя лучистыя очи,
Русская кровь разыгралась—и запѣлъ Всероссійскій піита:

«Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ
«Ведетъ на верхъ горы высокой,
«Гдѣ вѣтръ, въ лѣсахъ, шумѣть забылъ,
«Въ долинѣ тишина—глубокой!.......

— — — —

—«Что за чудныя вирши?!—Что за ода?—Откуда?
«Кто онъ?—Откудова взялъ и слова и размѣры?!—
«Все такъ ново!... Музыка ухо ласкаетъ, и къ сердцу
«Теплой струею бѣжитъ!—Строки, какъ вѣщія струны,
«Дивно звучатъ и поютъ намъ высокія *Русскія* пѣсни!»
Такъ *при дворѣ* говорили, въ шитыхъ кафтанахъ, вельможи.—

— — — —

Было то на миру, въ золоченомъ дворцѣ у Царицы,
Въ шитомъ кафтанѣ сидѣлъ *мужъ* именитый съ высокимъ,
Яснымъ челомъ, и о немъ говорили, съ почтеньемъ, другъ другу:
«Се нашъ піита, философъ, химикъ, художникъ,—создатель
«*Новаго стиля*!»—А этотъ, химикъ, художникъ, піита
Тотъ-же знакомый намъ, *мальчикъ въ лаптяхъ и въ наголь-
номъ тулупѣ*!—

Вотъ и *сто лѣтъ* ужъ прошло! И *сто лѣтъ* говорятъ: «*Сла-
вой Россовъ*
Не оспорно и есть и пребудетъ,—наша честь,—Михаилъ Ло-
моносовъ!»—

—

—Посмотрите-же *всѣ*, у кого бьется Русское, честное сердце,
*Кто теперь* мальчикъ въ лаптяхъ и въ смиренномъ наголь-
номъ тулупѣ?—

Ктожь какъ не наша *Святая Русь*!—Миліоны проснулись!
Говоръ сплошной повсюду: *Свѣта* и *Свѣта* всѣ просятъ!...
Просятъ *воды животворной*! Много даровъ и даяній
Богъ-Господь *въ за тулупную пазуху* Русскимъ:
*Сердцу* далъ много тепла; *головѣ*-же и *толкъ* и *смышленость!*—
Намъ предлежитъ все развить, и, развивъ, такъ, разумно, устроить,
Чтобъ *нашъ мальчикъ*, въ лаптяхъ и въ тулупѣ нагольномъ вдругъ, прямо и бодро,
Сталъ, межъ народовъ, какъ днесь,—славой и честію Россовъ,—
Сталъ, устоялъ и стоитъ, *богатырь* Михаилъ Ломоносовъ!...

Ѳедоръ Глинка.

## ДОРОГА.

I.

Страна, гдѣ нѣтъ сѣдыхъ развалинъ,
Гдѣ мшистыхъ памятниковъ нѣтъ!
Безъ вдохновенья и печаленъ
Проходитъ даль твою поэтъ!

Въ тебѣ не разрушало время,
Не созидалъ за вѣкомъ вѣкъ!
Едва сойдетъ въ могилу племя,
Придетъ—сломаетъ человѣкъ!

Твои безмолвные курганы
Одни о чемъ-то говорятъ!
Но чьи тутъ кости? чьи же раны
Точили кровь?—они молчатъ!

Страна безмолвная! ужели
Ты вѣки мирно проспала?
О, нѣтъ! въ тебѣ мечи звенѣли!
Нѣтъ! ты страдала—ты жила!

Но можетъ быть, всегда младая,
Ты возрожденіемъ цвѣтешь,
И дѣдовъ слѣдъ съ землей равняя,
Для внуковъ почву бережешь!

II.

Вотъ сотни верстъ проѣхалъ я!
Со мной была моя семья;
А грустно было мнѣ и скушно!
Какъ пусто все, и какъ бездушно!

Кой-гдѣ пригорокъ, кой-гдѣ лѣсъ;
А больше степь, да сводъ небесъ,
Да тянется однообразно
Деревня съ улицею грязной!

На пашнѣ соху тащитъ лѣнь,
Валя колоду черезъ пень;
Навоза кучи средь селенья,
А нивы просятъ удобренья!

Про ѣхалъ я и города!
Во всякомъ тоже: домъ суда,
Соборъ, базаръ, да домъ питейный!
Всѣ зданья очень незатѣйны!

Вездѣ одно! — и я зѣвнулъ!
Потомъ подумалъ, да вздохнулъ!
Вздохнулъ о предкахъ, о потомкахъ,
О европейскихъ нашихъ ломкахъ!

III.

Съ полверсты въ сторонѣ отъ дороги
Зеленѣетъ кудрявый лѣсокъ,
И бѣжитъ сквозь овражекъ отлогій,
Между камней журча, ручеекъ.

Тамъ надъ свѣжей, пустынной струею,
Гдѣ часовня стоитъ подъ лѣскомъ,
Встрепенулся я, странникъ, душою,
И склонился въ молитвѣ челомъ:

«Матерь Божія! въ лѣта надежды,
Путникъ жизни еще молодой,
Приходилъ я сюда же, и вѣжды
Орошалъ умиленья слезой!

Я молился, чтобъ день благодатный
Осѣнилъ мой любимый цвѣтокъ;
Но взяла ты цвѣтокъ ароматный,
И вплела въ свой небесный вѣнокъ!

Молодая душа отстрадала,
Закатились тѣ красные дни!
Ты другую мнѣ долю послала;
Ты ее мнѣ теперь сохрани!

Сохрани ты мнѣ этихъ невинныхъ!
Ихъ суровый мой жребій увлекъ,
И за мною въ дорогахъ пустынныхъ
Мчитъ, какъ сорванный вѣтромъ листокъ!»

IV.

По той же дорогѣ, бывало,
Я юношей бодрымъ ѣзжалъ,
Тамъ счастье меня ожидало:
Тамъ съ милой свиданья я ждалъ!

Почтовые кони скакали,
Дуги колокольчикъ звенѣлъ,
Пригорки, лѣса отставали,
А сердцемъ впередъ я летѣлъ!

Давно мнѣ съ тѣхъ поръ по дорогамъ
Молчалъ колокольчикъ живой!
Я ѣду къ заботамъ, тревогамъ,
А сердце все бьется Москвой!

Та юность—безпечное время
Стрѣлой пролетѣло оно;
Та жизнь понагнулась подъ бремя,
Та милая въ гробѣ давно!

И встрѣчу пріемъ я холодный
Людей, непривыкшихъ ко мнѣ,
На родинѣ странникъ безродный,
Чужой на своей сторонѣ!

V.

Вотъ показался лѣсъ съ горою;
Вотъ колокольни, шпиль и крестъ;
Вотъ домъ, гдѣ съ тихою семьею
Я жилъ средь дикихъ этихъ мѣстъ!

Смотрю и думаю: «такъ это
Покинулъ юноша съ тоской?
Теперь еще тепло и лѣто;
А каково-то здѣсь зимой!»

Мих. Дмитріевъ.

1848. с. Б.

## ИЗЪ МИЦКЕВИЧА.

I.

От жизненныхъ волненій и заботъ,
  Бѣгу къ тебѣ, уединенье!
Въ глуши твоихъ невозмутимыхъ водъ
  Ищу покоя и забвенья.

—

Я отдохнуть, я освѣжиться радъ,
  Вполнѣ твоей отдавшись власти,
И кажется, въ тебѣ спокойно спятъ
  Мои мечты, желанья, страсти.

—

И мнится мнѣ: аскетомъ я рожденъ,
  Что ты—родная мнѣ стихія;
И вдругъ опять я кѣмъ-то пробужденъ,
  Въ душѣ встаютъ стенанія глухія;

—

И какъ больной я рвуся и лечу
  Изъ бездны рыбою летучей,
И прежнимъ воздухомъ упиться я хочу,
  Взглянуть на этотъ міръ кипучій

—

Но для чего такъ тяжко здѣсь дышать,
  А тамъ и холодно, и мрачно?
Иль суждено повсюду мнѣ страдать,
  Иль я родился неудачно.....

II.

Какъ начну я съ дочкою болтать—
Мы одни болтаемъ: въ тѣ минуты
Дядя въ книгу смотритъ, дремлетъ мать,
И у всей семьи уста сомкнуты.

—

Чуть о бракѣ: видъ уже иной
Вся семья почтенная пріемлетъ,
Дядя рѣчь заводитъ стороной
О чинахъ, помѣстьяхъ, мать не дремлетъ.

—

А Дуняша, горничная ихъ,
У лакея о другихъ предметахъ
Узнаетъ каковъ-таковъ женихъ?
О характерѣ его, объ лѣтахъ.

—

Эхъ, друзья, не клалъ я денегъ въ банкъ,
На Олимпѣ всѣ мои помѣстья;
А какой мнѣ дастъ потомство рангъ,
Не пришло еще о томъ извѣстья;

—

Про характеръ мой... Дуняша—другъ,
Какъ ужо отъ барышни ты выдешь,
Загляни комнѣ, коли досугъ—
Потолкуемъ, ты сама увидишь....

Варшава, 1865 г.

Н. Бергъ

---

## ИЗЪ РЮККЕРТА.

Какъ мнѣ рѣшить, мой другъ прелестный,
Кто больше властью: я иль ты?
Свободныхъ пѣсенъ кругъ небесный
Не больше царства красоты.

—

Два рая;—ты въ моемъ царица,
А мнѣ въ твоемъ царить дано,
Одинъ другому лишь граница
И оба вмѣстѣ лишь одно.

—

Тамъ, гдѣ любовь твоя невластна,
Восходитъ пѣсни блескъ моей.
Куда душа ни взглянетъ страстно,
Разверсто небо передъ ней.

А. Фетъ.

# ПРОСЬБА.

Выйдти печатно и просить общество, какъ я выхожу и прошу, кланяясь по-Русски на всѣ четыре стороны,—для этого надобно вѣрить въ благородство своего общества, что оно не можетъ отказать въ просьбѣ.

Наша общественная роль въ Польскомъ вопросѣ вся заключается въ этихъ словахъ: быть ли Руси Русью, возсоединенною не только государственно, а закрѣпленною за государствомъ незыблемо и неотъемлемо духомъ нашего общественнаго прозрѣнія и проникновенія въ тѣ слои народной жизни, гдѣ Польское магнатство своимъ все попирающимъ игомъ, ржа Польскаго шляхетства своей трехвѣковою изъѣдающей силою и еще, совмѣстно съ ними, страшная припускная піявка Еврейскаго племени сокрушили, источили, высосали все, что зовется жизнью въ народѣ и только Русскую душу его не могли вырвать никакими клещами и оставили ее, какъ библейскаго терпѣливца Іова, сидѣть на гноищѣ и черепкомъ своей разбитой жизни строгать зудящіе струпы обнаженнаго, истощеннаго тѣла!

Вотъ картина, которая должна стоять въ глазахъ нашего общества и не можетъ она не возбуждать въ насъ нашего участія, нашего состраданія, нашего милосердія и... нашей общественной духовной борьбы—борьбы съ неотступнымъ духомъ шляхетско-польскаго іезуитизма, которое до совершенства искусилось во всѣхъ лживыхъ и льстивыхъ завѣтахъ своихъ стремленій и всякихъ ухищреній къ единой исконной цѣли. А эта цѣль—ее нечего называть—она все тотъ же многострадальный Іовъ, котораго закляла себѣ на жизнь и смерть Польско-іезуитская унія и слѣпая, и обезумѣвшая отъ фанатизма, дважды помноженнаго на папскій католицизмъ и какую-то всемірно-историческую Польшу, представительницу и просвѣтительницу всего Славянства,—эта Польско-іезуитская унія все еще силится, чтобы Русь не была Русью и сама будучи язвой на нашемъ государственномъ тѣлѣ растравляетъ намъ раны въ западной Россіи!

*Братства*, это возможное исцѣленіе, это исторически-переданное намъ орудіе древней православной силы побороть врага. Въ чемъ теперь весь вопросъ правительства и вся забота тѣхъ людей, у которыхъ болитъ сердце за западно-Русскій народъ? Въ томъ, чтобы высвободить народъ изъ-подъ вліянія пановъ и жидовъ, которые, не смотря на объявленную *волю*, держатъ бѣдное истощенное народонаселеніе въ самой тяжкой неволѣ — въ своей кабалѣ. И чтобы посмотрѣть: что́ это за панско-Жидовская кабала? Загляните въ № 38 «Дня» въ областное обозрѣніе. Это ссуженный рубль за 100 и 130 процентовъ, оплачиваемыхъ работою! Это позорные 8 р. обольщенной женщины, и за которые однакоже взимается процента въ недѣлю по копейкѣ съ рубля! Это 17 р. на цѣлый годъ закрѣпощеннаго въ работу человѣка по два дня въ недѣлю мужскихъ и по одному женскому! И это еще вещественная цѣна, а во что поставить невещественную оцѣнку того, что является бѣднякъ съ поклономъ въ ноги пану, или его клеврету жиду, и слышитъ: «Что? Сладка Московская воля? Что же ты не къ Москалямъ идешь, собачья твоя вѣра и собачья кровь (psia viara i psia krew)!»

Во имя Христа Бога, во имя брата нешего единовѣрнаго и едино-Русскаго, изъ котораго тянутъ жилы, и надъ которымъ ругается исконный врагъ Христа и безумный врагъ всего, что есть Русское—*братства*, возобновленныя братства должны прійти на помощь! Снять поруганіе съ этой называемой *Москвы*, не дать убить вѣру въ насъ нашего брата, и, что важнѣе всего, *братской помощью* ослабить мертвый оселъ, который затягиваютъ они вмѣстѣ, жидъ и панъ, на шеѣ освобожденнаго народа. Но какъ сдѣлать? Въ чемъ можетъ состоять эта «братская помощь?»

Въ ста рубляхъ—которые пусть братчики, записавшіеся изъ насъ, постараются положить въ основу своихъ братствъ и сдѣлаютъ эту сумму *братской помощью* въ своемъ приходѣ для всякого, кому прежде нужно было идти продавать себя жиду, или отдаваться въ кабалу къ пану—*сдѣлаютъ эти сто рублей приходскимъ заемнымъ банкомъ, изъ котораго братство будетъ выдавать свои ссуды за проценты;* но эти проценты, безъ сомнѣнія, не могутъ быть ни панскими, ни Жидовскими процентами.

Эта сумма: *сто рублей!* намъ можетъ показаться ничтожною и не стоющею того, чтобы съ нею приступать къ дѣлу; но могу васъ увѣрить, она стоитъ великаго для бѣднаго народа. Его нужды потому-то являются крайними вопіющими нуждами, что онѣ составляютъ послѣднее, въ чемъ можетъ себѣ отказать человѣкъ, и бываютъ такъ ничтожно-малы, что не превышаютъ трехъ-четырехъ рублей—но эта трехрублевая нужда гнетомъ смерти лежитъ на Бѣлорусцѣ, обутомъ въ дрянныя лапти, одѣтомъ въ бѣлую безцвѣтную одежду, и который ѣстъ хлѣбъ пополамъ съ мякиною и еще добавляетъ его древесной корою! Неужели вы думаете, что содержатель корчмы Еврей, который съ тѣмъ вмѣстѣ держитъ все населеніе въ своей кабалѣ, имѣетъ всегда въ наличности болѣе, чѣмъ сто рублей, которые онъ раздаетъ на свои жидовскіе проценты? Нѣтъ, онъ очень часто не имѣетъ половины этой суммы; но все дѣло въ томъ, что въ этомъ бѣдномъ селеньѣ, въ этомъ «родномъ краѣ долготерпѣнья», гдѣ люди живутъ даже не на мѣдный грошъ, а на вѣники и на сушеные грибы; а государственную подать, и еще теперь усиленную выкупною ссудою, платятъ не грибами и не вѣниками. — Жидъ есть единственное лицо, которое звенитъ деньгой передъ бѣднымъ народомъ и у котораго рубль-два ли, но есть возможность получить взаймы, не стоя уже ни за какими Жидовскими процентами.

И вотъ здѣсь-то именно, на этой посредствующей ступени между государствомъ съ его необходимыми тяжелыми требованіями и бѣднымъ истощеннымъ народомъ, съ его піявками, нашей общественной силою пусть воздвигнутся и станутъ возобновленныя братства съ ихъ сто рублевой братской помощью — *чтобы Московская воля не показалась хуже панской неволи.* Имѣющій уши слышать да слышитъ....

Безъ моего вѣдома, выбранная и записанная младшею сестрою бѣднаго сельскаго братства, при церкви Святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія, въ селѣ Яполоти, (Волынской губ., Ровенскаго уѣзда), — я не имѣю силы отказаться и обращаюсь къ обществу, прося его принять отъ меня, чѣмъ я богата: именно эту сердцемъ передуманную мысль о вопіющей необходимости денежнаго залога, хотя бы только во сто

рублей, при нашихъ возобновляемыхъ братствахъ, — принять эту мысль, глубоко прочувствованную Русскимъ чувствомъ, и дать мнѣ самой возможность исполнить ее въ Свято-Георгіевскомъ Яполотскомъ Братствѣ—въ церкви котораго, (нечего говорить, что совершенно бѣдной) Евангеліе еще остается униатское, не имѣется дарохранительницы; а о плащаницѣ даже нѣтъ понятія—не осталось памяти ея въ народѣ.

Глубоко убѣжденная, что добро должно быть совершеннымъ добромъ въ цѣли и въ средствахъ, я по совѣсти не могу прибѣгнуть ни къ лоттереямъ, ни къ музыкальнымъ и литературнымъ вечерамъ. У общества есть и не можетъ не быть чистаго чувства братской христіанской любви, которое слышитъ зовъ и идетъ на помощь.

Мой адресъ: Въ Изюмъ (Харьковской губ.)

Кохановской.

—

Съ величайшимъ удовольствіемъ помѣщаемъ эту благодѣтельную просьбу, и смѣемъ надѣяться, что она найдетъ себѣ отголосокъ въ Русскихъ сердцахъ. Мысль прекрасная, благотворная, простая, практическая,—и вмѣстѣ обѣщающая великую пользу для цѣлыхъ населеній. Обращаемъ на нее вниманіе нашихъ читателей. Редакція «Утра» изъ первой выручки посылаетъ къ Г-жѣ Кохановской сто рублей. Другіе сто рублей посылаются изъ Шевыревскаго сбора—пусть его имя поминается на всегда въ той церкви, куда посылаемыя деньги будутъ назначены г-жею Кохановской. Доброхотные датели могутъ присылать свои приношенія и на мое имя· я радъ буду быть ихъ посредникомъ. *М. Погодинъ.*

# НАЧАЛО

# САМОБЫТНОЙ ЖИЗНИ А. С. ХОМЯКОВА.

*Генералъ адъютанта графа Остенъ-Сакена.*

Прочитавъ съ особеннымъ удовольствіемъ и полнымъ сочуствіемъ, съ 252 № 1860 г. «Русскаго Инвалида», фельэтонъ, гдѣ оцѣнены достоинства и заслуги незабвеннаго А. С. Хомякова, который займетъ прекрасное мѣсто въ отечественной исторіи, я считаю обязанностію, по близкимъ къ нему отношеніямъ, передать въ число матеріаловъ, для описанія его жизни, всё, что я знаю объ этомъ, въ высокой степени, замѣчательномъ человѣкѣ.

Во время начальствованія моего Астраханскимъ Кирасирскимъ полкомъ, отецъ А. С., весною 1822 года, привезъ ко мнѣ въ Новоархангельскъ 17-ти лѣтняго своего сына, для опредѣленія на службу, и поручилъ моему попеченію. Я былъ тогда уже женатъ, и принялъ въ нашъ домъ юношу Хомякова, какъ сына, ибо, при первомъ уже свиданіи, онъ внушилъ мнѣ и женѣ моей полное сочувствіе.

Въ физическомъ, нравственномъ и духовномъ воспитаніи онъ былъ едва ли не единица. Образованіе его было поразительно превосходное, и я во всю жизнь мою не встрѣчалъ ничего подобнаго въ юношескомъ возрастѣ. Впрочемъ для него былъ принятъ лучшій способъ образованія, домашній, гдѣ онъ, проходя впослѣдствіи университетскій курсъ, бралъ уроки у лучшихъ московскихъ профессоровъ, наприм. въ словесности у Мерзлякова. Какіе прекрасные плоды принесло сторицею посѣянное имъ сѣмя! Какое возвышенное направленіе имѣла его поэзія. Онъ не увлекся направленіемъ вѣка къ поэзіи чувственной. У него всё нравственно, духовно, возвышенно. Какое прекрасное понятіе имѣлъ онъ о словесности обличительной! Именъ другихъ профессоровъ я не помню.

Вакантное время проводилъ онъ съ родителями въ деревнѣ (кажется Тульской), гдѣ развивались его физическія силы, и гдѣ онъ изучалъ природу.

Русскій, Французскій, Нѣмецкій и Англійскій языки зналъ онъ, какъ отечественный, владѣлъ даромъ слова. Познанія въ Латинскомъ языкѣ мнѣ не извѣстны; но вѣроятно они были основательны, если онъ, какъ сказалъ въ рѣчи своей г. Бартеневъ, въ дѣтскомь возрастѣ могъ замѣтить орѳографическую ошибку въ буллѣ непогрѣшимаго Папы.

Въ математикѣ, исторіи, географіи, имѣлъ познанія замѣчательныя.

Ѣздилъ верхомъ отлично, по всѣмъ правиламъ берейторской школы.

Прыгалъ чрезъ препятствія въ вышину человѣка.

На эспадронахъ дрался превосходно.

Обладалъ силою воли, не какъ юноша, но какъ мужъ, искушенный опытомъ. Строго исполнялъ всѣ посты по уставу Православной церкви, и въ праздничные и воскресные дни посѣщалъ всѣ Богослуженія. Въ то время было еще значительное число вольнодумцевъ, деистовъ, и многіе глумились надъ исполненіемъ уставовъ церкви, утверждая, что они установлены для черни. Но Хомяковъ внушилъ къ себѣ такую любовь и уваженіе, что никто не позволилъ себѣ коснуться его вѣрованія. Впрочемъ, онъ былъ далеко выше мелкаго чувства ложнаго стыда, и жалкое глумленіе не взволновало бы его.

Хомяковъ не позволялъ себѣ внѣ службы употреблять одежду изъ тонкаго сукна, даже дома, и отвергнулъ позволеніе носить жестяныя кирассы, вмѣсто желѣзныхъ полупудоваго вѣса, не смотря на малый ростъ и съ виду слабое сложеніе.

Относительно терпѣнія и перенесенія физической боли, обладалъ онъ въ высшей степени спартанскими качествами: въ полку служилъ одинъ офицеръ, очень вспыльчивый молодой человѣкъ, имѣвшій большое притязаніе на искусство фехтованья, и часто вызывалъ Хомякова на неравный бой. Хомяковъ надѣвалъ на него бурку съ рукавами, перчатку съ набитыми шерстью крагами и маску,

а самъ снималъ колетъ. При всякомъ ударѣ, который наносилъ Хомяковъ очень легко, онъ опускалъ эспадронъ; противникъ, пользуясь этимъ положеніемъ, съ злостью наносилъ ему обыкновенно нѣсколько ударовъ по рукѣ. Въ это время Хомяковъ и присутствующіе хохотали, и приводили тѣмъ еще въ большую запальчивость противника, который, при полученіи новаго удара, еще менѣе щадилъ опущенную руку Хомякова. Послѣ каждаго ратоборства, рука его распухала и была въ синихъ пятнахъ; но это не препятствовало принимать снова предложеніе.

Чего нельзя было ожидать отъ подобнаго юноши?

Хомяковъ не болѣе года оставался подъ моимъ начальствомъ, и былъ переведенъ въ Лейбъ-Гвардіи конный полкъ. Выбытіе его было для меня большимъ лишеніемъ, и я разстался съ нимъ, какъ съ нѣжно-любимымъ сыномъ.

Полагаю, что послѣ Государей нашихъ, начиная съ Александра Благословеннаго, не въ первомъ ли Хомяковѣ зародилась мысль и пламенное желаніе видѣть смытымъ съ Россіи пятно крѣпостнаго права!

Полагаю, что для моихъ соотечественниковъ, и въ особенности для достойнаго друга А. С. Хомякова, М. П. П., пріятно на себя будетъ узнать помянутыя подробности, и если послѣдній приметъ обязанность біографа, то свѣдѣнія эти, выражающія начало самобытной жизни человѣка необыкновеннаго, могутъ войти въ составъ матеріаловъ.

# О ГОДѢ РОЖДЕНІЯ КАРАМЗИНА.

(*Къ М. А. Дмитріеву*).

Годомъ рожденія Карамзина считался нѣсколько времени въ нашей литературѣ 1765-й, на основаніи одного мѣста въ его письмѣ изъ Женевы, отъ 1 Декабря 1789 года, въ которомъ онъ сказалъ, что ему исполнилось тогда 24 года.

Такое показаніе занесъ и Гречь въ свою исторію Русской литературы.

Но въ десятыхъ годахъ Николай Михайловичъ, въ автобіографической своей запискѣ, написанной имъ для митрополита Евгенія, который собиралъ въ то время матеріалы для словаря писателей, написалъ, что онъ родился въ 1766 году. (Fac-simile прилагается). Такъ и выставилъ у себя митрополитъ Евгеній.

Согласно съ этимъ показаніемъ, въ изданіи, 1814 года, (*) Писемъ Русскаго путешественника, (въ полномъ собраніи сочиненій Карамзина), въ вышеупомянутомъ Женевскомъ письмѣ счетъ годовъ исправленъ, и вмѣсто 24 лѣтъ поставлено тамъ 23 года,—а изданіе производилось подъ личнымъ надзоромъ Карамзина, который писалъ объ немъ типографщику Селивановскому, уговариваясь съ нимъ о печатаніи: «я съ своей стороны обязываюсь просмотрѣть (сочиненія), исправить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и дополнить... такъ что новое изданіе должно быть лучше прежняго». (см. Библіографическія записки, 1859 года, с. 581).

23 года, вмѣсто прежнихъ 24, повторены и въ третьемъ изданіи сочиненій Карамзина, вышедшемъ при его жизни.

(Извѣстный нашъ библіографъ, С. Д. Полторацкій, собралъ эти указанія и напечаталъ объ нихъ статью въ Сѣверной Пчелѣ еще 1861 г. № 65).

Г. Галаховъ представилъ свои соображенія о 1766 годѣ въ Петербургскихъ вѣдомостяхъ прошедшаго года.

Княгиня Е. Н. Мещерская нашла въ своихъ бумагахъ письмо, въ коемъ описывалось празднованіе дня рожденія Николая Михайловича въ 1825 году; онъ сказалъ тогда, что ему исполнилось 59 лѣтъ.

К. С. Сербиновичъ, одинъ изъ самыхъ усердныхъ сотрудниковъ Николая Михайловича, въ послѣдніе годы его жизни, пишетъ ко мнѣ, что супруга его, Катерина Андреевна, поручая устройство надгробнаго памятника, просила вырѣзать наономъ годъ рожденія 1766.

---

(*) Подъ этимъ годомъ значится изданіе у нашихъ библіографовъ въ приведенныхъ ниже статьяхъ.

Сынъ, Владимиръ Николаевичъ, подтвердилъ, что не моглобъ быть сдѣлано это распоряженіе безъ полной и твердой увѣренности.

Всѣ друзья покойнаго видѣли надгробную доску, и никто невыразилъ ни малѣйшаго сомнѣнія—Дмитріевъ, Тургеневъ, Жуковскій, Блудовъ, Дашковъ.

Получивъ всѣ вышеисчисленныя свидѣтельства, я сообщилъ ихъ М. А. Дмитріеву, и сказалъ въ отвѣтной статейкѣ своей на его возраженія, что, склонявшись прежде, по нѣкоторымъ соображеніямъ, къ мнѣнію о 1765 годѣ, думаю теперь, что мы не имѣемъ права, вопреки Карамзину, считать годомъ его рожденія не тотъ, какой онъ считалъ самъ, исторіографъ, и недолжны противорѣчить его семейству, пока не отыщутся новыя положительныя доказательства.

М. А. Дмитріевъ, недовольный всѣми этими доказательствами, приводитъ письмо Новикова, и показанія И. И. Дмитріева, П. П. Бекетова и С. С. Кушникова, которые, годомъ рожденія Карамзина принимали 1765 годъ. Въ заключеніе своей статьи противъ сообщенныхъ мною свѣдѣній, М. А. Дмитріевъ говоритъ:

»Михаилу Петровичу слѣдовало, по правиламъ строгой критики «опровергнуть мое мнѣніе, что письмо Н. И. Новикова писано въ «1815 году, и доказать, что оно писано въ 1816 году. *Вотъ «тогда это было бы возраженіемъ дѣльнымъ, которому «бы и я покорился.*»

Я не писалъ и *не хотѣлъ* писать ни какихъ возраженій и опроверженій, а изложилъ только новыя свидѣтельства о 1766 годѣ, по требованію семейства Карамзиныхъ.

Но теперь, въ исполненіе требованія М. А. Дмитріева, представляю желаемое имъ опроверженіе.

Новиковъ пишетъ Карамзину: «вамъ 49 лѣтъ; это годъ климатеричный: вамъ сей годъ есть годъ, полный чести и славы, а «мнѣ этотъ годъ былъ полонъ скорби и печали.»

Приведемъ сперва сполна слова г. Дмитріева о письмѣ Новикова: «хотя года и числа при этомъ письмѣ не напечатано, но я увѣренъ, что оно писано въ 1815 году. Въ немъ между прочимъ говорится;—«сердечно сожалѣю и буду сожалѣть, ежели не увижу васъ до отъѣзда вашего въ Петербургъ; теперь по крайней мѣрѣ желаю того, чтобъ вы возвратились въ Москву въ Августѣ.» А изъ писемъ Карамзина къ моему дядѣ видно, что онъ переѣхалъ въ Петербургъ, для представленія своей исторіи, зимою, въ началѣ 1816 года: слѣдовательно въ письмѣ Новикова говорится объ Августѣ предшествовавшаго 1815 года; слѣдовательно 49 лѣтъ минуло Карамзину 1 декабря 1814 года».

Приступаемъ къ разбору показаній Новикова и толкованій М. А. Дмитріева.

Новиковъ говоритъ Карамзину: вамъ 49 лѣтъ; это годъ климатеричный. Вамъ сей годъ, есть годъ полный чести и славы.

Я спрашиваю: какой годъ былъ для Карамзина полонъ чести и славы? 1816-й, и то съ 15-го Марта, послѣ аудіенціи Императора Александра и благосклоннаго принятія имъ Исторіи.

Не только 1815-й, но и начало 1816 года было для него временемъ неизвѣстности, иногда даже мучительной: отъ *20 Января* 1816 года, онъ писалъ къ Малиновскому: Если отправлюсь въ Петербургъ, то возму съ собою запасъ терпѣнія, уничиженія, нищеты духа. *Отъ 2 Марта* 1816 года Карамзинъ писалъ къ своей супругѣ: вчера, говоря съ В. К. Екатериною Павловной, я только что не дрожалъ отъ негодованія при мысли, что меня держатъ здѣсь безполезно, и почти оскорбительнымъ образомъ.

Съ 15 Марта, 1816 года, съ аудіенціи Государевой, все перемѣнилось.

Въ 1815 году Карамзинъ не видалъ Государя, не могъ его видѣть, и ничего не зналъ о судьбѣ своей Исторіи; слѣдовательно не объ какой чести и славѣ для него рѣчи у Новикова быть не могло.

Письмо Новикова должно быть писано въ Апрѣлѣ или Маѣ 1816 года. «Сердечно сожалѣю и буду сожалѣть, ежели не увижу васъ до отъѣзда вашего въ Петербургъ.« пишетъ Новиковъ.

Карамзинъ, возвратившись въ Москву, послѣ аудіенціи Государевой, поѣхалъ съ семействомъ въ Петербургъ, въ концѣ Мая 1816, но былъ намѣренъ не долго тамъ оставаться, и быть непремѣнно въ Августѣ 1816 назадъ въ Москву. Потому и пишетъ Новиковъ:» «теперь покрайней мѣрѣ желаю того, чтобъ вы возвратились «въ Москву въ Августѣ».

Нужно ли еще доказательства, что Карамзинъ именно въ Августѣ 1816 года думалъ быть опять въ Москвѣ?

Къ счастію могу служить и ими: въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву Карамзинъ писалъ *отъ 25 Мая* 1816 года: авось будемъ *къ Сентябрю* въ Москвѣ.

А къ Малиновскому, отъ *4 Іюля* 1816 года, Карамзинъ писалъ еще яснѣе: Москва у меня въ сердцѣ: я доволенъ здѣшнимъ пребываніемъ, но помышляю возвратиться, и рѣшительно въ *половинѣ или изходѣ Августа.*

Объ этомъ то Августѣ 1816 года говоритъ и Новиковъ. Ясно ли?

Г. Дмитріевъ пишетъ: »Въ 1815 году въ Августѣ Имп. Александръ былъ въ Москвѣ, 30 Августа былъ на балѣ у Тормасова, и отличилъ своимъ вниманіемъ Карамзина.»

Здѣсь все невѣрно. Въ 1815 году Имп. Александръ былъ еще въ Парижѣ, см Михайловскаго Данилевскаго, т. VII с. 409: » 9 Августа происходилъ знаменитый смотръ въ Вертю, 30 Августа церковный парадъ. Тамъ-же. 13 Сентября выѣхалъ Государь изъ Парижа, 18 Ноября переѣхалъ черезъ границу въ Россію. Слѣдовательно Императора Александра не могло быть въ Москвѣ на балѣ у графа Тормасова 30 Августа 1815 года, и немогъ Карамзинъ быть имъ обласканъ, какъ утверждаетъ г. Дмитріевъ. Карамзинъ жилъ все лѣто въ Остафьевѣ, и писалъ брату отъ 20 Сентября, 1815 года: одна надежда на Исторію, но и та весьма невѣрна!

М. Погодинъ.

---

## ПРИМѢЧАНІЯ КЪ СТАТЬѢ О ДѢТСТВѢ КАРАМЗИНА.

(1) Мнѣніе г. Дмитріева разобрано здѣсь выше, въ особой статьѣ.

(2) Такое имя встрѣчается и теперь на Кавказѣ. См. Записки Кавказскаго офицера, помѣщенныя въ Русскомъ Вѣстникѣ 1864 года.

(3) Крестьяне изъ Нижегородской губерніи впослѣдствіи были переведены въ Симбирскъ, а оставшаяся земля досталась Николаю Михайловичу, который уступилъ ее Плещеевымъ.

(4) Не объ этомъ ли Кудрявцевѣ упоминаетъ И. И. Дмитріевъ въ своихъ запискахъ при описаніи Пугачевскаго времени: въ Казани, въ монастырѣ, у раки св. угодника убитъ былъ столѣтній старецъ Нефедъ Матвѣевичь Кудрявцевъ.?»

(5) Къ отрывку изъ посланія къ женщинамъ, 1793 г., напечатанному выше на 2 страницѣ. Несправедливо говоритъ г. Галаховъ (с. 5), что Карамзинъ лишился матери по осьмому году.

(6) Всѣ эти книги составляли любимое чтеніе охотниковъ того времени. Еслибъ Карамзинъ не прочелъ ихъ въ ребячествѣ, то не зналъ бы и заглавій ихъ. Сравни слова о романахъ съ вышеприведенными его словами о себѣ: всѣ сказки, которыя воспаляли младенческое мое воображеніе и дѣлали меня въ ребячествѣ Донъ Кишотомъ.» Ясно, что то и другое воспоминаніе принадлежитъ къ одному времени. Именно желтый шкафъ есть также черта съ натуры.

Даира, восточная повѣсть, перев. съ Франц. (Н. Даниловскаго), два изданія 1766 и 1794.

Селимъ и Дамасина, Африканск. повѣсть, перев. съ Франц. 1761 г.

Похожденія Мирамонда, въ сочиненіяхъ Эмина, изд. 1763, 1781 и 1792.—

Библіографическія замѣчанія принадлежатъ г. Галахову въ его статьѣ о Карамзинѣ. (Современникъ 1853 № 1).

---

хоз
дост
внов
мы н
реш
зада
нить
что
пи-
го
Наст
ству
вер
тож
воли-
*Онъ*
*свою.*
недо
общ
ь въ
дпо.
смо-
уже-
она
овія
дох
мно
но-
ь въ
силъ
для
шло
енія,
ели-
нас
Пра-

Зд
въ П
9 Ав
церк
Пари
доват
балѣ
зинъ
зинъ
Сентя
невѣр

(1)
(2)
казска
(3) 1
дены
котор
(4) 1
записк
у рак
Кудря
(5) 1
на 2
зинъ л
(6) 1
Еслиб
заглав
вами
ніе и
воспо
есть т
Даи
изданія
Сели
Пох
Библ
Кар

# КЪ МОЛОДЫМЪ ЛЮДЯМЪ.

**(Напутственное слово законоучителя къ воспитанникамъ втораго выпуска Александровскаго военнаго училища) (*).**

---

*Жатва многа, дѣлателей мало; молитеся Господину жатвы, чтобы Онъ послалъ дѣлателей на жатву свою.* Матѳ. IX, 37—38.

Вамъ, молодые люди, приходится вступать въ жизнь въ такое время, когда жить становится особенно трудно. Вамъ, поэтому, съ особенною внимательностію нужно всмотрѣться въ самихъ себя, какія силы вы несете на служеніе обществу,—и въ окружающую среду, какія задачи она представляетъ для вашей дѣятельности, и какія условія даетъ для выполненія этихъ задачъ.

Новое время представило нашему обществу много новыхъ задачъ и вопросовъ для разрѣшенія вступающимъ въ жизнь поколѣніямъ. При всей напряженной работѣ силъ общественныхъ, чувствуется недостатокъ въ силахъ для разрѣшенія этихъ широкихъ и сложныхъ задачъ. Прошло то время фальшиваго, но успокоительнаго самообольщенія, когда мы съ гордостію говорили, что силъ у насъ вели-

(*) Перепечатано, съ согласія автора, изъ Августовской книжки Православнаго Обозрѣнія за 1865 годъ.

кое множество, только простора и дѣла имъ нѣтъ, и недостатокъ дѣла любили относить къ постороннимъ, не зависящимъ отъ насъ условіямъ. Прошло и то недавнее время восторженной напряженности, когда мы съ полною увѣренностію въ своихъ силахъ бросились на встрѣчу новымъ задачамъ и вопросамъ, другъ передъ другомъ спѣшили ставить все новые и новые вопросы съ полною увѣренностію, что у насъ достанетъ силъ справиться со всѣми ими, и жаловались только на медленность введенія этихъ вопросовъ въ жизнь общественную административнымъ путемъ. Настала пора раздумья и разочарованія въ себѣ. Мы чувствуемъ, что дѣла у насъ много, — только силъ для совершенія дѣла недостаетъ. Повсюду жалобы на недостатокъ въ людяхъ. Повсюду опасенія за успѣхъ вводимыхъ въ жизнь реформъ,—какъ бы эти реформы не остались безъ дѣйствія, или не были даже искажены, при недостаткѣ дѣятелей, способныхъ вводить ихъ въ жизнь общественную. Прекрасныя формы жизни, заимствуемыя изъ другихъ странъ, могутъ дать совсѣмъ не тѣ результаты, какъ тамъ, при дурныхъ исполнителяхъ. И такъ, все выходитъ шатко въ нашемъ общественномъ прогрессѣ: мѣры хороши, а исполнители плохи; дѣла много, а дѣятелей нѣтъ; и если бы можно было сказать—вино новое, а мѣхи старые,—нѣтъ, мѣхи поновлены, а вино часто выдохшееся,—форма блестяща, а содержаніе пусто. Жатва многа, а дѣлателей мало.

Отъ чего же это зависитъ? Мы не беремся указывать всѣхъ частныхъ причинъ этого явленія. Тѣмъ менѣе мы считаемъ своимъ дѣломъ пускаться въ обсужденіе и осужденіе внѣшнихъ, напримѣръ, административныхъ условій для развитія общественной дѣятельности. Наше дѣло указать только самыя общія, и собственно нравственныя, отъ насъ самихъ зависящія условія нашей слабой дѣятельности, нашихъ неуспѣховъ въ общественной жизни, въ предостереженіе вступающему въ жизнь поколѣнію, чтобы

оно, по возможности, избѣгало тѣхъ подводныхъ камней въ жизни, о которые всего болѣе сокрушаются крѣпость и успѣхъ дѣла общественнаго.

И прежде всего указанное грустное явленіе въ нашей общественной жизни зависитъ, кажется, отъ того, что у насъ много силъ растрачивается совершенно даромъ — въ ранней молодости, еще не достигшихъ полнаго образованія, не употребленныхъ въ дѣло. И вотъ вамъ первое желаніе, молодые люди: дай Богъ вамъ въ молодости сберечь свои силы крѣпкими и неповрежденными для труда серьезнаго. Свято храните и здоровье тѣла, и чистоту сердца, и трезвость ума, и крѣпость всѣхъ физическихъ и нравственныхъ силъ. Молодость, къ сожалѣнію, всегда бываетъ слишкомъ самонадѣянна и неразсчетлива въ своихъ силахъ. Въ молодости думается, будто жизни нѣтъ конца и силамъ нѣтъ мѣры. Простое горячечное напряженіе принимается за избытокъ силъ, который какъ будто нужно издержать какъ можно скорѣе. Молодость съ увлеченіемъ бросается на все, часто не соразмѣряя силъ съ тѣмъ, за что берется. Какъ будто въ сознаніи, что опытность есть преимущество жизни, молодые люди нерѣдко слишкомъ рано стараются быть опытными, и большею частію не въ томъ, въ чемъ слѣдуетъ. Преждевременно и искусственно возбуждаются и раздражаются страсти, и безъ того трудно сдерживаемыя въ молодомъ возрастѣ. Наслажденіе удовольствіями не въ мѣру доходитъ до притупленія вкуса къ удовольствіямъ, а въ иныхъ и до жалкаго пресыщенія жизнью. Здоровье тратится попусту отъ неразсчетливаго распредѣленія силъ и времени. Умъ, еще не укрѣпленный знаніемъ и мыслью, раздражается сомнѣніями и вопросами о такихъ предметахъ, съ которыми не подъ силу бороться и самому окрѣпшему уму. За недостаткомъ настоящихъ подвиговъ и волненій въ жизни, за недостаткомъ серьезной борьбы, — молодость нерѣдко выдумываетъ себѣ воображаемые подвиги, фальши-

вую борьбу, а силы-то тратятся на нихъ истинныя. Все— въ напряженіи, часто въ искусственномъ, фальшивомъ напряженіи... Жизнь преждевременно изживается,—преждевременно тратятся силы. А потомъ настаетъ настоящая жизнь, настоящій подвигъ,—силъ уже нѣтъ. Опять преждевременное недовольство жизнью, разочарованіе, иногда трусость передъ жизнью, плаксивыя жалобы на другихъ людей, или на какую-то, никѣмъ незнаемую, и всѣхъ будто преслѣдующую, судьбу. Вотъ печальная исторія многихъ поколѣній,—и вотъ главная причина недостатка силъ у насъ для дѣла общественнаго. Счастливъ тотъ, кто въ молодости не извѣдалъ этой исторіи и сохранилъ крѣпкія силы для серьезнаго подвига жизни. Трудно и, можетъ быть, несправедливо, было бы требовать отъ молодости, чтобы въ ней вовсе не было увлеченій. Этимъ, говорятъ, жизнь красится: да справедливо ли говорятъ и въ какомъ смыслѣ нужно понимать эти слова? Таковъ, по крайней мѣрѣ, непремѣняющійся законъ естественной, испорченной жизни человѣка, что дѣло въ ней всегда мѣшается съ бездѣльемъ и истина достигается путемъ многихъ ошибокъ. Но если же есть какой прогрессъ въ жизни, если новѣйшія поколѣнія въ томъ полагаютъ свое преимущество, что имъ досталось наслѣдіе прежнихъ: то можно же желать, чтобы горькіе опыты поколѣній предшествовавшихъ не остались безъ плода для послѣдующихъ, — чтобы молодые люди нынѣшняго времени серьезнѣе смотрѣли на жизнь и лучше дорожили силами, чѣмъ прежніе. Между тѣмъ, когда мы смотримъ на окружающую среду, грустно и страшно дѣлается за молодыя поколѣнія, вступающія въ жизнь: столько соблазновъ предстоитъ имъ, — и что всего опаснѣе—соблазнъ въ нынѣшнее время представляется не просто какъ соблазнъ, а чуть не какъ святое, нравственное требованіе жизни. Ложь выступаетъ подъ видомъ истины,—грѣхъ маскируется красотою нравственнаго долга. Являются у молодаго поколѣнія особенные руководители, намѣренно сбивающіе его съ твердаго пути; пропо-

вѣдуются цѣлыя теоріи, оправдывающія преждевременную, неразсчетливую растрату силъ. Проповѣдуютъ ученіе о правахъ и свободѣ плоти, дающее поводъ молодымъ людямъ оправдывать преждевременное и незаконное удовлетвореніе страсти, какъ разумную и законную потребность природы. Въ ущербъ гармоническому и цѣльному развитію духовныхъ силъ, изсушаютъ душу молодыхъ людей преждевременнымъ развитіемъ склонности къ сомнѣнію и отрицанію, даже не научивъ ихъ напередъ владѣть опаснымъ оружіемъ логическаго анализа и отрицанія. Проповѣдуютъ льстивую для юношеской лѣни мысль, будто для того, чтобы быть развитымъ человѣкомъ, нѣтъ надобности укрѣплять умъ серьезнымъ и труднымъ ученьемъ, а достаточно прочитать пять-шесть книжекъ новѣйшаго направленія, дабы изъ нихъ извлечь только такъ-называемые послѣдніе результаты современной мысли. Завлекаютъ молодыхъ людей, еще не извѣдавшихъ жизни, не укрѣпившихъ ума и характера, просто не разставшихся съ школьною скамьей, прямо бросаться въ водоворотъ общественной борьбы и въ ней нерѣдко навсегда губить свои силы, свою судьбу. Съ раннихъ лѣтъ стараются убивать въ молодыхъ людяхъ лучшія теплыя и безкорыстныя чувства и привязанности, святыя чаянія души человѣческой, самую дорогую вѣру въ жизнь и людей—жесткими и сухими матеріалистическими воззрѣніями на жизнь и людей. Лестны эти теоріи для испорченной природы человѣческой, потому что онѣ льстятъ всякой распущенности и бездѣлью, снимаютъ узду съ дурныхъ инстинктовъ человѣческой природы. Естественно, что онѣ съ успѣхомъ распространяются въ молодомъ поколѣніи, еще неопытномъ и жадномъ до всего новаго,—и сколько зла отсюда выходитъ!.. Дай Богъ, чтобы зло ограничивалось, по крайней мѣрѣ, только временнымъ омраченіемъ нѣсколькихъ молодыхъ умовъ. Избави Богъ, какъ бы имъ не были искалѣчены нравственныя и физическія силы почти цѣлаго поколѣнія...

Много силъ тратится и убивается у насъ попусту въ молодости; но если бы и въ зрѣломъ возрастѣ, когда мы дѣлаемся настоящими общественными дѣятелями, мы всѣ, по крайней мѣрѣ, бо̀льшую часть оставшихся силъ употребляли въ дѣло на пользу общества,—великая была бы въ обществѣ масса силъ дѣятельныхъ. Но не такъ бываетъ. И большая часть жизни посвящается у насъ такъ-называемымъ развлеченіямъ, удовольствіямъ, личнымъ интересамъ, просто праздности и бездѣлью, а не дѣлу. Лѣность, бѣгство отъ всякаго дѣла и преимущественно апатія къ дѣлу общественному — наши исконные враги. И вотъ другая причина вялости и шаткости нашего общественнаго прогресса. И вотъ другое благожеланіе вамъ, молодые люди! Дай вамъ Богъ, сохранивъ цѣлыя и крѣпкія силы для жизни и приготовивъ ихъ къ жизненной дѣятельности серьезнымъ развитіемъ, быть настоящими людьми дѣла, а не праздполюбцами, — не искателями однѣхъ забахъ, развлеченій, личныхъ выгодъ и т. п. Не новое что нибудь мы здѣсь высказываемъ. Въ наше время (и за это честь ему) всѣ говорятъ о дѣлѣ, и между молодыми людьми теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь прежде, можно услышать фразу: «нужно дѣло дѣлать!» Наше время по преимуществу называютъ временемъ дѣловымъ и собственно въ молодомъ современномъ поколѣніи зародился, говорятъ, въ послѣдніе годы цѣлый особенный типъ людей дѣла (реалистовъ), т. е. людей съ особенно-сильнымъ стремленіемъ и способностями къ дѣлу. Увлеченіе дѣломъ въ наше время доходитъ какъ будто даже до крайности. «Не нужно намъ людей чувства, говорятъ почти такъ, пустыхъ сантиментальныхъ фантазеровъ; — поменьше людей знанія и мысли, сухихъ доктринеровъ, — побольше людей дѣла; пожалуй, пусть будетъ и мысль, и чувство, но чтобы непремѣнно они имѣли дѣловое, практическое направленіе, —чтобы мысль, напримѣръ, только и занималась тѣмъ, что нужно ѣсть и пить, — а чувство только и чувствовало состояніе насыщенія и голода».

Но извѣстная истина: не всегда-то такъ бываетъ на дѣлѣ, какъ бываетъ на словахъ. Мы не станемъ подозрительно относиться къ серьезнымъ и дѣльнымъ стремленіямъ молодаго поколѣнія. Мы не будемъ слишкомъ строги къ нему, какъ строго оно часто относится къ поколѣніямъ прежнимъ. Во первыхъ, мы знаемъ, что далеко же не всѣ молодые люди принадлежатъ къ этому особенному типу молодыхъ людей, которые имѣютъ такое высокое понятіе о своихъ дѣловыхъ способностяхъ, и почему-то, ни съ кѣмъ не спросившись, считаютъ себя не только представителями молодаго поколѣнія, но выдаютъ, какъ будто все молодое поколѣніе въ нихъ заключается. Далѣе мы знаемъ, что и всегда во всѣхъ поколѣніяхъ бывали настоящіе люди дѣла, и бывали люди праздные, бездѣльные, иногда просто такъ и считающіе себя людьми праздными, бездѣльными, а иногда, напротивъ, еще болѣе самыхъ дѣловыхъ людей, любящіе выставлять себя людьми горячо и неутомимо дѣятельными, въ сущности же только имѣющіе ловкость отговариваться отъ дѣла красивыми фразами. Въ какомъ поколѣніи больше способныхъ и усердныхъ къ дѣлу людей: — въ томъ ли, которое выходило изъ школъ въ шестидесятыхъ годахъ, когда, говорятъ, и появился этотъ вышеупомянутый типъ людей дѣла — реалистовъ, или въ пятидесятыхъ, сороковыхъ, тридцатыхъ, — этого мы не станемъ рѣшать. Да и трудно въ этомъ отношеніи было бы сравнивать поколѣнія шестидесятыхъ годовъ съ поколѣніями хоть сороковыхъ, — потому что если о послѣднихъ мы кое-что знаемъ, каковы они были, что сдѣлали, кто между ними особенно отличился, какъ общественный дѣятель, то о первыхъ пока рѣшительно невозможно сказать опредѣленнаго сужденія, каковы они будутъ, и сколько изъ нихъ выйдетъ великихъ дѣятелей. Имъ принадлежитъ будущее,—пока мы отъ нихъ ничего не видали, пока мы только много слышимъ о нихъ. Мы не отрицаемъ того, что въ этомъ поколѣніи много дѣльныхъ людей. Намъ хочется вѣрить и тому, что въ немъ

больше выйдетъ дѣльныхъ людей, чѣмъ въ прежнихъ поколѣніяхъ. Этому такъ и быть должно; и иначе было бы безчестье молодому поколѣнію, потому что это поколѣніе живетъ позже прежнихъ, и живетъ при болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Но, именно ради самаго уваженія къ серьезнымъ и дѣльнымъ стремленіямъ молодаго поколѣнія желалось бы видѣть въ немъ меньше такихъ качествъ, которыя не служатъ признаками настоящей серьезности и дѣльности. И прежде всего, опасный для дѣла признакъ—это то, что многіе молодые люди слишкомъ уже много говорятъ о своихъ дѣловыхъ способностяхъ и стремленіяхъ. Болтливость и пустословіе—не признакъ дѣловыхъ людей. Кто на самомъ дѣлѣ дѣлаетъ дѣло, тому некогда, да и нѣтъ нужды много говорить о своей дѣятельности. У кого трудавая жизнь обратилась въ привычку, тотъ не станетъ вездѣ выставляться съ своими трудами, потому что они для него не составляютъ чего-нибудь особеннаго, необыкновеннаго, годнаго на выставку; они для него такое обыкновенное дѣло, о которомъ и говорить нечего. Кто много хвалится своимъ безкорыстіемъ, самоотверженіемъ, мужествомъ, это почти всегда вѣрный признакъ того, что случаи безкорыстія, самоотверженія, мужества слишкомъ рѣдки въ жизни такого человѣка: поэтому-то онъ и старается ихъ постоянно держать на глазахъ у себя и у другихъ, какъ нѣчто выходящее изъ ряду вонъ, какъ нѣчто необыкновенное. Точно также кто любитъ хвалиться своею дѣятельностью, — у того дѣятельность едва ли составляетъ привычку жизни.... Еще хуже то, что многіе, не дѣлая почти ничего, а только много говоря о дѣлѣ, не только другихъ стараются увѣрить, что они дѣльные люди, но и сами искренно увѣрены въ этомъ. Это довольно новое и очень опасное явленіе въ нашей общественной жизни. Въ прежнее время дѣлали дѣла мало, — по крайней мѣрѣ и не думали много о своей дѣятельности, и не придавали ей большаго значенія. Потомъ, не задолго до нашего времени, былъ, го-

ворятъ, въ нашемъ обществѣ особенный типъ людей, всю жизнь повидимому гонявшихся за дѣломъ, тосковавшихъ о дѣлѣ, и во всю жизнь почти ничего не дѣлавшихъ, частію по причинамъ отъ нихъ независящимъ,—частію по ихъ собственной винѣ, потому что они не умѣли найдти и приладить себя къ дѣлу, потому что они были искажены и испорчены въ самомъ воспитаніи,—потому наконецъ, что много еще оставалось въ ихъ натурѣ лѣни природной и отъ предковъ наслѣдованной, а убѣжденіе въ необходимости труда, напитавшее умъ и затронувшее сердце, не было на столько сильно, чтобы совершенно переработать натуру и весь строй жизни, искоренить старыя, непріязненныя труду привычки,—внѣшнихъ же возбужденій къ труду, при обезпеченности жизни, было мало. Много въ нынѣшнее время смѣются надъ этими, отживающими свое время людьми,—много укоряютъ ихъ за то, что жизнь ихъ прошла безслѣдно, и ничего не внесено ими въ общественное дѣло. Но не говоря уже о томъ, что этотъ послѣдній упрекъ далеко не совсѣмъ справедливъ, не говоря о томъ, что эти люди въ свое время имѣли болѣе оправданій для своей недѣятельности, чѣмъ бездѣльные люди нашего времени;—нужно отдать имъ справедливость въ томъ, что они, по крайней мѣрѣ, не обманывали себя и другихъ, не говорили много о своей дѣятельности. Напротивъ, такъ и считали себя людьми бездѣльными, мало того,—неспособными къ дѣлу, испорченными для дѣла, лишними въ жизни людьми. Силенъ былъ въ нихъ духъ самоиспытанія и самообличенія,—и этотъ благородный самообличенія духъ самъ по себѣ долженъ былъ дать нѣсколько добрыхъ залоговъ для общественнаго развитія. Вотъ этого-то самоиспытанія и самообличенія, къ сожалѣнію, мало замѣтно въ настоящее время. Большая часть людей нынѣшняго времени такъ довольна собой, что становится страшно за нихъ самихъ и за будущее нашего общественнаго развитія, потому что это довольство собою есть главный источникъ отупѣнія и нравственнаго застоя. Можетъ быть

въ началѣ просто по реакціи давнему привычному бездѣлью, въ нынѣшнее время особенно много стали говорить о дѣлѣ, и договорились до того, что оглушили самихъ себя своими словами, и праздныя фразы о дѣлѣ начали принимать за самое дѣло. Вотъ здѣсь-то большая опасность, какъ бы иные не удовольствовались даже этимъ. Тунеядецъ, сознающій свое тунеядство, все еще подаетъ надежды къ исправленію,—по крайней мѣрѣ своимъ примѣромъ онъ не слишкомъ вредно дѣйствуетъ на другихъ. Но отъ тунеядца, выставляющаго себя дѣловымъ человѣкомъ, рѣшительно нечего ожидать,—и онъ самое вредное явленіе въ обществѣ по нравственному вліянію на другихъ. Еще новый опасный для дѣла признакъ времени: между многими такъ-называемыми дѣловыми людьми современнаго развитія распространяются самыя поверхностныя и извращенныя понятія о дѣлѣ, не только обличающія въ нихъ незнакомсто съ настоящимъ дѣломъ, но, что̀ еще хуже, внушающія опасеніе за ихъ способность къ дѣлу и на будущее время. Мы уже упоминали объ одномъ изъ такихъ ложныхъ понятій; въ наши времена какъ-то слишкомъ рѣзко стали раздѣлять область практическаго дѣла отъ области мысли и чувства. «Поменьше намъ, говорятъ, философовъ — людей мысли, — вовсе не нужно людей чувства,— давайте намъ людей дѣла!» Положимъ, подобныя фразы ни что иное, какъ неловкое выраженіе мысли, имѣющей въ основаніи своемъ нѣчто справедливое, т. е., что мысль и чувство не должны заниматься предметами, совершенно отвлеченными отъ жизни, а должны имѣть практическое, близкое къ жизни направленіе. Но въ дѣлѣ серьезномъ и самая неточность выраженія мысли, спутывая и сбивая съ толку некрѣпкіе умы, можетъ принести много вреда. Вотъ не въ этой ли неточности беретъ свое начало распространяющееся въ нынѣшнее время легкомысленное и вредное пренебреженіе къ серьезной наукѣ, къ чистому искусству,—ко всему тому, чего мы хорошо не понимаемъ, и на этомъ основаніи считаемъ себя въ

правѣ совершенно отрицать? Не отсюда ли происходитъ и то, что у насъ иные преждевременно стремятся на поприще общественной дѣятельности, не кончивъ курса школьнаго образованія, и оставаясь плохими учениками въ школѣ, утѣшаютъ себя мыслію, что они будутъ великими общественными дѣятелями въ жизни? Пустыя мечты, ложныя представленія о дѣлѣ! Безъ знанія, безъ истиннаго одушевленія не можетъ быть настоящаго дѣла, — а тѣмъ болѣе важнаго дѣла общественнаго. Дѣло человѣческое должно быть не похоже на работу машины, или неразумнаго животнаго. Оно только тогда хорошо, когда управляется знаніемъ и согрѣвается одушевленіемъ. По этому, не отвращаться намъ нужно отъ людей мысли и чувства. Нѣтъ, дай Богъ побольше намъ людей мысли, обогащенной знаніемъ, и людей истиннаго одушевленія,— только тогда будутъ у насъ и настоящіе люди дѣла! И пусть поменьше будетъ такихъ дѣятелей, которые, подобно рабочей машинѣ, готовы дѣлать всю жизнь для самихъ себя невѣдомо что, безъ участія мысли и чувства, въ направленіи, какое угодно будетъ давать ихъ силамъ тѣмъ, для кого выгодно распоряжаться этими силами, какъ механическими силами. Другое, еще болѣе распространенное въ наше время, и не менѣе ошибочное и вредное представленіе о дѣлѣ,—будто дѣлать дѣло и стать дѣльнымъ человѣкомъ очень легко. Такое понятіе естественно можетъ образоваться при незнакомствѣ съ настоящимъ дѣломъ. Зная о трудѣ по наслышкѣ, или смотря на трудъ со стороны, очень натурально не замѣтить трудности труда. Отсюда легкіе взгляды, что мы способны ко всякому дѣлу, за какое бы ни принялись. Отсюда безпощадная строгость въ оцѣнкѣ чужихъ трудовъ, можетъ быть, и не безукоризненныхъ, но все-таки, какъ всякій трудъ, заслуживающихъ уваженіе. Слишкомъ скоры и щедры бываемъ мы на приговоры другимъ. «Тотъ ничего не дѣлаетъ, другой дѣлаетъ свое дѣло чрезвычайно дурно, а между тѣмъ дѣло, кажется, такое легкое,—намъ стоило бы толь-

ко приняться за него, и у насъ бы оно пошло совсѣмъ иначе». Нѣтъ, друзья, не обольщайте себя; такой взглядъ на дѣло больше всего показываетъ, что мы еще не знаемъ настоящаго дѣла. Смотря на трудъ со стороны, естественно, мы говоримъ, не видѣть трудности труда. Но не такъ будетъ разсуждать знакомый съ дѣломъ. Нѣтъ, никогда не обольщайте себя пріятною, но обманчивою мыслью, будто стать общественнымъ дѣятелемъ легко. Ничто серьезное въ жизни не достается легко. Какъ въ дѣлѣ образованія, такъ и во всякомъ дѣлѣ, по пословицѣ, корни бываютъ не вкусны, только плоды сладки. Кто желаетъ быть общественнымъ дѣятелемъ, долженъ приготовить себя къ тяжелому труду,—долженъ не о лаврахъ думать, а напередъ о терніяхъ, чрезъ которыя лежитъ путь къ лаврамъ. Иначе, приступая къ дѣлу съ слишкомъ легкимъ понятіемъ о дѣлѣ, мы на первыхъ же порахъ можемъ испытать разочарованіе. Первый опытъ покажетъ, что дѣло дѣлать далеко не такъ легко, какъ думалось, — и хорошо, если этотъ первый опытъ не охладитъ, не разочаруетъ насъ, а только образумитъ на будущее время. А то и такъ бываетъ, что иной, испытавши трудность перваго дѣла въ жизни, теряетъ потомъ энергію на всякое дѣло; а иной всю жизнь будетъ бросаться то на то, то на другое дѣло, —и никогда ни одного дѣла не съумѣетъ выдержать и довести до конца. Это стремленіе бросаться на все и ничего не успѣвать сдѣлать,—хвататься за самыя великія, за самыя широкія и, большею частью, не касающіяся насъ дѣла,—не умѣя дѣлать дѣлъ самыхъ простыхъ, собственно до насъ относящихся,—это также характеристическій признакъ времени, много мѣшающій успѣху общественной дѣятельности. За науку мы беремся, — намъ сейчасъ хочется перестроить ее въ самыхъ основаніяхъ, освѣтить новыми воззрѣніями матеріалъ науки, не давая себѣ труда напередъ изучить основательно этотъ матеріалъ, иногда, не имѣя самыхъ простыхъ элементарныхъ свѣдѣній въ томъ, о чемъ мы разсуждаемъ съ такою само-

увѣренностью. Въ общественной дѣятельности намъ представляется, какими мы могли бы быть великими государственными людьми, законодателями, организаторами, реформаторами общества. И между тѣмъ мы не умѣемъ быть просто исправными исполнителями самыхъ несложныхъ отправленій общественной дѣятельности—хорошими чиновниками, офицерами, учителями и т. д. Просвѣщать кого-нибудь хочемъ,— намъ всего противнѣе имѣть дѣло съ какою-нибудь азбукой, или ариѳметикой (оно же все-таки и труда и терпѣнья нѣкотораго требуетъ): то ли дѣло прямо взяться за политику и философію и сообщать своимъ прозелитамъ такъ-называемые послѣдніе результаты современной мысли. Порывъ гуманности и человѣколюбія пробуждается въ насъ, —мы прямо хотѣли бы облагодѣтельствовать цѣлое человѣчество, или ужъ, по крайней мѣрѣ, цѣлый народъ, а до того иногда и дѣла нѣтъ, что кто-либо изъ людей, самыхъ ближайшихъ къ намъ, терпитъ крайнюю нужду. Странное противорѣчіе считать себя способными къ великимъ дѣламъ, не умѣя дѣлать малыхъ. Но въ немъ опять высказывается прежде всего наша неблагородная привычка тянуться за лаврами побѣды, едва по наслышкѣ зная о борьбѣ, а потомъ наше непониманіе настоящаго дѣла: ибо кто же изъ людей понимающихъ станетъ думать, что дѣлать великія дѣла легче, чѣмъ малыя? Наконецъ здѣсь же находитъ себѣ убѣжище опять-таки та же наша лѣнь, пустота, любовь къ бездѣлью. Бросаясь въ высокія и широкія сферы дѣятельности, всего удобнѣе ничего не дѣлать, а казаться дѣлающимъ. Здѣсь удобнѣе ограничиться одними словами о дѣлѣ, или, если взяться за дѣло и ничего не сдѣлать, извинить себя широтою предпринятой задачи, силою противодѣйствующихъ обстоятельствъ, неимѣніемъ опоры въ окружающей средѣ и т. д. Понятно однакожъ, что такое отношеніе къ дѣлу не можетъ принести никакой пользы обществу; напротивъ, ничто болѣе не можетъ вредить ему, какъ это намѣренное усыпленіе и безъ того дремлющихъ силъ.—

обманчивый призракъ дѣятельности тамъ, гдѣ нѣтъ никакой дѣятельности. Только тогда общественное дѣло будетъ развиваться правильно, когда каждый изъ насъ будетъ исправно и добросовѣстно дѣлать прежде всего свое, хоть и малое дѣло, не мѣшаясь въ чужія. Тогда будутъ у насъ великіе дѣятели въ высшихъ общественныхъ сферахъ, когда будутъ вполнѣ исправные въ низшихъ, потому что, если кто является плохимъ и неспособнымъ дѣятелемъ въ высшей сферѣ дѣятельности,—это именно всего болѣе зависитъ отъ того, что онъ слишкомъ легко относился къ низшимъ сферамъ. Нужно всегда начинать съ малаго, чтобы быть способнымъ дѣлать великое. Мы не ту нравственную ограниченность здѣсь проповѣдуемъ, чтобы каждый ограничивался только механическимъ исполненіемъ своего дѣла, относясь совершенно безучастно ко всѣмъ прочимъ интересамъ общества и не обращая даже вниманія на то, какое значеніе занимаетъ его дѣло въ великомъ дѣлѣ общественномъ. Нѣтъ, пусть каждый по мѣрѣ своего пониманія и живости натуры, мыслью и сердцемъ принимаетъ участіе въ интересахъ общественныхъ, но пусть не представляетъ этого чѣмъ-то особенно важнымъ, пусть этому не придаетъ значеніе дѣла; кромѣ этого, пусть каждый изберетъ себѣ спеціальный кругъ дѣятельности, въ которомъ бы могъ приложить свои общія идеи о благѣ общественномъ, строго испытавъ напередъ, къ чему кто способенъ, или въ случаѣ затрудненія въ этомъ вопросѣ, слѣдуя простому указанію обстоятельствъ жизни и другихъ, болѣе опытныхъ людей. У кого есть великія силы, у того онѣ скажутся и въ малой сферѣ дѣятельности,—и сама собою будетъ расширяться для нихъ эта сфера, по мѣрѣ пріобрѣтенія нужной и для великихъ силъ жизненной опытности.

Еще одна изъ главнѣйшихъ причинъ недостаточнаго успѣха въ нашей общественной дѣятельности заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что у насъ очень мало

даютъ, или почти вовсе не даютъ значенія нравственности въ дѣлахъ общественныхъ. Извѣстная способность и нѣкоторая подготовка къ дѣлу, помимо всякихъ случайныхъ условій, у насъ все еще требуется отъ общественнаго дѣятеля; но что касается до нравственныхъ качествъ и требованій,—до нихъ, собственно говоря, никогда почти не бываетъ дѣла ни тому, кто принимаетъ на себя общественную дѣятельность, и никому другому. Правильная мысль, что добрая нравственность (а тѣмъ болѣе одинъ наружный видъ нравственности—лицемѣрная нравственность) сама по себѣ не можетъ замѣнить въ человѣкѣ способности къ извѣстному дѣлу, т. е. не можетъ дать обществу ни хорошихъ офицеровъ при недостаткѣ военнаго образованія и способностей къ военному дѣлу,—ни хорошихъ учителей при недостаткѣ знанія и педагогической опытности,—ни хорошихъ литераторовъ при неумѣньи писать и т. д. Но эту правильную мысль у насъ исказили, довели до крайности, извратили въ совершенно другую ложную и вредную мысль, что для общественной дѣятельности вовсе не нужна нравственность, что между общественною дѣятельностью и личною нравственностью дѣятелей нѣтъ, не можетъ быть, и не должно быть ничего общаго. У насъ никого не удивитъ, напротивъ, всѣмъ покажется совершенно справедливою въ сущности превратная и вредная мысль, что можно быть хорошимъ общественнымъ дѣятелемъ, прекраснымъ офицеромъ, образцовымъ чиновникомъ, отличнымъ двигателемъ народной промышленности и торговли—и быть въ тоже время человѣкомъ безнравственнымъ. Мало того—офицеромъ, чиновникомъ, — у насъ равнодушны къ нравственнымъ требованіямъ даже въ такихъ сферахъ жизни и дѣятельности, которыя главнымъ образомъ могутъ держаться на нравственномъ вліяніи. У насъ думаютъ, что можно быть прекраснымъ отцомъ семейства, образцовымъ воспитателемъ юношества, великимъ пророкомъ — карателемъ и учителемъ цѣлаго общества, поэтомъ, публицистомъ—и быть въ тоже время

человѣкомъ безнравственнымъ. Какіе плоды изъ этого? Во всѣхъ сферахъ общественной жизни—нравственное растлѣніе и зараза, отъ которой трудно уберечься самой чистой и самой крѣпкой натурѣ, которая не поддается никакимъ внѣшнимъ реформаторскимъ мѣрамъ, именно потому, что наружныя лекарства не помогаютъ тамъ, гдѣ корень болѣзни кроется глубоко внутри. Неправосудіе и лихоимство въ администраціи, обманъ и банкротство въ торговлѣ и промышленности, формальное исполненіе обязанностей почти во всѣхъ сферахъ государственной и общественной службы, угнетеніе или растлѣніе молодыхъ силъ въ образованіи и воспитаніи, — недобросовѣстность обращенія съ словомъ и мыслью, ради ловкой фразы и выгодной платы, готовая затуманить и развратить тысячи умовъ въ литературѣ, разладъ и ослабленіе самыхъ кровныхъ связей въ семьѣ, и почти совершенное отсутствіе связей общественныхъ, недостатокъ взаимнаго сочувствія, довѣрія и уваженія, холодность и апатія къ интересамъ страны и народа! Кто скажетъ, что эти страшныя нравственныя болѣзни чужды нашему общественному организму? И нечего жаловаться на нихъ и нечего надѣяться исправить ихъ какими нибудь внѣшними средствами, пока будетъ оставляться безъ вниманія самый корень этихъ болѣзней, пока у насъ не перестанутъ думать, что можно весь вѣкъ прожить отлично, и великія услуги обществу оказать, и пріобрѣсть всеобщее уваженіе, нисколько не заботясь о нравственности. Общество какъ будто или вовсе не задается самымъ вопросомъ о томъ, что̀ такое нравственность, или если и создаетъ себѣ извѣстные нравственные идеалы и требованія, то самые произвольные, до крайности ограниченные, нерѣдко вовсе превратные, и потому до крайности разнообразные и измѣнчивые, смотря по духу времени и характеру кружка, въ которомъ таковые идеалы и требованія создаются. Тамъ нравственностью называютъ умѣнье прилично вести себя внѣшнимъ образомъ, —прилично ходить, сидѣть, кланяться, говорить и т. п.;

въ другомъ мѣстѣ—современное нравственное требованіе, наоборотъ, эмансипація отъ всякихъ приличій, полнѣйшая безцеремонность и оригинальность въ одеждѣ, разговорѣ, образѣ жизни и т. п. Тамъ выше всего цѣнятся лицемѣріе и ханженство, а здѣсь вольномысліе и небрежность ко всему святому; тамъ больше всего поощряютъ безсловесность и рабскую покорность, здѣсь великимъ нравственнымъ подвигомъ считается всякая грубость и дерзость, особенно предъ высшими себя. Въ такъ называемомъ общественномъ мнѣніи опоры для прегражденія вредныхъ безнравственныхъ вліяній нельзя найти никакой. Оно большею частью остается равнодушнымъ къ самымъ возмутительнымъ и вреднымъ явленіямъ общественной нравственности,—иногда какъ будто вооружается грознымъ приговоромъ противъ общественныхъ пороковъ; но въ какую сторону направляется эта гроза общественнаго приговора, почему только въ ту, а не во многія другія, болѣе значительныя — это зависитъ отъ какой-нибудь случайности, или отъ внѣшнихъ обстоятельствъ: поэтому-то такъ часто и замѣняются требованія и приговоры общественнаго мнѣнія. Вчера оно съ безпощадною строгостью карало всякое необычное проявленіе самостоятельности и умственной силы, преимущественно въ молодомъ возрастѣ, а сегодня рукоплещетъ всякимъ проявленіемъ уже не самостоятельности, а просто проявленіемъ своеволія, и боится сказать правдивое слово такъ называемому молодому поколѣнію. Вчера оно подавляло своимъ презрѣніемъ увлеченіе и соблазнъ въ слабой женщинѣ (поощряя, впрочемъ, своимъ потворствомъ, а иногда и похвалами грубый, грязный и холодно-расчитанный развратъ мужчины, поставляющаго своею спеціальностью обольщенія и побѣды извѣстнаго рода); сегодня же общественное мнѣніе съ полнѣйшимъ равнодушіемъ слушаетъ и похваливаетъ за бойкость рѣчи новыя теоріи о томъ, что бракъ есть предразсудокъ, дѣвическая стыдливость и невинность — глупость, воздержаніе отъ

страстей—грѣхъ противъ природы, семейныя связи—деспотизмъ и т. д. Вчера общественное мнѣніе съ неимовѣрнымъ усердіемъ ратовало противъ взяточниковъ (конечно только на словахъ, на дѣлѣ взяточники всегда могли пользоваться почетомъ и всѣми выгодами общественнаго положенія),—сегодня же оно чуть само не начинаетъ опять склоняться къ тому мнѣнію, что безъ взяточниковъ общество существовать не можетъ, и возставать противъ нихъ—одно вольнодумство. Даже не вчера и не сегодня, а тутъ же въ одно время и въ одномъ мѣстѣ—въ одномъ извѣстное нравственное свойство подвергается приговору, а въ другомъ оно поощряется, напр. осуждается какъ низость всякое, даже и на разумныхъ основаніяхъ допускаемое, сознательное признаніе авторитетовъ—на словахъ,—и поощряется, какъ мягкодушіе и любезность, самое униженное прислуживанье передъ милостивцами — на дѣлѣ; — подвергаются осмѣянію и возбуждаютъ отвращеніе, какъ признакъ варварства, всякія проявленія грубости и дерзости на сходкахъ крестьянскихъ, — и вызываютъ въ иныхъ образованныхъ людяхъ тайное, а въ иныхъ и явное сочувствіе и удивленіе; подобныя же явленія въ самой высокой сферѣ общественной жизни—въ литературѣ. Наконецъ, къ довершенію всего, безнравственность возводится въ принципъ, оправдывается цѣлымъ строемъ нарочно придуманныхъ для того фальшивыхъ философскихъ теорій. Отвергаются вѣчныя, св. вѣрою заповѣданныя, разумомъ и вѣчнымъ опытомъ оправданныя начала нравственности, т. е. начала любви и самоотверженія. И на мѣсто того проповѣдуется эгоизмъ, какъ единственный двигатель, какъ живое начало всякой дѣятельности личной и общественной (а дабы открытая теорія эгоизма сама по себѣ не отталкивала своею явною нелѣпостью и безобразіемъ, проповѣдники этой теоріи стараются маскировать ее, объясняя слово «эгоизмъ» въ новомъ, ни для кого не привычномъ смыслѣ, приписывая ему вовсе не сродныя, отъ

тѣхъ же отверженныхъ началъ любви и самоотверженія заимствованныя черты, дабы путаницею словъ спутать самыя понятія въ обществѣ и съ большимъ удобствомъ пролить въ души довѣрчивыхъ людей ядъ въ подслащенномъ видѣ). Преклоняются съ благоговѣніемъ, какъ предъ великимъ философскимъ открытіемъ, предъ парадоксальною мыслью иноземнаго писателя, что нравственнаго прогресса въ обществѣ нѣтъ и не должно быть, что благосостояніе обществъ единственно зависитъ отъ одного умственнаго прогресса (накопленія знаній) и матеріальнаго (накопленія богатствъ). Такъ ли оно на самомъ дѣлѣ?. Да, вліяніе нравственныхъ силъ на общественное благосостояніе не такъ замѣтно, какъ вліяніе знаній и матеріальнаго довольства, потому что оно распространяется болѣе сокровеннымъ путемъ и касается не однѣхъ внѣшнихъ (часто обманчивыхъ) сторонъ общественнаго благосостоянія, а самой его внутренней основы. Конечно, и самой суммы нравственныхъ силъ въ обществѣ нельзя вымѣрить аршиномъ, вывѣсить фунтами, вычислить статистически съ такою же точностью, или, по крайней мѣрѣ, приблизительною вѣроятностью, какъ опредѣляется въ статистикѣ количество народнаго богатства, или количество грамотныхъ людей, учебныхъ заведеній и печатныхъ книжекъ, выходящихъ въ извѣстномъ году, въ извѣстномъ государствѣ (что впрочемъ еще не всегда служитъ вѣрнымъ показателемъ самаго умственнаго прогресса въ обществѣ). Поэтому-то, естественно, вліяніе нравственныхъ силъ въ обществѣ остается незамѣтнымъ для такихъ мудрецовъ нынѣшняго вѣка, которые на все смотрятъ съ грубо-матеріальной точки зрѣнія, которые привыкли все мѣрить на аршинъ, вѣсить на фунты. Но вѣрьте не ложному слову писателя, что *сѣмя святое есть стояніе міра*, т. е., что истинная нравственность есть самая коренная, самая глубокая основа благосостоянія не только отдѣльныхъ обществъ, но и цѣлаго человѣчества. Вѣрьте старой, въ старыхъ плохихъ учебникахъ часто повторяв-

шейся, а въ новыхъ лучшихъ, къ сожалѣнію, рѣдко встрѣчающейся истинѣ, что только добродѣтелями возвышаются, поддерживаются и процвѣтаютъ общества и государства, а упадокъ нравственный всегда служитъ въ нихъ источникомъ и предвѣстіемъ самаго политическаго паденія. Какъ это бываетъ непонятно развѣ не желающему понимать. Развѣ же въ самомъ дѣлѣ для общества все равно—будемъ ли мы привязаны къ своей родинѣ только потому, что здѣсь наши домы, имущества, и здѣсь намъ жалованье даютъ, или—по искренней любви къ отечеству, въ живомъ сознаніи тѣхъ нравственныхъ связей съ нимъ, которыя, можно сказать, со всѣхъ сторонъ обхватываютъ нашу жизнь? Развѣ для общестба все равно, будемъ ли мы участвовать въ его интересахъ на столько, на сколько они касаются нашего кармана или, наоборотъ, готовы будемъ, въ случаѣ нужды, жертвовать своими личными интересами для блага общественнаго? Развѣ для общества все равно, что мы не будемъ обманывать другъ друга, воровать, убивать только въ такихъ случаяхъ, когда это неудобно сдѣлать, когда чрезъ это можетъ выйти вредъ для насъ же самихъ, когда грозитъ страхъ полиціи и отвѣтственность предъ закономъ, или же, что мы будемъ отвращаться всѣхъ подобныхъ преступленій по своему нравственному чувству? Развѣ для общества все равно — будутъ ли распространены между его членами добрые, простые и строгіе нравы, или роскошь, чувственность, развратъ, изнѣженность, слабодушіе, видимымъ образомъ нравственно и физически растлѣвающія и убивающія общество? Развѣ для общества все равно — будутъ ли въ семьяхъ отношенія между мужемъ и женой основываться на однихъ случайныхъ увлеченіяхъ чувственности и расчетахъ корысти, и отношенія между родителями и дѣтьми на внѣшнихъ, строго опредѣленныхъ гражданскихъ постановленіяхъ,—или на высокомъ сознаніи святости семейнаго союза, благословляемаго самимъ Господомъ, на нравственныхъ началахъ взаимной любви, взаимнаго уваже-

нія, взаимнаго снисхожденія и т. д. Развѣ для общества все равно — будемъ ли мы исполнять въ немъ свои обязанности, я—священническія, вы—офицерскія, онъ—чиновническія только потому, что какъ будто какая-то судьба меня сдѣлала священникомъ, васъ — офицерами, его—чиновникомъ, и насъ здѣсь поятъ и кормятъ, а больше намъ дѣться некуда, по недостатку подготовки къ другимъ занятіямъ, или каждый изъ насъ будетъ исполнять свои обязанности по любви къ своему дѣлу, по высокому сознанію святости и важности его въ великомъ дѣлѣ общественномъ? Такъ, мы говоримъ, только уму, извращенному ложными теоріями, до фанатизма предубѣжденному противъ истины, на каждомъ шагу свидѣтельствуемой жизнью, можно не понять, какое вліяніе имѣетъ нравственность на благосостояніе обществъ. Она во истину есть глубочайшая основа самаго существованія и крѣпости ихъ, и никакое накопленіе богатствъ, даже никакое накопленіе знаній не спасетъ общество отъ погибели тамъ, гдѣ между членами общества будутъ распространены роскошь, чувственность, развратъ, лѣность, изнѣженность, взаимное недовѣріе, эгоизмъ, жесткость сердечная, холодность къ родинѣ, апатія къ интересамъ общественнымъ, наконецъ, какъ корень всякаго зла, недостатокъ прочныхъ убѣжденій и отсутствіе страха Божія въ совѣсти и сердцѣ.—Поэтому нельзя отдѣлять дѣла общественнаго отъ дѣла нравственнаго,—и всякому вступающему на поприще общественной дѣятельности, прежде всего нужно спросить себя: нравственный ли онъ человѣкъ. Всякому, желающему послужить обществу, прежде всего нужно дать обществу въ себѣ самомъ хорошаго члена. Всякому, ревнующему о прогрессѣ—усовершенствованіи общества, должно начать нравственное усовершенствованіе съ себя самого. Здѣсь нужно строгое самоиспытаніе, искреннее стремленіе къ нравственному совершенству, твердая рѣшимость на подвигъ и борьбу. У насъ наоборотъ бываетъ. У насъ иной готовъ все общество, все человѣчество преобразовать,

тысячи людей уму и нравственности научить, только о собственномъ исправленіи никогда не думаетъ, съ одною какою-нибудь мелкою страстью, или привычкой въ себѣ самомъ побороться у него рѣшимости нѣтъ. Стремленіе къ нравственному совершенствованію, личный подвигъ, борьба съ собой—для нашего времени непривычныя слова! Не удивительно, что въ наше время распространяется и имѣетъ успѣхъ грубое ученіе, что въ человѣкѣ свободы нѣтъ, борьба съ самимъ собой и личное усовершенствованіе—невозможны,—человѣкъ во всей своей жизни и дѣятельности—игрушка внѣшнихъ вліяній. Не удивительно, мы говоримъ, что этому ученію вѣрятъ тамъ, гдѣ какъ будто на самомъ дѣлѣ живется только по вліянію внѣшнихъ обстоятельствъ, гдѣ о нравственномъ усовершенствованіи, о личномъ подвигѣ, о борьбѣ съ собою и помину нѣтъ. Но пора же наконецъ пробудиться отъ такого усыпленія и разслабленія нравственнаго, угрожающаго крайнимъ измельчаніемъ характеровъ и утратой всякихъ личныхъ доблестей въ обществѣ. Пора признать, что всѣ наши фразы о благѣ общественномъ ни на шагъ не подвинутъ общества на пути истиннаго прогресса, пока мы будемъ оставлять безъ вниманія свое личное, нравственное благо. Не спрашивайте, какимъ образомъ каждый изъ насъ могъ бы принести пользу обществу своими личными подвигами и добродѣтелями, своимъ нравственнымъ усовершенствованіемъ. Нравственное вліяніе распространяется въ обществѣ, какъ мы уже говорили, путемъ не столько явнымъ, какъ распространяется напримѣръ знаніе, или богатство; способа его распространенія нельзя объяснить какъ-нибудь механически; но тѣмъ не менѣе оно есть фактъ несомнѣнный. Добрый нравственный человѣкъ уже тѣмъ однимъ приноситъ пользу обществу, что живетъ въ обществѣ. Кругомъ него на всѣхъ, имѣющихъ къ нему болѣе, или менѣе близкія отношенія, распространяется вліяніе добрыхъ понятій, добрыхъ чуствъ, добрыхъ привычекъ,—и трудно сказать, гдѣ будетъ предѣлъ распространенію этого добраго вліянія.

Жизнь человѣка нравственнаго въ обществѣ способствуетъ возвышенію строя общественной нравственности; очищенію—такъ сказать—самой нравственной атмосферы общества. Всякое общество имѣетъ свой нравственный строй, свою нравственную атмосферу; смотря по качеству этой атмосферы, одно общество называютъ безнравственнымъ, другое—болѣе нравственнымъ. Эта атмосфера имѣетъ такое же сильное вліяніе на понятія и нравы отдѣльныхъ членовъ общества, какъ сильно воздушная атмосфера вліяетъ на здоровье и физическое благосостояніе людей, живущихъ въ ней. Но и сама эта нравственная атмосфера не откуда-нибудь извнѣ посылается въ общество, а образуется подъ условіемъ нравственныхъ понятій, привычекъ и дѣйствій частныхъ членовъ общества. Общественная нравственность есть—такъ сказать—сумма, или средній показатель нравственности отдѣльныхъ личностей, составляющихъ общество. Сюда каждый изъ членовъ общества незамѣтно вводитъ струю своего вліянія, чистую и здоровую—хорошій нравственный человѣкъ, гнилую и вредную—человѣкъ дурной, безнравственный. Поэтому не безразличное дѣло для блага общественнаго—будетъ ли каждый изъ насъ нравственнымъ, или безнравственнымъ человѣкомъ. Всякій дурной поступокъ нашъ, всякая грубая склонность и привычка вноситъ растлѣніе и ядъ въ жизнь общественную, и всякій личный подвигъ, всякій шагъ на пути нравственнаго усовершенствованія, всякая, повидимому, незначительная, ни для кого незамѣтная, побѣда надъ какою-нибудь дурною склонностью и привычкою не остается безъ добрыхъ результатовъ для цѣлаго общества. Это особенно должно внушать намъ осторожность въ помыслахъ, чувствахъ и дѣйствіяхъ и поощрять на подвигъ нравственнаго усовершенствованія.

Но гдѣ же взять идеалы для уясненія и утвержденія своихъ нравственныхъ понятій? Гдѣ найдти силы на подвигъ и борьбу? Гдѣ путь къ нравственному усовершен-

ствованію? Вотъ, наконецъ, мы дошли до того, что главнѣйшимъ образомъ нужно нашему обществу для успѣха всѣхъ его добрыхъ начинаній и стремленій, и каждому изъ насъ для нашего личнаго усовершенствованія. *Азъ есмь путь, истина и животъ*, сказалъ Божественный Основатель нашей святой вѣры, и скорѣе небо и земля прейдутъ, чѣмъ утратятъ свое значеніе эти Божественныя слова. Послѣ этого нечего спрашивать, гдѣ намъ искать образцовъ, силъ и средствъ для нравственнаго усовершенствованія. Намъ, рожденнымъ, воспитаннымъ и живущимъ въ христіанствѣ, святая религія христіанская, кажется, не должна бы быть такъ чужда, чтобы не знать, какое великое сокровище нравственное мы въ ней имѣемъ. Живымъ союзомъ вѣры и любви соединяя души людей съ источникомъ всего истиннаго, добраго и святаго, святая религія христіанская проливаетъ свѣтъ истины, добра и правды во всѣ сферы человѣческой жизни и дѣятельности и не только представляетъ высокія правила и образцы нравственнаго совершенства, но и даетъ самыя благодатныя силы къ осуществленію ихъ, къ борьбѣ съ собою, къ побѣдѣ надъ злыми навыками и страстями. Читайте Евангеліе, читайте внимательнѣе Св. Писаніе—глубже вникайте въ духъ и смыслъ его—не однимъ умомъ, а живымъ участіемъ всѣхъ духовныхъ силъ, и вы найдете здѣсь полноту безконечно-высокихъ нравственныхъ идеаловъ и живое воплощеніе всѣхъ ихъ въ Божественной личности нашего Искупителя. Читайте исторію Церкви, читайте жизнеописанія святыхъ людей,—и здѣсь вы увидите множество примѣровъ тому, какъ святая христіанская вѣра, при самыхъ неблагопріятныхъ нравственныхъ условіяхъ окружающей среды, среди самаго глубокаго невѣжества и разврата общественнаго, умѣла всегда воспитывать и возвышать до невѣроятной почти для человѣка естественнаго нравственной высоты цѣлыя тысячи людей различныхъ половъ, возрастовъ и состояній общественныхъ,—увидите, какъ цѣлые народы изъ состоянія груба-

го и дикаго возвышены христіанствомъ на высокую степень прогресса и цивилизаціи до того, что теперь самое понятіе о народѣ цивилизованномъ почти всегда соединено у насъ съ понятіемъ о народѣ, просвѣщенномъ христіанствомъ; увидите, какъ въ цѣломъ человѣчествѣ во всей его исторіи самый строй нравственныхъ понятій и отношеній видимымъ образомъ измѣнялся, возвышался, облагороживался по мѣрѣ того, какъ христіанскія начала проникали въ жизнь человѣчества. Всматривайтесь внимательнѣе въ жизнь хорошихъ добрыхъ христіанскихъ семействъ и личностей, — только не лицемѣрно и не суевѣрно христіанскихъ, а такихъ, въ которыхъ святая вѣра служитъ не однимъ внѣшнимъ покровомъ, а глубокою основой и дѣятельнымъ началомъ всей жизни, въ которыхъ теплота религіознаго чувства соединяется съ твердымъ разумнымъ пониманіемъ самыхъ христіанскихъ началъ и человѣческихъ отношеній, —замѣчайте, чѣмъ различается жизнь такихъ людей отъ другихъ, которые живутъ не по духу Христову, и вы увидите, что христіанская вѣра не престаетъ и въ настоящее время дѣйствовать благотворно на души и сердца людей, въ томъ же самомъ обществѣ, при тѣхъ же самыхъ нравственныхъ условіяхъ, проводя глубокое различіе между чадами міра и чадами Христовыми. Наконецъ держитесь, сколько возможно, ближе общенія съ св. Церковію, пользуйтесь обильнѣе и чистосердечнѣе тѣми благотворными средствами нравственнаго преуспѣянія, которыя предлагаетъ она въ своемъ ученіи, въ своемъ богослуженіи, преимущественно въ св. таинствахъ,—и вы въ себѣ самихъ, въ своей собственной жизни, увидите благодатную силу Божію, побораюшую нравственныя немощи человѣческія. Такъ недалекъ отъ насъ полный глубокій источникъ нравственной жизни, изъ котораго каждый можетъ черпать въ свою пользу, сколько хочетъ! Къ сожалѣнію, почти всегда большинство людей старается какъ будто нарочно, подъ разными предлогами, обходить этотъ живоносный и не-

изсякаемый источникъ, и искать удовлетворенія и оживленія своимъ нравственнымъ силамъ въ какихъ-нибудь другихъ мелкихъ и мутныхъ, иногда даже и заразительныхъ кладенцахъ самодѣльныхъ человѣческихъ мудрованій. Не увидительно, что сила зла, такъ глубоко вошедшая въ природу человѣка, и имѣющая такую власть надъ нимъ, всячески отвращаетъ человѣка отъ свѣта и добра подъ разными благовидными и неблаговидными предлогами. Самый общеупотребительный въ такихъ случаяхъ предлогъ, которымъ лѣность наша прикрываетъ уклоненіе отъ пути христіанской жизни, есть высота, трудность, недостижимость христіанскаго идеала. Но въ томъ, конечно, и высокое достоинство этого идеала для людей всѣхъ нравственныхъ состояній, для человѣчества всѣхъ вѣковъ и всѣхъ ступеней развитія, что высоко стоитъ этотъ идеалъ надъ жизнью, и на неизмѣримую нравственную высоту онъ поднимаетъ съ собою жизнь человѣческую, и нѣтъ конца восхожденіямъ отъ силы въ силу для человѣка, располагающаго свою жизнь по этому идеалу. А съ другой стороны, въ христіанствѣ, не налагаются на человѣка непосильныя требованія, не требуется отъ него сразу—исполненіе всѣхъ заповѣдей и добродѣтелей закона христіанскаго, но съ любовію пріемлется каждый незамѣтный шагъ, всякое малѣйшее усиліе на пути нравственнаго совершенства. Здѣсь и малая лепта бѣдной вдовицы, отъ усердія влагаемая въ сокровищницу Церкви, цѣнится не ниже богатствъ многоцѣнныхъ. Здѣсь и чаша студеной воды, подаваемая жаждущему во имя Христово, даетъ мзду въ царствіи небесномъ. Въ наши времена пытались представить другой предлогъ для оправданія уклоненій человѣческой воли отъ нравственнаго закона Христова. Мудрецы вѣка нашли, что христіанское ученіе несообразно съ человѣческою природой, что нравственныя требованія христіанства устарѣли, что для современно-развитаго человѣчества нужны новыя нравственныя понятія, новые идеалы. Не ограничиваясь словами,

пытались, говорятъ, на дѣлѣ самыя формы нравственной христіанской жизни, какъ напримѣръ бракъ, или проявленія ея, выражающія чистую добровольную христіанскую благотворительность, замѣнить по своимъ понятіямъ, новыми, то слишкомъ свободными, то слишкомъ принудительными и деспотическими формами. Но гнилые и горькіе плоды подобныхъ попытокъ въ самое короткое время дали обществу почувствовать, какими гибельными результатами должно сопровождаться такое сознательное, намѣренное уклоненіе отъ христіанскаго нравственнаго идеала. Что же? Убѣдилось ли общество въ томъ, что внѣ христіанской религіи не можетъ быть истинной и крѣпкой нравственности, а слѣдовательно и самаго глубокаго залога общественной крѣпости, общественнаго развитія? Убѣдилось ли общество въ томъ, что религія христіанская поэтому должна быть положена въ основу всѣхъ реформаторскихъ попытокъ, всѣхъ прогрессивныхъ стремленій, всей общественной дѣятельности? Съ глубокою скорбію мы должны сказать, что для большей части нашего общества (мы разумѣемъ здѣсь не простой народъ, а главнымъ образомъ наше высшее, цивилизованное, просвѣщенное общество) религія составляетъ не глубокую основу жизни и дѣятельности, а только одно внѣшнее *decorum*, отъ котораго, пожалуй, инымъ было бы пріятно, но только кажется неприлично и опасно, совсѣмъ избавиться. И если выше мы справедливо говорили о томъ, что у насъ слишкомъ мало думаютъ о нравственности, какъ глубочайшей основѣ общественнаго благосостоянія и прогресса, то тѣмъ съ большею справедливостью мы можемъ сказать здѣсь это о религіи. Между прогрессомъ общественнымъ и религіей еще рѣшительнѣе, чѣмъ между общественнымъ и нравственнымъ дѣломъ, у насъ не признаютъ ничего общаго. Вотъ теперь, въ эпоху прогрессивныхъ стремленій и кипучихъ реформъ въ обществѣ, многимъ ли приходило на мысль, что напереди всѣхъ возможныхъ реформъ должна идти забота о томъ, чтобы дать религіи

больше значенія въ жизни народной, способствовать очищенію и возвышенію религіознаго пониманія и чувства въ простомъ народѣ, а еще болѣе въ такъ-называемомъ цивилизованномъ обществѣ, въ большинствѣ своихъ членовъ, доходящемъ до крайней степени растлѣнія религіознаго пониманія и чувства? Да увѣнчаетъ Господь желаемымъ успѣхомъ усилія тѣхъ немногихъ личностей, которыя прилагаютъ свою душу къ этому святому дѣлу; но большинство общества, искренно сказать, и до сихъ поръ объ этомъ почти вовсе не думаетъ; а есть и такіе люди, которые, отдѣливъ для религіи извѣстный уголокъ въ душѣ и жизни, и всячески стараясь сдѣлать этотъ уголокъ какъ можно меньшимъ, какъ будто даже боятся, какъ бы религія не перешла далѣе назначенныхъ ей границъ и не простерла своего вліянія на такія сферы жизни и дѣятельности, въ которыхъ признается ненужнымъ, даже опаснымъ вліяніе религіи. Иные какъ будто думаютъ, что возвышеніе значенія религіи въ частной и общественной жизни не только не будетъ полезно, но будетъ даже вредно. И это не какіе нибудь отъявленные радикалы—безбожники, нигилисты,—нѣтъ, иные почтенные отцы семействъ, патентованные учители и воспитатели юношества, руководители общественнаго сознанія въ наукѣ и литературѣ,—многіе такъ-называемые благонамѣренные и даже по своему—религіозные люди, съ отвращеніемъ и ужасомъ говорящіе о всеотрицающемъ нигилизмѣ, не подозрѣвая того, что этотъ ужасный нигилизмъ есть ни что иное, какъ родное чадо, логическій результатъ ихъ фальшивой благонамѣренности и религіозности, въ извѣстную недѣлю года отбывающей всѣ свои религіозныя повинности, а потомъ все остальное время потѣшающей себя легкими шутками на счетъ религіи. Что же опаснаго предполагаютъ подобные люди въ распространеніи религіознаго вліянія на общество?... Боятся они распространенія въ обществѣ какихъ-нибудь клерикальныхъ, іезуитскихъ тенденцій, подобныхъ тѣмъ, которыя мѣшали общественному прогрессу въ католическихъ странахъ за-

падной Европы? Но не говоря уже о томъ, что наша православная Церковь еще не подавала повода заподозривать себя въ какихъ-либо вредныхъ, систематически организованныхъ клерикальныхъ или іезуитскихъ тенденціяхъ,— нужно, по крайней мѣрѣ, дѣлать различіе между іезуитствомъ и истинною христіанскою религіею. Боритесь, если находите нужнымъ, съ проявленіями клерикальныхъ и іезуитскихъ тенденцій въ обществѣ, но изъ-за этого не лишайте же вовсе общества благотворнаго религіознаго вліянія. Или мы, неувѣренные еще въ своемъ умѣньи твердо идти путемъ прогресса, боимся опять воротиться къ тому общественному коснѣнію, въ которомъ, говорятъ, держало древнюю Русь исключительное религіозное вліяніе? Но, по совѣсти, нужно выражаться правильнѣе, не само по себѣ религіозное вліяніе, а исключительный характеръ его, по которому религія и въ древне-русской жизни въ послѣдніе періоды ея стояла только какъ внѣшнее *decorum,* а не проникала въ нравственную жизнь народа, всего же болѣе недостатокъ просвѣщенія, условливаемый многими печальными историческими обстоятельствами,—вотъ что привело нашу древнюю Русь къ застою и коснѣнію (если ужъ безъ всякаго спора допустить, что нашъ летучій прогрессъ последнихъ вѣковъ безконечно выше коснѣнія древней Руси). Напротивъ, можетъ быть именно только вліянію религіи— чуть ли не единственной нравственной стихіи, оживлявшей древне-русскую жизнь, — наши предки обязаны тѣмъ, что не обратились совсѣмъ въ грубый одичалый народъ, при недостаткѣ просвѣщенія, при разобщенности со всѣми цивилизованными народами, при тяжкихъ историческихъ испытаніяхъ, длившихся въ продолженіе многихъ вѣковъ. Наконецъ, можетъ быть, иные просто боятся того, какъ бы съ распространеніемъ религіознаго вліянія въ обществѣ не увеличилось число ханжей и лицемѣровъ. Да, хорошъ религіозный и нравственный строй общества, гдѣ о религіи нельзя подумать безъ того, чтобы не прійдти къ мысли о ханженствѣ и лицемѣріи,—гдѣ и на самомъ дѣлѣ

и человѣкъ истинно религіозный, и ханжа, и лицемѣръ подводятся подъ одинъ разрядъ людей лишнихъ и вредныхъ для общества... Что же? Пусть, гдѣ угодно, дѣлаютъ новыя попытки благоустройства общественнаго, помимо вліянія религіи; но пусть знаютъ, по крайней мѣрѣ, что рядъ этихъ попытокъ можетъ тянуться въ безконечность, и съ каждымъ годомъ можно всѣ старыя постройки перестроивать на новый ладъ,—и никогда не будетъ прочнаго успѣха въ работѣ, если не будетъ положено твердаго основанія общественному зданію. *А основанія иного никто не можетъ положить, кромѣ положеннаго, которое есть I. Христосъ* (1 Кор. 3. 11.). Помимо вліянія религіи, не можетъ быть въ обществѣ доброй нравственности, а слѣдовательно и прочнаго блага общественнаго. Для того, чтобы быть нравственнымъ, нужно прежде всего имѣть прочныя нравственныя убѣжденія, какъ твердую и постоянную опору дѣятельности. Но нравственныя понятія и убѣжденія не зараждаются въ обществѣ сами изъ ничего; это только люди, не имѣющіе яснаго сознанія о содержаніи своей собственной головы, способны такъ думать, что нравственныя понятія, которыми они и ихъ знакомые руководятся въ жизни, такъ сами собою неизвѣстно откуда берутся. Нравственныя понятія даются обществу или положительною религіею, или самодѣятельнымъ исканіемъ развитыхъ умовъ, т. е. философіею. Но что касается до философіи, то не говоря уже о томъ, что въ нашемъ обществѣ она едва извѣстна только по имени, она никогда и не можетъ дать прочныхъ нравственныхъ основъ для жизни цѣлаго народа уже потому, что сама нуждается въ прочныхъ основахъ,—и потомъ по самой произвольности, постоянной измѣнчивости, отвлеченности отъ жизни,—наконецъ по узкому, что называется субъективному характеру своихъ нравственныхъ теорій. Откуда же послѣ этого общество будетъ брать нравственныя понятія и убѣжденія, безъ которыхъ, какъ безъ хлѣба насущнаго, оно не можетъ и одного дня просуществовать, если оно вся-

чески будетъ стараться избѣгать вліянія религіи? Не имѣя ничего собственнаго, постоянно прислушиваться къ отголоскамъ чужихъ нравственныхъ мнѣній, слѣдовать то тому, то другому изъ нихъ безъ разумнаго основанія, мѣнять ихъ чуть не съ каждымъ днемъ,— такъ живетъ наше общество вотъ уже много десятковъ лѣтъ; но вѣдь, наконецъ, весь вѣкъ жить чужимъ умомъ постыдно, да и невозможно; и при такихъ условіяхъ нечего и думать серьезно объ общественномъ прогрессѣ, — можно только играть въ прогрессъ. Пора же, наконецъ, придти въ себя, и начать жить своимъ умомъ. Пора обратиться къ тѣмъ великимъ и неизсякаемо-глубокимъ сокровищамъ нравственной жизни, которыя заключаются въ нашей святой христіанской Вѣрѣ. Только тогда, какъ она утвердится въ основаніе всякаго общественнаго прогресса, будетъ у насъ истинный и прочный прогрессъ. «Блаженъ человѣкъ, утверждающій свою жизнь на ученіи Христовомъ. Онъ подобенъ, по словамъ самого Господа, мужу мудрому, который построилъ домъ свой на камнѣ; и пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры и устремились на домъ тотъ; и онъ не упалъ, потому что былъ основанъ на камнѣ. А человѣкъ, ищущій нравственныхъ основъ жизни внѣ Христова ученія, подобенъ мужу безразсудному, который построилъ домъ свой на пескѣ; и пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры, и налегли на домъ тотъ, и онъ упалъ и было паденіе его великое. (Мѳ. VII. 24—27).»

Этимъ я закончу свою послѣднюю бесѣду съ вами. Не осудите меня за то, если въ моихъ словахъ что-либо показалось вамъ слишкомъ рѣзкимъ. Конечно, я не хотѣлъ быть намѣренно рѣзкимъ, и особенно въ послѣдней бесѣдѣ; рѣзкость сужденій вѣрно вызывалась самымъ предметомъ ихъ, о которомъ хотѣлось поговорить искренно,— а искренность слова не требуетъ извиненій между людьми, знающими другъ друга. И не думайте принимать только на свой счетъ того, что было рѣзкаго въ моихъ словахъ.

Нѣтъ, оно относится не къ вамъ однимъ, и вообще не къ молодому только поколѣнію, — но можетъ быть еще болѣе къ намъ,—къ поколѣніямъ старшимъ. Но мы люди старшихъ поколѣній, уже болѣе испытанные и можетъ быть значительно испорченные жизнью, желали бы по крайней мѣрѣ въ васъ, наша надежда—младшія поколѣнія, не видѣть тѣхъ болѣзней, какими болѣли и болѣемъ мы сами, чтобы вы были лучшими людьми и достойнѣйшими дѣятелями общественными, чѣмъ мы. Жатва многа, дѣлателей мало; будемъ молить Господина жатвы, чтобъ Онъ въ новыхъ поколѣніяхъ послалъ достойныхъ дѣлателей на жатву Свою!

Свящ. А. Иванцовъ-Платоновъ.

14 августа. 1865 года.

---

Въ типографіи Бахметева, на малой Дмитровкѣ, № 14.

## ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Дѣтство, воспитаніе и первые литературные опыты Карамзина (*М. П. Погодина*). . . . . . . . . . . . . . . 1
Нигилистъ, Поэма (*Графа В. А. Сологуба*). . . . . 59
Восточный вопросъ (*Профессора П. А. Лавровскаго*). . 85
О народности и національности въ литературѣ (*М. А. Дмитріева*). . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 145
Памяти П. А. Плетнева, *Князя П. А. Вяземскаго*. . . 153
*Его же*: Посланіе къ П. А. Плетневу и Ѳ. И. Тютчеву. 157
Венеція (Фоографіи I—VIII). . . . . . . . . . . . 159
Замѣтки (I—VIII). . . . . . . . . . . . . . . . 178
Письмо К. Н. *Батюшкова* къ К. А. Карамзиной отъ имени неизвѣстнаго, со стихами . . . . . . . . . . . 186
Письмо *Батюшкова* къ Карамзину изъ Неаполя. . . . 187
Письмо *Карамзина* къ Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, по случаю кончины Императора Александра Павловича . . 189
Письмо *Жуковскаго* къ К. А. Карамзиной, по полученіи извѣстія о кончинѣ Н. М. . . . . . . . . . . . 190
Отношеніе *Графа Д. Н. Блудова* къ Министру двора Князю П. М. Волконскому, по случаю доноса на Карамзина, по его смерти. . . . . . . . . . . . . . . . . . 192
Переписка *Графа Каподистріи* съ Н. М. Карамзинымъ. . 195
Три дня на Итальянскихъ озерахъ, *С. П. Колошина* . . 211
Тьма изъ Байрона, *С. А.* . . . . . . . . . . . . 238
Кара судьбы, ломбардское преданіе, его-же. . . . . . 241
Письма о желѣзныхъ дорогахъ (*М. П. Погодина*):
Къ N. N. въ 1856 году. . . . . . . . . . . . 275
Записка для развлеченія въ дорогѣ, въ 1861 г. . 282
Къ М. М., въ 1862 г. . . . . . . . . . . . . 283
Къ Кобдену, письмо первое, въ 1864 г. . . . . 288
Отвѣтъ Кобдена. . . . . . . . . . . . . . . 290
Къ Кобдену, письмо второе. . . . . . . . . . 291

Bayerische Staatsbibliothek München

Къ Прудону . . . . . . . . . . . . . . . . 292
Отрывокъ изъ письма къ N N. . . . , . . . . 293
Отрывокъ изъ другаго письма. . . . . . . . . 294
Мнѣнія голоса и замѣчанія гласнаго по дѣйствіямъ Московской Городской Думы, 1863—1866 (*М. П. Погодина.*) . . 295
Замѣчанія на смѣту 1866 г., *его-же*. . . . . . . . . 356
Отвѣтъ на нѣкоторыя замѣчанія, *М. П. Щепкина.* . . 362
Общія замѣчанія о Думѣ. . . . . . . . . . . . 367
Программа Утра на будущее время (мнѣнія о текущихъ вопросахъ) *М. П. Погодина* . . . . . . . . . . . 385
Библіографическія извѣстія. . . . . . . . . . . 401
Къ свѣдѣнію всѣхъ Русскихъ людей. . . . . . . . 403
Объявленія. . . . . . . . . . . . . . . . . 408
Мальчикъ въ тулупѣ и лаптяхъ, *Ѳ. Н. Глинки* . . . . 411
Дорога, *М. А. Дмитріева*. . . . . . . . . . . . 417
Изъ Мицкевича, стихотвореніе *Н. В. Берга* . . . . . 420
Изъ Рюкерта, *А. Ѳ. Фета*. . . . . . . . . . . . 421
Просьба, *Н. С. Кохановской*. . . . . . . . . . . 422
Для біографіи А. С Хомякова, *Графа Д. Е. Остенъ-Сакена*. . . . . . . . . . . . . . . . . . . 426
О годѣ рожденія Карамзина, къ М. А. Дмитріеву, *М. П. Погодина*. . . . . . . . . . . . . . . . . 429
Примѣчаніе къ статьѣ о дѣтствѣ и пр. Карамзина . . . 432
Къ молодымъ людямъ, слово Св. *Платонова Иванцва*. . 433

---

## ОПЕЧАТКИ:

На с. 376, въ 5 строкѣ снизу слѣдуетъ читать: благодаря за отвѣты на мои замѣчанія, отвѣчаю и проч.

На с. 290 вмѣсто биржи должна стоять таможня.

На с. 336 строк. 18 напеч. Колминѣ, читай: Коломнѣ.

Послѣ 390 слѣдуетъ 401, вмѣсто 391.

С. 409, строка 1 вмѣсто: у меня нѣтъ, надо читать: у меня копія

На с. 409, строка 10 должна быть уничтожена.

Въ нумераціи вмѣсто числа 187 должно бы стоять 177, и т. д.

Bayerische Staatsbibliothek München

50-00

40-8

~~2~~ ~~1~~ 2
~~1007600~~
/ 64 2

M-09

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Pogodin, Michail Petrovič, 1800-1875

Utro

Moskva 1866

4 Per. 83 o
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10532756-2